

ОПАЛЁННЫЕ БЕСКОНЕЧНОСТЬЮ.

Или

Евангелие от Нсв. Сергея.

Предисловие от автора. Автор - Голованов Сергей Петрович.

Я хотел отыскать эти места на картах Европы и окрестностей - но не смог раздобыть вообще никаких карт. Так получилось.

Я хотел выудить хоть что-то об этих событиях в библиотеке - сумел только получить билет читателя, и не мог им воспользоваться. Так уж получилось.

Я пытался найти в Интернете хоть что-то похожее на эти события - и телефонная станция поменяла номера, и Интернет исчез. Так опять получилось.

Я пытался раздобыть новые номера телефонной станции - и добывал - но дозвониться по ним ни разу не удалось. Так всегда получалось.

С меня хватит. Пусть читатель решает сам, в конце концов - вымысел ли этот невероятно закрученный боевик, грянувший тысячу лет назад с такой силой, что осколки его уродуют реальность и сейчас, тысячу лет спустя. Или это та реальность, в которой нам приходится жить.

КНИГА СЭМА.

- Красивый зверушка...- прошептал толстый Сэм, прячась за тёплую скалу. И прикусил язык, ибо этот "зверушка" имел всё же размеры хорошего бычка и грацию пантеры. Как человек мастеровитый, Сэм умел разглядеть красоту даже и в этом ужасном драконе, который, правда, сверкал на солнце ,как золотой монетой крытый. Сэм отличался также осторожностью , которая только что в очередной раз спасла ему жизнь. Осторожный, мастеровитый и ещё мечтательный- при таких качествах трудно было предположить , что даже матёрые наёмники считают Сэма неплохим воином. Возможно, из- за его дружка Вейна, долговязого и сильного. В последней заварушке Сэм прикрывал его щитом и коротким копьём , пока тот не прорубил , наконец, фалангу герцога Бордо, тем самым спасая себя и дружка от петли за дезертирство, ну, и битву заодно вытаскивал. Пока соратники довершали разгром Бордо, дружки снова дезертировали, бежав с поля боя, хотя Сэм и отговаривал, из-за возможной награды, но Вейн возразил- зачем награждать, если нас дешевле повесить? Но это Сэма не убедило. Убедило указание на знаки Божьи, которые Вэйн постоянно видел в таких огромных количествах, что даже путался, и теперь вот валялся шагах десяти от Сэма. Золотистый дракончик уж очень ловко разделался с их небольшим отрядиком. Он выскочил из пещеры у дороги, пригнул безобразную клыкастую башку- и все шестеро просто рухнули, как куклы, под взглядом его мерцающих глазниц. Вчера вечером на сеновале Сэм слушал от Элианы такие искренние уверения в том, что дракон может убить взглядом, что поверил. И схитрил вовремя - захромал, отставая от группы перед этой круглой площадкой с чёрными зевами пещер, очень удобным, для засады, месте. Сэм цеплялся, при этом , за дружка, и пока тот сообразил, что Сэм просто " темнит" от страха, , те пятеро купцов отошли

шагов на сто. Засмеявшись, Вэйн бросил ему - "Догонишь, хитрец!" - и стряхнул его руку с плеча, и, через несколько шагов, шатаясь, мягко осел в дорожную пыль. И сейчас Сэм, кроме любования "зверюшкой", размышлял о том, что Вэйн, скорее всего, жив. Его ноги изредка и слабо, но дёргались. Смертоносный взгляд смёл сначала тех пятерых, а уж потом зацепил и Вэйна. Теперь Сэм выжидал, глядя на дракончика, чтобы выбрать момент и утащить дружка в более безопасное место. Что это не взрослый дракон, можно было догадаться по новенькой чешуе, а также по нападению на арьергард колонны. Взрослый дракон, который хочет есть, не станет ждать и облизываться, пока пройдёт колонна, а потом откусывать её хвостик. Взрослый дракон нападает, едва увидя добычу, поэтому, как обычно, во главе колонны гнали несколько коров. Арьергард - самое разлюбленное место для Сэма. Надо же - ошибся. Однако не мудрено - ведь зверь этот редкий, из преданий. Драконов вообще осталось мало. За всю жизнь Сэм видел только два раза, и то следы. А уж тех драконов, что взглядом убивают, вроде совсем не осталось, разве что в легендах. Сэм рассудил, что такой дракон, конечно, не всегда убивает взглядом. Этого ещё не хватало, чтоб всегда убивал. Эдак он бы всех до горизонта перебил. И потому Сэм без особой опаски смотрел и не дёргался, когда зверь поворачивал гибкую шею в его сторону. Сэм выглядывал из-за скалы, удобно развалившись на тёплом камне, и видел, как дракончик рвал клыками и когтями уже второго купца - только клочья летели, да кости хрустели, словно валежник под тележным колесом. Оголодал зверюшка. Второго жрал потише, чем первого, да и солнышко припекало - и Сэм дождался. Дракон ухватил обкусанное тело за ногу и поволок в прохладную пещеру, оставляя в пыли чёрную дорожку. Едва скрылся его толстый хвост, Сэм выкатился на четвереньках из-за своего каменного укрытия и уволок свою добычу ещё побыстрее дракончика. Только ноги Вэйна с сухим шорохом исчезли за камнями, как дракончик снова выскочил из пещеры. Сэм похвалил себя за осторожность. Дракончик и впрямь попался молодой и нервный. Не стал отъедаться в пещере, а решил сначала всю добычу прибрать. Зато теперь у Сэма появилось время, пока вражина перетаскивает всех покойников и вспомнит про шестого. Если он до шести, конечно, умеет считать. Когда зверюга уволок третьего, Сэм взвалил тяжёлое тело дружка на плечо, после чего запыхтел вверх, в скалы, пробираясь между круглых валунов и хватаясь за ветви кустарника. Мокрый от пота, он добрался, наконец, до более - менее ровной каменной терраски на склоне горы. Посмотрев вниз, понял, что забрался не очень высоко, но решил, что и этого хватит. Дракончик молодой, если и полезет сюда, то камней кругом навалом, их можно и на звук швырять, не высываясь под убийственный взгляд. Сэм развалился рядом с дружком, отдышался, закрыв глаза и остывая от жары на ветерке. Было тихо, солнце припекало, птички свистели. Затем снизу донеслись шорохи и повизгивания. Сэм осторожно посмотрел вниз - так и есть. Какой шустрый зверек! Уже крутится в камнях, сверкая чешуёй - или в запахах никак не разберётся, или до шести никак не сосчитает. Сэм залюбовался красавчиком - так и сверкает! Обиженный. Улыбаясь, Сэм подобрал камешек - "небольшой злодей" - и метнул вниз. С металлическим щелчком "злодейчик" отскочил от дракошкиной спины, а её обладатель тьякнул от неожиданности, присел и завертел башкой во все стороны. Сверху он казался смешным. Посмотрев наверх и принюхавшись, дракончик всё-таки кое-чего понял в запахах, потому что решительно полез карабкаться по следу. Ему было сподручнее, чем Сэму - без ноши, на четырёх лапах, да с когтями - и Сэм, покачав неодобрительно головой, решил уравнивать трудности, ибо его прибитый дружок очень это равенство уважал, да и Сэма научил. Выбрав булыжник "толстый злыдень", Сэм метнул его с терраски, целя много выше дракончика. Смотреть не стал - послушал, как внизу защёлкало, зашуршало и загремело - и только потом выглянул. Дракончик больше ничего не разнюхивал. Понузив голову, уходил в свою сторону, к берлоге. И впрямь, совсем щенок. Отступил при первой неудаче. Сэм осмотрел своего товарища - вроде дышит, и сердце бьётся, хотя и неровно. Сэм прикрыл его лицо от солнца полотняной сумкой, вытряхнув из неё всё, что напихала в дорогу Элиана - милая девчонка! Постаралась - круг сыра, хлебный каравай, бутылка красного вина, вяленая баранина, сало, яблоки. Сэму хотелось пить, да и

есть, и он выбрал яблоки. Как бывалый солдат, Сэм относился к желаниям так - их много, я один. Терпите, гады. Пить хочешь - ну и что? Хоти себе дальше, на здоровье. Воды всё равно мало, а вино в такую жару не питьё. Вечером можно и поужинать, и воды напиться, и вина, а пока яблоки. Сэм слопал их все, блаженно жмурясь, и вот тут снизу услышал перестук камешков. Он приподнялся на локте, испытывая досаду. Вот же неймётся дракончику! Вроде "договорились" - а он опять лезет. Сэм нащупал "Большого парламентаря" для переговоров, но выкатывать его не пришлось. Внизу по тропинке, меж валунов, спешила знакомая девичья фигурка в тёмной накидке. - Элиана! Я здесь! - Сэм привстал, помахал рукой. - Эй, Элиана! - Сэм! Что ты там делаешь?!- девушка радостно улыбалась. - Лезь сюда, Элиана! Быстрее - тут дракон рядом! - - Дракон?! А где...- но в середине вопроса до неё всё же дошёл смысл. И с пронзительным визгом девушка рванулась вверх по склону. Вскоре Сэм втащил её на терраску. Элиана дрожала, имея глаза размером с блюдце. Дракончик на шум так и не появился- может, не слышно было в пещере. Или уже спал, объевшись. Элиана, успокоясь и всё больше краснея, рассказала, что отец слышал их ночные шептания на сеновале, и вздумал поучить её скромности с помощью, на удивление боков, деревянной дубины, так что она еле вырвалась и еле-еле убежала, и деваться ей теперь некуда, вот и пошла за Сэмом в город, по горной тропе мимо страшного дракона. Сэм посокрушался злодейством отца за компанию, хотя и понимал, что дело, скорей всего, обстояло немного иначе. Деревня в долине, женихами бедна как обычно, а те, что есть - голь перекатная. Он - же, Сэм, не чета деревенщине, а солдат, впереди служба у короля Алана, жалованье, жизнь в городе. Наверяд ли отец за дубину хватался. Не дурак-пустил дочку вслед колонне, и не ошибся, надеясь, что проскочит в любом случае. Дракон своё ухватил, и теперь бока отлёживает, сытый.. Конечно, встретиться Сэм с Элианой в городе, тот не клюнул бы на такую наживку. В городе хватает девок. На каждой деревенской ночёвке жениться - он же не султан. Но тут клюнуть пришлось, с раненым на руках - хотя как он раненый - колдовство сплошное и загадка. И потому Сэм, не особо кривя душой, шумно выразил свою радость, после чего нежно поцеловал подружку в знак своей искренности. Элиана расцвела майским цветком, достала из объёмистой сумки припасы и вино, которые успела собрать, "уворачиваясь от отцовской дубины", и они славно поужинали. Сэм рассказал о печальном конце их бывших попутчиков, не особо печалась, потому что на своём служивом пути о покойников спотыкался достаточно долго, чтобы понять - покойники частенько приносят ощутимый доход для кармана. Сэм не стал уточнять - кого именно завалил дракончик. Сказал, что пятерых незнакомцев с каравана. Сэм ещё в деревне углядел в распахнутой поле у одного два кожаных мешочка, в каких возят золото королевские сборщики налогов. И четверо его спутников, вооружённые мечами, явно его охрана. Осторожный сборщик, опытный. Через перевал пошли пешком, отдав коней с их цоканьем и приманчивым ржанием в середину колонны. Не впервой, видать, хаживал через перевал собирать деньги с мелких дворян в долине, знал, что к чему, однако в этот раз не повезло. Сэм прикидывал, что в его мешочках - сколько их? - золота столько, что за несколько лет службы набегит, и его, и Вейна. Сборщик к обеду пошёл третьим блюдом. Дракончик уже сытенький, может и выплюнуть мешочки. Конечно, достать их сейчас невозможно. Надо подождать, спокойно подумать. Понаблюдать, да прикинуть. И потому на все уговоры Элианы утащить Вейна в деревню, Сэм возражал. Мол, дружку повредить может. А лучше бы ты, подружка, любезная, шла в деревню за одеялами и прочим, что необходимо от дождя и ночных холодов, да и припасов побольше, да вина. Сколько тут сидеть придётся - неизвестно. Не бросишь же дружка. Элиана сделала вид, что забыла про злого отца с дубиной, и согласилась, что ничего не остаётся. Ближе к вечеру упылила в деревню. Сэм принялся за вино с сыром, и за размышления. Конечно, королю дронов Алану солдаты требуются, и за платой он не скупиться. Это деньги верные. Стоило бы наняться. Всё вернее, чем пытаться отнять золото у дракона. С другой стороны, служба предстоит беспокойная. Это не крестьян усмирять, да порядок в стране держать во время мира. Тут светит война с "желтяками", что стоят под городом.

Вроде , говорят , мир заключили . , но это - для наивных . Война вот - вот , и явно проигрышная . "Желтяков" , говорят , тучи . Конечно , всегда можно дезертировать , если запахнет палёным , однако , как угадать - когда именно? В прошлый раз они с Вэйном малость поторопились , и едва в петлю не угодили . Сэм вспомнил , как Вэйн в таких случаях высматривал знаки Божьи , и тоже посмотрел по сторонам . Тепло , сытно , девчонка утром прибежит с едой . . Какая ещё служба у короля? Обождёт . К тому же дружок раненый . И деньги рядом , в пещере . Вейн бы сразу завопил , что все знаки означают сидеть здесь и глазеть по сторонам в поисках новых подсказок от Господа . Словом , Сэм допил бутылку , поблагодарил Господа за совет , и лёг спать , совершенно довольный . На другой день Элиана прикатила целую тележку , на которой , кажется , уместилось всё её приданное . Пока Сэм таскал его наверх верная подруга стояла на часах , выглядывая из - за скалы на пещеру дракончика . Для долгой стоянки терраска мало подходила , и Сэм к полудню разыскал другую , получше и пошире , под нависающей скалой , так что и дождь не был страшен . К вечеру Сэм перетащил имущество туда , и день завершился пыльными объятиями . После девушки Сэм приласкал бутылку с вином , и окончательно решил , что все знаки Божьи призывают остаться в столь приятном месте . На следующий день с утра пораньше Сэм отправился ещё знаки искать , прочитав перед своей разведкой небольшое нравоучение Элиане , об уходе за ранеными , потому как солдатская жена - всё уметь должна . И ушёл скакать по козьим тропам , цепляясь за траву и кустарники , а Элиана , наморщив носик , принялась приводить в порядок Вейна , который обгадился с обеих сторон . Сэм счёл это хорошим признаком . Значит , у дружка внутри всё работает . Надо ждать . Отлежится . Другого средства от драконьего взгляда Сэм не представлял . К полудню Сэм облазил все окрестности поверх драконьей пещеры . Это был очень покатый склон горы , где кое - где росла трава , кустики разные , но всё больше камни , камни и ещё раз камни . Самые разные , круглые , квадратные , мелкие и все прочие , какие только можно себе вообразить . Вейн бы сразу сообразил насчёт знаков Божьих , потому что постоянно их искал , но камней на склоне горы было так много , что и Сэм к концу дня сообразил считать их знаками , после чего окончательно решил попробовать завалить драконью пещеру , вызвав каменный обвал . Тем более , что Элиана сказала всего о трёх выходах из пещеры . Эту пещеру она помнила , поскольку в детстве всё тут облазила . Все три выхода рядом , их можно завалить одним обвалом . Три следующих дня Сэм только кидал камни по склону . Иногда ему помогала Элиана , каждый раз убеждаясь , что камни по прежнему тяжёлые , а Вейн наверняка обгадился , и потому ей надо возвращаться . Камни весело скакали вниз по спинам своих спящих братцев , увлекая их за собой и скапливаясь постепенно на уступах и террасках . К исходу третьего дня Сэм забрался так высоко , что и камни кончились , остались одни голые скалы , омытые дождями и иззубренные ветром . Уже почти в темноте он добрался до булыжника размером с конскую голову , как раз на линии своих рукотворных осыпей . Уже почти ничего не соображая от усталости , Сэм очумело принялся подкапывать его ножом , то и дело роняя нож из дрожащих пальцев . К тому времени он сильно вымотался . Ладони горели , колени ныли , все мышцы болели . Он не ел весь день , а фляжка с водой опустела ещё к полудню . Однако ему настолько надоело за три дня бросать проклятые камни , что он осатанел , и даже не думал , как будет возвращаться в темноте . К тому же дракон вполне мог уже слопать всех покойников к завтрашнему утру , если уже не слопал , да и уйти куда в другое место . Звёзды , казалось , высыпали раньше срока , лишь бы посмотреть , как мышь рождает гору . Когда булыжник , наконец , с глухим ворчаньем пополз в свой славный путь , он и Сэма чуть не прихватил с собой . Чудом удержав равновесие , Сэм припал к скале , и та задрожала . Пыльное облако потекло вниз , всё ускоряясь и разбухая , сметая по пути все каменные осыпи , накиданные раньше . Спустя пару минут славный молодец "конская голова" и его огромное войско прочно оседлали всю дорогу , да так , что не проехать , а уж о пещере и говорить нечего . Но Сэм увидел всю картину только утром , а вечером , едва добравшись до лагеря , рухнул на одеяла , напился вина и сразу уснул . Утром Элиана рассказала , что Вейн , наконец , очнулся вчера , выпил

много вина , немного поел , и снова отрубился , ничего не соображая , потому что вместо благодарности обозвал её нехорошим словом , а потом опять обгадился . Осмотрев завал , Сэм только в затылке почесал , не обращая внимания на божьих птах , что летали кругом и приветствовали чириканьем победителя дракона . Его посланец "конская голова" явно перестарался . Чтобы растащить камни для входа в пещеру нужно было очень много сил и времени . Однако это было не к спеху , пока дракон не подох с голоду . Но Сэм всё - таки послал Элиану в деревню за помощью , чтобы пришли хотя бы дорогу расчистить . И чтобы деньги собрали за такое хорошее дело , как завал дракона . Иначе на что продукты покупать? Правда Элиана долго отказывалась , причём с таким видом , словно он предлагал ей перекидать камни обратно в гору , а не привести людей . Элиана всё же ушла в деревню , но только после напоминания , что продукты всё равно кончатся . Скрип колеса тележки постепенно затих в густом зное солнечного дня , чтобы снова вернуться только под вечер . Элиана привезла вина , сыра и жаренного мяса . - Это последнее , что дал отец . - Элиана не поднимала глаз....- Он сказал , что тебе пора бросить бездельничать . Их там целая толпа собралась , и никто не дал ни гроша . Смеялись . Не верят . Только Лейн наверное , поверил...И он сказал , что таких дураков , которые драконов за бесплатно ловят , надо в клетки запирают и за деньги показывать . Они все за животы схватились . Чуть не лопнули от смеха . Кричали - поймал , ну и дурак . Мы его не просили . -

- Интересные люди , . - озадачился Сэм .

- Обычные . Как все . Это ты интересный.- обиделась почему-то Элиана .

- Пусть так . Но я тоже обычный ...Жаль , ты Вейна ещё не знаешь . Вот он интересный . Он бы меня понял . Но что теперь делать?-

- Как что? - удивилась Элиана . - В город пойдём . А твоего интересного засранца погрузим на тележку . -

- А дорогу надо расчищать или нет? -

- Кому надо , тот и расчистит . У нас всегда так , потому что обвалов хватает . А сюда никто не придёт , милый , . Не верят что дракон завален . Я тоже не верю . Вот он вылезет в другом месте - тогда поздно будет . -

- Пошли спать , бедное создание , - вздохнул Сэм . - Утро вечера мудренее . - Говорить про заваленное золото он не хотел . Пусть лучше Элиана считает его дураком . Им с Вейном не привыкать .

Элиана повеселела и козочкой взлетела на терраску . А Сэм наелся баранины , в досталь запил её вином , после чего долго убеждал Элиану , и отнюдь не словами , что жизнь прекрасна , а завтра будет ещё прекраснее ...- но немножко обманул - завтра пришлось таскать камни от пещеры .

С утра долго кормили Вейна . Усадив спиной к скале запихивали в рот по кусочку . Вейн пытался жевать , но мог только двигать языком . Сэм , ухватив двумя пальцами за щетину на его подбородке , двигал его нижней челюстью . Вейн изредка глотал . Пил гораздо охотнее , особенно вино . Наконец , замычал , выплюнул кусочек , и Сэм довольно сказал :- Наелся , обжора -

Его уложили на спину , прикрыли от солнца , после чего Элиана с надеждой сказала : - Сэм , сейчас он обгадится . -

- Вот уж нет , - убеждённо сказал Сэм . - Он уже всё понимает , и потерпит до вечера . Пошли камни таскать . Не переживай , тебе только мелкие . -

- Мелкие , - с горечью сказала Элиана , идя вслед за Сэмом , - Зато их много ...-

Во время кормёжки Сэм объяснил ей своё идиотское желание раскопать пещеру , поэтому она смирилась . Сэм придумал , что дракон обсыпан золотой чешуёй . Пока докопаются , он сдохнет с голода , можно будет обковырять его чешую и разбогатеть .

Вначале Элиана сомневалась , говоря , что рыба вон тоже блестит , а не серебро . На это Сэм ответил : - Так рыба не звякает . А дракон аж звенит - я сам слышал . - Сэму помогло соврать то , что в ушах и впрямь малость звенело тогда , и Элиана поверила . А вдруг золотой ?

Верхний край пещеры , в которой , предположительно , находился запертый дракон . , оказался погребён глубоко внизу под холмом из пыли и камней . Чтобы проникнуть внутрь , предстояло выбрать глубоченную яму в камнях . Их , проклятых , полдня выкидывали и выкатывали , а потом Элиана убедила - таки Сэма , что Вейн обгадился , и исчезла менять ему штаны до самого вечера . Вернувшись в темноте в лагерь , Сэм выслушал немного виноватое описание стирки штанов , которые в рассказе выходили огромных размеров . Сэм подумал , что завтра камни будут такими же тяжёлыми , и ничего не сказал . Копать там одному можно было месяц . Но наутро Элиана засобиралась в деревню за продуктами , впервые потребовав денег .

- Отец меня уже чужой считает . - сказала она . - С какой стати ему нас кормить ? И твоего засранца ?

-

Возразить было нечего и Сэм полез в мешок , где лежали их с Вейном заработки . И обнаружил , что их там нет .

- А за вчерашние продукты ему ты платила ? - спросил он , ещё на что - то надеясь .

- Нет? - Сэм понурился . - Куда же тогда делось моё золото ...

- Пятнадцать золотых монет , за полгода службы ...

Элиана обиделась , покраснела , и заявила , что она не воровка , и в этот раз даже купит продукты на свои деньги , что дал ей отец на дорогу . А деньги могли украсть только злые тролли , которые живут в этих горах , а Сэм дурак , если оставляет деньги без охраны в таких местах .

Ссориться с Элианой с раненым на руках Сэм не мог , и потому сделал вид , что поверил в троллей , для чего немножко поругал их , после чего принялся расспрашивать Элиану об этих воришках .

Однако девушка рассказывала с такой искренностью , и так подробно этих троллей описала , что Сэм не знал что и думать .

Может быть и впрямь тут обитает этот маленький волшебный народец . Элиана утверждала , что видела их , и не раз , вечером или утром , потому что дневной свет тролли не переносят , а ночью видят хорошо .

Конечно , сказки про троллей Сэм слышал и раньше , но это сказки . Однако теперь , когда и дракона увидел вблизи , можно было и в троллей поверить . Сэм отличался доверчивостью .

Ему легче было поверить , чем ссориться , и он сказал : - Ну , раз их украли злые тролли , то покупай продукты на свои , милая Элиана , а то с голоду помрём . Я просто подумал , что ты заплатила моими в прошлый раз .-

Элиана успокоилась и даже повеселела . Ссора не состоялась . , В троллей Сэм и верил и не верил , однако ночью долго не мог уснуть , а при каждом шорохе зло бурчал в темноту : - Эй ! Ворюга - тролль! Ты ещё пожалеешь ! Лучше верни золото - тогда прощу подлецов , как христианин . Идёт ? - В ответ изредка чудилось то ли хихиканье , то ли камушки скатывались .

Весь следующий день Сэм катал и кидал камни , и на другой день кидал и катал , и на третий . А на четвёртый прошёл сильный ливень , и пришлось для разнообразия черпать кашу из грязи и камней , что натекла в воронку со всего склона .

Весь в грязи , голодный , но не преклонный , Сэм неторопливо выкидывал мокрые камни , а верная подружка Элиана , потеряв терпение и усевшись на край воронки , осыпала его бранью и насмешками .

Сэм бормотал себе под нос и в утешение , что погоди , вот Вейн оживеет , тогда и посмотришь на настоящего - то дурака , а я - то что . При Вейне и деньги невесть откуда появятся , и ты , милая Элиана , примешься камни ворочать , причём рыдая от счастья , и ещё меня подгонять будешь .

Но это про себя , а въяве Сэм тяжело вздыхал и вытирал влажный лоб рукавом , после чего говорил что-нибудь миролюбивое , типа : - Какая ты красавица , или : - Вот раскопаю и мы разбогатеем . -

Такая христианская политика привела к успеху , и к вечеру Элиана снова ушла в деревню за продуктами , поклявшись , что это уже последние деньги , а потом они умрут с голоду . И Сэм и его засранец , если Сэм не бросит свои глупые раскопки и не пойдёт в город . Насчёт Вейна её обзывательство звучало уже несправедливо , ибо тот второй день по нужде ходил в кусты , хотя и с трудом .

Почти весь день спал , ел за троих , жаловался на слабость , и опять спал . На жалобы Сэма , что вот , денег нет , да Элиана вот .., хотя знаки все хорошие , Вейн пробурчал , что Господь знает что делает , с голоду не помрём , но ты , Сэм , поклянч у Господа денег , а то ему , Вейну , лень . И уснул .

Сэм только головой покачал , - ну и лентяй , - и ничего просить не стал , считая , что беспокоить Господа по пустякам не к лицу .

Вейн , тот постоянно что - то клянчил , и выклянчивал , а Сэм так не мог , считая , что Господь и сам вознаградит , когда сочтёт нужным , труды Сэма .

Может быть , Господь и впрямь выбрал время для Сэма , или просто повезло , но на следующий день труды его и впрямь вознаградилась , хотя и не так , как он рассчитывал .

В полдень к обвалу подошёл воинский отряд со стороны королевства дронов . Сэма без долгих разговоров притащили под светлые очи Магистра Ордена Святого Креста , который командовал отрядом . Сэм знал , что тот возглавляет тайную службу короля Алана . В деревне о магистре говорили , понизив голос и оглядываясь .

- Кто такой ? - хмуро спросил магистр , опёршись на луку седла .

Лошадь его насмешливо фыркнула в лицо Сэма , и тот вежливо доложил , кто он , откуда , куда и почему роет дурацкую яму в каменном завале . Сэм выложил ту же сказочку о золотой драконьей чешуе , которую ему хочется обковырять .

Конечно , не хотелось походить на наивного человека перед магистром , но и про сборщика налогов

с его золотиносными мешочками рассказывать было нельзя . Золото , в конце концов , королевское .

Сухощавое лицо магистра по мере рассказа явно теряло суровость . Магистр даже наклонился с коня и тихо спросил : - Так ты уверен , что дракон завален ? -

- Да . - твёрдо ответил Сэм , не понимая волнения магистра .

- Я тут уже вторую неделю , а он всё не показывается .Значит завален . -

Магистр ловко соскочил с коня и со вздохом сказал : - Это ничего не значит , Сэм . Возможно дракон отсыпается , а потом вылезет выше или ниже . -

Магистр знал , что говорил . Прошлая стычка с драконом обошлась ему в четыреста трупов , про которые он не вспоминал , и в трёх послушников его Ордена Святого Креста , про которых магистр сожалел едва ли не ежедневно . Приходилось быть осторожным в своих надеждах .

Магистр приказал начать расчистку дороги , и дружный грохот камней , отлетавших от десятков рук , зазвучал для Сэма нежной музыкой . Магистр отвёл Сэма в сторону , где расторопные послушники уже разбили место для короткого привала . Походный обед состоял из тёплого вина и холодной телятины .

Поскольку подружка до сих пор ещё не пришла , Сэм не заставил себя упрашивать , когда его пригласили . Мало того , временами чавканье и треск за ушами просто мешали расслышать Сэму слова магистра , который деликатно отвернулся , отщипывая свой обед от большой виноградной кисти .

Магистр смотрел на жующего голодного парня , грязного , толстого , с глупыми глазами - пуговицами , и говорил , что король дронов , разумеется , берёт на службу и Сэма , и его дружка Вейна , прямо с этой минуты берёт - ибо опытных воинов не хватает . Служить они будут во дворце , обучать крестьян и горожан воинскому делу .

Хотя сейчас с желтяками установленный добрый мир , магистр уверен , что этот мир будет ещё лучше с каждым новым воином в их рядах . Магистр говорил , разглядывая нового наёмника , и вспоминал ночь , освещённую факелами и стогами горящего сена . Их спускали сверху на телегах , но дракон уворачивался , уходил в пещеры , и снова появлялся , убивая всех , кто попадался на глаза .

Стрелы отскакивали от драконьих боков , копыта только шкуру пробивали , . Дракона не победили - он просто ушёл из этих беспокойных мест , где всякая вредная мелкота не давала спать .

Появлялся он и позже , но вскоре уходил .

Теперь магистру пришло в голову , что лучшее средство против дракона не огонь , а то самое , что применил этот толстый паренёк .Обвал . Заваливать и заваливать его пещеры .

Пусть долго , но безопасно и действенно . Магистр всё никак не мог прийти в себя от подарка этого бродяги , но надеялся , что тот ничего не заметил . Загордиться ещё . А гордыня - грех .

Поэтому магистр во время обеда говорил о будущем , в основном .

Эта дорога через горы - единственная прямая и короткая , ведущая в обширные страны желтяков . Только по ней идёт торговля и снабжение столицы дронов , что находится по ту сторону гор . Желтяки были бы счастливы перерезать эту дорогу , и дракон наверняка подброшен ими .Пусть этот не тот,

прошлый дракон - тот был взрослым , а этот ещё маленький , но он вырастет .Конечно , тут желтякам помогли их союзники - тролли .

Как христианин , магистр в них , конечно , не верит , но надо же с реальностью иногда считаться . Как мог выжить и вырасти в этих горах маленький дракончик , наверняка сыночек того , большого дракона , если бы его не кормили тролли ?

Теперь он достаточно подрос , и вот уже изредка нападает на отдельных купцов . Если бы Сэм не завалил его , в будущем , он мог бы причинить немало хлопот . Конечно , выкопать дохлого дракончика было бы неплохо . Обсыпана его шкура золотом - это неизвестно , однако магистр в любом случае заплатит за эти раскопки . Чучело этого дракона , выставленное у деревни , сразу положит конец всем купеческим страхам , а оживление торговли - дело нужное .

Поэтому пусть Сэм считает себя на службе короля , и копает свою яму , с божьей помощью . Сэм воспользовался моментом , и рассказал , что тролли , в которых он тоже не верит , украли его плату за год , и денег нет , хоть помирай с голода .

Если б не подружка , что тратит свои деньги , так бы и померли , поэтому неплохо бы плату за службу получить вперёд , сколько магистр сочтёт нужным . Магистр кивнул послушнику , и тот отвязал от седла резной ларец .

Сэму понравилось , как магистр заплатил - не считая , доставал горсть за горстью золотые монеты с равнодушным выражением лица . Сэм насчитал потом сто двадцать три монетки , и долго не мог в это поверить - всё пересчитывал и пересчитывал . Ну и магистр . Так щедро на памяти Сэма не платил никто , и Сэм отнёс эту щедрость на счёт Божьей помощи . Наверное , её Вейн попросил , когда проспался .

Когда к вечеру дорогу для проезда прочистили , магистр с отрядом уехал обратно в город, пожелав Сэму успехов в раскопках и оставив вина и телятины . Сытый и довольный , Сэм добрался до терраски уже в темноте . После чего обкормил и напоил дружка Вейна , который уже чуть не плакал от голода . Засыпая , Сэм помечтал , что его верная подружка решила больше не возвращаться , а бросить его , Сэма , дурака нищего .

Но утром скрип тележного колеса разрушил все мечты толстого Сэма . Просто Элиана решила таким запозданием сделать из Сэма овечку , дрожащую от голода , согласную на что угодно за кусок хлеба . Дорога в город ждёт их , и пора гнать жениха на воинскую службу , в город . Дружок Вейн почти выздоровел , а чешуя у дракона всё равно не золотая - все так говорят .

Всё это она выложила Сэму вместе с бутылью вина и прочими припасами , когда он спустился её встречать . Сэм ответил , что утро вечера мудренее , всё перетачил и принялся отдыхать целый день , то пробуя вино , то Элиану . Насчёт вина неизвестно , но Элиане понравилось , и она невесть что придумала .

Она сказала Сэму ,что её давно зовёт к себе жить тот самый Лейн , который про дракона поверил , и что теперь она надумала согласится .Сэм только позавидовал этому пройдохе и мысленно пожелал счастья обоим .

Но дальнейший план хитрой подружки заставил его очнуться от дрёмы и даже сесть . Элиана , гордая своей хитростью , обещала тайком таскать продукты у этого Лейна , а потом , когда Сэм раскопает драконью могилку , бежать с Сэмом в город .

В этом плане всё Сэму не понравилось , и он так и сказал .

- Тогда придумай что другое . - сказала Элиана .

- Я уже придумал - начал врать Сэм , вспоминая для вдохновения Вейна , который врать умел как никто .

- Я велел троллям вернуть моё золото .Конечно , они не хотят .. Но я знаю такие заклинания , что тролли всё вернут. И нечего по всяким ухажёрам шастать . Ишь , обрадовалась !

- Так ты колдун , да ? - с сомнением спросила Элиана , - И не похож вовсе . Они старые . -

- А откуда они берутся , старые ? - зарычал Сэм , в очередной раз опрокидывая бедную наивную девушку . - Сразу так с бородами рождаются ? -

Элиане на это ответить было нечего ,тем более , что Сэм всё равно не давал ответить , и к вечеру они вдвоём , хоть немного , но покидали камней из ямы , для отдыха от безделья .

Грязь , которая после дождя скатилась со склона , уже подсохла , и стенки ямы как бы затвердели . Глубиной в полтора роста человека , эта яма раньше постоянно пополнялась осыпью со своих стенок , но теперь можно было спуститься или подняться , не отправляя в яму ни камешка . Работа пошла быстрее . Мелкие камни швыряла Элиана , покрупнее - Сэм .С очень крупными камнями приходилось подниматься , а потом уже перекидывать через край . Лентяйка Элиана , хотя и работала до темноты всего ничего , на обратном пути хныкала и жалела себя , бедную , которую злой Сэм не весть за какие грехи устроил на каторгу , и впереди грозит голодная смерть .

- Тролли принесут золото .Завтра же утром .- не вытерпел Сэм её нытья .

Накормив Вейна , он быстренько уговорил Элиану , что жизнь хотя бы ночью прекрасна , а вовсе не каторга . Она с этим не спорила , и вскоре дрыхла , вполне счастливая . А Сэму пришлось отваливать камень над золотом магистра . Он достал ровно десять монет и положил их на одеяло , которым укрывалась Элиана .

Разбуженный горячими лучами солнца , Сэм сладко потянулся , всё вспомнил и поднял голову . Чудо случилось .Притихшая Элиана нежно ему улыбнулась ,нарезая баранину к утренней трапезе .

Сэм кисло поинтересовался , чего это девица светится , как будто ей тролли денег невесть сколько натащили ? Элиана ответила , что натащили ,но всего пять монеток , вот они , а она и впрямь ошарашена таким великим колдовством Сэма .Ведь с троллями невозможно договориться .

- Но почему пять ? - возмутился Сэм . - А остальные где ? -

- Сколько было столько и принесли -ответила подружка рассудительно . - Ты ещё колдуй , они ещё принесут . -

Сэм открыл было рот , чтобы разоблачить коварство подружки , но тут посмотрел на спящего Вейна , и сказал , что Элиана хорошая хозяйка и молодец.

И нежно поцеловал хорошую хозяйку , нащупывая бутылку с вином .Почти весь день работали вдвоём , и изрядно углубили яму .

Около полудня со стороны деревни прошёл караван ,небольшой , с десятком солдат для охраны .К

вечеру прошёл ещё один , из города , большой и настороженный . Всё расспрашивали Сэма - точно ли дракон завален , соглашались , что завален , называли молодцом , и тут же улепётывали , со страхом поглядывая на склоны горы . Вейн к вечеру совсем ожил . Он сидел рядом с бутылкой , свесив ноги с терраски и швырял камешки вниз .

- Что мы тут делаем , Сэм ? - с любопытством спросил он .

Сэм обрадовался и принялся рассказывать про яму , которую копает . Поскольку рядом была Элиана , Сэм попытался увести Вейна для осмотра этой ямы , чтобы сказать правду о золоте сборщика , однако Элиана тоже потащилась , и пришлось Сэму выкладывать свою сказку о золотой шкуре , которую надо обковырять .

Конечно , Вейн тут же , при поддакивании Элианы , заявил , что это чушь . Шкура не может быть золотой . Нет , во первых , таких дураков , чтобы наклеивать на дракона золотые монетки , а во вторых , где это видано , чтобы золото само выросло - хоть на дереве , хоть на шкуре . Хотя , вообще говоря , обклеить дракона монетками - это очень неплохая мысль . Во - первых , никто не отнимет , во вторых , никто шкуру не пробьёт , но кому это нужно....

- Троллям !!!- заорал Сэм , - Это они его обклеили !

- Они жадные . - возразила Элиана . - Они бы скорее его ободрали до монетки , подлецы .-

Сэм её не слушал , твердил про троллей и тащил Вейна к яме , невзирая на сумерки . Вейн часто начинал за здоровье , кончал за упокой , всегда со всем соглашался , никогда ни с чем не соглашаясь , поэтому Сэм был уверен в поддержке товарища . По дороге Вейн рассказал , что и не помнит почти ничего , даже дракона . Всё тело , как чужое , ни руки , ни ноги не шевелятся - тоска . И так болтать увлёкся , что чуть в яму не свалился , когда пришли на место . Яма ему понравилась .

- Вот это яма , - сказал , - Сэм - ты молодец ! Надо копать дальше . Не до конца докопанная яма - это знак Божий , что её надо докопать до конца .-

Элиана так была ошарашена этим заявлением , что ничего не возразила . Сэму стало её немножко жаль , и ночью он выложил на её одеяло снова десять монет , хотя собирался сначала пять .

Утром оказалось , что тролли вконец ожаднели - Элиана нашла только три монетки . Как Сэм ни возмущался жадностью маленьких негодяев , Элиана стояла на своём , почему - то кивая в оправдании на Вейна , который жрёт за троих , после чего опять ушла в деревню за продуктами .

Когда она ушла , Сэм рассказал Вейну , что они уже приняты магистром на службу , уже получили сто с лишним золотых , и что в пещере золото сборщика налогов , а вовсе не шкура , за которую уже заплачено магистром .

- Я сразу понял , что это знак Божий . - довольно сказал Вейн , и они пошли копать яму . Впрочем , Вейн часто отдыхал , а к полудню и вовсе ушёл , еле переставляя ноги .

Вечером вернулась Элиана , усталая и хмурая . Довольные рожи приятелей , которые сразу принялись наперегонки обжираться , веселья ей не прибавили , хотя Сэм и пытался поднять настроение своими домыслами , что тролли , раз уж принялись обклеивать дракона деньгами , наверняка обклеили его в несколько слоёв . Это ведь умнее , чем в один слой - дракона тогда и копьё не возьмёт . Вот раскопаем , и всё золото наше .

Ведь гораздо разумнее копать эти монеты здесь , а не идти за такими же монетками в город и делать там за них всякие дурацкие вещи , которые придут в голову королю и прочим командирам .

Элиана не знала , что возразить , и на следующий день работали почти весь день втроём , что сильно сказало на глубине ямы .

Правда , в конце дня камни ворочал один только Сэм , а Вейн с Элианой отдыхали , сидя рядышком . Вейн , видать , совсем выздоровел , потому что пытался любезничать , и даже назвал девушку прекрасной феей .

Элиана плохо воспринимала эти любезности , невольно вспоминая стирку его штанов , и только что не рычала . Вид имела такой , будто вот - вот зарычит , поэтому никто сначала не понял , что это рычит не Элиана , когда Сэм откатил очередной камень .

Но когда камни зашевелились , а рычание превратилось в глухой рёв , прекрасная фея взлетела вверх с таким ведьминым воплем , что два дружка только рты пораскрывали , а потом молча и споро принялись заваливать яму .

Это было легче , и вскоре камни перестали шевелиться . Накидав их ещё на два дня работы , дружки остановились , сопя , как загнанные лошади . Наконец , Сэм довольно сказал , что золото почти в кармане . Надо подождать ещё несколько дней . Зверёк от голода уже еле дышит .

Повеселевшие дружки вернулись на терраску , где принялись чавкать хлебом , сыром и вином .

Между тем Элиана тряслась рядом , забившись под скалу так глубоко , что её потом еле выдернули , когда она перестала трястись и захотела вылезти . Полночи она так боялась и так прижималась к Сэму , что он просыпался и снова на свой лад принимался успокаивать подружку . Вейн при этих успокоениях ворчал из темноты , что ему спать не дают , и намекал Сэму , что с друзьями положено делиться добычей поровну , согласно неписанному воинскому закону , на что Сэм бурчал , что Элиана вовсе не добыча .

А сама девушка , нашарив бутылку , запустила её в темноту в сторону противного голоса . Вейн завопил , а потом долго возмущался из темноты таким разбрасыванием продуктов .

Хорошо что Элиана в него попала , а если б в скалу ? Прерывая свои возмущения бульканьем , он решил в конце бутылки , что завтра же пойдёт в деревню за продуктами и подружкой , которая в деревне осталась , а то спать просто невозможно . Так он и сделал , захватив тележку и деньги на провиант . Сэм с подружкой отдыхали до полудня . Сэм чистил от ржавчины оружие , потом стал вострить меч о точильный камень , а Элиана вслух мечтала о жизни в городе . Чем больше слушал Сэм , тем дальше отодвигался от подружки , сам того не замечая .

В планах Элианы появился дом чуть позже венчания , сначала глинобитный , потом каменный , дети , штук шесть или семь , потом слуги , что бы готовили обеды и прочее по дому , потом карета , лошади - и всё это хозяйство будет содержать её милый Сэм службой у короля . Ну и колдовскими заклинаниями , раз колдун .

Сэм привык к болтовне своего дружка Вейна , и потому по привычке только кивал головой . Но после болтовни дружка Сэм обычно начинал спорить , а тут вдруг ему захотелось вырубить всё живое вокруг себя . Он отослал девчонку к ручью , сказав , что жена должна всё всегда стирать . Отдал всю свою одежду , а сам завернулся в одеяло , выпил вина и задремал на ярком солнышке .

Когда проснулся солнце уже клонилось к закату, а подружки всё не было . Пришлось спускаться к ручью в смутной надежде , что она утонула . Однако мечты редко сбываются .

Элиана у ручья ругалась с каким то мужчиной . Подойдя ближе , Сэм узнал Лейна , того самого нищего ухажёра из деревни , что поверил в пойманного дракона . Впрочем , он был готов поверить во что угодно , если это скажет Элиана . По привычке передвигаться бесшумно Сэму удалось подойти достаточно близко , скрываясь за кустарником , и он услышал их разговор .

Точнее ссору . Как стало ясно из первых же слов , Лейн считал свою собеседницу шлюхой , что не мешало ему уговаривать девушку выйти за него замуж . Сэм мысленно пожелал ему удачи ., но Элиана обзывала соискателя своей руки нищетою , голью перекаточной , жадюгой и ещё по всякому . Сэм увидел , что его одежда , разложенная на горячих камнях , уже высохла , и вышел из - за кустов на песочек , мирно намереваясь одеться и скидывая для этого своё одеяло , однако Лейн вдруг разъярился при виде его голой фигуры . Нагнувшись , он поднял дубинку , незамеченной лежавшую на песке . Сэм сразу понял , что дубинка серьёзная . Самодельная, сделанная с любовью . Конец окован железом, а внутри наверняка свинец . Если Лейн очень обозлился, он и голову может разбить . Меч Сэма остался наверху , и потому , когда Лейн кинулся с поднятой дубинкой , Сэм применил главный солдатский приём - повернулся и побежал побыстрее , но тут Элиана с визгом упала , ухватясь за ногу Лейна , и тот с разбега грохнулся рожей в песок , выпустив из рук свою страшную дубинку . Сэм тут же забросил её в ручей , и они вдвоём с Элианой славно отколотили негодяя , да так , что он еле шевелился .

После этого Сэм оделся , собрал выстиранные вещи , нагрузил их на Элиану , потом подумал , глядя , как Лейн с трудом поднялся на четвереньки , подошёл и дал ему пинка в заднюю часть . Лейн ткнулся носом в песок , а довольные победители пошли в свой лагерь . По дороге Элиана рассказала , что Лейн так разволновался из - за неё . Услышав , что вчера чуть не раскопали дракона , он решил , что Сэм хотел столкнуть её к дракону .

Сэм искренне возмутился , ругая себя за недогадливость . Элиана передала и новость от Лейна - оказалось , что крестьяне собираются всё-таки прийти и раскопать дракона , если он там завален . Не сейчас , попозже . Не потому что все вдруг напильсь и расхрабрились , а потому , что магистр давно обещал за шкуру сто золотых , а это хорошие деньги , даже если на всех желающих разделить . Впрочем Элиана заверила что крестьяне все трусы , и долго ещё прособираются , так что Сэм с её помощью вполне успеет обковырять всю шкуру , и продать её магистру . Но лучше поторопится . Как сдохнет, так сразу и раскопать .

На следующий день вернулся Вейн . Он пригнал несколько баранов . Точнее пригнал их один крестьянин по имени Пьер ,отец Гельды , той самой подружки , за которой вчера и ушёл Вейн . Сам Вейн вёз тележку с вином , а весёлая Гельда вела ослика , нагруженного провизией .

Когда Сэм узнал , что за всё это хозяйство нужно выложить сорок золотых монет , он схватился за меч , а Элиана так и шлёпнулась на камень с открытым ртом . За один золотой любой крестьянин пригнал бы не меньше трёх баранов , да ещё бы кланялся . К тому же - как она знала - денег не было . Но рот открывала зря - просто ещё не знала Вейна . Сэм его знал и потому только усмехнулся .

- Успокойтесь.- сказал Вейн примирительно , - Я уже отдал те несколько монет ,что взял вчера . Так что платить придётся меньше. -

- За что ?- удивился Сэм , - Да я лучше зарублю этого типа , дешевле выйдет .-

- Я вам глотки перегрызу, - завопила Элиана, - Тут по монетке откладываешь, каждый день на каторге, а им...., Сэм ! Дай я сама зарублю и этого Пьера, и твоего дружка .-

Гельда засмеялась и с интересом поглядела на Сэма . Элиана вконец обозлилась : - Дай мне меч, Сэм ! Я и Гельду зарублю !

Пьер невозмутимо повернулся к Вейну : - С ними я и говорить не собираюсь . Ты покупатель .-

Вейн недовольно повысил голос : - В чём дело , Сэм ? Деньги у нас общие .-

- Мне денег не жалко .- с удовольствием сказал Сэм . - Просто их нет .-

- Ах , нет ...- Вейн пожал плечами, - Бывает . Потом отдам , Пьер .Непременно .- Он смотрел на Гельду , улыбаясь и держа её за мизинчик .

- Ну уж нет ! - завопил разозлённый крестьянин .- Сделка расторгается !-

-Очень жаль.- Вейн , улыбаясь , всё смотрел на Гельду , которая вдруг заулыбалась в ответ ещё шире и даже покраснела слегка .

- Пойдём домой , дочка ! - вопил Пьер, бестолково размахивая длинной лозой , но Гельда вдруг отступила , спрятавшись за широкую спину Вейна .

- Я отдам - сказал Вейн - Непременно .-

Пьер попытался схватить сначала Гельду за платье , потом осла под уздцы , но как-то ничего не вышло . И Гельда увернулась , и Сэм помешал . Даже баранов не удалось развернуть , потому что Элиана, мигом всё сообразив , живо отогнала их подальше .

- А - а ! - заорал Пьер - Вы все мерзавцы ! Вы об этом пожалеете !-

- В чём дело ? - огорчился Вейн - Неужели ты мне не веришь ? -

Пьер плюнул в него , развернулся и чуть ли не бегом поспешил восвояси .

- Ишь, улепетывает.- весело сказал Сэм - Бойтся ,что передумаем.-

- Мы не передумаем -ответил Вейн - Вот ещё. Это он в дураках остался . За какие-то жёлтые кругляшки отдал такую красавицу . Он же сумасшедший .Верно, Гельда ? -

- Я не знаю .- засмеялась та .

- А что ему с ней делать, с красоткой ?- рассудительно сказал Сэм

- Корми её , корми , а потом сбежит с кем -нибудь . А золото есть золото . Нет , на твоём бы месте , Вейн , я бы с него самого содрал сорок монет в придачу . Ему ещё повезло , что на тебя нарвался . -

Остаток дня Сэм и Элиана огораживали камнями загончик для баранов внизу горы , в укромном месте . Вейн и Гельда поднялись на терраску . Они должны были к вечеру поджарить барана , но что-то долго Вейн не возвращался набрать сучьев для костра .

Но к вечеру баран всё же малость закоптился , и , приправленный голодом , даже оказался очень вкусным . Парочки мирно разбрелись по разным концам террасы и в конце концов заснули пол крупными тихими звёздами , укрываясь честно поделенными одеялами .

На другой день решили чуть раскопать яму , и послушать - будет рычать или нет . Сэму рычание мерещилось всё время , но он так и не понял - кто рычит , то ли дракон , то ли Элиана . Вейн ничего не услышал , а Гельда , едва прилегла ухом к тёплым камням , сразу и уснула .

- Вот девчонку загонял , - с завистью сказала Элиана , на что Вейн ответил , что вовсе нет , просто Гельда такая же лентяйка , как и Элиана , где сядет , там и спит . Тут Гельда подняла голову и сонно сказала , что там кто-то стучит .

Элиана тут же вскарабкалась из ямы , едва не завалив всех внизу .

После споров решено было вернуться завтра . Дракончик уже не рычит - сил нет . Может, завтра сдохнет . Лучше бы обождать пару-тройку дней , но все понимали , что и Пьер , и Лейн явно поторопятся вернуться с другими охотниками до их шкур , включая и дракончикову .

На следующий день Сэм сидел над входом в пещеру , приготовив копье и меч , упираясь к тому же в небрежно вкопанный большой булыжник , что бы скатить его немедля на голову дракона . Внизу Вейн убирал камни , то и дело успокаивая Сэма , чтобы тот не скатил булыжник на него . Дружки основательно приготовились к осаде , запаслись сыром , мясом , хлебом и бурдюками с вином . Опасаясь , как бы самим не стать обедом , они не торопились , и когда совершенно неожиданно открылся чёрный лаз , в который не пролезет и собачонка , Вейн перебрался к Сэму в позицию над пещерой , вооружился и они открыли бурдюк вина .

Ждали , ждали , и , чем больше тощал бурдюк , тем меньше оставалось осторожности . То и дело поочередно спускались в яму , слушали тишину из отверстия , убирали ещё по камню , пока размер лаза не оказался вполне подходящим для человека . Увидев , что сможет пролезть , Сэм решил остановиться , и они долго вдвоём над пещерой трескали баранину , пили вино и ждали , когда дракончик высунет башку . Потом принялись покрикивать , бросать камешки и всячески подбадривать трусливого дракончика , но всё без толку .

Им стало обидно - так настроились на драку , а драки нет . Или помер , или ушёл куда . А допив бурдюк , дружки потеряли остаток терпения .

Спустившись , они стали без всякой опаски разбрасывать камни .

- Выходи, мерзавец , - бурчал Сэм. .Вейн вторил ему : - Ну что за бестолковый дракон попался . Когда зовут , не идёт , а когда не надо - так выскакивает . -

Раскопав завал до того , что можно было спуститься в пещеру на четвереньках , не особо нагибаясь , они услышали ясный шум из темноты - и замерли . Переглянувшись , они поняли , что на этот раз никаких сомнений не было - звук шёл из глубины пещеры , а вовсе не почудился . Подняв мечи , они встали по бокам от лаза и стали прислушиваться . Наконец , снова донёсся звук - слабый шорох и повизгивание , скорее , звук напоминал собачье поскуливание . Вейн опустил меч первым , за ним и Сэм . Грозный дракончик и правда еле живой . Совсем обессилел от голода .

Дружки обсудили , не завалить ли вход , но обоим было лень , и потому ещё решили обождать . Сэм сказал ,что дракончик боится вылезать , надо его приманить , подлеца , и они бросили внутрь кусок баранины .

Было видно всего только стены узкой пещеры - только вдвоём пройти , пологий спуск из камней от самого пола , а кусок баранины сразу потерялся . Сидя на корточках и пялясь в темноту , Сэм закрывал глаза от солнца , а Вейн смотрел в трубочки из собственных ладоней . Потом Вейн сказал,

что запах у баранины слабый, тогда Сэм бросил вниз кусок душистого сыра - кстати, сыр не потерялся, смутно белея в темноте, - и вскоре до них снова донеслись визги и скрябания. Они слышались всё ближе и ближе. Сэм в нетерпении отпихнул Вейна, и наполовину влез в пещеру, сложив тоже ладонь трубочкой и приставив её к правому глазу. Скулёж и шорохи звучали теперь постоянно, всё ближе. Наконец, в темноте Сэм уловил блеск - то ли глаз, то ли чешуи - и как-то сразу различил дракончика. Тот еле полз. То и дело ронял непомерно большую голову на пол. Лапы подтягивал поочередно, а после безуспешных попыток подняться - скулил, и снова полз, всё ближе к дразнящему запаху сыра. Совсем доходяга - шкура отливала зеленью и морщижилась складками. Сэм понял, что таким манером он только к вечеру к сыру доползёт, а уж наверх, к лазу, и вовсе не сможет подняться.

Сэм выпрямился, с удовольствием потянулся, подёргав затёкшими ногами, и сказал Вейну, который уставился в пещеру: - Это уже не боец. Надо камнем по башке дать, чтобы шкуру не портить.

Однако Вейн, разглядев дракончика, запротестовал: - С какой стати? Он и так еле живой.

Сэм не понял, и Вейн пояснил - в Библии сказано, что "не убий". Пусть сам помрёт -

Сэм легко согласился - с Вейном спорить было бесполезно, - но спросил, как же искать золото возле дракончика, если он тебя может куснуть на пол ноги за раз.

- Не куснёт, - сказал Вейн, - Смотри, какой симпатичный, - и, взяв свечку, запалил её от кремня и мигмом пролез внутрь. Сэм спустился за ним, держа обнажённый меч, но дракончик не обратил на них внимания. Поход за сыром, видимо, отнял последние силы, потому что дракончик даже глаз не открыл - дышал часто и скрёбся.

Сэм запалил вторую свечку. Хихикая и возбуждённо мечтая о золоте, дружки двинулись вперёд. Они ползли по полу на корточках, внимательно всё рассматривая и трогая, чтобы не перепутать пыльный кожаный мешочек с булжником. Освещали все щели и тёмные места, особенно у стенок. Вскоре Сэм наткнулся на кусок баранины, про который совершенно забыл, и кинул его поближе к голодающему. Больше ничего найдено не было, дружки продвигались по проходу вперёд, всё ближе к дракончику, но тот, казалось, совсем умер. Глаза закрыты, только впалые бока слегка колыхались.

Каменный коридор вёл дальше, в полную темноту. Золото могло быть только там. Дружки прошли мимо умирающего на цыпочках и по стеночке - уж очень толстенный хвостище вблизи показался.

Сэм держался за рукоять меча, а Вейн льстиво бормотал дракончику, что он красавчик.

Пройдя мимо красавчика, они увидели спереди слабый свет справа. Там оказалась довольно большая пещера, треугольная, достаточная для ночёвки двух десятков солдат. Свет шёл сверху, из узкой трещины. В центре пещеры чернело озерцо воды. Во время дождя это озерцо и наполнялось, видимо, из трещины сверху. Вокруг озерца, точнее, большой этой лужи, и лежали изгрызенные черепа и крупные кости.

Дружки принялись бродить вокруг лужи, переворачивая каждый клочок одежды, обрывки сапогов и всякий хлам, но мешочков с золотом так и не нашли. Оружие, найденное в этой влажной пещере, даже не вынималось из ножен, кроме одного, богато изукрашенного меча с золотыми насечками. И только когда возвращались, на повороте, из пещеры в проход Сэм сумел разглядеть кожаный

мешочек в гаснущем и чадящем свете своего огарка . Он был присыпан пылью и грязен так , что от булыжника его отличил только мгновенный жёлтый проблеск в рваном боку .

Сэм схватил его ,оценил на вес и захрипел радостно :- Вейн! Какой тяжёлый! Монет сто , не меньше .-

- Пошли наверх,- обрадовался Вейн.- Хватит на сегодня .Я уже замёрз . И свечка гаснет . -

Вейн был лентяем и к деньгам был совершенно равнодушен . Поэтому он проскочил дракончика , не дожидаясь дружка, и выбрался наружу . Сэму пришлось делиться радостью с драконом , который уже и лапки задние вытянул , и поскуливал еле слышно .

- Нашёл один мешочек ! - сказал ему Сэм радостно. - И как ты его не проглотил ? Завтра остальные найдём . Сыр-то слопал ? А чего баранину не съел? Вот же у носа лежит ..., нет , это камень .

И баранину слопал . Дополз , как герой . -

Переполненный благодарностью Сэм тут же пообещал вытряхнуть в пещеру все остатки, что найдёт, чтобы дракончик хотя бы перед смертью покушал . Вейн согласился , что тот всё равно не жилец, и даже отдал хлеб с ломтём сыра, которым уже принялся было закусывать .

Завалив вход в пещеру, они пересчитали жирно блестящее золото . Ровно сто монет . Сэм перестал радоваться, и даже забеспокоился, увидев задумчивость дружка.. Знал он эту задумчивость. Вейн был еретик самый отчаянный - до веры, что с ним говорит лично Господь Бог. Сэм поторопился рассказать, что дракончик зачавкал подозрительно быстро, когда перед его носом было вывалено всякое съестное. Может, не такой он и умирающий. Да и бок не золотой . Сэм решил, пока дракончик чавкал, ковырнуть его за бок - и что же? И впрямь пластина костяная оказалась...

Но Сэм опоздал - Вейн тут же заверил, что это ерунда . И этот дракон, возможно, знак Божий. Если не помрёт, когда обожрётся.

А пока что Знак Божий - это сто золотых монет. Это уж точно Знак - остановиться и задуматься о воле Божьей, ибо Вейн решил понимать её через деньги, о чём отлично знает Сэм и о чём прекрасно осведомлён Господь.

Сэм подумал, но не сообразил - что сказать. И ничего не сказал. Знак так Знак. Посмотрим, чего ещё Знаки скажут.

По дороге к лагерю нашли подходящий противотролличий камень, под который и спрятали золотые монеты . На терраске в одном конце царил темнота и тишина - там дрыхла Гельда, а на другом светил костерок и булькала жирная баранья похлёбка в медном котелке . Вейн сразу нырнул в свою темноту, а Сэм, увидя дремавшую у костерка Элиану, умилился : - Умаялась ,бедняжка,-

и, схватив старательную подружку в охапку, принялся её целовать.

- Ты что такой радостный?- сонно спросила Элиана :- Дракона убил? -

- Нет ещё,- ответил Сэм : - Он всё рычит - живучий гад .-

Сэм наелся похлёбки и лёг спать , но сон отлетал под напором планов и мыслей . Сэм никак не мог сообразить - как извлечь золотые монеты из засохшего драконьего дерьма . Золото в нём - это ясно . Дракончик мог проглотить такой здоровой глоткой хоть с десяток мешочков и не заметить . Они

теперь в дерьме . Промывать в этой пещерной луже? Мало светаДа и не хочется. Это дерьмо всё-таки , а не мясная каша. Так ничего не придумав , Сэм вспомнил, что Вейн ожил. И успокоился.- Вейн придумает.

Проснулся Сэм рано- не терпелось . Разбудил Вейна, и после подготовки они снова отправились "бить дракона", как сказали девушкам , оставив на их хрупкие плечи обеды и уход за баранами.

По дороге Вейн сказал, что драконье дерьмо ему мыть неохота - и ради чего, ради жёлтых кругляшек ? А девчонки на что? Пусть моют, а он - ладно - согласен таскать это дерьмо в какой -нибудь корзине . Возражений у Сэма сразу появилось очень много, но высказать их он не успел, потому что подошли к пещере

Дракончик встретил их жалостливым повизгиванием . Задёргался, даже голову ухитрился поднять .

-Ты ещё не помер? -удивился Сэм, - Ну и чего надо? -

Дракончик заскулил и пополз к Сэму . Со вчерашнего дня он так и не сдвинулся с места - разве что лежал теперь наискось, загораживая проход .

- Покорми его, - сказал Вейн - И в Библии сказано -"просящему дай" .

- Так это дракон, - возразил Сэм .

- А там не сказано, в Библии, кого кормить . Корми и всё тут .. -

Сэм вздохнул : - Слушай, а это не слишком? Он так и не подох . Ещё больше оживёт . -

- Знак Божий,...- сказал Вейн, отступая подальше, пока Сэм развязывал мешок с едой .

- Ладно, жратвы сегодня много, - Сэм развязал узелок , бросил несколько кусков хлеба у стенки, чтобы дракон освободил проход .

Потом они прошли в пещеру . Присев на краю лужи, они вытащили кинжалы и принялись, как и решили, рубить и ковырять кучки драконьего дерьма, однако вскоре Вейн не выдержал поднявшейся вони, и стал рассказывать Сэму, какой он ещё больной и слабый. Уговорив сам себя, что он и впрямь больной, Вейн со спокойной совестью убежал на волю .

Сэм увлечённо продолжал работать, продвигаясь вокруг воды по спирали . Он ползал в полутьме, экономя свечку, и зажигая её только тогда, когда кинжал натёкался на что-то твёрдое .Но это были осколки камней . Сэм совершил уже несколько кругов вокруг лужи, каждый раз всё дальше, когда шорох и повизгивание заставили его очнуться от столь увлекательного занятия и поднять голову .

Дракончик, конечно. Ползёт к озеру . Наверное, пить захотел .

- Ты мне всё перепутаешь тут своим брюхом, - недовольно сказал Сэм и снова принялся за работу .

Дракончик и ухом не повёл на такое справедливое замечание . С трудом добравшись до лужи, он плюхнул туда свою башку, словно решил утопиться, после чего стал громко и неряшливо лакать, фыркая, захлёбываясь и кашляя. Наконец, напившись, отполз - и снова воцарилась тишина .

Однако вскоре дракончик снова заскулил, мало того - пополз вслед за Сэмом . Хотя Сэм продвигался медленно, доходяга никак не мог его догнать, хоть и очень старался .

- Ну, чего привязался? - бурчал на него Сэм, которого начал донимать этот скулёрж, - Напился, и лежи себе. Экий ты неугомонный . Нет бы умер, а он всё ползёт и ползёт . Ползёт и ползёт . Как таракан . А это что? - на мгновение в дерьмовой кучке блеснуло жёлтым . Сэм привычно стукнул камнями, раздул фитиль и запалил свечку . В кучке оказалось пять монет . Может, и больше, но после промывки . Сэм отнёс кучку в угол и вернулся к золотоносному месту . Дракон тоже подполз, и так близко, что мог цапнуть . Поэтому Сэм развязал узелок, кинул кусок сыра почти в лужу, и дракон потянулся туда . Есть самому Сэму в этом дерьме как-то не хотелось, и он весь день только вино пил . Свет из щели сверху стал уже меркнуть, а милая парочка всё ползала друг за другом . Один скулил, а другой ругался, и кидал куски к луже .

К вечеру было найдено около двадцати монет, а в углу выросла здоровенная куча для промывания .

Выбравшись в тёплые сумерки, на вольный воздух, Сэм бросил в пролаз все остатки еды, завалил вход камнями, и поспешил к ручью мыться, ибо запах дракона вызывал тошноту .

На терраске его ждала тёплая похлёбка, нежная Элиана, которой он наплёл, что дракон рычит, собака такая, а он лазил по горам .

Почти в темноте вернулись Вейн и Гельда, которые ходили в деревню, пригнали двух осликов с продуктами, пять баранов . В деревню ходила Гельда - за покупками и на разведку, а Вейн болтался возле околицы, и тоже разведывал у всех встречных .

Оказалось, уже составляется небольшой отрядик смельчаков для добычи драконьей шкуры . Уже набралось больше дюжины и все спорят, когда умрёт дракон . Долго выспрашивали Гельду - как именно рычит дракон из-под камней, и даже изображали сами - рычали и спрашивали - похоже? Нет? Всё пытались понять - сколько ещё ждать? А когда Гельда напомнила им, что дракона завалили не они, и потому без них есть, кому с него шкуру драть, то они запереглядывались, запересмеивались, а Лейн и отчим Гельды, тот самый Пьер, даже заржали, как злобные лошади . Они подначивают больше всех, хоть сейчас готовы идти, если не за драконом, то бока намять и Сэму и Вейну . Её отчим ещё больше стал мечтать, как всех исколотит, и её заодно . Сэм, чавкая, лениво возмутился, что крестьяне люди неблагодарные - им тут драконов заваливают, а они тебе бока намнут и ограбят .

Вейн, тоже чавкая, пробубнил с завистью: - Счастливые люди. Умные, как кирпичи . Конечно, выгодней намять бока и всё отнять, чем делиться . Как им просто жить . Так бы и остался в этой деревне . А, Гельда? Останемся? И будем жить как все..-

- Ну уж нет,- сказала Гельда ,- Я в город хочу . Ты шутишь, да? Если нет, я сейчас тебя поленом огрею за обман, понял? - и Гельда всерьёз взялась за здоровый сучок возле костра .

- Шучу, шучу, Гельда,- поспешно сказал Вейн, - Только в город . -

На этом ссора моментально затихла . Довольные девчонки стали вслух мечтать наперегонки о городской замужней жизни .

Наутро Сэм велел подругам сплести быстренько две корзины, до обеда . На вопрос -"зачем"? - убежал, и всё, а Вейн поспешил за ним, и девушки пошли срезать лозу для корзины .

По дороге к пещере Вейн спросил :- Как там вчера дракончик? Не пытался укусит? -

Сэм ответил, что пока нет . Еле живой. Плачет. Зелёный от голода, хотя Сэм всё ему скормил по

кусочкам. Куда деваться, если работать не давал, ползал и кланчил .

- Может, удастся его приручить?- спросил Вейн.

- Наверяд ли, - ответил Сэм,- Сейчас он смирный, а вот как на ноги встанет? Он же перебьёт всех .-

- Он же не человек, - сказал Вейн, - Он умный. С такой-то башкой.

Ты его кормишь, зачем ему тебя бить? - Вейн мечтательно вздохнул: - Дракон - это вещь. Раз не помер и жрать просит - так надо кормить. Разве ты не видишь в этом знак Божий? -

Сэм ничего такого не видел, но понадеялся, что дракон уже помер, обожравшись.

Но дракончик не помер, и встретил Сэма радостным повизгиванием. Всем туловищем он взобрался на каменную осыпь у входа - только хвост лежал на полу и усердно вилял. Голову дракончик держал ещё не очень высоко, но уже держал. Ползал чуть живее, но на ноги ещё никак не мог подняться - не держали лапы и всё тут.

- Смотри, какой стал красавчик,- с гордостью отца похвалился Сэм. Он спустился вниз и стоял, дразня дракончика куском баранины.

Вейн сидел на корточках и заглядывал в лаз: - Ну и страшила. Сэм, ты его не раскармливай. Он тебя не съест? -

- Силёнок не хватит,- ответил Сэм, кидая кусок в раскрытую пасть,

- А ведь недавно взглядом мог свалить.-

-Пожалуй, пойду я к девчонкам, помогу с корзинами, - сказал Вейн, - Уж очень рожу наел твой красавчик. Магистру продадим.

За живого ещё больше заплатит. -

Когда Вейн пришёл на терраску, Элиана встретила его хмурым взглядом. Она сидела на камушке и плела корзину, а Гельда поодаль на склоне срезала подходящие ветки.

- Зачем вам корзины?- спросила Элиана, - Только без шуточек. -

- Мы решили золото мыть, - доверительно сказал Вейн.

- Золото? - поразилась девушка, - В этих местах сроду про золото никто не слышал. Вы что, дураки? -

- Ты очень догадливая, Элиана,- с уважением сказал Вейн, - Но Сэм не дурак. Он вчера наткнулся на вторую пещеру, с краю. Когда солдаты магистра расчищали дорогу, они почти освободили проход. Вчера сверху скатился камень, и показался вход. Мы пролезли внутрь - совсем небольшая пещерка. Пустая, но на полу - ты представляешь? - просто кучи высохшего дерьма! Откуда оно взялось? Дракон в другой пещере живёт, да и вход для него маленький. Мы долго думали, и поняли, что это тролли натаскали.-

- Зачем? - поразилась Элиана.

- Чтобы прятать там золото.-

- Зачем? - ещё больше поразилась Элиана.

- Чтобы ни один умный не догадался. Но я дурак, я сразу понял.-

- Дерьмо тебе мыть, а не золото! - Элиана в сердцах бросила корзину.- Брось свои шуточки! Вот-вот из деревни кодла придёт нам морды бить, а он всё шутит. Когда вы в город соберётесь - отвечай!

- Если золота нет, - примирительно сказал Вейн, - завтра же двинем в город. клянусь. Можешь сама промывать, чтобы убедиться. А я корзины буду к ручью таскать. -

- А ты Сэма уговоришь идти завтра в город? - хитро прищурила Элиана свои красивые глазки.

- Обязательно, - сказал Вейн и ушёл.

Девушка запрыгала по склону к ручью, по дороге прихватив Гельду.

Элиана сказала ей: - Знаешь, Гельда, твой длинный - полный дурень. Он невесть что говорит, не повезло тебе.-

- Может он просто болтун? -

- Нет, он дурак. Вот сейчас он принесёт к ручью корзину дерьма, из которого хочет намыть золото. Так он мне сказал, представляешь?-

- Золото? - Гельда от неожиданности расхохоталась, - Это бы неплохо. -

- Пусть потешатся, - сказала Элиана, - Зато завтра в город пойдём.-

Они спустились к ручью, присели на камушки и принялись болтать, и так замечтались о городской жизни, что не заметили, как подошёл Вейн с корзиной на плече.

Он скинул сапоги, и взяв корзину, зашёл в воду по колено. Опустив корзину в ручей, он поболтал её там, потом приподнял, и сквозь щели зажурчала чёрная вода. Снова опустил, и снова поднял, но вскоре ему надоело, и он попросил Гельду сменить его. Гельда завязала юбку выше коленей, зашла в ручей, и в скором времени дерьма в корзине явно поубавилось.

- Элиана, твоя очередь. Тут немного осталось. Одно золото,- Гельда хихикнула. Вейн тоже хихикнул, нежась на песочке под солнечными лучами.

- Дурачатся, как маленькие, - лениво сказала Элиана, подходя к воде. Некоторое время она промывала дерьмо, яростно бултыхая корзину, с таким видом, словно вот-вот её опрокинет, но вдруг движения рук странно замедлились. Элиана замерла, уставясь в переливчатую глубину воды.

-Что, золото нашла? - давилась от смеха Гельда.

- Брось прикидываться, Элиана, - с укоризной сказал Вейн.

- Тут...Тут золотые м-монеты...- пробормотала потрясённая девушка. Гельда от смеха свалилась на песок, а Вейн захохотал во всю глотку.

- Смотрите! - в руке Элианы сверкнул жёлтый кружочек. Гельда поперхнулась. Живо вскочив на ноги, она подбежала к подруге.

Заглянув в корзину, она икнула, прошептала: - Ой, мамочки...- и ухватилась за плетёный край.

- Отдай! Элиана! Это моё. Это мой дерьмо принёс! -

- Это я намыла, - вцепилась Элиана, - Вали отсюда, дрянь! -

- Не ссорьтесь, девчонки, я ещё дерьма принесу, - сказал Вейн, но было уже поздно.

Гельда, не говоря худого слова, вцепилась в волосы Элианы, и обе подружки, визжа повалились в воду. Вейн, глядя на свалку в воде, заплакал от смеха. Потасовка кончилась ничьей. Перевернув корзину, мокрые, дрожащие подружки стали вытаскивать монеты со дна ручья, просеивая пальчиками даже песок. Выбравшись же на берег, девчонки так дрожали от холода, что тут же скинули мокрые платья, ничуть не стесняясь Вейна, и принялись делить монеты.

Конечно, путём визга, взаимных оскорблений и таскания за волосы.

Вейн уже не мог смеяться, только всхлипывал. Каждая обвиняла соперницу в том, что та захапала больше монет, и требовала показать, а свои монеты держала в крепко сжатом кулачке.

Когда у Гельды под глазом стал расцветать синяк, а у Элианы - ещё и на скуле, обе решили смириться с обманом и несправедливостью.

Сколько ухватили - столько и ухватили. И обе фурии, весьма разгорячённые после битвы, подступили к Вейну, который так и валялся на песке.

- Закрой рот, - сказала Гельда, - Меня обделили, а ты зубы скалишь - Чего уставился? - Элиана подбоченилась, и так выгнула бедро, что у Вейна снова распахнулась нижняя челюсть.

- Твоя шлюха меня обделила. -

Вейн зажмурился, словно кот на сметану. И промурлыкал: - Доверьте мне эту делёжку, и я всех помирю. -

- Я тебе, дылде такой глазастой, и тарелку разбитую не доверю, - заявила Элиана.

- Вот уставился, - разгневалась Гельда, - Прямо ест глазами. Я тебя

сейчас тресну. На меня смотри, слышишь! -

- Красавицы, - сказал Вейн, - Вы можете меня исколотить, но Сэм сказал, что делить на четверых. Не жадничайте - дерьма там много.

Я ещё принесу. Такого сочного, вкусного дерьма. -

Девчонки чуть было не облизнулись - так он заманчиво сказал.

Они ещё поругались, но уже вяло. На четверых делить не хотелось, но каждая подумала, что всё равно выманит у своего его долю, и потому, в конце концов, подруги отдали с несчастным видом свои стиснутые в кулачках монеты, и Вейн честно их поделил. Одиннадцать на четверых. Себе взял две - не хотелось быть затоптанным. Это справедливо - одобрили девушки, вручили ему корзину и заторопили за очередной порцией дерьма. Но когда он скрылся за кустарником, они принялись трудить свои очаровательные головки. Тролли не могли прятать тут своё золото. Оно хранится в Моховой Горе, где они и живут, это всем известно. И тут вспомнили, что в дерьме белели осколки костей.

Это уже что-то. В бараньем дерьме костей не найти. Это хищник какой-то нагадил. А хищник тут один...

- Они влезли в драконью пещеру! - завопила Гельда.

- Мерзавцы, - с чувством сказала Элиана, - Дракон сдох ещё вчера.

И они всё золото с него обковыряли. А теперь его дерьмо просеивают, какие-то жалкие остатки, объедки золотые, да и те поделил на четверых жадный Вейн. Я же знала, что нас обманывают. А ведь это я почти всю яму выкопала, да ещё штаны за твоим хахалем стирала, когда мой бездельник только вино пил, на мои денежки. -

- Все мужчины негодяи, - сделала вывод Гельда, - А солдаты - вдесятеро большие негодяи. Как спать - так вместе, а как денежки делить - так сами всего дракона обковыряли. -

Так, слово за словом, девчонки разобиделись на весь мир и едва ли не заплакали. Но платья ещё не высохли, и оставалось только ждать Вейна. Тот, между тем, сильно запаздывал, а когда появился, уже под вечер, с корзиной на плече, то вид имел очень бледный и больной. И вовсе не из-за того, что подрался с Сэмом при дележе обковырянного золота, как подумала Элиана .

На самом деле Вейн спустился в лаз и стал звать Сэма, да таким громким и дурным голосом, что бедный дракон, который лежал в темноте, у самого поворота к пещере с лужей, перепугался, собрал последние силы - и пещера наполнилась низким, вибрирующим, невыносимым звоном.

Сэм, который увлечённо расковыривал очередную кучку, успел увидеть в зыбком свете свечи чёрный силуэт дракона и раздувшийся зоб на его шее, прежде чем, зажав уши ладонями, припал к земле в стремлении хоть в песок зарыться, от невыносимого, убийственного звука.

А Вейн получил сполна всё, на что напросился, и рухнул на пол как подрубленный.

Когда звон затих, Сэм с трудом поднял голову. Она раскалывалась от боли. А верный сторож, исполнив свой долг, совсем распластался по полу и только обессилено скулил. Сэм, шатаясь, пошёл к выходу, поглядеть.

Вейн лежал у самого входа и дёргал ногами. Сэм с трудом вытащил его на солнышко, дал глотнуть вина. Дружок шумно дышал, его трясло, как в лихорадке, но после усиленного винолечения он успокоился, с трудом сел на камни, очень бледный.

Запинаясь, произнёс: - Вот вlepил, зараза. Нет, Сэм, ты его перекармливаешь. -

- Зачем было орать? Напугал зверёнка. - сварливо сказал Сэм, - он и так еле живой...-

- Что же будет, когда в силу войдёт? - нахмурился Вейн, - Надо что-то придумать. -

- Он звуком бьёт, оказывается. - сказал Сэм, - А я думал - взглядом. На воздухе не слышно, а в пещере аж стены задрожали.-

- Это я понял, - сказал кисло Вейн.

- У него на глотке аж мешок от натуги раздулся,- сказал Сэм.

- Так перетяни ему глотку, хоть ремнём, чтоб ничего там не раздувалось. - простонал Вейн, - Мне уже надоело каждый раз брякаться. Я ему рожу разобью, дождётся, выдра противная. -

Пока Вейн приходил в себя, Сэм вынес ему корзину дерьма. Потом взял ремень у Вейна - тот был шире и прочнее, прихватил кусок баранины и спустился в пещеру.

Дракон сам голову засунул в ремень, потянувшись за душистым куском мяса. Пока он чавкал, Сэм осторожно поместил ремень под его челюстью, там, где видел раздутый зоб, и затянул слегка, чтоб не сполз вниз по шее. Сэм даже рискнул погладить дракона, едва не оцарапав свою ладонь. Чтобы такая шкура что-то чувствовала, её нужно было гладить дубиной.

Вейн перед уходом отдал Сэму пять золотых монет, и насмешил описанием битвы подружек. Судя по рассказу, после боя даже ручей русло поменял - вот как бились. После чего потащился с корзиной к "избитому" ручью.

Подружки уже успели сговориться, как влезть в долю на золотую драконью чешую, поэтому больше не ссорились. Корзину промывали вместе, держась с двух сторон, и намыли ещё с десяток монет. К этому времени стало темнеть, и за третьей корзиной идти не пришлось. Вечер у костра начался удивительно мирно. Девушки так хлопотали вокруг своих мужчин, что Сэм примирился с делёжкой намытых монет. Все напились, наелись, и за этим делом Сэму пришлось - таки признать, что дерьмо наскребли не просто из пещеры, а из драконьей пещеры.

Но золото в дерьме вовсе не со шкуры дохлого дракона отшелушилось, как заикнулась было Гельда, и вообще шкура костяная, а вовсе не золотая. Девушки в это не поверили и деликатно выразили своё желание на эту костяную шкуру поглядеть, и лицемер сразу засмутился, закричал и стал юлить.

Как-то потом, в будущем, а завтра шкуру смотреть нельзя. Мол, не понравится шкура. А Вейн добавил, что они будут ругаться, а зачем это нужно, когда вот так мирно и ласково, как сейчас, гораздо лучше. Элиана постаралась вежливо заверить обоих, что ругани будет ровно столько, на сколько они, обманщики, успели обковырять шкуру, а Гельда ласково добавила, что так поступать, как они, не совсем честно, а вовсе по негодяйски.

Сэм заверил, что ему и в голову не приходило обковыривать шкуру, а Вейн сказал, что девчонкам тоже не захочется этого делать, но Элиана ответила, что обковыряют как миленькую, и Гельда добавила, что частями продавать и кусочками, а также монетками получится дороже, чем целиком.

Но вечер всё равно закончился шумом и ссорой, потому что дружки никак не желали показать шкуру.

Тролли, что наверняка подслушивали все обзывательные словечки

девушек, долго, наверное, удивлялись долготерпению земли, что ещё носит таких дружков.. На все законные требования показать спрятанную шкуру эти жадины только - или вздыхали, или смеялись, или огрызались.

На другой день девушки разбудили молодцев ни свет ни заря - чтоб побольше золота намыть. До полудня Вейн еле успевал таскать на ручей корзину за корзиной. Казалось, девушки успокоились намытыми монетами - про шкуру больше не вспоминали, Вейна не обзывали. На самом деле они затеяли подвох. Усыпив бдительность, ближе к полудню, подружки бросили очередную принесённую корзину на песок, а сами тихо и быстро зашуршали мышками по камешкам вслед Вейну. Когда тот поднялся на осыпь камней, девчонки прятались уже за кустиками возле дороги. Когда Вейн прошёл обратно с полной корзиной дерьма на плече, подружки кинулись к осыпи. Шкура должна быть там.

Они попали в точку - шкура лежала на камнях, рядом с чёрной дырой лаза, сверкая золотом в солнечных лучах. Девушки замерли на краю ямы, словно заворожённые.

- Вот она!- выдохнула Элиана.

- Сушат,- сказала Гельда. - Какая красивая! А морда - как живая.-

- Так они уже и чучело сделали, - сказала Элиана, - Но шкура вроде необковыренная. -

Девушки спустились в яму, к дракону, который мирно, никого не трогая, спал на солнышке. Утром бедняга еле-еле выбрался из норы, и Сэму пришлось его даже сзади подталкивать, пока Вейн выманивал спереди куском баранины. Вейн осмотрел его на свету и только головой покачал. Дракон - хоть куда. Лапы, хвостик и башка. Ужас берёт, а не дракон. На солнце он засверкал, и Вейн признал, что красавчик, а раскормить - так и вообще будет невесть что.

- Теперь кормить можно и побольше, - согласился Сэм, - На глотке у него ремень, и крепкий. А зубами драться, у него и сил нет, и храбрости. Он маленький ещё. Видел, как мне радуется? -

- Пусть на солнышке лежит, и к нам привыкает, - сказал Вейн.

Дракона неплохо покормили, и он сразу осоловел на солнышке, да и заснул. Когда к нему подошли девушки, то Элиана ухватила за его бок, пытаясь отодрать пластину, а Гельда присела у хвоста, где пластины были поменьше, и тоже попыталась отодрать одну чешуйку. Но хвост в её руках дёрнулся, и она сердито сказала: - Не тряси чучело, Элиана! -

Её подружка уже смотрела в удивительно красивые, но обиженные глаза драконьей башки, которая вдруг ожила, распахнула глаза и крутнулась прямо нос к носу девушки .

От такого сюрприза на корыстолюбивую девицу напала как бы каменная болезнь, то есть, она и дышать перестала. Словом, одна девица превратилась в статую, а вторая, едва поняв свою ошибку, затряслась и плюхнулась на мягкое место. Драконья голова с шумом втянула воздух. От девушек пахло вкусно, однако дракон не успел сообразить - нападать или кланчить, потому что из норы на голоса вылез хмурый Сэм.

Он сварливо сказал: - Нет, я так и знал. Экие вы, девчонки, недоверчивые. Говорил же, что шкура костяная, так нет...

Маленький, иди ко мне, вот кусочек тебе припас. На! Злые девчонки и тебя замучают, они такие, не связывайся . -

Дракон, радостно повизгивая, пополз к Сэму, при развороте повалив своим хвостом Элиану, а Гельда так и валялась на спине,

трясаясь, как в лихорадке.

Сэм заманил зверя в пещеру, а потом снова вылез. Он сердито посоветовал девам вернуться к работе, но глаза прятал, и убедившись, что его всё равно никто не слышит, с облегчением нырнул обратно в пещеру, к ласковому зверюшке, который так радуется Сэму, и подальше от злых воплей и скандалов.

Вскоре снаружи донеслось шуршание камней, дружный визг. Всё стихло. Сэм понадеялся, что дружок всё уладит, и пошёл себе работать.

Вейн и впрямь всё отлично уладил. Когда по дороге на него набросились две рыдающие красотки, он их так прижал в своих объятиях, что они запищали, прекратив все рыдания. Потом он рассказал им, что на самом-то деле дракон -дохлый, только Сэм заколдовал его чучело, да так, что оно ходит, и всё прочее делает, даже ест, и потому лучше его не трогать. Элиана поверила, только спросила - чем

же чучело отличается от живого дракона, если тоже может слопать кого-нибудь? Гельда, которая лучше изучила этого болтуна, поверила только в то, что Сэм колдун. Впрочем, она и раньше поверила, когда узнала, что Сэм уговорил троллей вернуть деньги. Но Гельда ничуть не поверила, что дракон - ходячее чучело, оживлённое просто для удобства, чтоб не тащить, самоходное такое, и безобидное.

Гельда вопила, чтобы дракона немедленно убили, изрубили, искромсали. И снова убили, закололи, зарезали.

Вейн миролюбиво заметил, что за дырявую шкуру и заплатят меньше, и даже укорил нежную деву в кровожадности, но ему

пришлось в конце концов пообещать, что убьют, обязательно, и так он каждый раз и докладывал, когда притаскивал очередную корзину - убили, и опять убили, а в этот раз точно зарезали, и пикой ещё истыкали, потому что ему всё равно не верили и каждый раз только и твердили - разорвать, разрезать и прочие страсти.

Вейн говорил Сэму, что девчонки спокойны, и пусть тот тоже спокойно приучает дракона ходить на поводке. Вейн советовал не дёргать бедное животное и не тащить на верёвке, а ласково приманивать кусочком. Сэм возмущался, что бедное животное сначала надо накормить, а потом приучать к верёвке, а то еле ноги таскает, так что тащить приходится. Но мелкие разногласия не мешали дружкам в каждый приход Вейна немножко потаскать, поприманивать дракона, так что к вечеру он и верёвку на шее перестал замечать.

Что они с драконом делать будут - этого Вейн не знал, в чём честно и признался. И добавил, что в любом случае дракона необходимо приучить к поводку, чтобы сам шёл туда, куда они придумают его вести.

Вейн мог болтать и тут, и там, и никто его не торопил. Девчонки так были ошарашены, что и пообедать забыли, так и оставив узелок с пропитанием в кустиках, где его до вечера расклевали вороны.

И монетки для делёжки отдавали безропотно. А день выдался добычливым. Намыли около сотни золотых, кроме того, Сэм наткнулся в самом уголку пещеры на мешочек с ещё одной сотней, чем изрядно поднял своё упавшее настроение.

Весь вечер на терраске девушек усиленно потчевали всем самым вкусным, от костра, щедро отпаивали вином, а дракона расписывали таким безобидным и ласковым телёнком, что выходило, он и вовсе травой питается. Так что если их послушать то это дракон не дракон, а одна видимость. Недоразумение какое-то, обычная зверушка вроде енота, ну, разве покрупнее малость.

Если бы тролли их подслушивали, как они любят это делать, они бы заплакали от злости, потому что этот "енот" съел троих троллей и раздавил четверых, когда они попытались подкормить его в заваленной пещере.

Несмотря на выпитое вино, оставить в живых эту полудохлую "выдру" девицы решительно не соглашались. Убедил их Сэм, напомнив раз пять, что в пещере очень много золота, если сегодня намыли целую сотню, и дракон отлично стережёт эту пещеру.

Ведь в деревне собирается целая толпа крестьян, чтобы побить их и ограбить. Как же такого защитника можно уничтожить? Он, хоть и травоядный, но страшенький настолько, что крестьяне от ужаса умрут, а вовсе не от этого безобидного зверька. Когда Вейн подсчитал, что за десять дней они

намоют тысячу золотых, а за три месяца намоют десять тысяч, а за два года - сто тысяч, девушки перестали трястись, злиться и согласились, наконец, отложить казнь. Сэм и Вейн вздохнули с облегчением, развели пьяных подружек по разным концам терраски для сна и уговоров, что жизнь всё равно прекрасна, хотя и драконов приходится кормить.

На другой день Вейн с подружками до полудня коптели мясо на костре, заколов двух баранов. Остальные припасы тоже подходили к концу, но теперь, с открытием золотодобычи, девушки уже не ворчали на прожорливость двух солдатских и теперь ещё драконьей глоток. Сэм скрёбся в пещере, и после обеда стали промывать. Девушки старались, но в тот день не фартило - всего двадцать три монеты. Правда, тут отчасти виноват Вейн - ленился, таская вдвое реже, как вечером сказала ему Гельда. Он оправдался, что таскать приходится из глубины пещеры, но на самом деле они с Сэмом то и дело учили дракона.

Они заставляли беднягу таскаться от одного к другому за каждым кусочком, призывая его ласковыми прозвищами, как телят подзывают хозяйки: - Теля, теля, теля, ко мне, сволочь хвостатая...-

И так продолжалось каждый раз, пока дракончик не свалился на полпути от усталости.

После этого его заманивали в яму, от глаз подальше, и Вейн утаскивал очередную корзину. Хотя было намыто немного, девчонки выглядели довольными, заразившись золотой лихорадкой. Их глаза задорно поблёскивали в свете звёзд, когда они разбрелись по своим местам ночевать. Понравилось вытягивать из мутной воды блестящие кружочки, просто так вытягивать, забесплатно, вспоминая, что в деревне за такой кружочек нужно было спину гнуть неделями. Девчонкам ухмыльнулось счастье, и их затрясло, раззадорило так, что и мужчины их это ой как хорошо ощутили ночью. Вейн так ощутил, что принялся на другой день уговаривать Сэма малость поделиться с подружками, подбрасывая в каждую корзину по несколько монеток из тех кожаных мешочков, что нашли. Сэм тоже за ночь преисполнился сочувствием к девам, но тут просто остолбенел, и встал посреди дороги, разинув рот. Вейну пришлось долбить его до полудня разными доводами, что ссоры пойдут, что золото уже не в каждой корзине находят, и дракона ещё учить и учить.

Сэм огрызался, что девчонки и так ожаднели, но после полудня он сломался на один кожан, после того как дракон напал на Вейна.

Тот, любопытный от природы, наступил ему на хвост, на самый костяной кончик, а задохлик, видимо, немного отъелся, и решил потому обидеться. Он обнаглел до того, что заурчал, хвостом подёргал, а потом окрысился и загудел, но ошейник сработал, и гудок вышел настолько слабым, что у парня только голова заболела, как с похмелья. Изумившись такому нахальству, Вейн пнул животное под брюхо, но разевшийся, неблагодарный дракончик вдруг развернулся всем корпусом, повалив при этом Сэма, что держал его за верёвку. И сходу царапнул Вейна лапой.

Достал всего один коготь, и его хватило, чтобы разорвать кожаную куртку на боку. Вейн обрадовался и отходил зверёнка дубиной, которую давно таскал с собой на этот самый случай нежданного отъедания. Он жестоко треснул дракончика по башке, по лапе, по хребту, а потом вдогон, по хвосту поджатою.

Дракончик заойкал, завизжал и спрятался за Сэма, который успел подняться на ноги. Тот защитил бедную зверушку от злого Вейна, и даже больше - махая руками, заставил отступить. Много криков было, воплей и рычания, пока головная боль от гудения настырного дракончика, помогающего Сэму в битве со злодеем, не заставила Вейна сдаться. Он отступил и принялся за винолечение.

Несмотря на поражение, он имел довольную рожу, и хвалил всех - и Сэма и дракончика - но последний держал ухо востро, и всякий раз прятался за Сэма, едва Вейн приближался. Пока не бросил, наконец, столь памятную драконьим бокам дубинку. Вейн сказал, что теперь они обладают настоящим сокровищем. Самоходным, дальнобойным и массово поражающим орудием. Остаётся наладить управление, а уж деньги заколотить на таком орудии вообще дело плёвое. Стоит Сэму ослабить ошейник этому хвостатому подлецу, и тот уложит целый десяток разного народу. А то и больше. Осталось втолковать ему, как стрелять по команде и в нужную сторону, но это пустяки. Дракон умный и всё понимает.

И попросил Сэма ещё потуже ремень подтянуть, а то голова здорово болит. На это довольный Сэм возразил, что зверушке будет трудно дышать, лучше пусть Вейн подкладывает золото девчонкам, из одного мешочка.

Мысль поступить на службу с орудием, которое стоит десятков солдат, так понравилась Сэму, что он обсуждал её целый день и весь вечер. Точнее, его занимала плата, и он домечтался до того, что магистр обязан платить ему одному как целой сотне солдат.

И Вейну тоже как сотне. Девчонки его поддержали, потому что для этого требовалось идти в город.

Один Вейн не понимал, зачем идти в город, если и здесь хорошо.

Он сказал Сэму, что лучше знака подождать. Господь подскажет.

А пока никаких знаков не видать. А Гельда придумала грабить с драконом караваны. Она даже попеняла дракону с края осыпи, что так мало людей съел, всего на двести золотых.

Дракончик виновато молчал, приняв себя к новым знакомым, но Элиана его ободрила. Высунув нос с края осыпи, она подхалимски заметила, что "наш красавчик" ещё маленький, у него всё впереди.

Это случилось уже на четвёртый день золотодобычи, когда девчонки настолько осмелели, что принялись кидать в дракончика мелкими камешками издали. Золотых монет больше не находили, и не мудрено - пол под метёлку выскребли.

Всё подходило к концу - и припасы, и терпение, только свободное время всё увеличивалось. А когда девушки убедились в послушании заколдованного дракона, то вопрос о походе в город решился сам собой, без всяких знаков.

На другой день с утра девушки упылили в последний раз в сторону деревни, чтобы закупить провизию в дорогу, и наказали дружкам собираться и готовиться, всё сворачивать и связывать - всё, в город! Парни на службу, а им - тратить весело денежки на платья и прочие приятности городской жизни. Даже Вейн, вздохнув, сказал, что надо собираться, чем дружки и стали заниматься.

Однако девушки вернулись быстро, не доехав и полпути. Со склона горы они увидели караван, что направлялся из деревни, тот самый, который давно ждали, и под прикрытием которого планировали свою вылазку крестьяне за драконьей и прочими шкурами.

Сэм, услышав это, предложил испытать дракончика Телю, как его стали называть девчонки, но Вейн усомнился, что зверёк достаточно управляем.

- Он ещё плохой солдат, - сказал Вейн, - Как бы нам не досталось в сутолоке. Неужели мы сами не

справимся? -

Осторожный Сэм сказал, что лучше лишний раз не рисковать, пусть лучше дракончик рискует, но Вейн таки убедил, что дракончик от одних запахов каравана, стука копыт, голосов - попросту ошалееет, и распускать ремень на его глотке очень опасно.

Он всех уложит, и своих, и чужих, некогда разбираться, а он умница. Лучше оставить его как последний резерв, в пещере, возле озера, и встретить врага на своих условиях.

- На каких? - спросил Сэм.

- Их человек десять в лучшем случае, - Вейн объяснил свой план компании, где хоть двадцать равны двоим, и Сэм вздохнул, соглашаясь, что другого выхода нет.

Времени для подготовки было достаточно, ибо караван есть караван, он еле тащится. Друзья вооружились, привязали дракончика в пещере у большого камня, после всего все четверо уселись в воронку перед лазом, полные вином, оптимизмом и нахальством. Ждать пришлось недолго. Вскоре послышался шум сотен стуков копыт и шелеста шагов - мимо проходил караван.

Девушки, словно серые мышки, юркнули в лаз, а их дружки так и сидели, как дураки, у входа, мирно допивая едва ли не последнюю бутылку вина. Поскольку воронка в каменном завале раскопалась весьма глубокая, бойцы ничего, кроме неба и камней не видели.

И потому с десятков радостных рож по краям воронки явились для них - ну полным сюрпризом. Допив бутылку Сэм даже её уронил, а Вейн так глаза вытаращил, что крестьяне загоготали весьма злорадно.

- Здорово, Сэм, - зловеще сказал Лейн, поднимаясь в полный рост на краю воронки.- Вот и настал час расплаты. Где шкура? Отдадите - меньше бить будем. -

- Шкура, она денег стоит. - справедливо заметил Сэм, - Как это так - отдайте? Это грабёж получается...-

- Ишь, какой разговорчивый, - удивился Лейн, - С такими рожами как у вас, хороших людей не бывает. Вы бродяги и воры, а с ними у нас разговор короткий. Бей их, ребяташки! -

Вся ватага с криком ссыпалась вниз, но бродяги и воры ужжами скользнули в чёрную дыру и оттуда стали насмехаться и называть обидные прозвища - крысы, вонючие крестьяне, червяки, и предлагали залезать в дыру по одному, и получать, кому что выпадет на голову из темноты.

Крестьяне - люди основательные, и в дыру сходу не полезли. Они, посоветовавшись, решили её расширить, чтобы видно было - куда лезть, а уж потом разобраться с обидчиками. Застучали камни, и в тоннеле, где засели бродяги со своими девчонками, становилось всё светлее. Крестьяне работали молча и спорю, пока не отрыли лаза в рост человека, да ещё с запасом, чтобы смело входить вдвоём, а если потесниться, то и втроём. Что и сделали, предварительно запалив несколько смоляных факелов.

Сэм и Вейн встретили их, сидя у стенок и насмехаясь, но из темноты позади них завизжали девичьи голоса и полетели камни.

Конечно, будь крестьяне поопытнее в ратных делах, они могли бы сообразить, что их явно заманивают в ловушку.

Но никому из крестьян и в голову не пришло, что в этой каменной кишке силы практически уравнились, потому что сражаться могли только двое передних, и что обидные обзывательства тем не менее правдивы. Ну, действительно - крестьяне...

Единственное, что им пришло в голову, когда они услышали женские голоса - это ещё попользоваться девчонками, как заблагорассудится, поскольку они трофеи и добыча.

Впереди шли Лейн и Кирик, здоровяк, который держал в деревне кузню - оба с копьями, колотушками, за поясом - длинные ножи.

Кирик уже поднял колотушку, а Лейн уже нацелил копьё в ненавистного Сэма. Но бродяги вскочили, укрывшись за широким плетёным щитом, который стоял до этого прислонённым к стене.

Прикрытые таким образом, с копьём и дубиной, кроме того - с воинской выучкой, они превратились для крестьян всё равно что в каменную стенку. Но крестьяне только заорали от такой неблагодарности ещё громче.

Лейн решительно воткнул копьё в щит, и оно там законно завязло, а Кирик ударил по щиту колотушкой, но щит мягко спружинил, и всё, а вот справа из-за щита ужалило копьё Сэма - тык, тык, обоих в ляжки, а слева из-за щита упала дубина, и прямо на голову кузнеца - бум. Кузнец упал, и пошло - тык, тык, бум, тык, бум, бум, еле слышные в рёве и ругани, которая поднялась от камней, что метали через головы дружков их девчонки.

Крестьяне ломались вперёд, повинувшись боевому инстинкту - смять, раздавить, разорвать, и не обращая внимания, что наступают по телам своих упавших товарищей. Они ломались вперёд, и бродяги отступали, выбивая из атакующей колонны её передних бойцов.

Эта живая гусеница, естественно, становилась всё короче, но в таком жарком и полном радужных надежд бою это заметили только в самом конце, когда осталось совершенно неожиданно трое факельщиков и один с колотушкой. Факельщики стояли позади всех, но вот и их очередь подошла славно повоевать. Это случилось уже у самого входа в треугольную пещеру, и даже камни уже бесславно перелетали через головы бойцов. Бум - и один факел угас. Тык-тык - и с воплем упал второй факел. Двое героев, наконец, сообразили, что злая пещера перемолола всего двумя зубами их крестьянскую колбасу, и этот её последний кусочек развернулся, чтобы спастись, но было уже поздно. Очередной - бум - свалил предпоследнего, а последний, получив - тык - тык! - в обе ягодицы, бросил факел и побежал по живому ковру из поверженных тел, который плакал и стонал, побежал к последнему светлому пятну в окружавшей его чёрной и подлой действительности, побежал под визг и хохот нехороших девчонок, но прозвучал ещё один - бум! - по его голове, который он уже не услышал - и славный воин, словно щенок к матери, ткнул носом в чей-то тёплый живот.

Закончив своё злодейское избиение бородатых младенцев, бродяги со смехом прислонили к стене щит, весь побитый и истыканный вместо них, и принялись вязать пленных и таскать их в зал, к озерку. Девчонки тоже таскали, но вдвоём одного, и такими невоспитанными были девчонки, что колотили каждого пленного, и щедро, от души...Когда им в руки попал храбрый Лейн, ещё сонный от удара, он нежно промямлил: - Элиана, я очень...- но девушка так и не узнала, что он хотел - потому что весёлая Гельда засветила крепким кулачком по его скуле, а потом добавила коленкой по рёбрам так, что у бедняги дыхание спёрло. Добрая Элиана, чтобы храбрец не мучился, треснула его по макушке его же собственной дубинкой, после чего руки ему стянули его же собственным ремешком, и потащили, пиная и щипая, в большую пещеру, к остальным пленным.

Перетащив всех, победители с довольными рожами и счастливыми личиками направились к выходу, чтобы захватить имущество пленных, которое те привезли на четырёх ослах.

Поскольку караван уже прошёл, дорога опустела, и приятели спокойно и без помех смогли разгрузить свои трофеи. Тут оказались вино и провизия для полторы дюжины человек, и вскоре проголодавшиеся победители основательно нагрузили животы и животики сочными кусками мяса, фруктами, пирогами, залив всё это вином - славным, из того, что делают для себя, а не на продажу.

Во время пира задорные девчонки хвастались, что это они перебили почти всех своими меткими камнями, а трудолюбивый Сэм всё сожалел, что так быстро кончились крестьяне. Вейн, показывая на ослов, сказал, что животные умнее людей, они не полезли в эту молотилку, а остались травку щипать. Потом он с некоторой завистью заметил, что в пещере всё же валяются счастливые люди, которым, в отличие от него, всё ясно и понятно в этой жизни.

Всё они знают, и еды взяли, если прикинуть, на два дня - как раз на дорогу в город и обратно. И сейчас они, в отличие от него, вовсе не мучаются сомнениями, как потратить в городе свои сбережения - на подарки жене и детям, или пропить, потому что это теперь заботы Сэма. Тот при этих словах едва не подавился. Он вскочил было на ноги, но легконогие девчонки соображали быстрее, и ушмыгнули в подземелье, словно две пылинки. Раньше им и в голову не пришло обыскать пленных, потому что крестьянин с деньгами - это уже дворянин. Но болтовня Вейна про двухдневный запас еды открыла им глаза. Конечно, в город собрались, шкуру продавать магистру.

А в город без денег никто не поедет. Так что, если крестьяне иные и собирались побаловать детишек сластями и обновками, то зря. На этот раз ничего детишкам не досталось - всё выгребли жадные девчонки и довольный Сэм. Как ни странно девушки согласились поделиться добычей. Сэм подумал, что девчонки на радостях ещё в себя не пришли, и оставил им по монетке наградных, что остались лишними от сорока двух найденных монетах.

Он надеялся, что у девушек имеется совесть, и они отдадут в делёжку и остальные, припрятанные мимоходом, но девушки попались совершенно нормальные, и только обрадовались двум наградным монеткам. Они их заслужили.

Они долго стращали после обыска несчастных раненых, обещая скормить их дракону, если не отдадут все запрятанные монетки, но раненые были скроены из того же материала, что и они, вскормленные в тех же краях, что и мучительницы, и потому ничего не отдали. Они не вполне и слышали, кстати, эти угрозы, потому что жались по углам и тряслись от ужаса, глядя на мирного, напуганного дракончика, который скулил возле лужи, не в силах убежать от всего этого людского беспредела.

Пленных из пещеры пришлось выгонять пинками, чтобы на свету обыскать ещё раз. Девушки перетряхнули все их лохмотья, даже в башмаках искали, и, поскольку лучше знали своих земляков, чем Сэм и Вейн, получили ещё двадцать две монетки наградных, и уже их поделили только между собой, раз, уж Сэм и Вейн оказались такими тупыми.

Но Вейн был ещё глупее, чем думали, потому что предложил послать в деревню за выкупом. Девчонки сказали, что хозяйки этих разбойников, которые напали на них, безвинных овечек, могут заплатить, но никогда этого не сделают. Будут выть, и всё. Они всегда воют, по любому поводу, но никогда не платят. Они, девчонки, знают, что говорят. Сами такие.

Но если и найдётся такая дура, которая заплатит, то сделает это только из рук в руки за мужа, и

никаким гонцам денег не доверит, потому что нет таких людей в их деревне, да и вообще на свете, которым можно доверить свои кровные деньги - всё украдут, и скажут, что ограбили. Все люди умные, дураков тут нет.

Тогда Вейн сказал, что вот он, знак Божий - куда идти. В деревню, подлецов продавать из рук в руки. Услышав это, девушки просто потеряли дар речи. Так и сели на камни.

- Ну и знак, - фыркнула Гельда, - Их в деревне растащат, а нам рожи набьют. А то и поубивают. Ты дурак. -

Но Вейн сказал, что Знак - разве вы не видите? Чтобы не убили, надо взять с собой дракона. Тогда никого не растащат, и заплатят, как миленькие. Девчонки задумались. Выкуп получить, конечно заманчиво, но его не дадут, сказали они. Будут выть, тянуть время до самой смерти, но платить не будут.

- Как это - не будут? - удивился Вейн, - Заплатят, бегом и с радостью, потому что эти разбойники напали на государевых людей, какими являемся мы с Сэмом, и на государево имущество - на дракона. Сэм состоит на службе у Магистра, разве вы забыли?

И за такое разбойное нападение полагается петля на высоком дереве. Так что заплатят, пока мы не успели нажаловаться Магистру. -

Тут девушки снова пораскрывали рты от изумления, и Сэм, который во всём поддерживал дружка, подтвердил, что уже принят на службу, и девчонкам как-то говорил, но они в то время делили монеты, и потому не обратили внимания. Это меняло дело.

Получение выкупа стало реальным, а для этого и впрямь надо было вести пленных в деревню. Только Элиана усомнилась, чью сторону примет Магистр - их, которые защищали дракона, или этих разбойников, которые хотели его шкуру. Вейн согласился, что в голову Магистра не залезешь. Он может оказаться из тех осторожных, которым мёртвые драконы нравятся больше, чем живые, и это можно понять. От живых одна головная боль - Вейн и сам это знает, - а с мёртвыми никаких хлопот. И если дракончика притащить в город, Магистр неизвестно как рассудит. Он может и погорячится. Но если они уведут дракона в деревню, то Магистру спешить будет некуда, он всё хорошенько обдумает и примет правильное решение, а именно - принять на службу боевое орудие, каковым является дракон, мало того, он примет на службу и девчонок, потому что кому-то надо убирать за драконом, чистить его шкуру и готовить кормёжку.

Словом, если вести пленных под охраной дракона, в сторону деревни, то всё там блестит от золота, а если в сторону города - ничего не блестит. Разве не Знак? Смотрящий - да увидит, как где-то в Библии написано.

Выслушав эти слова, девчонки долго ругали Вейна проклятым болтуном, потому что в город уже настроились, а возразить не находили что. Даже пленные принялись ворчать, что Вейн злодей, каких поискать. Нет бы рожи набил, да и отпустил бесплатно.

На все эти недовольства Вейн ответил, что не настаивает, а просто болтает, заботясь, чтобы девчонки и Сэм заработали немножко денег. Будь он один, он бы тут же отпустил всех пленных, мало того, пошёл бы с ними в деревню и остался там жить на веки вечные, потому что завидует крестьянам, которые живут просто и честно, и знают всё на свете - и что будет завтра, и что в море плавает, и кто виноват, и что дальше делать. Ему хочется тоже стать крестьянином, пахать землю, собирать урожай

и тихо радоваться на закате своим игривым детишкам, сидя с женой на крылечке после трудового дня.

Но домечтать ему не дала Гельда. С визгом: - Так вот ты какой, обманщик! Я так и знала! - она попыталась вцепиться ему в лохмы, но Вейн успел перехватить её за ручки. Элиана хотела по дружески помочь побить верзилу, для чего встала, тоже донельзя возмущённая гнусными мечтами Вейна, и даже замахнулась по его голове, но Гельда, возмущённая таким попранием своих прав бить Вейна, тут же вцепилась в волосы подружки, и обе покатались по камням, визжа и кусаясь. Сэм еле-еле их растащил.

Отдышавшись, Гельда хмуро заявила, что будет прислужой боевого орудия не меньше, чем за сто золотых в месяц, и если грязный старикашка - магистр заупрямится, то она разнесёт своим любимым дракончиком и магистра, и ненавистную деревню, и выроdkов крестьян, если попробуют не заплатить выкуп.

Гельда так расхрабрилась, что запретила Сэму кормить её дракончика, она сама будет кормить, чтобы слушался.

На это Элиана возразила, чтобы мерзкая Гельда не смела прикасаться даже мизинчиком к её любимчику, и кормить милягу будет только она, чтоб только её слушался, и уж с магистра, как прислуга орудия, Элиана потребует, не как дешёвка Гельда, а целых двести золотых в месяц...- но тут Гельда вдруг заехала ей кулачком по челюсти, да так ловко, что корыстолюбивая девица без чувств, как принцесса какая, шлёпнулась оземь, а пленные восхищённо загудели.

После этого молодецкого удара новоявленная кормилица дракона, подбоченьсь, ласково спросила своего мужчину, не передумал ли он идти в крестьяне, на что трусливый верзила подхалимски ответил, что она права, и он вынужден согласиться вести дракона в деревню и там богатеть изо всех сил, хотя ему лично больше по душе взять соху...- но тут он заткнулся, подняв глаза на личико своей прелестной подружки.

Таким образом, вопрос - куда идти, был наконец решён.

Хлопоты по отъезду оказались недолгими. Самое большое время съели пленные разбойники. Их пришлось связывать парами, чтоб не разбежались. А чтобы они двинулись в дорогу, не хватило ни пинков, ни затрещин, потому что пленные плакались, что Сэм истыкал все ноги своим копьём, а Вейн все головы загрузил звоном и треском, и пусть головы-то работают, крепкие, но работать не им, а ногам истыканным. Подлецов пришлось перевязывать, а потом и кормить, и поить вином, и лишь после этого процессия двинулась к деревне. Впереди Элиана гнала осликов, с продуктами и другой поклажей, за ней тащился дракончик на поводу у Сэма, а ещё поодаль плелась пленная колонна, которую подгоняла весёлая Гельда и охранял мрачный Вейн. Гельда щёлкала длинным пастушьим кнутом, который достался как трофей, и хохотала, как ненормальная, припоминая со злорадством то одному, то другому пленному, как они её зажимали - кто в амбаре, кто в стогу, а кто и в дом заманивал, после чего меткий кнут удивительным образом щёлкал над ухом этого сластолюбивого типа, отчего тот вздрагивал, втягивал голову в плечи и начинал протестовать, что это как раз Гельда затащила его в поле, в амбар или просто в канаву. Гельда говорила: - Да? - и тут же удар бича приходился уже по телу, только клочья летели от одежды.

Причём хитрая Гельда шла с наветренной стороны, и дышала чистым горным воздухом, а вся вонь от крестьян шла на Вейна, который шёл с другой стороны и естественно, выглядел мрачно.

Дело в том, что бедные крестьяне, если приспичивало, не могли сделать это по людски из-за верёвок, кнута и весёлости девицы, и потому обгаживались на ходу, в свои штаны. К тому же утром перед походом, по крестьянской привычке, каждый набил живот до отказа доброй домашней едой, да и теперь их накормили и напоили вдосталь, и потому всякие излишки так и потекли по ногам и спереди и сзади. Вейн попробовал идти за ними, подальше от вони, но тут же вляпался в чьё-то дерьмо, которое какой-то подлый крестьянин ухитрился выложить на дороге, не снимая штанов, да и милая Гельда так рьяно махала кнутом, что Вейну доставалось больше прочих. Потому Вейн шёл мрачный сбоку, морщил нос и вредничал, то и дело командуя крестьянам петь весёлую песню.

Но весёлых пленные почему-то не пели, а всё тягучие и плаксивые, обгаживаясь при этом ещё обильней. Если пленные начинали роптать от такого зверского обращения, Гельда грозила отдать кнут Элиане, которая на целый год её старше, и потому она и припомнит больше.

И пусть ещё спасибо скажут, за то, что у Гельды память просто девичья какая-то.

Вейн в конце концов не выдержал стенаний пленных, и отобрал у злой девицы безжалостный кнут, и отдал его на остановке для отдыха своему дружку Сэму, для изучения, ибо тот вблизи кнута не видел, и очень удивлялся, почему тот так громко щёлкает.

Сэм принялся показывать кнут и Вейну, и дракончику, и говорить, что он состоит из мягкой кожи, и просто не может щёлкать так громко, что вздрагиваешь. Камень с высоты так не щёлкнет. Разве что жердина пересушенная лопнет так же громко - так она твёрдая.

Разве не удивительно? Как это может быть?

И Элиана, и Гельда только ругали Сэма и говорили, что вода мокрая, камень твёрдый, небо голубое, а кнут щёлкает, и потому Сэм дурак, что этого не понимает.

Но Вейн, которого уже давно причислили к дуракам, тоже заинтересовался загадкой кнута, и сказал дружку, что вначале, у самой рукоятки, кнут толстый и тяжёлый, а в конце так утончается, что похож на мышинный хвостик. Наверное в этом всё дело. Когда по кнуту пробегает волна, то она бежит к концу всё быстрее, а уж на самом конце, тонком и лёгком, просто мелькает - вот как разгоняется этот изгиб, пущенный по кнуту умелой рукой. Скорость на самом кончике просто дикая, вот кнут и щёлкает.

- Но что там может щёлкать?! - завопил Сэм.

- Только воздух. - сказал Вейн. - Больше там нечему щёлкать. Не кнут же щёлкает - он мягкий. -

- А воздух - он что? - не отставал Сэм. - Он твёрдый разве? -

- Но больше там просто нечему щёлкать, - стоял на своём Вейн.

- Только воздух. Просто он не успевает расступиться перед кончиком кнута, и тот его рвёт, или ломает, или пробивает.-

После такого умозаключения и девицы, и пленные рты пораскрывали - настолько дурацким оно показалось. А Гельда, видя серьёзность дружка, даже принялась объяснять ему, словно ребёнку, что воздух сломать нельзя, ну никак, потому что он - вот он, даже не ощущается, если ветра нет. Что тут пробивать?

Но Вейн стоял на своём - кончику кнута просто нечего больше пробивать, кроме воздуха. Он же в

воздухе щёлкает, не так ли Гельда?

Та молча отошла подальше, чтобы не треснуть дружка чем-то тяжёлым за тупость и упрямство. Но Вейн увидел её настроение, и стал оправдывать свою дурость, говоря, что вода, к примеру, тоже расступается, но посильнее ударишь - и появляется звук, и чем быстрее стукнешь, тем громче шлепок. А на кончике кнута такая дикая скорость, что и воздух трескается, хотя он и этакий воздушный.

На этом разговор угас, и возобновился только через несколько часов, во время следующей остановки на отдых. Начал его опять Сэм, который по дороге всё время учился щёлкать злосчастным кнутом. Он сказал, что Вейн прав.

Воздух, хоть и воздушный, но сгущается при сильной скорости.

Пращу длинную, скажем, и раскрутить не выйдет, если слишком длинная. А Элиана вспомнила, что во время пастьбы скота ей случилось попасть по коровьему боку самым кончиком кнута.

Удар так силён, что кожа лопается. Да хоть на пленных посмотреть - всю одежду Гельда метко раскочковала этим крысиным хвостиком. А один меткий пастух, если волки нападали, привязывал гирьку на конец кнута - только мозги волчьих брызгали.

Тогда Сэм вытаращил глаза. Они даже засияли, и он сказал: - Вейн, а если на кончик кнута посадить такой вот железный шарик, то его зашвырнуть можно, я думаю, невесть куда. Никакой пращой не зашвырнёшь. -

Вейн, боевой дружок, отлично его понял, и сразу поинтересовался - сможет ли такой шарик пробить человека?

Это может оказаться очень ценным новым оружием, куда дальнобойнее лука или пращи. Сэм размечтался, что такой кнут магистр обязательно купит, раз у него война на носу. И награду выдаст. И дружки стали вслух мечтать, например, о сотнях метальщиков с кнутами позади боевой фаланги. Они могли бы запросто расстроить на подходе ряды врага.

Потом заспорили, как бы прикрепить шарик, чтобы отрывался, когда надо, и столько всего наговорили, что Гельда и Элиана только вздыхали, стыдясь своих дружков перед земляками.

За их явную придурь. Но пленные только просили вина для подкрепления сил, не опасаясь, что в руках у Сэма кнут.

Они-то мигом поняли, что Сэм не так умён, как они сами, или вот Элиана с Гельдой, которые мигом сообразят - дешевле хлестнуть, чем вином поить, и они не ошиблись - Сэм не выдержал их нытья, и Вейн не выдержал, и - и получили бурдюк с вином, полный, после чего следующий переход крестьяне пели, наконец, более весёлые песни. Когда стемнело, движение не прекратилось.

Вышла луна, неполная, правда, но ведь полного счастья никогда не бывает. Правда, пленные спотыкались и часто падали, но ведь на то они и пленные, чтобы спотыкаться и падать. Так отвечали девчонки на все стенания и мольбы.

Благодаря этому, уже к раннему утру колонна добралась до околицы деревни. Их встретила тишина, прошенная редкими петушиными воплями. В своё время Сэм удивился, почему эти крестьяне не держат собак, как в других местах, но Элиана объяснила, что собаки тут не приживаются.

Пропадают, и всё, а у соседа обязательно новая меховая шапка появляется. Сэм озадачился - собаки и соседней охраняют своим лаем по ночам, но Элиана ответила: - Обворуют или нет, это ещё неизвестно, а собака - вот она, толстая и мохнатая, шкуру на шапку, а мясо в котёл. Крестьяне люди умные, потому собак и нет.

Достигнув туманной околицы, свернули влево, обходя огороды, потому что ещё на стоянках выбрали - чей дом занять. Всем приглянулся дом кузнеца Кирика, того самого, что первый пал в каменной кишке пещеры. Хотя и небольшой по размерам, он имел то преимущество, что стоял поодаль от других домов, на самой околице, причём выше всех, благодаря небольшому холму.

Был и колодец, имелась мыльня, амбар, и - главное для Сэма - кузня с запасом всякого угля и прочего нужного для кузнечного ремесла. А кузнец - вот он, связанный и виноватый в разбое на государева дракона. Словом, хорошее место.

Ночью все добрые люди спят, и потому подобрались без шума. И ранним утром два бродяги и их злые девчонки в весёлом настроении живо разбудили бедную жену кузнеца по имени Алина, и их двух детишек - и безжалостно выгнали на улицу. При таком разбое Алина было завывала, грозя разбудить всю деревню, но Гельда вlepила по её толстой заднице такого пинка, что бедная женщина брякнулась на локти, и увидела, как из рассветного тумана проступила башка дракона, которая внимательно её разглядывала. Что там случилось с Алиной - никого не интересовало. Молчит - и ладно. Пленных загнали в амбар, Телю - в загон для баранов, но тут малость ошиблись. Выгнали из загона шестерых, но один баранчик умный попался, и спрятался в углу загороди. Теля нашёл его, подлец, почти сразу мгновенно разодрал и сожрал, чавкая и трясясь всем телом. Пленные, те, что успели увидеть эту картину, тоже затряслись и вперегонки полезли в амбар. Сэм немножко поругал дракончика, но тот и хвостом не шевельнул.

Весь следующий день поочерёдно спали и обустривались на новом месте. И говорили с разведчиками из деревни, попросту - с мальчишками. Крестьяне, как умные люди, всегда посылали вперёд детей или женщин. Мальчишки глазели на дракончика, сверкающего золотом, и разбегались всякий раз, когда он глядел в их сторону.

К вечеру пришли, наконец, жёны пленных и , ничего не слушая, принялись выть. Они голосили всю ночь, а наутро Сэм не выдержал, расслабил ремень на глотке дракона на одну дырочку и велел гудеть, показывая на толпу женщин, облепивших забор.

К утру там собрались ко вчерашней толпе ещё дюжины две новых, которые пришли просто для развлечения.

Теля долго пытался понять, чего хочет его кормилец. Он повизгивал и умильно вилял хвостом, но вопли плакальщиц его не раздражали, он и сам умел гудеть. Видя мучения Сэма, Вейн решил напомнить дракончику прежние уроки, и подойдя к женщинам с дубиной, повернулся к дракончику и шагнул вперёд.

Поднимая дубину, он радостно сказал: - Ну, гад хвостатый, сейчас я тебя...- Теля мигом всё вспомнил, мигом пригнул голову и вlepил Вейну ровно на одну дырочку - тот зашатался, выронил дубину и сел на землю, схватившись за голову.

Вой за его спиной сразу стих - все крестьянки повалились, как подкошенные. Гудения хватило на всех, но те, кто лежал ближе к центральной линии залпа, очнулись позже, а те, что по краям - почти сразу же - и тут же стали расползаться, как тараканы, подняв толстые зады и повизгивая от ужаса.

И только после того, как все наохались - настонались, и начались настоящие переговоры. Девчонки требовали по двадцать золотых за каждого пленного, и каждая хозяйка непременно хлопалась в обморок, рыдала и клялась, что и серебряной монетки за душой не имеет. На что жестокая Гельда коротко сулила повесить страдальца, а добрая Элиана - повесить заодно и саму хозяйку, как подстрекательницу к бунту, мятежу, заговору и нападению на государева дракона. Под конец дня девчонкам и грозить надоело, и они отвечали на все уговоры одно и тоже: - Гони монету, дрянная такая...-

Но жёны были достойны своих мужей, и в ответ навешивали на девчонок такие обзывания, что несколько чертополохов, торчавших у забора, завяли и усохли.

Но девчонкам эти нехорошие названия даже насморка не приклеили - это были весёлые и здоровые девчонки, и всё, что бедные хозяйки притаскивали для кормления мужей, они отбирали и самое вкусное сжирали на глазах бедных хозяек, откладывали своим наглым дружкам, и наперебой скармливали злему дракончику. Мужьям в сарай кидали только жалкие остатки и объедки, а принесённое вино пили сами, упивались, спаивали дружкам и только что дракончику не давали лакать, но только не мужьям. Вот какие это были здоровые девчонки, приятно посмотреть, так что многие хозяйки плакали от злости, глядя на их весёлые личики. Жена пленного Вила пыталась воззвать к благодарности, напомнив Гельде, что она же не убила маленькую Гельду, когда поймала как-то за воровством огурцов, на что неблагодарная девица ответила, что просто у хозяйки палка обломилась, и пока она ходила искать что потяжелее, Гельда пришла в память и сумела уползти. Элиане тоже напомнили, что могли повесить за то, что залезла в чужой сад, но пожалели, на что кроткая Элиана согласилась, что очнулась в канаве с обрывком верёвки на шее, но уверена что её пожалела гнилая верёвка, когда хозяева решили, что повесили девчонку, и ушли праздновать такое справедливое дело.

Лучше бы не вспоминали крестьяне про одолжения, потому что Элиана тут же вспомнила сама, как её года три назад, три дня держал в подполе муж Миринды, крестьянин Пит. Он заманил её в дом пряником, и потом что только с ней не выделявал вместе со своим сыном и двумя племянниками, в то время, пока хозяйка гостила где-то в соседней деревне. Элиана сказала, что весьма справедливо с её стороны будет колотить её муженька три дня по тому самому месту, которое тот тогда использовал, а потом оторвать и скормить дракончику, потому что этот орган после трёхдневного колочения, только для дракончика и сгодиться.

И эта угроза неожиданно помогла пробить брешь в хозяйкиных рядах. Через час с воем и проклятиями эта Миринда принесла-таки двадцать золотых, и бедного страдальца Пита, обгаженного и вонючего, отдали на руки счастливой хозяйке. Гельда так и не решилась дать ему прощального пинка из боязни испачкать башмачок, а Элиана всё удивлялась - за что там платить двадцать монет? Пять, от силы.

Эти двадцать монеток пробили дырки в плотине бережливости, и деньги потекли. То одна, то другая хозяйка, призывая небо обрушиться на бедовые головёнки неблагодарных девиц, притаскивала узелок с кровными золотыми, и в калитку выпихивали с помощью пинков и затрещин очередного страдальца со связанными руками, к которому из-за вони даже родные детишки не могли подойти, и жалели папу на расстоянии.

Торговля заложниками растянулась на три дня и принесла четыреста золотых, причём основная часть была продана на третий день, после того, как Вейн послал магистру известие о происшедших событиях с очередным караваном. Хозяйкам стало ясно, что теперь мужьям уж точно повесят, и

деньги принесли, кроме четверых хозяек, которые продолжали плакаться, что денег нет. Тогда ушла Элиана предложила им заплатить по тридцать золотых, чтобы оставить пленных у себя, а потом сдать магистру для повешения, и на это хозяйки с радостью согласились.

Но после уплаты вероломная Гельда выпустила этих подлецов из вредности характера, и рассказала им ещё, за что заплатили их хозяйки, и потом весь вечер хохотала, представляя, как досталось бокам бедных женщин, и как летают по двору под тумачами безвинные детишки, что подвернуться под горячую руку.

И все эти дни, пока трудолюбивые подружки в поте лица, как пчёлки, выкачивали из своих односельчан золотой нектар, получая в симпатичные личики всякие названия, их дружки, как и положено мужчинам, бездельничали и развлекались. Сэм с утра до вечера хлопал своим бичом. В первый же вечер он освободил кузнеца и велел развести огонь в кузне и мастерить ему, Сэму, с помощью молота и огня разные штучки и приспособления для кнута.

Кузнец, который пока получил от Сэма только два тычка копьём, стал напрашиваться на затрещины, нагло заявляя, что такая работа требует оплаты. Надо было видеть эту хитрую рожу, закопчённую навек всякой дымной дрянью, когда он объяснял Сэму, что за куски железа и меди тролли, в которых он тоже не верит, берут с него одно только серебро, а вовсе не навоз, а привозное железо с караванов ещё дороже, а чтобы молотом махать, сила нужна, а баранина для этой силы тоже денег стоит, да и за вино, которым глотку смачивать, тоже все деньги дерут, да и дерево на уголь никто бесплатно не привезёт. Сэм огляделся в поисках девчонок, чтобы вразумили подлеца, но девчонки, к его несчастью, уже таскали за волосы какого-то строптивца.

- Повешу, - угрюмо сказал Сэм, - Как разбойника..-

Кузнец только плечами пожал: - Это уж воля твоя, а только работа всегда денег стоит, хоть ты весь свет перевешай, так уж это устроено. -

Видя твёрдость кузнеца, Сэм дал ему золотой, и работа сразу пошла. Сначала кузнец ему изготовил разные шарики - и побольше, и поменьше - и все их Сэм запулил неизвестно куда, с помощью своего кнута.

Потом кузнец изготовил шарики с дырками, всякие колечки, толстые и тонкие, для метания этих шариков, и ещё приспособления для кнута в виде крючков и ложечек, а потом пошли диски, заточенные и зазубренные,, затем стрелки, длинные и короткие, лёгкие и потяжелее, и всё это Сэм зашвыривал в сторону соседнего дома под холмом.

Частенько Сэм звал Вейна, чтобы вдвоём сообразить, например, что лучше сделать - вилку или кольцо - для метания стрелок, но Вейн, поболтав всласть, обычно говорил, что лучше попробовать и то и другое, и уходил, наплевав на лишние затраты, и тогда к Сэму подступал довольный кузнец, говоря, что за вилку, гнутую особым образом, маленькую, которую надо гнуть из стержней, которые нужно расковать из кусочков, которые... - он так перечислял до того, пока приученный Сэм не вытаскивал золотой, но получив его, кузнец принимался описывать изготовление кольца, и уже по тону кузнеца Сэм видел, что кольцо обойдётся в два золотых.

Конечно, Сэм сильно экономил на мальчишках, которые таскали ему со всей округи мелкие камешки, но и им иногда надо было платить, пусть серебро, но для серебра золото приходилось разменивать, и потому Сэм предпочитал не заглядывать в свой кошелёк, чтобы не расстраиваться. Почти все изделия кузнеца летели в сторону соседнего дома или в кустарник на околице, на

противоположной стороне. Сначала, при испытании нового предмета, Сэм проверял дальность броска на зелёном пятне кустарника довольно далеко под холмом, и если диск или что там ещё из ложки, вилки или ещё из чего до кустов не долетали, то мальчишки легко находили этот предмет на вытопанном скотиной склоне. Если же кустарник начинал трястись и звенеть от взлетевших пичужек, то из-за попадания в кусты предмет искать было бесполезно, и из экономии Сэм отработывал новый предмет уже на соседнем доме. Тот стоял ближе вдвое, имел широкий, пыльный двор, на котором хорошо смотрелись пыльные фонтанчики от упавших снарядов.

Правда Сэму пришлось купить с десяток подбитых кур, что гуляли по двору до испытаний, но это была мелочь по сравнению с тем, что требовала хозяйка за возврат предметов - чуть ли не вторую стоимость. А испытания на пробой по её черепичной крыше Сэм проводил, мысленно скорбя, потому что обожжённая глина на крыше лопалась от ударов чего угодно - хоть шаров, хоть дисков, хоть стрелок, и только камешки, которые Сэм метал целыми горстями, весело скатывались по черепице, ничего не сломав.

Хозяйка вопила про разбой, про корову, что перестала доиться, про кошку, что стала заикаться, и грозились жаловаться магистру, королю и господу Богу, если Сэм сейчас же не заплатит.

Получив же деньги за ущерб и выкуп за возврат снарядов, мигом умолкала, и охотно разрешала обследовать хоть крышу, хоть двор, хоть её саму, тем более, что женщина ещё молодая. Сэм обследовал и крышу, и хозяйку, но это не принесло экономии.

Вейн сказал, что он плохо обследовал эту хозяйку, и Сэм ничего не ответил, только выругался, потому что хозяйка содрала с него лишней золотой именно за это её обследование. Сам Вейн отказался гоняться за этой старухой, и ради чего? - ради экономии, когда мир кругом велик и прекрасен, и Господь щедро даёт деньги, если попросить. А потом присмотреться - где их припас для него Господь. Пусть Сэм экономиться сам с этой ведьмой, а Вейн пойдёт кланчить.

И действительно, каждый день Вейн уходил в деревню, где болтал языком, угощался вином и навлекал на себя гнев порядочных людей. Вот чем занимались эти бездельники, пока их бедные подружки в поте лица выколачивали монетки из злых крестьян. Когда же девицы узнали, что кузнец получил от Сэма чуть ли не пятьдесят золотых монет, то потрясённая Элиана долго силилась что-то выговорить, а Гельда, по своему обыкновению, свалилась от хохота на землю. Кузнец от греха, потихоньку двинулся к своей кузне, вытирая свои корыстные руки грязной тряпкой. Элиана, отлепясь, наконец, от забора, доходчиво объяснила Гельде, что смех её вполне дурацкий, потому что её дурак Вейн все деньги отдаёт Сэму, и у кузнеца, таким образом, деньги общие - Гельда от злости чуть смехом не подавилась. Через мгновение две разъярённые пантеры кинулись к кузне, дверь в которую кузнец едва успел закрыть на железный засов. Кузня затряслась, но выстояла. Злобствуя, девицы принялись ходить вокруг неё кругами и никак не могли прийти к единому плану - Элиана предлагала сжечь кузню с кузнецом, а Гельда вначале вынуть его из кузни, изрубить, отнять деньги, а уж потом сжечь его вместе с кузней.

- Это нехорошо, - робко протестовал кузнец на такие злодейские планы, и справедливые девицы навесили ещё два основания для казни кузнеца - конечно, он развратничал и с тою и с другою.

Они, правда, не помнят этого, но это не значит, что он не приставал, потому что он мужчина, а значит, виновен и достоин казни. Девы тряслись от обиды и рычали в окошечко, что такому бунтовщику и негодяю просто не могут подарить лишней день жизни, и магистр их ещё наградит за скорую расправу, тем более, что своей кузней всю природу почти задушил, даже мух стало меньше от

его копоти. Потом Гельда сказала, что они девчонки работающие, золото промоют потом, из золы от кузни, и после такого соглашения кузнец завопил, увидя вдохновенное лицо Элианы, когда она потащила к кузне охапку соломы. То, что девицы перестали торговаться, показалось кузнецу плохим признаком - и впрямь рассердились.

Сэм крутился рядом, не вмешиваясь, но и не уходя, и это давало кузнецу надежду, и он держался, словно древний герой, до самого последнего момента, когда уже принесённая головня ткнулась в солому?

Кузнец с истошным рыданием бросил из оконца под ноги злых девиц мешочек с золотыми, которые тут же были схвачены, пересчитаны и поделены. Солому вовремя потушили, после чего принялись за подошедшую на помощь Алину, раскатав губы на ещё двадцать золотых выкупа, так и не уплаченные ею за кузнеца. Но Алина давно пришла в себя и легко перескандалила обеих злодеек, помянув всех съеденных баранов и прочие припасы из погреба.

Сэм удивился ещё, как легко она убедила таких драконистых девиц отпустить её кузнеца за съеденных баранов. Забесплатно, можно сказать. Сэм доверчивый был, и каждый раз надеялся, что в подругах совесть проснулась. И в этот раз доверчивый Сэм, видя, как мирно отпускают кузнеца, воспрял духом и сказал девицам, что кстати Алина подошла, поэтому дайте ей пять золотых на пропитание, а то с утра пристаёт и плачет, что всё съели и всё такое. А? Дракончик тоже ест. А? А у Сэма деньги куда-то кончились. А? Сэм ещё мысленно Господа попросил, что...это самое, Господь, на дело ведь прошу...-

Но говорил и думал без особого напора - уж очень девицы разъярёнными ходили в последнее время. Но девы, остановясь, странно переглянулись, потом поспорили между собой, но тихо и немножко, после чего без звука скинулись по три золотых, которые и отдали Алине. А Сэму даже худого слова не сказали. Только Элиана посмотрела, как взрослые смотрят на карапузов, и вздохнула, что куда, мол, деваться, раз такой дурень ей достался. Сэм же удивился, что девчонки на себя не похожи, и правильно засомневался, потому что не знал ещё, как они вероломно обставили его сотни на полторы золотых. Но девицы помнили, потому и расщедрились на толстую Алину. Всё помнили - как мимо, как раз перед скандалом с кузнецом, нёс в мешочке эти золотые простодушный Вейн. Нёс дружку Сэму, чтобы тот и дальше щёлкал кнутом золотые железки. Потому что с утра обычно ленивый Вейн трудолюбиво ободрал торговый караван, как липку, с каждой лошади с вьюком - по золотому, и ещё послание отправил с начальником каравана, для магистра.

Но ободрать вооружённый торговый караван - с Божьей-то помощью - куда легче оказалось, чем пронести эти золотые через двор.

Хитрые девчонки, увидя столь аппетитный и увесистый мешочек в руках доверчивого дылды, конечно, тут же защебетали пташками, какой он красавец, а уж Гельда так и вцепилась в мешочек, и согласно пообещала отдать его Сэму, конечно, вот только он занят сейчас, а для тебя, милый, в погребе стынет вино в высокой бутылки, и обед стынет, горячий, а пока из горячего только нежный поцелуй, вот такой. Спровадив длинного балбеса в избу, девы немного пошипели друг на друга, - мой принёс-с-, для моего принёс-с-, но драка выгоды не сулила, и девы быстренько всё поделили - тебе - мне, тебе - мне...- как раз перед возвращением Сэма из кузни, когда он, не подумав, брякнул про жадного кузнеца.

Может, и подумав. Но всё равно брякнул, вызвав тем самым целую осаду кузницы, и вероломство подружек открылось только поздно вечером, когда на прохладном воздухе дружки-бродяжки

распивали молодое вино, кушали свежий сыр, и неторопливо обсуждали прошедший день.

Вейн рассказал, как пришёл в гостиницу в дальнем конце деревни, где в больших и длинных сараях, кто в стойлах, кто в комнатах, и люди, и лошади ожидали, когда придёт охрана, и когда накопится достаточно купцов и товаров, чтобы без страха двинуться через перевал. Оказалось - купцы до сих пор не знали, что дракон пойман. Вейн ушам своим не поверил, но это было так, ибо крестьяне ни словечка не сказали купцам. Конечно, мальчишки болтали, что дракона поймали и даже привели в эту самую деревню, вон туда - на тот конец, - но в такую ерунду от мальчишек никто не верил, конечно.

Только смеялись и благодарили подзатыльниками.

Вейн поговорил с начальником каравана, убедил, и они съездили верхами, посмотрели на дракона и на толпу женщин у изгороди, после чего, оправясь от удивления и радости, начальник каравана отказался платить Вейну по золотому с лошади.

Он отнекивался и кивал на купцов, которых сам же и собрал в гостиничном дворе в свою поддержку. Письмо магистру отвезти согласился, и бесплатно, из уважения, а платить за поимку дракона...- ответили за него из толпы, под хохот и одобрительный гул: - Поймали, ну и дураки. Нам то зачем платить? -

Тогда Вейн пожаловался, что зверюшка больно прожорливый попался, им не прокормить, и дружок вон жаловался, что деньги кончились. Купцы улыбки поубавили, и посоветовали дураку Вейну убить дракона, да и вся недолга. Вейн огорчился такой бессердечности, и сказал, что человек он верующий, хоть и солдат, и убивать хоть кого просто потому, что так удобнее, он не сможет, не хочет, и не будет. Видно, в этом Знак Божий, что зря он поймал дракончика, и надо его отпустить. На то же самое место, где поймали, на дорогу, где он легко прокормится всякими прохожими купцами.

Купцы зауگریлись, люди бывалые, тёртые, но никто не высказал мысль самим пришибить этого дракона. И Вейна заодно, если мешать будет. Но эту мысль и необязательно было произносить - она настолько в воздухе витала, что даже без вопроса Вейн ответил, что попробовать можно, однако тогда лучше всех жителей из деревни убрать, и слабых, и малых, и старых, и весь скот, и лошадей, и слуг, потому что в случае заварушки разъярённый и раскормленный дракон разнесёт всех и вся, тут курицы живой не останется, одни трупы.

Он искренне пожалел тех купцов-храбрецов, которые ради экономии золотого готовы отдать жизнь, и посоветовал им сразу распродать своё имущество, а то после смерти в бою с драконом всё равно растащат те, кто поумнее, и в бой не пошёл.

Но ему, Вейну, кажется дешевле прокормить дракона, и спокойно ехать через перевал, и туда, и обратно, и опять туда, и обратно, экономя на охране и на скорости - ведь никого ждать не надо теперь, чем быстрее обернёшься взад - вперёд, тем больше денег заработаешь.

Войны пока нет, самое золотое время для торговли, а сейчас и путь освободился - крутись и богатеи вдвое от каждой поездки. Но лучше для надёжности сначала убить дракона - тогда каждый на золотой сразу разбогатеет. А потом крутиться, со спасенным от Вейна золотым. Но напасть надо всем сразу, с рёвом и воплем, тогда есть шанс, что хоть один добежит, чтобы ткнуть дракона копьём. Наверяд ли пробьёт его шкуру, но тот может напугаться, и убежать. Но убить его необходимо - вдруг от голода он убежит от хозяев, и вернётся на горную дорогу.

Вейн так часами мог болтать, но слушать его - тут дураков не было. И напрасно он призывал набраться храбрости, напрасно отказывался от золотых, которые мигом собрали, причём иные кидали по два золотых за лошадь, требуя заверений, что дракона ты, рожа, будешь кормить от пуза, понял?

Вейн не успел оглянуться, как гостиничный двор опустел, причём последний, начальник каравана, увидев, как его опередили другие купцы, обозвал Вейна сволочью, и хотел стукнуть этим мешком с золотыми монетами прямо по голове, но дылда увернулся.

Кинув ему мешок, начальник тоже ускакал. Войско желтяков было огромным, при нём множество купцов-желтяков, и первый, доскакавший до войска днём или ночью, мог ломить за свой товар любую цену. Пока не подъедут другие купцы.

Когда Сэм услышал, что эти деньги Вейн отдал Гельде для передачи ему, то вначале онемел, потом захрипел, при этом глаза его помутились, а плечи затряслись. Имей Сэм преклонные года за плечами, он бы тут и скончался от столь жестокого обмана. Обеспокоенный Вейн похлопал друга по плечу и заверил, что это же наши девчонки, и неужели они не поймут нужность и ценность боевого кнута? На это Сэм приглушённо и горестно завыл, эдак по мужски, с достоинством, не как там всякие женщины. Вейн даже бутылку в сторону отставил, и принялся заверять Сэма, что любому дураку ясно, насколько важно трепать задние ряды вражеской фаланги стрелками, шариками и дисками, и потому девчонки золото непременно отдадут.

- Вейн, - всхлипнул в ответ Сэм, - ты забыл, что они-то не дуры. Они умные.-

На это Вейн не нашёл, что ответить, и только вздохнул, что Гельда всё ещё очень ему нравится. Сэм безнадежным голосом сказал, что Элиана тоже никак вот не надоест, но что делать, если они так ловко раскусили дружков. Пора с ними расставаться. Дальше будет ещё хуже. Вейн возмутился каменному упорству друга, и сказал, что не понимает, почему нужно расставаться с милой Гельдой, если она взяла какие-то жалкие деньги. Может, ей нужнее. Может, это знак Божий, чтобы польза какая вышла, и что о деньгах бы дружки не беспокоились - Господь ясно дал понять, что денег будет так много, что и девчонкам, жадным и ненасытным, словно капканы, этих денег хватит. Ну точно - ясный Знак.

И незачем прогонять красоток. Но разобиженный Сэм стоял на своём, что девчонки плохие, что вместе плохие - что по отдельности. Это уже прямое наглое воровство и грабёж, и если их не прогнать, или не отобрать деньги, то воровство и грабёж так и будут расти до неба.

Поскольку уже темнело, и пора было спать, Вейн решил не спорить с дружком, надеясь, что завтра он одумается злобствовать из-за ерунды. И Сэм без возражений назначил на завтра битву с девицами, потому что один скандалить уже боялся, а вдвоём, глядишь, что и выйдет - девчонки кремни, и считают их за дураков.

Из-за этого военного положения, объявленного Сэмом, пришлось ночевать на воздухе. Вейн принёс из дома одеяла, и они спали на траве, по походному порядку, поочерёдно неся караул.

Девчонки, конечно, мигом заметили эти военные приготовления, всё сообразили и полночи шушукались, обсуждая своих дураков, готовясь к завтрашнему скандалу или драке. Вывод, который они сделали, был прост и ясен - денег не отдавать. Тут же девчонки пересчитали свои денежки, каждая в уголке, сколько - не сказали, но и так ясно, что по целому состоянию хапнули, не меньше монет за триста. Никогда в жизни нищие девицы не держали больше двух-трёх монет, даже за ласки

мужчины платили только серебром, а украсть в деревне, кроме яблок, нечего.

Девушки долго судачили, и согласились, что их дураки, вообще-то, неплохие. Даже не бьют их. И везучие, как все дураки. Эвон какой золотой водопад обнаружили, озолотивший девчонок в несколько дней. Но к добру это не приведёт, и потому надо бросать этих, и пристраиваться к другим. Конечно, сказала Элиана, мне Сэм даже немножко нравится. Но такой простодыр, что даже жалко бросать - пропадёт ведь без присмотра с этим длинным придурком.

Гельда сказала, что Вейн полный дурак, раз заплатил за неё двадцать золотых, и потому симпатичней толстого Сэма. Когда её отчима отпускали из заложников, Вейн сунул двадцать золотых ему в руку. Отчим чуть-чуть не рехнулся от удивления, а потом, дома, наверное, заикой стал от хохота. Это от него Гельда такая смешливая. Каждую ночь лез к ней под одеяло, со своими хихоньками, надоел до невозможности.

Девушки согласились, что дураки у них всё-таки удобные, невредные, и бросать их немножко жаль, но что делать - не деньги же отдавать?

Почти всю ночь в тесной комнатёнке шелестели слова и сожалельные вздохи, только под утро стихло.

А утро выдалось славное, тёплое и солнечное. Алина вытащила на улицу котёл, развела костёр и принялась варить кашу на всю компанию. В печи, что стояла в избе, упревал целый баран, обложенный курами. На шесть золотых Алина, золотой припрятав, пригнала целое стадо, и сказала своему кузнецу, что бродяжки люди не плохие, раз платят деньги, но зря связались с нашими пиявками - съедят. Кузнец согласился, всё злобствуя на отобранные пятьдесят золотых.

Всё утро он смотрел в мутное окошко, как Сэм и Вейн обучают дракона, и размышлял, как из Сэма деньги вытянуть, да чтоб подлые девчонки не узнали.

Сэм водил Телю кругами по загону, дёргая за цепь, заставляя то садиться, то вставать, то идти, а когда на пути попадался Вейн, то Сэм командовал: - Стреляй! - , а Вейн лениво поднимал дубину.

Дракончик вздыхал и пригибал голову. Получив по ушам невидимую оплеуху, Вейн тут же бросал дубину, а потом плёлся за ними, доставая из мешка одну за другой пёстрых куриц, которые кудахтали и били его крыльями по морде. Он привязывал их к изгороди по углам загона. Теля начинал волноваться, влюблено поглядывая на пернатых скандалисток, но злой Сэм не позволял сожрать ни одной, дёргая беднягу за шею. Потом начинался завтрак.

Сегодня у дракончика получилось лучше, чем обычно - он стрелял только по отдельной курице, и уже не трясся, хватая зубами тушку, не глотал, а хрустел костями и разжёвывал. Наконец Вейн, как обычно, привёл барана. Тот принялся бегать кругами и блеять, а дракончик, сидя рядом с Сэмом, страдал, глядя на это бесстыдство.

Он то и дело поднимал к Сэму свою башку, и получил от мучителя

. только хмурую отповедь: - Чего косишься? Сидишь и сиди. Солдат без приказа и мухи не обидит. -

Дракончик едва не всхлипывал, наблюдая издевательство барана, однако впервые сидел, как и положено стойкому солдату, и терпеливо сносил все бараньи оскорбления.

Наконец, довольный Сэм расстегнул ремень ещё на одну дырочку, и сказал: - Теля! Нас обижают. Вот

он, негодяй, баран такой.., стреляй! -

Спустя мгновение баран так и брякнулся на всём скаку, и даже затрещал от невидимого удара. Но Сэм тут же одёрнул героя за цепь, едва тот приподнял в вожделинии свой толстый зад.

Сэм погладил дракончика по безобразной башке, и принялся нахваливать, и отпустил беднягу на промысел к тёплому барану только тогда, когда даже кузнец издали разглядел в мученических гляделках дракона ясное желание слопать самого благодетеля.

Всякий раз при пожирании барана кузнеца пробирала дрожь.

Невольно представлялось, что это его, кузнецовы рёбра могут так же когда-то захрустеть.

Сегодня после обучения Сэм и Вейн не пошли, как обычно, в кузню обсуждать заказы, и кузнец забеспокоился. Вейн уселся с бутылкой вина у изгороди, грустный и нахмуренный. А Сэм, покрутив кнут, с тяжёлым вздохом бросил его на землю, после чего присоединился к бутылке возле Вейна. И где же их подружки, прежде ранние пташки? Сегодня, похоже, дрыхнут, словно кошки. Или Вспомнив вчерашние события, кузнец всё понял. И похолодел. Кузнец зашептал Алине, которая крутилась у печи, что назревает, можно сказать, настоящая битва титанов, если вспомнить, про кремневый характер мерзавок, злыдня дракончика и полную дурость приятелей. Могут, слово за слово, весь дом разнести, их поубивать, да и деревне не поздоровится. Алина затряслась, и открыла подпол, чтобы нырнуть туда, если что, загнала туда детей, и заняла пост у окошка вместе с мужем.

Пока в доме происходили эти приготовления, Вейн подошёл к котлу с кашей и выловил на закуску кусок курицы. Сэм тоже подошёл, и тоже выловил курячью ногу. Они подули на дымящее мясо, после чего принялись чавкать, блаженно прищуриваясь на восходящее солнце, словно два кота. Каша пыхнула паром, и Сэм сказал, что каша вот запыхтела. Надо или перемешать, или снять с огня, а то подгорит.

Но Вейн, уставясь в кашу, изрёк: - Сильная какая каша. А? -

Сэм тоже уставился в кашу, которая медленно и ровно приподнималась, потом пыхнула с краю струёй пара, опала, и снова поползла вверх по стенке котла.

- Да, - согласился Сэм, - Тут, наверное, с полпуда этой каши. И кто это её поднимает? Я бы уже устал...-

- Я думаю - это пар, - сказал Вейн, - Вон его струйки. Больше никому. -

- Ясно, что пар, - задумчиво сказал Сэм. - А интересно - насколько он сильный? Если на кашу положить крышку, а на крышку камни - то сколько пудов надо, чтобы крышка не плясала? -

- Невесть сколько, - подумав, сказал Вейн. - Ведь пар появляется от костра, а его я могу жечь сколько угодно. А если кашу из котла выкинуть, а налить воды, то пара там будет - во сколько! - и Вейн широко развёл ручищи, - И камней можно навалить сколько угодно. Значит, котёл раздуется, как пузырь, и лопнет. -

- Ну, это ты загнул, - усомнился Сэм.

- А куда он денется? - удивился Вейн.

- Вроде некуда. - согласился Сэм, - Но что-то не верится, котёл крепкий, медный. Но проверить это

легко. Можно заказать кузнецу котёл... -

- Я у купцов вчера кувшин медный видел, - перебил его Вейн, - с узким горлышком. Лучше на нём проверить. Дешевле и быстрее.

Зальём воды, расплющим горло молотком, кинем в костёр и посмотрим - разорвёт или нет. -

- А зачем горло расплющивать? - спросил бережливый Сэм, - Такой кувшин дорогой. Лучше забить горло деревянной пробкой. -

- Её вышибет. -

- Так ещё крепче забить. -

- Всё равно вышибет. В кувшин много воды уберётся. Сколько же там пара будет зажато? Если его выпустить, он раздуется в невесть какое облако. - Вейн опять показал руками, - Вот какое. -

Сэм в ответ промолчал. Человек практический, он решил проверить, сожмётся ли пар, для чего надул щёки, сжал губы изо всех сил, и надавил пальцами на щёки. Воздух удержать не удалось - он проскрипел между губами. Сэм даже ладонью запечатал губы, но и это не помогло, только глаза чуть не вылезли.

- Вейн, - сказал он решительно, - Воздух-то, оказывается, невесть какой упрямый. Не сжимается. И точно - кувшин лопнет. -

- А я что говорю. - ответил Вейн, - Горло надо закатать. Любую пробку вышибет так далеко, что и не увидишь. Подальше твоего кнута. -

Глаза Сэма опустели, и он мечтательно сказал : - Может, и человека прошибёт. Это же какое оружие замечательное..., сегодня же попробуем! -

Но тут ему пришлось отшатнуться от котла, от тычка разъярённой Алины, которая долго наблюдала беседу дружков у котла, страдая за свою кашу, но каша уже принялась пускать чёрные струйки дыма, а дураки всё беседовали, уставясь в эту кашу.

Не выдержав такого злодейства, Алина сама убрала котёл с огня, при этом указывая в нехороших выражениях, что каша пригорела, и для них, дураков, варится, и за их деньги - так неужели они такие тупые, что убрать не догадались?

Не слушая упрёков, дружки отошли к забору, продолжая увлечённо чесать языками. За этой сценой с сеновала из сарая наблюдали и две подружки, которые проснулись совсем недавно, однако успели увидеть весь разговор над кашей. По отдельным словам, которые долетали до их чутких на ругань ушей, они поняли, что дружки обсуждают вовсе не то, каким концом запихивать в горячую кашу бедных подружек - головой или ногами - , для выколачивания денег, а обсуждают вовсе очередную дурость вроде дракона или кнута. Успокоясь, даже стали толкаться локтями - иди, мол, растащи их, а то ещё чего дурацкого придумают - не расплатишься потом, от дурости одни убытки.

Элиана сказала, что это Гельда должна выйти, потому что это её Вейн разводит руками и подбивает бедного глупого Сэма на очередную глупость, но Гельда возразила, что это её Сэм подбивает глупого дылду, ишь, щёки надувает, как будто лопнуть хочет, дурак дураком, а каша уже подгорает невесть сколько.

Но выйти из укрытия они так и не решились, зато поуспокоились и даже повеселели. Только когда из дома вышел кузнец, и дружки принялись ему что-то втолковывать, они окончательно уверились, что бить их вроде не думают. Наконец, пихаясь локтями и заряжая друг друга наглостью и нахальством по самые макушки, они решили высунуть носы из-за скрипучей амбарной двери.

В это время Сэм злобствовал на кузнеца Кирика, который стоял с очень обиженной рожей и отказывался работать любую работу - ни котлов, ни кувшинов, ни цепей, ни шариков - ничего, одни убытки, делаешь-делаешь, а потом всё заработанное отбирают и ещё морду бьют. Всё это высказав, Кирик заметил подружек и тут же юркнул в дом, заперев дверь на засов. Дружки тоже увидели подружек - и помрачнели разом. Девицы подбоченились в разные стороны, так что напомнили Вейну виденный вчера кувшин с двумя ручками, про что он и сказал Сэму. Тот вздохнул, нахмурился и замогильным голосом спросил: - Гельда, передавал ли вчера Вейн для меня деньги? -

- Конечно, мой милый Вейн передал мне деньги, - радостно сказала Гельда, глядя на Вейна, - и я ровно половину, по-честному, отдала Элиане. Разве это не справедливо? И разве я не молодец, оставив себе половину? Видишь, как я забочусь о нашем кармане, милый. Похвали меня, а? -

Вейн заулыбался, и чуть было и впрямь не похвалил красотку, но несчастный вид дружка заставил его прикусить язык.

- Гельда, - сказал он, - но Сэму нужны деньги. Для кузнеца. -

- А деньги всем нужны. - ответила Гельда, - Так я же не дура, чтобы всем их раздавать. Я у тебя умница. Половина денег нам с тобой, а половина - Сэму и Элиане. Разве это несправедливо? И почему вы такие хмурые, словно кто деньги у вас спроворил? -

- А где наша доля от выкупа заложников, а? - Сбитый с толку таким непонятным выпадом, Сэм сгоряча выпустил в пылу спора запасную стрелу, но нахальные девицы тут же её вернули, наперебой вспоминая, как они выколачивали выкуп, все руки-ноги отмолотили.

Слушая их, кузнец, и тот уверился, что именно сердобольные девицы выходили, выкормили и спасли от пьяных дружков - злодеев - недоумков их бедное хвостатое чудище, которое Вейн хотел отдать крестьянам на растерзание, а злодей Сэм - угнать в город на погибель.

Даже чертополохи, недоверчивые от природы, уверились, что дружки невесть сколько задолжали девицам, а теперь ещё денег требуют, видно, что хотят бросить, как всегда делают обманщики-мужчины с бедными девушками. Тут Вейн не выдержал, и заверил Гельду, что вовсе не имел в мыслях бросить бедную девушку. И тут же заверил Сэма, что Господь пришлёт денег, и сегодня же, едва Вейн разглядит, где они лежат. И вообще взял вину на себя, обещав отдавать деньги только Сэму. Тот поглядел на кашу, на нахальных девчонок, и только кивнул хмуро на такое предательство друга. Битва не состоялась. Дураки сдались. Умные всегда побеждают.

Вейн ушёл гулять по деревне, вертя головой и болтая с каждым встречным, но в деревне если и были деньги, взять их мог только воинский отряд после массовой казни половины жителей, и потому Вейн вскоре пришёл на постоялый двор, пустой и тихий. На ступеньках гостиницы сидели трое мальчишек из прислуги типа "отведи коня", глядя на Вейна круглыми, как пуговицы, глазами. Вейн, усевшись рядом, послал крайнего за хозяином, и тот, вскоре явившись, с некоторой горечью сказал :- А - а, это ты...- и даже не поздоровался.

Хозяина постоялого двора звали Герберт. Издали он походил на бочонок вина, однако глаза

смотрели настолько трезво, что купцы и не пытались увильнуть от оплаты.

Вейн вежливо спросил - как идут дела, на что Герберт, оглядев пустой двор, не счёл нужным отвечать. Тогда Вейн пожаловался, что и у него, Вейна, дела идут плохо. Денег нет, а очень нужно.

Тут Герберт открыл рот, сказав, что Вейну с его проклятым драконом денег найти - раз плюнуть, пошёл на дорогу - и ограбил,

А вот ему, Герберту, гораздо труднее поправить дела, потому что из-за всяких мерзавцев, которые навострились ловить всяких драконов, купцы прекратили жить тут неделями, ожидая охраны, а останавливаются только ночевать за жалкий золотой.

А налог королю Алану остался прежним, и платить ему чем - непонятно. Вейн недоумённо посоветовал Герберту взять, да увеличить плату за ночлег раз эдак в десять - это же просто.

- В десять раз? - переспросил Герберт, глядя с некоторым любопытством. Вейн сказал, что можно и в двадцать - Герберту виднее, как быстрее возвратить прежний доход. Или даже увеличить его. Это несправедливо, что купцы так обижают Герберта, ни за что, ни про что, лишают его дохода, злостно экономят на жилье, хотя должны бы платить по прежнему, тем более, что сейчас они и зарабатывать будут больше из-за того, что не ночуют неделями у Герберта, а ездят и зарабатывают.

Герберт был явно озадачен таким рассуждением, и осторожно заверил Вейна, что вздуть плату он не прочь, но купцы вообще тогда перестанут у него ночевать, а уйдут ночевать тогда по крестьянским дворам. Конечно, там есть риск быть убитым и ограбленным, но втроём - вчетвером, если спать по очереди, купцы вполне безопасно переночуют у самого разбойного крестьянина.

Подумав, Вейн доверительно сказал, что Герберт тут кой чего недопонимает. Если купец ушёл на ночёвку к крестьянину, то чья это заслуга? Герберта, который вздул цены, и поэтому крестьянин по справедливости обязан поделиться платой с Гербертом.

Хозяин, подумав, присел рядом и тихо спросил, сможет ли Вейн выколотить из этих проклятых крестьян хоть какую благодарность?

Вейн ответил, что с Божьей помощью уверен в этом.

Хозяин, ещё подумав, возразил, что крестьяне назовут Вейна, и справедливо, попросту грабителем, а потом пойдут жаловаться королю и ещё хуже - магистру. Разве нет?

Вздыхнув, Вейн сказал, что не видит разницы между грабежом и зарабатыванием денег, а также между справедливостью и беззаконием, такой вот он дурак, и попытался объяснить это Герберту. Тот вначале раскрыл рот, но потом с негодованием согласился, что Вейн, конечно прав, и это будет не грабёж, а дикая справедливость, и никаким грабежом тут и не пахнет.

После чего, для просветления запудренных Вейном мозгов и обсуждения неясных мелочей, послал мальчишку в подвал за вином и сыром.

Через час Герберт с надеждой вручил Вейну увесистый мешочек с монетами, и далеко не серебряными, и ещё удивился, почему это верзила такой доверчивый, даже не развязал, не проверил.

Просто Вейн не любил заниматься бессмысленным делом - зачем считать, если и без него пересчитают?

Тут он не ошибся. Подходя к дому кузнеца, Вейн был замечен шустрыми подружками. Он захромал, сбился с шага, даже сделал этакий нерешительный зигзаг, и подружки, бросив тут же все свои дела, кинулись встречать его с умильными рожицами.

- Вейн, красавчик, я по тебе соскучилась. -с этими доверительными словами Гельда прыгнула на дылду, и он зашатался. Проворная Элиана быстренько подставила ножку, и глупый дылда брякнулся на спину. Оседланный Гельдой, сидящей на его груди, он открыл рот и сказал: - Гельда, я ...- Но та с урчанием впиалась в его губы, ёрзая и шаря по Вейну руками и всем телом. Нащупав коленкой на его груди характерную переливчатую твёрдость, она мигом выдернула из Вейна этот мешочек, нежно приговаривая всякие глупости, и отдав его Элиане, сопя, снова жарко его поцеловала.

Вейн сказал: - Бу-бу-бу.- и затих.

- Вот как я тебя ждала, - гордо сказала Гельда и снова уселась ему на грудь. Вейн поискал гербертов мешочек, но бестолку.. Огорчённая рука, чтобы утешиться, ухватила за круглую коленку девушки, и коленка её утешила.

- Гельда, - грустно сказал Вейн, - это не мои деньги. Это для Сэма.

- Я знаю, - насмешливо отвечала жадная девица, - Мы отдадим ему немножко, по справедливости. А теперь отпусти мои коленки, милый Вейн, а то жадная Элиана обделит нас с тобой -

Скандал помог - Сэму и впрямь досталось несколько монеток. Вейн удивился спокойствию Сэма, и на это удивление Сэм ответил, что вовсе не смирился с грабежом, но как-то перед Элианой совестно - уж очень она радостно улыбалась, когда час назад вручала ему медный кувшинчик, просто как золотой монетке улыбалась. И за прошедший час с помощью этого негодяя кузнеца уже успел коварно расплющить горлышко тяжёлым молотом, что Элиане, наверное, не очень понравится. Он чувствует это, тем более, что не просто расплющил, а ещё и скатал расплющенное горлышко в рулончик, до самой пузатой части кувшинчика с залитой водой. Элиана подумает - нарочно сделал, назовёт дураком, и не захочет мириться.

А он так хотел помириться, утешить бедняжку, утащив её для этого на сеновал, потому что два дня уже не утешал.

Может, Вейн чего придумает, чтобы без скандалов провести испытания прямо сейчас, уж очень любопытно - лопнет кувшинчик или нет?

Вейн сказал, что это запросто, он же дурак и не видит разницы между плохим и хорошим, для него любое дело не поймёт какое, и потому пусть Сэм с лёгкой душой разжигает костёр.

И весёлые бродяги, забыв про ужин, принялись за дело. Костёр был собран в середине двора, и Вейн заботливо уложил на дрова искалеченный кувшинчик. Горлышко кувшина напоминало рулет, и когда поджигали костёр, этот рулет углядела любопытная Гельда, но, к счастью, она онемела, а на любопытную Элиану, которая подскочила чуть позже, напала икота.

Пока Сэм торопливо разжигал костёр, участливый Вейн отвёл подружек в сторону, смахнул горькую слезинку со щёчки Элианы, и по секрету сообщил, что это вовсе не дурость и измывательство над ними и кувшином, как они подумали, а напротив - улучшение кувшина с помощью колдовства. Сэм счастлив, что Элиана - за свой счёт - подарила кувшинчик, но ведь он маленький, и Сэм, как смелый колдун, решил его увеличить, на радость Элиане. Ведь она рада? Элиана потрясённо прошептала что-то о рулете, на что подлый Вейн, заботливо смахнув вторую слезинку с её бледной щёчки, объяснил,

что Сэм, как заботливый колдун, предоставил Элиане возможность исправить этот рулет и даже удлинить его.

Сэм хочет совсем оторвать горло у кувшинчика - оно узкое и мешает наливать вино, однако если Элиана пожелает, то она может оставить горлышко и развернуть его, и даже удлинить, словом, всё - как она только пожелает. Для этого ничего и делать не надо, только сидеть, смотреть в огонь на кувшинчик, и мысленно приказывать горлышку развернуться и вытянуться, как только хочется. Можно и на словах желать, потому что Сэм уже всё подготовительное колдовство наколдовал.

Можно приказать оторваться горлышку, но ведь Элиана этого не хочет?

Вейн усадил девушек на траву, рядом с собой, обнимая за плечи, ибо опасался, как бы они чего не натворили, но обе девицы были просто раздавлены глупостью Сэма.

Весело затрещал костёр, и Сэм, остановясь поодаль от подружек, неубедительно заверил, что кувшинчику будет только лучше от огня. Ответом было грозное молчание.

Подошли кузнец со своей женой Алиной, их двое ребятишек, и все уставились на кувшинчик, который блестел в пламени.

На вопрос Алины Вейн с готовностью объяснил, что происходит исправление кувшинчика с помощью нового колдовства. Элиана хочет удлинить горлышко или оторвать - ему неизвестно - и прямо сейчас колдует - видите, как уставилась в костёр? Но она сначала развернёт горлышко. И кувшин увеличит.

Алина выразила сомнение, что горло медного кувшина, закатанное в трубку тяжёлым молотом, возможно развернуть взглядом, после чего подозрительно уставилась на Вейна - не смеётся ли он?

Однако тот немножко нервно заверил Алину, что с помощью колдовства это очень легко - развернуть горлышко взглядом - пусть оно даже и медное. Трудность не в том даже, чтобы увеличить кувшинчик, а в том, чтобы вовремя остановиться, ибо, если человек очень сильно обозлится, как вот Элиана обозлилась непонятно почему, то с кувшином невесть что может случиться - вот такое это сильное колдовство.

- Да ну? - спросила насмешливо Алина, садясь рядом на свою толстую задницу, - Вы только расплавите кувшин, и всё. -

Кузнец хотел что-то возразить, но посмотрел на Вейна и закрыл рот. Некоторое время вся честная компания уставилась в костёр.

Между тем начинало темнеть. Трещали дрова, взлетали искры, огонь с тихим гулом жрал поленья.

- Мы отдали за кувшинчик десять золотых.- вдруг заявила Гельда.

- Это удачная покупка, - одобрил Вейн, нежно погладив её по головке. - И будет стоить ещё дороже после колдовства, если не мешать Элиане. -

Алина засмеялась, Вейн сказал Элиане, чтобы она перестала хлюпать носом, и укорил, что она плохо колдует.

- Ты старайся, а не хнычь, - сказал он. - Костёр прогорит и колдовство кончится. Тогда кувшинчик - тютю, пропадёт. -

- Я стараюсь, - злобно отвечала дева, вперив тяжёлый взор в жёлтый кругляш. Алина захихикала. Гельда разгневанно сказала, что такое злодейство с кувшинчиком не умещается у неё в голове, и она рехнётся, как рехнулись уже эти два дурня. Но тут снопом взлетели искры, и предмет в костре шевельнулся.

- Это угли просели, - сказала Алина, а Вейн одобрительно похлопал Элиану по плечу. Но тут Алина пригляделась и сказала: - Ой. - указывая в сторону колдовства. Кувшинчик и впрямь чуть удлинился.

- Что это он? - озадачилась Гельда, - Тоже с ума сошёл? -

Алина завизжала противным голосом и прижалась к кузнецу, заверяя всех и каждого, что верует в святого бога Иисуса Христа, и он защитит её от чёрного злого колдовства. Но горлышко у кувшина, не слушая заверения Алины, разворачивалось нагло и неторопливо, и при этом ещё раздувалось.

Вейн забеспокоился: - Хватит, Элиана! -

- Вот ещё! - вдохновенно прорычала девушка. - А ну, живей разворачивайся! Кому говорю!? - И даже ручкой с растопыренными пальчиками погрозила кувшину.

И тот послушно, просто на глазах, принялся вытягивать горло, покорно раздуваясь при этом. Хотя он вырос вдвое, по злой воле Элианы бедный кувшинчик всё продолжал раздуваться. Ему что - велят, он и пожалуйста.

Видя, что горлышко уже подходит к концу, Вейн запаниковал, осознав, какая дикая сила сейчас вырвется наружу.

- Элиана, прекрати! - завопил перетрусивший верзила, и опрокинулся на спину, увлекая и подружек.

В тот же миг всем так шарахнуло по ушам, как и дубиной не шарахнуть, а потом невидимый удар повалил и Сэма, и ребяташек, и Алину с кузнецом, а над носами Вейна и подружек только просвистело. Костёр мгновенно погас и упала темнота. Поленья и головешки разметало по всему склону холма, где они и затлели чадными светляками, всё окуталось белёсым дымом и паром, так что все закашлялись, оглохшие на миг, сами себя не слыша.

Когда прочистили слух, Сэм тупо сказал: - Вот это да ...-

- Что это было? - глупо спросил кузнец, трогая уши и невольно повышая голос.

- Спаси меня, Господи, - перекрестилась Алина.

Вейн весело укорил: - Ты очень обозлилась, Элиана. Ну разве так можно? -

Гельда, всхлипнув, прижалась к Вейну, и дрожа, высказала своё изумление, насколько же Элиана злая девица. Она, Гельда, и не подозревала, что так можно обозлится из-за какого-то паршивого кувшинчика.

Чад быстро рассеялся. Поскольку не совсем ещё стемнело, стало видно чёрное кострище, слабо парящее, а в глиняной стене дома - чёрный пролом возле оконца

- Ну, что я тебе сделала!? - завывала Алина, - Я ли обедов не варю? -

- Я ли перины не постилаю? Или слово поперёк сказала когда? За что ты мне стенку пробила, Элиана? Чем не угодила я тебе? -

Пролом, в самом деле, выглядел не по заслугам. Человек мог влезть запросто, не особенно нагибаясь.

- Я не пробивала твоей стены. - тупо сказала Элиана, - Я только разворачивала горлышко у кувшина. -

- А кто же её пробил? - резонно завопила Алина, - Это ты колдовала! -

Вскочив на ноги, она побежала в дом, посмотреть разрушение при свечах. Вейн поинтересовался у бедной колдуньи, куда она подевала кувшинчик, на что Элиана, подползая на коленках к Сэму и обняв его, принялась вяло оправдывать свой нехороший поступок. Но тут из дома выкатилась сердитая Алина, уличая лживую колдунью закопченной железкой, в которой с трудом смогли опознать злосчастный кувшин, сплюснутый могучим ударом. Отпираться было бесполезно, и подавленная Элиана молчала. Сэм даже счёл полезным обидеться, и спросить - за что так обозлилась его подружка, и почему так сильно его возненавидела, что чуть не поубивала тут всех?

Элиана, затюканная всеобщим презрением за скверный характер, возопила со слезами, что она сердилась совсем немножко, а на самом деле к Сэму очень нежная, очень ласковая, и после некоторых сомнений, высказанных Сэмом, тут же потащила его на сеновал - убеждать, как она вовсе не зла, а совсем наоборот.

Но заслуженная радость всегда тащит за собой незаслуженное огорчение.. Так и Алина опечалила Сэма на целых пять золотых за вчерашний погром.

Как Сэм ни рычал, вконец обнаглевшая Алина в ответ визжала.

Сэм заплатил, хотя и не сразу. Попытался было поднять на бой Гельду, но её грабёж не касался, и она только морду пообещала набить вздорной вымогательнице, издав, подойти даже поленилась. А Элиана, утешенная до отказа, дрыхла на сеновале, и даже не проснулась, чтобы отбить кровные золотые. Проводив взглядом довольную толстую задницу Сэм с горечью пожаловался подошедшему другу, что девчонки совсем мух не ловят - за пять золотых морду уже не бьют. Противная рожа товарища радовала Сэма - один он не денег не просил, ещё и притаскивал, сколько Господь пошлёт. Глядя, как Вейн сонно моргает глазами, Сэм разбудил его верным средством - очередной дурацкой идеей, а именно - испытать ещё кувшинчик, но с тяжёлой свинцовой затычкой, причём для всеобщего счастья нацелить затычку на Алину.

Стрелять кувшинами - дорого выходит. Лучше его упереть в камень, и стрелнуть затычкой. Вейн возразил, что Алину-то не закрепить, она по подлости природы обязательно пересядет с прицеленного места. Лучше пробку опять испытать на её доме.

Если пробьёт его, то уж человека то и подавно. Сэм заскрежетал зубами, пеняя на отсутствие средств для очередной починки дома и всеобщее падение нравов, когда все только деньги дерут.

Вейн опять возразил, что нравы всегда низкие, даже если и высокие, а деньги дерут потому, что больше не с кого драть. В Господа, видимо, никто не верует. Почему у Него не просят, как Вейн? Пусть Сэм покупает кувшин за кувшином, уповая на Господа, а он, Вейн, немедленно скажет в высь, что, Господи, подкинь деньжат, ведь на дело явно богоугодное. Да и нам немножко, а то жизнь дорогая, все деньги дерут, как Сэм жаловался. После такой просьбы ввысь Вейн попросил и Сэма встретить его вечером, а то девчонки уж очень умные попались. За пять золотых и ручку не потрудят, рожу побить жадную. Зачем, если можно отнять у своего дружка?

Тут его болтовню прервал мальчишка с подбитым глазом, который подбежал к изгороди и сказал: -

Вейн, а, Вейн. -

- Что тебе, отрок Божий? - недовольно обернулся Вейн.

- Меня зовут Гнида, а не отрок божий, - обиделся мальчишка.- Вейн, гони монету. -

- Сэм, дай ему монету, - сказал Вейн.

- Это ещё почему? - удивился Сэм.

- Монету гони, - насупился пацан, - А то не скажу. -

- Дай ему монету, Сэм, - сказал Вейн, - А то не скажет. -

- Да пусть он хоть язык проглотит, всё равно монету не дам, - сказал Сэм, - Все поумнели до невозможности. Куда мы катимся, Вейн? Видать, конец света завтра. -

- Сэм, - сказал Вейн, - разве не написано в Библии - "просящему -дай"? Господь воздаст сторицей. Тем более - нам, верующим, за помощь божьему отроку. -

- Воздаст, - сварливо сказал Сэм, - За эту Гниду? -

- Все гниды - божьи дети, - сказал Вейн, - Вернёт. Господь не жадный. Ты прислушайся - на самом деле этот Гнида сказал: - Сэм, возьми сто золотых. -

- Да? - удивился Сэм. - Я слышал совсем другое.-

- Монету гоните, рожи. А то не скажу. - стоял на своём Гнида.

- Ну, теперь-то? - спросил Вейн. - Имеющий уши да услышит. Дай монетку маленькому негодяю. -

- Не могу, - сказал Сэм, - я ещё плохой верующий. Рука не разгибается. Я тебе отдам. -

- Даже хорошие - и те плохие, - сказал Вейн, отгибая пальцы на ладони у Сэма. - Золотая ? Впрочем, какая разница... - и отдал монетку мальчишке, после чего тот отпрыгнул локтей на десять.

- Разница есть, - насупился Сэм. - Надо было предупредить, что хватит серебряной. -

Мальчишка же спрятав золотой за щеку, пробурчал: - Это длинный. Длинный Белан. -

- А что - есть ещё и короткий Белан? - Удивился Вейн.

Пацан кивнул, развернулся - и только пятки засверкали.

- Ну, и что за длинный Белан? - спросил Сэм.

- Он напал ночью на нашего Телю. - вздохнул Вейн.

- Да? - удивился Сэм. - Это как это понять? -

- Нечего понимать, - сердито сказал Вейн. - Нападение на королевского дракона. Да мы с негодяя за это кучу денег сдерём.-

- В самом деле? - спросил Сэм, - Мне тут многое непонятно. -

- Ну, может быть, кучи у него и нет. Сколько сдерём - столько сдерём, - рассудительно сказал Вейн. -

Я потом всё объясню. Бери Телю, и пойдём разбираться с этим Беланом. -

- С длинным или с коротким? -

- С обоими. На всякий случай. Ишь, Беланы какие выискались - наших драконов бить! -

- Да, если им спуску давать, этим Беланам, то никаких драконов не напасёшься, - одобрительно сказал Сэм и побрёл за Телей.

Спустя короткое время к деревне по склону холма направились Сэм с драконом, Вейн, а за ними подружки. Девушки горячо похвалили Вейна за такое нападение, а Гельда сподхалимничала, что он иногда соображает. Мол, не такой уж дурак. Однако даже дракончик так посмотрел после этих слов на льстивую деву, что она от неудобности в него плюнула. Поодаль чернела вороной, чую поживу, и Алина.

Девушки показали дорогу к его дому, Длинный Белан, к его несчастью, жил ближе к кузнице, чем короткий. У дома этого, чуть поодаль, скучал хозяин постоянного двора, Герберт. Он совершенно не заметил никого, даже дракона - только на приветствие Вейна нехотя кивнул.

Двор у дома Белана, широкий, огороженный хлипким забором, был пуст и тих. Дракона в калитку пришлось тянуть и проталкивать, повалив оба калитковых столба, после чего компания мстителей подошла к дому.

- Эй, Белан! - крикнул Вейн. Дом молчал. Сэм расстегнул ошейник на одну дырку и вовремя - дверь распахнулась, и на пороге во всей красе предстал Белан, с дубиной в руке, заросший до глаз, здоровенный крестьянин.

- Чего надо? - приветливо прорычал он, приподнимая для приветствия, обычного для незваных гостей, свою дубину.

- Ты напал сегодня ночью на нашего дракона, - сказал Вейн, - Ты что, дурак? -

Белан открыл рот, захлопал глазами, и даже приветственную дубину опустил. После чего заревел, что это клевета, а дураком он никогда не был. Его выслушали внимательно - только девчонки невоспитанно хихикали, - и жену его выслушали, которая с подвывом вторила мужу, нагло утверждая, что дракона бить не могли по причине сидения дома, ибо тут ночевали три купца.

- А почему это они ночевали здесь? - удивился Вейн, - это подозрительно. Купцы должны в гостинице ночевать. Значит, они и побили нашего зверёнка, жестокие люди, когда вы спали. Где эти негодяи? - спросил Вейн, зная, что те уезжают из деревни, едва только рассветает.

- Вы их спрятали, да? Это, наверное, заговор. Мятаж. Сэм, да тут просто осиное гнездо измены. Но мы не вредные. Если заплатите за ущерб и порчу, вместо купцов, которых вы так легковерно приютили. По десять золотых. Не дорого? Я уверен, что они заплатили за молчание ещё дороже. -

Но злодеи заупрямились, принялись уверять, что всего по золотому, и за постой, а не сговор и мятеж, и купцы тоже не дураки, на дракона нападать, он бы их слопал.

- А вот эти шишки откуда? - спросил Вейн, тыкая в шишковатую башку дракончика, - Сами, что ли, выросли? Какой был красавчик, а как его изуродовали, испугаться можно... -

Вейн бы так и болтал, болтун проклятый, но Сэму надоело, и он наклонился к побитому дракончику:

- Теля, если это они, злодеи - стреляй! - и показал рукой - куда именно.

Теля влепил, и скандалисты скатились с крыльца. Девчонки тут же шмыгнули в дом. Вначале выволокли за ноги двух детишек, которых гудение достало и за стеной, и бросили посереде двора, потому что детишки попались голосистые, и вопили так, что мешали серьёзным взрослым разговорам, что ценного взять, да что тащить, хотя сами, пришибленные, еле шевелились.

Подруги вытащили из дома посуду, подушки, одеяла, инструменты, копчёный окорок, и другие припасы, словом, столько, сколько могли нагрузить на дружков и на себя. Если и сплеховали, то самую малость - дракончик схватил окорок, что тащила Гельда, и даже зарычал, когда дева, обзывая его уродом, попыталась отнять.

Так и слопал весь окорок, наверняка вспоминая, как его купцы ночью колотили. Алина, глядя на такое торжество справедливости, когда все весело всё хватают, тоже шмыгнула в дом, а за ней потянулись другие крестьяне, из тех, что собрались вокруг и всё мигом поняли.

Когда весёлая компания, нагруженная барахлом, уходила от дома, оттуда выносили мебель, выламывали рамы, и даже печь разносили, в поисках замурованного клада.

Довольные крестьяне сожалели, что дочка этого мерзавца Белана с утра угнала скотину, пасти, а то бы и коз с овцами разобрали, так что злодей ещё легко отделался.

Но многим соседям ничего ценного не досталось, и они пристали с вопросами к Вейну. Тот назвал короткого Белана, и ещё хромого Вейрда - про него сообщил прибежавший снова Гнида, за серебряную монетку и оловянную тарелку.

Как честный человек, Вейн пытался уговорить Сэма и с ними идти разбираться, но девчонки завопили, что у них нет ничего, а груза и так хватает.

Вейн всё же пошёл, бросив всё, чем его грузили, и выслушав все гневные слова Гельды.

И только убедился в её правоте, что он дурак. Вейрд уже валялся посреди двора с окровавленной головой и громко стонал, а его дом щерился пустыми окнами. По двору носились пух и перья, а у калитки стоял Герберт-трактирщик, с удовольствием наблюдая, как растаскивают скудное имущество.

Вздохнув, Герберт сказал, что с ночёвкой всё уладилось. Крестьяне люди умные, и теперь меньше, чем за двадцать золотых никто купца ночевать не пустит, раз они такие рьяные нападальщики на дракона. Но его, Герберта, заботит, что подлые купцы для экономии могут просто ночевать на улице. В эту ночь четверо наглецов так и заночевали у костра за околицей. Вейн согласился, что это безобразие, когда люди в чистом поле ночуют. Эдак все гостиницы разорятся, и жизнь вовсе остановится. Конечно, Вейн может прогуливать дракона и ночью по околицам, но тот может нашкодить. Укусит не того, но это бы ничего. Крестьяне люди умные, и если узнают, что ночью дозором гуляет дракон, то вся деревня через неделю вымрет. Под дракона все обиды все соседи, тем более ночью, припомнят и придумают. Ему, Вейну, деревню жалко. Люди тут хорошие. Да и вообще, этими ночёвщиками в поле должны бы разбойники заниматься, разве не так?

Так уж Господь установил, чтобы разбойники грабили всех умников, которые на гостиницах экономят.

- Где тут у вас разбойники? - возмутился в конце концов Вейн.

- Это же такое дело выгодное - напал и ограбил, и сиди посвистывай с денежкой. Люди у вас умные - так в чём дело? -

Герберту пришлось объяснить - в чём. Раньше вся деревня разбойничала. Горы рядом, и бывало, деревня вымирала - все ушли на промысел. Ведь всегда кто-то от каравана отстанет. То лошадь охромела, то груз неприподъемный. Но потом на дороге завёлся Большой дракон, и он, гад, не разбирает - кто честный разбойник, а кто - подлый купец, дракон всех бил. Но это бы ничего, научились избегать дракона, и дело пошло.

Однако появилась новая напасть - этот проклятый магистр - честь ему и хвала! Прогнав дракона, ввёл охрану караванов, и обязал подбирать всех отстававших. К тому же магистр попался бесчувственный, он не разбирается - плачут у разбойников дома дети голодные или не плачут - и вешал всех разбойников, ну просто всех на сук, у кого меч или лук. Очень обидно бывало человеку, когда шёл просто по дороге, домой уже шёл, запрятав поживу, но попадал в засаду патруля, и его тут же вешали, даже без разговоров.

При таком несправедливом отношении разбойники и повывелись, не дураки же. Землю теперь пашут и скотину пасут, подлецы.

Тут Вейн сказал, что у него в сарае, специально для Герберта, Господь оставил одного разбойника, Лейна, за которого некому выкупа платить, и в этом Вейн видит Знак Божий, чтобы Лейна выпустить бесплатно, ради помощи Герберту. При условии, что Герберт исполнит Божью волю, и даст Вейну сто золотых, на богоугодное дело, как Вейн и клянчил с утра.

Герберт заюлил глазёнками, но в божьем промысле сомневаться не стал. Он засомневался, что этот Лейн так сразу и побежит разбойничать, даже не пообедав, да ещё в одиночку.

Вейн заверил, что побежит, и с компанией бандитов, имена которых Герберт может попробовать хоть сейчас угадать. Вейн уверен, что завтра же они, как миленькие, даже явятся к Герберту за приказаниями - кого грабить, когда, где и сколько.

Герберту это очень понравилось, но он, как скромный человек, этого не показал, и предоставил угадывать будущих разбойников Вейну. Ему безразлично, кого Вейн угадает. Герберту лишь бы люди в поле не ночевали, такой он человек жалостливый, ведь кругом же разбойники в полях шныряют, не правда ли?

Вейн согласился, и руку протянул за золотом, но Герберт покачал головой, сказав, что в Бога не очень верит, и потому в Знак не очень, и вначале дело давай, а пока получают одни слова, а не разбойники.

Вейн это одобрил, сказав, что только дурак отдаёт деньги вперёд, ведь разбойники пока не существуют, да и будут ли разбойничать - неизвестно, тем более, что Сэм жалуется, что у Алины жить тесновато, и давно подбивает перебраться с драконом на постоянный двор, тем более, что и деньги кончились, и... Но тут Герберт прекратил улыбаться, и заверещал, что это разбой, и от Вейна такого никак не ожидал, и ещё много чего кричал Герберт, но потом успокоился и выложил очередные сто монет, проклиная Вейна и желая ему удачи в богоугодном деле милосердия к путешествующим.

Это случилось в гостинице, куда пришли радетели о купеческом ночлеге, и тут же во дворе длинный радетель пересыпал деньги в карман, а мешочек набил мелкими камешками.

- Знак Божий? - спросил Герберт.

- А как ты догадался? - удивилась верзила.

Герберт сплюнул и ушёл.

При подходе к дому кузнеца, Вейна, конечно заметили, и очень обрадовались. Настолько, что не слышали воплей Сэма из окошечка кузницы, где он мастерил очередную дурость. Сэм вопил чтобы подлые девицы выпустили его, и ругал их нехорошими словечками за то, что его перехитрили, подперев колышком дверь в кузницу, так что Сэм напрасно каждые несколько минут выглядывал в окошко, чтобы встретить дружка.

Его встретили без него, радостно прижав к забору, да так крепко, что Вейн смирился и просто поднял мешочек в руке, так, что и не достать, и разомлел от горячих поцелуев Гельды, которая вскарабкалась по нему, как по дереву, но всё равно бы не достала мешочек, если бы Элиана не посадила её немножко.

Потом они убежали, обещав всё по честному поделить, пополам, а Вейн отдал огорчённому Сэму сто золотых, сказав, что это Знак Божий. Даже Герберт заметил, что дело Сэма очень Господа интересует... ой, кто-то камешками кидается из тёмного сарая.

Вечер начался хорошо, хотя Гельда почему-то рычала, а Элиана недовольно сопела, хотя колдовать ей понравилось, и второй кувшинчик она купила на свои деньги, и не сказала ничего, когда вечером Сэм водрузил на дрова эту покупку, со свинцовой затычкой. Но это случилось вечером, когда девы поутихли, а до вечера обе обзывали Вейна невесть как. Синичка, что залетела, бедная, во двор, послушав их, так и шлёпнулась замертво - вот как ругали верзилу, но ему ничего не сделалось. Он выволок из сарая последнего пленника Лейна, удивляясь на его круглую рожу, которую и петля не выдержит, - так раскормила его Элиана, - и предложил негодяю последний шанс перед приездом магистра толстеть и дальше.

Деваться Лейну было некуда, и он согласился сколотить банду, обращаясь за подмогой к Вейну, если кто честного из себя надумает корчить. Но гоняться в полях за купцами ему не понравилось - хлопотно и ненадёжно, да и опасно, и Вейну пришлось пойти лентяю на уступку, обещав сделать обирание купцов приятным и безопасным занятием, чтобы купцы сами ехали к разбойникам для обирания, и чтобы это вообще не разбой был, за который вешают, а работа, и почётная, потому что Вейн из-за дурости не видел между ними разницы, понятной любому умному человеку.

Лейн выторговал по два золотых в неделю каждому разбойнику - очень щедрая плата - и ушёл вприпрыжку, посвистывая песенку.

Но радовался не свободе, а тому, что Элиана так и не треснула его поварёшкой, у котла с кашей, когда этот наглец и висельник перед уходом снова признался ей в нежных чувствах и позвал замуж.

А Вейн после его ухода вместе с Сэмом долго спорили - из чего изготавливать для разбойников волшебные амулеты. Вейн предлагал плющить серебряные монетки, а экономный Сэм предлагал напилить кружочков из стволов молодых берёзок, но спор решил кузнец, которому нужна была работа, и который взял сторону Вейна. Сэм в отчаянии предложил плющить медные деньги, но кузнец наотрез отказался из-за лишних трудов, и тут же доказал, расплющив с одного удара серебряную монетку, и отказавшись колотить медную.

В это время как раз заглянула в кузницу Алина, и едва не рехнулась, увидев, как её разумный кузнец обидел серебряную монетку.

От греха Алина поспешила уйти, не поверив своим глазам, и сказала Элиане, что из-за её колдовства всюду монетки мерещатся, и заодно попросила, чтобы вечером, если будет колдовать, не швыряла бы больше кувшин в её стенку. Шесть золотых за ущерб ей понравились, но починка стены - нет.

Элиана пообещала, но не очень твёрдо. Она ещё не вполне уверена в колдовстве. Не слушается. Весь день Элиана то и дело останавливалась и вперивала свой взор в какую-нибудь деревяшку, шепча что-то, и зазря мучила бедную деревяшку, но только раз заставила скукожиться зелёный листик с клёна. И к Сэму приставала, чтобы вначале он поколдовал, а уж потом она добьёт любую деревяшку, но Сэм обещал только вечером найти время, и тогда Вейн посоветовал колдунье учиться колдовству на людях.

Люди все умные, в колдовство верят, значит, оно есть и действует, а деревянные ещё умнее - они ни во что не верят, и потому заколдовать их могут только сильные колдуны. А Элиана ещё слабенькая колдунья, только людей колдовать сможет.

И к вечеру Элиана ловко заколдовала Гниду. Тот подбежал было к забору заработать ещё монетку, но Элиана, уставясь ему в глаза, страшным голосом рявкнула: - Замри! -

Гнида так перепугался, что замер, вцепившись в забор с приподнятым коленом, и дышать вроде перестал. Элиана обшарила его карманы, но ничего не нашла. Всё же довольная, велела ожить, и мальчишка часто задышал, как собака в жару.

Детишки Алины уже рассказали ему, какая сильная колдунья Элиана, и пролом в стене показывали, поэтому он счёл за лучшее не рисковать, и заколдоваться, тем более, что в карманах ничего не было.

Вечернее колдовство Элианы собрало несколько дюжин недоверчивых крестьян. Из полутьмы доносились их насмешки и хихиканье, а также показывались их пальцы в сторону Элианы, которая одна сидела поодаль от костра, уставясь в кувшинчик.

Вейн и остальные, верящие в колдовство, спрятались - кто за амбар, кто за кузню. Ну её, эту Элиану, лучше от греха подальше.

Сэм с кузнецом закатали свинцовую пробку на конус, основательно, но, как понял потом Сэм - надо было медную.

Свинец чересчур мягкий, и долго выдержать напор злой девы не смог. Пробку вышибло, когда и кувшинчик ещё не раздулся. Внизу дома выбило два кирпича, но по ушам всем вдарило гораздо сильнее. Кувшинчик с тоскливым воем улетел в сторону деревни, ошпарив и обварив рожи четверым крестьянам и одной хозяйке, которая выла за всех пятерых. Элиана и костёр разметала одним ударом, и туманом всё заволокла.

Все разбежались кто куда, в страхе и соплях. Сэм укорил Элиану, что зря кувшинчик зашвырнула в тёмную даль, он же денег стоит, а с другой стороны надела Алина, обижаясь за продырявленный дом.

Но гордая своим колдовством Элиана в горячке засветила ей синяк под глазом, потом потаскала за волосы, и пообещала оторвать голову без всякого колдовства, если ещё голос посмеет повисить, а с колдовством - и ноги ещё выдрать.

Потом Элиана пристала к Сэму - почему кувшинчик не раздулся, как она велела, а улетел невесть куда?

И Сэму пришлось каяться в своей ошибке, что забыл пробку заколдовать, и она всё испортила. К тому же сегодня луна не там, ветер не тот, и звёзды не на месте. Если б не Элиана, вообще бы ничего не случилось. Такое объяснение деве понравилось, и она, уже на сеновале, потребовала, чтобы следующий кувшин Сэм купил на свои деньги, раз виноват.

Однако Сэму нравилось, что его дурости оплачивали девушки, и он усиленно захрапел в ответ. На другой день он успешно увиливал от покупки до полудня, то сам по себе, то занятый с кузнецом, надеясь, что Элиана сама потратится. Но дева только злилась, и грозила заколдовать Сэма, но тот, отворотя рожу, только посмеивался. Элиана, хотя и грозилась, но и побаивалась колдовать против Сэма, который и сам колдун. Какой-то дурацкий, но всё же..., и Элиана набиралась храбрости на деревяшках, да на кленовых листиках. Деревяшки все крепкие попадались, а листики - те послабее, скукоживались и желтели на глазах. За неимением лучшего, Элиана принесла Сэму два больших листа от лопуха, и уставилась на один, мысленно представляя, как он скорчивается в костре, и лист в её правой руке аж запарил, почернел и рассыпался.

Сэм оторопел, и усмешка усохла с его круглой рожи.

- Видал? - задорно сказала Элиана, - Иди покупай кувшинчик, а не то.... -

Но Сэма листиком не напугаешь. Он только рот открыл да в затылке почесал. Но тут, к его несчастью, прибежал отрок Гнида с какой-то ябедой, и Элиана с ходу его заколдовала. Да так, что он упал с поднятой ногой и согнутой рукой, как бежал, так и упал, когда Элиана повелела ему замереть. Сэм малость побледнел, а Элиана, расхрабрившись, повертела ручкой перед глазами и сказала замогильным голосом, что Сэм заколдован и будет стоять, не в силах сделать и шагу, а также рукой не шевельнёт.

И Сэм вдруг ощутил, что и впрямь ноги двинуть не может. Он аж запыхтел от натуги, но колдовство случилось - ноги как к земле приросли. Элиана ловко вытащила у него из кармана золотые монеты, приговаривая медовым голосом, что кувшин выберет сама, так и быть, потом в наказание за упрямство велела стоять Сэму, пока не вернётся, - и ушла, расколдовав Гниду и взяв его с собой, чтобы этот шустрик не обворовал Сэма до конца. А Сэм так и стоял, тупо пытаюсь шагнуть, пока не пришёл Вейн, который всё утро сколачивал банду и делал прочие мелкие пакости для купечества.

Он удивился, с чего это Сэм стоит посреди двора с несчастным видом, и тот тихим голосом пожаловался на Элиану и её колдовство, укорив Вейна, что его шутка с кувшином оказалась не такой хорошей, как думали вначале. Вейн, усмехаясь, сказал, что в колдовстве Элианы ничего удивительного нет, ведь людей заколдовать легче лёгкого, ибо любая болтовня, если подумать - колдовство, но и расколдовать легче лёгкого, вот - и он сильно толкнул Сэма в грудь. Тот забыл на миг, что заколдован стоять на месте, и шагнул назад, чтобы не брякнуться. И зашагал вокруг Вейна, радостный, что расколдовался.

- В следующий раз, - сказал Вейн, - если тебя заколдуют, тресни себя по уху, или по носу, чтобы вернуться в нормальный мир.

Но лучше треснуть колдуна, это старое испытанное средство против колдунов - кулак, меч, дубина, кол осиновый, петля и костёр. Поскольку Сэм не будет бить Элиану, придётся себя стукнуть. А если себя колотить не хочется, то вот самый верный способ борьбы с колдовством - вспомнить Иисуса Христа, и попросить Его защиты. Бог сильнее любого колдуна, ибо и колдун в Его власти. Вспомни это, и старайся не смеяться над бедной Элианой, которая пытается заколдовать тебя. Поскольку Сэм такой подверженный колдовству человек, то это ему обязательно поможет.

Сэм сообщил, что Элиана листик зелёный сожгла взглядом, однако Вейн возразил, зевая, что Сэм тот же листик спалит в костре, да и спалит дерево, и железо спалит, только стукнув по кремню огнивом. Вот это колдовство, а у Элианы какое-то устарелое.

Наверное, все люди так могли бы колдовать, но что толку, если костёр и железо всех желающих извели.

- Вот, наш Теля, - сказал Вейн, - на расстоянии убивает, но и на Телю просто катапульту ещё не выкатили, а есть такие, что метают копья дальше, чем дракончик достанет. Мне жаль колдунов. Все их бьют и вешают. Чтобы колдовать, нужно охрану иметь здоровенную, так что твоей Элиане повезло. Пусть девчонка поиграет, порезвится и позлодействует, а уж мы с тобой и драконом всегда её, бедняжку доверчивую, защитим от мерзавцев крестьян, которые уж очень, до восхищения умные, и потому убивают любого колдуна. -

Сэм пожал плечами, жалея только деньги, что вытащила из кармана его доверчивая колдунья, однако тут Вейн радостно вытащил из кармана очередные сто золотых, вытрясенные с Герберта, и сказал, что надо думать о том, как достать деньги, а вовсе не об экономии на своих колдуньях.

Так уж у человека голова устроена, что думать может только об одной вещи. И если ты думаешь, как сэкономить, то уж никак не сможешь думать о том, как заработать. Надо думать как заработать, и тратить, не думая, и всё пойдёт нормально. После этого заключения весёлые бродяжки пошли отметить победу над злой колдуньей в тёмный погреб Алины, где стояло вино в бочонках.

Там Вейн и рассказал Сэму, как открылся золотой неиссякаемый источник, и как Господь надоумил его так исхитриться, чтобы все купцы платили, как им и положено, за кувшины и прочие его дурости, и чтоб девчонкам ещё хватило.

Сейчас, пока они здесь сидят и распивают вино, неподалёку от деревни, на дороге, сидят десять бандитских морд во главе с Лейном, и вежливо предупреждают всех купцов, что без волшебных амулетов их ограбят, и после предлагают купить эти амулеты по хорошему, пока дают, всего за десять золотых, и у всех дубины, и дорогу невзначай всегда загородят, и - подумав, купцы покупают и цепляют на грудь. И никто не ругается, все довольны, потому что могут сэкономить, возвратившись на постоянный двор и купив волшебный амулет у Герберта всего за восемь золотых. Правда, они его всегда очень ругают, но тот только плечами пожимает. Он же их по честному предупредил, что бандиты на дороге завелись, и что этот волшебный серебряный амулет от бандитов как раз и помогает, а они не поверили. Но, если какой доверчивый купец с амулетом едет мимо Лейна, тот его даже в упор не видит, хотя и бандит с ног до головы, вот какой силы этот амулет. Только косится, и всё. Конечно, тут есть недостатки - надо в горах посадить парочку стрелков из лука, чтобы стреляли просто так, для веселья, в без амулетных купцов, но в деревне не нашлось ни одного лука, да и купцы понятливые, покупают волшебные амулеты безотказно, если не у Герберта, то у Лейна обязательно, всего-то за полдня только троих дубиной и вразумили. Так что Сэм может тратить сколько надо - Господь дал полную свободу его дурости.

Сэм обрадовался и сразу предложил купить большой кувшин, а в его горло забить маленький кувшин горлом внутрь, причём со свинцовой затычкой. Вейн изумился, не поняв, зачем городить такой огород. Сэм объяснил тупице, что вначале в обоих кувшинах вся вода испарится, заклокочет и напружинится, а потом большой кувшин плюнет маленький, и тот полетит невесть куда, и в полёте вышибет свою свинцовую пробку, и воду перегретую, и полетит ещё дальше и быстрее. Если ему крылышки приделать, то он вообще за горизонт улетит, сволочь, а ? -Здорово? - спросил Сэм.

Глаза его при этом светились таким нехорошим блеском, что Вейн сразу согласился, что здорово, и только потом добавил, что с крыльями не знает, как затолкать маленький кувшин в большой.

Сэм объяснил как это сделать, потом ещё новые дурости принялся объяснять, так что Вейн от восторга заплакал пьяными слезами, и только успевал в своих мечтаниях пробивать этими дуростями то фалангу, то крепостную стену, то Луну с неба сбить - может, она из серебра? В этот счастливый для дураков час столько было придумано, что у бродяг ум за разум зашёл, хотя ни того, ни другого не было. И мерзавец Вейн всё это возложил на волю Божью, нагло эдак, и когда эти два подлые и жалкие бродяги вышли на волю из подвала, Господь, видимо, просто поленился их пристукнуть, и потому так сразу и наступили для двух этих негодяев счастливые времена, прямо сразу деньги и посыпались. И всё получалось, а точнее, всё не получалось, что Сэм напридумывал, но в главном дело двигалось, как и Вейну, и Сэму хотелось. Потому что главное - чтобы дело двигалось, как утешал Вейн своего подлого дружка. А куда оно двигается - про то Господь один знает, не наше это дело.

Даже магистр был вынужден с этим согласиться, когда вскоре приехал для наведения порядка, хотя поначалу и обеспокоил дружков этим приездом

Вейн, Сэм, да и все, кого это касалось, сначала встревожились, мягко говоря, или изрядно обгадились, говоря грубо. Когда Магистр прибыл в деревню с отрядом в пятьдесят воинов, Гельда сразу зарылась в сеновал, а Элиана уползла огородами в лес, да и Сэм расстегнул у Тели ошейник на все четыре дырки, но Магистр не такой дурак оказался, как подумал Сэм. Вначале Магистр расспросил разбойников у деревни, почему это они амулеты продают. Не успели убежать только трое, и Лейн не успел. Тоскливо оглядывая окрестные деревья, на которых Лейн рассчитывал висеть в самом скором времени, он всё свалил на Вейна, что это он заставил их продавать амулеты, а грабить они никого, только торгуют, ни-ни, а если кого дубиной огреют, то это полное враньё, не было такого, а дубины нужны, чтобы амулеты кто не отнял, ведь купцы такие разбойники, а амулеты дорогие, по десять золотых, но Магистру бесплатно, и за что же Лейна вешать, если это всё Вейн приказал.

Магистр всё выслушал, рожа кислая, но сказал, что вешать Лейна не собирается, а просто так остановился, поболтать, и дальше поехал, а за ним - мордатые крепыши в щитах, доспехах, с копьями и мечами. На рослых боевых конях, отборные ребята, и никто Лейну слова худого не сказал, только посмеивались. Как всегда, Магистр остановился на постоялом дворе, и его сразу осадили жалобщики, да так, что весь двор запрудили.

Жалобщиков выслушивали четыре сотника, а Магистр выслушал только Герберта, который состоял у него на тайной службе, как и положено любому хозяину постоялого двора. Всё, что могли сказать жалобщики, магистр знал уже в городе, от купцов и своих шпионов. Все эти беззаконие Вейна и его компании мало интересовали магистра. Дракон, да ещё управляемый, перевешивал их невесть с каким запасом, так что оставалось удивляться скромности этих бродяг.

Предстояла битва с желтяками, и представляя дракона на своей стороне, Магистр по христиански всё прощал негодяям.

По отзывам, дракон вполне подчиняется Сэму - тому самому толстому пареньку, что завалил дракона в пещере. И упрашивать дракона не приходится, с полуслова бьёт, судя по рассказам. Это покупало всё колдовство и с драконом, и с летающими кувшинами, хотя с колдовством Магистр всегда боролся, и в городе за него спрашивал строго. Конечно, дракон - зверь тот ещё, и всякие мысли крутились в голове Магистра, вплоть до неожиданной атаки холма, однако кроме кучи трупов, это ничего не обещало. Разве что спокойствие, но уж никак не победу над желтяками. Нет, атака

исключалась. Магистр не забыл, что Сэм уже состоял на королевской службе, и надеялся, что и Сэм про это не забыл.

Немного отдохнув за бокалом красного вина в удобной полутёмной комнате, Магистр чуть не задремал под гул доносов со двора. Вся деревня плакалась законной власти, а бедные её представители - сотники, трудились с усердием, впуская жалобу в одно ухо, а выпуская в другое. Магистр уже носом заклевал, но заснуть помешал сотник Крон, который вернулся из разведки драконьего логова. Он радостно доложил, что у дома полный бардак, ни часового, ни дозорного, так что пришлось орать во всю глотку, пока не прибежали две наглые красотки. Услышав о приезде магистра, они так обрадовались, что одна поползла в огород, а вторая закопалась в стог сена. Потом выскочила толстая женщина, и тут же принялась жаловаться на обиды, и сейчас стоит во дворе и жалуется, не впустить ли? Магистр едва не поперхнулся глотком вина, и Крон продолжал рассказывать, как вышел, наконец, из кузницы толстый парень с закопченным лицом, в котором Крон узнал того самого Сэма, встреченного на дороге за раскопками.

Крон передал ему, как и было велено, очень вежливое приглашение посетить магистра в гостинице, но проходимец испугался, сказал, что очень занят, и тогда Крон пустил в ход запасной вариант - сказал, что в таком случае Магистр сам его посетит, едва освободится от дел. На вопрос о драконе Сэм ответил, что тот спит в такую жару в своей яме, но будет разбужен для знакомства с Магистром. Причём это было сказано с такой искренней радостью, что Крон советовал бы атаковать, пока ещё можно. Магистр согласился, что атака вполне оправдала бы эту радость, но он прибыл сюда не за этим. Потому поедет один. Ну, разве возьмёт с собой ту толстую женщину, чтоб жаловалась по дороге. Так он и сделал. Магистра ждали.

У подножия холма его конь захрипел, учуяв запах зверя, и Магистр решил спешиться. У распахнутой калитки стояли крепыш и дылда, а между ними - красавец дракон.

Магистр сцепил зубы при виде столь знакомой морды с кривыми клыками в разинутой пасти. Магистр приближался, стараясь не глядеть в круглые драконьи глаза, отмечая с досадой давно забытый холодок в груди. Толстая женщина опередила его у самой калитки, оттолкнув с дороги длинного парня. Она плюнула в страшную морду дракона и завопила, как её разорили - господин Магистр должен наказать обоих злодеев, однако, увидев, как Сэм что-то делает с ошейником, толстуха замолкла на полуслове и со страшной быстротой исчезла в доме.

После взаимных приветствий господина Магистра тоже пригласили в дом, с извинениями, что стол небогатый, но от души, хотя все женщины куда-то подевались. Но вина и сыра полно. И окорок.

И ещё чего-то. Магистр остановил болтовню длинного коротким жестом, и прошёл в дом, совершенно не обращая внимания на дракона, который подхалимски его обнюхал. Магистр так внимательно смотрел под ноги, что споткнулся всего два раза. В доме за накрытым столом Магистр держался по-свойски, и после кувшина вина полностью развеял все невысказанные опаски и недомолвки. Он сказал, что ценит заботы Сэма на службе королю Алану, и весьма доволен таким приобретением, как дракон.

Ценит и хлопоты Вейна о пропитании дракона и его заботы о купечестве и его удобствах, что бы там не клеветали крестьяне и скаредные купчишки. После чего выразил уверенность, что дракон стреляет ещё сильнее, чем рассказывают, хотя король Алан, что послал его сюда разобраться, не верит, что дракон вообще умеет стрелять по команде.

Сэм вскочил из-за стола, раздуваясь от гордости за дракона, и заверил, что может показать

зверюшку в действии хоть сейчас, хоть вон на Алине, чей толстый зад торчит из-за печи. Но Вейн напомнил о вкусной каше, что варит Алина, а сама Алина завывала, да так приятно, что все схватились за уши, а Магистр вспомнил о лошади, что осталась под холмом. Лучше с ней поссориться, чем с этой кашеваркой

Когда они вышли во двор, лошадь ушла, щипая травку, за два полёта стрелы, и Сэм поставил дракона сразу на две расстёгнутых дырки, объясняя Магистру хитрости гудения и как его усилить, или уменьшить. По закону подлости, при начальстве дракон заартачился, только башкой вертел, пока Сэм не сообразил, что из-за расстояния тот просто не поймёт - в кого гудеть. Сэм объяснил заминку Магистру, и тот коротко свистнул. Знал по опыту - подлец конь только заржёт в ответ от радости, что не пойдёт на свист хозяина. Так и вышло. Конь заржал, и Сэм пнул тупого дракончика под брюхо, рыча: - Стреляй его! - и показывая в сторону ржания. Тот пригнул голову, и забор вдруг задрожал и повалился. Не весь, а одно звено, как раз напротив коня, который упал на колени, опустил задумчиво голову, и рухнул навзничь.

Рядом по дороге шли двое ребяташек - они кувыркнулись в пыль ещё раньше. За ними ехал купец на лошади, которая продержалась дольше всех. Купец уже сполз с её спины, а она всё танцевала странные танцы, словно пьяная в дым, пока не споткнулась.

В соседних, через дорогу домах завывали женщины дурными голосами, как будто кто деньги у них требовал, и Сэм извинился за дракона, сказав, что женщины за стенами, потому их и не достало, да и дракон ещё подрастёт, сил наберёт. Магистр перевёл дыхание и что-то невразумительно одобрил. Вроде того, что пехоты под рукой нет, а то бы послал добить. Великое дело - посмотреть своими глазами. Магистр вдруг понял, что город можно отстоять от желтяков.

Вернувшись в дом, он сходу выпил кувшин вина, чтобы привести свои чувства в секретный вид, но это не получилось.

Магистр понял это из поведения двух девиц, что вдруг завертелись вокруг стола, вынырнув невесть откуда, и принялись обхаживать Магистра, заверяя наперебой, что без их забот бедного дракончика давно бы замучили и голодом заморили эти вот два мерзавца, Сэм и Вейн, и эта негодяйка Алина, по толстой заднице которой они то и дело, проходя мимо, давали пинка, пока вся Алина не затолкалась под печь. Хотя два мерзавца скромно отмолчались, Магистр не купился. Так потом сказала Элиана, когда мужчины вышли во двор, где Сэм попробовал продать Магистру свой кнут.

Гельда, прилипнув носиком к окошку, не согласилась с Элианой,

и возразила, что купился, если не враньём об их заслугах, то на её небесную красоту клюнул, это точно, так в неё глазками и стрелял.

Она даже вслух немножко помечтала, что магистр возьмёт её в город любовницей, и в городе она будет лопаться от счастья и довольствия, всем на зависть, а то с Вейном пропадёшь - не сегодня, так завтра. Элиана не поверила, что Магистра, тёртого волка, можно ещё взять женскими чарами, и потому зря Гельда вертит задом и строит глазки. Слово за слово, и девы встали в боевые позиции, тем более, что изрядно поволновались - одна в скирде, другая в крапиве. К счастью для их небесной красоты из-под печи завывала Алина, подсказав, кто виноват и что делать.

Девы её мигом выдернули, шипя по змеиному насчёт ябед, жалоб и доносов, изрядно оттаскали за волосы и наколотили крепкими кулачками по мягким бокам и глупой толстой роже, после чего помирились, отобрав у ябедницы два золотых, которые она с утра припасла для взятки магистру, но

не решилась вручить.

Алина понимала, что за два золотых магистр этих бродяг не прогонит, но если больше посулить, то может и прогнать. Что тогда - опять нищета? А не жаловаться на бродяг тоже было боязно - вдруг Магистр решит, что Алина заодно со злодеями, и повесит на сук вместе с ними. Вот как всё умно рассчитала Алина, однако только по роже и получила, потому что слабая женщина, всякий обидит, кроме своих ребятишек, которых Алина была сама.

А в это время Сэм вдохновенно швырял во дворе всякие свои железки в сторону коня, который так и валялся. С помощью кнута, конечно, и даже попал медным шариком, правда, не в того, а в купеческого, и тот, благодарно дрыгнув ногой, поднял голову и заёрзал в пыли, пытаясь встать.

Усердие Сэма так фальшивило, что Вейн принялся расхваливать новое оружие, хотя обоим было понятно, что боевого лука этот кнут не превзойдёт.

Магистр с интересом выслушал все его фантазии, где на вражье войско падал ливень всякой колющей дряни, а потом возразил, что оружие весьма несовершенно. Кроме дальности ничего хорошего нет. Где скорострельность? Где точность?. Неудобен. Да и вес снарядов слишком мал.

Сэм отчаялся, и вытащил коронный снаряд - диск с насечками.

Затраты на этот дурацкий кнут его просто разорили. Магистр тоже малость отчаялся найти хоть что-то в этом дурацком кнута, за что можно заплатить. Но диск всех выручил, улетев на самый край деревни. Магистр сказал: - Ого! - и с облегчением в голосе обещал выдать награду за труды на благо короля Алана. Хотя Сэма это обрадовало, он всё продолжал бубнить, что кнут не тот, а нужен другой, особый, да не один, а десяток, причём разных по длине и толщине, чтобы увеличить точность попаданий. А ведь у него всего только кузнец под рукой, а человека для плетения кнутов ещё не нашёл, потому что денег мало, и всё дорого - и шкуры, и дубильщик, и плетение, а тут ещё каша отвлекла, а то бы...

- Какая каша? - с детской улыбкой спросил Магистр, чувствуя слабое головокружение. Сэм такому вопросу обрадовался, всё про кашу рассказал, нехорошо блестя глазами, и обещал завтра же показать Магистру это будущее средство для пробития фаланги и даже крепостной стены.

- Это не кнут! - увлечённо орал Сэм, размахивая руками перед носом Магистра, - Там такая сила, что лошадь прошибёт, как кегли, все повалятся! - и он принялся вываливать на голову бедного Магистра одну дурацкую задумку за другой, да так, что у того глаза замутились. Хорошо что Вейн вовремя остановил дружка. Он обратил внимание, что уже вечереет, и все устали, и господин Магистр тоже, вероятно, устал. Магистр очнулся, тепло со всеми попрощался, и вышел нетвёрдой походкой со двора, отказавшись от любезного предложения проводить его до постоянного двора, ибо опасался за свой рассудок.

Магистр шёл в блаженной тёплой тишине, и устало улыбался звёздам, проступающим в тёмном небе. И думал о том, что Господь услышал, наконец, его молитвы о спасении города. Последние сомнения Магистра рассеялись как дым. Опасаться этих двух слабоумных не приходилось. Оставалось удивляться, как Господь ухитрился сохранить их до этих лет. Таких Он обычно в детстве прибирает, чтобы себя и других не мучили.

За ближайшим от дороги домом он увидел сотника Крона с десятком солдат, которые держались за забор. Вся земля вокруг них издавала резкий запах блевотины. Крон слегка заикался, а голова его

двигалась рывками, как у петуха. Хотя от линии удара они находились в стороне, их всё же зацепило драконьим выстрелом, и потому встретить Магистра они не смогли. Только в гостинице Крон пришёл в себя, и спросил - что за люди эти проходимцы, и можно ли доверять им?

Магистр ответил, что ещё из города не выехав, можно было догадаться, что за люди - Сэм и Вейн. Разве нормальному человеку придёт в голову поймать дракона? Крон заверил, что лично ему ничего в голову подобного не пришло бы. До такого мог додуматься только дурак вроде Сэма Да и длинный дружок его навряд ли умнее.

- Да, Крон, - попытожил Магистр, - эти двое явно промысел Божий.-

- Тогда - Слава Господу. - сказал Крон с сомнением.

На другой день утром у калитки Магистра встретил один Вейн, потому что Сэм с кузнецом колотили в кузнице кувшины, и им некогда было тут всяких магистров приветствовать, а Вейн болтун - ему и болтать.

Они обсудили с Магистром дальнейшие планы насчёт дракона. Было ясно, что дракон ещё далеко не готов к боевым действиям, и потому бродягам придётся оставаться здесь, учить его и откармливать. В городе для этого нет условий, да и опасно.

Единственное, что не понравилось Магистру - это почему Вейн никак оплатой не интересовался. Когда Магистр заикнулся о деньгах, Вейн поскучнел, и деньги свалил на Сэма. Его, мол, это дело, он разбирается. Можно подумать, будто и не Вейн обдирал купцов, бандитов, крестьян и Герберта, да и со всякой, наверное, живой твари, что ему попадалась, старался содрать золотой.

Это насторожило Магистра, но сразу поверить Вейну он был не готов.

Не хотел верить, потому что и самому Магистру деньги тоже были совершенно не нужны. Поэтому Магистр предпочёл верить в обычную измену. Видимо, шпионы желтяков уже наобещали этому болтуну горы золота.. Но это не особенно волновало. На то он и магистр, чтобы шпионов ловить, да измену пресекать. Он вслух пообещал оставить в деревне часть солдат для охраны дракона, а про себя решил науськать на эту охрану шпионов, и пошёл следом смотреть на очередную дурость - летающий кувшин.

На этот раз всё было гораздо больше - и костёр, и кувшинище, дно которого упиралось в камень. Вместо пробки в горло был забит обычный кувшин с узким горлом, заполненный маслом просто из любопытства. И тоже с пробкой, туго забитой. Элиане было велено вообще в костёр не смотреть, от греха, и это помогло - всё получилось на редкость удачно, даже лучше, чем было задумано негодьями. Правда, шарахнуло всем по ушам гораздо сильнее, но костёр не разметало головешками, дом уцелел, да и большой кувшин уцелел, даже на месте остался, задушив всех облаком пара и плюнув малым кувшином, который вознёсся через деревню с жутким воем, выбросив назад огневой хвост и чёрный шлейф дыма.

Перегретое масло вышибло в воздухе пробку и вспыхнуло, вылетая наружу. Только по этой чёрной полосе в небе, что протянулась за виноградники, кувшинчик и нашли позднее, а пока ошарашенный Магистр тупо спросил: - Что это было? -

Радостный Сэм заскакал вокруг него, восклицая: - Пробьёт фалангу, верно?! -

- Он и стену пробьёт, - ответил Вейн, потому что Магистр всё равно ничего не слышал - уши не зажал.

Сэм хотел такое посоветовать, но Вейн, подлец, отговорил, сказав, что через уши быстрее пройдёт. И проняло.

Магистр все мысли об экономии отбросил, если они имелись, и заявил, что всё покупает - и кувшины, и кнут, и всё прочее, что есть и будет, скопом. При этом он смотрел то и дело на тающий в небе чёрный след, словно не веря своим глазам. Уже конная дюжина ускакала искать кувшинчик, а Магистр всё не мог глаз от неба отвести. Потом начал торговлю, спросив Сэма, сколько бы тот хотел получать за службу вместе с драконом?

- И с прислугой, - пискнула, напоминая, Гельда, что крутилась в пределах слышимости, но в её сторону гордый Сэм даже не глянул.

- Чем больше, тем лучше, - искренне сказал он, - Даже сказать боязно - вот сколько надо. -

И тут же оправдал свою жадность непомерной жадностью всех, кто хотя бы смотрит в его сторону, от девчонок, купцов, продавцов, Алины и кузнеца, которому одному платит не жалко, он хоть полезные кувшины и прочие шарики тюкает. Магистр заверил Сэма, что отныне все кувшины будет оплачивать он лично, потому что Сэм будет занят только его заказом. По знаку подошёл сотник Крон, и принёс тот самый знакомый ларец, и снова Магистр без звука и споров выложил чуть ли не половину ларца в приятных тяжёлых мешочках - и за дракона, и на заказ, и даже на оплату прислуги, которая запищала, казалось, со всех сторон о своей ценности. Потом Магистр, не мешкая, вытащил из ларца крест серебряный, с ладонь величиной, и сказал, что этот крест вывезен из самого Иерусалима, и внутри его вплавлен кусочек гвоздя, что пробил правую ладонь самого Христа во время распятия. Словом, крест такой, что святей не придумать. Как люди верующие, Сэм и Вейн преклонили колена, поцеловали крест и повторили за Магистром слова присяги на верность королю дронов Алану.

Суть её, как и всех присяг во все времена, состояла в том, чтобы исполнять беспрекословно приказы начальства. Ну, и кары всякие, само собой, только нарушь эту присягу. И петля от короля, и геенна огненная от господ. Сэм и Вейн бодро и весело отбарабанили все клятвы - дело привычное для бывалых наёмников и дезертиров - привычное лобызание святого креста, - и охрана Магистра приветственно заколотила в щиты рукоятями мечей. Элиана на радостях тут же обняла и поцеловала Сэма, однако пройдоха при сем целовании так и не вытащил рук из карманов, где лежали заветные мешочки.

А Гельда к Вейну и не подошла - у того всё равно денег не было.

Магистр радостно улыбался, но глаза деловито работали, разглядывая и лживые рожи дружков, и честные личики их подружек. Магистр знал цену клятвам, и потому не случайно, и вовсе не по доброте и щедрости душевной вдруг вспомнил о прислуге для дракона. Мол, если Сэму и Вейну это нужно, то и подружки могут быть зачислены на королевскую службу.

Вейн сам упал, едва это услышал, а Сэма сразу же сбили с ног, пока он рот зачем-то раскрывал, когда обе подружки ринулись к магистру, плюхаясь на коленки для присяги, пока крест не спрятал.

- Двести золотых! - хором, скромно лязгая зубками, прощобетали красавицы - Магистр от неожиданности чуть ларец не уронил.

Такое рвение и жажда служить королю ему очень понравилось.

Даже глазёнки этих симпатичных девиц имели форму монеток, только цветом другие - карие и чёрные. Магистр предложил сто пятьдесят - и тут же жадные девицы бухнулись лбами в землю с

воплем радости, что они согласны, а Гельда и задом покрутила, придавая согласию определённую окраску.

Хотя Магистр и стрельнул взглядом по этому круглому намёку, всё равно зря вертела этим намёком доверчивая бедняжка, ибо плохо знала коварство Магистра, которому и мысль такая - взять её в город любовницей - в голову не могла прийти. Как он мог позволить ей лопаться в городе от довольства и счастья, если тут за дружками надо присматривать? Но искренняя, от души, жадность девиц так по сердцу пришлась Магистру, что и им было позволено поцеловать серебряный священный крест. Опасаясь за него, Сэм даже закрыл глаза, однако не зря там святой кусочек находился - сохранил, хотя Гельда так его расцеловала, что едва не проглотила, и обе совершили обряд так страстно, что Вейн, развратный тип, даже позавидовал кресту. По случаю того, что счастье улыбнулось, наконец, этим жалким бродягам и их жалким подружкам, они все по честному скинулись - по пять золотых, и по двадцать золотых, и устроили вечером пир с вином, мясом и прочими разносолами, пригласив и Алину с кузнецом, и ребятишек, и разбойников Лейна., и ещё кого ни попадя. Магистр на пиру только бокал выпил, и уехал, оставив вместо себя солдат, которые дозором ходили вокруг забора всю ночь, да так рьяно, что вскоре зашатались, забредая во двор время от времени, а к утру упали в траву, вывесив густое облако храпа.

Этим же вечером магистр тщательно осмотрел закопчённый кувшинчик, ничего не понял, и спросил сотника Крона - а этот ли кувшинчик улетел?

Крон обиженно ответил, что нашли в поле, один там лежал, а другие там не растут, но на месте магистра он зарубил бы всех, чтоб голова не болела, как до сих пор болит у сотника.

- Это умно, - обрадовался Магистр, - Как я сразу не догадался. А ты мне город защитишь, ты ловкий, а пока иди отсюда, мне выпасться надо. -

На другой день Магистр уехал. В город, с пустым ларцом, нищий, но весёлый, на доклад королю дронов Алану. Для охраны дракона он оставил почти всех своих солдат, взяв в город только сотника Крона с двумя бойцами, и серебряный амулет от разбойников, который вручил ему Лейн, и за который Лейну потом пришлось выложить свои денежки, когда бессердечный Вейн потребовал отчёта.

Добравшись до города к вечеру, магистр отправился спать, предоставив Крону время для доноса королю.

С королём Аланом он встретился, как обычно, утром, в башне над крепостными воротами, после обхода крепостной стены, который они совершали один с правой стороны крепостной стены, другой - с левой, по очереди, каждое утро. Король дронов Алан был молод, холост, храбр и прям в общении. Он сразу сказал, сверкая прозрачными, как вода в ручье, глазами, что на те деньги, что выложил Магистр, на невесть что, можно было нанять, закупить, подкупить и построить. Чего именно, король не сказал - оба знали нужды обороны.

- Можете считать, что я закупил стрелы без промаха. На всех этих желтяков. - весело ответил Магистр, поведя рукой в сторону бывшего неприятельского лагеря, похожего с крепостных стен на разворошенный муравейник. Теперь это был не стан врага, а обычное торжище, или базар, но для наглядности и король, и магистр всегда указывали на базар, хотя ставка желтяков переехала уже давно подальше от городских стен и из пределов видимости.

Потоптавшись под стенами города с месяц, желтяки отошли, убедившись, что крепостные стены

пока не по зубам. Они даже на штурм не решились. Тем более, что город этот никак не окружался, потому как расположен был на огромном разломе в горной цепи. Много веков назад после землетрясения в горах образовалась брешь - эта вот долина, на которой теперь стоял город. И слева, и справа такие высились склоны, что ой-ой, а поперёк долины встала крепостная стена, вот и всё, попробуй окружи. Крепостные стены строят не для того, чтобы их брали, а совсем наоборот. Не всегда так получается, но эти стены действительно были неприступны. Может быть, пока.

Желтяки так и решили, после чего отступили на подготовку.

И чтобы торговле не мешать. И Магистр и король Алан знали, что торговля желтякам нужнее, чем дронам. Король дронов Алан собирал с купцов пошлину, и приличную, а желтяки эту пошлину брали чисто символически, серебром, Вейн бы умер со смеха.

Желтяки рады были, что купец товар везёт, и медь, и оружие, и железо, и упряжь ременную, и оси колёсные, и сыры, и вино, и прочее питание. Всё это доставлялось из Европы со стороны дронов, и потому стоило вдесятеро дешевле, чем выходило, если доставлялось из Азии, через долгие-долгие переходы по лесам и прочим буеракам. Желтяки потому и откатились от города, опасаясь, как бы король Алан не закрыл городские ворота и всякую с этим торговлю. За месяц стояния под городом купцов выпускали из ворот такими редкими каплями, что вожди желтяков едва не взбунтовались.

Было заключено перемирие - это сделал Магистр, потому что король Алан и говорить не мог с желтяками, его трясло от ненависти, и на редкие переговоры в чисто поле ездила принцесса, его сестра Кристи, напялив доспехи брата и опустив забрало. Теперь от желтяков регулярно приезжали послы - обговорить с магистром текущие мелочи и уладить разногласия, ну, и с заверениями, что воевать не собираются.

Магистр отдавал все подарки от послов по купцам, какие бы на вид не золотые, дорогие и приятные, потому что Кий очень привечал всяких магов и колдунов, и мало ли что в этих подарках может быть понатыкано. Вспомнить хоть Розовый меч, при упоминании которого король Алан наливался злобой. Этим и ограничивалась вся видимая дипломатия, которая, однако, позволила широко развернуть торговлю, выгодную обоим сторонам. Так что городские ворота только на ночь и закрывались. Подготовка к войне - дело дорогое, а каждый проходящий через городские ворота купец исправно выкладывал золотые монеты. Конечно, запасы золота у дронов благодаря старому королю имелись, но без доходов от купцов все запасы будут иссякать, тем более, что всё государство дронов, все деревни и земли по ту сторону горной цепи оказались захваченными желтяками. По эту сторону, европейскую, оставалась лишь одна крупная деревня, та, где злодействовали два дружка, и несколько таких мелких, что про них и не вспоминали.

Не только из-за доходов король Алан держал ворота открытыми.

Ещё из-за опасения, что иначе желтяки будут вынуждены идти на немедленный штурм. Отобьют его, не отобьют, а не зря говорят, что худой мир лучше доброй ссоры. Король Алан понимал, что желтяки получают и оружие, и прочее для штурма через купцов и торговлю, что они крепчают, но и на него время работало, пусть в меньшей степени, и потому обе стороны оттягивали неизбежный штурм, как только могли. Король Алан просто надеялся на чудо, а желтяки просто готовились к штурму и битвам. Когда они подошли к королевству дронов, щиты их были из кожи, наконечники стрел - в основном костяные и каменные, а кони даже не имели стремян, да и сёдел. Но их было много, около ста тысяч, и это решило исход войны за страну. Теперь в руках дронов только город, только ключи в Европу, только надежда, а желтяковская орда перевооружается и переучивается. Шпионы доносили что их

кузни дымят, молоты куют, а войска маневрируют уже в сёдлах. Поэтому известие о спасительном чуде - управляемом, дальнобойным и массово-поражающем драконе заставило короля Алана сунуть нос в дела Магистра, что обычно он не делал. Король высказал магистру очень ясное пожелание видеть дракона здесь, в городе, на крепостной стене, а вовсе не в деревне за горной цепью, где его могут продать, убить и перекупить.

Желтяки сто раз подумают, если по стене дозором будет шляться такой убойщик. Магистру пришлось объяснять королю свой план военной кампании. Если обучить дракона действовать против боевых порядков противника в чистом поле, да при поддержке своих войск, то можно уверенно атаковать желтяков, громить и изгнать из страны. Причём в самое ближайшее время. А его появление на стенах только отдалит невесту на сколько победу.

Желтяки примутся изводить его колдунами, ядами, шпионами и заклятиями. Будут рыть окопы, мастерить дальнобойные катапульты, рыть ямы-ловушки. Гораздо лучше, соблюдая полную секретность, обучить его в горной деревне, чем и заняты сейчас эти два наёмника, а потом неожиданно применить в бою. Так все победители только и делают, не так ли?

Этот план убедил короля Алана, что магистр не раззява - уже в который раз - но он просто из хорошего настроения возразил, что оставлять дракона в деревне тоже опасно. Наверняка желтяки уже знают, что дракон продан. Те же тролли, в которых магистр не верит, давно им доложили. Сейчас вокруг дракона шпионы кишмя кишат, разве нет?

Да, согласился магистр, кишат, но это ваши шпионы, и их будет ещё больше, магистр будет засылать их в деревню просто пачками, так что простых жителей вскоре там не останется - всех перекупят в шпионы. Так что вражеские будут находить там только одно - крепкую верёвку, да высокий сук.

Но тут король вспомнил донос Крона и сказал - эти наёмники, которых так неслыханно дорого купил магистр, вообще - кто такие? А ведь им дракон подчиняется. Что за люди?

Магистр подумал, прежде чем ответить. Поглядел в полевые просторы, где шумел базар, в небо, где кружил коршун, и вздохнул.

Тут король угадал - было слабое место. Сэм, тот простая душа, глаза-пуговицы, дурак дураком, словом, неплохой парень, и насквозь видный, всем понятный. Ему нужны деньги, он их любит, и магистр их дал. Сэм пока не продаст. Просто некогда об этом подумать будет. А вот Вейн... Но магистр, помня о доносе сотника, и Вейна изобразил вполне нормальным человеком, который, хотя и не очень жаден, но вполне управляем. В нужных пределах. К тому же Вейн полезен Сэму. Хотя бы своей болтовнёй.

Эти дураки, в отличие от умных, никак не могут понять - как устроен мир, и болтовня им помогает, тупицам. Если убрать Вейна,

Сэм может поумнеть и продаться желтякам. Вейн смирный. Говоря это, магистр сожалел, что позволил довольно долго беседовать этому Вейну и сотнику Крону. Тот, разумеется, мог сделать один вывод из этой беседы, как ответственный шпион и опытный вояка. И потому магистр обещал пристукнуть Вейна позже. Повесить, конечно, нельзя, из-за дружка, но уж пьяную драку и удар ножом организовать не проблема. Но чуть позже... Эти мелочи тайной службы настолько для короля мелочи, что магистр только вздохнул, и добавил, что оставил у Вейна шпиона, конечно.

Причём самого ценного, потому что ближе к Вейну никто не подберётся. Она прямо в постель к нему

залезла. Это его подружка, жадная и смазливая девица. Не дура, соображает, что её дружок плохо кончит, поэтому продалась с радостью и благодарностью даже. Король потребовал подробности, даже сказал, что Вейн мог её специально подослать к магистру. Пришлось рассказывать, как было дело. Что верно, то верно - девица сама из платья рвалась.

И глазками стреляла, и всякими круглыми местами вертела. В гостинице магистр беседовал со всей шайкой по отдельности.

Вначале Сэм, потом Вейн, потом их подружки. С каждым что-то обсуждал, всякие мелочи, что-то поручал, просто беседовал - как же иначе. Будущую шпионку пригласил последней, начал было вопросы задавать - кто, откуда, как с подружками связалась, но какие там вопросы - девица так дышала, что магистр сбился со всех мыслей на одну только. Твердила одно - в город, к хорошему человеку пристроится только и хочет, а эти все дураки и драконы - так, никто больше в город не берёт. Конечно, магистр мигом заговорил по своей, для пользы дела приобнял девицу, но та выскользнула, и давай торговаться. Заявила, что хотя и нанялась к магистру, но пока только прислужой при орудии, а вовсе не любовницей, но при этом так соблазнительно надувала губки и торговалась коленками, глазками и всем прочим, что любой другой на месте закалённого магистра отдал бы вчетверо дороже.

А так шпионка обошлась всего в сорок монет в год. Магистру пришлось их выплатить и согрешить вдобавок, что его очень огорчило, потому как в Библии сказано - не прелюбодействуй.

Однако чувство долга преобладало, и магистр заставил себя согрешить. Пришлось. Ему, Магистру Ордена Святого Креста, которому и по уставу запрещено жениться, не говоря уж о баловстве. Магистр не знает, простит ли Господь этот грех, но будет об этом молить. Услышав это, король прекратил свои шпильки, даже скорчил сочувственную рожу, и ничего не сказал.

Но подумал, что эту историю можно выгодно и смешно рассказать, разукрасив её всякими пикантными подробностями, сестре Кристи и отцу, старому королю, намекая на то, что на деньги короля магистр просто купил себе любовницу. Но это в смысле обеденной трепотни. И магистр, и король Алан ценили уже не деньги. Они ценили власть. А она стоит не дёшево, не дорого, а сколько надо. Орден Святого Креста уже заплатил за определённую власть в королевстве дронов, и король знал, что магистр мог бы, не моргнув взглядом, и вдесятеро заплатить этой шлюхе королевскими деньгами.

. Но немножко поиздеваться над магистром король никак не мог упустить случай. Потому что давно понял, что искренне, до тошноты верующий в Бога магистр мог нарушить все заповеди Его, если это нужно для блага Ордена Святого Креста. Искренне при этом раскаиваясь. Поскольку Орден работал сейчас на пользу короля Алана, тот только изредка позволял себе такие шуточки, но эта, про любовницу на королевские деньги, показалась нужной, из-за принцессы Кристи. И старый король, и король Алан, его сын, недавно пришли к мысли, что принцесса Кристи и магистр..., а что? Обет безбрачия магистра - это мелочь. Если для блага ордена.

Любой договор желательно скрепить чем-то более надёжным, чем подписи и рукопожатия. Впрочем, для срочной свадьбы были причины посущественней. Свою часть договора Орден исполнял истово и рьяно. В ней было спасение Ордена. Потерявший все свои земли и замки в бесчисленных тягучих войнах между королями, дворянами и прочей нечестивой сволочью, Орден захирел, рассеялся по всей Европе - по монастырям, по свитам дворян, по городам и дорогам.

Давшие клятву на верность Ордену, послушники при каждой оказии и возможности посылали магистру разные интересные сведения, новости и прочее, но с каждым месяцем ручеек вестей

мелел. Он вновь зажурчал после заключения договора, когда магистр стал отвечать на вести золотом дронов, заботясь, чтобы его мордатые послушники не похудели. К дронам магистр прибыл как раз вовремя. Большой дракон перекрыл дорогу, и поток купцов через городские ворота едва не иссяк. А если город удастся отстоять, король обещал выделить Ордену земли и селения, часть доходов от торговли, ну - и полную свободу в освоении новых территорий в сторону желтяков.

В случае победы над желтяками Орден Святого Креста должен был зацвести пышным цветом во славу Господа. Магистр привёл с собой тридцать восемь послушников, самых откормленных и злых за обиды Господа. Трое сложили головы в бою с драконом. Ну, и четыреста солдат короля, что делать. После боя королю донесли, что магистр прятался за камни дальше всех от дракона, трус подлый, и послушники такие же - гнали вперёд солдат, а сами пятились, чуть что. Всего трое погибло, убежать не успели. Король Алан понял, что магистр опытен и хладнокровен, а его послушники - просто клад. Он даже предложил поставить их во главе сотен, чтобы укрепить своё расхлябанное войско, но магистр отказался от этого дикого предложения. Это были его пальцы, образно говоря, и король предложил прищемить их дверью. Вскоре король и сам это понял.

Конечно, он не верил в победу над желтяками, но, по крайней мере, ощутил себя гораздо спокойнее, потому что все заботы, которые мог забрать себе магистр, он забрал. И руководство обороной, и войска, и торговлю, и охрану, и выколачивание денег, оставив королю только казну. Король оплачивал расходы магистра без звука, возражая только в случае хорошего настроения, как вот сегодня.

- Но дракон - это ещё не всё. - сказал магистр, - Господь послал ещё надежду для спасения города. За триста золотых. - с этими словами он достал из сумки закопченный медный кувшин с узким горлышком. Король хмыкнул, повертел кувшин в руках, заглянул внутрь, и сказал, что этот кувшин, хотя и улетел невесть куда невесть каким способом, стоит всего пару золотых. И то, если начистить до блеска песком. Магистр согласился. Сказал, что заплатил Сэму именно два золотых, а остальные 298 - задаток за убийство короля желтяков Кия. Но пока Сэм этого не знает.

- За убийство? - король Алан возбуждённо потёр руки. - Не дёшево? -

- Доплатить придётся, - опять согласился магистр. - И невесть сколько. Этот кувшин способен долететь до шатра Кия, но в будущем. За подготовку этого полёта придётся платить. Но, я думаю, это реально - установить в крепостной башне дурацкое устройство Сэма, и запустить кувшин в сторону желтяков. Конечно, это будет уже не кувшин. Скорее стрела. С длинным остриём. С крыльями, как у птицы. Сэм уверен, что справится с заказом. Вейн сказал, что это Знак Божий. Может быть. -

Король задумался. Несомненно, после смерти Кия война бы прекратилась. Всё войско желтяков держалось только на Кие.

Оно представляло собой около пятидесяти разных по количеству отрядов, каждый под командованием своего племенного вождя.

Они бы сразу увели своих людей, в этом король не сомневался.

Каждый сам по себе, каждый считает себя пупом земли, вождь есть вождь - что тут говорить.

Шпионы постоянно дополняли историю этого похода и его короля. Кий получил это войско под свою руку в награду от китайского императора, или Большого Желтяка, как называли его в просторечии из-за непроизносимого имени. Кий разоблачил заговор какого-то колдуна, когда тот готовил покушение

на Большого Желтяка. И жестоко подавил, перебив всех причастных, да и себя не пожалел - получил рану.

А на вопрос императора - Чего Ты хочешь? - рассказал о купцах, что повадились таскаться в их страну напрямую, наплевав на истоптанные обходные пути. Кий уверен, что существует самый короткий путь в Европу, через горы, и хочет пойти навстречу купцам. Конечно, придётся прокладывать дорогу, обустраивать её, покорять мелкие племена, однако прямой выход в Европу стоит этих затрат.

Кий попросил у Большого Желтяка войско и деньги, а также все земли, которые захватит, поклявшись, что останется верным подданным Большого Желтяка, хотя и королём нового королевства.

Видно, говорил убедительно, иначе бы это треклятое войско не пришло в королевство дронов через леса и реки. Тут он разгулялся. Обжитые и богатые места. Предгорья. Люди, поля, скот, - было, кого покорять. Занял все селения и прочие деревни, навёл свой порядок, и подступился к городу в горном проходе.

Кий заинтересован идти дальше, в Европу. Все земли ему отходят. Он своё королевство хочет создать. А его вожди ничего, кроме доли в добыче, не имеют. Уйдут сразу после гибели Кия.

Наперегонки.

Король ещё раз оглядел закопченный кувшин, и со вздохом сказал, что не верит в попадание на таком расстоянии, когда и цели не видно.

- Согласен, - сказал магистр, - Но шансы резко возрастут, если внутрь, для наведения на цель посадить эльфа. Сэм обещал сделать кувшин управляемым. Как известно от шпионов, каждое утро Кий, восседая на троне в белых священных одеждах, проводит советы с вождями и командирами возле своего шатра. Отличная мишень. -

- Магистр, такого эльфа найти невозможно. - нахмурился король. Он хотел что-то добавить, но только усмехнулся.

- Если Ваше Величество поговорит с королём эльфов... -

- Почему бы вам самим не поговорить с королём эльфов? - возмутился король. Эльфов он не любил. - Я знаю, что вы не верите в эту нечисть, - король Алан прищурился насмешливо, глядя в глаза магистру, - но позвольте напомнить, что это вы разговариваете каждую ночь с эльфами. К тому же король эльфов раза три назвал вас подонком. -

Магистр скромно опустил глаза, - Всего два раза. Но разговаривать со мной не желает, как я ни просил о встрече. Кстати, о нечисти. Чего не сделаешь ради славы Господа. И если нечисть согласна работать связниками на Его благо, я не могу позволить своему неверию мешать ей. -

Каждую почти ночь эльфы залетали в распахнутое окно замка, где постоянно дежурил послушник, и частенько - магистр. Эльфы сходу бросали на стол записки от шпионов, или пищали их вслух.

- С вами он встретится, Ваше Величество. А говорить, как всегда, буду я. -

Король Алан не ответил. Встреча могла состояться только ночью, когда настроение короля всегда было хуже некуда. Только по этой причине он и манкировал частенько просьбы короля эльфов о встрече, хотя эти мелкие союзники приносили несомненную пользу.

- Как вы получите эльфа? - спросил, наконец, король.- С помощью угроз мухобойкой? -

- Помните, с неделю назад принцесса рассказывала об одном элфе, которому грозит изгнание из племени? Король эльфов хотел бы заменить его на бой с кошкой. Я предложу заменить это на полёт в железной стреле.-

Король нахмурился. План магистра был вполне реален. Принцесса упорно отказывалась рисковать своей кошкой, хотя и начала мастерить ей доспехи.

Король вздохнул: - Ну хорошо. Передайте связным эльфам моё предложение о встрече. -

С этими словами раздосованный король принялся спускаться по лестнице из башни. Настроение упало, как это было почти всегда после встреч с магистром.

Ночью в огромном тронном зале, освещённом всего двумя свечами, состоялась встреча. Король Алан в парадной мантии скучал на троне, борясь со сном и зевая во весь рот. Магистр, стоя рядом, тихо беседовал с принцессой Кристи, то и дело поглядывая в сторону открытого окна. Принцесса подтвердила, что кошку не отдаст. Конечно, король эльфов об этом мечтает, но королева Ри мечтает совсем наоборот. Тут донёсся знакомый тихий звон, и магистр тронул короля за локоть. Принцесса встала с другой стороны трона.

В окно торжественно влетела целая орава эльфов, похожая на стайку воробьёв, только разноцветных и сверкающих. Впереди летел король эльфов Ри, а длинную ленту его мантии из паутиной ткани позади несли ещё с десятков эльфов. Десятка два эльфов по краям этого облачка сверкали, словно серебряные - почётный эскорт в новеньких кольчугах из рыбьей чешуи. Её насобирали для эльфов принцесса Кристи на королевской кухне. Что поделат, если такие щёголи. Раньше они набирали чешую на дворцовой помойке, рискуя попасть кошке в лапы.

Эльфы жили во дворцовом саду, огромном, примыкающем к склону горы. Им сколотили домики на деревьях для жилья, которые они и заселили, за неимением лучшего. Предлагали охрану - от кошек и других врагов, но король эльфов отказался. Если вдвоём, эльфы всегда обращали кошку в бегство, истыкав её новыми пиками из спиц. Одиночка тоже мог обратить её в бегство, если имел с собой лук со стрелами, и если успевал увернуться от первого броска кошки и взлететь в воздух. Не раз кошка прибежала к принцессе Кристи, жалобно плача, вся похожая на подушку для иголок.

- Дура ты, кошка... - выговаривала принцесса Кристи своей кошке, выдёргивая из её шкурки острые иголки, - вот выбьют глаз, будешь кривая. -

Но кошка её не слушала, и при каждом удобном случае убегала в сад на охоту. В первые дни после заселения эльфами домиков на деревьях, она, высоко подпрыгнув, поймала одного эльфа, и сожрала, и он такой вкусный ей показался, что и осетрины уже не надо - такая кошка разборчивая.

Эльфы давно бы ей все гляделки пробили или спицей с разгону пригвоздили к земле, но считали кошку частью принцессы Кристи. Из королевской семьи только Кристи и признавали по настоящему. Всех прочих людей с незапамятных времён презирали и ненавидели.

Так что кошку принцессы тоже приходилось признавать, пусть даже тыкая её в заднюю филейную часть. Но её троих котят, едва те как-то выбрались в сад, тут же беспощадно изрубили, решив, что и одной кошки с них достаточно. Только из-за хвостатой мерзавки два эльфа всю ночь стояли на страже, сменяя друг друга, и это вместо отдыха после полётов. А они разные, бывает, что против ветра, да с грузом, до лагеря желтяков и обратно. Устанет эльф, как летающая собака, а тут вместо отдыха стой

на часах, кошку высматривай. И котят ещё завела, мерзавка, чтоб и их к охоте приучать. Этого эльфы не стерпели, и на рассвете, как мясники, изрубили чудовищ кривыми мечами, кованными из толстых спиц на лунном свете. Хотя на рассвете эльфы, существа ночные, видели уже плохо, но куда деваться, если котята выбрались на охоту утром, а не ночью? Изрубили в такие мелкие клочья, что принцесса Кристи до сих пор не знала, куда девались котята.

Влетев со звоном в распахнутое окно, процессия выписала в воздухе плавный приветственный вензель, после чего опустилась на большой стол перед королевским тронном. Принцесса поставила там игрушечный трон, а магистр - большую чашу с мёдом со щепочками - вместо ложек - на краях чаши. Король эльфов плюхнулся на трон, и свита выстроилась позади него широким клином. Король Алан вспомнил спросонья, что из-за высокомерия эльф никогда не приветствовал его первым, и зевая, сказал, что рад видеть, желает здоровья, и как самочувствие? Король эльфов пропищал свои длинные и цветистые приветствия. Магистр едва дослушал его до конца, и сразу, как обычно, влез в разговор.

Он извинился за малую свиту короля, сославшись на секретность предстоящей беседы. Король эльфов пропищал с презрением, что у эльфов таких проблем с секретностью нет.

Они народ куда более древний и благородный, чем люди - все сплошь мерзавцы и предатели, исключая, конечно, присутствующих здесь принцессу Кристи и короля Алана.

Магистр, не моргнув глазом, проглотил оскорбление, и попросил разрешения у короля Алана изложить суть дела. Тот кивнул, устраиваясь на троне удобнее. Принцесса Кристи упорно смотрела в мозаичный пол. Магистр изложил свой план, меняя для лучшего понимания эльфа некоторые подробности.

Так, вместо кувшина в его рассказе полетела пустотелая стрела, которую изготавливает добрый колдун Сэм. Когда эта заколдованная стрела пробьёт короля желтяков Кия, война закончится, и король Алан сможет, наконец, помочь эльфам, и освободить от троллей Моховую Гору, бросив все войска на её штурм.. Или выкуривание. Или затопление. Или ещё что, пока неясное, кроме одного - народу потребуется много. Честь и слава от победы над троллями, конечно, вся останется эльфам. В веках будут прославлять и помнить великого короля Ри. Но эльф в железной стреле наверняка погибнет.

. Выслушав, король Ри кивнул. Он сообразил, куда толкал его магистр.

И громко пропищал: - Это мне нравится. Но я не имею власти послать эльфа на смерть. Мы не люди. Жизнь эльфа принадлежит только ему, и только он может ею распорядиться.

Самое большое наказание в моей власти -изгнать эльфа из нашего племени. Велеть своим подданным видеть пустое место. Пусть летит куда хочет, ищет другие племена эльфов, пусть боится совы и летучих мышей - вот всё, что в моей власти.

Это наказание выносится за очень тяжёлый проступок. За личное оскорбление. - Эльф подпрыгнул от злости.

И помолчал некоторое время. Магистр замер, чувствуя, что эльф на что-то решается.

- Эльф недавно оскорбил меня. - еле слышно пропищал король, - И королеву Ри. Он объяснился ей в любви. Я мог бы изгнать его, однако королева, как настоящий эльф, просила заменить наказание. Я согласился. Поскольку эльф сказал, что лучше умрёт возле королевы Ри,.я заменил ему изгнание на

бой с кошкой принцессы Кристи. - Эльф снова замолчал. Магистр вздохнул, и едва в раздражении не сплюнул. Король Ри впервые сказал прилично о кошке принцессы. Плохой поворот. Он не ошибся.

Эльф торжественно провизжал: - Пользуясь случаем, я прошу принцессу Кристи выпустить завтра ночью в сад её чудище.

Эльф будет биться с кошкой в пешем порядке, со связанными крыльями, вооружённый только мечом. Исполнит ли принцесса Кристи мою просьбу? -

Магистр чуть не выругался. Эльф не поверил ему. Он решился на просьбу, хотя. эльф никогда не попросит человека. Он может попросить только равного себе эльфа.

Принцесса подняла голову, но на короля Ри не посмотрела - на стены. Еле слышный ропот донёлся со стороны свиты, состоящей из эльфов, но ведь король эльфов - это испорченный эльф, и ропот быстро стих. Принцесса Кристи посмотрела на магистра, словно в поиске помощи, но тот сделал вид, что не понимает. Только получив толчок по ноге, решил кивнуть, уповая на помощь Господа.

- Разумеется, король Ри, я исполню вашу просьбу.- ровным голосом сказала принцесса, -Завтра ночью кошка выйдет на поединок с эльфом. -

Магистру хотелось скрежетать зубами. Вместо этого бесполезного занятия он решил сделать ещё попытку, тем более, что не рисковал потерять уважение эльфов: - Ваше величество, пусть о наказании кошкой вы договорились. Но ничто не мешает Вашему величеству заменить его другим. Следует подумать и о здоровье кошки, которому может повредить поединок. Я уверен, эльф согласится обменять жалкую смерть в её зубах на геройскую гибель в кувшине. -

- Он-то согласится! - завизжал король Ри. - Но я не согласен. Кошка его точно сожрёт, а вот из этой стрелы эльф, чего доброго, в последний момент выпрыгнет, и останется живой. -

- Если это заботит Ваше величество настолько сильно, - сказал магистр, - то я могу поручить колдуну Сэму сделать так, чтобы эльф остался в стреле. -

- Это подлость! - возмутился король Ри. -Пусть вы, люди, и привыкли обманывать друг друга, и пусть я испорченный эльф, но вы не заставите меня опуститься до обмана. Эльф будет честно биться с кошкой. -

Магистр понял, что проиграл. Слегка поклонившись, он отступил на шаг. А король эльфов, устроившись в креслице поудобнее, как обычно, заговорил о своих, уже надоевших магистру претензиях.

Обращался он к принцессе Кристи, потому что король Алан уже спал, а магистр - и вовсе пустое место, пусть и говорящее. Король эльфов скорбно сказал, что гибель эльфа в бою с кошкой будет уже невесть какой за последнее время. Таких гигантских жертв не было со времён штурма Моховой горы. Ночами эльфы носятся, как сумасшедшие, исполняя приказы магистра. Невзирая на потери, они исполняют союзнический долг. А что делают люди для освобождения Моховой горы от троллей? Ничего. Я слышу одни обещания...

Эльф замолчал и уставился на магистра. Тот принялся разглядывать потолок, готовясь пропустить мимо ушей надоевшие упрёки. Известно, что лазы в Моховой горе, исконном жилище эльфов, вырыты ими, и человек туда не пролезет. Даже ребёнок не пролезет. Из этих нор троллей можно выкурить дымом, или залить водой, но это работы такого размаха, что необходимых людей и средств

сейчас нет. Только после войны можно выделить силы и для рубки леса, подвозке его, замуравыванию бесчисленных дырок в этой горе. Эльф отлично знал, что сейчас у короля Алана людей не хватало, на стороне вербовал, рассылая глашатаев по Европе, но при каждой встрече упорно пищал своё. Но в этот раз сказал нечто новенькое. Напомнил, что тролли захватили Моховую гору с помощью желтяковских колдунов и предсказателей, без единой потери, одной подлостью. Нельзя ли попросить доброго колдуна Сэма помочь эльфам? Может быть, войска короля Алана и не понадобятся, чтобы освободить Моховую?

Магистр, подумав, сказал, что это хорошая мысль, но Сэм будет слишком занят железной стрелой, которая без эльфа внутри потребует вдесятеро большей работы. Так что, к сожалению магистра, тролли в Моховой Горе могут спать спокойно А пока, если дела закончены, магистр предложил приступить к дружескому пиру.

Возражений не последовало. Миска с мёдом мигом исчезла под мерцающим облаком эльфов. Они похватили щепочки и принялись, толкаясь в воздухе и треща крыльями, набивать животы и ореховые скорлупки, которые носили с собой. Один король эльфов остался на месте. Мёда у него лично хватало - это была одна из королевских подлостей, которые люди называли привилегией. Он с грустью вспоминал прежние недавние времена, когда добыча мёда была его основной заботой. Эльфы всё лето искали бродячие ульи диких пчёл, осенью король выбирал объекты нападения и командовал. В каждом случае он выбирал способ - или прямое истребление пчёл, если улей слишком ослаблен, или постепенное выбивание пчёл во время лета, или поджог, или снадобья колдовские из вонючих трав.

В Моховой горе располагались только ульи с особыми боевыми пчёлами, которых тролли боялись, как и самих эльфов.

С помощью особых пируэтов и звуков король мог объяснить им, где враг, и кто враг, и ни одного тролля на полёт пчелы не было в окрестностях Моховой горы. Боевые пчёлы и мёд приносили, но мало, и их кормить приходилось долгими зимами. Все они погибли, задушенные дымом огромного лесного пожара перед захватом троллями Моховой горы. После заключения союза с королём Аланом добыча мёда сильно упала, потому что эльфы - разведчики на службе у магистра мёд не собирали, а жрать им давай.

Просить мёд у короля Алана гордость не позволяла, а тот сам не догадывался, вернее, забывал, и одно время пришлось ввести ограничения, и потому все эльфы летали голодные, кроме разведчиков, которых кормил магистр. Причём давал две ложки в день вместо одной, и это позволили шпионам даже внешне выделяться - и весёлые, и толстые, и в новеньких одежках.

Магистр и королю Ри иногда присылал миску мёда, но не просто так, а как взятку, чтобы ещё эльфов выпросить, и король отдавал эльфов, а мёд отсылал обратно. Когда о трудностях с пропитанием узнала принцесса Кристи, она принялась таскать эльфам по бочонку мёда в неделю. Прикатывала бочонок в сад, и уходила. Эльфы никогда её не благодарили. Магистру говорили спасибо за каждую ложку.

Этот мёд в миске считался королевским, а не от магистра, и потому эльфы не стеснялись - вскоре миска опустела. Потом последовало невнятное прощание и прочие реверансы - и эльфы улетели.

Король Алан ушёл почивать, зевая, спросил без интереса: - Ну как?

Вы договорились? - Магистр неопределённо пожал плечами, но когда они остались в зале одни с принцессой, он спросил её шутливо - зачем принцесса так по невоспитанному толкнула его за тронном

своей ногой? Уж не признание ли это в тайной симпатии?

- Нет, - сердито сказала принцесса.- Вы должны мне помочь. Я не могу не выполнить просьбу короля Ри. Но если эльф погибнет, королева Ри может умереть. Я не знаю, что делать. Я придумала накормить кошку до отвала, чтобы еле ноги таскала. Но тогда эльф её изрубит. У них мечи - знаете, какие острые. -

- Знаю. - сказал магистр. Эльфы из-за своей малости так хорошо затачивали свои мечи , копья и стрелы, что остриё входило в человеческую кожу, например, совершенно безболезненно.

- Придумайте что-нибудь. - сердито потребовала принцесса.- Ни кошка, ни эльф не должны пострадать.-

- Если королеве Ри эльф настолько дорог, - вкрадчиво сказал магистр, - то я сделаю всё для его спасения. При условии, что королева Ри попросит спасённого эльфа полетать немного в железной стреле.-

Принцесса задумалась. Королева Ри и говорить не станет с магистром. Значит, просить королеву придётся ей.

- Я могу обещать это. - решила принцесса. - Но и вы должны обещать, что эльф вернётся из полёта живым и невредимым. Королева Ри не пошлёт его на смерть.-

Магистр заверил, что приложит для этого все усилия. А потом несколько легкомысленно спросил, не пожелает ли юная союзница

поцеловать его, для скрепления договора? Он бы не возражал - для поднятия настроения, а то все ненавидят, аж утомило.

В ответ принцесса только рот раскрыла и нахмурилась, пытаясь понять - не шутка ли это? Она шуток не понимала. Магистр это вспомнил, усмехнулся, и заверил, что это шутка. Потом извинился, заверив ещё раз, что это шутка. Но уже не усмехался. Потом извинился ещё раз, и ушёл торопливо по своим шпионским делам, забыв попрощаться. Связываться с принцессой Кристи нельзя было ни под каким видом. Не потому, что магистр не понимал принцессу - это само собой. Он боялся её.

На другой день во время завтрака в дворцовом зале, принцесса, не удержав любопытства, рассказала старому королю и королю Алану про шутку магистра. Тут и король Алан не удержался и живописал вербовку шпиона в юбке. Старый король заревел от смеха и грохнулся вместе с креслом на спину. Слуги поспешили поднять его, давась от хихиканья. Хотя старый король имел парализованные ноги, и сам встать не мог , это не убавило ему жизнерадостности, разве злости немного прибавило. Он даже не заметил, как упал, и как его подняли - так развеселился.

Он сделал вслух вывод, что магистр, который нарушил свой обед Господу о целомудрии, решил, что семь бед - один ответ, решил и за принцессой приударить, такая рыбина, ой, дочка, берегись. Так разошёлся старый король, что до конца завтрака никто не мог и слова вставить. Перебрав все косточки бедному магистру, старый король принялся за короля Алана, который раньше таскал к себе в постель знатных красавиц, но теперь, когда все богатые дворянки из-за предстоящего штурма уехали, принялся за крестьянок, чуть ли не за нищих с помойки. Старого короля это очень веселило, но король Алан только грустно посмеивался.

Из-за Розового меча, про который не знал старый король, всё было не так просто. Принцесса Кристи

заторопилась, приказала подать грушу на десерт, но не успела укусить эту грушу, как отец принялся за неё. Старый король совсем разошёлся, хохоча во всю глотку. Он принялся вспоминать, что его покойная жена, мать принцессы Кристи и короля Алана, в этом возрасте переспала со всей дворней, а через год - со всей знатью, а вот принцесса Кристи до сих пор спит со своей кошкой. - Ладно бы - с котом, - гоготал старый король. Принцесса сидела, сжав в зубах бедную грушу, очень заинтересованная. Но, когда и король Алан засмеялся, она выплюнула грушу, посмотрела во след понятливым слугам, прикрывшим дверь в зал, и поднялась на ноги.

Раз смеялись, она решила обидеться, и потому сдёрнула скатерть со стола вместе с загремевшими кушаньями. Потом внимательно всмотрелась в лица старого короля и своего брата, но они вовремя перестали смеяться, и потому принцесса, не зная, что ещё сделать, решила опрокинуть стол вслед за скатертью, но тот, подлец, оказался на редкость дубовым, и не опрокинулся. Тут король опять упал от смеха на спину вместе с креслом, поглядев, как пыжится принцесса, и она, пнув ножкой стол, быстро ушла.

Король Алан в этот раз не засмеялся, потому что помнил, что никогда, ни разу эту слабосильную дурочку не удалось достать деревянным мечом в тренировочном зале. Ещё он помнил удары этого меча по своей кольчуге, ибо принцесса Кристи заменяла недостаток силы невероятной ловкостью и быстротой. Она всерьёз намеревалась рубить желтяков на стенах, когда они пойдут на штурм, и король Алан просто не находил, что возразить. Старый король, отсмеявшись, лёжа на спине в опрокинутом кресле, потребовал его поднять, а потом, убедившись, что всё вино отбулькало из кувшинов на каменном полу, впал в злобу и снова принялся обзывать принцессу, говоря, что если Алан не отошлёт её к дяде, королю Францу, то её непременно изрубят на кусочки во время штурма. Даже по рукам солдаты-желтяки её не пустят, потому что такую злую и глупую дуру даже и в плен никто не захватит - так её испортили эльфы - просто зарубят, и всё.

И на кой чёрт он, старый козёл, растил её, такую дубину стоеросовую, столько лет, спрашивается - чтобы желтяки изрубили?

На это король Алан, подав знак вернувшимся после скандала слугам поставить новое вино, скучно ответил, что упрямство Кристи можно сломить только замужеством, сам старый король это не раз говорил. Но эта дура до сих пор играет с эльфами и со своей глупой кошкой, а между играми рубит мечом в учебном зале. Когда магистр предложил ей поцеловаться, то она, наверное, и рот раскрыла шире варежки. Нет бы на шею броситься - магистр надёжный человек и уж помог бы добраться до этого чёртова дяди.

Во время штурма только магистр и уцелеет, рыбина такая, а все дворяне, что остались в городе, полягут на стенах, потому что дураки, если вовремя не сбежали А пытаться выдать замуж принцессу за подобного дурака просто не хочется.

Старый король задумался. Он не удивился словам Алана о неизбежности захвата города. Вдвоём они говорили вполне откровенно и не строили иллюзий. Город обречён, как бы не старался магистр его спасти, хватаясь за всякие соломинки вроде дракона, кувшина или эльфов. Вчера, кстати, старый король долго орал, услышав про дракона и расходы, что на эти деньги лучше бы нанять сотню солдат, а всех этих деревенских дураков вместе с их драконом - повесить, чтоб не соблазняли, сволочи.

Повесить - это вообще был конёк старого короля, его основной способ управления, который он теперь выпустил из рук, отказавшись от королевской короны в пользу сына, короля Алана, после того, как сломал низ позвоночника, упав с лошади. Постоянно советовал и сыну перевешать полгорода, и

вообще всех, у кого кривая рожа - и сразу будет порядок, и король отвечал равнодушно: - Конечно, конечно, успокойся. -

Старый король и магистра учил управлению государством, и как-то допёк его, и тот невозмутимо ответил: - Обязательно. Как только, так сразу. Вот, и верёвку уже припас. - После этого магистр действительно показал верёвку, вытащив её из кармана, увернулся от бутылки, брошенной старым королём, откланялся и удалился с обеда. А старый король долго орал потом на Алана и принцессу, что над бедным, несчастным, больным увечным стариком, конечно, все могут издеваться, и магистры всякие паршивые, но вы-то, дети мои и кровиночки, должны согласиться, что, если не вешать всех подряд, не пропалывать свой огород от сорняков, так и зарастёт всё хаосом и репьями, и огорода не будет, а дикое поле, и вместо королевства дронов - дикая вольница, неразбериха и прочая крапива. Но кровиночкам быстро надоело слушать вредного старикашку, и они тогда ушмыгнули вслед за магистром.

Подумав, старый король согласился, что магистр - единственный подходящий жених, потому что дочка рассказывала о магистровой шутке с гордостью. Его, по крайней мере не зарубят. Алан усомнился, что с гордостью - когда он рассказывал о магистровой любовнице, никакой ревности у Кристи не заметил. Один интерес. Старый король вскричал, что сынишка ещё лопух насчёт женщин, только и разбирается, что в их анатомии. Принцесса гордилась, сама не догадываясь, что гордится, и ревновала, сама не зная - ведь интерес - это всё, что нужно для начала. Это семечко, из которого можно вырастить огромный дуб. При подходящих условиях, конечно, и такие условия представляются именно сегодня ночью, когда магистр будет мухлевать с кошкой в покоях принцессы Кристи. И старый король изложил свой хитрый план, который понравился королю Алану своей простотой. Запереть их, а утром посмотрим. Вот и всё - как просто. Договорившись, они выпили за успех по стакану вина, ругая упрямство глупой девчонки, после чего король Алан ушёл крепить оборону города, а старый король выпил весь кувшин, и захрапел в своём кресле.

Проспавшись к вечеру, он приказал слугам вынести его в сад, чтобы не пропустить начало страшного поединка. Если эльф зарубит мохнатую принцессову подружку - это хорошо, если же победит кошка - ещё лучше, потому что на неё было поставлено пять золотых против двадцати, которые поставил на спор его верный слуга Базиль, друг и ровесник. Базиль не разбирался в дворцовых интригах, и потому поставил на эльфа. Король лучше знал магистра, а его подлые планы просто нюхом чуял. Кошка не могла проиграть. Впрочем, это было ясно всем, и Базилю тоже, но он всегда ставил против, задолжав уже пять тысяч с лишним. А пока Базиль наливал подогретое вино в стакан короля, вдыхая свежий воздух темнеющего сада, в покои принцессы вошёл магистр. Принцесса Кристи весь день шила для кошки кольчужку и мастерила шлем из всякой дряни, что притаскивали слуги. В ход шли щепочки, чешуя, лоскуты кожи и даже перья. Всё это склеивалось рыбным клеем в куски разной формы, которые и сшивала принцесса, то и дело примеряя защиту на кошке. Та брыкалась, срывала наколенники, сдирала шлем, но к концу дня принцесса так её заморочила, что кошка смирилась и лежала на кровати спокойно - в шлеме, из которого торчали уши и морда, и в панцире, который уже никак не сдирался когтями. Но это были ещё цветочки, а когда кошка увидела магистра с деловой рожей, то и глазки в ужасе закрыла, сообразив, что этот подлец притащил ягодки. Она не ошиблась - магистр высыпал на поднос перед принцессой горсть тёмных шариков, и объяснил, что это колдовское зелье достал один его шпион из купцов. Это заговоренная пыльца конопли. Её вдыхают желтяки, для счастья и отдыха. Надышавшись дымом этих шариков, желтяки от счастья еле ползают, глупо улыбаются и совсем лишаются сил.

Уточнять действие конопли магистр пока не стал, из своих соображений. Он умолчал, что весь день

два послушника душили дымом десять кошек и котов, и о чём они доложили, исцарапанные во славу Ордена. Принцесса, естественно, возмутилась, сказала, что эльф зарубит кошку, если та будет еле ползать. Это неподходящее средство. Магистр удивился - зачем принцесса вообще рискует кошкой, если она такая алмазная. Пусть откажется выставлять её на бой, и всё. Разве она обязана, всякий раз, как король эльфов попросит, выставлять кошку на погибель?

В конце концов, кошке шесть лет, её принцесса с детства знает, а эльфы только недавно прилетели.

- Вы ошибаетесь. - мрачно ответила Кристи. - Эльфы всегда тут были.. - Помолчав, принцесса продолжила хмуро: - Если б я могла отказать в просьбе эльфа, он не попросил бы. Я выставлю кошку на бой.-

- Хорошо, - сказал магистр, - Раз уж сам король эльфов попросил, отказать невозможно. Я понял. Хотя не понимаю, почему. Но в таком случае, боюсь, интересы государства дронов требуют жизни вашей кошки, как не жаль мне её, такую красотку. -

- Как же! - лицо принцессы нахмурилось, - Вам её не жаль. Вы бы её за обедом съели, если больше нечего.-

Тот пожал плечами, и охотно согласился, что ему на кошку наплевать. Есть её за обедом - это чересчур, но если бы хоть на минуту в день он взял привычку думать о кошке, он бы немедленно отказался от поста Великого Магистра Ордена святого креста. Ввиду надвигающегося сумасшествия. Нет, все его помыслы занимают интересы государства. Это, кстати, и интересы принцессы. Лучше спасти эльфа, пожертвовав кошкой - и магистр, делая вид, что не замечает нахмуренного чела юной принцессы, живописал страшную стрелу, которую поведёт зарубивший кошку эльф.

Это означает гибель короля желтяков и конец войны, всеобщее счастье и ликование народа. После чего магистр сладким голосом посулил принцессе возвращение в город дворян и прочей аристократии, и непременно красивого жениха, за которого принцесса выйдет замуж и будет купаться в довольстве и счастье. Ради такой великой цели можно перебить вообще всех кошек в городе, разве нет? -

На это принцесса обиженным голосом ответила, что магистр напрасно тратит своё красноречие. Магистру наплевать на кошку - это она понимает. Родная, что ли, в самом деле, кошка для магистра? Нет. Но пусть и магистр поймёт, что ей, принцессе, наплевать на желтяков, а также на народ, и его счастье и ликование.

Ей наплевать также на родных и близких, включая будущего мерзавца жениха. Они для неё значат, как и кошка для магистра. Она их просто немного знает, а кошка её единственная родная подружка. Она любит кошку, а кошка любит её, и если магистр думает уговорить её, принцессу, обменять всё то барахло, что он нарисовал, на бесценную кошку, то ему самое время уйти и повеситься, пока он, магистр, окончательно не рехнулся и не стал писать под себя. Пусть только предупредит их с кошкой, тогда они придут полюбоваться, как магистр будет забавно дёргать ножками, повиснув в петле.

Пока она это говорила, магистр вспомнил историю, что ему рассказал король Алан, о принцессе и кошке. Это случилось с год назад, когда желтяки начали захватывать королевство дронов, и чуткая знать потянулась бежать из города. И старый король, и король Алан, рассудив мудро и заботливо, попытались пристроить вздорную девчонку замуж за одного барона, богатенького и не такого уж старого, лет под пятьдесят. И родни у того много, и верный, и вообще с ним девчонка, как сыр в масле, будет кататься.

Под венец силой тащить её даже не пытались - уже поняли, что будет кусаться, вопить и драться, всем, что под руку попадётся.

Стыдно перед знатью в церкви такую бучу устраивать. Девчонка росла донельзя заброшенная, сама по себе, как ей хочется. Но так не должно быть. Жаль, что мать - королева рано умерла. И разобиженные брат и отец, устав уговаривать будущую невесту, обсудили с женихом этот вопрос, и старый король сказал, что ему лично эта тягомотина надоела, и потому пусть жених берёт дело в свои руки. Пусть эдак по мужски объездит принцессу, а потом она сама под венец побежит - куда деваться. Король Алан, поколебавшись, согласился, что делать с этой своевольницей больше нечего, и жених тем же вечером, напросившись с визитом к принцессе Кристи, её изнасиловал.

Всех слуг заранее убрали, и только про злую кошку никто не вспомнил. Она же, мерзавка, разбуженная воплями своей подружки, тут же вцепилась в заголённое заднее место жениха, так что тот, не закончив своего благого дела, заорал, и скатился с кровати на пол.

Шмякнув мохнатую защитницу об стенку, он с окровавленной рукой и задницей, всё же вознамерился стойко продолжить порученное дело, но неблагодарная девчонка ужом выскользнула из его рук, подскочила к стене и выхватила из ножен висевший там меч - подарок эльфов. Эти злыдни его точили года два.

Или растили. Или всё вместе. Словом, тюкали и тюкали камешками и железками, втюкивая алмазную пыль, железную пыль и другую гадость. Они сделали меч острым до своих понятий, причём, он всегда оставался острым, сколько ни руби - только чуть, невидимо для глаз уменьшался. Эльфы будто предвидели, что жених в порыве благородных чувств забудет снять кольчугу перед падением на принцессу. А она вытянула этот меч и с диким воплем развалила бедного жениха от плеча до пояса - и кольчуга ему не помогла. Старый король потом долго удивлялся, разглядывая ровно разрезанные медные пластины у этой кольчуги.

Конечно, принцесса сообразила - кто виноват, и потом целый месяц не разговаривала, выхаживая свою злую кошку. Она только издали рычала на объяснения старого короля и брата - что принцесса не права, а все родственники убитого обиделись, и подались к желтякам на службу - вот что натворила. Она и в замке не появлялась, ошиваясь в безмерном саду с эльфами и кошкой на руках, и только, когда её и укорять надоело, поселилась опять в своих покоях.

Услышав эту историю, магистр сказал королю Алану, что во всём виновата кошка. Чего ей не спалось? Чего не в своё дело полезла, дура? Магистр по опыту знал, что любое самое продуманное дело срывается чаще всего от чьей-то дурости. Так и здесь. Кому могло прийти в голову, что кошка окажется такой дурой?

Вспомнив эту историю, магистр сказал, что у него и в мыслях не было всерьёз уговаривать принцессу на кошкину смерть. Он просто подшучивал. Принцесса не дала ему договорить о действии конопляных шариков. Оно зависит от густоты дыма, от времени и прочих мелочей. Кошке вовсе не обязательно, по примеру желтяков, нюхать дым до полного счастья. Она будет по прежнему проворная. И останется в живых. Как и эльф.

И ему вовсе не плевать на кошку, как думает принцесса.

Кошка настолько ему дорога, что ради неё замучено шестьдесят кошек и котов, и десять послушников изуродованы этими злыми животными.

- Вы шутите? - принцесса так изумилась, что магистр поспешил заверить, что нисколько не шутит. Потому что ему нужен эльф в железной стреле. Эльфу наплевать на принцессу, но королеву Ри он послушает.

- Я уже попросила об этом королеву Ри. - сказала принцесса.

Подождав, магистр спросил, согласна ли королева, на что Кристи удивилась - конечно, ведь Кристи попросила.

Внимательно посмотрев в круглые глупые глаза кошки, а потом в прозрачные пустые глаза принцессы, магистр вздохнул, и сказал, что хватило и пятьдесят девять кошек, чтобы появилась уверенность. Чтоб и кошка и эльф остались живы, а король эльфов ни о чём не догадался. Этот волшебный порошок в разных дозах действует по разному. Это, как вино. Если спить кошке ложку вина, то она будет боец хоть куда. Если затолкать две ложки, то будет промахиваться мимо эльфа, а если три - то ласкаться к нему пойдёт. А с четырёх эльф её за хвост будет таскать - она не проснётся. И это зелье по-разному действует - похоже, но со своими тонкостями. Это снадобье эльф уж никак не учует, это не вино. Словом, всё получится.

Принцесса повеселела. И похвасталась, что королева Ри подарила ей секретное, очень нужное зелье.

Магистр кивнул, и скучно сказал, что это для кошки оно секретное.

А для любого, кто взглянет на принцессу, уже нет. Это любовное зелье. Приворотное, для жениха, чтоб влюбился - не так ли? Чтобы подсыпать ему в еду.

- Не так. - нахмурилась принцесса Кристи, - Это для меня. Когда я его выпью, то могу посмотреть в глаза любого человека, и он мой. Так сказала королева Ри . -

- Она ошиблась. - возразил магистр. - Таких снадобий нет. Я вам лучше зелья достану. -

И магистр сослался на полтора десятка колдунов, что сидят в его подвалах, и уж ему дадут самое верное, а не то, которое обычно продают доверчивым дуракам. И после испытаний на самих колдунах, можно и жениха угостить. Эти любовные снадобья - штука неясная. И магистр рассказал про несчастного купца, который угостил жену. Когда он сбежал отдохнуть от её ласк, то она по рукам побежала, и теперь шлюхой работает, в трактире, в западной части города. И ещё сообщил про одну девицу, которая подсыпала кое-что жениху перед свадьбой. Через трое суток чудом выползла из кустарника, и спаслась, пока жених заснул на минутку. Постриглась в монахини. Поэтому средство от королевы эльфов лучше забыть - он подберёт настоящее.

Однако принцесса, переглянувшись с кошкой, посоветовала испытать своё средство на своей любовнице - той деревенской шпионке при двух дураках, а она, принцесса, верит королеве Ри, потому что эльфы не умеют врать. Принцесса рассказала королеве Ри про шутку магистра, и та подарила зелье. Но принцесса ещё подумает, стоит ли пить его и глядеть в глаза магистра.

При такой новости магистр аж шарики выронил, которые взвешивал на весах, и попросил принцессу больше так не шутить. А то чуть ошибётся в весе - и прощай, кошка. Принцесса прикусила язычок, и больше не отвлекала магистра своей болтовнёй от важной работы. Он трижды взвесил шарики, трижды измерил ящик для кошки, взвесил саму кошку - без шлема и кольчужки - чтоб уж точно не ошибиться. Пока болтали да взвешивали, в саду возле замка совсем стемнело, и эльфы принялись выстригать в траве место для боя. Кошке трава бы не помешала, они рубили траву мечами, чтобы

эльф не запутался - по приказу королевы Ри. Вскоре чистая площадка была готова. Взошла, наконец, луна, осветив сад, стрекочущих эльфов и старого короля в кресле, который пил своё вино, ожидая представления. С эльфами он не разговаривал, после того, как один из них, не выдержав насмешек старого короля, выстрелил из лука и попал ему в нос, да так, что только кончик стрелы наружу торчал - и пальцами не ухватишь. Нос у старого короля и так большой и мясистый, а тут раздулся в пол-лица. Принцесса еле-еле вытащила эту иглу, хваля отца за выдержку по сравнению с кошкой, что вечно скулит, и за ум, по сравнению с кошкой, потому что не пытался, как она, руками ловить, а всего лишь рюмками кидался, не зная, что эльф и от стрелы увернётся, не то что от рюмки, такие они вёрткие.

Протрезвев, старый король, конечно, обозлился на эльфов, но что он мог сделать?

Наконец, прилетел король эльфов со свитой, и послал одного из слуг старого короля к принцессе. Вскоре тот вернулся и доложил, что Её Высочество сейчас идут. Шло время. Король Ри посылал за принцессой снова и снова, и каждый раз получал ответ - то кольчужка порвалась, то шлем треснул, то кошку одевают, то кошку раздевают - и король начал терять терпение.

Всё это время магистр и принцесса воевали со злой кошкой. Вначале её посадили в ящик, где дымилось колдовское зелье, и магистр накрыл ящик плотной шкуркой. Кошка закашляла, потом принялась жалобно мяукать. Принцесса кусала губки, но терпела.

Когда же кошка перестала мяукать, она забеспокоилась. Магистр уверял, что воздуха в ящике достаточно, кошка не задохнётся, а ящик открывать нельзя, чтобы дым не уходил. Но принцесса всё же приподняла чуть-чуть край шкуры над ящиком, чтобы одним глазком поглядеть на кошку. Внутри было темновато.

Пока разглядит принцесса, что кошка сидит и головой качает, вся в дыму, и сама дыма хватанёт. А если вспомнить, что перед посадкой кошки в дымовую камеру принцесса подышала этим дымом, не вполне доверяя магистру, то ничего удивительного, что вскоре она принялась посмеиваться и глупо улыбаться. А потом спросила, сколько лет магистровой шпионке, и красивая ли она.

Магистр удивлённо посмотрев на принцессу, ответил сухо, что шпионка чуть постарше её, а насчёт красоты - чёрт её знает, это дело вкуса. Нос на месте, рот на месте, остальное тоже - чего ещё надо? Принцесса Кристи глупо захихикала. Магистр, поймав себя на желании глупо ухмыльнуться, понял, что и его зацепило конопляным дымом, и поторопился проверить кошку. Он вытащил её из ящика. Кошка, закрыв глаза, тоже улыбалась. Магистр потряс её, позвал "кис-кис", и кошка, очнувшись, вдруг выгнулась дугой, вытаращила на магистра безумные глаза и с воем кинулась прочь. Обежав всю комнату раз десять, и ускользнув от рук принцессы и магистра, кошка забилась под диван и там затихла, исцарапав всем руки.

Тут и явилась в покои одна из служанок с известием, что король эльфов прислал поторопить кошку. Посмотрев на весёлую принцессу, и выслушав ответ, она ушла, и проводив слугу с ответом королю эльфов, побежала в покои короля Алана, доложить, что принцесса Кристи веселенькая, да и магистр не хмурый. Не ссорятся, словом.

Наконец, кошку поймали, отодвинув диван и накрыв скатертью.

Магистр сказал, что кошке в бой ещё рано, и снова посадил в ящик.

Принцесса принялась дурачиться - она толкалась, щипалась, а потом, подойдя сзади, обняла за шею и повисла, тихо смеясь и бормоча что-то невразумительное. Тут из ящика, чихнув, с деловой рожей

вылезла кошка, и принялась гадить прямо на столе, мечтательно глядя куда - то сквозь стену. Пока магистр запихивал кошку обратно в ящик, принцесса совсем его оседлала, и тихо дышала в ухо. Так и пришлось магистру ходить осёдланным за кошкой, которая немедленно вылезла из ящика и куда-то пошла.

Магистр, наконец, запихнул её обратно. Он тяжело дышал, таская на себе принцессу, но упорно продолжал уговаривать и её, и кошку

опомнится и вести себя хорошо. Однако его никто не слушал, поэтому магистру так и приходилось с принцессой на спине отсылать свои послания о порванной кольчужке. Когда служанка расписала королю Алану мурлыканье принцессы и её мечтательно закрытые глаза, и как уютно оседлана ею широкая спина магистра, тот немедленно прибежал.

Он довольно сказал магистру, который пытался отлепиться от принцессы, что он давно подозревал их в симпатиях и всяких шурах-мурах, а вообще-то рад, что это оказалось правдой.

Магистр в отчаянии зарычал, чтобы король перестал нести бред, а лучше бы помог запихать кошку в ящик, она опять убежала, а тут принцесса на спине сидит ещё, но это просто кажется, что он таскает на себе принцессу, а на самом деле он делает очень важное государственное дело.

- Да ну? - с сомнением сказал король Алан, глядя на блаженное лицо сестрёнки, но тут она открыла пустые глаза, и показав на брата пальцем, залилась таким дурацким смехом, что король плюнул с досады, и тут же помог магистру поймать кошку,

которая совсем присмирела и уже не царапалась.

- Ещё немного, - бурчал магистр, - и кошка созреет. -

С помощью короля Алана он, наконец, освободился от своей наездницы. Принцессу толкнули на кровать, и она брякнулась, раскинув руки-ноги. Про себя король пожалел, что магистр не приехал в их город чуть раньше, уж он бы выдал негодяйку замуж без всяких убийств, и кошка бы не помогла.

Когда, наконец, в саду показались король Алан и магистр с кошкой на руках, король эльфов окончательно потерял терпение и собирался лететь в покои принцессы вне всякого этикета. Магистр слегка покачивался, глаза осоловели, словно от вина, однако объяснился внятно - что принцесса Кристи не желает видеть, как рискует её любимая кошка, которую попросил король эльфов.

Тот смутился, но кошку всё же облетел, и осмотрел, и обнюхал.

Нормальная кошка, не обкормленная. Тощая и злая, как всегда - ишь, глаза выпучила. И он радостно заверещал, что поединок начинается!

Эльф, сидящий на камушке с краю маленькой арены, с понурым видом встал, и сверкнул в лунном свете длинным клинком.

Магистр опустил кошку на другой край. Кошка заозиралась кругом, тараща глаза и ничего не понимая.

- Выходи на бой, подлая убийца! - вдруг завопил обречённый эльф, и снова сверкнул мечом. Кошка услышала знакомый заманчивый писк, облизнулась, и пошла посмотреть - кто это там пищит. Весь мир вокруг кошки приятно покачивался, кругом были - она чужа это всем сердцем - одни только принцессы Кристи, которые её нежно любили, но вот только кто-то верещит так знакомо и вкусно, что

надо обязательно посмотреть. Дойдя до середины арены, кошка вдруг замерла, и припала к земле, пожирая глазами эльфа, который тоже пошёл её навстречу, чтобы за спиной осталось место для отступления и манёвра, хотя какой там мог быть манёвр от броска кошки!

Он шёл, злобно вереща оскорбления, подняв меч, на огромную, с него самого ростом, тигрицу, которая ещё и в кольчуге, и в шлеме, и глазищи так и вперила, желтые, огромные, беспощадные глаза убийцы.

Король эльфов так и запрыгал от радости на ветке дерева при виде этой картины. Кошка готовилась к прыжку. Его обидчик обречён.

Но, попрыгав от радости, король почувствовал неясное беспокойство. Кошка всё не прыгала, всё готовилась, хотя наглец эльф, дрожа от страха и злобы, крутился уже возле её носа - чуть-чуть лапой не достать - и кричал, и звал на бой, но первым нападать, конечно, не пробовал - он же не дурак был. Эльф и сбоку пытался зайти, но кошка, прижимаясь к земле, крутилась вслед за ним, всё так же вперив свои страшные гляделки в несчастного храбреца. Откуда ему было знать, что, когда он вышел навстречу кошке, то показался ей огромным - куда больше не только кошки, но даже человека, с дерево показался. И этот огромный эльф пошёл в её сторону, размахивая сверкающей дубиной и крича так громко и страшно, что у несчастной кошки волоски под шлемом и кольчужкой встали дыбом. Конечно, кошка прижалась к земле в надежде, что громила не заметит её, такую маленькую, и мимо пройдёт. Но этот великан размером с сосну, вопя дурным голосом, всё ходил вокруг кошки со страшным скрежетом камней под ногами, и смотрел прямо на неё.

Сердечко у кошки замирало от ужаса. Издали грохотали голоса принцесс, наподобие отдалённого грома, но кошка боялась, что не успеет добежать под их защиту, и потому пыталась спрятаться, вжавшись в землю.

Всего этого эльф не знал. Условие ему было поставлено жёсткое и простое - биться с кошкой. Раз кошка почему-то не хочет биться, придётся начинать ему. Не ходить же до утра вокруг неё, в самом деле. И эльф, вопя от страха, сделал, наконец, выпад - и тут же отскочил. Дотянуться он рискнул только до носа - в него и кольнул мечом, не подозревая, что у кошки чуть сердце не лопнуло, когда великан с невероятной быстротой скакнул к ней и ткнул дубиной прямо в её голову. Кошка зажмурилась, от боли в носу совсем ошалела, и злобно зашипела на великана. Тот снова приблизился, вереща так, что кошка глохла. Шипя, она попятилась, прижимаясь к земле, а когда страшила снова скакнул к ней, сверкая дубиной, кошка опрометью кинулась спасаться. Чудом преодолела она огромное поле, каждый миг ожидая, что её раздавит великан. Но ей повезло, и кошка вкатилась в ноги магистра.

Она мигом вскарабкалась как по дереву, по его ноге, по спине, и спряталась за его голову, держась когтями за щёку магистра и за ухо, а задними лапами терзая плечо.

Оглядевшись, в поисках великана, она ничего, кроме луны, не заметила, и перевела дух, счастливая, что спаслась от смерти.

После бегства кошки с поля боя долго стояла тишина, если не считать сдавленного рычания магистра. Радостный визг эльфа: - Победа! - заставил вздрогнуть короля Ри. От возбуждения он запыхтел, и стремглав подлетел к магистру. Стрекоча крыльями, он летал зигзагами перед его лицом, и только спрашивал: - Это что такое? Это что такое, а? -

Магистр не отвечал, он был всецело занят отдираньем кошки от себя. Наконец, это удалось. Сунув

её за пазуху, он шатнулся, и хмуро сказал, что такого злого эльфа он вовек не видывал. Чуть кошку не убил, а разве об этом договаривались? Королю следовало предупредить, какого героя он выставляет против кошки, она до сих пор трясётся. Страшно подумать, что он мог наделать, если бы кошка не догадалась вовремя убежать. А ведь король твёрдо обещал, что кошка съест эльфа, её принцесса и ужином не кормила. Нехорошо. Таких буянов, как этот эльф, надо в клетке держать. Король в нём ошибся, надо было собакой травить - у той ещё имелся шанс.

Король эльфов так растерялся, что в ответ только пыхтел да крыльями трещал. Он смутно догадывался, что его как-то ловко провели, но доказательств найти не мог. Кошка тощая и злая, и на эльфа так весело побежала, и к прыжку изготовилась - любо-дорого посмотреть. Только прыгать отчего-то передумала. Ясно, что кошка заколдована неизвестным колдовством, но уронить своё достоинство громкими воплями и обвинениями король эльфов, конечно не мог.

И король был вынужден, проглотив обвинения магистра, проскрипеть, что извиняется перед принцессой за кошкину рану.

Такого исхода поединка он не ожидал. Ибо это самый обычный эльф, и вовсе не злодей, а хитрый негодяй, потому что воспользовался каким-то колдовством.

И король эльфов улетел, злой, как чёрт, а магистр, шатаясь, побрёл зигзагом в покои принцессы. Девчонка по прежнему валялась на постели с закрытыми глазами, и смотрела во сне что-то явно приятное. Жениха, наверное.

Магистр положил на принцессу кошку, и пошёл к двери. Толкнул, но та не поддавалась.

- Что за чёрт. - тупо бормотал магистр, толкая массивную дверь, через которую вошёл минуту назад.

- Прости меня, Господи, но это чёрт те что. - Скорый на интриги и всякие ловушки, магистр, хотя и с задымлённой головой, быстро понял, что король Алан приготовил эту ловушку. Но не ломать же дверь. Её не сломаешь. К тому же магистр слишком устал.

Чертыхаясь раздражённо, магистр закружил по зале. Многие свечи уже погасли, и потому становилось темновато. Магистр злился ещё и потому, что очень хотел в туалет, а где он тут находится, и есть ли вообще - не мог понять, ибо стены скрывались под драпировкой из ткани - шторы, портьеры, и чёрт те что. Не вытерпев, магистр подошёл к комнатному дереву и принялся писать в кадку, оглянувшись разок на принцессу с таким видом, словно хотел что-то спросить об этом интересном дереве. И зря сделал, ибо принцесса что-то забормотала. Магистру даже показалось, что она его укоряет, и закончив своё мокрое дело, магистр ополоснул руки из кувшина, а затем подошёл, раздасованный, чтобы оправдать свою невоспитанность.

Но принцесса снова забормотала, едва он присел на краешек кровати, и стало ясно - она спит. Магистр с тоской огляделся, в поисках, где бы прилечь, но постель была одна, хотя и широкая.

Помаевшись - не лечь ли на стол, или на пол, магистр вспомнил, что они очень жёсткие, воскликнул: - Какого дьявола! Надоели эти дурацкие игрушки. - Решительно отпихнув принцессу - она едва не шлёпнулась на пол - он улёгся рядом с довольной рожей, в одежде и сапогах.

За это, ранним утром король Алан радостно попенял ему вместо приветствия - ай-ай, магистр, так разгорячился, что и сапог не снял.

Теперь про обеты там всякие о безбрачии придётся забыть. Как честный человек, пойманный в

постели, магистр просто обязан жениться на бедной, несчастной, обманутой принцессе Кристи. Магистр, бедняга, проспал-то всего пару часов, он тупо моргал спросонья, и слышал только треск в собственной голове, а видел клочья конопляного дыма. Он ничего не мог сообразить, и потому молчал. Тут и принцесса Кристи продрала глаза, и спросила братца - чего это он рожи корчит, а король Алан в ответ захохотал так, что согнулся аж пополам, и всё повторял, что..."даже сапог не снял" Сцена получилась настолько удачная, что он оставил двери открытыми - все слуги увидели, и часовые, и прочие, словом, чтоб все пути к отступлению отрезать.

Принцесса посмотрела на магистра и нахмурилась. Потом - на себя. Платье - как корова жевала.

Она живенько вскочила и исчезла за портьерой, хлопнув невидимой дверью. То ли мелкие утренние делишки сделать, то ли сообразить - что с ней за ночь магистр навыворяд.

Вышла умытая, чистенькая, нахмуренная на всякий случай, раз король Алан смеётся почему-то, и спросила, по какой причине господин магистр развалился на её постели? И главное - где её кошка? Жива? Кто победил? Она совершенно ничего не помнит, и где была и что делала.

Магистр только что осознал слова короля, и потому хмуро попросил его прекратить балаган, ведь сам вчера и запер дверь, так что пришлось ночевать. Тут до него дошли слова принцессы, и он ответил, что кошка жива, вот она, за пазухой дрыхнет. Столько страху вчера натерпелась, что сама залезла.

Принцесса тут же отняла кошку у магистра, и та повисла на руках, как мокрое полотенце. Глаза мутные, нос раздулся и в засохшей крови. Магистр описал вчерашнюю битву, не обращая внимания на короля Алана, который решил, наконец, закрыть дверь от любопытных рож.

На ехидное замечание о расцарапанной физиономии и о сапогах, магистр попросил короля Алана не валять больше дурака,

раз зрители кончились - тут дураков нет, тут все умные.

Король Алан кивнул. С фальшивым сочувствием сказал, что верит магистру. Можно не объяснять. Тут дело и впрямь в зрителях. Которые видели их вдвоём на одной постели. Языки у всех длинные, мысли только пакостные, и к вечеру весь город будет знать, что магистр с принцессой Кристи устраивают пьяные оргии.

Разве не так? Какой более-менее путный человек возьмёт замуж такую развратницу? Честь принцессы безнадежно потеряна. Магистру придётся жениться.

Магистр слушал с таким изумлением на роже, что королю было неудобно нести этот бред. Говорил он для сестрѐнки. Она дура, клюнет.

И он продолжил, напустив в голос немножко тревожности, и посоветовал магистру призадуматься. Что скажет народ?

Если магистр открыто держит принцессу в любовницах, а король молча терпит, значит - это магистр всем командует. Разве нет? Король потеряет всякую власть. Магистра ненавидят все.

И все разбегутся, вот и всё.

Магистр пробурчал, что народу плевать, кто там с кем спит, и разбежаться народу просто некуда, он живёт здесь, но пробурчал на ходу, по привычке направляясь к комнатному растению с целью

орошения, но одумался на полпути, и унырнул за портьеру, где побывала принцесса.

Король тут же принялся увещевать сестру.

- Если свадьба не состоится. - сказал он, - ему придётся казнить магистра. Пусть магистр невиновен, но политика вещь такая, что виноват - не виноват, а если повесить надо - то куда деваться? А у магистра уже кошка за пазухой спит. Хороший человек, кошку не обманешь. Неужели в сестрёнке никакой жалости нет, что из-за её упрямства повесят такого достойного человека?

Король говорил достаточно громко, чтобы и магистр слышал, потому что говорил для него, и магистр слышал. Вышел хмурый, злой и с обиженной рожей.

Принцесса не стала спрашивать, как боялся король - что такое жалость? Сказала, что подумает. И потом ответит, а пока голова трещит от желтяковского зелья. Даже деревце за ночь от этого дыма все листья сбросило. И ушла в сад, с кошкой.

Король Алан сразу извинился за то, что так подставил магистра.

И свалил всё на старого короля. Мол, его идея. Сразу сообразил, едва служанка вчера донесла о странном поведении принцессы.

Всё ведь это ради неё, поганки. Магистр понимает, что и король Алан, и старый король погибнут. Принцесса должна жить. Потому что из их рода больше нет никого, только брат старого короля, и тот бездетный. Дядя Алана и Кристи, в Европе мелким королём.. Принцесса Кристи - дура, это всем известно. Сейчас она может сколько угодно выкаблучиваться, а после разрома, если уцелеет, пропадёт ни за грош. Магистр знает жизнь. Не выживет она одна, ну никак. Вся надежда на магистра, пусть замуж берёт. Ну, как?

Магистр обиделся - почему король так уверен, что после штурма магистр останется живым? Это оскорбление, в конце концов! Для него крепостная стена - тоже последний рубеж.

Король ответил уклончиво, что это не оскорбление. Это факт. Никто никогда не поверит в гибель магистра, даже если он и впрямь погибнет. Но он уцелеет. И сестрёнку спасёт. Если, конечно, повенчаются перед Господом, клятву дадут в верности, и всё такое. Он знает, что магистру, кроме Господа, на всё наплевать.

За простое честное слово он, магистру, откровенно говоря, и гроша бы не доверил. Так что венчание обязательно. Драконы, железные стрелы - это всё хорошо, но он, король, должен рассчитывать только на худшее. Их королевский род должен продолжиться - так что магистр должен понять короля. И извинить, в конце концов.

Принцесса дура, ничего не понимает, и на её помощь рассчитывать нечего. Она считает себя человеком, а на деле она приспособление для рожания младенцев, и только.

В таком духе король Алан говорил, пока слуга не доложил о поданном завтраке. С угрюмым магистром они прошли в залу, где старый король уже чавкал бараньей ногой, капая жиром на скатерть. Выслушивая шуточки старого короля, магистр имел вид побеждённого, но это никого не обманывало. Король Алан и старый король в два голоса твердили, что магистру придётся жениться, деваться некуда.

Магистр тихо злобствовал, и пил вино стаканами. В его договоре с королём Аланом пункта о

женитьбе не было, но он ясно понимал всю бесполезность споров. Сам виноват, что показался стоящим человеком, для пристройства девчонки. Магистр привык к нарушению договоров, считал это нормой, и привычно прикидывал про себя - как выбраться из ловушки.

Когда старый король обсуждал с королём Аланом свой план, они решили, что магистр уступит. Нет причин упираться с женитьбой, кроме дурацкого католического обета о безбрачии. Так он магистр - замолит нарушенный обет, и вся недолга.

Каким-то боком угадали - магистру и впрямь было плевать и на женитьбу, и на принцессу. Однако на Господа магистр наплевать не мог. Обет безбрачия оставался единственным, который магистр не нарушил. Все прочие обеты, клятвы и заповеди улетели псу под хвост - жизнь, собака такая, заставляла. Если жениться - чем он будет отличаться для Господа от прочих людей, которые грешат, как дышат.

Весь завтрак магистр искал выход, вспоминая, что выведал о королевском семействе. А знал он многое.

Ни старый, ни молодой короли не догадывались, сколько всего известно о них магистру, причём за их же деньги. Когда в голове составил план, магистр, не откладывая, приступил к действию.

Для вида стал вяло возражать, что принцесса не согласится, она такая разборчивая - а лицом изображал, что другое заботит, и куда серьёзнее.

Принцессу обещали убедить, что она уже беременна от магистра, и свидетелей подобрать, видевших ненароком, что магистр вытворял с принцессой. Кристи дура, она поверит. Магистр согласился, - да, могут убедить, но опять - с таким видом, что старый король прямиком спросил - чего таит магистр?

Тот вздохнул, изобразил колебания, сомнения, смущения, и пробормотал, что может закавыка нехорошая получиться с этой женитьбой. И он с подобающими сожалельными картинками на лице рассказал, что семнадцать лет назад был проездом в городишке одном, и название сказал, и тогда ещё впервые увидел там старого короля. И даже маленького тогда Алана, кажется, видел. Они магистра не помнят, конечно. Там гостей много было, и познатнее, на балу в замке у барона Д,Аршерака. И старый король, и король Алан насторожились, зная, что за рыбаина скользкая их магистр. А тот продолжал, что помнит и жену старого короля, королеву-покойницу - причём произнёс это с таким вздохом, что стало ясно - её вовек не забудешь. Король старый принялся расспрашивать подозрительно о всяких мелочах, не понимая, куда клонит магистр - тот выкладывал мелочи, и юлил, и крутил, якобы смущён страшно, хотя его можно было смутить только дубиной по голове, негодяя. Весёлый и общительный нрав королевы был всем известен. С кем она путалась семнадцать лет назад король, естественно, не помнил, как не помнил и своих бесчисленных любовниц, и быстро сообразил, к чему клонит магистр. И допёк магистра вопросами до того, что тот и сам признался - вполне возможно, что принцесса может быть его, магистра, дочерью, а вовсе не дочерью короля, и в доказательство рассказал про родинку на левой ягодице покойной королевы, про её скверные словечки во время любви. Старый король офонарел - так убедительно расписывал магистр. Напомнил и цвет платья и имена гостей, и что за подарок получил старый король, и что сам подарил - ну, как будто за плечом стоял, ну и память. Для случайного гостя, пожалуй, чересчур много запомнил магистр о незнакомом семействе, но этот факт ошеломлённые короли не заметили. Переглядываясь, они чужали, что магистр врёт, как сивый мерин, но как иначе узнать мог? Откуда? Ведь с такими подробностями. Поневоле верилось, и старый король сказал, что может быть, королева-покойница -

да, чересчур порой неразборчивой была, мир праху её, но сколько любовников, кроме магистра, у неё было? Пусть по срокам и подходит. Пусть могла быть принцесса его дочерью. Но и другого кого могла - там много гостей было, и праздничный пир с полмесяца тянулся.

- Но вы ведь род хотите продолжить, - невозмутимо возразил магистр, - А какой это род получится у него, магистра, с родной дочерью? Вот урод получится, это уж точно. Может ли так рисковать старый король? Ведь род может прекратиться. -

На это возражений не нашлось. Старый король поискал вдохновения в полном кубке вина - уж очень хотелось дочку пристроить - и сообразил. Он сердито сказал, что это всё дерьмо - кто чей сын, да кто чья дочь - на роже не написано. Вот, например, король Алан - и не похож на него. Может, и не его сын - но кто это докажет, и вообще - кому это интересно? Его сын - и всё. Чтобы не рисковать, магистр может после свадьбы заняться делами - их всегда невпроворот, а для продолжения рода подсунуть принцессе любовника, хотя бы вот - Мюррея, - и он сделает, что надо, без уродов. А сын всё равно будет принцессы, и род королевский продолжится. И магистров сын - ибо кто это оспорит?

Магистр улыбнулся, и ответил, что принцесса Кристи дура настолько редкая, что верит во всё это дерьмо о супружеской верности, она дура настолько, что сохраняет верность даже своему слову, и если выйдет замуж за магистра, так и будет таскаться за ним до гроба, да и после его смерти - хоть ты тресни - будет хранить ему верность. Ну, и какой тут может быть род?

Этого козыря побить было уже нечем. Конечно, может, потом принцесса поумнеет, но надежд на это мало. Какой уж тут любовник, если жениха зарубила, не моргнув, всю комнату кровью залила. И напрасно вглядывался старый король в рожу магистра - его рожу ничем не пробьёшь, да и на принцессу вроде похож, как и всякий другой человек. Нос на месте, рот на месте - разве не похож? Король Алан мрачно сказал, что теперь они сами попали в ловушку. С такой репутацией принцессу в Европе встретят неласково.

- После разгрома, - уточнил магистр, - её с любой репутацией встретят неласково. И наоборот - после победы всем будет наплевать на сплетни, женихи толпой прискачут. -

Но король Алан всё ещё хмурился. Понятие о королевской чести изрядно поистерлось, но осталась привычка защищать её. Конечно, повесить магистра за разврат невозможно - сразу можно город сдавать. Только и надежда, что на его шпионов. Заговор вождей в стане желтяков почти готов, шпионы пачками каждый день засылаются, перекупаются - золота одного ушло невесть сколько на проклятых шпионов, и всё это в руках Ордена - в голове магистра и его послушников. Имена, пароли, тайники, связники и чёрт те что ещё. Но как тогда смыть позор с этой королевской чести? Хотя никому это не интересно, всё таки...

Магистр отлично понял эти невысказанные мысли, и предложил, чтобы поскорее закончить эту бодягу, отличный выход.

Он сообразил объявить о помолвке. В самом деле - какая свадьба перед штурмом? Свадьба после победы, а пока отпраздновать помолвку, чтобы народ не чесал языками. Ну, шалит магистр с невестой до свадьбы - так женихов за это не вешают.

Потом можно всё расторгнуть, после победы, под каким-то предлогом, ну, там ранили магистра в самое причинное место, ха-ха.-

Завтрак закончился вполне дружелюбно. Когда магистр убежал к своим шпионам, король Алан

посожалел, что магистр не записался в сыновья старому королю. Наверняка и своё зачатие описал бы так, словно подглядывал, он такой, рыбина.

- Не жалко, - сказал старый король, - пусть пишется. -

У него этих сыновей невесть сколько по свету, одним больше, меньше - все незаконные, все не в счёт. Всё равно бы магистр не понравился. Всё крутит, хитрит, врёт, чёрт те что делает, а надо вешать, вешать и вешать, и сразу порядок будет, а желтяков такое утрашённое войско живьём съест. Подлец магистр, так и тянет порой пристрелить из лука, чтоб больше воду не мутил. Когда желтяки город возьмут, король так и сделает, лишь бы магистр вовремя подвернулся.

Глубокой ночью, когда магистр отправил последнего связного эльфа, ему доложили о визите принцессы Кристи. Магистр помянул нечистого, извинился перед Богом, и минут пять, валяясь на постели, мечтал, чтобы мерзавку не пустить. Магистр устал, но принцессы, как стихийного бедствия, избежать было невозможно.

Весь день после завтрака он шпионил, строил козни, а также пакости и заговоры, спасая город от желтяков.

Сегодня, наконец, он сумел заслать к желтякам колдуна Жана, местного самородка, крепко зацепленного двумя детьми и женой, что остались в руках магистра. Пришлось разыграть побег из тюрьмы. Напоследок, сидя в подвале с колдуном Жаном, магистр не удержался, спросил о своём будущем и о будущем города, заранее не веря ни на грош, просто из любопытства.

Колдун ответил, что всё в тумане, и так может быть, и эдак - для города, а вот будущее магистра видится, к огорчению колдуна, светлым, но - к радости колдуна, на этом светлом фоне очень много тёмных пятен, и больших, и поменьше, и потому есть надежда, что магистр всё же сломает себе шею.

Магистр одобрительно похлопал колдуна по плечу, и заверил, что Господь такого разора не допустит - себе дороже - и ушёл из подвала, посвистывая, чтобы деньги случайно в кармане не завелись.

Мечтая не пустить принцессу, он едва не заснул, но она прошмыгнула мимо часового без приглашения. И спросила - что за бред насчёт его отцовства, как Алан сказал?

- Конечно, бред. - сказал, зевая, магистр. - Но это между нами. Иначе женят без разговоров. -

Принцесса огорчилась, и призналась, что тогда ей придётся решить - выходить за него замуж или нет. Услышав это, магистр прикусил язык и устался на гостью, мигом проснувшись. Принцесса вздохнула, что замуж очень не хочется. Магистр хороший человек, но старый и некрасивый. Правда, кошке он понравился, а если присмотреться, то и не очень старый, а красота - он сам говорил - это бред, и поэтому он, наверное, красавец, только она ещё не заметила.

Магистр обеспокоено заверил принцессу, что он очень старый, ещё старше, чем выглядит. Просто он хитрый, и за кожей ухаживает каждый день по несколько часов, втирает всякие колдовские мази, стыдно сказать, но уж такой он правдивый. А насчёт красоты он погорячился. Если в зеркало сравнить её личико и его рожу, то сразу ясно - есть красота на свете или это бред. Короче говоря, жених он неподходящий, и лучше выкинуть эти расчёты из прелестной головки принцессы. Будет фальшивая помолвка, для спасения её репутации, и всё.

Принцесса фыркнула, и снисходительно сказала, что её не интересуют мнение магистра. У неё есть волшебное зелье, перед которым никто не устоит. Всё зависит только от неё, понятно? И если она

согласится на помолвку, то только всерьёз, собираясь в будущем замуж.

Магистр шлёпнулся обратно на постель и закрыл глаза, чтоб не догадалась, насколько захотелось её придушить, дуру такую. Тут город гибнет, люди гибнут, кругом предатели, кругом зло, Орден распадается и даже святой крест из Иерусалима, чистого серебра, и тот спёрли, а она с замужеством носится.

Магистр валялся, упорный, как железо, и молчал, слушая мерзавку, которая потребовала, чтобы магистр перестал изображать усталого и по другому притворяться, а прямо ответил, согласен всерьёз на ней жениться, или нет? Если нет, то и помолвки не будет, и король Алан его повесит, а она обещает приходить магистру на могилку, и они с кошкой будут учиться плакать, потому что обе не умеют. А если согласен всерьёз жениться, то это для неё ничего не значит - она ещё подумает.

Магистр соорил очень грустную рожу, и с удовольствием, любуясь лицемерными переливами голоса, сказал, что очарован принцессой Кристи, её милыми манерами, её независимостью, её неопикуемой красотой, а также прочими достоинствами, на перечисление которых просто нет времени, потому что его поведут к виселице гораздо раньше, чем он сможет перечислить хотя бы малую часть всех достоинств принцессы Кристи, рыдая в душе о ней, несравненной, а также горько сожалея о своей поспешности с обетом безбрачия, из-за которого он никогда не женится на принцессе.

Высказав это, утомлённый магистр тут же уснул.

Утром, перед обходом крепостной стены Кристи сказала брату, что магистр наотрез отказался жениться. Можешь его вешать, а лично ей магистра жаль - такой твёрдый оказался кремень и молодец, и её напоследок так нахвалил, что приятно послушать.

Между тем с самого утра королю Алану пришлось расхлёбывать последствия скандала. Так уж установилось, что во время утреннего обхода стены к королю Алану обращались с прошениями горожане, мелкое начальство, жалобщики и прочие, кому надо, попадаясь по пути на стене и успевая изложить своё дело в пять-шесть десятков шагов. В этот день жалобщики исчезли - навстречу свите короля попадались только мелкие дворяне, служившие наёмниками, из остатков бывшего высшего общества. Все здоровались и начинали одно и то же, что, мол, слышал от кого-то, не верит, ха-ха, смешно такое подумать, но вроде принцесса Кристи равнодушна к магистру Ордена Святого Креста.

Король Алан отвечал, что да, вроде встречаются, и вроде хотят помолвку устроить в скором времени. Король Алан против этого брака, но что сделаешь против своевольной девчонки. Если решила - иди под венец, хотя магистр и упирается. Другим он говорил иначе, для разнообразия - мол, такой союз полезен, магистр это понимает, но девчонка такая своевольница, упёрлась, и всё тут..

Король Алан быстро заметил, что в первом случае на лицо дворянчика падала мерзлота, и он бормотал поздравления.. .

Во втором же случае объяснения собеседник начинал радостно ухмыляться, заявляя, что магистру ничего не обломится. Принцесса Кристи его быстрее обломает.

Такую разную рожу у собеседников король Алан объяснил вначале ненавистью к магистру. Сказать - что горожане магистра недолюбливали, значило сказать вежливо. Горожане его ненавидели изо всех сил. Но терпели.

Те, кто терпеть не мог, висели на городской площади или служили желтякам. Сначала магистр повесил колдунов, человек тридцать, а потом и их приспешников, и вообще любого мог записать в колдуны, помахивая многозначительно своей вечной верёвкой, что таскал в кармане вместо денег. Хотя старый король настаивал, что вешать надо даже за болтовню, за неё магистр не спрашивал, потому что больше всех болтали шпионы магистра. Он их столько развёл, что в каждом кабаке в открытую кричали, что магистр сволочь, а желтяки хорошие, и все только усмехались, и спрашивали ехидно - сколько тебе магистр платит?

Невзлюбили магистра. через пару месяцев после приезда, в одну ночь, известную в просторечье как "ночь синих колдунов". Тогда арестовали около сотни городских ведьм и колдунов, после чего два дня королевская гвардия и наёмники заливали кровью городской квартал неподалёку от замка, где жили в основном эти колдуны, и где немедленно вслед за арестами вспыхнул бунт. Магистр уверял потом короля Алана, что спустя немного времени взбунтовался бы весь город, но он успел вовремя - конной королевской стражи оказалось достаточно, чтобы все прочие недовольные и носа из домов не высывали. Те, кто высывал, рисковали остаться без носов, если повезёт, или вовсе без головы. Горожане колдунов любили и уважали. Они делали только хорошее - кто находил краденные вещи, кто изгонял порчу, кто предсказывал счастливое будущее под управлением добрых желтяков, но главное - все колдуны лечили от болезней, которые вдруг так и посыпались на город. Счастье магистра, что после "ночи синих колдунов" по воле Божьей все болезни прекратились, а то бы весь город взбунтовался.

Магистр запретил колдовать, а не повешенных колдунов посадил в тесные подвалы, и принялся обрабатывать, после чего кто-то из них бежал к желтякам, кто-то, выпущенный на волю, продолжал колдовать, предсказывая светлое будущее под управлением короля Алана. Все колдуны, повешенные и не повешенные, по нескольку раз в день желали ему смерти и кликали на него самые страшные болезни, но, кроме насморка, у мерзавца так ничего и не было. Магистр, сонно выслушав на очередном допросе яркое и красочное сообщение от очередного колдуна, как именно и с какими муками он скончается, а так же сонно выдержав все их пламенные, жгучие, колдовские взгляды, меланхолично замечал, когда колдун успокаивался, что все мы смертны, но кому и как помереть - это Господь решает, это же всем известно, и ему даже скучно слушать от такого хорошего колдуна глупости, из которых следует, что колдун сильнее самого Господа, чего быть не может, ну никак. И неужели такой умный колдун не видит в будущем, как они вместе с магистром колдуют во славу Господа, по Его воле и всё против желтяков, которых Господь не любит, и кстати, как вы связь держали с желтяками, мне просто любопытно, да и сотник Крон устал, спать хочет, а ему опять работа, на дыбу да иглами под ногти, да плетями, да углями, пожалейте усталого человека, вы же такой разумный колдун, что даже восхищаюсь.

Одним словом, магистра было за что не любить, но короля Алана всё же зацепили замороженные лица тех, кому было сообщено о пылких симпатиях к магистру принцессы Кристи. Против этого никто не спорил. Королю Алану даже казалось, что ледяной ветер дышит в лицо собеседника. Нет, ветра не было никакого, просто мерещилось. И странным виделось, почему против девчонки никто слова не скажет, Пока не вспомнил, что принцесса Кристи уже давно командует вместо него учениями и манёврами войск под крепостными стенами. Конечно, она одевала его доспехи, команды отдавала его голосом, и вообще всячески изображала короля Алана, однако это обманывало разве новичков. Даже издали можно было понять, что это принцесса, потому что она всегда ездила на своём любимом, наглым и здоровенным, рыжим жеребце Кассии.

И вообще на этих учениях у неё была дурацкая привычка на любую заминку или пререкание

наотмашь молча бить человека яблоневою дубинкой, которую она таскала вместо меча.

. Последнее время войско - большое или малое, возвращалось с учений такими плотными колоннами и квадратами, как будто и не живое, аж глаз радовался. Естественно, выучка тут сказывалась - кому в голову придёт хоть что-то оспаривать, чтобы там не пожелала вздорная девчонка. Другой бы на месте короля Алана при таком соображении мог забеспокоиться - власть уходит, интриги, заговоры - так, кстати, иногда шептали приближённые, потирая синяки от яблоневою дубинки на своих рожах - но ему было известно, насколько дура принцесса Кристи, и он только посмеивался, считая синяки.. Но дело вовсе не в том было, что принцесса не сможет понять, зачем нужно сговариваться с магистром и свергать с престола короля Алана.

Дело было в слабеющих пальцах короля Алана, которые держали королевскую власть. И в проклятом Розовом мече, так неожиданно подкосившим силы короля . Только самому себе король Алан мог признаться, что испытывает досаду, что принцесса нипочём не сообразит сговориться с магистром и свергнуть его с престола.

Все, кто приставал сегодня на стене с вопросами, были из королевской стражи и королевской гвардии, из дворян, то есть из постоянного войска короля Алана. Поскольку у них уже не было в собственности ни деревень, ни крестьян, то и доходов не было, и теперь они получали жалованье, как и прочие наёмники, превратиться окончательно в которых мешали надежды всё же вернуть деревни. До приезда магистра эта королевская рать постепенно таяла - дворяне перебежали к желтякам, в надежде выслужить свою собственность обратно. Они и теперь бы перебежали, если б король не запретил магистру вербовать из дворян шпионов. Королевская стража и гвардия - единственное, что король оставил в своих руках. Во все остальные силы и сферы, от наёмников до городской стражи, магистр плотно запустил щупальца своих шпионов. Но этого ему казалось мало. Магистр упорно хотел вооружить горожан.

Разбить их на сотни, обучить - и почти бесплатно получится отличное войско. Для обороны города нет войска лучше, чем из горожан. Звери просто. Наступать с ним, правда, далеко нельзя - разбегутся, но ведь о наступлении речи пока нет. Но король предпочитал платить наёмникам и дворянам, всякий раз возражая против почти бесплатных горожан. Конечно, если вооружить и обучить, то войско получится из кого угодно, даже из мирных граждан, но это опасно для королевской власти. Если горожанам не понравится король и его законы, кто сумеет, интересно, убедить их, что их король и законы просто прекрасные? Стража королевская в сотню конных? Или гвардия - ещё в две сотни? Или наёмники, которых всего несколько тысяч? А боеспособных горожан около 60-ти тысяч, по самым скромным подсчётам. Вот когда подступит желтяк на приступ - тогда король Алан охотно раздаст горожанам оружие, и пусть стены обороняют - тут обучения не надо. Кидай вниз камни, лей кипяток, руби головы и приставленные к стене лестницы. Такое отношение магистру не нравилось. Он мечтал выйти с войском в чисто поле, а стены оставить на случай разгрома.

Без войска в поле не выйдешь. И сегодня, когда он встретил короля Алана , как обычно, в центральной башне, магистр снова завёл речь о вооружении горожан. И сказал, что если воинская выучка надоумит горожан бунтовать и идти к замку, их встретит дракон, и уложит вместе с их выучкой.

Король нахмурился, но продолжал молчать, и тогда магистр выложил последний аргумент - зреет дворянский заговор.

Ну, не нравится им магистр. Если принцесса Кристи выйдет замуж за треклятого ехидну, как его

называют, из терпимой на время войны, временной вредности магистр превращается чуть ли не в нового короля дронов.

Короче, против магистра составляется заговор. Не сегодня. И не завтра. Но на днях наверняка поднимутся, требуя голову магистра, и королевская стража и гвардия - самые верные королю - из верности и взбунтуются. И успешно взбунтуются, потому что охраняют королевский замок и все подходы.

Конечно, можно заранее повесить магистра, хотя он, естественно, против такого решения. Можно заменить всю охрану наёмниками, которым наплевать, хоть магистр целый гарем из принцесс заведёт. Но королю вряд ли понравится такая замена. Всё же дворяне - его опора в будущем и настоящем. Но если сегодня же раздать оружие горожанам - тогда на заговоры - зреют они или уже колосятся - можно наплевать с большой колокольни, все лопнут сами по себе, король и не заметит. Народ в тонкостях престолонаследия не разбирается, он просто сомнёт и вырежет всех, кто против. Дворяне сразу увянут, потому что их уничтожат и после удачного заговора,

и во время его, и вообще в любое время.

Король выругался, подумал, выругался ещё раз, а потом велел магистру записать указ, огласив его сегодня же в церквях, на базарной площади и перед замком, Указ об учреждении воинской повинности для горожан, бес бы их побрал, сволочей и бунтовщиков. Формирование Резервного Корпуса король Алан возложил на Орден Святого Креста. Командование Корпусом - на принцессу Кристи, её заместителем назначается - барон Леклерк, наёмник.

Уже к полудню хмурый дворцовый оружейник отпер королевские подвалы, и послушник Ордена принялись выдавать оружие. Все эти ткачи, кузнецы и прочие горшечники, кроме гордости за себя, испытали и удивление, ибо вдруг поняли, что давно все переписаны, приписаны к улицам и кварталам и даже разбиты не только на сотни, но даже на десятки, так что все соседи оказались в одной части, во славу короля и на пользу обороне, потому что по тревожному набату каждый квартал даже ночью теперь мог выплюнуть через полчаса злобную от недосыпа, но боеспособную сотню или две-три.

А магистр, едва началась раздача оружия, всех этих копий, щитов и мечей, тут же ускакал подальше от греха и смуты, потому что стража и впрямь заволновалась, да и гвардия опешила, а уж старого короля чуть удар не хватил от изумления. Отвечать на все их натиски магистр предоставил королю Алану, который то и дело поминал его недобрый словом, говоря принцессе: - Как же! Дракона проверить ему надо! С любовницей своей тешится, а тут расхлёбывай, дворяне чуть не взбунтовались, хорошо, хоть оружие подлец успел раздать, дворянам теперь бунтовать не светит. Одна ты, сестрёнка, молодец - и слова не сказала, Резерв так Резерв, тебе наплевать. -

А злой магистр первым делом по прибытии в деревню и впрямь вызвал добрую Гельду к себе в гостиницу, где хорошенько её побил, оттащав за её прекрасные волосы и так обработав небесную красоту, что личико стало на рожу походить. После чего попользовался ею по мужски, утешая бедняжку, что в будущем, когда замуж выйдет, муж каждый день так будет с ней обращаться, и всё будет у них идти хорошо и правильно, по умному и по людски, и никто крестов серебряных из Иерусалима воровать не будет. Гельда ревела белугой, выла, словно грешница в аду, каялась и клялась, что креста не брала, но немедленно вернёт его, и как он к ней в карман запрыгнул - она и сама не ведаёт, не иначе - Божье чудо. Магистр отпустил её, наконец, приказав явиться вечером с крестом, всякими сплетнями и ябедами, что нашпионила, а сам верхом поскакал с постоялого двора

проверить - на месте ли дракон и все прочие, и нет ли какой измены. Охрана была на месте, слоняясь вокруг кузнецова забора, но дракона в загончике не было - на манёврах, с другой стороны холма, стражники показали дорогу. Магистр посмотрел с холма на вытопанный луг и лишний раз убедился, что измены нет, а все трудятся на благо королевства.

Сэм приучал дракона атаковать с хода под прикрытием конницы.

Дракон рысцой бежал между лошадьми, на которых тряслись Сэм и Вейн, то впереди бежал, натягивая цепи, то отставал, чихая от клубов пыли, которую поднимали два десятка конников, скачущих впереди. Бегун из дракона никакой, он извивался от хвоста до ушей, и чаще отставал, но стоило Вейну покрутить над головой дубиной, сразу вырывался вперёд. Все скакали по лугу к столбу, где был привязан баран. По команде конница брызнула в стороны, оставив барана с разбойной троицей наедине. Правда, за клубами пыли вряд ли дракончик хоть кого-то видел. Ему что - сказали - он и вдарил в пыль. Магистр видел, как баран подпрыгнул и упал замертво, а отпущенный на свободу дракончик поплёлся к нему, чихая от пыли. Прежде дракон вылакал полбадейки воды, что стояла рядом с бараном, отдышался, свесив язык до земли, а потом от барана клочья пустил. Красавец дракон, любо-дорого смотреть.

Магистр был доволен, и даже заулыбался навстречу Сэму и Вейну, чувствуя, как отходит душа при виде их честных трудящихся рож с простыми глазками мелких жуликов. Никакого сравнения с городскими интригами и проклятой политикой, где не знаешь, кому верить и кто предатель. Никакой измены не увидел магистр в тупых глазёнках честных дураков. Им заплатили, они стараются, и никому в голову не придёт к желтякам перебежать, или уйти разбойничать с драконом в горы. Разве что Вейну, да и то его сейчас же Гельда продаст.

Полдня магистр провёл в обществе своих бродяг, обсуждая их нужды и задачи. Сэм одобрил привезённый из города лист меди, но потребовал раздобыть ещё лист, и толще, а пока потребовал олово, свинец, серебро и кучу всякого добра. И денег, конечно. Вейн ничего не требовал, только болтал, и магистр отправил его после обеда осматривать Моховую гору и придумать, как очистить её от троллей. Не то, чтобы магистру очень мечталось освободить Моховую - просто он рассудил, что излишне крепко проучил Вейнову подружку, и потому решил отослать его на денёк от обид и ссор, чтобы у Гельды рожица поправилась, хотя тут магистр был кругом прав. За дело получила, за воровство - за него вообще вешают, и не только в королевстве дронов.

Ближе к вечеру магистр отправился в гостиницу, принимать доклады шпионов. В темноте в гостиницу их впускал сотник Крон, а после доклада магистр выпускал с заднего хода.

Когда явилась Гельда, вся грустная и побитая, он был так занят, что запихнул её в свою спальню, и продолжал шушукаться со шпионами, совершенно забыв взять у неё серебряный крест. Правда, он всё равно бы его не получил, потому что Гельда пожадничала и не принесла его, решив, что авось обойдётся, тем более, что и магистр побил чуть-чуть, даже не табуреткой, она просто из приличия ревела белугой. Если сильнее побьёт, тогда принесёт - рассудила Гельда, и мигом нырнула в постель магистра. Когда тот, проводив последнего шпиона, вошёл в спальню, чтобы выслушать её доклад, он был так задумчив, что поначалу даже удивился - с чего это шпионка развалилась в его постели, да ещё в голом виде - чуть не рехнулся от изумления.

Но Гельда мигом убедила его, что докладывать в постели гораздо удобнее, и магистр так увлёкся этим докладом, что про крест и не вспомнил. Но всё кончается, и доклад тоже. Выбравшись из сонных объятий наглой шпионки, магистр с сожалением ушёл в свою гостиную, где у открытого

окошка, смотрящего в сторону гор, зажѣг две сигнальные свечи. Гордый эльф отказался ехать в его кармане или в ларце, через перевал, сказал, что сам прилетит, хотя и далеко, после чего долго клял магистра и желал ему всяческих напастей за то, что своими подлыми интригами заставил милую его сердцу королеву Ри послать своего возлюбленного на смерть. Выслушав от эльфа пожелание подавиться куском тролличьего дерьма, магистр поморщился, и попенял эльфу, что без его, магистрова колдовства, тот бы кричал уже у кошки в животе, но эльф только завопил на магистра, чтобы тот убирался с его глаз, клеветник и врун, ибо это его любимая - королева Ри, заколдовала кошку, а вообще это он, храбрый эльф, победил кошку, её счастье, что ноги унесла. До чего наглый эльф, явно испорченный. Нормальный, впрочем, с магистром и говорить бы не стал.

Магистр ждал маленького негодяя до самого утра, сонно клюя носом. Тот всё же прилетел - от усталости и говорить не мог, а просто плюхнулся в ларец, который магистр заботливо устлал изнутри мягкой тряпочкой, слопал мѣду, сколько смог, и тут же заснул. Магистр, закрыв ларец, пошёл в спальню, где так и уснул одетый, и в сапогах, так что Гельде пришлось спящего раздевать, и напрасно бурчал он сонно, что всё равно утро, и вскоре опять одеваться. Злая девчонка, оказалось, раздевала его для своих низменных потребностей, а не для спокойного сна, так что магистр, если и спал, то пусть желтяки столько спят, сколько он.

Утром было назначено испытание нового пробного орудия. Выстрел должен был посмотреть эльф, чтобы сказать потом, что ему нужно для управления сделать, ведь ему стрелу вести.

Работал Сэм всю ночь, и трое подмастерьев из солдат, и кузнец., и успели к сроку без кривляний и клянчания денег, потому что магистр мог заплатить вовсе не золотом. Так что всё было готово, когда прибыл магистр, который опять спросонья забыл спросить у Гельды свой крест, но взять шкатулку с эльфом не забыл.

Орудие упиралось одним концом в огромный булыжник, а другим смотрело в поле. Магистр не узнал тот медный лист, который привѣз вчера. Он был скатан в трубу, прошит заклѣпками, а изнутри обработан серебряным припоем, как объяснил Сэм, для плавности выхода железной стрелы, и для её сохранности, чтобы стрелять ей не один раз, и чтобы орудие не раздуло. Внутри орудия находится трубка, или толстая стрела из меди, а в неё залито масло - объяснял Сэм - как и в прошлый раз, для красоты смотрения.

Как они с Вейном успели выяснить, кувшин толкает горящее масло, вылетающее наружу. Они придумали приделать сзади камеру, в которую будет поступать воздух. В этой камере и будет сгорать масло, чтобы кувшин улетел невзвѣст как далеко, за горизонт. Только масло плохо горит, но они подыщут другое горючее. Может, скипидар или дѣготь - проверить не успели.

Магистр оборвал его глупые рассуждения, ничего спросонья не поняв.

Он буркнул: - Зажигай. - и вошёл в дом. Приказав Алине занавесить все окна, он позвал с улицы Сэма, закрыл дверь и, затеплив свечку, сказал, что хотя в нечисть он не верит - ни в троллей, ни в эльфов, как и подобает настоящему христианину, и Сэма за это же хвалит, но куда деваться - придётся Сэму работать с этим эльфом, не веря глазам своим, и сохраняя его в целости от обид, потому что эльф маленький, нежный и очень, очень дорогой. Настолько, что за ущерб с виновника магистр взыщет петлѣй на первом же дереве без всяких оправданий.

С этими словами магистр открыл ларец и потыкал пальцем в дрыхнувшего эльфа. Тот продрал глазѣнки, потѣр их кулачками, и пропищал очень лениво: - Ну, чего тебе? А это что за противная рожа сзади? -

Магистр с лёгкой укоризной ответил, что эта рожа принадлежит великому колдуну Сэму, который только что развёл огонь перед заколдованной стрелой, там - во дворе, и эльфу не мешает посмотреть на неё, родную, и высказать свои пожелания.

- А, колдун. - сказал эльф и сел в шкатулке. Колдунов эльфы уважали, или точнее - чуть меньше ненавидели, чем прочих людей, потому что и сами умели колдовать. Эльф спросил - день на дворе или ночь, и услышав, что утро, сказал, что будет смотреть на стрелу из этой тёмной избы, из самого тёмного уголка, пусть только чуть приподнимут мешок, закрывающий окошко.

Так и сделав, магистр и Сэм вышли на улицу, и спрятались за дальний угол дома, ждать и смотреть. Когда с гулом лопнул воздух, а из жерла вырвался длинный столб пара, оружие, почему-то подпрыгнув, опрокинулось, но чёрная дымная полоска далеко за деревней показала, что стрела молодец, так и рвётся за горизонт. Магистр похлопал Сэма по плечу, послал конную десятку вдогон стреле, а потом они прошли в тёмную избу. Там магистр позвал эльфа. В ответ - ни звука, если не считать тихого треска догорающей свечки. Магистр заглянул в шкатулку. Эльф лежал, закрыв глаза. Магистр потрогал его и недовольно спросил - неужели эльф заснул и ничего не видел? Тот молчал. Магистр снова потыкал его пальцем, на что эльф открыл глаза и что-то пропищал так тихо, что магистр попросил говорить громче, и даже ухо придвинул, которое и услышало отчётливо и безжизненно: - Убийца! -

Магистр обрадовался, что стрела так понравилась эльфу, и он подозвал Сэма для выслушивания советов эльфа, но на все торможения тот угрюмо твердил, что оба они - мерзкие убийцы, и лучше бы его загрызла кошка принцессы, чем сначала долго поджаривать на огне, потом ошпарить горячим паром, да и зашвырнуть его невесть куда, отчего все его косточки переломаются.

Ничего от эльфа не добившись, магистр вывел Сэма на волю и попросил не обращать внимания на капризы. Эльф вскоре придёт в себя и гордо сядет в стрелу - ведь его попросила королева Ри.

Сможет ли Сэм сделать что-то для сохранности эльфа и даже удобства во время полёта? Сэм обиженно ответил, что эльф дурак.

Он не понимает, что жарить на костре его никто не будет, потому что в настоящей стреле он смастерит эльфу комнатку на самом конце стрелы, да и паром его не достанет - стрела уже улетит. Ещё наложит внутрь кожи или сена, так что и кости целы останутся. Магистр послал его в дом, повторить всё это эльфу и начинать работать, а не болтать всякую глупость, а сам ускакал ловить шпионов, ибо согласно вчерашним доносам, в деревне их появилось самое малое - двое.

Первый - купец один - сразу раскрылся, когда один магистров шпион из крестьян стал ругать магистра и короля - что кровопийцы и тому подобное. Пришлый купец сразу записался в друзья, напоил вином, и долго расспрашивал о драконе, а потом и денег займы без отдачи дал, как и положено между друзьями.

Этот не очень заинтересовал магистра. Вот второй - тот штучка.

Желтяк - и на рожу, и по речи, и очень хорошо хвори у людей лечит. Ясно, что колдун. Должен знать, что у магистра с колдунами разговор короткий, а так явно подставился, лечит в открытую, кто не попроси. Шпион так не сдурит. Но если не шпион, то зачем сюда через горы притащился? У желтяков колдуны в почёте, зачем от них уходить?

Из доноса Лейна магистр узнал, что колдун и лечит почти бесплатно, только на прокорм и хозяевам,

где ночует, отдать за жильё, да и хозяев бесплатно лечит, так что его все наперебой зовут. И никого из больных и хозяев колдун не смущал рассказами о хорошей жизни при желтяках. Напротив, отшил и Лейна, и его помощника, когда они начали ругать магистра, даже сказал, что нельзя людей за глаза клясть, и нагло отозвался о магистре, как о хорошем человеке. Мол, в городе видел, и магистр на злодея не похож. Такой отзыв окончательно убедил магистра, что желтяк что-то затаил за пазухой. Так не скажет самый глупый из шпионов, потому что все, абсолютно все говорят вслед за шпионами магистра, что рожа у мерзавца как у Иуды или Каина. Назвать магистра хорошим человеком - это значит во всеуслышанье заявить, что я шпион.

Словом, интересный желтяк, и с десятком конных магистр вскоре прибыл к дому, где тот жил. Войдя в дом, где колдун выслушивал жалобы какой-то местной женщины на боли в пояснице, магистр вежливо поздоровался с колдуном и всеми хозяевами, сказал, что подождёт, у него минутное дело, и пусть колдун продолжает своё благое занятие.

И уселся у окна с умильной рожей, внимательно наблюдая за колдуном. Обычный желтяк-азиат, глаза узкие, скулы широкие, нос приплюснут, кожа тёмная. И явно пожилой, хотя у желтяков сразу трудно понять - кому сколько лет. Колдун между тем быстро провёл пальцами вдоль позвоночника женщины, потом быстро и привычно ткнул где-то кулаком, и ещё раз, так что женщина охнула, схватил её сзади подмышки, приподнял, дёрнул, поставил на ноги и потребовал согнуться. Та медленно, держась за поясницу, попробовала - и получилось. Согнулась ещё раз, и ещё, сама себе не веря, и закудахтала от радости, всякие благодарности.

Колдун сказал, чтоб жрала поменьше мяса, да хоть раз в неделю денёк голодала, а то прострел вернётся. Но если мясо сильнее, как всегда бывает, то, когда прострел в спине вернётся, пусть висит на руках ли, на локтях ли, и дрыгает ногами, чтобы позвонки распрямлялись и вставали на место - тогда боли утихнут.

Затем колдун обратился к магистру, не мучают ли и его поясные боли, на что магистр отвечал, что нет, Бог миловал, может, потому, что посты соблюдает, и когда ел в последний раз, и вовсе забыл, а уж висеть - это его любимое дело. Кроме шуток, когда делать нечего, он так и висит на руках часами, однако сейчас его другая закавыка мучает, о которой неудобно говорить в присутствии хозяев и других любопытных, и потому он попросил бы оставить их наедине. Сотник Крон распахнул дверь, и все лишние уши исчезли. Магистр задумчиво сказал колдуну, что висеть - это лекарство очень сильное, даже от лжи помогает, и не мешает попробовать это средство на самом колдуне, потому что закавыка, что мучает магистра, как раз колдуна и касается. Сотник Крон тут же подскочил, привычно завёл руки за спину тщедушному желтяку, связал их, а верёвку перекинул через крюк в потолке, что имеется в каждом доме, для подвешивания детской колыбели. Хотя крюк был не ахти какой крепкий, но и колдун попался не толстый, потому сотник Крон уверенно потянул за верёвку.

Колдун согнулся, руки за спиной полезли вверх. Сотник знал своё дело, натянул верёвку так, что и больно было, и руки из суставов не вывернулись. Колдун закричал. Магистр спросил, какой приказ получил колдун, и как связь держит - через купцов на базаре, или ещё как? Колдун промычал, что он лечит людей, на что магистр, усмехнувшись печально, посоветовал не валять дурака, и рассказать, что велел нашкодить король Кий. Крон потянул верёвку, колдун заскрипел зубами. Лоб его вспотел крупными каплями, и он жалобно сказал, что знать не знает шпионских дел, он простой лекарь, даже не колдун, ему просто людей жалко, он их лечит, и денег не берёт, потому что все бедные. Вот с магистра он бы содрал невесть сколько за лечение, с него можно драть - он богатый.

Магистр ответил, что желтяки драть любят, особенно кожу с живых людей, что за дурацкая

привычка, и кстати, ничего, кроме своей шкуры, у магистра нет. Он самый нищий во всей округе, но это государственная тайна, между нами. Впрочем, всё равно никто не верит, что магистр не ворует. Вот, даже сотник Крон заухмылялся.

Со вздохом магистр достал из кармана коробочку. Сотник заулыбался ещё шире, увидев связку серебряных иголок, вынутых оттуда. Сквозь гримасы на узкоглазой морде колдуна проступило выражение любопытства. У него тоже имелись такие, для лечения иглоукалыванием в особые точки на теле, но если он подумал, что магистр раскаялся в своём напрасном злодействе и решил унять боль в суставах с помощью игл, то такая мысль позволяла от души посочувствовать бедняге колдуну.

Злой магистр решил испытать новое пыточное средство на безвинном страдальце.

Как-то с неделю назад, принцесса Кристи, расшалившись, кольнула его такой иглой в ладонь, после чего магистр минут пять крутился от невыносимой боли, такой бесконечной, что ум за разум заходил.

Когда боль как-то сразу утихла, магистр не поверил, что хотел только что руку сам себе оттяпать. Магистр пристал было к принцессе с вопросами, но она только фыркнула, что это секрет эльфов, и извинилась за неудачную шутку. Она не ожидала, что магистр попытается залезть на стенку, и поинтересовалась - зачем он так крутился и выл? Тоже шутил, да?

- Да. - проскрипел магистр, трясая головой, после чего принялся выпрашивать про эти иголки. И на жалость пытался взять, что колдунов приходится калечить верёвками и прочими средствами, а как бы хорошо мучить их этим средством. Следов никаких не останется, все живы да здоровы, и всё рассказали, всю правду, как по Библии, которая всем советует правду говорить, и ближним помогать. Принцесса только спросила в ответ - что такое мучить? И почему колдуны будут всё рассказывать, если ткнуть иглой? Потому что больно? А что такое больно? Вот это? - Увидев, как принцесса воткнула себе в руку серебряную иглу, магистр промычал, что да, это и есть больно.

- Я запомню. - обрадовалась принцесса. - Но почему они признаваться будут? И всё рассказывать? -

- Потому что больно. - тупо повторил магистр, тупо глядя на улыбку принцессы.

- Ну и что?- не поверила принцесса. - Вы шутите?-

Магистр молча развернулся и невежливо ушёл, чтобы не рехнуться, лучше понимая теперь и старого короля, и короля Алана, которые старались не связываться с дурочкой. Конечно, на жалость принцесса не купилась. Не знала, что это такое - жалость, но после того, как магистр выручил её с кошкой и эльфом, вручила эту коробочку с иглами, объяснив, что это стрелы эльфов.

На их кончике - и глазом не видно - есть дупло, а в нём - крупинка порошка, который эльфы получают, соскабливая и высушивая слизь с острых плавников рыбы ёрш. Её полно по берегам речек, потому что рыбаки выкидывают эту мелкую вздорную рыбёшку, которая ещё и больно колетя острыми спинными плавниками.

Если такой заряженной стрелой попасть в тролля, он столбенеет, замирает и трясётся, пока его не зарубят.

Одну иглу из этой пачки магистр хотел проверить на себе, но так и не решился, потом хотел проверить на кошке, что пришла к нему помурлыкать, но только погладил, потому что кстати вошёл сотник Крон. Он и получил иглу в ягодицу, за прошлые и будущие доносы королю. Иголка сработала. Сотник выл и крутился так, словно там раскаленную сковородку держат. И на стенку хотел залезть, и

на потолок забраться. Хорошие иглы. Поэтому Крон и заулыбался, увидя их в руках жестокосердного магистра.

Тот, недолго думая, воткнул парочку в живот колдуна, и того сразу начало трясти. Колдун захрипел, пытаясь и согнуться, и руки не вывихнуть. Взгляд его быстро терял осмысленность, стекленел, и магистр добавил в плечи по иголке. Колдун так заизвивался, что Крон отпустил верёвку, а то бы руки вывихнул из плеч, и не заметил. Пока он зрел в мучениях, магистр послал Крона в соседнюю комнату, обыскать вещи колдуна.

Пока его не было, магистр присел перед лежащим колдуном и тихо задал вопрос, который всегда задавал всем колдунам: - Мне сказали, что это ты послал Розовый Меч королю Алану. Это правда? -

До этого все колдуны тупо спрашивали: - Какой меч? - Но этот вдруг дёрнулся и с ужасом зашипел: - Нет, нет, это...это, я не ...- и замолк, сообразив, что с треском провалился, совершенно потеряв голову от боли. Магистр вместо благодарности воткнул иголку в шею, и колдун, открыв мутные глаза, прохрипел, что будет говорить, но только наедине, без лишних свидетелей. Потом он забормотал - завизжал - завыл что-то невразумительное, извиваясь по полу весьма причудливым образом. Тем временем сотник Крон вернулся из другой комнаты с одной холщёвой сумкой, где были все колдовские причиндалы - мази, травы и тайные пароли, которые могли выглядеть как угодно. Магистр велел всё это хозяйство сжечь, как всегда, и сказал Крону, что этот тип, может, и лекарь, но домучить его надо до последней иглы. Интересно просто, может человек от этих игл умом тронуться - или средство безопасное. И послал сотника из дома, на крыльцо, чтобы отгонять всех любопытных, что будут сбегаться на вопли колдуна.

Едва Крон вышел, магистр спрятал иголки и усадил колдуна возле стены.

- Поговорим. - сказал он равнодушною - Боль сейчас пройдёт. -

Колдун и впрямь скоро ожил, задышал и даже заулыбался. Собрав с него разряженные иглы, магистр сказал, что про Розовый Меч знают только особо приближённые к Киеву люди. Крупная рыбина, выходит, этот обычный колдун. Не так ли? На этой стороне гор про Меч даже король Алан не всё знает. Магистр знает больше - ну, ему по службе положено знать больше короля. И что за подлое колдовство вложено в Розовый Меч - тоже знает, и лучше желтяков. Так что колдун может зазря время не тратить, и не пытаться кормить магистра всякими мелкими байками о мелком колдовстве, пусть даже это Розовый Меч. Пусть колдун сразу и без виляний выкладывает главное - с какой шкодой и против кого прибыл сюда. А для проверки правдивости пусть расскажет о Я-Мо всё, что знает. Будет врать - в ход пойдут иглы. Начинай.

Именно это интересовало магистра больше всего. Всё остальное было ясно. А вот Я-Мо до сих пор оставался тёмным пятном. Уж очень хитёр и скрытен. При Кие он исполнял те же обязанности, что и сам магистр при короле Алане, и был главным его противником в тайной войне, что никогда не утихает между соседями, мир на дворе или война. До сих пор магистр не мог узнать о Я-Мо ничего стоящего, потому что и никто не знал, кроме Кия. Этот Я-Мо даже лицо скрывал, обматывая голову чалмой, по их желтяковскому обычаю, и проследить его было трудно, такого же, как все. От простого воина его отличала золотая брошь, которую он носил за пазухой. Стоило показать её любому желтяку, как тот начинал трястись и всё исполнять, что скажет Я-Мо.

Колдун перестал улыбаться. И горячо заверил, что Я-Мо очень хитёр и скрытен, и пусть потому магистр погодит с этой неприятной верёвкой и прочими иголками. Что колдун знает, то он и продаст. Только лицо Я-Мо мог бы продать, если б рисовать умел - видел Я-Мо в лицо, и не раз. Но это всё, и

не надо верёвку мучить и иголки надо пожалеть - очень это колдун советует.

.Ничего больше про Я-Мо колдун сказать не может. И про шкodu ничего не знает, ибо нет за душой ни шкodu, ни другой пакости, а имеется простое и честное предложение от Кия, лично. С этим он послан, на том он стоит, как доверенное лицо Кия.

И колдун изложил послание своего короля. Узнав о будущей помолвке с принцессой Кристи, и о недовольстве короля Алана, Кий сочувствует магистру и выражает всяческую поддержку.

Кий всегда стоял за любовь. И потому предлагает магистру Ордена Святого Креста должность наместника королевства дронов.

После победы. А пока - любую помощь для захвата власти. Как магистр предполагает управлять - с королём Аланом, без него - это дело магистра. Кий согласен на символическую дань от союзного государства дронов, признает все права магистра на престол, и единственное условие всех и всяческих поблажек магистру - свободный проход войск через горный перевал в Европу.

Колдун перечислил гарантии, условия и ещё что-то говорил, юля глазами, но магистр уже вытащил коробочку, скучно заверил, что всё это обдумает, а пока надо делом заняться. И, не слушая мольбы несчастного лекаря, воткнул ему пару иголок, спрашивая про связь колдуна, и тот, действительно, вспомнил про связь, через купца одного, и даже вспомнил - где и когда встречаться. Видя, что лекарь явно страдает провалами памяти, магистр подлечил его иглой в нижнюю губу, и сказал, что у такого доверенного лица наверняка ещё связь есть, колдовская, мгновенная, про которую магистр давно слышал. Если такой связи нет, то не такое доверенное лицо этот колдун, и все иголки за враньё соберет. Взглянув на очередную иглу, посинелые губы колдуна сами собой забормотали, что связь есть, конечно, он позабыл просто потому, что уж очень неудобная. Нет, всё правильно - если колдун в определённое время будет думать об определённом предмете, то другой колдун в лагере желтяков тут же воспримет эту мысль. Но запиской и на словах можно передать сколько угодно, а тут - всего слово или понятие. Ну, два. Ну, три, если очень сильно думать.

Неудобно же. Вот и забыл.

Магистр воткнул иглу в верхнюю губу, спросив нетерпеливо - когда же колдун про дракона вспомнит? Тут дураков нет, лекарь. Единственное, что может решить исход войны - это дракон, что появился недавно в деревне. И колдун появился, бесплатный, святой и с посланием от Кия, которое вспомнил только невесть когда. - Шкodu какую привёз? - И ласковой рукой магистр ободряюще воткнул иглу в нос лекарю.

Вскоре остатки самообладания покинули колдуна, и он в перерывах между иглами и пронзительным визгом - рёвом - воем заговорил со скоростью лошади в галопе. Стоили ему снизить скорость признаний, магистр начинал целить иглой в свободное место, колдун покрывался новым потом, визжал, брызгая слезами, и переходил в карьер своей словесной скачки, глотая концы слов, бедняга.

Только услышав, что главным шпионом и исполнителем шкodu является сам колдун, и что он хотел задушить дракона голыми руками, магистр прекратил допрос. Колдун сказал всё, что знал.

Он был связником. С хорошим прикрытием, ценный, но исполнителем быть не мог. Я-Мо уж конечно понимал, что всех новеньких в деревне магистр под метёлку подметёт. И что порядки наведёт такие, при которых приезжий даже издали не сможет на дракона глянуть. Главный шкодник мог быть только из деревни, из тех шпионов, что щедро запустил в Европу этот Я-Мо ещё до приезда

магистра в эти места. Ведь любое вторжение, любая война всегда начинается со сбора шпионских сведений.

Ещё задолго до войны купцы с раскосыми глазами свободно шмыгали взад-вперёд через перевал, и кого они тут закупили себе в помощь, так просто не узнать. Затаились помощнички. Многие были раскрыты, когда магистр провалил голубиную почту желтяков, но резервных, или "спящих" в ожидании приказа магистр никак не мог вычислить. Но теперь приказ отдан - и спящий проснулся. Может и не один.

Когда колдун пришёл в себя, магистр сказал, что за такую честную продажу всех секретов желтяки отблагодарят колдуна острым колом. Единственный друг колдуна теперь - это магистр, не правда ли? Тот, косясь на коробочку с иглами, заверил, что друг, конечно, куда деваться, и магистр, обговорив всякие шпионские мелочи, позвал сотника Крона, чтобы тот верёвку забрал.

Крон, узнав, что этот милый лекарь решил работать на благо короля, недовольно буркнул, что на вопли колдуна сбежалась вся улица. Всем ясно, что лекарь продался после таких пыток, и желтяки об этом узнают, может, лучше его повесить, чем платить королевским золотом? Магистр раздражённо ответил, что у лекаря и синяка нет, весь целенький и здоровенький, и даже улыбается, так что остановить нельзя, а любопытным он, конечно, по секрету разболтает, что это вопил неженка-магистр, когда его иголками лечили. Желтяк, он такой - правды не утаит. А то ведь и впрямь за магистрова шпиона посчитают, люди здесь клеветники.

Пожелав лекарю успехов, магистр вышел вслед за Кроном, и ещё более хмурый, чем он. Когда вскочили на коней, магистр сказал, что дракон висит на ниточке. Пусть Крон сегодня же порядок в деревне наведёт, как договорились. Сейчас же. Чтобы достать дракона наверняка, желтякам колдовство требуется не слабое. Даже баранов для него приказано мыть, чтобы ядом кто не обсыпал.

И близко не подберёшься к зубастому. Бесовским, слабым и неверным желтяковским колдовством дракончику не повредить.

Только верным, сильным колдовством можно его уничтожить, типа того, каким колдует Сэм. Хотя какое это уже колдовство! Это что-то Божеское, что Ему угодно и приятно. Что Он всегда одобряет, надёжное, как все Его творения. Как булыжник, надёжное. И это колдовство нужно вычислить и выкорчевать. Лекаришка признался, что послал сообщение по колдовской связи. Картинку - разбитый кувшин в луже белой сметаны на зелёной траве. Это означает, что всё в порядке. Этот кувшин лекарь видел сегодня утром возле своего дома, когда вышел по малой нужде. Кто этот кувшин разбил, и что именно в порядке - лекарь не знает. Он связник, ему это знать не положено. Колдовство это могут доставить только купцы.

А пока надо проверить второго шпиона, того, общительного из купцов. Он мог кувшин разбить перед домом лекаря.

Магистр оказался прав. Допросить купца не удалось. Едва узнав о приезде магистра, шпион скрылся, бросив и товар и слуг. Лейн виновато шмыгал носом и проклинал шустряка, что так подло удрал. Магистр Лейна успокоил, выложил три золотых, как и обещано, за выявленного шпиона, и лениво заявил, что Лейн ещё пять получит, если, кроме слов, ещё и покажет, где они с купцом шлялись по деревне, и вспомнит, что ещё делали. И весь вечер магистр с Лейном гарцевали по тихим улочкам деревни, где Лейн показывал любопытному купцу деревню. Тот присматривал место, где поставить дом. И сарай для товара. Всю деревню изъездили, но место купец нашёл. И Лейн привёл магистра к небольшому пустырю между двумя огородами, заросшему лебедой и крапивой.

Там стояла какая-то тренога высотой с человека, сколоченная из толстых жердей. Лейн пояснил, что это купец попросил сколотить, и он сколотил за два золотых. Для рытья колодца, чтобы ведра с землёй поднимать через крюк сверху.

Для крепости треноги купец самолично приколотил поперечную жердину. Услышав это, магистр слез с коня. Шурша травой, в сумеречном свете заката, облазил всё вокруг треноги, а поперечную жердину, приколоченную купцом, чуть ли не обнюхал. Подозрительная жердина. Ни сучка, все срезаны. Магистр опустился на колени даже, пытаясь постичь тайну треноги. И вдруг увидел огонёк костра вдаль, случайно посмотрев вдоль поперечины. Оказалось, что проклятая жердина указывает точно в сторону холма, мало того, целит чуть левее кузнецова дома, прямо в загон дракончика. Это уже никак не могло быть случайностью.

Магистр воспрянул духом, хотя никак не мог сообразить, каким колдовством отсюда возможно достать хвостатика. Впрочем, на то оно и колдовство. Засада разберётся, что за колдовство.

Притащившись, наконец, глубокой ночью в гостиницу, магистр выслушал сотника Крона, и застал. Оказалось - в постели, для доклада, опять ждал шпион. И нахальный какой шпион - невозмутимо жаловался сотник - потребовал подать в постель сладкого вина и пирожных, а юбку и рубашку велел гостиничной прислуге к утру выстирать и высушить, а плату пусть просят у магистра.

- Не умничай. И вообще - меня нет. - прошипел магистр. Он осторожно вошёл в гостиную, косясь на дверь спальни, взял одеяло, и заполз вместе с ним под кровать, сразу же уснув. И хорошо, злодей, выспался, хотя и разбудил его под утро скандал, когда Гельда кричала на сотника Крона, требуя сказать, где магистр спит.

И нечего врать, она же видит, что одеяло исчезло. В ответе Крона были и такие игривые нотки, но и солдафонские тоже звучали, в расчёте на уши магистра под кроватью. Он приказывал заткнуться, а не то получишь, и, когда Гельда для этого получения потащила сотника в спальню, магистр снова уснул, впервые подумав о сотнике с признательностью.

Утром магистр выполз из-под кровати, отряхнулся, и убежал по своим делам, свежий и розовый, как помидор, и опять забыл про священный крест. Весь день он раздавал задания, явные и тайные, проверял порядок, и наводил страх. В частности на бандитов, что продолжали торговать амулетами - теперь они сопровождали купцов через деревню, до гостиницы и от неё. В деревне теперь ни одного купца не было. Для местной торговли оставили только площадь перед гостиницей. У дракона копали вообще невесть какую пещеру с накатами из брёвен. Для усиления шпионских дел оставил послушника, самого лучшего.

Вечером ускакал в город, даже не дослушав болтуна Вейна. Просто сунул ему сто золотых, и ускакал - охрана еле догнала. Слушать Вейна магистр уже не мог, испытывая глухую ненависть - и к Вейну за его болтовню, и к себе, за желание многое возразить, так много, что и выбрать нечего для возражений. За эту болтовню о Господе, Знаках Божьих, Библии и вообще о смысле жизни магистру хотелось или повесить Вейна, или самому повеситься.

Магистр пожалел, что в первую встречу с Вейном позволил себе поговорить с ним по душам, хотя всегда стремился к этому при новом знакомстве. Нужно же понять человека.

Тот обрадовался, решил, что встретил родную душу, и теперь выкладывал всю свою дурость.

И прошлую, и новую, что успел придумать. И сейчас Вейн успел таки навесить на мозги магистра

очередную дурость, которую человеку верующему так просто не сбросить - на всю дорогу хватило размышлений. Жаль, не успел магистр вовремя отсчитать золото на штурм Моховой горы.

Пытался успеть, едва услышав, что Вейн нашёл способ, но ларец не притаскивали слишком долго. И Вейн успел нагрузить, что Господь нас вовсе не испытывает, посылая трудности и препятствия в делах. Делать больше нечего Господу, чем испытывать на крепость человек. Нет там никакой крепости. Нет, препятствия в делах - это скорее совет Господа, чтобы не лезть в это дело. Так и поступают люди, тем более умные, что даже и в Бога не верят. Все они стараются плыть по течению, и не плевать против ветра. И всегда выигрывают, не споря с волей Господа. И только дураки идут наперекор, за что и получают весьма больно по бестолковке.

Тут магистр сунул ему мешочек с золотом, и хлестнул неповинную лошадь - ускакал, рыча от злости и глотая вместе с пылью свой ответ дураку. Поставить бы болтуна на его место.

Если последовать его логике, надо принять предложение Кия.

Заклучить почётный мир с желтяками. Жениться на принцессе.

Если так рассуждать, то Господь этого очень желает, эвон как надавил, чуть ли не виселицей грозит. Ну и Вейн. Пол дороги магистр ничего не видел, выискивая в словах Вейна подставу желтяков, но этот придурок ну никак в шпионы не проходил.

Ни один в здравом уме человек и мысли бы не допустил покупать этого дурака в шпионы - себе дорожке. Предатель - это да, он просто разницы не видит между верностью и предательством, сволочь. От таких, умные командиры перед боем ещё избавляются.

Подъезжая к городу, магистр успокоился, и решил при случае устроить встречу придурка с Господом, на том свете. Пусть Он ему мозги вправляет, у магистра времени нет.

А огорчённый Вейн, проводив глазами магистра, отправился к Сэму в кузню, чтобы выплеснуть на безропотного дружка всю невысказанную дурь, но забыл тут же при виде радостной его рожи.

Тот командовал каменщиками, что возводили стены новой кузни, на которую Сэм выклянчил деньги у магистра. Это напомнило Вейну о полученном задании, и он сказал, что вот ещё деньги, на постройку заодно домиков для кошек, и прочей разной мелочи.

На удивления Сэма пришлось напомнить о приказе взять Моховую гору. Вчера Вейн всю её окрестность облазил, и нашёл способ.

Дырки там и впрямь маленькие, человек только руку и затолкает.

Конечно, можно раскопки начать, как солдаты подсказывали, в надежде, что внутри ходы расширяться, но копать почему-то не хочется. Хоть, говорят, веками внутри эльфы жили, и могли пошире накопать, но это сомнительно. Дырки маленькие, но их много, и это Знак Божий, чтобы штурмовали гору те, кто в них пролезет. Можно штурмовать собаками, но собак тут нет, всех съели умные. Можно штурмовать кошками, но их не так уж много, штук сорок на всю деревню.

Можно ещё крысами, их вообще сколько угодно. Прежде чем выбрать, надо эльфа расспросить - какого размера эти тролли, после чего и подобрать подходящих наёмников. Может, даже мыши сгодятся. Сэм удивлённо спросил, с чего это кошки или крысы ползут бить троллей, они же глупые, слов не понимают. А заколдовать их ни Сэм, ни Вейн не сумеют, потому что вообще не умеют

колдовать, хотя магистр и выставил их колдунами перед эльфом.

- Колдовство и простую жизнь я никак не могу различить, - с сожалением сказал Вейн, - но что крысы глупые - это явная ложь.

Они очень умные, и уж умней любого самого умного человека. Настолько, что даже слов не понимает, и потому ей всё можно легко и просто объяснить. Если Сэм думает, что крыса глупая, пусть попробует уговорить ту, что живёт под их амбаром и кормится воровством, идти в наёмники за корку хлеба и отдать свою молодую жизнь на штурме Моховой горы, или даже ещё более справедливого дела. Не выйдет, она же не дура. Придётся её поймать, немножко поморить голодом, а потом запустить в канал, где будет стоять деревянный тролль, с куском мяса вместо лица.

Конечно, она прыгнет троллю на грудь и вцепится в нос, разве нет?

Тут глаза Сэма засверкали, и дураки принялись придумывать, как уничтожить бедных, мирных троллей, которые всего-то украли у Сэма несколько золотых монеток, и ничем больше не заслужили этакой подлости. Сэм сходил в избу, выяснив у эльфа размеры противника. Оказалось, что очень редкие тролли могут дотянуться до колена человека. Кошка для тролля, конечно, противник очень серьёзный, примерно как тигр против человека. Кто кого - зависит от ловкости и оружия. Но крысы - это для тролля несерьёзно. Отгонит пинком, как человек отгоняет собак. Тролли за ними охотятся, потому что очень любят крысиное мясо.

Рассказав об этом, Сэм огорчённо сделал вывод, что придётся ждать, пока магистр не наловит в городе кошек, потому что тигр - это боец, а собака - так себе.

Однако Вейн возразил, что обученная собака и кабана дерёт, и человека загрызёт. Попробуй пнуть откормленного волкодава, что держит знать для охоты и собачьих боёв - без ноги, пожалуй, останешься. Конечно, это какие-то сумасшедшие собаки, ненормальные, но ведь сначала они были умными, пока не подружились с людьми. Немудрено рехнуться до того, что бедные собаки и на меч кидаются. Почему бы и крысам не рехнуться, тем более, что Вейн и Сэм гораздо дурнее, чем какой-то знатный барон? Крысы дешевле обойдутся, чем прожорливые кошки, крысы под рукой, точнее, под амбаром, и это Знак Божий. Услышав это, Сэм перестал сомневаться в крысах, согласился, что они умнее человека, и уже без споров грязные бродяги принялись исполнять свой злодейский план, благо буквально вся деревня просилась на работу, хоть что делать - хоть лабиринты копать, хоть крыс ловить, хоть куклы мастерить - лишь бы золотом платили.

На другой день друзья с довольными рожами стояли возле дома, наблюдая за работами, где копали, таскали, месили, сновали несколько десятков работников под присмотром солдат, так что весь холм издали походил на муравейник. Сэм, озирая всеобщее усердие, довольно сказал Вейну, что Господь и впрямь уважает дурость, прав был дружок, и Знаки видит, как орёл.

Как теперь на душе хорошо - и словами не описать. Ведь сколько дуростей можно сделать на деньги магистра, просто голова кругом идёт, слава Господу. Заплатил денежку, железку какую-то, и умные люди всё тебе делают, и трубы клепают, и медь возят, и камни, и строят кузню, и лабиринты, и всё прочее - только скажи.

Так, благодушно беседуя, и оскорбляя своими дурацкими домыслами чуткий слух Господа - если только Он соизволил их слышать - они зашли в дом, вспомнив, что надо уточнить с эльфом разные мелкие пакости. Эльф был ещё немного не в себе, как бывают немного не в себе приговорённые к виселице. Он отвечал вяло и сонно, тихо полёживая на полу в углу, занавешенном плотными

шторами из мешков. Вейн укорил его, что тому даже про крыс неинтересно, а ведь Моховая гора - его родной дом. Эльф пропищал, что это его не касается - когда освободят Моховую гору, он будет уже трупом.

Сэм заверил, что для спасения и дверку в железной стреле сделает, и креслице мягкое, и всё прочее - и всё бестолку. Эльф такой недоверчивый попался, что просто удивительно. Но так искренне говорил Сэм, что в конце концов пробрал даже такого полудохлого от тоски эльфа. Тот завопил, что Сэм выродок, и его лживый рот недостойн жрать даже дерьмо тролля, что эльфы днём ничего не видят, и что магистр просто хочет убить его по просьбе короля Ри.

Вейн возразил, что магистр ничего про гибель эльфа не приказывал, совсем наоборот - велел, чтоб эльф уцелел. И они двое стоят тут, как столбы, стараются, ждут - чего эльфу надо, а он всё помирает и помирает. А что дневной свет слишком яркий для эльфа, так его уменьшить можно, закопчённым стеклом - и на железной стреле, и на эльфе, надев колпак из крашенной рюмки.

Тогда и днём будет летать по двору, и подсказывать, что надо. Сэм добавил, что рюмка тяжёлая, и он для эльфа закоптит сушёный бычий пузырь - он лёгкий, и летать не мешает.

Эльф неуверенно сказал, что ему не верится, но даже если проклятые колдуны и сделают возможным дневные полёты, то ему это не поможет.

Он всё равно труп, потому что врежется в землю, так и не долетев до цели. До лагеря желтяков очень далеко, куда дальше, чем швыряют они стрелу. Поскольку его попросила королева Ри, он так и останется в стреле до конца. На это Вейн сказал, что эльфу умирать понравилось, лежи себе и плачь, мёду вдоволь, тепло и тихо и можно наплевать на них, что стоят как два столба, и заверяют, что долетит он, куда надо. Потому что полетит на железных крыльях, мало того, в задницу его стрелу будет толкать всю дорогу та камера, что недавно придумали, и долго, пока не кончится горючее, которое Сэм пока не нашёл, но непременно найдёт, потому что масло слишком масляное, и нужно просто чего-то полегче. Кстати, когда вино в костёр плеснёшь, оно ведь вспыхивает. Может, если нагреть, то загорится, и получше масла.

Сэм возразил, что навряд ли, вино уж очень водянистое, но если бы воду убрать из вина, то там останется как раз то, что вспыхивает.

Разделить бы их как-то, может, и получится горючее для толкателя.

Вейн сказал, что не знает, как разделить воду и вино, однако вспоминает, что на солнце кувшин с вином быстро выдыхается.

Может быть, вино легче воды, и первым испаряется. Но вот как его поймать, неизвестно. Сэм ответил, что это долго, на солнце греть, ведь огонь греет гораздо быстрее. А пар собрать - это вообще плёвое дело, , если вспомнить, на холодной крышке котла всегда вода каплями собирается. Так что весь пар из вина можно пустить по трубке, на которую лить холодную воду.

Сначала из трубки закапает горючее для толкателя, а потом вода.

Вейн с упрёком сказал эльфу, что они уже и горючее нашли, стоя, как столбы, а эльф всё помирает, и тогда эльф угрюмо согласился, что ладно, пусть он и увидит всё светло, как ночью, и долетит.., и прицелится, но выпрыгнуть всё равно не сможет, потому что королева Ри просила, и он пробьёт желтяка, наверняка, в упор, и до дверцы не коснётся - а потом от удара он уже труп, хоть вы сколько тут столбами не стойте.

Сэм обиженно сказал, что выкинуть эльфа из железной стрелы - и вовсе пустяк. Пусть целит до конца, и тщательно, и ни о чём не заботится. Сэм приделает на нос стрелы длинную пику. Когда она ударит в грудь желтяка, то её конец стукнет в рычаг, на котором будет кресло эльфа, и его в тот же момент выбросит вверх вместе с креслом. С какой силой вылетит, и на какую высоту - это всё можно сделать, как эльф пожелает, это только от длинны рычага зависит.

Эльф злобно и потерянно ответил, что два обормота его не поняли - точнее, не до конца поняли, потому что эльфу убить такую грязь, как человека, это самому стать грязью, и потому он там в стреле, и умрёт эльфом, потому что обещал королеве Ри. Это вы, люди, убиваете между делом, мимоходом, даже этого не замечая, но он - эльф.

Дружки переглянулись, и Сэм пожал плечами. Вейн выступил вперёд. И сказал, что эльф никого не будет убивать. Ведь магистр приказал продырявить белый халат, не так ли? Если в этом халате находится желтяк - так это личное дело желтяка, а у эльфа совесть чиста. Ему велели продырявить белый халат - он продырявил, и остался эльфом. Желтяки ведь хитрые, чучело оденут в белый халат, и со смеху потом помрут, когда эльф промахнётся, а уж королева Ри и за эльфа тогда его считать не будет. Грязь, даже в халат промахнулся, чучело пожалел, дерьмо, магистру поверил, что в халат желтяк завёрнут, экий доверчивый эльф. , и чего с ним возьмётся, стоя, как два столба, когда ему помирать гораздо приятней.

Тут мешковина, что занавешивала угол, шевельнулась, и Вейн замолк. Потом они услышали урчание, или шипение, словом, как котёнок в углу на собаку возмущается - такие звуки, вроде воя.

И тут же оба дурака присели, зажав уши, потому что эльф что-то завизжал, да так быстро и пронзительно, что ничего не понять - пришлось переспрашивать. Эльф не поленился, и снова завопил, требуя сей же миг принести ему копчёный бычий пузырь, и сажу, и масло, чтоб он сам всё измазал, как надо, и просто у него злости не хватает, что два мерзавца стоят уже тут битый час, как два столба, и болтают подонки, когда надо пузырь искать, а!? Где, где пузырь?

Эльф так вопил и ругался, что бродяги попятились и убежали искать пузырь, а вослед им эльф обзывался лентяями, негодяями, бездельниками, и грозился вообще всё тут по щепкам разнести, если ему сей же момент не притащат вожделенный пузырь.

С этого дня спокойная и беззаботная жизнь дураков и их подружек закончилась. Эльф оказался самым последним, отпетым негодяем, злым и безжалостным, дураки и не рады были, что он ожил. Сделав себе из бычьего пузыря чёрную повязку на голову, эльф занял весь дом, хотя сам был с крысу размером, и то некормленую. Если над деревней кружил ястреб, он летал по комнатам и по кухне, вымещая злобу на бедной Алине, которой убежать было нельзя, потому что обед надо стряпать для всех незваных гостей. Вот девчонки - те убежали, едва эльф влетал в окно, потому что битву с эльфом проиграли в первый же день после его оживления. Гельда промахивалась по нему мухобойкой, уверяя, что магистр её за такое убийство простит, потому что она его любовница, но эльф верещал, что она шлюха, дрянь, что он ей глаз выбьет, летал вокруг головы, как птичка, размахивая клинком, ужас просто. Людей он ненавидел так сильно что скандалы первый затевал, чуть что не по его. Раз уж королева Ри приказала ему работать с этими мерзкими живыми уродами, то он работал, но почему он ещё и уважать их должен? И эльф сразу же после оживления завопил на Гельду, куда это она идёт, дрянь, по его личному жилищу, и даже хозяйина не спросила? Гельда пробурчала, чтобы малявка заткнулся, сидел в своём углу - а не то пришибёт - и началось.

Спустя пять минут она уже пятилась к двери, одной рукой зажимая проколотое ухо, а другой

размахивая мухобойкой, но шустрому эльфу плевать было на мухобойку, он вёрткий.

Элиану эльф сломал ещё быстрее, заставил плюхнуться на колени, просить прощения, величать "чистейшим среди грязи" и пообещал ей, успокоясь, шлюхе чёртовой, вспахать клинком все её толстые щёки, если ещё хоть раз будет тут по его дому шляться без спросу, дрянь такая, вон отсюда!

Девушки потом долго плакали в укромном уголке от злости и строили планы убийства вредного летающего негодяя, однако пришлось смириться с наглцом - из страха перед магистром - как оправдались они друг перед другом - а вовсе не из-за маленького злыдня.

На бедной Алине эльф буквально ездил, всячески издеваясь. В первый же день буйства, застрашав бедную женщину, он плюхнулся ей на плечо, кольнул больно в шею и прошипел в ухо: -

Ты будешь моей лошадей, дрянь. Молчать, зарежу! Ты толстая и мягкая, тебе повезло! Вперёд! -

Так они и ходили по двору часа два - заплаканная Алина и наглый эльф на её плече, который с удовольствием то и дело командовал: -

Стой. Налево. Теперь вперёд, лошадь противная. Молчать, зарежу!

Ладно бы к делу командовал, а то всё больше по нахальству и настроению. На Алине он подъезжал и к Сэму в кузню, где вопил, что тот лентяй, и требовал быстрее шевелиться. И к Вейну подъезжал, и орал на него уже просто так, от нечего делать, потому что толку от болтуна никакого. И он эльфа переболтал от нечего делать, убедив, что от катания на их кухарке, которой надо обеды варить, работа над стрелой только стопорится, потому что все голодные и злые, и выходит, эльф сам же себе и мешает, а что ястреб в небе летает - так это не причина, чтобы на Алине кататься, мог бы и в доме переждать. Вечером Алина, всхлипывая от благодарности, выложила Вейну на тарелку такой сочный кусок мяса, что Гельда его тут же в свою тарелку перетащила.

Однако после первых же пробных полётов эльф приутих, и уж тогда злые бродяги всласть поиздевались над ним, называя раззявой, неумехой, тупицей и другими очень обидными прозвищами, а эльф что-то бурчал себе под нос, и всё.

Сэм смастерил ему стрелу с кабинкой, где боковые крылья соединялись между собой прямо под сидящим эльфом, и тот мог наклонять их рукояткой, прикреплённой к ним. Вейн показывал эльфу на ладонях, каким образом крылья наклонять, чтобы стрела летела вверх, или вниз, но всё попусту. Для поворота вправо-влево Сэм поставил пластинку на самом хвосте, и тоже соединил с другой рукояткой, но эльф не успевал и с первой рукоятью сладить, как уже плюхался о землю, а если успевал, то кувырнул стрелу в воздухе или заваливал вбок, после чего всё равно плюхался на землю. Если бы Сэм не пристегнул его к креслицу мягкой кожей, он бы весь побился за день. Для запусков стрелы Сэм изготовил катапульту в виде огромного лука, который натягивали четверо солдат или одна лошадь, получив возможность безнаказанно швырять эльфа целыми днями. Мишень стояла внизу, под холмом, и каждый раз стрела брякалась далеко от неё. Мальчишки притаскивали стрелу наверх, Сэм ругал эльфа тупицей, и снова запускал его в полёт, и каждый раз стрела то ныряла вниз, то чертила петлю и снова ныряла вниз.

Однако с каждым полётом эльф всё же чему-то учился, и постепенно начал огрызаться, и ставить в ответ свои упрёки.

То жаловался, что ручки болят эти дубины здоровые ворочать, а после переделки опять визгливо кричал, что не успевают обоими сразу ворочать. То крылья надо шире, то на хвосте слишком велики,

то, сё - и во всех падениях винил Сэма, который еле успевал переделывать управление, крылья и всё прочее. В одной стреле летал эльф, а вторую переделывал Сэм, потом они менялись - эльф летал, а Сэм переделывал, и опять менялись стрелами, и опять, и опять. Всё управление было выведено жилками и рычажками на одну рукоять, и постепенно дело пошло на лад.

С переделками, крупными и мелкими подработками, но с каждым разом стрела летала всё лучше и лучше. Эльф начал орать из кабинки на пыхтящих мальчишек, чтобы быстрее тащили в гору, лентяи, а то зарежет. Так что мальчишки несколько раз брякали его, валясь от хохота, наземь.

Наконец, настал тот день, когда стрела поразила мишень под горой - пышную белую подушку, что изображала желтяка - только пух полетел. Эльф раздулся от гордости, и даже слова похвальбы никому не сказал - сидел в стреле и презирал всех молча.

И дело пошло - раз за разом стрела, словно заколдованная, дырявила подушку. Сэм велел относить её всё дальше, потом принялся вообще стрелять в сторону, но ничего не помогало - стрела, изящно вычертив дугу, словно привязанная, втыкалась в подушку, так что вскоре подушка вся в клочья ушла, и пришлось покупать другую, за три золотых у вконец ожадневшей Алины.

Когда же с проверкой приехал магистр, эльф так разлетался, что все зрители рты разинули, кроме магистра, который ничего не понял, потому что стрела сделала петлю, потом сделала горку, повиснув в вышине на несколько мгновений: после чего коршуном спикировала на мишень, пробив её из крутого левого разворота и успев покачать крыльями перед самым ударом. Даже Гельда покачала головой и восхитилась,- ну и сволочь...

Магистра такой полёт, конечно, огорчил, и он упрекнул Сэма, чего он эльфа так летать и не выучил. Вихлялся, вихлялся - и чудом каким-то в подушку попал. Вы его за нитку тянули, через подушку, да? Сэму насилу удалось убедить магистра, что вредный эльф просто с мёду бесится, кривляется просто, от скуки. Он уже толкатель требует к стреле приделать, хотя его только начали испытывать. Хочет ястреба на толкателе сбить. А подушку требует ставить на скаковую лошадь - надоело по неподвижной подушке дубасить. Но желтяка эльф продырявит без вывертов, по прямой. Если магистр добавит денег на толкатель. А то куда-то кончились.

Магистр подозрительно посмотрел на Сэма, и тот сделал честную рожу, пытаясь вспомнить - куда ушли прошлые деньги, которые и в самом деле куда-то ушли, хотя он и скаредничал. Магистр же, не увидев на его круглой роже признаков разума, а значит - измены, машинально пошарил в пустых карманах, вспомнив, что ларец остался в гостинице, и пошёл любоваться на дракона, который дрыхнул в глубокой ямнице, под брёвнами в пять накатов.

По дороге магистр нудно повторял просто по памяти слова короля Алана, что деньги надо беречь, они потом заработаны простых крестьян и слезами этих..., как их, вдов и сирот..., словом, вечером сотник Крон притащит сколько надо.

После чего, одобрительно хлопнув Сэма по плечу, магистр пошёл с ним смотреть крысиное войско. В яме, накрытой деревянным щитом, развалилась всего одна крыса, но крыса необычайно жирная. Начальник крыс Вейн тут же стал её нахваливать - какая она умная, ценная и красивая, но делал это неуверенно, явно понимая, что тролли одну крысу просто затопчут. Выяснилось, что денег, данных на войско, хватило только на лабиринты, которыми вскопали весь южный склон холма. Вейн успел заплатить несколько золотых землекопам из крестьян, и они мигом нарыли мелких длинных канав, изображающих лабиринты, перекрытых сверху сучьями и присыпанных землёй. Они выкопали и несколько учебных ям, изображающих пещеры, и в одной такой стояла кукла, вся изгрызенная, и всё

- деньги куда-то кончились. Это даже магистра достало. Он с тоской посмотрел на крысу, что обошлась казне в сто золотых, и сказал, что даже такая толстая крыса никак не могла бы нажрать за неделю больше серебряной монетки, хоть ты её телятиной корми. Вейн молчал, вычёрсывая безуспешно ответ в своём затылке. Он скромно умолчал, что и крысу он лично поймал, и куклу сам сделал, а деньги у него Гельда взяла, всучив взамен серебряный крест, уворованный у магистра. Но Вейн оправдался по другому. Он сноровисто привязал кусок мяса к шее куклы, затем одел её в изодранный плащик и поставил в яму, после чего заверил магистра, что это тролль в Моховой горе. Отойдя на несколько сажений, он запустил крысу в тоннель, который вёл в эту яму, и крыса, выскочив из него, привычно и сноровисто, мгновенным броском вцепилась кукле в горло, повалила и зачавкала, сверкая глазёнками на магистра. Вот это магистру понравилось, а когда Вейн заверил его, что к следующему приезду, магистра приветствует крысиное войско, обученное и бесстрашное, магистр и вовсе повеселел. Он и сам удивлялся хорошему настроению, когда возвращался в гостиницу за деньгами, облапошенный и обманутый - по мнению сотника Крона - двумя дураками. Магистр пожал плечами, сказал, что кому то всё равно оставаться облапошенным, и почему не ему в этот раз, а пока, без разговоров, сотник, оттащи им денег побольше.

Даже Гельду магистр на этот раз не побил, когда она, войдя следом в комнату и увидев его благодущие, прыгнула на колени, и мурлыкая, повинилась, что крест у неё взял Вейн. Он же дурак, и не знает, что воровать нехорошо. Для него что своё, что чужое - он разницы не видит. Она в другой раз крест принесёт, обязательно, если этот дурак, конечно, его не потеряет, ладно? Чего там хотел ответить магистр, он и сам забыл, занятый вознёй с нахальной девицей. Но её слова про Вейна открыли ему, наконец, причину той тягомотины в душе, из-за которой даже Гельду не побил, и деньги королевские вообще считать перестал. Магистр ясно понял причину той неуверенности, что, словно зараза, незаметно вползла в душу в последние дни. Проклятый колдун Вейн вонзил её в голову одной фразой, про Божьи знаки, по которым препятствие в жизни считается не испытанием духа и решимости, а подсказкой, что сюда ходить не надо. Начать с того, что магистр усомнился даже в предательском предложении о мире от Кия. Он так и сказал королю Алану утром на крепостной стене - мол, неплохое, может, подумаете, король? Оба они смотрели на торжище вдали, где сновали фигурки людей, и где вдруг одно за другим развернулись три ярко алые линии - подтверждение от Кия.

Одновременно это была проверка - обладает ли колдун-желтяк из горной деревни мгновенной связью. Вчера магистр уговорился об этом знаке- подтверждении с желтяком, а сегодня - вот они, три развёрнутых рулона шёлковой ткани, чтобы со стены увидеть.

Нет, велик и чуден мир Божий, каких только диковин нет, говорил магистр в восхищении, ведь как успел подлец, быстрее меня передать, а? С таким ухо надо остро держать, а по виду - обычная желтяковская рожа, плюнуть противно...

Но тут король Алан грубо перебил восторги магистра, что и раньше подобные предложения о мире Кий присылал, но ему, королю Алану. Обращение к магистру говорит о многом. Кию явно не хочется штурмовать город. Может быть, все шпионы магистра перекуплены и нагло врут - что войско желтяков больше ста тысяч? Такая шуточка магистру не понравилась, и он ответил, что сто тысяч человек на пустом месте не сможет изобразить никто.

Дешевле нанять эти сто тысяч наёмников, чем изображать их.

Король Алан подозрительно прищурился и спросил неласково, что же ответит магистр на предложение желтяка?

- Ничего, - пожал плечами магистр, - так для дела полезнее. -

Король уже откровенно нахмурился, и велел сквозь зубы, чтобы магистр Кию сегодня же передал твёрдое - нет.

Это будет полезнее для самого магистра. Доверие короля Алана достаточно велико, но испытывать его магистру не следует.

Такие испытания могут плохо закончиться, на виселице, за измену.

И теперь, осознав изъян в душе, магистр решил вернуться к Вейну, что бы припереть к стенке, и выяснить - чего там в голове у дурака, и почему Вейн считает препятствие за подсказку.

Он пригласил его прогуляться вдоль забора, подальше от любопытных ушей, и принялся выспрашивать. Вейн обрадовался, что кто-то его дуростью заинтересовался, и стал объяснять, что Господу сверху виднее, куда человек идёт, и поскольку Он всемогущ, а человек невероятно туп, глух и слеп, то Господу остаётся только стенки ставить перед человеком, чтоб свернул с неверного пути - это единственный способ общения с Господом умных людей.

Мало того, уткнувшись лбом в стенку, человек пытается и её лбом прошибить, уж такой он фрукт. Но Бог видит, что человек идёт к гибели, и потому ставит новую преграду. И этот способ действует, всегда и постоянно, магистр и сам это поймёт, когда вспомнит, что люди, если у них дело не спорится, - если не дураки, конечно - бросают это дело, плюнув в сердцах, и начинают заниматься чем-то другим. Но если дело спорится, денежки каплют, богатство растёт - будь то война, грабёж, воровство, или постройка дома - то человек им и дальше занимается - разве нет? Если получается, он так всю жизнь и ворует, или дома строит, или дурь какую-то делает, лишь бы дело шло. Вейн увлёкся и продолжал рассуждать в таком же духе, не замечая, как интерес на лице магистра уже какой-то усохший.

Дикая эта ересь мигом выбила, как дубиной, все колебания магистра. Он услышал в словах Вейна одну сплошную, махровую измену. Это хорошо, что для службы Вейна королю Алану сейчас нет препятствий, а одни только добрые знаки - и оплата, и защита, и девки, и все прочие смотрения сквозь пальцы на все дурости.

Но рано - поздно всё равно появятся и трудности, и ссоры, и споры, и наказания - жизнь есть жизнь - и шпионы от желтяков обязательно подкатят к этому Вейну, с посулами да обещаниями, и Вейн тут же сочтёт, что это Господь ему указывает продать дронов и перебежать к желтякам вместе с Сэмом и драконом. В этом неверном мире всем нужна уверенность, за это деньги платят, и бешеные, а этот дурак прямо так и заявляет, что разницы не видит между верностью и изменой.

У Вейна до измены нет никаких преград, - и этот факт решил дело. Как человек верующий, магистр мог бы с интересом поспорить, прояснить всякие мелочи в этой дикой ереси, но как начальник тайной службы короля Алана, магистр быстро свернул разговор, велел заниматься своим делом, решив про себя окончательно судьбу Вейна. Правильно говорят, что дураки могут быть какими угодно. Это умные все на одно лицо, все похожи чем-то, а дурость, она безмерна и бесконечно разнообразна. Дурак всяким может быть, умному и в голову не придёт этакой дурости.

Изредка дурак может быть даже старым. Но Вейну это не грозит - об этом позаботится магистр.

Тепло улыбнувшись Вейну, он выбросил из головы и его и бредни эти, и ускакал ловить шпионов. Надо было спешить. Шпионы из лагеря желтяков сообщили о непонятном мельтешении и

приготовлениях -Я-Мо что-то затеял. Послушник Крой, оставленный в деревне в прошлый приезд, уже наметил несколько местных, которые могли оказаться "спящим" шпионом. Колдовство против дракона могли привезти только купцы, а местом общения купцов с местными жителями теперь была только площадка перед гостиницей, поэтому Крой легко вычислил пятерых местных жителей, которые приходили на базарчик чуть ли не каждый день, чаще других, даже не с целью купить-продать, а просто поболтать.

Крой через Лейна и других своих шпионов выяснил всё, что мог, о них, о родне, о прошлом, кто, откуда, и всё прочее. Но ничего подозрительного вроде не было. Ещё Крой записал крестьянина Жерара, у которого сын уехал с купцами из желтяков, хотя этот Жерар на рынок не частил. У троих ещё дочери уехали, тоже с купцами - их Крой записал до кучи, в возможные шпионы. Каждую ночь возле треноги дежурили в засаде, но никто так и не подошёл. Днём наблюдали издали - но и днём было тихо. С приездом магистра Крой надеялся выспаться, потому что шпионы, по его глубокому убеждению, мигом затихнут и отложат свои злодейские замыслы, но магистр шпионов знал лучше, и потому безжалостно велел дежурить и в эту ночь, и отругал ещё за плохое устройство засады.

- Колдовство против дракона неизвестно какое, - шипел магистр, - а все колдуны такие сволочи, что не знаешь - чего и ждать. -

Тренога с поперечиной - с чем это можно съесть, поди догадайся.

Поэтому нечего отсиживаться в бурьяне, наблюдая издали. При малейшем шевелении пресечь колдовство. Ночью брать в засаду луки, и дырывать всё, что не понравится. Собака - то-топ-топ- ночью пробежит - и ту на звук продырывать, потому что нет тут никаких собак. Магистр настрашал послушника не просто так, знал, что как раз сегодня в деревню прибыли самые подозрительные из купцов, такие, что их не поймали до сих пор на шпионстве, вроде корчили из себя, что за деньги только работают, ради наживы, а от желтяков - ни-ни, никаких шпионств.

Почти каждому магистр морду бил, и все вот так отвечали, смеясь буквально в лицо, если кто понимает. Магистр понимал. Он считал, что все люди шпионы, хотя бы сами для себя. На тайном гербе Ордена святого креста стояли слова девиза, которым руководствовался Орден и его магистр: "ХОЧУ ВСЁ ЗНАТЬ!".

Вечером в гостинице магистр недолго, но упорно помолился, прося Господа дать силы и хитрости, чтобы выловить проклятого "спящего шпиона", после чего стал выслушивать доклады от шпионов с рынка.

Сегодня они так и кишели, и магистр был уверен, что ни одна покупка, ни один разговор не остались в тени. Из списка подозрительных крестьян на рынке сегодня побывало шестеро и жена седьмого. Двое сделали покупки, один - огниво и кинжал (это подозрительно), второй - тележную ось (бежать надумал?).

Жена седьмого подозрительного купила рулон беленького полотна

(зачем? Малых детей нет, кому одежду шить? Подозрительно).

Выслушав всех шпионов, магистр так ничего не решил.

Глядя в темнеющее окно, метался по комнате, отгоняя мысль, что всё спокойно, сегодня ночью ничего не случится. Наконец, для очистки совести приказал принести все списки всех посетителей рынка за все дни после наведения драконьего режима для купцов и местных. Долго корпел перед

свечкой, шурша, как мышь, листами тонкого пергамента, и вдруг сообразил, что этот седьмой, по имени Жерар, ежедневно посещал рынок последние дни, и ничего не покупал, а сегодня рынок посетила впервые его жена, и сразу купила рулон белёного полотна.

Магистр долго думал, как можно этим рулоном прибить дракона, но ничего так и не придумал. Но у других подозреваемых и вовсе не за что было зацепиться, и магистр, стоически посмотрев на дверь спальни, где спала шпионка Гельда, решил всё же проверить этого Жерара. Взяв с собой двух солдат и местного шпиона, он дошёл в ночной тьме по тихим улочкам до самого его дома. Окна были темны, все спали, и магистр чуть успокоился, раздумав вламываться в дом и учинять допрос - почему на рынок не пошёл сегодня, Жерар? Это показалось магистру излишним, он отпустил шпиона домой, а сам с солдатами разлегся на траве поодаль от калитки, и тут же заснул, велев разбудить его, если что не так. Ночь тихая, густо-тёмная из-за туч, спать бы да спать, но злодеи-солдаты вскоре его разбудили. Одному показалось, что калитка вроде скрипнула, а потом прошёл кто-то вверх по улице.

Магистр тут же вскочил на ноги и они пустились вдогон за ночным прохожим, но так никого и не догнали. Было тихо и темно, и вскоре магистру стало ясно, что прохиндей улизнул. Сообразив же, что всё это время они спешили по направлению к загадочной треноге, магистр окончательно проснулся, и даже вспотел.

Он вдруг ясно почувствовал, что "спящий" проснулся, всплыл тихо и грозно, как щука со дна омута. Ох, эти тихие ночи, эти тихие шпионы..., магистра затрясло от злобы - слишком много видел он утром перерезанных глоток, пожаров и убитых растяп, которые верили, что весь мир так же хорош, как и они сами. К счастью, на пути этой щуки вовремя выставлена сеть. Вспомнив о своей засаде, магистр решил подойти по тихому, чтобы не помешать послушнику Крою. В нём магистр был уверен - тот был его приемником на пост магистра Ордена. Иногда магистр даже шутливо называл его другом, ибо они знали, что друзей не существует. Они тихо крались во мраке, слабо шурша травой, и чем ближе подходили к треноге, тем медленнее крался магистр, боясь получить стрелу в грудь от ретивого послушника, и потому все аж подпрыгнули, когда неподалёку хлестнул оборванный вскрик. Тут же что-то заорал знакомый голос послушника Кроя, сверкнули искры из-под огнива,

и вспыхнул смоляной факел. Прежде, чем подойти, магистр велел тоже запалить огонь - и подбежали к треноге. Неровный свет двух факелов выхватил из темноты скорченную фигуру в тёмной одежде возле самой треноги. Из плеча торчала стрела. Послушник Крой перевернул человека на спину - глаза человека мёртво заблестели, из горла торчала вторая стрела, перебившая шейные позвонки.

Местный шпион, который был в засаде с послушником, опознал, как и думал магистр, крестьянина Жерара. Назвав послушника молодцом, магистр всё же пожалел, что тот такой рьяный и меткий, и допросить о колдовстве некого. Послушник с тупой рожой довольно ответил, что знать ничего не знает, огонь этот тип запалил, приказ от магистра был - и стрелу в глотку без разговоров.

Труп обыскали, но ничего не нашли. Пошарили в траве - тоже ничего. В чём же состояло колдовство? Вспомнив про загадочную перекладину, магистр поднёс к ней факел и увидел, что на перекладине лежит непонятный длинный, похожий на полено, цилиндр серого цвета. Заострённый конец смотрел в сторону драконьего логова, а на другом конце полена блестели четыре пластины вроде крылышек. Вот оно, колдовство желтяковское!

Успел его совершить покойник - или нет? Магистра снова охватила злоба при виде этого предмета. Проклятые колдуны, верёвок на них не хватает... Он вспомнил о Розовом мече, который Я-Мо

подсунул королю Алану. Тот убивал медленно и неслышно, просто вися на бедре. Так сказала принцесса Кристи, так сказали эльфы - а они не врут, этого у негодяев не отнять, хотя магистр и не очень верил, что висящий сбоку меч может убить хозяина.

Магистр, отойдя подальше на всякий случай от колдовского брёвнышка, велел взять его одному из солдат, осторожно, и отнести в гостиницу, в подвал, мало ли что. Магистру стало ясно - что именно купила сегодня жена покойного. Хитро, на глазах у шпионов. Оставив солдата охранять треногу до утра, магистр с послушником поспешили к дому покойного. Вдова не спала, потому что на осторожный стук сразу распахнула дверь и спросила злым шёпотом в темноту: - Ты что, испугался?! -

Схваченная за руки послушником, она вскрикнула и обмякла.

Магистр засветил плошку с маслом, занавесил окно в доме, единственное не занавешенное, и запер дверь. Злодейку привязали к спинке кровати, послушник надавал ей пощёчин, и женщина тут же разревелась, а потом и раскололась, не слушая вопросов магистра, громко каясь, что бес попутал. Вскоре из сбивчивого рассказа стало ясно, как именно попутал бес семью Жерара.

Один из купцов - желтяков нанял их сына для охраны и услуг, когда ехал вглубь Европы из Азии, и сыну так приглянулась оплата, что он и на обратном пути остался его сопровождать, через перевал, да так и не вернулся из желтяковских стран, присылая только весточки с купцами, да понемногу денег. Когда же началась война, и к городу подошло войско желтяков, заночевавший купец рассказал, что их сын служит теперь Кию, и приехать сюда сможет только после победы желтяков, с женой и ребёнком.

Тогда он перевезёт родителей в город, где они будут купаться в богатстве и лопаться от счастья, а пока следует молчать и помогать, если попросят. Этот купец был ещё раза два-три, приветы передавал, и денег, а когда дракон в деревне появился, то снова появился, всё объяснил, и всё прочее.

Свой рассказ женщина то и дело перебивала плачем и причитаниями, и долго ещё терзала бы слух магистра тем, что и так было понятно, но ещё несколько пощёчин заставили её прервать занудливые потоки слов, и она назвала имя и приметы купца, пароль, опознавательные слова и жесты для связи на рынке, время встреч и много чего полезного, но про главное колдовство, про серый цилиндр, клялась, что не знает, как и что действует, это всё муж велел ей - и на рынок сходить, и всё прочее.

Магистр весело заверил её, что она всё знает, родная, но забыла спросонья, но от забывчивости у него имеются волшебные иглы, вот эти - и магистр, не церемонясь, всю бедняжку истыкал иголками, так спешил, что она чуть не рехнулась, но, действительно, быстро всё вспомнила и рассказала, от спешки чуть не проглотив собственный язык. Послушник Крой, добрый малый, и тот засовестился за магистра - уж очень вдова мучилась, а такая на лицо и фигуру, что ой-ой, жалко такую фигуру иголкой тыкать, а уж вешать тем более жалко, пусть она и злодейка. И послушник эдак нерешительно прошептал про себя, что, мол, Отец небесный, не для корысти какой прошу, ибо ты мои помыслы знаешь, чисты они, почти как у нашего магистра, а прошу из сострадания, простить ей эту измену, как простил уже послушник Крой, и в знак прощения спасти ей душу для Царствия Небесного, а для послушника Кроя - тело заодно, от магистровой петли. Аминь.

Господь, видать, был в хорошем настроении, потому что, едва дослушав просьбу, тут же отдал заблудшую овечку в руки заступника. Не сам лично, Господь, а через посредничество магистра, конечно. Выслушав признания злодейки, тот вдруг спрятал верёвку в карман, и пробурчал, что попробует обмануть желтяков. Вдова описала несостоявшееся колдовство - сильную вспышку огня и

звук, резкий, как удар грома, - и глаза магистра засверкали нехорошим блеском от внезапной мысли. Если купец, передавший вдове цилиндр, увидит из окна гостиницы нечто похожее (а он смотрит, злыдень, кусая костяшки пальцев, от волнения), то от других попыток извести дракончика можно избавиться надолго.

Поглядев в жалостную рожу послушника Кроя, магистр сказал, что уходит, но Крой пусть останется. Шпионка наверняка что-то утаила, и потому надо её помучить, но не просто там волосья рвать, а похитрее. Поскольку ясно, что женщина очень верная своему мужу, то самой страшной пыткой для неё будет измена мужу, горячо любимому, родному, сахарному и всё такое. Вот пусть послушник и старается, и за блуд не считает, и за грех тем более, всё потому, что это обычная служебная работа по приказу магистра, а если мысли об обете воздержания в голову полезут, то пусть честный послушник гонит их, они от беса.

И, едва за магистром хлопнула дверь, послушник торопливо задул плошку, бормоча, что раз надо исполнить долг, он исполнит, скорее для вдовы бормоча, потому что она уж очень размурлыкалась несерьёзно, заулыбалась, захихикала, что готова открыться перед палачом так, как только он ни спросит.

А жестокосердный магистр помчался в темноте на холм, к кузнице, и жаль, что вдова не видела, как он брякнулся с разбегу и фонарь на лбу поставил, вот бы порадовалась, бедняжка.

Когда магистр доплёлся до логова дракона, охрана чуть второй фонарь ему не засветила, не узнав по голосу. Сэм и Вейн не спали, работали в кузне. Вернее, один молотком, а второй языком.

Сэм, узнав от магистра, что требуется изобразить, упёрся поначалу - уж очень жалко было винного горючего. Только-только пару кувшинов напарили, и не попробовали даже, а тут - жги его, душистое. Может, магистр рехнулся?

Обозлясь на такое предположение, не сдержался. Да и фонарь на лбу доставал его, но магистр не только рявкнул на Сэма, но и такой оплеухой наградил, что тот, хоть и дурак, а мигом сообразил, что спорить лучше в другой раз. С дураками иначе нельзя. Они мигом прониклись важностью задачи и приступили к работе. Выкопали подходящую ямку, и углей насыпали из тлеющего горна, и горючее из кувшинов разлили по площадкам.

Конечно, охрана помогала, то и дело стучаясь с руганью крепкими лбами в темноте, вот как рьяно помогали.

Наконец, всё было готово для обмана желтяка, который в гостинице уже все пальцы, наверное, изгрыз. Магистр убежал с холма, чтобы посмотреть со стороны и оценить впечатление, а Сэм, подождав и послушав - не треснет ли магистр в темноте о какой-нибудь камень, с сожалением подал команду.

Тут же четверо солдат сунули в яму, под кучу тлеющих углей, широкие концы четырёх длинных досок, потом разом высоко подпрыгнули и с силой брякнули сапожищами по другим концам досок, торчащим наискось из ямы, взметнув всю кучу в виде фонтана раскалённых брызг высоко вверх.

Мало того, Сэм и Вейн с двумя помощниками в тот же миг плеснули вдогон фонтану четыре площадки с винным горючим, после чего все участники кинулись спасаться кто куда от дурости магистра. А она и смотрелась сильно - снопом красно-синего огня, пропитанным раскалёнными искрами, и таким жаром всё это полыхнуло, что волосья на затылках затрещали. И на закуску ещё Элиана щёлкнула

кнутом, да не простым пастушьим, а новеньким - боевым, который оказался чересчур тяжёл, обоими руками его приходилось ворочать - но уж удар получился - мёртвый вздрогнет, в ушах зазвенело.

Но слушать малиновые звоны было некогда, пожар кинулись гасить, потому что угли, как прозорливо предсказывал Сэм, везде попадают, и на крышу - так они и впрямь попадали, и затлели ещё, и каждый надо найти и затоптать. Эту ночь все запомнили, всех достала эта хлопотная ночь. Кроме Гельды, которая проснулась в широкой кровати от шума и топота. И магистр, что притащился пыльный и усталый, ничего не пожелал объяснить - где был и что делал, изменщик - а просто залез почему-то под кровать, и уснул.

Гельда подумала было, чисто из своей доброты, вытащить его оттуда и раздеть, но коварный магистр предупредил сотника Крона, и тот сказал, что магистру под кроватью привычнее спать, у него работа такая, а вот он, Крон, очень любит спать на кровати, как честный человек, ну-ка, подвинься, красотка. Так Гельда и не узнала, как магистр, полюбовавшись на огненное зрелище, вернулся к замученной до изнеможения вдове, которая разнежено пролепетала, что на всё согласна, только пусть послушник Крой хоть изредка её пытается - вдруг она забыла какую-то измену.

Послушник, замученный ещё больше вдовы, дрыхнул у неё под боком, и даже не проснулся, злодей.

Магистр научил свою новую шпионку, что говорить утром тому купцу-желтяку, а потом, скрепя сердце, малость побил её, чтоб хоть рожка была заплаканной, а то улыбалась уж больно счастливо, когда повторяла за магистром урок, как она мужа послала в темень, и вскоре он вернулся весь изжаренный, и вот-вот умрёт, и что ей, бедняге, теперь делать, и пусть желтяк денег даст - ведь дракон от пожара не то сгорел, не то перебил всех, не то убежал - по разному говорят.

Утром Гельда, кстати, увидела на базаре, как заплаканная жена Жерара о чём-то с купцом торговалась, и тот очень улыбался, и очень утешал. А довольный желтяк, едва в полдень разрешили купцам уезжать - рванул, настёгивая коня, обратно через горы, вместе с товарищами, не замечая, как заботливо его опекают два рослых купца, чтоб не обидел кто, не задержал - желтяков не любили, и хотя заставляли покупать уже по два амулета, иногда и поколачивали, за то, что косо смотрят. Желтяк благополучно увёз радостную весть своему королю, не заметив скромных и неприметных ангелов-хранителей.

Магистр, прибыл обратно в город. Доклад королю Алану происходил в Дубовой зале замка, после обеда. Пол и стены залы были полностью обиты дубовыми дощечками, и всё - ни драпировок, ни украшений. Принцессе нравилось тут читать, а потом и король Алан заметил, что ему тоже нравится эта дикая зала, устроенная по приказу принцессы. Своей простотой и глупостью, наверное. И король всё чаще работал здесь, за большим дубовым столом, сидя в жёстком дубовом кресле. Принцесса Кристи сидела рядом с королём. Она сказала, что у магистра усталый вид, наверное, любовница замучила, и шпионов из-за неё наловил не воз, а всего маленькую тележку.

Магистр ответил вежливо, что у принцессы цветущий вид, как у чертополоха, и такой же колючий, но она права - всего двух шпионов поймал, одного убил, а четвёртого отпустил, потому что тот увёз обманные сведения для Кия. И рассказал, как вдова описала огненный фонтан с искрами и грохотом, и пришлось ухитриться за пару часов без всякого колдовства, а с Божьей помощью и своих дураков, устроить такой же колдовской фонтан без малейшего вреда для миляги-дракона, которого заперли в яме, чтоб не напугался, и который наверняка передал бы привет принцессе Кристи, если б был с ней знаком.

Желтяковское колдовство в виде серого полена, покоится в подвалах замка, и было бы хорошо, если

бы принцесса Кристи его осмотрела - не опасное ли, и вообще, может эльфы такое припомнят.

Не так уж мало поймано, если вспомнить и про пятого, который пока на свободе. Правда, он не шпион, а то магистр бы живо с ним договорился. Он гораздо хуже, этот Вейн. От таких целые страны выгорают. Когда магистр завёл разговор с Вейном о путях Господних, о их неисповедимости, то Вейн ответил, что постоянно пытается угадать Его волю, судя по знакам. Так вот, все знаки говорят о ясном желании Господа захватить Европу желтяками.

Эти знаки долго перечислять - столько их. Но Господь явно возжелал покарать Европу желтяковским потопом.

И самый яркий Знак - на дворе тысячелетие от Рождества Христова. Да вся Европа видит этот Знак, опасаясь и нового потопы, и пришествия Сатаны, и второго пришествия Христа, и вообще конца света.

Магистр думал об этом дорогой в город. Кию нужен лишь контроль над горным проходом. И не глупо ли со стороны короля Алана воевать? Может, плевать на эту Европу?

Ни один её король не прислал ни солдата. Европейские короли заняты междоусобицей. Сидят в городах и крепостях, совершая набеги на соседские владения. Одни войны - мелкие, и ещё мельче. Пока нет в Европе единого сильного государства, самый удобный момент захватить всех. Может, для Европы это и лучше - Господу виднее, недаром он знаки эти рассыпал.

У желтяков есть и знания и умение создать такое сильное государство. Это не гунны, желтяки народ древний, их культура по сложности превосходит римскую, и очень разнообразна. В Индии система каст, и сложнейшая религия. В Китае ухитряются держать в железном кулаке всю свою разноплеменную сволочь, которую в Европе и держать некому, пока друг дружку не перебьют.

Вейн говорит, что умнее пойти по Божьей воле, чем поперёк. Видимо, неправильно Христа поняла Европа. Перевернула и по своему переиначила. Господу виднее. Глупо противиться Потопу.

Не лучше ли королю Алану заключить мир с желтяками, пристроится к нему в союзники и вместе со славой громить эту самую Европу? Вейн на месте короля и магистра так бы и сделал.

Хорошо, его никто не спросил, кроме магистра, но тому по службе надо приставать с вопросами.

Тут король Алан не выдержал и подал голос - насколько сам магистр разделяет такую точку зрения? И пусть прояснит - откуда этот Вейн знает о системе каст в Индии, и вообще так рассуждает, словно стоял за плечами магистра, читая все шпионские доносы.

Магистр с сожалением ответил, что Вейн знает действительно много. Он подкинут был в младенчестве к стенам одного монастыря, и так и вырос, змеёныш, пригретый Святой церковью на её доверчивой груди. В монастыре имела́сь большая библиотека, и мерзавец всю её прочитал. Негодяй прочитал и Платона, и Аристотеля, и многих прочих, на греческом и латыни. Мало гонял настоятель монастыря своих монахов на служение Господу, раз они нашли время обучать этого выродка чтению, письму и прочим наукам. Неудивительно, что от такого количества книг Вейн рехнулся. Ведь всё хорошо в меру. Но что особенно бесит магистра, так это его любопытство - болтая с купцами и крестьянами, собирая сплетни и слухи, он пришёл к тем же выводам, что и магистр, о нашествии желтяков в Европу.

Но если король Алан думает, что магистр прикрывается Вейном, чтобы высказать свою точку зрения, то король ошибается. Он считает как раз наоборот. Никогда магистр не поверит, что Бог принял

сторону желтяков. Господь не отдаст христиан в руки нехристей, которые не верят в Господа, а верят кто во что горазд, кто в Будду, кто в пророка Мохаммеда, кто - в Кришну, кто в Небо, да ещё колдуют напрапалую.

Магистр сказал, что самое время подумать о военной компании в поле. Если покушение на Кия окончится неудачей, могут начаться военные действия. Не передумает ли король насчёт мира с желтяками?

Король Алан опустил злобный взгляд, которым давил всё время доклада, и сказал, что такого быть не может. Единственное желание, что осталось у него - это вырезать всю эту желтяковскую сволочь, будь она из Индии, Китая и прочих диких стран, а особенно этого Кия. Пусть магистр не сомневается - король никогда не заключит мир с желтяками.

Сказав это, король Алан встал из-за стола. Но перед уходом всё же буркнул, что такое колдовство, с огнём и грохотом, да на расстоянии, кажется ему невероятным. Не обманул ли магистр самого себя, поверив рассказам шпионской вдовы?

Принцесса сказала, что такое колдовство есть - ей эльфы говорили.

Оно было в одной древней погибшей стране, под названием Атлантида, и могло сохраниться у желтяков. Магистр молодец и проныра, и лучше бы король Алан наградил чем-нибудь за усердие, чем шпильки ставить. Но король ушёл не за наградой, а по своим делам.

Принцесса тут же спросила - как поживает эльф? Королева Ри очень о нём беспокоится.

Магистр ответил, что эльф весёлый и толстый, уже научился летать на железной стреле, но в этот момент его брякают о землю, привязав к кирпичу, вначале с крыльца, потом с крыши, а потом и с обрыва сбросят, как и собирались. Видя, что принцесса остолбенела и глазами в округлости даже кошку перещеголяла, магистр напустил на лицо озабоченность.

- Дело в том, что есть сомнения - расплющит эльфа при выстреле или нет. И дураки придумали брякнуть эльфа с такой же высоты, на которую взлетит стрела. Но постепенно брякать, с каждой новой высотой спрашивая о самочувствии. Здорово придумали, правда? -

- А...а...а...- сказала принцесса Кристи.

- А к кирпичу привязали для разгона, - любезно пояснил магистр.

- О...о...о... - сказала принцесса, делая рукой странные вращательные движения.

-О сохранности эльфа не стоит беспокоиться. Мои дураки привязали к кирпичу четыре веточки ивы, и он падает только одной стороной. Без них, конечно, эльфа прихлопнуло бы рано или поздно, как муху. -

Принцесса закрыла рот и принялась внимательно разглядывать магистра. Тот соорудил любезную рожу, и принцесса сказала, что ей расхотелось расспрашивать про эльфа. И так ясно, что бедному эльфу не раз придётся вспомнить о её кошке с теплотой и нежностью. Но пусть магистр не спешит убегать за своими шпионами, пусть задержится. За время его отсутствия она, принцесса Кристи надумала, что замуж всё равно выходить надо, и потому следует выпить зелье королевы Ри и посмотреть магистру в глаза.

- В чём дело? - забеспокоился магистр. - Вроде мы договорились, что я старый и противный. И

негодяй. И лжец. И в глаза поэтому смотреть бесполезно -

Однако принцесса снисходительно сказала, что средство королевы Ри делает глаза настолько зоркими и прозрачными, что можно разглядеть даже Бесконечность в глазах другого человека. Или - Бога, чтоб магистру понятнее. Или магистр думает увидеть нечто другое?

- Разумеется. - ответил магистр. - Что мы оба негодяи, принцесса. Как, впрочем, и все люди. -

Принцесса прижмурилась, как рассерженная кошка. - А если ещё посмотреть, глубже? -

- Мы боимся друг друга. - ответил недовольно магистр. - Как и все люди. -

- Ещё глубже. - сказала принцесса.

- Мы ненавидим друг друга. - раздражённо сказал магистр.

- Ну и что? Это ясно. - обиженно сказала принцесса. - Не валяйте дурака, магистр. Ещё глубже. -

Магистр подумал, отвёл взгляд, и понял, что бледнеет быстро и безнадежно. В самой глубине его души была только любовь к Господу. Нечто непереносимое в больших дозах - восторг, радость, и прочие разлюбленные обозначения этого чувства.

- Испугались. - насмешливо сказала принцесса.

Магистр тяжело вздохнул и ответил бесцветным голосом, что конечно испугался. У него хлопот полон рот, даже спать некогда.. Ему город спасать надо. Не пейте эту гадость, Кристи. Сейчас он старый, мерзкий, подлый, и любовниц у него даже две, а после зелья превратится просто в восторг - и старый, и мерзкий, и подлый, и даже целых две любовницы, словом, одно восхищение.

Любовь - это сумасшествие. И кто город спасать будет? Больной король и двое влюбленных сумасшедших?

Пусть принцесса представит, что её захватят в плен желтяки. Сейчас магистр спокойно выслушал бы их угрозы изрезать принцессу на кусочки и пожелал бы ей, как добрый христианин, достаточно острого ножа, чтоб бедняжка. не мучилась

Но сейчас он нормальный. А если рехнётся? Принцесса будет для него дороже и города, и Ордена, и всех жителей. Тогда магистр ради её спасения сдаст город, и желтяки от хохота, наверное, все обгадятся, и повесят их, чтоб не мучились такие дурни на этой благословенной земле. Из жалости повесят, по доброте душевной.

Не пейте зелье, Кристи.

Магистр говорил, старательно отводя глаза и ломая свои пальцы.

Принцесса ответила, что она пошутила, наверное, сказав, что решила выпить зелье.

Она ещё не решила. Иначе бы выпила. Она ещё подумает. Если магистр пообещает освободить Моховую гору.

Магистр с облегчением вытер мокрый лоб, после чего горячо заверил, что расстарался на Моховую уже на триста золотых. Один воин-освободитель уже есть, и готов к бою. Толстый, храбрый и весёлый. Едва завидит тролля, рвётся в бой, как бешеный. Через неделю таких солдат будет сотня, через две -

тысяча, через три - тьма.

Конечно, принцесса при таком известии мигом забыла свои глупости, наострила ушки, и прямо вцепилась в магистра, прося рассказать, что это за такие толстые воины, которые смогут воевать в лабиринтах Моховой горы. Но магистр, если и рехнулся, то на секретности точно, и потому упрашивать пришлось долго.

За такой страшно секретный секрет про толстых бойцов магистр попросил рассказать, как принцессе удалось узнать, что Розовый меч заколдован?

Магистр и раньше спрашивал, но получал в ответ только пустой взгляд, но теперь принцесса, эльфа подруга, ответила, принявшись сразу смотреть исподлобья, что чувствует колдовство Розового меча, и всё. Она сразу брату сказала, что этот меч, который ему преподнесли в подарок желтяки, и который он с такой гордостью таскает, пусть он и красивенький, с рукояткой в розовых камнях, но очень уж трясучий. Стоишь рядом, и всю трясёт. От рукоятки так и лихорадит. И почему рукоять всегда тёплая?

Но король Алан дал ей подзатыльник, и назвал дурой, потому что и рукоятка не теплая, и ничего не лихорадит, всё это бредни.

Тогда она попросила эльфов посмотреть - почему это бредни, если ей кажется, что не бредни, и эльфы завопили, что эти невидимые лучи очень вредные, даже для эльфов, а человека могут изрешетить так мелко и незаметно, что тот сгниёт заживо, не поняв причины.

Принцесса Кристи подумала, а потом потихоньку отнесла этот меч подальше и закопала поглубже. Король Алан покричал, обижаясь на неё за воровство, однако на все требования вернуть Розовый меч, принцесса отвечала, что не вернёт, ей так вот хочется, и плевать на всех, кто против - и король успокоился.

За прояснения с Розовым мечом пришлось рассказать про обученных крыс. Ужас, а не крысы. Принцесса Кристи пришла в такой восторг, что запрыгала на месте, визжа от счастья за своих дружков эльфов - уж очень убедительно расписал магистр зловещие оскаленные морды крыс и красные кровожадные глазки. Принцесса мигом поверила в освобождение Моховой горы. Она даже хотела поцеловать магистра, но тот отшатнулся, стукнулся об угол стола и свалил на пол бокал с вином. Магистру плевать было на дурацкие поцелуи. Пока он в глазах принцессы такой заботливый об эльфах, следовало вытянуть из девчонки всё, что можно, полезного. И магистр перевёл разговор, воспользовавшись разлитым вином, на тему ядов и отравлений.

Когда он прибыл а Орденом в этот город, первым его делом было отвадить отравителей, которые буквально осаждали королевскую семью. Желтяки хитры и опыты. Ещё и войск желтяковских в помине не было, а к королевскому столу пытались подавать отраву во всех видах - и в рыбе и в мясе, и в варёных яйцах. Даже во фруктах и овощах, не говоря о напитках или похлёбках. Шпионы кишели на кухне. Стоило отвернуться охранному солдату, как тут же какой-нибудь подкупленный поварёнок начинал сыпать отраву в котлы. Причём и яды хитрые в дело шли, травили не сразу, а через несколько дней, когда гости и думать забыли о королевском обеде в замке. Аристократы из приближённых дохли, как мухи, но королевская семья даже не поперхнулась ни разу. Король Алан устал ходить полуголодным, может быть, поэтому и поспешил нанять без раздумий Орден Святого Креста, сразу увидев в лице магистра достойного соперника этим подонкам желтякам. И не ошибся. Магистр мигом навёл порядок. Первые дни сразу после несостоявшегося обеда приходилось проводить быстрое следствие, после чего виновного тут же вешали на городской площади.

Постепенно магистр перевешал всех поваров, всех купцов поставщиков, завёл новых, и порядок завёл, при котором все продавцы принудительно ели свой товар, и все купцы, и повара, и эльфов приспособил для проверки на яды, проверка на проверке, шпион на шпионе, так что теперь-то все сытенькие и весёлые, а желтяки и яды перестали присылать, потому что бестолку.

Однако последняя проверка всегда оставалась за принцессой Кристи, которая, как и прежде, пробовала все блюда на отраву.

Король Алан не раз вспоминал со смехом, как до приезда магистра как-то три дня ходили голодными, потому что принцесса всё на столе обкусает, всё выплюнет - и все злые и голодные. Король Алан поначалу не верил, что буквально всё отравлено, даже яйца в скорлупе, и вся королевская псарня поплатилась за это недоверие, мигом отбрасывая лапы даже от яиц в скорлупе, куда яд затолкать вроде невозможно.

И вспомнив всё это, магистр поднял бокал с пола и спросил принцессу, как она яды замечает, и нельзя ли его научить, жениха, быть может, чтоб не отравил кто из врагов, имя которым - легион.

Принцесса продолжала глядеть исподлобья, и ещё нахмурилась, как обычно смотрела на шуточки и ругань о её дурусти, но ответила, что она не эльф, который что угодно определит просто по запаху, любой яд, но тоже по запаху кое-что различает, а уж на вкус сразу яд узнаёт, даже такой долгий, на десятилетия, который содержится в любом мясе. Но магистру учиться уже поздно. Эльфы с детства, сколько себя помнит, учили её, что можно есть, а что нельзя. Бывало, напичкают её за столом всякой дрянью вроде телятины или чёрной икры, матушка покойная чуть ли не силком набьёт ей животик до отказа и отправит в сад вечером прогуляться, и забудет про неё, гуляя с кавалерами невесть где, а маленькая принцесса так и останется всю ночь с эльфами в тёмном саду. Тогда родителям было на принцессу наплевать, родители тогда гуляли напропалую, веселились и подолгу путешествовали, забирая с собой принца Алана и оставляя в замке ещё совсем маленькую принцессу Кристи.

Едва она приближалась к эльфам, они начинали вопить, что она мерзкая тухлятина, опять от неё мясом воняет - и отгоняли, безжалостно колотя по лбу, по спинке и по набитому мясом животу. Долго приходилось колотить и отгонять, потому что маленькая принцесса чаще хихикала только от таких колотушек, но в другой раз за обеденным столом, если мясом пичкали, с неожиданной злобностью старалась лучше укусить за руку, чем за мясо, так что королева-покойница ещё тогда стала ругать её дурой.

Если от принцессы пахло молоком или морковкой с яблоками, чуткие эльфы её попросту не замечали, когда подходила.

А если была голодная, то кормили мёдом, всякими листьями, орешками, яблоки срубали с деревьев, инжир, и прочие фрукты.

При таком питании принцесса быстро научилась даже в мясе яд различать, довольно слабый, что уж тут говорить о желтяковских, которые просто язык жгут. Такой грубостью принцессу Кристи не проведёшь. Желтяки вначале такого яду насыпали в суп, что за дверями всё носом было слышно, по запаху. Потом-то они стали хитрее травить. Яды ведь разные, их очень много, и желтяки стали применять слабые и малыми дозами.

Эти яды постепенно накапливаются в теле, их только на вкус и различишь. Чтобы отравить фрукты, желтяки наверняка поливают деревья водой с ядом. Чтобы яйца отравить в скорлупе - кормят кур немножко с ядом. Но всё это легко различить, если с детства знаешь вкус необходимого. Он такой

лёгкий, сладкий и приятный.

Всё остальное - яды, и зря король Алан обижался, что принцесса Кристи чуть ли не месяц кормила их со старым королём хлебом и фруктами, пока он не догадался спросить - что за яд в мясе, ведь магистр вроде всех отравителей перевешал?

Потом он долго орал, обзывался дурой, и так нажрался свинины, что два дня из туалета не выходил. Как же мясо не яд, если за весь месяц без мяса король Алан только раз к служанке пристал, и то мимоходом, а только крепил оборону. А после объедания опять стал за юбками гоняться, как безумный. Сидит король Алан после обеда, мяса нажравшись, над важным государственным вопросом, и ни одной женщины нет в пределах видимости - только солдаты с алебардами, и вдруг у него - ни с того, ни с сего - встаёт интерес к женщинам, да так встаёт, что государственный вопрос и вовсе забывается.

Это ли не отравление?

И бегом искать любовницу, или кто попадётся. Жаль, что теперь уже отбегался. Розовый меч своим свечением так издырявил рабочий инструмент короля Алана, что тот и работать перестал, и детей делать не может, но это страшная тайна, и принцесса очень жалеет, как её выболтала.

Магистр поспешил сказать, что знает эту страшную тайну уже давно, и потому, кстати, не обижается на упорные козни двух королей с целью продолжения рода с последней его представительницей в лице принцессы Кристи. Да и весь город эту тайну знает, потому что горожанки, из тех, с кем король испытывает иногда свой инструмент размножения - они же языкастые, и хотя на людях говорят, что король Алан - мужчина хоть куда, - правду не утаишь, хотя это тайна, разумеется, магистр уважает тайны. Любые, и свои, и особенно чужие. Например, принцессову - о детстве несчастной девочки, которую всё детство мучили злые эльфы.

Сказал это магистр вполне искренне, хотя и с провокаторской задачей узнать поближе эту тайну. Он действительно считал, что это именно эльфы вдолбили ей весь свой страх, всю свою ненависть, и весь ужас перед людьми. И этот взгляд исподлобья - даже на родного батюшку - результат их подлого воспитания, когда и отцу родному дочка на грош не верит.

Принцесса ответила что это никакая не тайна. Смотря исподлобья, она стала рассказывать, что сад при замке во времена её детства, не так уж давно, был запущен также, как и сейчас. Сад примыкал к горному склону, вдоль которого ночами летали эльфы от Моховой горы. В склоне было много трещин, где они прятались от света, в саду жили дикие пчёлы, рос инжир и виноград, и они частенько разбойничали в саду. Эльфы живут в этих местах невесть сколько тысяч лет, в отличии от людей, которые появились здесь всего несколько столетий назад, когда землетрясение открыло проход через горы, образовав эту живописную долину из намытых дождями склонов гор.

Замок в детстве, без поздних пристроек, выглядел так себе, как большой дом с прислугой, а город был большой деревней без всяких крепостных стен и сторожевых башен, и только с увеличением потока купцов через перевал, особенно в последние годы, и замок, и город резко выросли вместе с крепостными стенами, и королевство дронов стало называться королевством и в Европе.

Так уж вышло, что в детстве маленькая принцесса никому из взрослых не была нужна. Изредка бывая в замке, родители отделялись шлепками и подарками, спихивая малышку друг другу, и снова уезжая через перевал в Европу, стремясь использовать плоды нежданно хлынувшего богатства от купцов.

Особенно любила погулять, погостевать у новых друзей из Европы королева-мать. Ей нравились пиры, балы, и молодые люди. Король-отец от неё не отставал. Ему нравились пиры, охота и молодые девицы. Дела, правда, старый король не забывал - успевал всё, и за девками ухлёстывать, и невесту королю Алану заранее приглядывать, и стены городские возводить, и даже деньги откладывая, в свои королевские подвалы. Но разбуди каждого родителя среди ночи вопросом про дочку, они бы искренне спросили - какая дочка? Король бы наверняка удивился спросонья, что у него дочка есть, но королева частенько посылала-таки письма с нарочными и попутными, подарки и подарочки, даже пирожные ухитрялась послать, европейские, сладкие, которые глупая принцесса раздавала поварятам и всем, кто под пирожное попадётся. За принцессой присматривала старая нянька, вечно пьяненькая. У неё под боком маленькая Кристи отсыпалась днём, а вечером шла в сад, радостно улыбаясь, к друзьям эльфам, и получала в лоб вместо приветов, после чего плюхалась в траву со счастливым визгом. Эльфы настолько презирали людей, что просто заметить человека считали ниже себя, и колотя принцессу в лоб с разлёту восковой колотушкой, приветливый эльф просто выражал своё более-менее хорошее отношение к девчонке.

Вначале знакомства её, конечно, и впрямь не замечали. Вообще и в упор не замечали. Маленькая Кристи ползала в тёмном саду, редела, звала пьяную няньку, но в ответ только страшно шумели деревья и ухал где-то вдали горный филин.

Эльфам надоело слушать нытьё маленькой паршивки, из ночи в ночь, они пытались загнать её обратно в замок, чтоб дорогу показать, с целью чего они принимались пугать её и страшить, но девчонке эти маленькие летающие человечки, пусть они и верещали, казались родней всех других, больших и взрослых.

Эти маленькие хоть страшали её, а те большие и вовсе отпихивали, а нянька спала всё время. А когда эльфы, обнаглев, стали поколачивать её с разлёту восковыми дубинками, то глупая принцесса и вовсе обрадовалась такому вниманию и просто плакала от счастья, не понимая, что злые эльфы дурачились от скуки, шkodничали и издевались над ней, сколько хотелось, и пытались прогнать из сада.

Но в конце концов им самим понравилось такое развлечение - гонять девчонку - и они принялись кататься на ней, усаживаясь на спину целой толпой, и погоняя, и маленькая принцесса охотно ползала, изображая лошадку для новых, как она считала, друзей.

К тому же маленькая принцесса - этого не отнять - храбро кричала и махала ручонками на горного филина, который прилетал поохотиться на эльфов. Филин был умный и людей боялся, даже таких маленьких, он только ухал, пугал, но так ни разу и не напал, и вообще - сделав круг над вопящей девчонкой, облеплённой эльфами, он всегда улетал. Хотя эльфы, спрятав мечи и стрелы, которыми всегда щетинились при его появлении, тут же начинали хвастать, что это они напугали филина, они предпочитали пугать его с принцессовой макушки и плеч - так оно спокойней. В общем, эльфы и сами не заметили, как перестали считать принцессу Кристи человеком, и тогда король эльфов, посоветовавшись с королевой Ри, сказал как-то, что маленькая Кристи, конечно паршивка, мерзавка и негодяйка, но всё же её нельзя сравнивать с тролличьим дерьмом, а тем более с прочими остальными людьми, которые ещё хуже этого дерьма.

Она вовсе и не человек, хотя и похожа, ибо все прочие люди гонят её от себя и обижают, и не считают человеком, так почему эльфам считать её за человека?

- Конечно. - сказал король Ри, - когда она вырастет, она тоже превратится, как и все люди, в

зловонный кусок дерьма с тупыми глазками убийцы, но пока до этого далеко. Поэтому он, король эльфов - нет, не отменяет тот давний Указ, который запрещает говорить с людьми - но, поскольку принцесса теперь не считается человеком, её Указ не касается. С принцессой можно говорить, а не просто пугать или обзывать, тем более, что она только радуется, дура душой, ну разве человек может радоваться, если его обзывать всю ночь невесть как?

Таким образом, эльфы принялись с ней болтать, и своими поучениями совершенно девчонку испортили, и без того донельзя испорченную, так и выросла душой, ни в мать, ни в отца, а эльф знает в кого. Эльфы такого навизжали в уши своими визгливыми голосёнками, что принцесса целыми днями, если не отсыпалась под боком пьяной няньки, ходила, смотрела на Божий мир и молчала. Да, воспитали эльфы девчонку, до того, что родная мать не узнала, увидев тощую оборванку, которая выскользнула из материнских объятий, и спросила неприветливо, глядя исподлобья: - Вы зачем руками размахиваете? -

Счастье королевы, что тогда злые эльфы не успели отковать свой меч для принцессы Кристи, а то бы королева без рук осталась, вот, и расти после этого детей.

Отцу на его все призывы она с любопытством сказала - а ты кто такой? Хотя знала, что отец, и всё такое, но ей-то наплевать. Брату Алану, едва он сцапал её за руку, мигом разбила нос, вырвала руку и отскочила на удивительно длинное расстояние, глядя по прежнему с любопытством. Недельку девчонку пытались поймать сотня солдат, но сад большой, горы рядом, и девчонку поймать невозможно. Так оправдывались солдаты, иные из которых просто плакали от злости, потому что девчонка попалась вёрткая до изумления, причём самое обидное было чувствовать, что она вообще-то ленится уворачиваться от солдат.

Принцесса так хорошо разговорилась, как и под пыткой на допросах мало кто так откровенничал с магистром, и он, заслушавшись, сделал ошибку. Когда принцесса Кристи, словно в подтверждении его мысли об испорченности, показала пример плохого воспитания и поймала рукой пролетающую муху. Кстати, эта её привычка хватать мух раздражала не только его. Старый король всегда начинал орать - потому что сам поймать муху не мог, сколько не размахивал руками. И магистр сказал, что принцессы мух руками не ловят, для этого существуют слуги с мухобойками. Принцесса тут же опомнилась, замолчала, и метко кинула муху в бокал, куда магистр как раз налил вина.

Магистр, выловив муху из бокала, хотел шуткой поправить дело, и сказал с напускной досадой, что зря король Алан волнуется за её будущее. С такими ловкими руками она с голоду не помрёт, обшаривая где-нибудь в базарный день чужие карманы, но принцесса шуток не понимала и явно обиделась. Настолько сильно, что мигом очистила карманы магистра, когда он прошёл мимо, чтобы выплеснуть бокал за окно. Один карман, когда шёл туда, второй - когда обратно, так что он - спустя полчаса - аж побледнел, обнаружив, что пропали пароли для связанных эльфов - половинки разломанных щепочек и разорванных бумажек в одном кармане, и печать магистра Ордена, ключи и прочая мелочь в другом.

Это случилось уже в коридоре замка, когда магистр решил уйти ловить шпионов.

Магистр похолодел, вспомнив один разговор со связным эльфом.

Тот всё никак не мог понять, чего хочет магистр, и всё переспрашивал с тупым видом - что значит стащить серебряную брошь у какого-нибудь желтяка, а когда до него дошло, что это значит украсть, он вдруг молча улетел, и принцессе Кристи пришлось долго пенять магистру, объясняя, что эльф скорее сдохнет, чем возьмёт тайно хоть что от такой грязи, как человек, хоть он желтяк, хоть кто.

Украсть у человека. Такой чести эта грязь от эльфа никогда не дожждётся. Эльф берёт в открытую, у равных себе. От такого дикого оскорбления эльф вообще отказался работать с магистром, и вернулся у пчёл мёд воровать.

Вспомнив всё это, магистр совсем закаменел, осознав всю глубину оскорбления своей шуточкой, но, пока бежал обратно по длинным коридорам, его изворотливый ум придумал обернуть ошибку успехом.

Прибежав назад в Дубовую залу, магистр рассыпался в извинениях, стараясь не замечать ледяного молчания, которое за компанию поддерживала и кошка, что проснулась и молча из угла презирала его всем своим видом. Извиняясь, магистр чего только не наплёл - насколько эти щепочки и бумажки важные, но это не помогло.

Тогда он свойским тоном заявил, что рассматривает очищение своих карманов как признание в нежной страсти, мало того - как приглашение, настолько нескромное, что он вынужден напомнить принцессе Кристи о девичьей чести, целомудрии, и всё́м таком прочем. Это так, раз он настолько свой, что можно без спроса обчищать его карманы.

Говоря это, магистр прохаживался мимо принцессы к окошку туда и обратно, и болтал до тех пор, пока не ощутил в карманах, когда шёл туда - кучу паролей, а обратно - печать и ключи, так ничего и не заметив.. Магистр без лишних слов убежал ловить шпионов, довольно ощупывая в кармане печать Ордена. Правда, принцессу явно обидели его слова, но это не огорчало Он достаточно нашпионил, чтобы понять - если принцесса обижается - это неплохо. На всех прочих принцесса не обижалась - она, как и эльфы, не обращала внимания на всякую грязь..

Магистру пришлось убежать - торопила хорошая весть. Тот колдун, которого заслал недавно к желтякам, сумел подцепить на крючок одного тролля, о чём и сообщил через связного эльфа.

Причём ценного тролля, одного из посланников короля троллей.

Передача послания колдуном происходила при порывистом ветре, ночью. Естественно, стенка шатра колыхалась, билась, и уцепившийся за неё связной эльф не всё разобрал из бормотаний колдуна внутри шатра, хотя слух у эльфов исключительный - муху чуть ли не за милю может услышать. К тому же колдуновский шёпот перемежался проклятиями в адрес магистра, пожеланиями сдохнуть в муках, прочими заклятиями, заклинаниями и прочей чепухой. Затрудняло послание колдуна и разбивка полезных слов на части, когда между слогами вставлялись другие, заранее определённые, чтобы постороннему это слышалось как бессмысленное колдовское заклинание. Хотя такая сложность затрудняла и получение, и передачу, но секретность магистр ценил гораздо выше. Из сообщения эльфа, который передал просто всё подряд, что слышал, вместе с мусором, после раздумий и расшифровки магистр понял следующее - завтра ночью из лагеря желтяков уйдёт один из троллей, который до утра будет в драконьей пещере, чтобы найти золотой клад.

А дело было так - этот тролль, прослышав про нового колдуна, попросил его заглянуть в будущую ночь - найдёт ли тролль золото в пещере дракона? Если нет - то ладно, а если найдёт - где именно, на какой глубине и в каком углу?

Такое сообщение давало магистру возможность устроить засаду - он давно мечтал перекупить тролля - но времени, как обычно, почти не было. К тому же принцесса украла почти час своим глупым воровством. Но попробовать стоило, и магистр поспешил в тёмную комнату, где спал связной эльф.

Разбуженный, он долго за это обзывал тролличьим дерьмом, и говорить поначалу не хотел, как и положено эльфу, раз магистр обращался не по связному делу, а из любопытства и вредности. Но узнав, что требуется изготовить ловушку для тролля, всё же замолк и задумался. Кого эльфы ненавидели больше людей, так это троллей. Магистр ныл, что тролля упускать обидно. Шпионы донесли, что этой ночью в драконьей пещере появится тролль. И как засаду смастерить, если магистр толком не знает, что это за тролли, только слухи собирает, а эльф - союзник! - не говорит ничего, хотя это общий враг.

Эльф, наконец, сломался и неуверенно пропищал, что людям ничего и никого нельзя продавать. Даже троллей, но раз так нужно, то почему бы и не продать.

И эльф рассказал, что к троллю в темноте невозможно подкрасться и невозможно подкараулить. Тролль видит в темноте, как люди - днём, он слышит дальше людей в несколько раз, он вёрткий и шустрый, как ящерица. Он учует, услышит, увидит любую засаду - в снег, туман и метель, и всегда увернётся от человека. И ещё много в таком безнадёжном духе рассказывал эльф. Чем больше слушал магистр, тем больше хмурился.

Пропустив мимо ушей вывод эльфа, что тупой магистр быстрее лопнет, чем поймает тролля, тупой магистр вернулся к себе в покои, где зашифровал записку своему колдуну, после чего собрался было резво ускакать в деревню к своим дуракам за помощью, но тут его перехватила прямо у лошади хмурая принцесса Кристи. Она промямлила, что очень хорошо подумала над словами магистра, и решила, что тот прав. Обворовав его, она отнеслась к нему, как будто он родной муж. И магистр вправде разглядеть в её неудачной шутке нескромное предложение.

Эльфы перестанут её замечать, если она, в пример людям, будет врать и нарушать слово. Раз магистр так её понял, и раз она такая развратная, ей придётся теперь стать второй любовницей магистра.

Магистр выпучил глаза, и сказал, что сейчас рехнётся, у него есть вторая любовница, и вообще торопится, и даже ногу в стремя поторопился поставить. Но принцесса Кристи, дёрнув его за ногу из стремени, занервничала, покраснела, и сказала, что пусть магистр не врёт, у него всего одна любовница, она по запаху её всегда чувствует. Пусть ей магистр скажет, грязнule, чтобы мылась почаще, а то ей, принцессе, приходится тут нюхать всяких грязнуль. Это оскорбительно.

Хоть она и сожалеет, но своё нескромное предложение сделала, и магистр может ответить такой же нескромностью сегодня же ночью.

- А завтра нельзя? - затравленно осведомился магистр.

- Нет. - зло отрезала принцесса, и возмутилась, что магистр слишком рано принимает её за свою шлюху, которая всегда может подождать. Ну как, идёт?

- Нет, не идёт. - отрезал магистр, опять пытаюсь поставить ногу в стремя, и просительно сказал, что ему тролля ловить надо, тролль ждать не будет.

Принцесса вытаращила глаза и рот раскрыла, что ловить троллей для магистра предпочтительней. Это оскорбительно. Она важнее, чем тролль.

- Да, это так. - сказал магистр, - Но не всегда. Иногда важнее гадкий тролль. - И со скорбной, сожалельной рожой магистр заверил принцессу, что когда она будет постарше, то поймёт всю необходимость ловли гадких троллей в этой жизни, а сейчас пусть на слово поверит. И напомнил

принцессе её же слова, сказанные недавно за обедом в споре со старым королём, что любовь - это точно такое же бессмысленное дерьмо, как и всё прочее на свете. Так считают эльфы, не так ли? И здоровые люди, вроде принцессы - или она заболела?

- Нет. - хмуро сказала принцесса.: - Впрочем, это легко проверить.-

- Как это? - подозрительно спросил магистр.

Принцесса решительно сказала, что сейчас покрепче его обнимет, и нежно поцелует, и тогда сразу поймёт - больна она или нет. Если по прежнему на магистра будет наплевать, то она полностью здорова и рассуждает правильно. Тогда она важнее тролля, и магистру придётся остаться. -

С этими словами принцесса закрыла глаза и прыгнула на магистра, но тот был наготове и ловко увернулся.

Конечно, если бы Кристи не закрыла глаза, он бы нипочём не ушёл от ловкой и прыгучей принцессы, которой даже собственная кошка завидовала, но принцесса дура, застенялась, и потому так и брякнулась оземь, а хитрый магистр шустро вскочил на коня и стрелой вылетел со двора мимо часовых, которые усиленно изучали кто небеса, кто - собственный нос.

Магистр думал уже невесть о каких своих очередных подлостях, выбросив происшествие из головы, и потому даже удивился открытым ртам двух послушников, промелькнувших мимо. А им потом долго пришлось настёгивать лошадей, чтобы догнать магистра.

К вечеру они были уже в деревне. Такая необыкновенная быстрота передвижения готовилась весь день, едва магистр получил шифровку о тролле. Немедленно по дороге была отправлена конная сотня, и теперь через каждые две мили бешеной скачки магистра и послушников ожидали три свежие лошади.

Сэм и эльф бросили все дела, и занялись новым. Эльф заверил магистра, что тот тупой, раз надумал поймать в ловушку тролля, но магистру всё же хватило ума пообещать Сэму сто золотых за поимку, после чего он со спокойной душой тут же уснул за печкой.

А Сэм тут же побежал искать Вейна, который как всегда болтался по деревне, болтая языком. Вдвоём они надели на эльфа, и успешно - тот всё про троллей выложил, потому что уже испортился от общения с такими негодьями, как Сэм и Вейн.

Все трое час ругались, больше всех - эльф, но потом он перестал ругаться, и сказал нехотя, что тролля всё равно поймать невозможно, хотя вроде и не видно причин, почему бы и не поймать. Конечно, если жаровня хорошая, если ловчий кувшин сработает, и ещё много всяких если, и все сомнительные, кроме одного - если тролль достаточно жадный. Только в этом эльф и уверен. Все тролли невероятно жадные, а золото любят больше всего, испортятся от общения с людьми невесть сколько веков назад. Сами они колдунишки слабые, и потому вынуждены покупать у людей-колдунов всякую колдовскую всячину вроде заговоренной воды или железных спиц, переплавившая вдесятеро.

Сэм с эльфом выбрали в кузнице из кучи хлама подходящий по размерам, помятый кувшин, и Сэм принялся над ним орудовать.

Вейн же, объяснив кузнецу, что надо делать, уселся рядом с ним и принялся объяснять, как он неправильно работает, и кузнец испытывал большое искушение промахнуться молотком по наковальне, и как-то попасть по Вейну.

Когда же всё нужное смастерили, эльф с удовольствием разбудил магистра - так, как ему понравилось будить Алину и кузнеца, то есть провизжал в ухо с такой силой, что магистр, вскочив на ноги, треснул головой о притолоку, ухватясь за короткий меч на поясе. И вскоре угрюмая банда негодяев мрачно пропылила по деревенской улице, спеша поймать бедного тролля.

В пещеру пошли Сэм и Вейн, оставив магистра даже не у входа, а далеко за поворотом дороги, потому что эльф уж очень настрашал всех, что тролль учует. Всё учует - и то, что в пещере кто-то был совсем недавно. Для этого Вейн и раздул закрытую жаровню, полную углей, наставил трубу, и устроил таким образом замену воздуха с запахом. С улицы воздух по входу шёл в пещёру, и нагретый, вылетал в отверстие наверху, унося все запахи, и не оставляя ни сажи, ни угля для подозрительного тролля. Вейн стоял с жаровней на руках, болтал и глядел на Сэма, который, закопав ловчий кувшин в правом ближнем углу пещеры, собирал пыль и всякое дерьмо, присыпая вскопанную землю. Было около полуночи, когда они решили закончить своё вероломное дело, но прилетевший для проверки эльф заорал, что всё, всё воняет свежими Сэмом и Вейном, так что негодьям пришлось ещё два часа вытягивать воздух дурацкой жаровней.

Хорошо, что послушники, чуть не падая с сёдел от сонливости, вовремя привезли угля для жаровни. Закончили поздно, так что магистр усомнился - не видел ли тролль их копошения вокруг пещеры, однако когда этот тролль прибудет - к утру или сейчас - это только тролль мог знать, поэтому мерзавцы отошли к деревне на пару миль, и стали ждать, не разжигая костра и даже Вейну запретив болтать. Про себя магистр был уверен, что тролль успел их увидеть, но он ошибся. Тролль не мог их заметить, потому что нырнул в пещеру уже под самое утро. В записке, что доставил связной эльф к колдуну в лагерь желтяков, едва стемнело, магистр велел задержать тролля как можно дольше, и колдун так и сделал. Связной эльф, подлетев к шатру колдуна, сунул шифровку в прорезь на стенке шатра, и шифровка скользнула на ритуальное блюдо, всегда закрытое занавесью.

Такую срочную и рисковую связь магистр применял только в крайних случаях, в остальных предпочитая передавать приказы и получать донесения через купцов. Но тролль даже читать не умел, поэтому колдун, сидящий с закрытыми глазами, и изображая связь с будущим, решил рискнуть.

Он открыл глаза и сказал, что видит, но ему надо уточнить видение будущего другим способом.

- Хорошо. Я буду ждать. - пропищал тролль, который сидел на скамеечке, ёрзая и в нетерпении подпрыгивая. Колдун откинул занавесь, взял ритуальное гадательное блюдо и якобы наугад взял магистрову шифровку - она всегда отличалась цветом от прочих предсказательных записок. Тролль нетерпеливо напомнил, что ему обязательно нужно уйти сегодня ночью, чтобы переждать день в пещере дракона и быть в следующую ночь в Моховой горе. Он и ветки омелы уже к палочке прикрутил, и вообще всячески торопил колдуна, однако тот, хотя и видел будущее тролля, высказать его не рискнул, сверяясь с запиской магистра. Бормоча и кивая с глубокомысленным видом, колдун про себя расшифровал абракадабру, и с огорчённой рожой посмотрел на тролля. И мрачно сказал, что да - теперь всё стало ясно. На фоне тёмного круга ему хотелось идти направо, в угол пещеры, где мелькали жёлтые вспышки - это колдуну понятно. Если сегодня тролль доберётся до пещеры, то он обязательно найдёт золотой клад в правом ближнем углу пещеры. Это совершенно точное предсказание.

Тролль запрыгал от радости, противно вереща, и всё переспрашивал - ясно ли увидел это колдун? Тот заверил, что увидел это вполне отчётливо, но его беспокоит тёмный фон.

Что этот фон означает, он пока разглядеть не в силах, но может сказать, что это золото счастья

тролля не принесёт. Если бы фон был совсем чёрный - тут понятно, но серый фон означает какие-то сложности, неприятности, а также трудности и несчастья, которые проявляются только с течением времени.

Колдун так сказал не по хитрости, а по совести, из ненависти к магистру, потому что и впрямь видел серый фон в ближайшем будущем у тролля, к тому же мучился магистру хоть как напакостить, эдак незаметно, в то же время вроде исполняя его приказ. Да и тролля пожалел. Они немного подружились, и хотя тролль постоянно что-нибудь тащил у колдуна, от медной монетки до золотой, тот зла на него не держал - всё это виделось мелочью по сравнению с женой и детьми, что остались у магистра в городе, в заложниках.

Но тролль от природной жадности попросту отмахнулся от серого предупреждающего фона, сказав, что колдун так видит потому, что в пещере темно, и золото приносит только счастье. Особенно ему, троллю, и пусть лучше колдун посмотрит - много ли будет найдено золота, и брать ли мешок? Мешком тролль называл кисет для шифровок - заклинаний, который сам же и украл у колдуна, вывернул наизнанку и заверил, что это вовсе не его кисет, вывернутый наизнанку, а его личный, тролля, мешок для золота.. Колдун подремал ещё с пол часа с закрытыми глазами, потом ещё время потянул, долго выбирая записку с блюда, потом ещё дольше бормотал, и наконец, сказал, что ясно увидел - золота в кувшине столько, что и в три мешка не уберётся.

Тролля снова запрыгал от радости, дал колдуну за работу серебряную монетку, и пообещал дать золотую, когда золото найдёт, а потом на радостях, пока колдун выглядывал в будущем всякие дорожные мелочи, тролль проболтался, что и в Моховой горе его ожидает награда за хорошую весть.

Колдун мрачно возразил, что в лагере вроде ничего не произошло такого, что можно назвать хорошими, и опять уставился в будущее.

Тролля поёрзал, поёрзал, но пока сдержался, выслушивая предупреждение, что по пути в пещеру возможно нападение эльфа.

Ещё колдун советует не торопиться, а то заденет о камень и нос разобьёт, а с разбитым носом весть уже и не такая радостная покажется, чтобы за неё гонца награждать.

Тут тролль не выдержал и сказал, что с любым носом получит награду. Это радостное событие произошло не в лагере желтяков, а в горной деревне, где сбежал молодой дракон, которого так опасался Кий. Его захватил в плен один мерзавец по имени Сэм, и продал магистру. Теперь этого дракончика можно не опасаться. Война выиграна. Слава Я-Мо!

Колдун искренне усомнился, что у подонка магистра хоть что-то можно увести из-под носа, если он сам не захочет.

Но тролль возразил, что сомнений нет. Я-Мо хитрее, и потому запросил ещё одно подтверждения от засланного колдуна, который сообщил по мгновенной колдовской связи, как видел пожар и грохот, и что дракон сбежал, весь израненный, чтобы бесславно помереть.

Колдун искренне сказал, что магистр и колдуна наверняка купил, такая уж эта сволочь неугомонная - другие деньги всю жизнь копят, а этот всю жизнь людей копит, покупая их и не торгуясь. Колдун хотел внушить троллю хоть малость недоверчивости, но тролль ужасно обиделся и заявил, что любой тролль обхитрит хоть дюжину магистров, и вообще ему в дорогу пора. Он подскочил в угол шатра, достал оттуда ездовую палочку, фыркая на колдуна, и велел не мешаться со своими бормотаниями.

Ездовая палочка снизу густо была обвязана ветками омелы. Тролль зажал её между ног, присел на корточки, закрыл глаза и сосредоточился на колдовстве. Колдун с любопытством за ним наблюдал. Он никогда не видел, как передвигаются тролли на ездовой палочке, хотя рассказов слышал предостаточно. Ветки омелы распушились, раздвинулись наподобие павлиньего хвоста, и заискрились. Тролль задрожал и медленно приподнялся на вершок от земли, опираясь, казалось, только на веник из омелы, плавно скользнул вперёд, в щель шатра, и исчез в темноте.

Поддерживая в себе особое колдовское состояние, тролль понёсся над самой землёй по ночному лагерю, огибая костры, спящих солдат и часовых. Вскоре он понёсся над полем, изредка касаясь земли ветками омелы, которые сразу начинали искрить. Тролль поднимал голову и тревожно глядел в ночное небо. Из-за искр эльфы могли заметить его издали, и могли успеть перехватить, хотя он нёсся быстрее. Так уже случилось.

Трудно следить за набегаящими пригорками и за ночным небом, но светила луна, и тролль издали заметил металлический блеск на крыльях эльфа. Он резко свернул вправо и понёсся изо всех сил. Совсем рядом блеснула стрела, выпущенная эльфом, но не достала, воткнулась в землю. Тролль знал, что эльфы союзники дронов, но так далеко от города, да над ничейным полем, вовсе не рассчитывал их встретить. Эльфы совсем недавно повадились охотиться за троллями по приказу магистра, который давно хотел такого пленного. Он то и дело давал знать через колдунов о своём желании вступить в союз хоть с одним троллем. Конечно, тролли не дураки. Тролли продадут и предадут, хоть своих, хоть чужих, только денежки плати, и в другое время к магистру бы очередь из троллей выстроилась, но теперь, когда Моховая гора захвачена, ни один тролль не продаст своего короля.

Раньше, ютясь по горным щелям, трещинам и пещеркам, каждый тролль жил сам по себе, встречаясь с другими на тайных шабашах в полнолуние, когда они колдовали все вместе - так лучше получалось. Раньше троллю было наплевать на волю своего короля, который тоже ютился с десятком приближённых в какой-нибудь пещерке, и никого не интересовал. Но теперь всё по другому.

Теперь тролли получили Моховую гору, тёплую и безопасную, в чьей глубине тролли начали добывать рудное золото и серебро, медь и даже самоцветные камешки. Это заставило даже самых хитрых и независимых троллей принести клятву верности королю Барру. Моховая гора могла кормить и защищать троллей тысячи лет, и предавать короля Барра даже за очень дорого никто не рисковал - Моховая гора стоила дороже.

Конечно, теперь приходилось терпеть королевскую волю, если не успеешь от неё увернуться. Чтоб её всем поровну доставалось - за этим следили шесть дюжих самых крупных троллей, которые составляли свиту короля Барра. Они охраняли входы и выходы, и следили, чтобы тролли при добыче золота и всего прочего воровали по справедливости, сколько положено по воле короля, и отбирали, что оставалось. Король Барр нагло заявил, что это отобранное золото на самом деле не его личное, а общее, для всех троллей, и он даёт в этом слово, но ему никто не верил.

Нет ещё на свете тролля, который не врёт. Зато все старались заработать награду из этого общего золота. Тролль был уверен, что получит не меньше двух золотых. Может, и три - за такую радостную весть о смерти дракона.

Когда в лунном свете заблестели верхушки сторожевых башен, тролль резко свернул влево, и у конца городской стены прочертил искристый след по склону горы. Он петлял меж корней деревьев, треща искрами и шурша травой, изо всех сил напрягая волю - и быстро поднялся выше крепостных стен, что примыкали к скалам.

Преодолев их много выше по склону горы, тролль запрыгал вниз, рассыпая снопы искр, и вскоре петлял по лощинкам и впадинкам, огибая городские окраины и стараясь выбраться на горную дорогу как можно дальше от городской заставы.

Хотя колдун и обещал спокойную дорогу после перевала, тролль не доверял ему, потому что колдун пока неизвестно какой, хороший или плохой. Они ведь разные бывают. Подумать только, и жулики попадают. И ныряя в очередную лощинку, где любому эльфу легко устроить засаду, тролль резко тормозил в её начале, прислушивался, принюхивался и присматривался. Только у самой горной дороги решил рискнуть и проскочить лощинку без разведки, на предельной быстроте, и, как и предрекал подлый колдун, запнулся о камень и расквасил нос, а также ободрал рожицу, локти, спинку и всё остальное, что можно, прокатившись кубарем по каменной крошке. Чуть ездovou палочку не сломал - так разогнался. Проклинаю колдуна за прозорливость, тролль отыскал её и дальше, до самой дороги, хромал пешим ходом.

К счастью до дороги было недалеко, а уж по ней на метёлке скользить одно удовольствие - ровная, без камней. До пещеры добрался, уже когда светало, и не к тому входу, что освободил от камней Сэм в своё время, а к другому, тайному, по длинной каменной щели неподалёку. Тролль нырнул туда и мигом прошмыгнул по её извилистым переходам к цели. Прежде, чем вылезти в пещере, тролль выждал целый час, прислушиваясь, потом сунул в пещеру нос и ещё полчаса принюхивался, потом настала очередь глаз, но и они никакие засады не увидели. Тролль вынырнул из щели и обшнырял всю пещеру вплоть до выхода, где поставил сторожевой колокольчик, который звенел от простого движения воздуха. Не от людей - их за версту даже из пещеры можно услышать - а от эльфов.

Пока тролль копался в правом углу, колокольчик звенел два раза, и два раза пришлось нырять в щель - в первый из-за прилетевшего ночевать в пещеру жука, а второй раз из-за мухи. От злости за потерянное время тролль потратил его в пятеро больше, сбивая взглядом и жука со стены, и жирную муху из воздуха. Особенно долго возился с жуком. Сколько ни давил его взглядом, жук только почёсывался. Крепкий попался жук. Тогда тролль сбил его камешком и растоптал, долго на нём прыгая. Муха от пристального взгляда явно осоловела, снизилась - и тролль, ловко подскочив, метко треснул ей кулаком - муха аж затрещала, и брякнулась на спинку.

Тролль её съел, потому что проголодался, а узелок с едой потерял у дороги, когда споткнулся о камень. В третий раз тролля вспугнул шум на дороге от нескольких лошадей - мимо проехал небольшой караван купцов, и тролль послал им вслед тысячи проклятий, потому что наконец отрыл горлышко кувшина, но из-за шума пришлось снова нырять в щель. Дрожа от жадности, весь в пыли, тролль, наконец, вытащил грязную тряпицу из узкого горла кувшина, заглянул внутрь - и сердце его остановилось, а глазёнки так и вылезли на лоб от жирного блеска золотых монет. Это зрелище совсем лишило разума тролля, и его не насторожил свежий, совсем недавний запах из кувшина - запах человека, по которому следовало сделать вывод, что закапывался этот кувшин после предсказаний колдуна.

Хотя и такое может быть, но уж очень совпадение подозрительное.

Тролли - народ очень на подлости чуткий, и не взгляни тролль на золото, он бы ещё десять раз подумал, прежде чем притронуться к кувшину. Но тут сразу запустил ручонку вовнутрь, схватил пару монет, и тут же ручонка оказалась схваченной неизвестно чем, да так крепко, что и не вытащить. Тролль испугался, запыхтел, заёрзал, но капкан был сработан по принципу удавки, и чем больше дёргался тролль, тем сильнее стискивалась рука, так сильно, что вскоре тролль и дрыгаться перестал. Зато теперь он мог быть твёрдо уверен, что новый его знакомый колдун - очень и очень хороший, раз

так всё точно предсказал, даже насчёт неприятностей, что принесёт это золото.

И они только ещё начинались, в чём троллю очень скоро пришлось убедиться. Сначала зазвенел сторожевой колокольчик, потом послышались шаги, голоса, и в пещеру вошли Сэм и Вейн - два негодяя. Тролль скорчился и скрючился, и землёй себя присыпал, но мерзавцы сразу направились к нему. У Сэма в руках потрескивал смоляной факел, и Вейн сразу углядел в углу присыпанного землёй тролля, после чего потрясённо сказал Сэму, что "там кто-то есть". Злодей Сэм осветил тролля получше, обрадовался и сказал, что это, наверное, тролль. И наверняка тот самый ворюга, который украл у него несколько золотых, когда они с Вейном ещё и дракона не раскопали. Хорошо, что Сэм, помня об этой краже, догадался поставить в кувшин капканчик, а то бы паршивец и это золото уволок. Тролль злобно зашипел, надеясь напугать, и попытался убить обоих колдовским взглядом, как вредных мух, но такое было под силу разве что целому войску троллей, и негодяи не померли.

Вместо этого они хорошенько разглядели тролля, всячески обзывая, а Сэм даже прутиком хлестнул, требуя вернуть десять золотых монет. Вейн задумчиво сказал, что этого тролля, конечно, следует казнить, как вора, колдуна и шпиона, и вопрос только, как именно - зажарить, повесить, запороть или просто головёнку оторвать противную, пока он их не заколдовал. И потом в могилку, само собой, вколотить осиновый кол, как оно и положено при похоронах всякой нечисти. Лично он склоняется к тому, чтобы зажарить негодяя, и для пробы Вейн даже приблизил горящий факел так близко к троллю, что у того щетина на голове затрещала.

Тролль не выдержал и завопил. Сэм, остановив мучителя, сказал, что тролля поджарить - дело богоугодное, конечно, но украденного золота не вернёт. Тогда жестокий Вейн предложил попытать пленника, пока не скажет, где золото прячет, на что Сэм, подумав, возразил, что это тоже не годится. Может это не тот тролль, что украл монеты, а совсем другой, а у этого вообще никакого золота нет. Тогда он умрёт под пыткой, но всё равно не скажет, где золото, потому что нет его. Это может, нищий какой тролль. Поэтому он и помрёт молча, ничего не выдав про золото, как древний герой, и его ещё уважать за это придётся. А зачем его уважать бесплатно, покойника, если можно живого продать кому-нибудь задорого, и так вернуть украденные монеты. Хоть вот магистру.

Он давно троллей купить хочет, только они гордые, сволочи, и не продаются. Вейн сказал, что это хорошая мысль, если тролль бедный. А вдруг он богатый? Его надо побить, на всякий случай, авось да скажет - где золото напирял. Сэм согласно кивнул и взялся за прутик. После третьего удара тролль не выдержал, и завопил, что он бедный, очень бедный, а золото у Сэма украл другой тролль, который этим подвигом долго хвастал, и сейчас хвастает. Но если его отпустят, то тролль обещает и клянётся, что сегодня же приведёт этого ворюгу, и пусть с ним разбираются, хорошо?

На это предложение Вейн посоветовал ему заткнуться, а то в ушах звенит от визгливого голосишки, и добавил, что только совсем уж полный дурак может поверить троллю, чьё племя - так все говорят - славится вероломством и коварством. Наоборот, если тролль говорит, что бедный, это значит - он очень богатый, потому что тролли все вруны. Сэм послушно хлестнул богатенького тролля, и тот, сообразив, что к чему, завопил, что он богатый, очень богатый.

Тогда Вейн, подумав, сказал, что на этот раз он почему-то склонен поверить троллю. Они все вруны, но у этого рожа честная. Может, и не врёт, и впрямь богатый - хлестни его, Сэм, чтоб про золото расколосся. Сэм хлестнул. Нет, завизжал тролль, неужели они не видят, что рожа у него самая лживая на свете?

Сэм согласился, что скорее лживая, чем честная, но Вейн возразил, что это неважно. Если тролль

сказал, что рожа лживая, значит - она лживая, если это честный тролль. Но у честного тролля лживой рожи быть не может, следовательно, он врёт, и про лживую рожу врёт, значит, всё таки правдивый, и богатенький, и потому - бей его, Сэм!

Тролль визжал и отчаянно спорил, кто тут врун, и оба они с Вейном так вскоре запутались, что не разобраться. Но Сэм дело знал, и при каждом выводе Вейна о богатстве или бедности тролля, просто хлестал тролля без колебаний, не утруждая себя размышлением - кто из них прав?

Вейн, наконец, признался, что запутался, и теперь не знает, что это за тролль. Неправильный какой-то - кто такого негодного тролля купит? А магистру, наверное, богатый и честный тролль нужен.

Тролль попался на удочку, и тут же заверил, что он как раз такой, а магистр их просто озолотит. Но Сэм возразил, что богатый и честный тролль ему самому сгодится, и если продавать тролля магистру, то только бедным, и снова поднял свой хлесткий пруттик.

Тролль уже не знал, что говорить. От таких дураков у него ум за разум заехал, и он завопил дурным голосом на все вопросы и Сэма, и прутика.

Тогда Вейн сказал, что пора идти на дорогу стеречь магистра из города, и ушёл, злодей. Выйдя на воздух, Вейн дошёл до поворота дороги, где за камнем под кустиком дрыхнул магистр, жмурясь в лучах рассветного солнышка. Вейн доложил, что тролль пойман, раскаялся, созрел, и страстно мечтает продаться магистру.

И добавил такие подробности беседы, что магистр забеспокоился - не рехнулся ли ценный тролль.

Вскоре показалась группа купцов с охраной. Магистр остановив их и велел ждать, а сам, взяв двух солдат, пошёл за Вейном в пещеру. Тролль как раз заканчивал описывать доверчивому Сэму дорогу к огромному кладу, в тысячу золотых, нет, даже в три тысячи, косясь на позабытый пруттик. Увидев магистра, тролль заплакал от радости, а Сэм деловито предложил купить уже нищего, как ему и хотелось, но честного тролля, всего за сто золотых, и ещё за сто, которые тот украл раньше, итого - за двести. Тролль заикнулся о чём-то, увидел помахивание зловещего прутика, и тут же заглох, про себя восхищаясь таким наглым враньём, потому что тролли, если чем и восхищаются, то только обманом.

Магистр же, рассмотрев тролля, сказал, что тролль ему нужен, но только настоящий предатель, а этот, раз честный, и не продаст никого. Как честный тролль, он, конечно, будет хранить верность своему королю, ничего магистру не расскажет, и будет врать, или молчать. Так что смысла покупать и нет вовсе, пусть тролль остаётся лучше у Сэма и Вейна. Тролль аж затрясся от таких чудовищных домыслов магистра, и дар речи потерял, а когда обрёл, то горячо заверил магистра, что тот очень несправедлив и сильно ошибается, и что он, тролль, продаст и предаст вся и все, и вообще нет на свете более лживого и предательского тролля, чем он. Магистр в этом усомнился, и попросил, для проверки покупки кое-что продать, чтобы ясно стало - хороший тролль или плохой. Тролль заверил, что очень хороший, и очень дешёвый, всего двести золотых, и в ближайшие два часа продал магистру тысяч на десять разных секретов, прямо из логова Кия. Рожу свою магистр держал в руках, и тролль ничего не понял, хотя врал напропалую. Для магистра даже враньё было золотом, если такое явное, потому что мог сравнить и проверить с другими правдами и неправдами от множества шпионов.

Пока тролль предавал, Сэм откопал ловчий кувшин, отсоединил дно, и освободил шkodливую ручонку тролля, и тот не смылся в ближайшую нору, потому что Сэм, хоть и верил теперь в порядочность тролля, всё же прикрутил его сначала к тяжёлой деревянной дубинке, а с ней не очень то побегаешь.

Магистр запихнул эту дубинку в свою седельную сумку вниз головой, и сказал, что покупка состоялась.

Вскоре вся троица мчалась к деревне - тролль только повизгивал в душной сумке, потому что стучался головёнкой о золотые монеты, злобствуя на Сэма, что тот мало запросил - может, тогда и не стучался бы.

По прибытию в деревню связанного с дубиной тролля заперли в деревянный ящик, где он мог лежать и проклинать вволю свою горькую судьбину. Но такой возможности ему не дали - вскоре цепкие пальцы вытащили дубину из ящика. Магистр весело сказал, что он всё проверил, поспрашивал, и оказалось, что тролль всё наврал. До последнего слова.

Если уж не походить на вруна тролля, и уточнить, то ничего он не проверял, да и не собирался, потому что и так ясно, что тролль всё наврал. Но это мелочи, не так ли? Чего между друзьями не бывает? Хотя тролль может не согласиться, но магистр видит в будущем, как крепко они подружатся. И много ещё хороших слов наговорил магистр, пока два его подручных мерзавца молча и сноровисто развязывали тролля, замкнув его толстый животик в медный пояс, к которому была приделана длинная цепочка. Они принялись одевать его в толстые штанишки из кожи, такую же куртку и рукавички.

На голову надели медный шлем с прорезью для глаз, и магистр, одобрительно кивнув, сказал, что для друга тролля есть небольшая работёнка, за которую хорошо заплатят. Для этой работы Сэм протянул троллю восковую палочку, сказав, что эта дубина понадобится.

Тролль не успел опомниться, как очутился в яме выше своего роста - человеку по колено - прикрытую сверху деревянной решёткой, сквозь которую сверху магистр с дружеской улыбкой сделал козу на пальцах. В яме перед троллем находился низкий, по пояс троллю, подземный ход, да и сзади тоже. От кожаного костюма резко воняло сырым мясом, и ошеломлённый тролль только нос кривил, не в силах ничего понять. Но вскоре из подземного хода спереди послышался шорох - выскочила здоровенная крыса. Она сходу бросилась на тролля, ощерив зубы, и тому стало некогда размышлять о кознях магистра. Тролль метнулся в сторону, и крыса промахнулась. Она тут же бросилась снова, тролль треснул её мягкой дубинкой, споткнулся, и крыса оседлала его грудь.

Она ощерилась, завизжала, и вцепилась в кожу, но та была толстая, и тролль ничего не ощутил. Он сумел сбросить мерзавку и подняться на ноги, но тут из подземного хода выскочили ещё две крысы, и уже втроём они изрядно поваляли тролля, не обращая внимания на его вопли и удары дубинкой. Обмусолив его голодной слюной и изглодав дубинку, крысы убежали в другой проход.

Сверху магистр одобрительно сказал, что тролль работает от души, старательно, и уже золотой заработал. Монета шлёпнулась к ногам тролля. Это троллю понравилось. Нет, не такая работа, когда тебя крысы валяют и грызут, а золотой за это получить. Но, не успел тролль нагнуться за монетой, как из первого хода снова показалась крысиная морда, которая при виде тролля облизнулась и радостно заверещала. И - пошло дело. Тролль крутился как белка в колесе, но его всё время сбивали с ног - по двое, по трое на одного - трепали и убегали в другой вход. Всё новые и новые тройки крыс, но после каждой в пыль шлёпалась золотая монета, и тролль не знал - плакать или смеяться от радости, потому что хотелось и плакать, и радоваться одновременно, да некогда было. Наконец, его так истоптали, что он и встать не мог - лежал и пыхтел. И только тут заметил сквозь решётку рядом с рожей магистра небольшую фигурку эльфа. Тот смотрел явно нехорошо и неласково, как обычно смотрят эльфы на троллей, да и никак иначе смотреть не мог, хотя выражение лица скрывала тёмная

повязка. Магистр сказал, напротив, очень приветливо, что тролль явно устал, не хочет ли передохнуть, и не кажется ли ему слишком маленькой плата за такую работу? Тролль посмотрел на горку монет в углу, и с искренней жадностью ответил, что очень, очень мало - ведь всего истоптали. Магистр обещал платить больше, а потом обратился к эльфу - убедился ли он, что заколдованные крысы - грозные воины? Эльф промолчал. Магистр продолжал наставительно, что теперь эльф, наконец, станет помогать Вейну в колдовстве крыс, с этой его свистулькой, не так ли? Даже вот этот симпатичный тролль, и тот помогает. Правда, за деньги, но это же тролль, и было бы вовсе удивительно, если б помогал бесплатно в таком чёрном деле. Тут эльф проверещал, что тролли есть тролли, слов других нет, как их обозвать, их дерьмо и то лучше троллей, и тут же улетел, презрительно фыркая и треща крыльями.

Магистр склонился над решёткой, вздохнул, и сказал, что работа закончена, и теперь тролль может уходить на все четыре стороны.

Но, прежде, чем с него снимут цепочку, магистр хочет чисто по дружески, несмотря на всё враньё тролля, сообщить ему страшную тайну. На самом деле магистр - это не просто магистр, а имеет титул Великого Белого Мага, который сам же себе и присвоил.

Некому больше, кроме него. Он же Самый Великий. Потому что может точнее всех предсказывать будущее. Это ведь главное, а вовсе не те чудеса, что творят другие, чёрные колдуны и колдунихи, которых знает тролль.

Тролль уже понял, что магистр человек нехороший, ибо хорошими он считал, как и все умные люди, только тех, кого можно обмануть.

Услышав же слова о Великом Белом Маге, тролль понял, что магистр ещё и сумасшедший, но ничего не сказал.

Магистр, между тем, продолжал говорить, что за это и не любит, и вешает иногда колдунов, потому что путаются под ногами, хотя ему и в гвоздики на подмётки не годятся. Видеть будущее - это же главное чудо, и полностью им владеет только Господь, потому что сам его и творит.

За вычетом Его воли и по примеру Его также и магистр делает будущее своими руками - это единственный способ верного предсказания будущего в этом мире. Этим магистр и занимается постоянно с Божьей помощью, даже поесть некогда.

Тролль на это ответил, что тоже голодный, и попросил продать ему куриную ногу, жаренную, за золотой, но жестокий магистр пропустил просьбу мимо ушей, и сказал такое, что тролль весь аппетит потерял в мгновение ока.

Магистр скорчил грустную и торжественную рожу, прикрыл свои лживые глаза, как это делают колдуны, уставясь в будущее, и печально сказал, что ясно видит горе, и кровь, и смерть троллей в Моховой горе. Он видит их трупы, много трупов, они истерзанные и холодные. И видит торжествующих эльфов, которые запленили Моховую гору. Они весёлые и злые, шалят, играют и кидаются друг в дружку золотыми монетами троллей.

Сквозь прикрытые веки хитрый магистр углядел таки недоверчивую рожу тролля, и ласково заверил его, что это не бред, это совершенно точное предсказание. Тролль сам только что видел заколдованных крыс, и уцелел только благодаря панцирю из кожи, без которого его бы растерзали в два счёта. Эти крысы пойдут впереди штурмовых стай эльфов. Их будет много, очень много, тысячи.

Серыми потоками они зашуршат по ходам и тоннелям Моховой горы, а над ними будут лететь невероятно злые эльфы, сея смерть отравленными стрелами, и добивая раненых острыми мечами.

Троль хотел что-то сказать, но не смог, и сел в пыль от потрясения. Он вдруг понял, что так и случится. Обязательно. Всё его будущее, и будущее троллей рассыпалось в прах. Магистр сочувственно заметил, что пощады от эльфов ждать не приходится, потому что - троль знает, почему.

Да, это троль знал. Если раньше эльфы просто презирали, не замечали и старались не связываться с троллями, то после коварного захвата Моховой горы - не было большего врага для эльфа, нежели троль. Разве только люди. Тот огромный лесной пожар прошлым, невероятно сухим летом, предсказали колдуны Кия, как и то необыкновенно сухое и жаркое лето. А устроили этот пожар дюжина шпионов Я-Мо, которые тогда вовсю резвились под видом купцов по всем окрестностям, не опасаясь верёвки магистра. Из-за такого подарка король троллей и стал союзником желтяков, и относительно честным, что для тролля просто невероятно. Но Моховая гора стоила честности. Королю троллей сообщили, когда, где и что случится, поэтому он, собрав в нужном месте в нужное время всех троллей, кого сумел, захватил Моховую гору.

Едва поднялся предсказанный ветер и чуть приподнял над землёй плотный покров дыма, тролли ринулись к Моховой горе. Они успели раньше эльфов, гораздо раньше, и когда вернулись эльфы, все лишние входы были завалены, а в свободных были устроены насыпи таким образом, что влететь нельзя - только пешком, а уж в пешем поединке тролли были гораздо шустрее.

Всё же разъярённые эльфы сумели пробиться в один из залов, как называли пещеры внутри, но потери оказались столь велики, что король Ри прекратил штурм. На каждой насыпи осталось по трое-четверо эльфов, редко - с одним мёртвым троллем.

Но если на стороне эльфов выступят тысячи крыс, тролли обречены. Магистр подбодрил пленника, сказав, что ему, как настоящему троллю, интереснее, конечно, собственная судьба.

И тут магистр, как Великий Маг, может предсказать её троллю по разному, ибо чувствует ну просто необъяснимую дружескую симпатию. Может предсказать смерть - долгую и мучительную, что приключится совсем скоро. Но магистр может предсказать, по знакомству, и наоборот. Очень радужное будущее, в цвете золота, силы и власти над прочими троллями. Иначе говоря, корону троллей, весь золотой запас Моховой горы, да и саму гору - чего не сделаешь для друга. Если троль, конечно, примет дружбу магистра. В этом мире нужно иметь как можно больше друзей, чтобы уверенно предсказывать будущее. Магистр поможет троллю предсказать своё счастье и славу, ну, и троль, как настоящий друг, тоже исполнит мелкие просьбы от друга магистра, не так ли?

Ну, там, мимоходом Кия отравить, и прочую мелочь. А?

Троль был сильно истоптан, и ошарашен мрачными словами, и потому обычная хитрость ему отказала.

Троль никак не мог сообразить - что именно соврать, и тупо стал жаловаться, что крысы просто невозможные. Таких крыс в природе нет, которые на троллей нападают. Это колдовство немыслимое.

Магистр раздражённо ответил, что именно так скажет король Барр, выслушав донос тролля. Но магистр - это Великий Маг, а не какой-то раззява. Лучше с ним дружить, а не то предсказание о мучительной гибели сбудется. Магистр отпустит тролля на все четыре стороны, потому что троль ничего плохого не сделал, кроме кражи, но магистр его прощает, как и подобает христианину.

Убьют беднягу вовсе не эльфы - умный тролль смоется из Моховой горы перед штурмом. Убьют тролля свои, загонят, как суслика, и замучают - но вовсе не за то, что тролль продал Моховую гору. За такую подлость невероятных размеров тролли могут только уважать. Пусть и в глубине души. Хотя и обидятся за такую вселенскую пакость - сдать эльфам родную Моховую гору. Вот сволочь, скажут, продался магистру и нанялся обучать крыс - целое войско обучил. За несчастные несколько монет обрёл на страшную смерть в казематах Моховой горы своих проданных соплеменников. Всё это эльф расскажет уцелевшим пленным. Он подтвердит своим словом, что тролль обучал крыс, как магистр за это платил, и как тролль торговался ещё, что мало. А эльфы не врут - этого даже тролли не оспаривают.

Одним словом, все уцелевшие тролли примутся охотиться за предателем. Не столько даже из ненависти, а сколько по более близкой сердцу тролля причине - чтобы захватить золото. Ведь все знают, что эльфам золото не нужно. Значит, они отдали его предателю. За возврат Моховой горы. Согласно договора. Целую кучу золота. Огромную. Бедный, бедный, бедный тролль. Магистр ясно видит, сквозь слёзы жалости, как в будущем его рвут по маленьким кусочкам, очень долго и бережно рвут, чтоб не помер. Очень и очень долго, впрочем, тролль и сам вскоре убедится, что - ну уж очень долго.

Этот язык угроз и неприятностей быстро привёл тролля в чувство.

А реальность видения магистра привела тролля в ужас. И когда магистр утомлённо поинтересовался - не родной ли троллю этот Кий, если он его травить не хочет, ошавший тролль завопил, что нет, далеко не родной, а был бы родной - тролль бы продал его, не моргнув глазом, и отравил бы хоть сто раз, и куда дешевле, чем не родного, потому что родному к чашке пролезть легче. А сам тролль очень хочет подружиться с магистром, он с детства об этом мечтал, и ради такого друга он кого угодно отравит.

И Кия - с радостью, да только так охраняют, что хоть лопни - а не подступишься к чашке. И пусть магистр поручит своему новому лучшему другу чего-нибудь выполнимое, а тролль уж в лепёшку коровью расшибётся, и наспионит, и навредит до невозможности, и чего только ещё не сделает ради друга.

Всё это высказал тролль очень горячо, и даже ручки клятвенно на груди сложил. Вся соображалка мигом вернулась, и тролль даже не пытался врать, потому что знал - никто из троллей ему не поверит. Конечно, поверят эльфу, потому что сволочи эльфы из презрения ко всем и впрямь никогда не врут, и его, бедного и неповинного тролля уж точно выловят, вынюхают по следу, и порвут - в клочки.

Но магистр, выслушав тролля, усомнился, что тот искренне проникся дружескими чувствами. Уж очень долго не проникался, а тут вдруг - на тебе. И для доказательства дружбы принялся спрашивать - а почему это какого-то Кия - и отравить нельзя, на что тролль честно продал всю систему охраны, всех продал из шпионов Я-Мо, кого знал, продал систему брошей-пропусков, систему предсказателей, и долго ещё продавал, до темноты, надеясь вернуть дружбу магистра. Они с магистром и перекусить успели куриными ногами между вопросами, запивая вином - магистр из кружки, тролль из напёрстка Алины, и чокнулись даже кружкой и напёрстком, а магистр всё сомневался, всё спрашивал, так что тролль отчаялся, и не знал - не заплакать ли от досады, уж очень магистр недоверчивый попался, троллю на слово не верит.

Всё же тролль, видимо, убедил магистра в своих дружеских чувствах, потому что тот принялся

чесать в затылке и неуверенно сказал, что ладно, убедил. Так значит, всё-таки друг?

Троль завопил, что конечно - друг, и пусть магистр объяснит по дружески, как сможет предсказать ему корону троллей, золото Моховой горы, ну, и прочие мелочи. Он, конечно, верит другу Великому магистру, но после резни в Моховой горе не останется ни власти, ни короны, ни вообще ничего и никого - все уцелевшие тролли разбегутся, не собрать. А золото эльфы из вредности не отдадут. Про Моховую гору и не спрашиваю. И троллю просто интересно, как его Великий друг такое чудо сотворит. То есть предскажет.

-Мы сотворим вместе. То есть, предскажем. С Божьей помощью...- заверил магистр. И тихим, панибратским голосом, часто оглядываясь, магистр рассказал, что старый король эльфов Ри никак не хочет с ним дружить, и магистр давно хотел заменить его другим.. Но как?. Просто счастье, что у магистра появился новый друг, тролль, который поможет в этом. Он будет знать стараниями магистра день и даже час крысиного нашествия, будет знать и цвет одежды короля Ри, и уж место, откуда друг тролль пошлёт меткую стрелу в этого строптивного и неприветливого короля, сподручнее выбрать самому троллю. Кстати, нового короля эльфов тролль только что видел. Об этом предсказании ему говорить не нужно, Главное, знают магистр и его маленький и верный друг. А с новым королём договорится магистр.

Послав за эльфом одного из солдат, магистр спросил - как будем называть день Возмездия? Магистр видит, что он будет красный от крови троллей - красный день? Нет, для секретности лучше назвать Красной Террой. По латыни это день красной земли. Никто не догадается. Троль тут же сказал, что ждёт не дожждётся дня Красной Терры.

Когда прилетел заспанный эльф, магистр объяснил, что новый друг и союзник тролль продался не за те жалкие денежки, что видел эльф. Он продался за золото Маховой Горы, которое захватят эльфы. И не верит магистру на слово, что похвально, а требует, чтобы эльф дал в этом своё Слово. Этого ему достаточно, после этого он согласен рьяно вредить и шпионить во славу короля Алана.

Эльф завопил, что и тролль и магистр сволочи, раз посмели разбудить его из-за такой ерунды. Захваченное золото принадлежит королю Ри. И стал обзывать их по всякому, повторяя всё, что слышал от пьяных солдат. Троль свернулся калачиком и сделал вид, что уснул.

Магистр заверил, что договорится с королём Ри, и тот передаст золото эльфу. Тот ещё немножко пообзывался, но потом сказал, что ладно, он обещает отдать придурку троллю всё то золото, что будет в его распоряжении после штурма.

Троль мигом проснулся, а магистр сказал, что честному троллю негде будет хранить золото, кроме Моховой горы, потому что все тролли будут преследовать беднягу, чтобы убить и отобрать это золото. Поэтому пусть эльф обещает, что разрешит проживание троллю в Моховой горе, в самом низу, в рудниках, словом там, где эльфы никогда и не жили, а иначе первое обещание не имеет никакого смысла, иначе и золото троллю обещать и не стоило.

Эльф завопил, что такое может разрешить только король эльфов Ри, и снова стал вспоминать солдатскую ругань. Троль сразу уснул.

Магистр сказал, что постарается уговорить короля Ри дать такую власть эльфу - разрешить проживание тролля. А эльф должен дать слово, которое требует тролль, и всё. Эльф перестал обзываться, и сказал, что ему лично наплевать на тролля. Если он такой ценный союзник, хотя это и сомнительно при такой мерзкой роже, то он, эльф, даёт Слово, что разрешит троллю жить в

катакомбах внизу вместе с золотом, если это будет во власти эльфа.

Троль сразу проснулся, а магистр сказал, что есть ещё мелочь - у тролля есть помощники, верные предатели, родственники, дети, или кто там у них, троллей, свои тролли, словом, и эльф, не дослушав, заорал, что даёт слово, согласен, пусть и все, кто этому мерзавцу союзнику свой, живут в своих проклятых катакомбах со своим проклятым золотом.

Магистр, услышав это, тут же извинился за беспокойство и пожелал приятных сновидений. Эльф тут же улетел отдыхать.

Троль запрыгал от счастья. Подлость и хитрость магистра привели его в такой восторг, что он завизжал, но магистр малость остудил его, сказав, что судьба тролля - в его руках. Если он сохранит верность и будет честным, то предсказание магистра о счастье тролля непременно сбудется. Магистр предсказал, что в его силах. Осталось и троллю предсказать своё будущее.

Магистр долго ещё обговаривал всякие шпионские мелочи, надавал много шпионских заданий, а потом вызвал Вейна и велел быстренько доставить тролля к пещере, где поймали, и там отпустить.

Вейн заворчал, что ночь на дворе уже, а он не эльф, чтоб в темноте видеть, и лошадь его на эльфа непохожа, но магистр уже ушёл.

Действительно, день закончился незаметно, и на землю пала тьма, в которой Вейну ездить не нравилось. Он постучал по ящику, в котором тролль улёгся почивать, назвал его мелкой дрянью, и велел смотреть в дырочки на дорогу, и вопить, если конь будет съезжать с неё. Луна только через пару часов взойдёт, на небе тучи, и ни черта не видать.

Сэм принёс из кузни раскалённый прут, и мигом истыкал ящик. Троль вопил от страха, чихал от дыма, и грозился всех заколдовать, если немедленно не выпустят, но Вейн сказал, что выпускать не велено, терпи, нечисть, и тролль от злобы поклялся покрыть его всего прыщами, поклялся самой страшной клятвой, а именно - "пусть я больше никого не обману", ибо обман и подлости - единственные радости в жизни тролля, кроме, может быть, золота, жареного мяса, сладкого вина и ещё многих подобных вещей. Но деваться некуда, и тролль, вместо мечтаний, что повезут его к пещере, как в карете, был вынужден сидеть в ящике на карачках, смотреть в дырки, воняющие горелым, стучаться головёнкой о стенки, и ещё орать злому Вейну, что- левей! левей! Справа камень, да куда прёшь?! -

Только у самой пещеры, наконец, взошла луна, и обессиленный тролль упал на толстый животик, мечтая отдохнуть, но его тут же бесцеремонно вытрясли из ящика, и он шмякнулся в дорожную пыль.

Вейн, зевая, сказал, что вот вход в пещеру, кругом спокойно, а он возвращается, желая удачи новому союзнику. И кинул в пыль заработанное троллем золото. Троль мигом забыл про обещанные чирьи и кинулся собирать монеты, перетаскивая в пещеру и пряча их по норам. Так бы Вейн и уехал безнаказанный, без единого чирья, и тогда были бы правы те, кто утверждает, что нет в мире справедливости, однако они всё-таки ошибаются, потому что Вейн задержался с отъездом, но не в ожидании справедливости, конечно, а просто пожрать захотел. И выпить, конечно. Он выудил из седельной сумки бутылку вина, заглотив её, а потом отправил следом кусок сыра, кусок мяса с чесноком, в особой подливке от Алины, и потом - получил от тролля сполна.

Спрятав последний золотой, тролль взгромоздился на каменную осыпь так, что оказался на одном уровне с рожей Вейна, которая чавкала последками мяса, и радостно завопил, что за все обиды и

измывательства сейчас наколдует Вейну прыщи и чирьи, да так щедро, что те покроют его с головы до пят, а самый огромный чирей - на носу. Тролль напрягся, мысленно представил все эти чирьи, и начал колдовать, но Вейн, миролюбиво почёсывая нос, сытно спросил - а будут ли чирьи на пятках?

Ему это интересно, потому что на пятках их никогда не бывает.

Довольный тролль снисходительно ответил, что весь Вейн покроется чирьями, кроме, конечно, пяток - только и всего.

Вейн тут же вспомнил, что на языке тоже чирьёв никогда не бывает, а также на ладонях.

Тролль милостиво разрешил страдальцу и эти послабления, но Вейн уличил тролля во вранье, сказав, что надо было сказать точнее - Вейн покроется чирьями в некоторых местах, и далеко не весь, потому что ещё места имеются, где чирьёв быть не может.

Тролль уже не так уж ласково согласился, что Вейн покроется чирьями далеко не весь, ладно, раз так ближе к истине. Он надеялся разойтись полюбовно, не вполне понимая, с каким дураком и негодяем связался. Мерзавец спросил, где именно на роже, очень для него красивой, вскочат чирьи, и пальцем стал показывать - тут, или чуть правее? - беспокоясь за свою красоту очень искренне и задушевно.

Тролль, конечно, не мог точно указать - где вскочит очередной чирей - тут или чуть левее. Он обозлился, и заявил, что не знает, где чирьи точно будут, но что будут точно - это он знает.

Однако Вейн, разнеженный вином, продолжал болтать языком, вместо того, чтобы убраться от покрытия чирьями. Надо сказать, что болтовня - единственное дело, которое ему нравилось, и бедный тролль вскоре был вынужден согласиться, что точного числа чирьёв тролль тоже не знает, 895, 165 или вовсе 23. Может, даже 22, или меньше, или совсем один - и такое может быть. Но тут тролль упёрся - на носу, и огромный, чирей точно будет.

Но вскоре оказалось, что тролль не знает размеров этого чирья - или с ноготь, или с ячменное зерно, или с пшеничное, или ещё меньше? С маковое?

Тролль занервничал. В самом деле, проклятые чирьи - какие захотят, такие и вырастут, но болтуну и этого не показалось достаточным. Он захотел узнать - когда именно чирьи вскочат? Сейчас? Чуть погода? Когда чуть погода? До утра? До завтрака?

После обеда? А если не обедать?

Тролль зарычал, чтобы мерзавец убирался восвояси, и поживее, но негодяй только меланхолически удивился, что это за колдовство такое, самому колдуну непонятное. Не сбрендил ли тролль? И стал расспрашивать о глубине залегания чирьёв и прыщей, на что тролль, запрыгав от злости, заорал, что он, хоть и маленький, но глотку перегрызёт, если Вейн сейчас же не уберётся, хоть с чирьями, хоть без них.

Вейн тронул лошадь, и она отъехала, косясь на вопящего тролля.

С безопасного для глотки расстояния Вейн тут же поинтересовался скоростью созревания прыщей, их цветом, а также формой, на что осатаневший тролль стал швырять в него камешками, визжа, как девчонка, очень противно и некрасиво, так что Вейну и впрямь ничего не осталось, как убраться..

Но колдовство сработало - один чирей всё же вскочил. Именно на носу, как и указывал прозорливый тролль. Утром Вейн увидел его в зеркальце, но Гельда сказала, что это не чирей, а невесть что. Сэм

вообще чирей не заметил, сколько ни высматривал, хотя Вейн прямо пальцем показал на злое колдовство.

Очень жаль, что Сэм не увидел того огромного чирья, что вскочил на носу тролля, когда тот добрался в Моховую гору - Сэм наверняка уверовал бы в колдовство. Огромный, жёлтый - тролль об этот чирей то и дело спотыкался, если опускал нос - вот какое сильное колдовство.

Но Сэм этого не увидел, и потому поверил Вейну, что крохотный пупырышек на носу - и есть вся сила колдовства в чистом виде. Прав магистр, не стоит этакой ерундой голову забивать, если у Сэма колдовство куда могучее и надёжней - как вдарил - так и сплющил. Сэм даже загордился, а вот Элиана только фыркнула, и ушла, не слушая болтуна, и зря Вейн говорил ей вослед, что всё её колдовство - настолько, насколько люди в него верят. А если им не захочется - то и по роже можно получить, что происходит с колдунами весьма часто. Но Элиана только усмехалась, уходя зарабатывать своим ненадёжным колдовством очень надёжные денежки.

Это своё - пусть с маковое зёрнышко - колдовство девица к этому времени вырастила до такой величины, что Сэма грабить ленилась, предпочитая отбирать деньги у своих земляков, не как грабитель, по честному, а излечивая людей в напарниках у колдуна-желтяка, нагревая всё, что колдун не скажет, и поджигая, что хочется.

Не слушая дурака Вейна, эта сытая кобыла Элиана, сладко потягиваясь после сна, направилась к своему колдуну-желтяку, нисколько не боясь гнева магистра. Конечно магистр колдунов не жаловал, но и жизнь - штука подлая, так что пришлось магистру за колдовство ещё десять золотых накинуть Элиане. Вернее, за обучение колдовству у желтяка, а ещё точнее - за шпионство и догляд за этим злыднем. И Элиана, втеревшись успешно к нему в доверие, усердно училась лечить людей и прочим подлостям у проклятого. И шпионила, но пока без особого успеха.

Однако сегодня колдун, как не скрывался, но вынужден был проявить свою изменчивую душонку, так что повезло терпеливой девице.

Вначале битых два часа он с Элианой лечил какую-то хворую бабку - колдун колол иглами, а Элиана грела руками, но потом солдат, что всегда сидел в комнате колдуна, разморился и уснул. Колдун тут же отпустил бабку восвояси, и завёл с ученицей тихий разговор - как ему одиноко, да как его никто не любит, бедного. Элиана помнила, что магистр обещал ещё двадцать золотых прибавки, если она сделается любовницей этого старикашки, но это ей показалось маловато - у Сэма удавалось стянуть гораздо больше. Он же дурак, вдруг обидится, да и заведёт новую подружку, узнав про шашни с колдуном. Может, правда, и не узнать, но рисковать так дёшево Элиана не хотела. И потому не пустила выше коленки ласковую ручонку колдуна, только жеманилась, да выспрашивала о лечении, показывая всем видом, какая она верная Сэму и как дорого стоит.

Колдун, хотя и старый, но здоровенький, сначала запыхтел, а потом принялся колдовать, потому что вроде и помолодел, и симпатичный такой стал, просто лакомый кусочек. Но Элиану после столь долгого знакомства с двумя дураками колдовством было уже не прошибить, и все колдовские флюиды желтяка к нему и вернулись. Ему показалось, что Элиана засияла, как солнышко. Ручонки его затряслись, и колдун зашипел, что он богатенький, и у Кия в почёте, а после победы желтяков Элиана будет самой любимой из всех восьми его жён. Конечно, это заинтересовало корыстолюбивую девицу. Не то, что любимой женой будет, а что желтяк богатенький. И она сказала, что все обижают бедную девушку, и никто не любит, а лучшая подружка даже крест серебряный из-под носа увела. Желтяк мигом перестроил флюиды и прочую тактику - про жён забыл, про любовь тоже, и давай про будущее

богатство соловьём разливаясь, и пообещал через два дня подарить Элиане ларец серебра, чтобы крест в кузне сплавил, в подарок. Однако купца, что серебро привезёт, придётся встречать ей - не выпускают его злые охранники доброго магистра.

Конечно, Элиана согласилась сбежать за подарком, и позволила ручонке ещё кой-где погулять, а колдун, пытаясь, словно в гору взбирался, попросил заодно запомнить, что купец скажет, ладно?.

Но тут Элиана забоялась, и спросила - не шпионство ли это? За него ведь магистр вешает, и не за ногу, а за шею, но колдун на это ухитрился даже шёпотом, но рассмеяться, после чего доверил страшный секрет, как будущей восьмой жене, что он лично уже невесть сколько дней, как проданся магистру, и потому это вовсе не шпионство, а наоборот. Чтобы Элиана не боялась, желтяк ещё два золотых для храбрости готов добавить.

Но тут охранный солдат некстати проснулся, и ручонки колдуна убрались восвояси, так и не получив от девицы шлепка за рьяный разгул, где не надо, а сама Элиана ушла и сразу же вероломно продала всё магистру, получив в награду золотую монету.

Как добрая девушка, Элиана попросила не сразу вешать колдуна, хотя он и явно проявил свою лживую рожу. Она очень надеялась ещё вытянуть из колдуна немножко металла, но магистр, казалось, и вовсе на колдуна рукой махнул. Пожал плечами и ускакал в город, оставив всё на послушника Кроя, а тот равнодушно велел дальше шпионить, и всё. Ну, предатель желтяк -и что? Вешать за это, что ли? - так и спросил Элиану послушник Крой. Такое безалаберное отношение к шпионскому делу удивляло, надо сказать, не только Элиану, а вообще всех, кто имел дело с магистром. Кроме короля Алана и Я-Мо. Король Алан давно рукой махнул на магистра, не в силах разобраться в его кознях.

. А вот Я-Мо очень обижался на магистра и даже злобствовал за этакую подлость, чтобы шпионов не вешать, а перекупать на свою сторону. В начале военной кампании Я-Мо был счастлив, что магистр попался недотёпа, и с достоинством докладывал Кию, сколько шпионов удалось за неделю ободрать и выставить на кольях кормить ворон, мимоходом при этом упомянув, что среди наших шпионов потерь нет, все живы- здоровы, и бойко докладывают, что делается в столице дронов, её окрестностях, и даже про то, как на завтрак принцессе подали только листы капусты, вот дура, а? Но постепенно Я-Мо осознал подлость магистра. И стал жалеть, что шпионы живы, потому что потерял понятие - кому из них можно верить. Он не мог уже понять - кто врал, а кто говорил правду.

Это подозрение, подобно скрытой болезни, долго не проявлялось, но благодаря случайности вся глубина низости магистра открылась, как открывается при вспышке ночной молнии вражеский отряд, окружающий лагерь. Тогда король троллей Барр сообщил, что нашёл проход в горах, милях в десяти от города. Правда, сложный и опасный, но пройти можно, если с отвесной скалы тролли опустят верёвочную лестницу в единственном пригодном месте. Но лучше бы это сделали шпионы, потому что верёвочная лестница потребует чуть ли не половину троллей для доставки её на место.

Я-Мо через купцов- шпионов нашёл старика, что помнил дорогу к этому месту.. Кто ошибся -шпионы с этим перекупленным стариком, или сам Я-Мо с этими перекупленными магистром шпионами, выяснить не удалось, но эта ошибка обошлась в пятьсот отборных головорезов. Они поднялись через перевал, а прилетевший связной голубь принёс записку, что всё в порядке, дорогу к городу готовы перекрыть и удерживать в удобном месте. А через два дня вернулся чудом уцелевший воин, весь израненный, и рассказал Я-Мо о засаде в узком ущелье, о настоящей бойне, в которую попали бойцы. В узком ущелье их буквально засыпали стрелами, копьями и камнями. К счастью Я-Мо, в

горах случилась сильная буря, которая позволила свалить на неё гибель удальцов. Но сам Я-Мо на погоду кивать не мог - шпионы по прежнему присылали радужные вести. Всё чудесно, ждут обещанную тысячу в подкрепление. И готовы перекрыть горную дорогу, едва войска Кия пойдут на штурм. Я-Мо пришёл в ужас, осознав, что все его шпионы перекуплены. Или почти все. Я-Мо удалось скрыть свой провал и не попасть на кол, но вся подлость магистра дошла до него, агнца Божия по сравнению с магистром, исчадием ада.

При мысли о том, что израненный солдат мог бы не дойти, Я-Мо пробирала холодная дрожь. Неудачный штурм, долгая осада, конец торговли, голод в лагере, смута, брожение и бунт, в то время, как столица дронов отлично бы снабжалась и продовольствием, и припасами, и наёмниками. Точно - сидеть бы Я-Мо на колу с ободранной кожей, если б не спасительный солдат. Образно говоря, Я-Мо оглох и ослеп, не зная, что делается в столице дронов. Он перестал верить даже самым верным шпионам.

Всю шпионскую сеть пришлось бы заново восстанавливать, а на какие деньги, интересно?

Для Кия новые расходы Я-Мо объяснить не мог, и понял, что кола всё равно не избежать. Если не убежать. Я-Мо начал усиленно проталкивать в голову повелителя спасительную идею - послать его через перевал в Европу. Я-Мо наберёт там наёмное войско, которое перекроет снабжение города, и начнёт осаду с той стороны. А пока утешался тем, что лично сдирает кожу со шпионов магистра специальными железными щипцами. Некоторое время их было легко ловить - всякого, кто доносил о героях, оседлавших горную дорогу в тылу дронов, можно было смело посыпать солью и сажать на кол.

Я -Мо понимал, что отдал магистру в тайной войне передовую линию,. Затеять что-то серьёзное, вроде восстания колдунов или перекрытия дороги для Я-Мо было теперь невыполнимо.

Однако была и вторая линия - те шпионы, что осели в свитах и окружении мелких королей и прочих нужных лиц по всей Европе. Они прошли мимо магистра, которого тогда здесь просто не было. Им можно было верить. Они помогут в захвате Европы после падения города. Но почему бы им и сейчас не поработать, раз такая заминка вышла с этим захватом?

Кий одобрил план, ибо другого верного способа пока не нашлось. Город надо брать. Без окружения это представлялось вообще невозможным. Я-Мо сумел бы набрать войско в Европе через своих шпионов - чистейших наёмников, которым плевать, за кого воевать - лишь бы исправно платили.. В крайнем случае перекроют снабжение столицы дронов.

Конечно, предлагая такой план, Я-Мо рисковал. Кий далеко не дурак, мог подытожить деяния Я-Мо и придти к выводу, что тот попросту проиграл магистру тайную войну. Стоило только припомнить все неудачи, на которые у Я-Мо нашлись оправдания. И сложить их. Затея с Большим драконом провалилась. С сынком - дракончиком - провалилась. И с разбойниками, что купцы щедро вербовали по ту сторону. И пятьсот отборных воинов затерялись. Восстание колдунов, где оно? Не вспоминая прочие мелочи.

Я-Мо не винил себя, что на этого мелкого магистра времени не хватило. Ну, проиграл здесь, так ведь в будущее глядел. Кто ж знал, что придётся задержаться так надолго? И что конница - основа войска - будет бесполезной при штурме городских стен?

. Конница желтяков по воинским качествам превосходила конницу Европы.. Но бои за королевство дронов показали, что этого мало. Конечно, преимущество массовых конных атак давно себя

показало, однако тут они разбивались о преимущество железного строя и железной дисциплины солдат, когда вместо людей появляется как бы единый, страшный зверь, весь в чешуе щитов и клыках копий, и зверь этот способен менять форму, затягивать бреши, пробитые неприятелем, растекаться по равнине и собираться в железный кулак.

Желтяки привыкли воевать по другому, решая исход битвы одним первым, слитным ударом, в основном конном, где и решался исход битвы. Поэтому Кий был неприятно удивлён битвой на нижней равнине, которая растянулась с перерывами на двое суток и завершилась отходом дронов, которых даже не преследовали из-за совершенно диких потерь и полного расстройств войск. Дроны отразили первый, самый страшный удар конницы, рассеяли и второй, и третий, и пятый. Они меняли уставших солдат в первых линиях фаланги, они быстро затягивали бреши и возможные разрывы в своём строю, они быстро разворачивали фронт при фланговых охватах, а отсечённые части мигом стягивались в железный кулак, который мог ползти по вражьиим трупам в любом приветливом ему направлении.

Кий не повёл в этот раз войска лично, и хорошо сделал, послушав накануне карканье колдунов и предсказателей. Скорее всего, сложил бы голову в той дикой мясорубке. Дронам удалось отойти к городу в боевых порядках, а король Алан нагло отступал позади войска, даже не оглядываясь. Даже конь его не оглядывался, настолько в порядке отступили дроны. Я-Мо бесился, шпионы доложили об отсутствии подкреплений - не имелось в городе резервов, и дело можно было решить последним одним ударом.

Но Кий так и не смог собрать побитое и замученное войско.

После отступления дронов за городские стены Кий решил заново обучить и пехоту, и конницу. И перевооружить, но главное - Кий решил полностью перестроить войско по европейскому образцу, заменив племенное строение войска, где каждый отряд был сборищем одного рода-племени - на безликое, где нет ни родичей, ни соплеменников, а одни одинаковые легионы.

Кий даже название заменил на устарелое европейское - легион.

Однако все новшества не могли помочь без своего войска в тылу дронов, поэтому Кий согласился с предложением Я-Мо.

Тот подготовился к вылазке в Европу весьма всерьёз. Европейские шпионы заработали вовсю, донося королям и всем, кому это любопытно, что дроны угрожают торговле с добрыми желтяками, они хапают за проход через горы огромные деньги, и потому восточные товары так дороги. Дроны притесняют купцов настолько, что те с плачем умоляют желтяков взять штурмом жадный город. Когда это случится, дешёвые пряности, шелка, сласти и фарфор почти бесплатно затопят королевские дворы. Конечно, нашлись короли, что охотно помогали набирать небольшие отряды наёмников в своих владениях, и к этому времени их набралось достаточно для того, чтобы собрать и возглавить. Объединенные отряды двинутся в сторону дронов, чему препятствовать никто вроде в Европе не собирався. Словом, шпионы потрудились.

План такого масштаба не мог оставаться тайной от пронырливого магистра - у него тоже при дворах достаточно шпионов накупили не менее пронырливые послушники Ордена Святого Креста. Магистр знал - готовится удар в спину, но вот когда?

Новый его дружок тролль, злодей и трус, во время беседы продал всё о скорой переправе Я-Мо.

Король Алан заскрипел зубами, едва узнал новость. Войска с тыла ещё не хватало. И велел магистру перехватить Я-Мо любой ценой.

Это позволит оттянуть неизбежную битву ещё невесть на сколько.

После этих слов король Алан с подозрением уставился в рьяную рожу тайного советника, но тот понял невысказанное, и заверил, что приложит все силы, и не потому, что отказался от мысли напасть побыстрее на желтяков, а просто с этим Я-Мо страсть, как поговорить хочется по душам. О шпионах в Европе.

Но тут в Дубовую залу внесли старого короля в кресле, и снова начались глупые дворцовые интриги. Старый король, гадко ухмыляясь, заявил, что магистра вешать больше не надо, хотя, к сожалению, никто и не собирался.

Магистр забеспокоился, и немного обиженно поинтересовался, отчего это нельзя, тем более, что и никто и не собирался? Старый король с радостной рожой ответил, - просто не за что, потому что помолвка состоится. Принцесса согласна с фальшивой помолвкой. Это не значит, что она вдруг поумнела. Просто магистр так её обидел, что она долго ругалась с эльфами, доказывая, что таким негодьям и обманщикам, как магистр, можно хоть разочек и соврать, и король эльфов, вне себя от злости и презрения, издал - таки указ, согласно которому принцессе Кристи можно соврать один раз. Он оправдался перед эльфами тем, что девчонка явно выросла и испортилась настолько, что стала немножко походить на человека. настолько, что без вранья уже и жить не может. Но по настоящему его сломало обещание принцессы Кристи приложить все силы для освобождения Моховой горы - к магистру, конечно, когда с помощью вранья станет его невестой. Ведь простой девушке магистра не прижать - он увёртливый, как и подобает негодяю. Принцесса убедилась в этом всеми коленками и локтями, когда он увернулся в последний раз. Старый король горечью добавил, что будь она поумнее, никаких указов бы не потребовалось. Глупая дочка может смело врать, потому что никто не поверит, что она может врать.

Магистр честно признался, что не понимает этого бреда. Старый король ответил, что и понимать нечего, помолвка через два дня, на что магистр с ликованием ответил, что это невозможно, через два дня ему надо ловить Я-Мо.

Тут распахнулась дверь, и в залу решительным шагом вошла хмурая принцесса, за которой охотничьим шажком семенила пасмурная кошка. Остановившись у дубового стола, принцесса возмутилась, что это никогда не кончится - сначала тролля ловить надо, теперь - Я-Мо, а потом кого? Кия?. Магистру давно пора научиться откладывать ерунду в сторону.

Магистр встал со стула, налил себе вина, и проскрипел, что подслушивать нехорошо, эльфы так не поступают, как он их, негодяев, ни уговаривал. А обманывать, пусть и по указу, и вовсе нехорошо. Но тут магистр поперхнулся, заметив очумелый взгляд старого короля, который уж никак не ожидал от магистра таких нравоучительных слов. Принцесса Кристи обиженно ответила, что не подслушивала. Просто шла по коридору и всё было слышно через двойную дубовую дверь, которую сам же магистр и установил против прослушивания. Наверное, громко разговаривали. А насчёт помолвки, то это уже не обман, если его разрешил король Ри. Принцесса пошла к нему с этой просьбой только потому, чтобы не повесили магистра.

Магистр с очумелым видом махнул рукой, и сказал, что помолвка состоится чуть позже. Вначале надо поймать Я-Мо.

Однако король Алан, неожиданно развеселясь, ответил - если сестрёнка настаивает, что ж поделаться?

Пока магистр подозрительно вглядывался в лицо короля Алана, старый король тоже поддержал принцессу, назвав бедной девочкой, которую обесчестил вероломный магистр. А как помолвка, сразу ловить кого-то надо, и обязательно под боком у любовницы.

Обалдевший магистр тупо принялся объяснять, что желтяк колдун, способный опознать Я-Мо, находится в деревне, но его перебила кошка - вспрыгнула на колени прямо под руку с бокалом, выплеснув вино на камзол. Магистр от души назвал кошку лапушкой, красавицей, и даже погладил, добавив, что из всех тут присутствующих ей от магистра надо меньше всего - всего только вином облить, и он с радостью отдохнёт в её компании от безумных желаний остальной семейки, от которых чуть не усомнился в собственном рассудке. Может, и впрямь этого Я-Мо ловить бесполезно? Вейн так бы и рассудил - все знаки против.

Принцесса ответила голосом унылого ноябрьского дождя, что ей всегда нравилась правдивость. Ну и ладно, она не лапушка и не красавица, но отец прав - вдруг магистр и впрямь её обесчестил, и теперь хочет удрать. Ему повезло, что принцесса ничего не помнит, а то бы давно выскочила за него, подлеца, замуж, пусть даже и не лапушка.

Магистр держался под таким дружным напором только благодаря кошке, которую почёсывал за ухом, и которая и ухом не вела. И обещал, что помолвка непременно состоится после поимки злыдня Я-Мо, и дал в этом честное слово. Если даже Кий подвернётся, пусть гуляет - принцесса важнее.

Принцесса Кристи подошла со вздохом ближе, тоже погладила кошку, и сказала, что магистр, конечно, далеко не эльф, и честными словами в аду его ещё больно отхлестают, но так и быть - она поверит в последний раз. Только пусть объяснит своё невежливое поведение при их прошлом расставании.

Магистр тут же заверил, что он просто споткнулся, пытаясь поймать прыгнувшую принцессу, и очень извиняется за свою неловкость, после которой только и оставалось вскочить на коня и умчаться ловить шпионов. После чего вручил кошку принцессе, и спустя короткое время умчался ловить шпионов в горную деревню.

Там его ожидал некоторый сюрприз. Все обитатели холма валялись - или насмерть пьяные, или очень больные. Кузнец валялся в обнимку с наковальней, а у входа в кузню сладко похрапывал Сэм в обнимку тоже с какой-то толстой железкой, а Вейн полз вдоль забора, но даже в полном и явном беспомоществе что-то всё равно бормотал. Злые подружки напились до полной потери сознания, потому что впервые валялись в обнимку друг с дружкой в загоне у дракона, рядом с тачкой, которую обнимала в доску пьяная, толстая Алина, выпятив заголённую свою толстую задницу. Вокруг холма кучками сидела пьяная, неходячая охрана.

Они получили от магистра несколько оплеух, но не протрезвели, к его изумлению. Тишину на холме нарушали мычание не доенной коровы да писк голодных крыс из-под земли. Один только эльф встретил магистра мрачный и трезвый. Он сидел на подоконнике и злобился. Разъярённый магистр вежливо у него осведомился, откуда такая измена, что это за колдовство, за которое обязательно нужно повесить виновника. Эльф непонятно посмотрел на него, и нехотя сказал, что всех перевешать будет затруднительно, хотя он, эльф, только бы приветствовал такое стремление магистра, после чего всё же рассказал о случившемся. Оказалось, что после той дурацкой ночи, когда магистр едва не спалил дом своим дурацким фонтаном огня, Сэм вроде здраво решил напарить горячего побольше, раз уж магистру так понравилось выплёскивать его время от времени в небо и красиво поджигать

угольками. И Сэм терпеливо напарил этого горючего несколько кувшинов, на свои деньги, которые, к несчастью, Элиана тоже считала своими. Узнав, что дорогое и хорошее красное вино, которое она лично выбирала по своему вкусу, этот мерзавец перегнал несколько раз в своём перегонном медном кубе, Элиана долго ругалась, потом своим колдовством попыталась перегнать его обратно, а когда не получилось, отобрала у Сэма все кувшины с горючим, а потом долго советовалась с Гельдой. Та придумала только сжечь его, гадость такую вонючую, и зря Элиана не послушалась умного совета от умного человека. Тогда Элиана спросила у болтуна Вейна - можно ли перегнать эту вонючку обратно в хорошее вино? Дураку Вейну от радости даже дыхание спёрло, когда к нему обратилась прекрасная Элиана, и он расстарался, заверив её, что на этом свете всё возможно, ибо это Божий мир, а Господь всемогущ всегда и везде, в прошлом и ..., но тут Элиана ткнула его пальчиком в живот, и вернула его на землю, кротко велев заткнуться. И попросила превратить это вонючее горючее хотя бы в плохонькое вино. Вейн сказал, что это горючее должно быть лучше всякого вина, надо только убрать из него все неприятности и выделить приятности, так, чтоб любому умному стало понятно, какое это прекрасное вино. И он принялся болтать, как это можно сделать, долго и занудливо. Бедная девушка злилась, временами тыкала по животу, но куда деваться - слушала.

Потом она заставила Сэма всё это проделать - очистить от вони кусками древесного угля, добавить виноградного сока, мёда, и даже разбавить родниковой водой, чтоб не так сильно горело.

Вейн, правда, настаивал, чтоб водой разбавить побольше, а то вино будет чересчур прекрасным, аж до смерти - как выпьешь, так и с ног долой, но Элиана пожалела в такое вино водой гадить, и сказала, что хватит, как раз до полусмерти, такое прекрасное вино, и по вкусу, и по цвету, и по запаху. Она нетерпеливо выжрала целый стакан, хотя Сэм просил испытать сначала на кузнеце, он покрепче. Постояв некоторое время с выпученными глазами, Элиана отдышалась, глазёнки её жадные заблестели, щёчки алые запылали, и губки заулыбались - и вообще, чуть не станцевала, но заявила, что вино дрянь, а Вейн дурак, однако при этом так блаженно улыбалась, что все наперебой стали клянчить попробовать этого дрянного вина. Элиана возразила, что оно денег стоит, хотя и дрянь, и тут же осушила второй стакан, и такую цену дикую заломила, что Гельда и торговаться не стала, купив сразу кувшинчик. И эти ловкие девицы, усевшись на травке, розовые и счастливые, принялись глушить вино и насмеяться над нищими Сэмом и Вейном, которые ходили вокруг них кругами и клянчили попробовать. Они наобещали подружкам горы золотые, каждой по горе, и подружки купились на лживый язык, отдали один кувшинчик. Эльф пытался всех их четверых избить, чтобы привести в разум, но все четверо какдохнули на него ядовитым дыханием, так он на землю и брякнулся, еле уполз. А уж бедные мухи просто дождём падали в их стаканы. Потом угостили кузнеца, Алину и их ребятишек. Ребятишки - слабаки, чуть глотнули - и всё, сразу потерялись где-то в траве. Кузнец, тот вначале всё смеялся, а потом решил вдруг побить Алину, и долго за ней ползал, но Алина его лягнула в лоб, и он, обиженный, пошёл за наковальней, чтобы хоть ей заслониться от Алины, но так в кузне и уснул, но его славный порыв вдохновил коварных дураков, и они тоже решили, наконец, побить своих подружек, однако им всё время не везло. Вейн, поднявшись, тут же споткнулся, наверное, о свой длинный язык, и врезался в забор, после чего стал выяснять у этого забора, отчего тот набросился..

А Сэма подружки побили совсем немного, и он уполз в родную кузню. Тогда они стали искать - кого бы ещё побить, и быстро нашли друг дружку. Эльф от души за них радовался, наблюдая, как визжат и пинаются злые девицы. Потом они наткнулись в траве на толстую Алину, и пнули разок по толстой заднице, после чего стали удивляться, как это бедный кузнец управляется ночью с такой толстой задницей. Гельда вспомнила, что у кузнеца между ног такой же почти инструмент подвешен, как у дракончика Тели, а Элиана ответила, что у бедного дракончика нет подружки для инструмента, и

девицам так жалко его стало, что они чуть не расплакались, но вид пьяной Алины быстро подсказал им выход. Добрые девицы решили, что Теля только и мечтает о такой толстой заднице, она ему понравится. И пьяные подружки, недолго думая, приволокли тачку и попытались загрузить на неё предмет воздыханий дракончика, но это удалось тяжело и не сразу, они часто падали и роняли Алину, и хохотали как безумные.

Им помогли солдаты из охраны за кувшин нового вина, и загрузив Алину на тачку, весёлые девицы увезли её в загон к дракону. Они раздели Алину, выпустили Телю из пещеры под землёй и принялись гонять его по всему загону, направляя на цель и удивляясь его стеснительности. Однако дракончик, приблизившись, только понюхал издали голую задницу Алины и его затрясло от ужаса. Он вздыбил чешую и попятился, и безуспешно девицы толкали тачку ему под нос, увещевая испробовать свой инструмент. Бедный дракончик едва ускользнул от двух подружек, забившись в свою пещерку, а уж оттуда начал всюду рычать и щёлкать зубами. Девицы заспорили - кто виноват, да что делать, и привычно закончили спор потасовкой, во время которой, когда Элиана душила Гельду за ногу, обе и уснули.

А дракончик, расхрабрившись и проголодавшись, выбрался из пещерки, потом из загона и решил погулять по двору вокруг дома.

Он обнюхал всех спящих, а Сэма подёргал за штанину, но безуспешно. Тогда голодный Теля забрался в сарай с курами, и оттуда перья полетели, и одна ещё курица, последняя. Теля её догнал, прихлопнул лапой и проглотил. Потом он сожрал кашу из котла, хоть и горячую но с мясом, вылакал пол бочки воды, и пополз отдыхать в пещерку.

Рассказав всё это, эльф повздыхал, попыхтел, но молчал, и магистр его подбодрил, сказав, чтоб не утаивал горькую правду - магистр всё выдержит. Что? Крысы разбежались? Железную стрелу пропили?

Эльф сконфуженно сказал, что нет, просто дракон вылакал ещё кувшин этого злого вина, а потом и второй, и отправился громить деревню с лопнувшим ошейником, но ему деревни, видимо мало, потому что вон он - возвращается, злой, как обе подружки, вместе взятые.

Эльф замолк, потому что магистр подпрыгнул, оглянулся так резко, что упал в пыль, и попытался заползти под стену. Эльф растерянно поспешил добавить, что это шутка, и Теля мирно спит в пещере, не дурак же он, в самом деле, лакать всякую гадость.

Шутить эльфа научил Вейн, запутав своим рассуждением, что ложь - это правда, и шутки поэтому вовсе не враньё, как думал эльф, а усиленная правда, которая заставляет людей бурно реагировать и - или хохотать, или за нож хвататься. А магистр вот в пыль брякнулся. Шуток, что ли, не понимает?

Магистр отдышавшись, сбегал в загон, убедился, что дракон дрыхнет в пещерке, и вернувшись, сказал разнежено, что хотя эльф вроде соврал, но оказался, вообще то, совершенно прав со своей шуточкой. В самом деле, ничего же страшного не случилось, зря он так вначале разъярился, что даже кого-то повесить хотел. Ну немного выпили ребята, ну, подрались, с кем не бывает? Нет тут никакой измены, кроме как у эльфа, который врать научился - какой же он после этого эльф?

Весело прокричав вслед улетевшему эльфу, что это просто ответная шутка, на которую не стоит так бурно улетать, магистр весело приказал солдатам сколотить живенько высокую и просторную виселицу, решив кстати, использовать эту пьянку для обмана колдуна. С этим желтяком, обладающим таким даром, как мгновенная связь, требовалась искренняя и большая работа, чтобы он искренне и

честно продавал своим то, что магистр и хотел.

Этой работой магистр и занялся немедленно, отмеривая верёвки, и приказав заботливо укрыть Элиану от мух лёгким одеялом, и даже подушку под голову храпящую подсунуть. Всех остальных быстро привели в чувство с помощью холодной воды и звонких пощёчин. Пятерых пьяниц, не считая ребятишек, усадили под стенку дома, приставив охрану. Они стонали, охали и просили вина, держась за головы. Магистр стал расхаживать перед ними, горестным тоном живописуя зверства сбежавшего дракона.

Пол -деревни убита, пол - деревни в развалинах, а дракон - надёжа и опора королевства - сбежал! И за такое хамство кто-то должен повиснуть на перекладине. Она широкая и гостеприимная, все они без толкотни могут покачиваться.

Ребятишки кузнеца ничего не поняли, и уснули обратно ещё в начале речи. Гельда тут же продала Элиану, что это она зачинщица, а так же Сэм, ну, и Вейн заодно, он всегда виноват. Алина завывала, кузнец побелел, но дураков, оказалось, такими шуточками не прошибить. Сэм сказал, что, подумаешь - деревню перебил.

Давно пора, противная деревня, и люди тут очень умные, туда им и дорога. А Теля, когда проголодается, сам и вернётся, виновато виляя хвостиком, ещё к вечеру и вернётся, и тогда можно будет и вторую половину деревни перебить, чтоб спать спокойно.

А Вейн заявил, что магистр должен сто золотых, за новое колдовское зелье храбрости для солдат. Это очень сильное средство. Они с Сэмом настолько расхрабрились, что решились даже побить своих подружек, как им всё время советуют умные люди. Если это зелье дать перед битвой целому войску, то его потом не остановишь. Такое войско можно в море послать без кораблей, ему море по колено покажется. Это не виноградное вино, которое все пьют, словно воду. Это зелье словно молотом по голове бьёт, и мигом делает весёлым, счастливым, щедрым и храбрым.

Если этим зельем торговать, то можно заработать большие деньги.

И он очень рад за дракончика, который спит сейчас где-то в прохладном месте, на свободе, нажравшись умных людей, и это, наверное, знак Божий для него, сидящего тут под виселицей с больной головой. Магистр поспешил перебить болтуна, заверив, что это вовсе не знак, а шуточка, чтобы все пришли в разум.

На самом деле дракон на месте, как и положено дисциплинированному солдату. И тут же объяснил, что надо сделать пьяницам, чтобы загладить свою вину. Сэм запросил за повешение пять золотых, Гельда- десять, а Вейн согласился вначале висеть бесплатно, но потом запросил двадцать, за молчание.

Кузнец и Алина и пикнуть не осмелились, но магистр даже бесплатно их вешать отказался, потому что Алину верёвка всё равно не выдержит, к тому же ей обед надо варить, тот самый, что так дракону понравился. А кузнец пусть кузню свою раздувает, нечего тут пачкать его чистые верёвки всяким чумазым пьяницам.

Когда пьяная Элиана, наконец, пробудилась, то было застонала, но два ребятёнка Алины зашипели на неё, чтоб молчала, а то повесят.

Элиана мигом пришла в себя, и пацаны, пряча лживые глазёнки, стали тыкать пальцами в сторону виселицы, где суетились люди.

Девушка валялась не так уж далеко, в высокой траве за забором, и ничего не помнила, но ребяташки, отрабатывая полученные золотые, мигом объяснили, что дракон сбежал, убив кучу народа, а магистр в ярости вешает всех подряд, кто под руку попадётся, и солдат послал, вон, вон они, цепью идут, всех ловят. Элиана шустро, как ящерица, уползла вниз по склону холма, но тут слева закричали, потом справа, и Элиана выбралась точно к дому колдуна, обнесённому высоким забором.

Поскольку и за домом по улице гомонили грубые голоса, Элиане пришлось юркнуть в калитку, тем более, что солдат охранный кстати отвернулся и принялся считать ворон, и даже пальцы на руках загибал, старательно не замечая девушку, которая, юркая в эту калитку, споткнулась, брякнулась и стукнулась, потому что ноги заплетались и голова гудела. Колдун опять кого-то лечил под неусыпным взором здорового солдата. Элиана кожей чуюла погоню, и потому, сразу подойдя к солдату, заколдовала его, сказав повелительным голосом что ноги у него тяжёлые, веки тяжёлые, он хочет спать, очень, и спит уже, сам не заметив, а её он не видит. Солдата не надо долго спать уговаривать, особенно когда он на посту - солдат обрадовался, и тут же заснул. Элиана и бабушку больную, всю в иглах, хотела усыпить, но её уже колдун усыпил. Желтяк спросил - отчего это милую его сердцу девушку трясёт, как листик, может, от страсти, что он таки внушил? Девушка затряслась ещё сильнее, и огорчила колдуна, выложив все новости, что дракон сбежал, а Сэм и прочие толпятся перед виселицей, вернее, толпились, а сейчас наверняка висит, и она тоже повиснет рядышком, если её ненаглядный колдун не спрячет её до темноты. Колдун обрадовался, заохал, и мигом освободил от тряпок большой сундук, но тут в прихожей страшно затопали, закричали, и ворвались злые солдаты, колдуна поколотили, Элиану потискали, обоих запихали в мешки, завязали, и отволокли на холм. Там колдун и впрямь разглядел сквозь редкую мешковину длинную перекладину на двух столбах, на которой висели два негодяя Сэм и Вейн, в компании с мерзавкой Гельдой. Зрелище, конечно, радостное для всякого умного человека, жаль только, что сквозь мешковину как следует не разглядеть.

На верёвке подлецы покачивались, и колдуну показалось даже, что Вейн кому-то подмигивает, а Гельда то ли ногу босую другой ногой почесала, то ли от судорог последних дёргается, и только Сэм висел тихо и смиренно. Не успел колдун нарадоваться, как раздался голос магистра, гневный и громкий, который вопрошал - что это за мешки приволокли? Голос послушника доложил, что это за мешки, и магистр завопил, чтобы мешок с колдуном отволокли обратно, и вежливо отволокли, как родного, на руках, а второй, с Элианой - ух, мерзавка - оставили.

И мешок с бедной девушкой затащили в дом, где вскоре вытряхнули из мешка и налили стакан вина. Но Элиана пить не смогла, слишком тряслась, плеская вино, и тут с весёлыми шуточками ввалились висельники - покойники Сэм и Вейн с негодяйкой Гельдой. Элиана завопила дурным голосом и забилась под стол, поминая всех святых, хотя это неприлично для колдуньи, которую все признавали.

Эльф, вылетев из своего тёмного угла, недовольно завизжал, что такие шутки ему не нравятся. Что это за шутки, когда люди с ума сходят. Вейн поэтому не прав, скотина, эльфам шутить нельзя, потому что это обман, а эльфы не врут. Но Вейн освобождал Сэма от верёвки, и потому не ответил. Поскольку Сэм был самый тяжёлый, петля, захлёстнутая под мышками, затянулась намертво, так что пришлось перерезать. Пока приводили в чувство бедную колдунью, объясняя, что это всё - козни магистра, он же дурак, и козни его дурацкие, но за пять золотых - почему бы и не подурачиться - магистр в это время уже сидел у желтяка, и вид имел такой радостный, что все комары из комнаты мигом улетели, боясь превратиться в слонов.

Магистр извинился, мол, порядок наводил, повесив трёх солдат, что спали на посту - и подозрительно посмотрел в глаза желтяка, и тот поспешно согласился, да - да, порядок есть порядок,

а он-то невесть что удумал, и ничего не видел, кто там висит, и вообще - висит ли кто, он же в мешке сидел.

Магистр успокоился, сказал, что остальное всё хорошо, очень - дракон на месте, сытенький, злой и боевой, так и мечтает желтяков пострелять, но он, магистр, чтя Божьи заветы - не убий и прочие - всё же решил предотвратить кровопролитие и принять предложение Кия¹ о мире, хотя дракон так и рвётся в бой. Поэтому пусть колдун сообщит по своей мгновенной связи о согласии магистра стать наместником. С этого дня магистр будет ловить только тех шпионов, которые сами просто лезут, а прочих - в упор не увидит.

Колдун такое решение горячо одобрил, и ответил, что ждёт - не дожждётся последнего закатного часа, отведённого для связи, и что магистр ещё удивится доброте и щедрости Кия. Тут магистр изобразил колебания и смущение, теребя руками всё, что под руки попадалось, и с трудом сказал, что слово магистра крепко, но ему почему-то никто не верит, и Кий может не поверить, и потому магистр готов доказать свою честность делом - он отпустит дракона, а Сэма и Вейна повесит. Хоть завтра, но только после прибытия посла от Кия и заключения с ним договора.

Колдун, пряча лживые глазёнки, это тоже горячо одобрил. Магистр, юля честным взглядом, ещё раз поклялся в честности, и сказал, что сегодня же переселит колдуна в гостиницу, где он будет ждать этого посланника от Кия, после чего они расстались, очень собой довольные.

Той же ночью между Кием и Я-Мо в королевском шатре произошёл жаркий спор. Получив от связного колдуна описание мысленной картинке из горной деревни, где была заполненная виселица, Я-Мо умолял обождать с его отъездом. Обиженный магистром в своих лучших чувствах, он теперь никому не верил, и в сообщении колдуна увидел ловушку. Удивлённый его недоверчивостью, Кий сказал, что магистр никудашный, ему не до ловушек. Он пропустил удар по дракону огненной стрелой, а теперь, потеряв всякую надежду возратить его, магистр повесил главных своих колдунов. Наконец, магистр просит тайно прислать посла для переговоров. Это ли не полное поражение? Осталось перекрыть горную дорогу, и город падёт даже без штурма. Кроме Я-Мо, некому собрать в единый кулак все мелкие отряды наёмников, которые даже не подозревают друг о друге. Я-Мо знает всех своих шпионов, и сможет очень быстро перебросить их к горной цепи, так, чтобы короли не препятствовали проходу войск по их землям.

Всё так, согласился Я-Мо - но магистр такой редкостный негодяй, что Кий, честный и благородной души человек, просто представить себе не может. Кроме того, восточный человек, как понял Я-Мо, вообще плохо представляет особую подлость европейцев, а уж магистр - это просто сгусток этой подлости.

Восточный человек твёрдо знает - никому верить нельзя. Все врут, все обманывают, крадут, нарушают договоры, и тащат одеяло на себя изо всех сил. Это главный закон мироздания и всего хода вещей. Магистр тоже знает, что никому верить нельзя, но по своей злобной натуре, тем не менее - верит. Даже чужим шпионам.

Я-Мо подозревает, что он, скотина, и в Бога верит. С таким типом просто не знаешь - чему не верить. Восточный человек верит только себе, родному и любимому. Это закон природы, простой и справедливый. Магистр наверняка как раз себе и не верит, смотрясь в зеркало с подозрением.

Кий перебил тайного советника, попросив перейти ближе к делу.

Я-Мо заугрымился - как передать Кию своё мнение о магистре, чтобы не догадался о провалах Я-

Мо?

Страх перед Кием и страх перед магистром боролись в душе Я-Мо, мешая высказать своё искреннее убеждение в ловушке.

Пусть дракон убит, и куча свидетелей всё видела - верить нельзя. Где прошёл магистр, там уже трясина. Если магистр схватит Я-Мо, дорогу не перекрыть. Этого магистр и добивается. Тогда город можно отстоять. На все доводы Кия Я-Мо отвечал мысленно. Раз шпионов ещё не поймали, значит, они перекуплены. Раз колдун видел повешенных, значит, магистр их потом оживил. Ведь ожил ихний Христос, даже через три дня. Единственное, на что Я-Мо не смог возразить даже мысленно, это вспышка огненной стрелы на драконьем холме. Её видели столь многие, и описывали так одинаково, и шпионы, и простые купцы, что Я-Мо не мог представить - как удалось магистру столь быстро перекупить столь многих разных людей, причём так ловко, что они и под пыткой в этом не сознавались.

Если стрела действительно улетела, значит, магистр всё таки сплеховал. И "спящий шпион" Кой действительно умер от ожогов, как герой. И дракон действительно сбежал. И колдуны повешены.

И ловушки нет, напротив - магистр охрану выделит, если случайно на Я-Мо наткнётся, будет лебезить и заискивающе улыбаться, как союзник и друг.

Но чёрствая и обманутая душа Я-Мо отказывалась верить такой радостной картине. Предчувствие, нюх, чутьё - всё кричало Я-Мо об опасности. Но возразить Кию своим предчувствием было смешно. Кий был прав, когда заявил, что огненный фонтан магистр никак уж не мог изобразить. Это могла изобразить только огненная стрела, шлёпнувшись на холм. В Европе нет такого средства.

И уж кому, как не Кию знать это - он чудом уцелел при разрушении башни По-Ро-Ха. Уцелела единственная стрела, которую не успел выпустить в солдат Кия проклятый колдун, который устроил наступающим огненный ад..

У тех, что уцелели, долго потом не опускались вздыбленные от ужаса волосы - от страшных воплей горящих людей, разорванных на куски, иссечённых осколками при разрыве огненных стрел, выбрасывающих фонтан огня. Кий вместе с верным другом Пу-И проникли в башню буквально по голой стене. Точнее, сначала вскарабкался Пу-И, цепляясь ногтями за малейшие трещинки и выступы, а потом сбросил из окна верёвку, по которой и вскарабкался Кий. Он лично поразил стрелой в грудь колдуна, когда поднялись в башню. Тот уже подносил уголёк к фитилю железной стрелы, нацеленной на остатки войска, но упал, не успев этого сделать. Его любовница Ра-Ке-Та метнула тяжёлый нож и пробил Кию плечо. Его оттолкнул в сторону Пу-И, спасая от смерти, и мерзавка успела поджечь упавшим угольком другой фитиль - толстый, уходящий в стену, пока Пу-И освободил руку и метким броском пробил её лоб "железной звездой". Кий успел прихватить с собой эту колдовскую стрелу, когда осторожный

Пу-И силой вытащил его из проклятой башни.

Огонёк фитиля исчез в каменном жёлобе, побежав к главным запасам огненного зелья колдуна. Они еле успели выбраться наружу, когда башня со страшным грохотом лопнула, скрывшись в клубях чёрного дыма и всполохах огня.

Вынесенная стрела осталась последней и единственной на всём белом свете. То, что она вспыхнула на вершине холма, означает, что никакой ловушки для Я-Мо не существует. Напротив, это почти

победа. Неужели Я-Мо этого не понимает? Голове - то своей Я-Мо верит?

Я-Мо был вынужден согласиться с таким логичным рассуждением Кия, промолчав, что своей голове как раз он и перестал верить, сам себе перестал, переняв этот европейский подлый приём у магистра. Теперь при шпионских замыслах Я-Мо чаще запрашивал предсказателей. Они меньше ошибались, чем он, полагаясь на разум и логику.

Довольный, что убедил тайного советника, Кий велел ехать как можно быстрее. Пока условия не ужесточились, Я-Мо должен проскочить,

- Слушаюсь и повинуюсь, - мрачно сказал Я-Мо. Уединившись в своём шатре, он погрузился в мрачные размышления. Как ни старался Я-Мо уговорить себя, что магистр порядочный человек, в это не верилось, и Я-Мо решил готовиться к ловушке. Все колдуны и ясновидцы, которых он обошёл за ночь, предсказали удачу после всяких напастей, но Я-Мо привык больше на себя полагаться, и потому к утру с помощью хорошего мага приготовил своего двойника, на случай, если их отряд схватит магистр.

Для этого маг усыпив купца-шпиона и внушил очень сильную боль, от которой купец закорчился и принялся стонать. Тогда маг велел при такой боли вспоминать волшебное имя - Я-Мо, и боль утихнет. Купец несколько не походил на Я-Мо, но это не заботило, потому что из-за вечно намотанного платка жителя пустыни в лицо его вообще мало кто знал. Хотя колдуны сильно приободрили Я-Мо, он выпросил у Кия, как последнюю надежду, его друга и телохранителя Пу-И, с несколькими учениками, такими же ловкими и шустрыми.

Наконец, спустя два дня Я-Мо тайно отправился в путь, уповая на удачу.

Магистр тоже на неё надеялся, прося её у Господа, днюя и ночуя в деревне. Под видом купца Кий прислал знатного вельможу для заключения договора. Магистр с вельможей поздоровался, и посадил в подвал гостиницы. Желтяку-лекарю сказал, что переговоры идут полным ходом, но у посланца Кия маловато полномочий, многое не может решить. И магистр послал к Кию гонца с просьбой прислать кого-то повесомей. Лучше всего - Я-Мо, ручаясь своей честью за его безопасность, потому что вопросы, которые надо обговорить, может решить только такой же Тайный Советник. Как думает колдун - согласится Я-Мо прибыть на переговоры?

Колдун с сомнением покачал головой. Конечно, если Кий прикажет, но по своей воле сунуть голову в пасть..., то есть этот Я-Мо, он очень недоверчивый.

Да-да, вздохнул магистр, недоверие - наша беда. Из-за него все ссоры, все войны, всё зло. Для мира нужно доверие. Не так ли? Поэтому пусть колдун по прежнему зорко глядит из окна гостиницы на вновь прибывших купцов, высматривая знакомые лица. Магистр попросил Кия прислать сановника, которого колдун знает в лицо. И пусть колдун прекратит донимать послушника Клея, что сидит с ним в комнате, жалобами на скуку. Магистр боится за его и свою жизнь. Если о тайных переговорах за его спиной узнает король Алан, они оба повиснут на перекладине. И похлопав по дружески по плечу колдуна, магистр убежал из тёмной комнаты с приоткрытой ставней, чтобы подгонять Сэма и Вейна с подготовкой к переезду в город. Поймается Я-Мо или нет, а в город уже пора.

Сэм, услышав это, сказал, что это невозможно, потому что толкатель для железной стрелы ещё не готов, и нужно время, на что магистр сразу открыл ларец, и дал сто золотых, но Сэм принялся упорствовать, удивляясь, как могут деньги найти соотношение между отверстиями для всасывания воздуха, размером камеры сгорания и размером отверстий для горючего. Магистр достал ещё сто

золотых и ехидно попросил приглядеться, есть ли разница между деньгами и временем.. Сэм плюнул и побежал жаловаться Вейну на тупость магистра. Однако Вейн сказал что если приглядеться, то в конечном смысле он не видит разницы между временем и деньгами, и к вечеру, с помощью срочно нанятых помощников, они изготовили новое устройство вместо испытательного огромного лука.

На вкопанном тележном колесе на уровне пояса над землёй закрутилась длинная жердина, к концу которой был прикручен толкатель, похожий на жёлтое, блестящее полено. Сэм подносил головешку, отпускал внутреннюю пружину, и струйка горячего, вылетающая из толкателя, вспыхивала бледным, красно - голубоватым цветом. Вейн тянул за верёвку, навёрченную на тележную ось, и жердина с толкателем на конце начинала вращаться быстрее и быстрее под растущий рокоток пламени, вылетающего из толкателя. Сэм считал обороты, а после остановки полена снова заливал в него горячее, крутил пружину, крутил заслоночки на отверстиях и вновь подносил головешку. Это было гораздо быстрее и удобнее, нежели каждый раз выстреливать толкателем под гору, и уже на следующий день Сэм наткнулся таки на нужное соотношение отверстий, при котором толкатель заработал во всю свою дурь.

Сэм увлёкся, и всё пытался считать обороты, хотя жердина так и мелькала, чуть не со свистом, страшно раскачивая тележную ось.

Вейн подскочил и повалил дружка-придурка наземь, и вовремя - ось завизжала, как резаная, и толкатель, сорвавшись, улетел со страшным воем в деревню, как огненный демон. Там он пробил стенку конюшни, и на последнем издыхании поджёг её.

Когда за ним прибежали радостные Сэм и Вейн, хозяин конюшни, крестьянин Ароний попытался треснуть Сэма жердиной по глупой голове, но Вейн ловким ударом сбил его с ног, а Сэм добавил ногой по голове.

Они вытащили толкатель и убежали, оставив конюшню делать всё, что ей захочется, и она на радостях сгорела дотла. А вечером к Аронию явилась Гельда, красивая, как дева Мария, и содрала пять золотых за нападение на Сэма, дракона, бунт и измену. Одна Гельда, конечно, не вырвала бы у Арония и медного грошика, но она притащила с собой Лейна и двух бандитов, из тех, что торговали амулетами, и они уже петлю на шею накиннули, когда Ароний раскололся на пять золотых - два Гельде, три разбойникам.

Они её слушались - наглая девица хвастала, что любовница магистра и подружка Вейна.

Колдун-желтяк сидел в полутёмной комнате и пялился в окно, на ворота постоянного двора, куда охрана пропускала купцов., по два-три человека. К этим дням двор гостиницы по приказу магистра был значительно расширен и огорожен высоким частоколом.

Предприимчивый Герберт сколотил длинные навесы от дождя, протянул по всему двору жердины для коновязи, и называл всё это гостиницей для бедных, всего золотой за ночёвку во дворе.

В бревенчатой же двухэтажной "гостинице для богатых" могли себе позволить переночевать в постелях только богатые купцы, по десять золотых. Герберт вовсю извлекал выгоду из того, что магистр навёл тут закон и порядок военного лагеря, и за каждое полено дров сдирал хоть серебряную, но монетку.

Из города караваны и караванчики всегда сопровождали солдаты.

На въезде в деревню всех пересчитывали, на выезде тоже, а по деревне сопровождали разбойники, но главные неприятности для некоторых купцов начинались на постоялом дворе, где во время обязательного суточного отстоя солдаты и разбойники проверяли всех подозрительных. Разбойники изредка воровали - единственная неприятность, кроме скуки, для настоящих купцов, которые не шпионы. Впрочем, при малейшей жалобе люди магистра с готовностью хватили разбойников, и покражу тут же находили. Купец, правда, никогда её не получал, зато мог утешиться новым фонарём под глазом виноватого

Колдун всматривался в лица въезжающих, иногда узнавал их, но послушнику об этом не говорил. Эти знакомые не могли быть послами - только шпионами. Выдавать их колдун не хотел.

Магистр просил опознать нового посла от Кия, а не шпионов - это колдун и делал. Колдун сомневался, что это окажется сам Я-Мо, но с другой стороны, они с магистром вдвоём убрали бы мигом всех противников мира, включая даже королевское семейство. Поэтому, когда колдун узнав Я-Мо в слуге одного купца, он невольно подался вперёд. Послушник Клей тут же осведомился - не узнал ли посла? Но колдун заколебался. Неясное предчувствие, что есть в каждом человеке, и которое особенно сильно у колдунов, велело ему молчать. Клей ждал ответа, и колдун буркнул, что показалось. Он подумал, что время есть. Если Я-Мо станет искать встречи с магистром, тогда колдун и подтвердит, что это Я-Мо, а не королевский шпион.

Послушник пожал плечами, но явное беспокойство колдуна заставило Клея задуматься. Желтяк и вертелся, как на иголках, и на других купцов смотрел уже невнимательно, краем глаза. Вечером Клей доложил магистру всё, как было. Магистр обрадовался - ага, есть поклёвка.

Но отчего дёрнулся поплавок-колдун? Или малёк из шпионов его задел, или - сам Я-Мо, матёрая щука ?

Клей пожал плечами -они тут, во дворе. Арестовать - и пытаться, пока не сознаются.

Так и сделаем - усмехнулся магистр - если Клей сумеет уверенно опознать тех двоих. Клей тоже усмехнулся - память хорошая, иначе б магистр и не посадил возле колдуна.

Клей предложил и колдуна пытать, чтобы опознал Я-Мо, раз не желает добровольно, но магистр отверг этот вроде лёгкий путь напомнив о мгновенной колдовской связи этого мерзавца. Пусть Кий тешится надеждой. Магистр велел Клею проследить незаметно за купцом и слугой, и схватить - очень по тихому, без шума, после чего убежал крепить охрану постоялого двора.

. А в это время к Герберту, что шёл по двору, пристроился купец-желтяк, с обычным недовольством, что дорого, и дров не хватит на ночь, и овёс гнилой - Герберт и не слушал, пока желтяк не показал обломок серебряной пуговицы.

Герберт остановился, сразу покрывшись потом. Желтяк сказал, что нашёл его только что, в пыли. Не Герберт ли потерял? У него на камзоле обломанная пуговица - не подойдёт ли обломок ? Герберт похолодел, но послушно приложил к своей половинке найденную - они точно сошлись. Герберт оглянулся, и хрипло сказал, что его повесят. Магистр и так подозревает. Желтяк насмешливо сказал, что магистр всех подозревает - у него работа такая, а вот Герберт, если мечтает после победы желтяков и впредь богатеть при своей гостинице, должен кое-что сказать сотнику Крону, причём незамедлительно. Пустяковая услуга. Желтяк, делая вид, что показывает - какие сырые дрова у Герберта, объяснил в деталях задание, и "спящий" шпион Герберт, проснувшись, пошёл к сотнику доносить на магистра.

Спустя полчаса озабоченный Крон спустился в подвал гостиницы. Раньше тут находился просторный винный погреб, прохладный и сухой, а также хранилище для всяких съестных припасов - мяса, овощей, муки - и потому в погребе до сих пор вкусно пахло. Однако злой магистр хранил тут теперь вместо солнечных лука и чеснока свои сумрачные припасы - подозрительных бродяг, шпионов, и других милых его сердцу людей. Камеры для припасов оснастили крепкими дубовыми дверями, а в полутёмном коридоре дремал часовой. Крон увидел его силуэт на фоне подвального окошка, забранного толстенным прутом, и спросил, где содержится тот желтяк, которого кормят ещё, как важную птицу?

Часовой ответил, что вот в этой камере, сюда и вино подают и фрукты, а парашу часовой выносит, а не сам арестант.

Крон решительно заявил, что ему надо повидать арестанта, однако солдат удивлённо сказал, что пусть сотник обижается, но он, часовой, стоит не для того, чтобы всех желающих пускать на свидания, и в петлю за нарушение приказа ему не охота.

Тогда сотник достал пергамент с печатью короля Алана.

Часовой с любопытством оглядел и пергамент, и печать, согласился, что они вроде настоящие, но всё равно бесполезные - он читать не умеет. Тогда сотник Крон, подойдя к окошку, прочитал, что там написано, даже два раза. Часовой пощупал печать, и сказал, что верит, но всё равно не пустит к арестанту, приказ. Однако сотник успел углядеть сомнение на хитрой роже часового, и тут же вытащил кошель с золотом.

Перемежая угрозы с золотом, он добился своего - едва кошель наполовину опустел, как часовой уже отодвигал с камеры засов, добродушно говоря, что давно бы так, на нормальном человеческом языке, и он бы быстрее понял.

Когда сотник Крон вошёл в камеру желтяка, то принял озабоченный вид, и сказал доверительно, что магистр очень занят. Шпионы короля подозревают его в измене, и потому магистр прислал его, своего помощника, уточнить некоторые мелочи договора - пусть только желтяк напомнит, на чём остановились?

Желтяк был так измучен непонятным приёмом, что потерял всякую осторожность и вывалил на сотника жалобы- третий день взаперти, магистр только выпрашивает, хотя с договором всё ясно, уж каких уступок не дадут желтяки, только спроси. И чего ещё уточнять, если и от дани готовы освободить, и земли захваченные вернуть, не говоря о королевской короне.

Тут сотник запечалился, и сказал, что корона - дело хорошее, но под ней король Алан находится. С ним как быть - что желтяки предлагают?

Посол недоумённо сказал, что им всё равно, это на усмотрение магистра - пусть он короля хоть с кашей съест. Сотник совсем посмурнел, тут же вспомнил про неотложные дела и ушёл.

Спустя четверть часа сотник Крон снова вытащил королевский пергамент с печатью. Командир расквартированного в деревне отряда дворянин Мюррей читать умел. Король Алан назначал сотника Крона, вследствие чрезвычайных обстоятельств, командиром отряда охраны. Король повелевает оказывать сотнику всяческое содействие и помощь.

Мюррей почтительно вернул свиток, и сказал, что готов исполнить любой приказ сотника, во исполнении воли короля.

Крон решительно сказал, что приказ один - немедленно арестовать магистра Ордена Св. Креста, и доставить его в город, на суд короля, потому что магистр изменник, и тайно ведёт переговоры о мире с желтяками.

Мюррей кивнул, и немедленно пошёл исполнять приказ. Магистра арестовали через час, по дороге с холма в гостиницу. Мюррей пригласил его в дом, превращённый в небольшую казарму, для какой-то помощи. Внутри дома Мюррей с удовольствием сказал об аресте, и его солдаты мигом скрутили магистра. Мюррей ненавидел магистра от души, потому что давно и безнадежно был влюблён в принцессу Кристи. Магистру заткнули рот тряпкой, надели мешок на голову, вынесли и загрузили на лошадь.

Пока четвёрка всадников на рысях увозила магистра, в деревне никто не догадывался об аресте, и все, кому положено, спокойно продолжали его козни. Послушник Клей, например, подослал к подозрительному купцу одного покупателя из крестьян, и тот столько товаров купил, что купцу со слугой пришлось отвозить покупки крестьянину домой. Тот еле упросил послушника Клея выпустить их с постоянного двора.

А в доме крестьянина их ожидал десяток солдат, которые мигом скрутили купца и его слугу. Чтобы не терять времени, Клей поместил шпионов в подвал, в отдельные камеры, выкинув из них пятерых бродяг, посаженных недавно злым и безжалостным магистром просто так, ни за что. Неблагодарные бродяги тут же принялись проситься обратно в камеры, говоря, что там, в тюрьме, хорошо, кормят, лечат, и только злодей магистр каждый день надоедает расспросами о стране желтяков, их нравах и обычаях, языке, людях тамошних, и при этом так щедро вином угощает, что бродяги стали привередничать - красное им подавай, и лучших сортов. Магистр обещал им шпионскую работу, когда они откормятся и болячки залечат, но злой Крон вышвырнул их на улицу, приговаривая, что хватит, отдохнули и гуляйте, пока опять не посадят. На улице переночуете, нечего камеры занимать, в них и так очередь.

Шпионов тщательно обыскали, прощупав, а потом разорвав всю одежду, весь товар перелопатили и испортили ножами и шильями, но ничего не нашли. Тут вернулся солдат с холма, и доложил, что магистра там нет, и Мюррея нет, куда-то ускакали. Крон понял, что допрос придётся начинать ему, чтобы не потерять драгоценные первые часы после ареста, когда пленник очень огорчён, часто настолько, что ничего не соображает, и бывает весьма разговорчивым. Клей достал из запасов пачку иголок, и стал перебегать из камеры в камеру - только двери хлопали, да у часового шея заболела от верчения. Из левой камеры басом орал купец, из правой угловой - слуга, тонким визгливым голосом.

При посещении каждого несчастного Клей втыкал в него иголку и спрашивал - как его настоящее имя? Первые полчаса бедные узники упорно твердили одни и те же имена..

Убедившись, что шпионы крепкие и матёрые, Клей усилил нажим, и стал втыкать иглы в нежные части тела - купцу в детородный орган, поскольку тот оказался большой и вместительный, а слуге, у которого этот орган от страха так съёжился, что и не попасть, втыкал иглы в нос и щёки. Тут шпионы подались - купец стал вспоминать свои детские клички, а слуга - перебирать все подряд пришедшие на ум имена, в надежде угадать, и оба каждый раз живо интересовались - какое имя нужно вспомнить, пусть подскажет, однако злой послушник в ответ только усмехался.

Через час слуга сделал под собой лужу, купец обгадился, но имени, так нужного Клею, не сказал никто. Послушник ещё усилил нажим, втыкая сразу по две иголки - и измученный купец сломался - назвал вожделенное имя. К этому времени он впал в полубессознательное состояние, мычал, закрыв

глаза, но на вопрос ответил чётко и внятно, что по настоящему его зовут - Я-Мо.. Клей вздохнул с облегчением, утёр со лба пот, и вышел поболтать с часовым, но тот молчал, с омерзением глядя на Клея, и на предложение промочить горло из фляжки с вином даже головой не качнул. Конечно, на посту запрещено и пить, и говорить, но смотря с кем - с ехидной послушником только идиот мог нарушить устав. Клей не обиделся, привычный к неприязни, выпил и поболтал сам с собой, и вернулся к купцу. Но тот, уже очнувшись, настолько пришёл в себя, что очень удивился, когда Клей назвал его по настоящему имени - Я-Мо. Пришлось показать новую иглу, поднеся её к детородному органу, который на ежа уже походил -верёвки впились в голое тело, купец затрясся, и тут же согласился, что он Я-Мо, конечно, что же Клей раньше об этом молчал?

Клей стал выпрашивать о задании - куда едет, зачем, и купец взахлёб рассказал, что он шпион, едет передать поручения другим шпионам, в Европе, и назвал - к кому, где и что, однако Клей только недовольно кусал губы. Это была явная ложь, из типа запасных легенд, что имеют все шпионы. Клей недоумевал.

Ни разу на его памяти человек, начавший говорить правду, не возвращался так грубо и нагло снова ко лжи. С другой стороны - это сам Я-Мо. Он сломался, потеряв разум от боли, в таком забытьи, что не помнил - что говорил. Крон ещё раз попробовал сломить упряма - и снова услышал, глядя в мутные глаза, твёрдый ответ, что он - Я-Мо.. И всё, никаких подробностей - ни явок, ни имён.

Крон понял, что с этим типом не совладать - пусть магистр занимается. Главное сделано - Я-Мо пойман, а пока Клей принялся за слугу, но тот клялся, что ничего не знает ни о каких шпионах, он просто нанялся к этому купцу, чтобы заработать. Купец говорил тоже самое, да и слуга выглядел жалким, тощим и забитым, не то что толстощёкий, здоровенький Я-Мо, и послушник решил прекратить допрос. Но слуге сказал, эдак угрюмо, что магистр разберётся - шпион ты или нет? Может ты и впрямь слуга. Так что - отпускать тебя за это? Или награду какую дать? Эдак и поболтать не с кем будет, если всех отпускать.

Помня, что эти двое могут оказаться колдунами, Клей решил ослабить их колдовство, разведя подальше друг от друга.

Слугу вывел из подвала и запер в свободной комнате первого этажа гостиницы, связав руки и поставив у двери часового. А уж злодея Я-Мо так обложил, как только смог придумать, чтобы магистр остался доволен. Связанного как куклу, по рукам и ногам, в камере его охраняли двое солдат, за запертой дверью стоял часовой, и ещё один - у входа в подвал. Решив, что всё сделал, как надо, злодей со спокойной душой отправился искать магистра..

У выхода его остановил Герберт, и спросил - какого важного шпиона поймал послушник, ради которого из подвалов выгнал всех бродяг? Они ходят, и всем плачутся на жестокого послушника. . Клей ответил, что это секрет, и велел гнать с постоянного двора этих неблагодарных бродяг. И ушёл.

А к Герберту чуть погодя опять пристроился тот купец, что показал обломок серебряной пуговицы. Узнав, что кого-то поймали, он помрачнел, и тут же велел Герберту узнать - одного шпиона поймали или двоих, где содержат, как охраняют, и всё прочее, что сможет. Герберт заворчал, что попробует. Магистр навёл такие строгости - спросить лишний раз боишься, чтоб за шпиона не посчитали - и ушёл в гостиницу. Нижний этаж состоял из левого крыла и правого. В конце левого крыла стоял обычный часовой, что охранял лекаря уже три дня, но в конце правого крыла Герберт увидел нового часового. Герберт подошёл к нему, и спросил со сварливостью хозяина - чего он тут стоит? Неужели магистр занял ещё одну комнату?

Часовой, поколебавшись, всё же ответил, что занята, но не комната, а небольшая кладовка рядом, без окошка. Герберт обрадовано сказал, что кладовка - чёт с ней, хорошо, что не комната за десять золотых. И ушёл доложить купцу-желтяку, что больше узнать не смог. Но купцу и этого хватило. Он велел разместить в комнатах рядом себя, а также пятерых слуг. Герберт заподозрил, что тихо это дело не окончится. Он твёрдо в этом уверился, едва увидел в свете факела лица этих слуг - чёткие, безмятежные, с пустыми взглядами. Таких гибких и мускулистых молодцов он уже видел, а уж рассказов об их искусстве выше головы наслушался. Будто бы эти восточные колдуны могут отбить голой рукой удар меча, ладонью - копьё, а уж головой могут и стену кирпичную пробить.

Восточные купцы раньше часто нанимали этих магов для охраны караванов, но теперь они показывались редко - дешевле было нанять пятерых воинов, чем одного такого.

Увидев их, сразу пятерых, Герберт задрожал. Будет заварушка, кого-то из этих молодцов могут ранить, схватить, и уж тогда магистр заставит его сказать - кто им тут помогал.

Разместив всех приезжих по комнатам, и собрав с них деньги, Герберт кинулся в ночь, чтобы приготовить лошадь на случай бегства. А приготовив, Герберт решил рассказать о подозрительных постояльцах охране гостиного двора, но опоздал - она во всю воевала с неожиданным противником, напавшим на тюремный подвал.

Сначала был убит часовой в правом крыле, тихо и бесшумно. Один из слуг, выйдя от купца-хозяина, с благостным видом неожиданно прыгнул на часового и диким по силе ударом босой пятки сломал грудную клетку. Часовой ничего такого не ожидал, и тихо умер. До этого он дремал себе, прислоняясь к стенке, а слуг, что сновали по коридору из двери в дверь, и замечать перестал. Второй часовой в левом крыле ничего не увидел, потому что свеча перед центральным входом мешала разглядеть, что там делается в другом конце коридора..

Он тоже, кстати, дремал, ничего и не собирался разглядывать. Купец шмыгнул из своей комнаты к соседней кладовой, переступив через труп часового, и осторожно снял засов. Вскоре освобождённый Я-Мо потряс затёкшими от верёвок кистями, слушая торопливый доклад своего спасителя. Они подошли к двери кладовой, собираясь прошмыгнуть в комнату купца, где было спасительное окно на волю, однако пришлось затаиться из-за шума в коридоре. Подошло время смены караула, и в гостиницу ввалились заспанный солдат позади хмурого разводящего. Факел у них горел ярко. Какие ни заспанные, они сразу увидели часового, лежащего в конце коридора. Топоча сапогами, они пробежали мимо двери купеческой комнаты, а из-за неё на спины им прыгнули двое восточных бойцов. Факел упал и погас, но часовой в левом крыле мигом сообразил, что разводящий не просто споткнулся, да и не мудрено было сообразить, потому что разводящий коротко вскрикнул, знакомо так, словно пробитый мечом или ножом в спину. Часовой в левом крыле набрал в грудь воздуха и завопил: - Тревога!!! -

Он поднёс к своей лампадке приготовленный факел - тот вспыхнул и осветил чёрную тень, бесшумно бегущую на часового. Тот бросил факел в лицо нападавшего, который ловко от факела увернулся, но на выставленный меч напоролся, словно жук на булавку.

На крыльце гостиницы тоже стоял часовой, он подхватил сигнал тревоги, затем его повторили часовые на воротах, и в казарме через дорогу стали вспыхивать один за другим факелы.

Спустя несколько минут два десятка злых и сонных солдат выскочили из дома-казармы напротив ворот, уже распахнутых часовыми. Но этих минут хватило Я-Мо и его сообщнику купцу, чтобы проскочить в комнату с окном, и дальше, в темноту и на волю. Заслышав шум в коридоре, Я-Мо ещё в

кладовке понял, что уйти им поможет только чудо. Он его и выпросил его у Кия, в лице Пу-И и других, и сказал купцу, что уходить придётся вдвоём. Телохранители задержат погоню, насколько смогут. Понятливый купец попросил Я-Мо не выходить из кладовки, пока он отдаёт приказ, и прошмыгнул в свою комнату. И сказал молодцам, что в кладовке - не Я-Мо. Тот находится в подвале. Отбить его уже не удаётся, поэтому необходимо, чтобы он не попал живым в лапы магистра. Пробейтесь в подвал. Всё ясно?

Пу-И, самый старший из охраны, кивнул, и выскользнул за дверь. Второй часовой в левом крыле всё стоял на своём посту, в ожидании подмоги, когда четыре чёрные тени заскользили вдоль стен коридора. Часовой снова поднял меч, но нападавшие издали метнули два клинка, один из которых пробил часовому глотку.

Купец и Я-Мо в это время уже вылезли в окошко. Охрана вокруг частокола была снята, и вскоре без помех оба беглеца перелезли через него, притащив припасённую лестницу. Они побежали ночным лугом, ориентируясь на мерцающий огонёк костра, где их ждали лошади под присмотром ещё одного купца-шпиона, который уехал из деревни вчера, и ждал в условленном месте.

Я-Мо до последнего момента не мог поверить, что вырвался из лап магистра. Он послал к костру своего товарища, опасаясь засады, но всё было спокойно. Лошади мирно хрустели овсом, купец со слугой клевали носами. Сбросить со спин лошадей тюки с товаром было минутным делом, и вся компания вскоре устремилась, погоняя лошадей, прочь от деревни, навстречу смутно белеющей дороге. Я-Мо скакал впереди, производя странные звуки, на которые даже его лошадь удивилась - то ли всхлипы, то ли смех, то ли всё это вместе.

Караул из казармы, с факелами и с блиставшими мечами, ворвался на первый этаж гостиницы, но там было тихо - все лежали мёртвые - солдаты с разводящим, и восточный человек, босой, в простой чёрной одежде. Один арестант был на месте, за что на радостях получил по роже, но второй арестант - бежал.

Преследовать его никому не пришло в голову при виде выбитой двери в подвал, откуда долетел удушенный стон.

Подвал находился за лестницей, ведущей на второй этаж. Несколько минут назад четверо восточных магов сломали его дверь ударами босых пяток. Когда устремились вниз, их уже ждали - часовой внутри после тревоги заложил второй засов и позвал на помощь остальных, так что первому из нападавших пришлось скатиться по лестнице с двумя стрелами в груди. Но остальные трое, метнув вниз факел, сбегали в подвал невредимыми, и с мечами в руках. Зазвенела сталь, в мерцающем свете факелов сверкая бликами на мечах. По стенам метались чёрные тени. Трое солдат и один желтяк упали мёртвыми, но последний часовой предпочёл юркнуть в камеру с пленным купцом, где и заложил изнутри дверь дубовым засовом. Но и дубовый недолго продержался - лопнул под резкими ударами желтяков. Часовой к этому времени успел поднять на ноги связанного купца, и когда дверные петли коротко скрипнули, в полной темноте толкнул его в дверной проём. Купец заорал, пронзённый двумя мечами, а часовой наугад рубанул мечом воздух, ухитрясь разрубить голову одному из нападавших, после чего получил от второго смертельный удар в горло. Как только в подвале всё успокоилось, верхняя дверь, висевшая на одной петле, скрипнула и плеснула голосами со стуком железа. В неверном свете внесённого факела последний живой восточный человек по имени Пу-И, спокойный, словно труп,

разглядел лук и колчан со стрелами на мёртвом солдате - и тут же пустил его в дело. Первый же

храбрец, ступивший сверху на лестницу, упал назад с опереньем стрелы, торчащим из левого глаза.

Убедившись, что подвал захвачен весьма искусными стрелками, разъярённый командир послал за щитами, шлемами с глухим забралом, и луками, а тем временем восточный человек отодвигал засовы, выгоняя из камер пленников, и убивая их одного за другим, тихо и быстро, сильнейшим ударом ладони ломая шею. Только один, почуввав неладное, рванулся в последний миг и едва не вырвался из захвата железных пальцев Пу-И, но подсечка ногой сбила его на пол, где упавшее всей тяжестью тела острое колено раздавило грудь - только кости хрустнули. Содрав с одного покойника ветхое рубище из двух кусков ткани, телохранитель Кия напялил его на себя, а покойника обрядил в своё, чёрное одеяние, прислонив его к стенке в конце коридора.

Когда солдаты, кипящие от злости, зазвенели металлом по лестнице, прикрытые щитами и забралами, их встретила мёртвая тишина. Весь пол подвала устлан трупами. Лицами вверх, глаза выпучены, чернеют провалы ртов, а головы повёрнуты так, как бывают повёрнуты только у повешенных, со сломанными шейными позвонками. Потрясённые солдаты не сразу заметили чёрный силуэт у дальней стенке, с заряженным луком на коленях.

- Вот он! - заревел кто-то.

- Кажись, подход уже, - добавил второй, поднимая факел повыше.

Но командир, опасаясь подвоха, велел лучнику пробить плечо или руку, и тот щёлкнул тетивой. Стрела впилась в плечо, и чёрный человек сполз на пол. Солдаты осторожно двинулись вперёд, ощетинившись мечами и короткими копьями, осматривая пустые камеры, освещая факелами лица покойников. Пу-И в рубище лежал неподалёку от лестницы, и шея его была вывернута почти так же, как и у других, и глаза блестели безжизненными стекляшками, а когда две капли кипящей смолы с факела упали на щеку, лицо осталось таким мёртвым, что не подкопаешься. Трупы в чёрном солдаты злобно пинали, протыкали сердце ударом копья. Проткнули и тому, у стены, когда дошли до него и убедились, что он мёртв. Солдаты ругались, отирая пот, опускали оружие, не понимая, что тут произошло и почему, а командир тупо смотрел на труп в чёрном, не в силах понять, что его беспокоит.

Наконец, до него дошло очевидное, и он взревел, указывая пальцем: - Отчего он умер, чёрт побори? Наша рана не смертельна. Он мёртвым из лука стрелял, что ли? -

Ещё бы немного ему поразмыслить, и мог сообразить, как его покойники обставили, но восточному человеку - то ли наскучило лежать, то ли он счёл, что солдаты достаточно расслабились, но только один из покойников ожил, и кошкой взлетел по лестнице из подвала. Солдат у входа не успел даже мечом замахнуть - только ткнуть, но ловкий азиат отбил лезвие рукой и вонзил палец противнику в глаз, да с такой силой, что второй глаз вылез, выпучась, из глазницы. Солдат рухнул мёртвым, а желтяк подхватил меч и ринулся к выходу из гостиницы.

На его пути оказалось двое солдат - почти на крыльце.

Один был тут же зарублен, не успев даже поднять меч, а второй завопил, и рубанул желтяка наотмашь. Но тот увернулся, перевернулся, и лягнул солдата пяткой в челюсть. Солдат шатнулся назад, но устоял благодаря часовому, что вбежал с крыльца.

Позади желтяка раздавались крики солдат, спешащих из подвала, спереди - у выхода на волю - два опытных бойца. Желтяк сделал ложный выпад, и метнул меч в лицо одного. Другой от души врезал

мечом - по воздуху, потому что желтяк одновременно с ложным выпадом и броском меча ещё и вперёд кувыркнулся, кубарем выкатясь в раскрытые двери на крыльцо. Солдат ринулся за ним с надеждой срубить ловкача на ступеньках, но второй солдат, раненый в лицо и злой, как чёрт, ринулся тоже с такой же благой целью. Они столкнулись, и момент был упущен. Увидели только пятки, мелькнувшие в темноте. Сколько ни бегали с факелами по двору, желтяка не нашли. При такой ловкости неудивительно.

До рассвета вся гостиница не спала - ловили, искали, обыскивали, а под шумок иные солдаты изрядно хватанули от купеческих товаров. Послушник Клей бегал с тремя мелкими командирами, не зная - кого хватать, что происходит, и откуда столько трупов на его бедную голову. Он убедился, что Я-Мо убит, и потому о погоне даже не подумал. Его слуга, правда, ухитрился улизнуть. Клей окончательно убедился в этом, пересчитав всех купцов и слуг в изгороди. Не хватало одного купца, сбежавшего пленника, и ещё одного слуги, ещё четверо азиатов в чёрном лежали рядом перед гостиницей, для опознания, и Клей удивлялся, как такие тощие столько наворочали.

Послушник плохо соображал, измученный вознёй со вдовой, всю ночь не спавший, и просто не знал, что делать дальше.

Он попытался представить, что сделал бы в первую очередь магистр, и похолодел. Конечно, проверил бы сначала дракона, славу и надежду королевства. Чтобы ни случилось, дракон - главное. Клей поспешил на холм. А там, несмотря на ранний час, угрюмый Сэм уже тюкал что-то в кузне. От него Клей узнал, что всё в порядке, и жаль, что восточные бандиты обошли дракона. Он злой что-то в последнее дни. Чувствует, что скоро отъезд на войну. Сэм рассказал ещё про измену сотника Крона, как честный человек, присягнувший королю Алану на кресте с гвоздиками от Иисуса Христа. Сотник Крон, оказывается, приходил вчера, и очень хвалил желтяков, какие они храбрые и щедрые, и людей не вешают, как магистр, а только на кол сажают, и то за дело. Справедливые, словом, люди. Сотник изменник никудышный. Запинался и глядел жалобно. Хоть бы сказал, сколько желтяки сулят. Сэму просто любопытно было. Но тот про деньги ничего не говорил, и Сэм, не выдержав его нытья, обещал за такие разговоры по шее надавать. Потом и к Вейну подваливал, но тот так заболтал, что сотник вскочил на коня и умчался, как бешеный в сторону города.

Послушник, выслушав всё это, совсем растерялся. Неужели это сотник навёл желтяков на подвал? Подумав, послушник решил тоже вскочить на коня и умчаться, как бешеный, в сторону города, с докладом - подальше от всей катавасии. Он взял с собой мелкого командира, из тех, что ночью бился с желтяками, и к вечеру был уже во дворце.

Перед тронным залом располагался малый зал, куда охрана привела Клея, и где он увидел Мюррея, хмурого и сонного. Вспомнив кучу трупов в подвале, послушник хотел назвать его скотиной в сердцах, но по привычке, что появляется у каждого верующего человека, успокоился, и сказал тихо, что в деревне пустяковые неприятности, и пусть Мюррей почаще учит своих неумех солдат, а то платить кучей трупов за четверых тощих желтяков накладно выходит. Если Мюррей и впредь больше будет интересоваться женщинами, а не воинскими учениями, то скоро у такого мерзавца и солдат не останется.

Мюррей мигом проснулся, выпучил глаза, раскрыл рот и что-то проквашал, но обиженным Мюррей не выглядел. Клей, успокоясь, уставился на дверь в тронный зал, не слушая шипящих вопросов от растяпы. Долго ждать не пришлось. Узнав о новостях из деревни, король Алан велел впустить послушника Клея,

Тот вошёл, и доложил, что всё нормально - Я-Мо пойман, но убит, потому что сообщники сделали неудачную попытку его освободить. Сбежали два мелких шпиона, купец и слуга, а нападение с блеском отбито, четверо злодеев мертвы, один бежал. Наши потери всего двадцать три человека - самых лучших бойцов Мюррея.. Но это мелочи. Дракон на месте, и готов к бою. Какие будут приказания?

Так молодцевато доложив, Клей всё же выглядел малость ошарашенным, потому что сотник Крон и трое солдат стояли, придерживая руками полуспущенные штаны. Когда у одного штаны случайно выскользнули из рук, то Клей увидел голую задницу, а так же понял, что разрезаны все ремни и завязки, которые поддерживали упавшие штаны,. Тут вспомнилось, что Мюррей так и не поднялся со стула, что-то мешало - тогда Клей не понял, что именно. Какая здесь война была - Клей терялся в догадках, хотя войны никакой и не было. Могла случиться бойня, если б король Алан был дураком. Но дураком он не был, и потому обрадовался, когда принцесса Кристи вдруг его послушалась, и спокойно вышла из зала. Это произошло после доклада сотника Крона, позади которого стоял связанный магистр, между двумя солдатами и гордым Мюрреем, нежно глядевшим на Кристи. Однако принцесса вернулась необыкновенно быстро, и король уже не обрадовался, глянув в пустые глаза дурочки. В её руке блеснул меч, выкованный эльфами. Старый король громогласно заорал, зачем девчонка притащила меч и вообще вернулась, тут дело мужское. Принцесса с любопытством посмотрела на него, и только. Король Алан, хотя и был в бешенстве, но смолчал. Он один понимал, что теперь все тут, в доспехах и с мечами, стоят на волосок от вечности. Никто, кроме него, не дрался с принцессой на деревянных мечах в фехтовальном зале. Но он был король, и потому продолжал орать на магистра, хотя в какую-то часть головы вползла мысль, что принцесса Кристи свои игрушки и в детстве не отдавала. А этот изменник - нё жених. Может, и сгоряча, но после доклада Крона король не мог сказать ничего, кроме приказа повесить подлеца. Тем более, что магистр сознался, с удивлением даже - разумеется, вёл переговоры с желтяками, но... -

Эти "но" короля уже не интересовали, потопленные во вспышке гнева. Король не должен доверять людям. Точнее, не может доверять. Таких доверчивых быстро убивают. У каждого короля есть граница доверия, за которой он просто нутром чувствует, что подставил глотку. Магистр перескочил эту границу.

И переговоры с Кием за его спиной - кто может знать, всерьёз их ведёт магистр или нет? Кий способен пообещать и корону на королевство. Легко обещать чужое, и Кий обещает.

Легче и безопасней повесить магистра, чем подставлять вот эдак горло. Такая измена с лихвой перекрывала все недостатки казни магистра. Орден выберет нового магистра, поумнее, хотя бы того же Клея. Договор подписан именно с Орденом, а не с магистром.

Ну, часть шпионов будет потеряна. Какие-то планы пойдут прахом.

Но простой разум требовал от короля Алана немедленно повесить эту рыбину, раз нарушил приказ о переговорах.

И король Алан приказал его повесить, хоть на этой вот поперечной балке, немедля, в гневе отбросив мысли об игрушках сестрёнки. Мюррей и сотник Крон кинулись к магистру, но перед ними мелькнула принцесса и блеснула сталь - оба упали, запутавшись в съехавших штанах. Как и два солдата, что кинулись к магистру следом.

- Повесить его! - взревел король Алан, взбешённый ловкостью принцессы, от которой старый король вообще онемел.

Но повесить магистра не удалось - когда все четверо вскочили, пытаясь удержать сползающие штаны, принцесса хмуро пообещала немедленно обрубить их красивые органы размножения, если кто рискнёт сделать шаг вперёд, а не назад. Вся четвёрка немедленно сделала шаг назад, да ещё прикрываясь руками спереди, потому что принцесса дура, настолько испорченная эльфами, что всегда выполняет свои обещания. Врать дура не умела. Сказала - сделает.

Единственный, кто отступил со славой, был Мюррей, потому что его руки не смогли скрыть инструмент между ног, поднявшийся для работы. Мюррей при взгляде на Кристи просто терял всякое самообладание, и это сработало. Все уставились на инструмент Мюррея, воспалённый и красный, а сам Мюррей уставился. Он гордился своим орудием любви, не очень и прикрывал его, потому что, как все пылающие страстью, готов был воспользоваться любой возможностью привлечь внимание своего предмета обожания. Пусть посмотрит, какого венца творения она лишается.

Принцесса Кристи успела в деталях рассмотреть венец творения, потому что сначала захихикал старый король, потом начали смеяться и хохотать все остальные, даже король Алан - при взгляде на гордую рожу Мюррея.

Тут кругом измена, вот-вот головы полетят, а у придурка одно на уме. Однако, взглянув на сестрёнку, которая с любопытством уставилась на то, что её преследует и ожидает, король опомнился и заорал: - Вон отсюда! Вон! -

При первом окрике Мюррей вздрогнул, а после второго ринулся к двери, упал, запутавшись в штанах, и чуть не сломал свой любовный жезл. Когда его голая задница скрылась за дверью, грозовой воздух Тронного зала всё-таки посвежел. Солдаты и сотник пытались починить завязки на штанах, а король Алан начал разбираться.

Вскоре он выяснил главное - магистр нарушил, конечно, приказ короля, но измены тут нет. Просто чересчур увлёкся поимкой своего заклятого противника. Всё стало ясно, когда магистр спросил сотника Крона - откуда Герберт мог узнать о переговорах? Только от желтяков. Посол сидит в подвале три дня, но Герберт узнал об этом именно тогда, когда магистр устроил облаву на Я-Мо. Пусть трактирщик и верный шпион короля Алана, однако желтякам он оказался ещё более верным - своим доносом убрал магистра в самый горячий момент. А сотник проявил такую доверчивость, что магистра так и тянет спросить- сколько ему заплатили желтяки, чтобы спасти Я-Мо?

Сотник Крон, естественно, обиделся, и началась перебранка, но тут вошёл солдат с докладом о послушнике Клее с плохими новостями, и король велел его привести. К тому времени король немного успокоился. Если бы магистр действительно захотел переметнуться к желтякам, у него была тысяча возможностей сделать это, причём не так глупо, как сейчас, вызвав посла для переговоров.

Послушнику Клею никто не собирался объяснять причину недержания штанов. Вместо этого огорчённый магистр укорил - насколько послушник доверчив.

Наверняка сбежал вовсе не слуга, а сам Я-Мо. Какой же дурак верит человеку под пыткой? Тот что угодно скажет.

Магистр даже осунулся- так огорчило возможное бегство Я-Мо. Он даже растерянно попенял Господу, отчего Он желтяка увёл из-под носа? Неужели Господь держит сторону желтяков и прав еретик Вейн, когда говорит, что Господь на стороне больших легионов? Быть не может. Стоит взглянуть в узкоглазые рыла желтяков, чтобы понять, где правда.

На эти сетования король Алан махнул рукой, и убежал поскорее по своим делам, вдруг осознав, как крепко ему аукнулась излишняя подозрительность. Ведь и впрямь Я-Мо ушёл..

Для короля самое опасное - когда совесть просыпается. Потому король и убежал, не выясняя мелочей, и не слушая злобных стенаний старого короля, что эта верующая рыбина опять вывернулся, хотя все приказы нарушает, как его левая нога захочет. Пусть тогда совершит помолвку с принцессой, и сей же час, раз уж повесить не удалось, пока дура не передумала. Это будет лучшим доказательством, что он верен королю Алану.

Магистр был настолько огорчён, что не сумел найти возражений, и только плечами пожал, и его тут же помолвили перед домашним алтарём в углу, где висело распятие и прочие причиндалы

Старый король так торопился, пока никто из влюблённых не передумал, что запретил сотнику Крону и солдатам сбегать за новыми штанами. Велел позвать короля Алана, а на роль священника и Клей сгодился. Он выслушал обещания взять замуж и жениться, приняв их от лица Всевышнего. Но старому королю этого было недостаточно, и ошарашенный магистр опомнился только на городской площади, от радостных воплей вооружённых горожан, которым глашатаи объявили о долгожданном событии.

Магистр, подозрительный по привычке, сразу забеспокоился, потому что о помолвке не объявляли заблаговременно - откуда столько народу набежало?

Расфуфыренная принцесса, мигом напаявшая всё кружевное и белое, что нашла, так и не пожелала слезть со своего рыжего жеребца Кассия, хмуро разглядывая счастливые рожи из толпы, которой раздавали мелкие монетки и всякие пряники, чтобы они пропили их в честь торжества, добавив в королевскую казну немало и своих монет заодно. Магистр удивлённо слушал приветственный гул толпы, тупо соображая, с чего бы народ обрадовался так рьяно? Гонясь за разными проходимцами вроде Я-Мо, магистр забыл, что верные послушники Ордена денно и нощно, в трактирных беседах под вино и в церковных проповедях, неустанно, в поте лица обрабатывали и возделывали непаханую целину в умах этих вооружённых горожан, бросая в неё обильные, жирные зёрна любви к Господу и его представителю здесь, господину магистру, который не щадит ни живота своего, ни шпионов, и стоит, аки скала, на страже их спокойствия и процветания, заботясь, аки пчёлка, чтобы они были толстые, сытые и весёлые, и размножались, как кролики, лопааясь от счастья, а сам в этих трудах даже поесть забывает, звон, какой тощенький.

Магистр даже малость перепугался, когда увидел, как беснуется счастливая толпа, вооружённая мечами и копьями, сдерживаемая редкой цепью конных послушников и солдат, и посоветовал принцессе слезть с этого чёртова жеребца Кассия, не дразнить народ, а стать рядом с ним, чтобы принимать поздравления от редких аристократов и городской знати.

Только увидев сонный взгляд ближайшего конного послушника, он вдруг осознал, что всё спокойно, и народ действительно рад и приветствует, как и подобает - будущего короля, бывшего магистра, только и всего. Так это событие видит народ, который уже передумал, что магистр негодяй, и решил, что лучшего правителя ему не надо. Оружие роздал - доверяет, деньги платит за каждый донос и каждого шпиона - щедрый. Желтяков не любит - значит, их полюбил - дронов. А что иногда кого повесит, так ведь у каждого человека недостатки есть, как без них. А у короля это уже достоинство - значит, порядок будет. Какой же король без казней? Это у них свойство такое.

Эта неожиданная помолвка на глазах превращалась в водоворот - площадь так и кипела, а с улиц бежали всё новые горожане.

Иные женщины аж заплакали от счастья, а иные мужчины передрались от избытка радости, но в основном, из-за денег и пряников. Король Алан скучал, глядя на народное ликование со своей лошади, танцующей позади жениха и невесты. Он слушал старого короля, сидящего в кресле, и скучал ещё больше. Старый мерзавец, добившийся своего, пускал слюни умиления и гордился собой перед сыном Аланом, повторяя, что теперь их род, их королевство, их настоящее и будущее твёрдо стоит на ногах. Дуру-дочку пристроили, что бы там она не болтала о фальшивой помолвке. Магистра облапошили, всучив девчонку, что бы там он ни бормотал о своём обете безбрачия. Народ не обманешь, он знает что почём, помолвка или видимость. Эвон как радуются, прямо рыдают от счастья. Народ, как мышь, знает - где сыр, а где мякина, а вообще-то надо виселицу новую построить, чтоб не больно то радовался.

У короля Алана изредка темнело в глазах, изредка болела то печень, то почки, иногда покалывало сердце и вообще всё остальное. Когда его зазнобило, он с досады вспомнил, что из-за этих скандалов и разборок с магистром забыл взять у принцессы это чёртово лекарство от её чёртовых эльфов, которое хоть немного помогает. Король Алан, опасаясь усиления хворей, смутно мечтал, что хорошо бы загнаться как-нибудь по быстрому, не мучаясь долго этой непонятной гнилью, что жрёт заживо.

Хорошо, вскоре надо будет нападать на желтяков, а не тянуть время, как раньше. Он выпьет лекарство, и непременно попробует того зелья храбрости, про которое рассказывал магистр. Оно силу даёт, и хоть на время боя он забудет про болячки, окунувшись в весёлую беззаботность, с которой жил раньше, пока не был подло околдован проклятыми желтяками с их трижды проклятым королём, с которым переговоры могут идти только на счёт способа казни - повесить или на кол посадить такого вероломного желтяка.

Магистр, наконец, пришёл в себя от дикой радости толпы, и стал размышлять, каким образом его сумели провести? Или это он всех провёл? Если рассуждать по негодяю Вейну, который события воспринимает как знаки Божьи, то он, магистр, выходит исключительно тупым и упрямым. Господь отдаёт ему в руки королевство дронов..И Кия с войском предлагает, если вздуматься. Правда, для королевства надо жениться, нарушив обет, а для Кия придётся вместе с ним громить Европу. Но своей цели магистр добьется, как и просил у Господа - захиревший Орден Св. Креста расцветает пышным цветом, вернувшись в Европу верхом на желтяках. Кий зарыдает от счастья, если шпионы Ордена начнут работать на него. Кий разгонит все прочие ордена, если магистру они помешают.

Вот как рассудил бы негодяй Вейн, гад, подонок, еретик и выродок. У него в душе ничего святого, его повесить легче, чем переспорить. Но магистр не верит, что Господь так уж невзлюбил Европу. Если даже в Европе малость позабыли Господа, это и без желтяков исправить можно. Когда желтяки хлынут в Европу, Папа Римский первый заорёт, что это кара Господня за грехи наши.. А магистра предаст анафеме и отлучению от церкви за измену христианству, и разве докажешь, что магистр исполнил волю Господа покарать Европу. Значит, остаётся христианином, избивая христиан, и чем больше их побьет, тем больше становится христианином. Вот как может получиться, если следовать дурацкой логике болтуна, который не видит разницы между добром и злом. Нет, через болтуна Господь испытывает крепость веры магистра. Он преодолеет искушение. В конце концов, пока Господь не выскажется достаточно ясно насчёт своей воли, он будет думать, как думал. Жениться не будет, королевство не возьмёт, и карать Европу вместе с Кием не пойдёт. Он разгромит проклятого Кия и поведёт Орден на Восток, где целина непаханая для обращения нехристей. А всяких ересей вроде той, что от Вейна, много, так много, что все и за жизнь не узнаешь. Истинная вера одна - католическая, а столп её - Папа Римский, и он, магистр, пусть столбик, но крепенький.

Возрадовавшись про себя, что преодолел искушение свернуть в трудах своих на лёгкую дорожку,

магистр воспрял духом. И повысив голос, чтобы перекрыть ликование толпы, обратился к принцессе Кристи, что пора бы этот бардак, то есть помолвку, заканчивать - ему в деревню гнать надо, по шпионским делам. И он вскочил на лошадь, что до этого держал за узду вместо невесты. Принцесса Кристи, раскрасневшись, сказала, что обычай требует поцеловаться при народе, а после праздничного пира в честь помолвки магистр может убраться ко всем шпионам, раз они милее. Приглашения на пир уже гонцы разносят, будут все приближённые, и они заподозрят что-то, если магистр сбежит.

- Ладно.- Буркнул магистр, подъехав вплотную.- Я на пиру хоть наемся. Два дня всё некогда пожрать. А теперь, Кристи, подставляйте щёчку. Для нежного поцелуя.- И магистр чмокнул принцессу куда-то в ухо. Народ взревел так, будто ему за это платили, аж магистр встревожился. Такого приказа он послушникам не отдавал, больше платить некому, Просто магистр по характеру такой подозрительный, что никакой искренности не верил, если она заранее не оплачена. Принцесса, дура доверчивая, наоборот - от такого ликования обнаглела и заявила, морща носик от удовольствия, что народ требует выразить свои чувства яснее, магистр. И сама поцеловала магистра в губы. Народ едва не взбунтовался, а уж задавить в таком ликовании кого упавшего - непременно задавил, за народом не задержится. После своего наглого нападения развратница, дорвавшись до бесплатного, заулыбалась до ушей, и повторила поцелуй. Но магистр, на которого горькая судьбина последние дни так и обрушивала жестокие удары, выстоял и в этот раз, но зашатался, а увидев, что вредная девчонка и в третий раз прицеливается, поспешил тронуть коня со словами, что стол уже наверняка накрывают, Кристи, пора в замок, уж очень кушать захотелось. Магистр спас таким манёвром не менее десятка горожан, потому что второй поцелуй жестокой принцессы унёс жизнь сразу четверых задавленных в беснующейся толпе.

Став наконец, заботливой невестой, принцесса сразу же, едва сели за стол в Большом Зале замка, принялась проявлять свою заботу, посоветовав магистру не кушать мяса. На пиру сейчас, и в жизни вообще. Оно всё отравлено слабым ядом, который накапливается, и через много лет ещё скажет своё болезненное слово. Но главное - мясо для человека чересчур сильная еда. Например, эльфы совсем мяса не едят, (- И потому такие маленькие.- буркнул магистр) , а только мёд и лепестки цветов, не то что тролли, которые трескают жуков и тараканов, мух и блох, крыс и мышей, а также прочую дрянь, и потому даже не летают. Да и живут всего-то лет по пятьсот, когда эльфы просто со счёту сбиваются, кому сколько тысяч лет.

- Откуда же силы брать?- спросил магистр, схватив вредную куриную ногу с блюда. Принцесса обрадовалась, и начала выкладывать свою ахиною, что вся сила берётся от солнца. Вначале солнце вгоняет свою силу в листья - солнечная неделя. В плодах и зёрнах уже вбухано два-три месяца солнечной силы, ну а в мясе животных, что жрут плоды и листья, уже годы и годы солнца. Есть мясо - это гореть заживо. Хватит зёрен и плодов. А то, что сгореть не успевает, превращается в жир - его вообще можно поджигать. Принцессе вовсе не хочется, чтобы её жених растолстел или заболел.

Слопав курячью ногу, магистр согласился, что эта курячья нога, конечно, многое ломает и сожжёт в таком сложном и тонком божеском творении, как его тело, но что делать? Враги все сплошь трескают мясо, и просто не дадут прожить морковочнику положенные даже сто лет. По причине молодости принцесса не успела увидеть, что такое война, а ему и смотреть надоело. Это кровь, трупа на дорогах, голод и болезни, банды и грабежи, пожары и смерть, страх и ужас. Хорошо бы устроить всеобщий мир, но так уж люди устроены, что постоянно что-то делят, и это всегда кончается войной. Так было и есть, и ему приходится трескать мясо, чтобы так не было. В будущем непременно наступит золотое морковкино время, когда людям нечего будет делить, но сейчас оно такое, что только кости трещат.

Время дубины, силы и мяса - и проживёт дольше тот, кто хватит противника покрепче. И как ему без мяса, да на такой работе - спасать людей и мир хранить, он не представляет. Он еле успевает отражать удары и козни то желтяков, то ещё кого несогласного, и без мяса мигом растопчут, и пусть поэтому принцесса не пытается отнять столь вредную, но спасительную баранью ногу у него, бедного голодного магистра К тому же это покажется гостям вовсе не заботой о здоровье, а простой жадностью принцессы и её невоспитанностью.

Принцесса оставила в покое довольного магистра, который немедленно зачавкал вредоносной бараньей ногой, и сказала, что доводы магистра понятны, но кажутся ей ошибочными до того, что она просто не понимает магистра. Зачем ему вообще спасать людей и мир хранить, да ещё ценой своего здоровья, если дело это бессмысленное и бесполезное? Скажем, пусть желтяки победят и перебьют дронов - ну и что? Или дроны перебьют желтяков - и какой в этом смысл? Всё равно и те, и другие передохнут сами собой, какие ни победители. Поэтому спасать людей - занятие бессмысленное и просто потеря времени. Всё равно, что удерживать тарелку из фарфора на двух пальцах. Она то и дело норовит упасть влево-вправо, упасть и разбиться. Принцесса как-то двое суток держала так проклятую тарелку, но она всё равно упала и разбилась, когда принцессу на секунду отвлек какой-то глупостью брат Алан. Вот хочется тарелке упасть и разбиться - ну и оставь её в покое, лучше о своём здоровье позаботься, чем о тарелочном. Хочется людям воевать - пусть воюют, не следует мешать. Им жить, может, не нравится. Надо уважать их желания.

Магистр докусал вредоносную баранью ногу, и благодушно ответил дурочке, что с точки зрения эльфов это весьма мудро, оставаться в стороне от драки, но мы - люди, и некуда бежать. Нужно заставить людей соблюдать заповедь Божию "Не убий", и для этого магистр не пожалеет ни сил, ни времени, и перебьет столько народу, сколько потребуется.

Принцесса попыталась наморщить лоб, но он не наморщился, и озадаченно сказала, что такая наивная доверчивость в справедливость, словно у ребятёнка, ей непонятна. И вызывает у неё, видимо, жалость к магистру - если она правильно представляет это состояние. И желание заботиться и защищать бедного жениха, так, что даже захотелось выпить немедленно любовное зелье эльфов. Но она ещё подумает - пить или нет.

Услышав про зелье, магистр мигом вострепнулся, окинул взглядом залу с жующими весёлыми гостями, уже забывшими про помолвленных, и заторопился, что надо ехать, а то без него шпионы совсем разболтаются, а?

Принцесса Кристи фыркнула, как кошка, и магистр тут же улизнул.

И очень вовремя, как оказалось, так как шпионы не только разболтались, но и обнаглели. Когда под утро магистр с охраной примчались в горную деревню, то убедился, что ездить бы надо ещё быстрее. Разобравшись, что Я-Мо всё-таки сбежал, магистр послал на поиски всех, кого смог собрать, но лишь для очистки совести. Им была объявлена награда за поимку Я-Мо, и его сообщника, трактирщика Герберта. Именем короля магистр конфисковал и гостиницу Герберта, и всё его имущество, а потом вызвал в гостиницу Лейна, и весьма ласково поговорил. Дело было в том, что сотник Крон доложил магистру о разговоре с Вейном, после которого сотник Крон вскочил на лошадь, и умчался, как бешеный, в город. Вейн сказал, что это явный знак Божий, такое хорошее мнение сотника о желтяках. Знак, чтоб к желтякам переметнуться. Слабенький знак, но всё-таки. Так что Вейн подождёт пока перебежать, и тут хорошо. Пусть Господь ещё знаков пришлёт, покрепче, тогда сразу и перебежит. И ведь перебежит, рано или позже. Так что против болтуна следовало вовремя принять меры.

Покрутив и повиляв словесами, магистр прямо спросил Лейна - не возьмётся ли тот убрать Вейна? Да не сейчас же, куда ты?! А потом, когда магистр даст сигнал, убедясь окончательно в измене?

Лейн горячо заверил, что он всю деревню перебьёт, не то что одного Вейна, если магистр прикажет. Вздохнув, магистр пояснил, что как раз приказ отдать не может. Более того - отопрётся, что с Лейном об этом разговаривал. Потому что дело вовсе не простое и грубое, а даже тонкое и деликатное. К несчастью, негодяй и изменник Вейн весьма дружен с Сэмом, очень хорошим парнем и весьма ценным для короля солдатом. И Сэм может обидеться на магистра и короля за такие приказы. Ну и зачем, спрашивается, обижать человека, если можно и не обижать? Поэтому - всё должно случиться без всяких приказов, тихо, мирно и очень случайно. Такой обычный несчастный случай, где виноват только сам несчастный, и где никто больше не виноват, и магистр тем более не при чём. И Лейн не при чём. А то, что Лейн купит гостиницу Герберта за медный грошик, так магистр про это никому не скажет, а соврёт, что купил за бешеные золотые деньги.

Лейн сделал вид, что заскучал - парень ушлый, торговаться умел, - и сказал, что без приказа.., это же убийство и вообще -то грех на душу, и тяжесть такого греха одна гостиница не облегчит. Только с Элианой вместе. А Элиана так и начищает башмаки на городскую мостовую.

Магистр отвечал, что сделать может только одно - оставит Элиану под каким предлогом в деревне, а в город возьмёт только Сэма. Но уж уговаривать её стать хозяйкой в гостинице придётся Лейну. Элиана девушка умная наверняка предпочтёт выйти замуж за степенного хозяина гостиницы, чем за нищего дурака Сэма, который и вовсе замуж не зовёт. Идёт? Хорошо, но у Сэма и тени подозрения не должно появиться, что кто-то помог Вейну протоптать дорожку на тот свет, Магистру кажется, что Вейн просто напьётся своего горячего до потери сознания, да и сгорит в старой кузне, уронив уголёк из горна. Вместе с кузней и сгорит, чтоб и следов не осталось. И кто тут виноват, кроме собственной дурасти? Сэм огорчится, само собой, но ни на кого не обидится.

Лейн сказал, что это сложнее сделать, чем просто подстеречь в тёмном переулке с ножом, но он возьмётся. Если Элиана и впрямь останется в деревне, а не уедет вместе с Сэмом.

Магистр заверил, что останется, непременно, и договор был заключён. Этим же вечером, после скандалов, свар и споров Сэму было приказано грузить свою стрелу и её потроха на телеги, и завтра же отправляться в город. Сэм мрачно каркал, что эльф промахнётся, если магистр не даст ещё недели на учёбу. На стреле установлены новые рычажки для управления толкателем, и эльф в горячке может что перепутать. Магистр выпучил глаза и медным голосом заявил, что верит в эльфа, он герой и всё такое. Эльф на похвалы только пыжился и пыхтел, хотя чуял в словах магистра насмешку. Вейн был оставлен в деревне, для присмотра за драконом и крысами. Элиана - тоже, для присмотра за Вейном и колдуном. И прибывшая утром сотня солдат с послушником Клеем во главе - для присмотра за всеми ними.

Наутро Сэм уже дрыхнул в тряской телеге на пути в город, но его особо и не трясло - магистр для маскировки ничего не жалел, тем более сена, так что обгонявшим возы конным купцам все три телеги казались просто возами сена, и все они удивлялись, какой это дурак везёт сено в город, если его и вокруг города завались, да и с охраной ещё сено везёт, будто оно невесть какое сенное. Нет, это наверняка магистр замаскировал сеном какую секретную пакость для желтяков, - рассуждали купцы - он для маскировки ничего не пожалеет, тем более сена.

К Н И Г А Э Л Ь Ф А .

Когда прибыли в город, магистр и умыться Сэму не дал, сразу потащил на крепостную стену, выбрать место для орудия. Сэм выбрал самую высокую крепостную башню, под крышей, и уже на следующий день они с прилетевшим эльфом начали установку под охраной самых проверенных часовых. Работёнка предстояла нелёгкая. Чтобы нацелить медную трубу, её торец необходимо вмуровать в стену, а снизу выдолбить яму для огня. Магистр дал в помощь двух послушников, и работа спорилась - долбили кирпич поочередно и без передыху. В первый же день Сэма отвлек вопросами болезненного вида молодой человек, в блестящей дорогой кольчуге под алым плащом, оказалось - сам король Алан. Он пришёл посмотреть на человека и его затею - всё-таки слопали жалование сотни наёмников, - убедиться, что не зря слопали. Сэм всё объяснил, махая руками и подкрепляя возгласами "Ба-бах!" и "Бу-бух!", а также свистом и рёвом, когда объяснял работу толкателя. Король Алан убедился, что Сэм и впрямь дурак, ничего не понял, и ушёл, решив, что магистр знает, что делает. А вот старый король, которого принесли в кресле после обеда, выслушал все вопли и прочие звуки очень внимательно - вначале от скуки, но потом заинтересовался настолько, что стал приставать с вопросами. Сэм всё объяснил, и старый король даже кое-что понял, потому что спросил - нельзя ли стрельнуть вместо одной большой железной стрелы целым пучком маленьких стрел, чтобы они перебили как можно больше проклятого народу, который плодится, как блохи на собаке? При этом вопросе Сэм раскрыл рот, да так и плюхнулся задницей на подлокотник кресла старого короля, придавив ему руку. Потом вскочил, выпучил глаза, назвал себя дураком, а старого короля головой, и в восторге, захлёбываясь слюной, принялся мечтать - какое это выйдет страшное орудие, и как будет оно укладывать десятками вражеских солдат за единый миг. Старый король, потирая придавленную руку, уточнил - сможет ли Сэм сделать такое орудие для обороны замка, и Сэм закивал так, что чуть не оторвалась его дурная голова, а уж глазёнки его, свиные и мерзопакостные, так и загорелись безумием и восторгом. Тогда и у старого короля глазёнки заблестели, и он мечтательно сказал, что стрелок желательно напихать как можно больше, и чтоб летели как можно дальше, и всё это смертоубийство чтоб поскорее - вот чего от Сэма он хочет. И денег не пожалеет, хотя по дороге сюда, говоря откровенно, мечтал Сэма повесить за его глупости, но теперь-то понятно, что Сэм - человек ничего себе, хотя немножко и крикливый. Сэм плюхнулся было королю на вторую руку, но тот успел её выдернуть, после чего Сэм, сидя на подлокотнике кресла, обнял старого мерзавца за плечи, по привычке, и затарахтел, что его осенило ещё лучшее средство. Если натолкать в трубу свинцовых шариков либо камней - слой за слоем, ряд за рядом - при такой быстроте вылета они пробьют человека не хуже стрелок. Тогда можно будет одним выстрелом уложить сразу сто человек. Старый король от восторга забыл про парализованные ноги и попытался вскочить, но остался сидеть, а Сэм удивлялся вслух своей безмерной глупости. Они с Вейном, словно тупые бараны в ворота, упёрлись рогами в эту железную стрелу - как бы зашвырнуть её подальше, и проглядели такое прекрасное, чудное, божественное орудие.

Старый король велел принести вина и фруктов, и принялся обсуждать заказ и сроки исполнения, но поскольку был скуповат, на прямые вопросы об оплате отвечал уклончиво, стараясь только, чтобы стакан Сэма не пустел. Но тот, сколько вина не выпил, твердил только одно - чем больше денег, тем скорее работа, вот и всё, это закон природы такой, его всякий кузнец знает. Но король за свои денежки держался крепко, и всё подливал доводов из королевских погребов в стакан, так что Сэм раздулся, как бурдюк, то и дело бегая в уголок выливать это вино отнюдь не через рот. В ответ он угостил старого короля горячим для толкателя, облагороженным по рецепту Вейна, с ударной дозой мёда и перца. Старый король, опрокинув в себя стакан, сначала закричал по утиному, потом засопел от счастья, и очень быстро согласился, что и вино лучше некуда, и что условия Сэма прелесть, как хороши. Легко и запомнить, и понять - чем больше денег, тем лучше. А после второго стакана старый король отдал Сэму все пять мешочков с золотом, что таскал при себе, расцеловал нового друга, и под

конец залился пьяными слезами, что все его тут обижают, старенького калеку, все мерзавцы, и только один Сэм - лучший его друг и вообще луч света в тёмном царстве. А закончился вечерок и вовсе славно - всеобщей руганью и дракой, которая началась с оплеухи, что отвесил старый король Сэму просто так. Сэм разъярился, заорал, и треснул его старое величество по уху. За старого мерзавца вступились его четверо слуг, за Сэма - двое послушников, к счастью, все трезвые, и потому обошлось без увечий и смертоубийства. Сэму подбили глаз, и поорали друг на друга всласть, так, что под башней внизу толпа собралась из горожан, послушать и погадать - кто там "козёл вонючий", а кто "жирный боров" - вот и всё.

А на другой день поутру в башню заявила принцесса Кристи, держа на руках свою кошку. Поскольку одевалась принцесса Кристи, как дура, для своего удобства, а не для людей, как одеваются все умные люди, то Сэм не заподозрил в ней принцессу, и бесцеремонно велел оборванке проваливать, а кота оставить. За кота Сэм даст ей целую золотую монету, потому что ему нравятся толстые коты, особенно если они лежат у него на груди, когда тяжело с похмелья, как сейчас, и громко мурлыкают прямо в нос. Оборванка молча его разглядывала, и тогда Сэм спросил - чего она уставилась? Громко ли мурлычет кот? Да и как её часовые пропустили в секретную башню? Оборванка будто не слышала - глядела на все секреты во все гляделки, и секретного Сэма искоса разглядывала. Тогда он спросил в сердцах - Ты что, дура?

Оборванка удивилась, и тут же спросила - а как он догадался? Сэм ответил, что сам дурак, а дурак дурака видит издали, и снова посулил ей золотой за кота, и показал даже, вытащив из мешочка.

Оборванка ответила, что может дать Сэму кошку погладить, раз он дурак, а деньги ей не нужны, потому что она принцесса Кристи. Ей без денег принесут всё, что надо, и деньги в том числе, но она не хвалиться сюда пришла, а узнать - каким ядом угостил вчера Сэм её отца? Тотдохнул - принцесса чуть не упала, а у кошки и ушки завяли.

Однако Сэм не поверил, что перед ним принцесса Кристи, а за яд обиделся, и сказал, что это секретная вещь, это горючее для толкателя, но не обругал и не выгнал оборванку, как человек осторожный, и правильно сделал, потому что из расспросов стало понятно - оборванка знает всех и вся, от магистра до эльфа, который дрыхнул в углу в коробочке. Даже знает имя эльфа, но Сэму нипочём не скажет. Это убедило Сэма, что перед ним королевская дочка, потому что она единственная знала эльфов по именам - эльф сам это сказал, когда в деревне спрашивали про имя. Чтобы назвать своё имя, эльфы никому из людей так не подставились бы, кроме принцессы Кристи. Потом эльфа как только ни называли - пенёк, кирпич, зараза, мерзавец - на всё отзывался, настолько всех презирал.

Тогда Сэм решил спросить, почему принцесса одета в паршивые штаны, а не в золотое платье?

Принцесса ответила, что штаны сшила сама, а ходит в них потому, что вскоре их всех тут разгромят, как ни старайся магистр их спасти. Ей придётся идти куда глаза глядят, как бродяжке, в злой мир людей, где в штанах она уравнивается в силах с любым злодеем. А платье наденет тогда, когда выберет подходящего злодея, и решит сдаться ему в жёны.

Сэм засомневался, почему это принцесса Кристи в штанах уравнивается в силах любому мужчине, и Кристи объяснила, что на руках у неё мышцы, конечно, не чета мужским, но вот ноги такие же сильные. В платье невозможно махать ногами, запутаешься, а в штанах она любому мужику так ногой по челюсти стукнет, что рукам и не снилось.

Но Сэм сомневался, что принцесса Кристи в штанах сильнее его, и они немножко заспорили, сидя

рядышком, у кого и где толще мускулы. Так как Сэм настаивал, что у него на руке мускулы толще, чем у принцессы на ноге, то после споров решили просто измерить окружности, хотя бы ладонями, чтобы убедиться, кто прав. И принялись за измерения, и у каждого получалось в свою сторону, потому что Сэм жульничал, и принцесса Кристи не могла его уличить, и злилась, но тут в башню вошёл магистр, хмурый, как всегда. И он ещё больше нахмурился при виде Сэма, который измеряет окружности его невесты обоими руками, и посмурнел ещё больше, когда Сэм смутился и забормотал, что поспорили, кто сильнее, и про измерения, и прочую чушь. Принцесса Кристи удивилась его оправдательному бормотанию, и спросила - В чём дело? Разве измерить ничего нельзя?

Магистр устало объяснил ей, что измерять можно всё, что в голову взбредёт, но у девушек такие места посторонним измерять не принято, ибо считается неприличным. А на вопрос - Почему? - ещё раз вздохнул, и ответил, что это принцессе объяснить трудно, и не потому, что она дура, а потому, что ей плевать на всех, и на его объяснения тоже. Не так ли?

Принцесса Кристи, хотя ей и было любопытно, врать не могла, и потому согласилась, что действительно, ей плевать - и на всех, и на объяснения. Сэм тут же заверил, что принцесса Кристи гораздо сильнее, и вообще, пора работать.

Принцессе пришлось уйти, чтобы не мешать важной секретной работе, и Сэм поспешил объяснить, что он вовсе не тискал девчонку, а... Но магистр махнул рукой, и перебил, что слышал про измерения, и просто ему, магистру, обидно - и за Сэма, что такой дурак, и ещё обидней за свою невесту, которую только и можно, что измерять, однако он пришёл сюда не эту дурость обсуждать, а вовсе другую - вот эту, железную, которая должна пробить Кия. Когда?

Сэм подумал, и твёрдо сказал - через три дня. Орудие почти установлено, яма под огонь - готова. Осталось только собрать стрелу и нагнать побольше горючего для толкателя, а то мало что-то, испаряется, наверно..., ну и прочие мелочи. Три дня.

Но магистр не успокаивался, и долго ещё выспрашивал, пристально глядя в глаза Сэму - попадёт эльф в Кия или нет? При выстреле эльф точно не раздавится? А сумеет ли управлять стрелой после выстрела? За коршунами не станет гонять? А хватит ли эльфу горючего? До желтяков - точно долетит?

Сэм даже взмок от объяснений, удивляясь про себя - чего это магистр задрезжал, как разбитая телега, хотя раньше был уверен в успехе шкоды больше всех?

Объяснения не успокоили магистра, ушёл недовольный, а оставшись один в своих покоях, принялся кружить вокруг стола, всё думу думая - как быть, да что выбрать. И надумал, измучась, спросить у Господа совета, и долго в молитвах спрашивал, но Господь молчал. Тогда магистр, кляня себя за тугоухость, вспомнил про Вейновы знаки на волю Господа. Они хоть наглядные, ясные - и попросил Господа хоть знак послать - чего выбрать, да на что поставить. Попросил, и сразу успокоился, и улёгся ждать, заложив руки за голову и глядя в потолок. Так и заснул незаметно, и спал одетый, пока не разбудил послушник сообщением, что король Алан вызывает к себе. Магистр вскочил с постели, и первой делом подумал - не Знак ли это Божий? И поспешил в Дубовый Зал.

Но король Алан завёл речь совсем о другом. Магистр согласился, что королю не пристало просить у Сэма горючего для толкателя. Поэтому магистр прикажет нагнать его побольше для себя, и пусть считают пьяницей, ко всему прочему, не привыкать. А пока магистр хотел бы изложить свои соображения по делу о покушении на Кия, потому что есть определённые сомнения, которые мог бы разрешить король Алан. Конечно, если эльфу удастся продырявить Кия, это несомненный конец войне и победа, и потому магистру очень хочется поставить на такой исход. Но здравый смысл

подсказывает, что такое везение маловероятно, и потому магистр с самого начала готовился извлечь пользу из этого покушения другим способом - своим привычным, шпионским. Один из его шпионов, колдун, отирается в войске Кия, и обязательно пролезет ему в доверие после предсказания о покушении на Кия. При удаче вообще может занять пост Главного предсказателя. И тогда представится реальная возможность отравить Кия, хотя бы с помощью лечебных игл, которые магистр, кстати, уже заказал у эльфов. Кроме того, покушение создаст, наконец, условия для бегства к магистру одного из вождей желтяков, Ден Лейна, с сотней своих родственников и соплеменников. Это не очень крупный вождь, а так себе, средний, но его соплеменники раскиданы по всему легиону Кия. Такая измена сильно ослабит войско Кия, но главное, приблизит заговор вождей, потому что для заговора и вождям нужен вождь, и теперь он появится. Есть ещё много мелких выгод, о которых не стоит упоминать.

Так вот, разум советует поставить именно на этот исход, для которого придётся пожертвовать первым. Но чувство вопреки всему говорит, что покушение может и состояться. Что эльф не только долетит, но и попадёт в Кия. Ведь выучился, собака, и такие фортеля в воздухе выделяет, что рот настезь. Да и толкатель новый, усиленный - на таком мелкий гад и чёрта достанет, не то, что Кия...

Король Алан знаком показал, что всё понятно, и магистр замолк. Чуть усмехаясь, король сказал, что всегда был уверен в магистре, и в том, что дурацкая затея с выстрелом - только дымовая завеса, хотя и забредали порой мысли о его немножко наивности. Есть она у магистра, как у всякого крепко верующего, и мешает иногда, как вот сейчас. Разумеется, эльф промахнётся, а вот шпионский замысел вполне реален. На него и надо ставить.

Магистр мрачно согласился, что разум так и говорит, однако магистр, как человек верующий, доверяет ему с оглядкой на волю Божью. А после провала с поимкой Я-Мо и вовсе засомневался - так ли он понимает Божью волю, которая ясней ясного засияла в этом провале. Ведь по всем человеческим законам этот Я-Мо должен сидеть сейчас в королевском подвале. Только волей Божьей магистр объясняет его бегство. Вовсе не хитростью Я-Мо или тупостью самого магистра, что бы ни говорили на этот счёт король Алан и старый король. И вот теперь ему, вопреки всем доводам разума, почему-то кажется, что ставить надо на эльфа. А?

Король Алан нахмурился, развёл руками, и посоветовал свои расчёты с Господом держать при себе. Утверждение, что эльф попадёт в Кия - это бред сивой кобылы. Король Алан настоятельно посоветовал магистру спуститься с небес на землю, где никто никогда нигде никого не дырявил на таком огромном расстоянии, когда и самой цели не видно, она за горизонтом. Хоть с эльфом внутри, хоть без эльфа - такого просто не может быть, что за глупость! И потому, ценя искренность магистра, король поможет разрешить его сомнения. И прямо приказывает, своей королевской волей, проталкивать своего шпиона. И так же прямо запрещает ставить на эльфа. И если окажется, что магистр опять нарушил приказ, король Алан уж позаботится, чтобы принцесса Кристи на этот раз не смогла помешать. Не сумасшедший же, в самом деле, магистр. Второй раз петли избежать не удастся. На этом - всё. Извольте исполнить волю короля, магистр.

Король Алан даже побледнел малость от злости, и кулаком по столу постучал. Магистр откланялся, и пошёл исполнять волю короля, говоря себе - просил Знак, и получил его, сполна, вплоть до виселицы. Так что делай без колебаний, и всё.

Придя к себе, магистр с лёгкой душой тут же и приступил к делу - написал шифровки, и едва стемнело, послал связных эльфов, выдержав, правда, небольшой скандал, потому что решил послать с каждым связным ещё двух, для охраны - из-за важности приказов. Эльфы орали на магистра, что

они шустрые, молния не угонится, по своей дурацкой гордости, и магистру пришлось напомнить, что недавно исчез ещё один связной, и поди разберись, кто шустрее эльфа оказался - тролль или сова, потому что грозы в ту ночь не было.

Около полуночи первый гонец уже бросил шифровку в карман колдуновского шатра, а второй стрельнул серебряной иглой в маковку другого шатра, того самого, где в норке жил тролль.

Когда колдун прочитал шифровку, то попросту открыл рот. Ему было велено предсказать Кию покушение через два дня, во время утреннего совета. Далее следовали подробности, обязательные к предсказанию. Колдун покорно пожал плечами и горько усмехнулся. Его дело маленькое, он предскажет, но таких предсказателей у Кия и без него полно, целая сотня. Кий слушает только проверенных, а уж его, колдуна-перебежчика, и близко к Кию не подпустят, хоть ты конец света предсказывай. Но колдун усмехался совершенно зря - магистр и об этом позаботился.

Сигнальную стрелку в маковке шатра почти в то же время увидел тролль, который ночами шлялся, как обормот, по всему лагерю, вынюхивал и выводывал, где что плохо лежит, и воровал, что мог, у спящих желтяков. Увидев издали блеск на маковке своего шатра, тролль мгновенно юркнул в чей-то снятый вонючий сапог, весь трясаясь от страха. Хотя магистр обещал, что запретит стрелять по нему, тролль ему не верил. Тролли никому не верят. Ещё с час тролль колебался, злясь на магистра и весь прочий свет. Стрела в маковке означала, по договору с магистром, срочный вызов на связь, к приметному гранитному валуну, что лежал на половине дороги до города. Повздохав, тролль надел панцирь из войлока с наклеенной ореховой скорлупой, и сел на свою метёлку. Когда тролль доискрил до валуна, шелестя над ночной травой, то сходу сделал огромный круг, на пределе видимости валуна, потом ещё круг, поближе, и ещё ближе, пока не разглядел на макушке валуна связного эльфа. Высоко над валуном, еле видимые, кружили ещё два. Приблизившись, тролль завопил, что так не договаривались, чтобы трое на одного. Он не переставал вертеть и крутить головёнкой в поисках засады - ручонки тряслись, да так, что метёлка сыпала искры снопами. Эльф молчал, не желая напрягать голос ради какого-то дерьмового тролля. Тому пришлось зигзагами подъюлить поближе, после чего тролль снова принялся ныть, что так нечестно, на что эльф, умея он смеяться, долго бы хохотал, услышав такое заявление от тролля. Эльф презрительно сказал, что это магистр охрану послал, а лично он и на трёх троллей бы наплевал. Так что пусть тролль перестанет вонять, никому он, гад, не нужен, тем более, что все трое эльфов обещали магистру лично - на этого предателя не нападать, хотя и презирают за предательство сильнее всех прочих троллей.

Услышав про обещание, тролль мигом успокоился, соскочил с метёлки, и вразвалочку подошёл к валуну. Уперев руки в бока, тролль нахально потребовал заткнуться и не обзывать его, тратя время попусту, а передать - чего там магистр велел, и всё. За тем тебя, шестёрку- связного, и послали к гордому шпиону,- нагло заявил тролль, и подбоченился. Эльф запыхтел, задёргался, и тролль ехидно посоветовал эльфу лопнуть от злости. Но эльф не лопнул - он попрыгал на валуне, как крышка на кипящем горшке, и всё. А потом велел троллю подсунуть колдуна Кию, немедленно с утра, нахвалив его до небес за верные предсказания. Можно даже врать, но чтобы Кий выслушал колдуна. День Красной Терры и всё прочее магистр сообщит троллю только в том случае, если справится с заданием.

Троль вздохнул, и принялся докладывать новости, с надеждой и опаской поглядывая наверх. С надеждой потому, что золото за эти сведения могли нести охранные эльфы, а с опаской потому, что эти подлые эльфы могли пришить этим золотом. Не нарушая данного слова, эльфы только так и могли его достать. Но, к огорчению тролля, пришивать золотом его не собирались. Эльф сказал, что эти ябеды магистр проверит, и за неверные будет вычитать по мешку золота из той кучи, что

обещана.

Троль тут же сказал, что наврал и про подкрепления, и про отряд летучих ведьм, и...короче сказать, про что не наврал - про восточного мага Пу-И, который вернулся в охрану Кия, и про известие о благополучном прорыве Я-Мо, полученном с почтовым голубем. Восточного мага тролль лично видел, а за враньё вестового голубя тролль не ответчик.

Закончив служебные дела, тролль и себе задумал чего урвать, ведь покушение - золотое дно, но едва эльф понял, что вопросы не по делу, и мгновения не потратил на булькающую грязь, которой считал тролля. Тут же поднялся и улетел, как всегда делают эти подлые эльфы. Тролля аж затрясло от ненависти и унижения - так, что он даже заплакал. В горячке он прокричал им вслед, что ещё заставит эльфов с собой разговаривать, когда станет королём троллей, и затопал ножками, но эльфы не обернулись.

Предсказание о покушении тролль сообщил Кию этим же утром. Он добился встречи с Кием, наврав охранникам, что имеет послание от короля троллей, срочное, очень. Наедине он заверещал, что колдун очень хороший, троллю золото предсказал, и вообще так волновался и путался, что Кий, который тоже не верил троллю, как и прочие, всё же заинтересовался. Покушение через два дня. Удачное - если Кий не примет меры. Колдун пусть и незнакомый, но хороший. Кий пожал плечами. Всё это надо было проверить у своих магов и предсказателей, более надёжных, чем незнакомец.

Заверив тролля, что разберётся, Кий вызвал Главного предсказателя, по имени Юань, и велел разобраться. Предсказание будущего - штука сложная, она требует большой работы и тонкой магии. Юань передал задание всем магам, кто состоял при короле, и предсказатели засуетились. Кто во что горазд - один потрошил петухов и прочую птицу, разглядывая внутренности. Другой - ночь напролёт выглядывал на небе звёзды, а днём - разглядывал полёт птиц и подброшенных листьев. Кто разглядывал карты, кто - кости, иные кидали расплавленный воск в холодную воду, иные - свинец и олово. А кто-то смотрел, бормоча, на пламя свечи, кто-то - в чашку с остатками чая - словом, все работали, и наутро Юань доложил Кию, что большинство увидело завтра какое-то смутное, но важное событие, но и всё. Чтоб так точно предсказывать покушение на Кия, да ещё удачное - это надо быть величайшим наглецом. Или - величайшим прорицателем.

Кий задумался. Он отлично знал, в чём трудность предсказания будущего. Львиная доля предсказаний касается событий, которые вполне в воле человека. Предупреждённый, он принимает меры, и избегает опасности. Скажем, поедет другой дорогой, и разбойники ограбят другого. А вернувшись из поездки, идёт к предсказателю и начинает возмущаться, что невредимый и с хорошей денежкой. Его маги могли увидеть только будущее, где Кий знает об опасности и готов принять меры. Препре будущее, с удачным покушением, мог увидеть только новый колдун.

Юань сказал, что наглый колдун-предсказатель просто цену себе набивает, втирается в доверие, и вообще врёт. А после завтра, когда ничего не случится, начнёт орать, что спас Кия своим предсказанием и сорвал покушение. Другие колдуны, проверенные, молчали, а этот пришлый сразу покушение раскрыл - ишь какой! И посоветовал Кию поставить колдуна на Весы Неба, тогда вся его наглость вмиг слетит.

Кий ответил, что Весы Неба - это слишком. И так ясно, что колдун врёт. Никакого покушения не будет, а Кий сегодня же велит Сену, новому своему Тайному советнику, присмотреться к новому колдуну - с какой целью врёт? Может, и впрямь хочет попасть к Кию поближе - тут куски послаще. Это ничего, понятно. А может врать и по указке магистра, для какой-то пакости, если шпион.

Вздыхнув, Кий закончил беседу, сказав напоследок, чтобы Юань не слезал со своих предсказателей. Всё-таки покушение. А сам Кий и думать про него забыл.

Кий знал, как работать с предсказателями, и в самом деле выкинул из головы покушение. Ведь одна только мысль в голове, или её отсутствие - способны переменить будущее. И новое будущее, где Кий выбросил из головы покушение, увидели уже этим вечером, а уж ночью предсказатели так и забегали. Многие просто вопили, пытаясь прорваться через охрану, что Небо переменялось, и с Кием случится ужасное, непременно!

Выслушав шестого колдуна, допущенного к нему, Кий окончательно убедился, что пришлый колдун не врёт, и велел позвать. Колдуна скрутили, и привели в шатёр Кия. Слева и справа от повелителя стояло по пять провидцев и магов, сверля глазами новичка. Как бы порчу не наслал, не сглазил, не наложил заклятия - но бедняге было не до глупостей, от только моргал и трясся от страха.

Кий спросил - каким образом он видит будущее?

Колдун ответил, что закрывает глаза, держа в голове вопрос, и видит, как темнота в глазах начинает оживать и освещаться, и в зависимости от направления мыслей меняется, порой резко, то светлея, то темнея. Эту картинку трудно описать словами, но он научился понимать её значение. Грубо сказать - если темнеет, к плохому. Но на деле сложнее. Лучше его по делу спросить - он ответит, вот и всё.

Подобные уклончивые ответы были Киею не в диковинку. Неожиданно Кий вспомнил, как Я-Мо завидовал магистру, который умеет обходиться без предсказателей, никаких дел с этой неопределённой братией не имеет, и даже вешает, наплевав на их заклятия. Тогда Кий возразил Я-Мо, что магистр вешает их из своего невежества, а на деле - просто не умеет с ними работать. Я-Мо промолчал. Вроде как согласился, а на деле - наоборот. Я-Мо из своего печального опыта знал, что магистр таки умеет работать с колдунами, и ещё как.

Кий тоже умел, по-своему, и потому спокойно спросил - Когда в течении дня наибольшая опасность? Утром, днём, вечером? Что видит колдун?

Колдун закрыл глаза, и забормотал, что чёрен весь день, весь. Это может означать, что опасность подстерегает Ваше Величество весь день. Трудно сказать точнее.

Кий решил задать вопрос по-другому. Во сколько надо встать с постели, чтобы начать этот чёрный день? Может быть, в полдень? Или вообще вечером?

Колдун снова закрыл глаза, и вскоре радостно сказал, что вся картина светлеет, если Кий будет спать до полудня.

Кий задал ещё один уточняющий вопрос, потом ещё и ещё, и спустя час совместной работы колдун уверенно подытожил, что да, покушение состоится именно во время утреннего Совета, после шести часов по солнечным часам, или двух третей по Большим водяным, или десяти пальцев по песочным, за всеми которыми следил Хранитель времени.

Это уточнение очень помогло другим предсказателям, которые работали в соседнем шатре - гадатель по воску увидел нечто острое, похожее на клюв, гадатель по картам - огонь и железо, а гадатель по небу увидел в звёздном узоре толстое летящее копьё. Услышав слово "копьё", один очень хороший ясновидец увидел огромного великана, который и метнул это копьё с огнём и грохотом. Узнав об этом видении, Кий велел временно прекратить гадания, боясь, что у этой шайки чересчур разгуляется фантазия. Он попробовал подойти с другого бока, и спросил - где колдуну

видится всего темнее? Если он будет на Совете? В шатре? В поле, на коне?

Тут колдун ответил быстро и уверенно - только на Совете всё черным-черно. Там смерть.

Кий вздохнул и призадумался. Ясно, что опасность исходит от кого-то из вождей, что соберутся на Совете. Все они подчинились Киею только на время похода, повинувшись воле Большого Желтяка, но занять его место мечтает каждый. При их-то волчьих зубах и аппетите, да при помощи магистра, они запросто могут организовать покушение. Скорее всего, это не одиночка. Это заговор нескольких вождей. Если он отменит Совет, это ничего не изменит. Они выберут для покушения другое время и другое место. Нет, выявить заразу необходимо на Совете.

Кий попытался с помощью вопросов выяснить внешность злоумышленника, но тут ничего не получилось. Неудивительно, врагов у Кия полно, все злое замышляют. Но кое-что удалось выяснить после поимённого вызова в шатёр вождей, заспанных и встревоженных.. Картинку чуть-чуть высветлило только в случае, если на Совете не будет одного из вождей, Ден-Лейна. Нет, картина в голове колдуна осталась чёрной, но высветлилась по краям. Словом, опасность исходит не от него, но на Совет его лучше не приглашать, от греха.

Дело перевалило за середину ночи, но ясности в предсказании так и не добились. И тогда Юань, потеряв терпение, снова попросил поставить новичка на Весы Неба. Кий, уже усталый и сонный, согласился - иногда это помогало. Юань тут же принёс ящичек с сотней чёрных костяных кубиков. Вынув из кармана такой же кубик, но белый, он бросил его в ящичек, перемешал кубики, и закрыл его, оставив тёмную щель, куда можно просунуть руку. Колдуну надо было достать, не глядя, этот белый кубик, который означал его жизнь. Или чёрный - свою смерть на колу за обман. Испытание несправедливое - Кий это знал. И дело не в том, что предсказатель, не сумевший вытащить свою жизнь, обманщик. Всё не так просто. От волнения даже сам Юань в своё время сумел достать белый кубик только с третьей попытки. А ведь он был лучший. Просто Весы Неба позволяли убедиться в искренности предсказателя - если даже под угрозой смерти он стоял на своём, значит, и впрямь отчётливо видел будущее. Ибо казнить его или нет, всё равно решал не кубик, а Кий. Однако новичку этих тонкостей не сообщили. Юань сумрачно сказал, что белый кубик - можно верить, чёрный - на кол, утром же. Предскажи себе жизнь, предсказатель.

Новичок побелел, но деваться некуда. Как и велено, вытащил один кубик, причём выбирал недолго, и сунул его там же, в ящичке, в отверстие, против которого снаружи висел кожаный мешочек. Этот мешочек - жизнь или смерть - и подали Киею, и он принялся во время дальнейшей беседы то и дело брать его в руки - посмотреть? Или погодить? И каждый раз на лбу у новичка выступала испарина, но предсказания продолжались. Это говорило о силе духа новичка. Другие чаще всего замолкали. А этот работал.

Кий не знал, что на самом деле колдун и картинку свою перестал видеть, и держался только за счёт злой воли магистра. Тот без всяких гаданий твёрдо обещал покушение, и столько деталей сообщил, что и без картинки, мало что соображая, колдун сумел выяснить вместе с Киеем главную опасность, самый ключ злодейства - это белая одежда повелителя. Тот не поверил поначалу, но колдун стоял на своем. Вижу, и всё тут. Белый парадный шёлковый халат - всё чернеет, а нет халата на Кие - светлеет, как на рассвете. Странно - вожди на Совете в Кие будут целить, а не в халат. Даже принесли этот халат, и обсмотрели, и обнюхали - не отравлен ли? Нет, нормальный халат.

Кий принялся размышлять. Конечно, ни одна стрела или копье не долетят до места Совета, за частокол, за ограду и часовых, но белый цвет как-то приложился к далеко летящему копыю,

брошенному великаном. И клюв-копье приложилось - указывало хоть на птичий, но разум, способный направить копье на приметный белый цвет. В любом предсказании это главное - чтобы части сошлись, а что полная невозможность получается, так всё остальное, разумное, и так предсказать можно. На то и существуют ясновидцы, чтобы увидеть то, что никакой разум не в состоянии разглядеть. Кий решил поверить колдуну, хотя Главный предсказатель Юань спорил, прося открыть кожаный мешочек. Не хотел он верить новичку - может быть, потому, что страшный белый халат в этом случае предстояло одеть ему. Так всегда делали перед принятием важных решений - сажали его на трон во главе Совета, в халате повелителя. Считалось, что совет, поданный им, услышан от Неба.

Но Кий уже принял решение. Быть по сему. Ну, и Ден Лейна не допустить. И охрану усилить. И прочее, по мелочи. После чего отпустил предсказателей - до рассвета всего пара часов оставалась. Оставшись один, открыл мешочек. Кубик оказался чёрным, но это ничего не значило. Хороший предсказатель мог видеть, что для его жизни цвет безразличен, и выбрать чёрный, не сознавая этого. Да, сложности...Невольно вспомнилось, как Я-Мо завидовал магистру, и как-то, замороженный их предсказательным разнобоем, предложил в шутку переслать их всех этому вражине. Пусть голову ломает, гад ползучий.

Два часа - вполне достаточно для отдыха, если привык. Кий привык. И сразу уснул, крепко и намертво - на первый взгляд. Но едва входил один из телохранителей со свечой, он вскакивал свежий и бодрый. Такая привычка появилась после той знаменательной ночи, когда он осознал, что действует по воле Неба. Тогда его до холодного пота напугал пронзительный и яркий до боли - сон, после которого он вскочил с воплем ужаса, свежий и бодрый. Кий увидел человека, сияющего с такой силой, что и лица не разглядеть. Он явился, стоя за запертыми дверями, но сиял так, что двери исчезли. Он стоял на пороге, в доспехах и с копьем у плеча, словно ждал приглашения войти - но Кий был объят ужасом до паралича. И тогда в это тягучее до бесконечности мгновение человек, лица которого не разглядеть в сиянии, шевельнул губами - и миг отчётливая и яркая мысль пращевым камнем вонзилась в мозг Кия, и рассыпалась осколками слов, как если бы слова эти были сказаны - что судьба Кия решится завтра - покорись, не прекословя. Это его Карма - исправить самую страшную пакость, которую сделал и которой гордится...

Кий вскочил, проснувшись, с бешеными глазами и бешеным сердцем, - и видение исчезло. Хотя лица человека не разглядел, первая мысль было - это По-Рох. И ещё кто-то Высший, в одном человеке. Потом Кий, успокоясь, одумался. Не может быть. Ведь По-Рох - предатель, который замыслил зло на Большого Желтяка. Предатель. Это всего лишь глупый сон.

Кий постарался выбросить сон из головы, но утром его вызвали во дворец Большого Желтяка, который дал ему войска, деньги, свою милость - и послал на Запад, искать путь в Европу. Кий подчинился, хотя в затею до конца не поверил. И наверняка вернулся бы уже а Империю, если б не помнил слова из сна - подчинись, не прекословя...

С той поры он и приобрёл привычку спать настолько чутко, что любой слабый свет на веки будил мгновенно. Очень жалел, что испуг помешал услышать подробности Воли Неба. Но не хотел более испытать тот ужас. Это чересчур, нет. С него хватит. Пусть предсказатели слушают.

Но в этот раз его разбудило не сияние, а рассвет. Не тот невидимый, что за стенами шатра, а тот видимый, что во сне. Настолько чёрный, что и на рассвет не походил. Кий стоял на холме и смотрел на горы, причём в полной темноте - во сне чего не бывает - он ясно видел эти горы, а потом стало светать чёрным светом, пока Кий не понял эту странность - небо было залито густым слоем крови.

Кий вскочил с постели, тяжело дыша, и в тот же миг слуга распахнул полог в шатёр, потому что наступил рассвет.

По странному совпадению точно такой же сон приснился и магистру, но этот негодяй даже не проснулся. С чего ему рассветов бояться, хоть каких кровавых, если он твёрдо уверен, что Господь его любит, и помогает, к тому же. Ну, рассвет. Ну, кровавый. Ну и что? Из-за этого просыпаться, что ли? И магистр залюбовался переливами кровавых потоков - где ало-чёрные, где рубиновые или чёрно-сине-красными, - и был очень недоволен, когда от такого красивого зрелища его отвлек послушник, растолкав, когда было приказано. Пробудясь же, магистр осознал, что и слова чьи-то слышал во сне - неясные, как шёпот. Кто-то невидимый за потоками крови настоятельно просил покориться и сдаться, но магистр настолько удивился совету, что даже головой потряс - что за сны дурацкие снятся? Сдаться? Как это понять? Кому сдаться? Это вообще последнее дело на свете, если ты ещё в своём уме. Магистр ещё раз потряс головой - сильнее, чтобы избавиться от бреда, и тут же побежал исполнять свою пакость с железной стрелой.

Гораздо больше, чем какие-то дурацкие потоки крови, его занимали мысли о принцессе Кристи, теперь ещё более опасной в ранге невесты. Теперь, просыпаясь, он каждый раз вспоминал про неё, и радовался, что проснулся один. Чего он боялся, так не кровавого рассвета - плевать на всех на них, - а того, что завтра его разбудит нежным объятием голая, как истина, принцесса Кристи, невеста наглая. К счастью, мерзкую эту девчонку воспитывали больше злые эльфы, а не добрые родители, и до этого пока не дошло, хотя любая другая, менее наглая невеста, давно бы догадалась. А эта дура всё через голову надеется достать магистра, к счастью, достаточно крепкоголового. Хотя каждой девице, кроме принцессы, с рождения известно, где самое слабое место у мужчин. Вообще-то, и принцессе оно наверняка известно, однако, к счастью магистра, она не желает этого признавать. Если вдуматься, эта дура интересно рассуждает - мир таков, каким именно ОНА его видит. Это было бы смешно, если б магистр смутно не чувствовал в таком суждении железную правоту, ужасающую его потому, что он знал - нет, на такое он сам не потянет, слишком слаб - и потому старался не задумываться об этом вопросе.

И магистр, весёленький, как репей, побежал исполнять свои злобные планы, однако почти на пороге своих покоев был перехвачен королём Аланом. Тот должен был ждать выброса железной стрелы у ворот города, во главе сотни тяжеловооруженных конных воинов, чтобы помочь Ден-Лейну перебежать к дронам, но удивило магистра не это. Король Алан выглядел как-то странно. На вечно бледных щеках красные пятна, речь непривычно громкая - аж по коридорам разносится каменным, для шпионов, что магистр не успел выловить. Но король есть король, надо отвечать, и магистр отвечал, не понимая, почему король Алан выясняет эти мелочи, давно ему известные и ненужные, и злась, что время уходит.

План действий Кия в случае покушения был известен королю ещё неделю назад, а самому магистру известен был ещё раньше, от шпионов и перебежчиков. Самая реальная опасность для Кия - это заговор и мятеж вождей племён, собранных под знамёна Кия по приказу Большого Желтяка. И Кию тут было не до секретности - всем вождям на этот случай было всё известно и расписано. При тройном ударе Большого колокола возле шатра Кия, каждый вождь был обязан немедленно скакать, бежать и всячески стремиться в старый лагерь желтяков. Он находился в миле от нового, и представлял из себя небольшую возвышенность, окружённую полузасыпанным рвом и остатками частокола. Собрать всех вождей и удалить их из лагеря придумал Я-Мо.

Логика действий мятежника проста - он должен находиться в лагере и командовать своими людьми. Поэтому учения, что уже три раза проводились для вождей, вызвали от них меньше ропота,

чем ожидал Кий. Каждый боялся обвинений в заговоре, и потому при троекратном колоколе, хоть с руганью, но спешил в старый лагерь, бросив все дела - неизвестно же, учение это или и впрямь заговор.

И план этот, и сроки учебных тревог сам же Я-Мо и переслал через шпионов магистру, потому что считал магистра тупицей, неспособным узнать всё это самостоятельно, и пред каждым учением присылал, злясь, что магистр никак не воспользуется удобным случаем, не нападёт никак и не вырубит этих вождей, цвет желтяковского войска, выставленных вне лагеря. А магистр тупо говорил королю Алану, что вот опять Я-Мо предупреждение прислал, зачем? Я тупой, наверно, не пойму. Но не настолько ж я тупой, чтобы нападать на вождей, своих лучших союзников в стане желтяков. Надо бы выслать пору сотен конницы, чтоб вертелась поблизости - как бы этот Я-Мо вождей не обидел. И не настолько же туп сам Я-Мо, чтобы надеяться на моё нападение. Да после того, как лично посадил на кол одного вождя - того самого, помните, что я купил для мятежа, но его продали?

И вот теперь король интересуется этими полузабытыми деталями и дышит в сторону. Обозлившись, магистр сухо сказал, что единственное, что нужно знать королю - это цвет бунчука на пике Ден-Лейна. Зелёный. Вождя нужно встретить, защитить, если нападают, и отсечь преследование. Ну, и сопроводить его сотню в город. И вообще магистру непонятно, зачем король так рискует собой ради этой мелкой вылазки? И только уловив носом резкий запах горячего для толкателя, магистр сообразил, наконец, что король наверняка залудил поутру один из двух стаканов, которые вчера магистр принёс от Сэма. Всё стало ясно - короля потянуло на подвиги. Магистр вежливо намекнул, что командовать следует на свежую голову, и посоветовал выпастыся, но король заорал, что не понимает, и вообще пора за дело.

Магистр тут же убежал в башню. Там всё горело и шипело. Костёр пылал, все суетились, и все орал друг на дружку, ругаясь, как сапожники, и всех больше лаялся, как большая собака, маленький эльф. В мутном рассветном молоке постепенно проявлялись дальние детали пейзажа, и наконец, замигал первый огонёк из цепочки шпионов, расставленных ещё вчера, чтобы указывать направление на лагерь желтяков. Сэм заорал, что - влево, на два пальца! И послушник подбил дуло кувалдой, и эльф обозвал и его, и кувалду, и Сэма скотинами, потому что от звона вылетел из железной стрелы, как дятел из дупла. Сэм заорал, чтобы эльф заткнулся, неженка, и заорал послушнику, что перебор, на палец вправо! Тут и магистр заорал, что чёрт вас всех дери - вверх на два локтя! Ты куда целишь вдоль земли?! Эльфа угробить хочешь?

Сэм заорал, что без подсказок разберётся, и вверх - не на два, а на три локтя, и пусть эльф к чертям заткнётся, наконец. Высоко? Зато дальше улетит, и видней будет, и магистр пусть заткнётся, тут Сэм командует, и - полпальца влево, на второй огонёк, и чуток ещё вверх!

В общем, всё было чудесно, и магистр совсем успокоился, но ненадолго, потому что нежданно в башню заявила принцесса Кристи, хмурая и даже без кошки. Все сразу замолчали, уставясь с беспокойством на злую девчонку, которая заявила сонным нежным голоском, что её разбудила королева Ри, беспокоясь за эльфа, и сейчас она тут всё обсмотрит и обшныряет, чтобы эльф вылетел нежно и мягко, как в колыбельке. Все, кроме эльфа, тихо завывали, а эльф запрыгал от радости, и завопил, что счастлив такой заботой королевы Ри, но она напрасна - всё очень мягко, прям как в колыбельке. На это принцесса Кристи холодно заявила, что ей необходимо лично убедиться, насколько мягко, потому что эльф в колыбельке не валялся никогда, и не знает, что колыбельки разными бывают. По её воспоминаниям, так её в кирпичную колыбельку кидали, так что живо покажите, где тут ваши смягчители.

Тут все завывали во весь голос. Сэм завыл, что стрелу вскрывать просто некогда - вот-вот прозвучит сигнал готовности к выстрелу, а прочие завывали в его поддержку. Принцесса нахмурила рожицу ещё сильнее, и зашипела, что принесла бараньей шерсти, если ей покажется жёстко, и почему Сэм спорит, раз выстрел так скоро - значит, надо ещё быстрее вскрыть железную стрелу, чтобы она смогла потыкать пальчиком, как её и просила королева Ри. В чём дело?

Тут же в мёртвом молчании Сэм, всхлипывая от злости, принялся вскрывать с необыкновенной быстротой железную стрелу, благо она торчала теперь целиком снаружи орудийного дула, потому что сидела сверху стрелы-носителя, более массивной - та лишь нос из орудия высунула. Вскоре принцесса смогла потыкать пальчиком в спинку креслица, нашла его недостаточно мягким, и принялась тщательно напихивать за него баранью шерсть под испепеляющими взглядами всех присутствующих. И тут в башню ввалился король Алан, и магистр только сейчас смог понять, наконец, о чём его на самом деле спрашивал в коридоре король, потому что тот грозно потребовал от Сэма стакан горючки для толкателя, для совершенно секретного дела, и побыстрее - его конный отряд ждёт, чёрт побери!

Сэм просто онемел, хватая ртом воздух, а потом еле слышно сказал, что это невозможно - горючее уже залито в толкатель, и без него эльф не сможет долететь до цели, упадёт и разобьётся. Непременно разобьётся, насмерть, - повторил он, косясь на принцессу Кристи, после чего спрятался за её спину. За ним последовали магистр и послушник, так что королю пришлось иметь дело со своей вредной сестрёнкой, которая заявила голосом могильного камня, что эльф получит всё, что положено, до последней капли горючего и до последней капли её крови, если понадобится. Король Алан посмотрел на хмурую сестрёнку, подумал, и заорал, что принцесса Кристи мерзавка и дура, и это воля короля, и его вообще люди ждут, пока он препирается тут из-за несчастного стакана..., но тут его возмущения оборвал резкий звон сигнала готовности. Его придумал Вейн, а сделал Сэм. Когда перегретый пар чересчур напирал, то начинал приподнимать тяжёлый стержень сверху, изготовленный на конус, и наружу выбрасывалось облачко пара, после чего стержень падал обратно в свою конусную нору. Но огонь-то горел, и стержень начинал скакать, весь в пару, непрерывно колотя в звонкую железку. Услышав эту трель, Сэм забыл про всё и кинулся к орудию, но эльф оказался проворней - молнией метнулся в кабинку, вмиг пристегнулся к креслицу ремешком и затянул потуже на глазах чёрную повязку. Сэм кинул на него грозный взгляд, и эльф вцепился в управляющую рукоять.

- К вылету готов? - рявкнул Сэм.

- Так точно! - завизжал эльф.- Готов!-

- А держатель? Его закрепил? ! - взревел Сэм.

- Так точно! Держатель готов! - Эльф поторопился накинуть на управляющую рукоять гибкое и упругое сухожилие, которое удержит стрелу от падения, если эльф потеряет сознание.- И пошёл ты к чёрту - эльф ничего не забывает! -

Сэм закрыл крышку лючка над эльфом, но тот продолжал визжать из-под неё, что все они сволочи и тролличье дерьмо, и особенно магистр. Да здравствует королева Ри!

Сэм посмотрел на магистра, ожидая команды. Магистр посмотрел на пунктирную огоньковую линию, которая тянулась в рассветную полутьму, подумал, что ещё рановато, но кивнул - лишь бы эльфа не слышать. Сэм схватил кувалду, и могучим ударом вбил пляшущий стержень в трубу, потом добавил, и ещё раз добавил, окончательно заклинив предохранитель. Теперь оставалось только

ждать выстрела. Все выбежали из башни, утащив и недовольного короля Алана. Сэм, выглядывая из-за угла, начал возбуждённо отсчитывать примерные секунды до выстрела, но почему-то наоборот - Десять! Девять! Восемь! Семь! Сейчас шарахнет... Пять!...четыре... чего она молчит, гадина? Три! Два! .Один! Ещё один! Ноль!!!!

Эльф завопил так, что все вздрогнули - Поехали!!!- И тут Сэм успел заметить тихое движение стрелы, еле заметное, после чего его оглушило и ослепило гулким ударом горячего пара. Орудие, как ему и предписано, так шарахнуло стрелой и столбом пара, что вослед улетевшей стреле полетели и кирпичи из бойницы.

Едва пар рассеялся, все кинулись смотреть - кроме короля Алана, который плюнул с досады и побежал вниз по лестнице, к заждавшемуся отряду, что толпился у городских ворот.

- Вот он!- Показала пальцем зоркая принцесса Кристи, поймав огонёк, что тихо и плавно снижался в сером океане неба.- Он падает.-

- Это не он падает, дура.- зарычал Сэм.- Это носитель, масло выжигает. Должен вспыхнуть второй огонёк, на толкателе стрелы. Где он? -

- Он падает.- с беспокойством сказала принцесса.

- Не ной ты! Падает... Летит пока... Чего ж он толкатель не врубают?! - Злобно сказал Сэм.- Не может быть, чтобы мерзавца разбило. Мы ж его кирпичом испытывали...-

- Сейчас он упадёт...разобьётся...убито сказала принцесса, но тут на месте погасшей вспыхнула другая, более яркая звёздочка.

- Вот он, зараза!- радостно взвыл Сэм.

- Жив, подонок.- Нежно сказал магистр, и смахнул со лба пот.

- Ползёт вверх, сволочь такая!- ликовал Сэм.- Летун высшей пробы, кованный!-

Оранжевый огонёк и впрямь упорно поднимался всё выше и выше, становясь еле заметным, пока совсем не исчез в глубине неба.

- Слава Богу, жив маленький негодяй. Избавились.- С облегчением сказал всегда молчаливый послушник - эльф и его, терпеливого, сумел достать за эти три дня.

Принцесса Кристи хмуро оглядела всех, но ничего не сказала. Внизу, под стеной, раздался нарастающий грохот копыт - это конный отряд запыхал к лагерю желтяков. Принцесса попыталась разглядеть в пыльном облаке короля Алана, но даже она не смогла различить его среди двух сотен конников. Она чувствовала, что король немножко не в себе. И старалась беспокоиться - если правильно поняла объяснения про это чувство. И не зря - король Алан, вскочив в седло, залпом выпил поданный стакан горючего для толкателя, крякнул, похрустел солёным огурчиком, и ощутил, как болезнь и слабость отступают, а по жилам загорается прежний молодой огонь. И скомандовал весело - В галоп! - едва распахнулись городские ворота. Две сотни отборных молодцов из дворян и наёмников молча понеслись к старому лагерю желтяков, топча брошенные горящие площадки с маслом, одну за другой, что оставили шпионы.

Горючее из первого стакана так ловко в голову ударило, так силы подняло, что поначалу он подумывал вместо рейда отправиться к какой-нибудь любовнице, но желание подраться с желтяками

всё-же победило. А второй стакан и вовсе оказался в самый раз - весь мир осветил, и сделал таким хорошим, что всё тут исполняется по воле его королевской левой ноги, и король Алан всерьёз возмечтал зарубить в рейде самого Кия.

А примерно в это же время вождь Ден-Лейн, выручать которого мчался король Алан, трясся невидимой дрожью, вглядываясь из шатра в предрассветную хмарь и снова вспоминал гонца от Кия, который запретил идти на обычный утренний Совет возле королевского шатра. Магистр молодец, не обманул. Предупредил заранее, как и обещал. И кончилось время думать - надо действовать. Если есть ещё шанс перебежать к дронам, то он кончится после Совета.

Его Малый Легион был издевательством Кия - всего тысяча бойцов. Ден-Лейн был единственным вождём, который присутствовал на ежедневных Советах. Все остальные командиры легионов вождями не были, и потому смотрели Кию в задницу, как в небеса Кий не мог убрать последнего вождя из Совета ещё и потому, что тот был родичем Большого Желтяка, не говоря о возможности бунта вождей, если они лишатся последней возможности влиять через Ден-Лейна на решения Кия. Однако за это вождь получал самые опасные места в бою, и самые тяжёлые работы во время перемирия. Лес таскать, да рвы копать. Кий начал реформу войск по европейскому образцу после памятной битвы с дронами, и назначил вождя Ден-Лейна в командиры легиона Он обещал прочим вождям, что и они получают легионы, однако это оказалось только словами. А Ден-Лейну пришлось полностью испить чашу унижений. Часто Кий приглашал его лишь к концу Совета, когда и вопросы уже решены, и блюда съедены, и рыгая сытно, вообще удалялся при появлении Ден-Лейна, оставив вести Совет Я-Мо.

Всё это оскорбляло вождя, ибо племя его на родине имело и силу, и вес, так что Ден-Лейн мог бы взять в этот поход и двадцать тысяч отборных головорезов. Там, на родине, он сидел за столом гораздо ближе к Большому Желтяку, чем сейчас к этому выскочке Кию за столом Совета. Значит, шпион магистра сказал правду - Кий подозревает измену, и будет сегодня решать его судьбу. Командиры легионов его поддержат, выскочки безродные, и уже к полудню Ден-Лейна, ободранного как липку, выставят на колу на радость воронья. Но ему есть куда бежать от такой милости. Счастье просто, что с полгода назад Ден-Лейн не продал купчишку желтяка, что подкатил от магистра. Но если б Кий был поласковей, Ден-Лейн продал бы без колебаний этого купчишку, что привёз ему из-за гор отличный меч - не чета желтяковским, прочую мелочь, и заморского сладкого вина. Когда вино хорошенько распробовали, купчишка зажалобился и стал горестями делиться. Мол, только на ноги встал - денег скопил, и лошадь вторую купил, и слугу нанял - и едва всё не лопнуло. Стражник на заставе дронах при въезде в город нащупал во вьюках вот этот меч, хотя и замотан тот был - не ущупать. Прямо на заставе и повесить хотели, за нарушение указа короля Алана, согласно которому всем купцам запрещается торговать оружием. Чудо только и спасло - выручил купец Ю-Лань. Пошептался с послушником - чтоб им, чёрным, лопнуть!- и заявил, что это его меч. Ю-Лань мог наплевать на все указы короля, потому что работал на магистра. Он, и ещё несколько купцов чуть не в открытую возили Кию оружие, но за это и шпионили на магистра внаглую, отпетые головы. Я-Мо только зубами скрипел при виде их лоснящихся рож, и уже колья на них приготовил именные, на будущее, но пока мог хватать только тех, кто с этими купцами разговаривал в лагере желтяков. Трогать наглых купцов Кий запретил строго-настрога. Он наорал на Я-Мо, что оружие нужнее, и вообще это забота Я-Мо - чтоб не шпионили, и оружие возили. Крутись, как хочешь, а купцов не тронь. Я-Мо оставалось только гадать издали, что торгует Ю-Лань - секреты или своё оружие - ведь всех, кто приценивается к мечам, не схватишь, весь лагерь приценивается.

Ден-Лейн, услыша только это опасное имя - Ю-Лань, мог бы сразу идти продавать купчишку, но тот

был давно знакомый, и вино задёшево привозил, а меч так и подарил, можно сказать, почти задарма - а дорогой меч, как раз по вождю, не из тех бросовых мечей, что покупает Кий для своих войск. Поэтому Ден-Лейн продолжал купчишку слушать, и даже посочувствовал. Купчишка тут же воспрял духом, обнаглел и попросил помочь. Ведь Ю-Лань не просто так выручил, по доброте душевной. Он велел передать ему, Ден-Лейну, что и магистр, и сам король Алан, и вообще все дроны очень уважают вождя Ден-Лейна, изо всех сил уважают, и весьма сочувствуют, что его так Кий затиранил - вот, опять лес таскать заставил, разве нет? Ден-Лейн аж рот раскрыл от таких неожиданных слов, и ушами потряс, не веря услышанному, а когда поверил, то аж зарычал, и схватил купчишку за грудки. Но тот, заикаясь от страха, сказал такое, что руки сами разжались. Будто магистр точно узнал, что Кий думает его казнить за измену. Магистр уже месяц подставляет Ден-Лейна - все пойманные Я-Мо шпионы признаются, что их науськал Ден-Лейн. Магистр очень за это извиняется, потому что не знал, какой человек Ден-Лейн, и какие у него благородные родители. Но жестокая реальность такова, что Кий просто ещё не решил - сейчас предателя на кол посадить, или чуть позже. Не верит он, благородный Кий, злым наветам. Пока магистр новых наветов не предоставит. Ведь шпионов у магистра тут не перечесть, кишат, сволочи, к Кию прямо за пазуху лазят, и его, купчишку, в шпионы взяли. И Ден-Лейна возьмут - только в этом спасенье. Ведь Я-Мо только и умеет людей на кол сажать, а кто свой, кто шпион, Я-Мо в таких тонкостях не разбирается. Если Ден-Лейн продаст купчишку, Я-Мо сразу решит, что Ден-Лейн свою шкуру спасает, а сам куда больший шпион. Ведь купчишку Ю-Лань всё одно отмажет и вытащит, а Я-Мо сцапает вождя - его никто вытаскивать и не подумает, такого продавца. Ден-Лейна ещё раньше схватят, чем он купчишку продаст, потому что магистр такой гад, что всё знает, у него даже эльфы всё кругом подслушивают, и сейчас кто-то вроде по шатру бегают - слышишь, Ден-Лейн?

Тот отпустил купчишку, прислушался, и сказал с опаской, что шатёр и так дырявый, сгнил весь, а тут бегают по нему все, кому не лень, ещё рухнет на головы. Малость поостыл, и принялся выспрашивать - что да как, и по всему вышло, что нет выхода, кроме как к магистру. Купчишка напоследок стал плакаться. Что бедные они, бедные, и выбор бедный - или к магистру, или на кол, лучше самому сесть, тогда хоть кожу не обдерёт с живого злой Я-Мо.

Ден-Лейн, он всё-таки вождь, и он воспротивился, сказал, что живым в руки Я-Мо не сдастся, но и на кол не полезет добровольно, он острый. Ну, а что там, интересно, магистр обещает...

Купчишка пошмыгал носом, осушил кубок заморского вина, и сказал, что магистр столько наград наобещать мог, что лень и обещать стало - вождь и сам увидит, когда придётся. И обещал магистр только одно - предупредить Ден-Лейна, если Кий решит-таки посадить того на кол. И Ден-Лейн вполне успеет удрать, а уж магистр его просто расцелует, перебежчика. Приветит, как родного, и даст почётную службу. Ну, а пока тоже просит немножечко помочь - ну там, сведения всякие, по мелочи, желательно прямо сейчас, и всё. А вот его, бедного купчишку, магистр вряд ли вострепенёт, мелкоту пузатую, и дети его сиротками останутся. Ден-Лейн даже ему посочувствовал, подбодрил, что и его вострепенут, и принялся выспрашивать ещё подробности. Купчишка ответил - что магистру требуется, и Ден-Лейн, опрокинув в себя для храбрости кувшинчик вина, продал тут же всё, что купчишка ни просил, а именно - сколько леса, куда возят, какой длины и толщины, и где частоколы ставят, и где ямы-ловушки с кольями копают, и где уже накопили, и всё такое прочее. Купчишка обговорил способы связи, прочие мелочи, и договор был заключён.

С тех пор Ден-Лейн продавал Кия частями, крупными и мелкими, как получалось, за это будущее предупреждение, и глушил совесть кувшинами почти бесплатного вина, а купчишка ухитрился купить уже пятую лошадь.

А уж теперь Ден-Лейну и раздумывать было нечего. Бежать или нет - далеко позади остался выбор. Много накопилось за спиной вождя крупных шкод и мелких пакостей. Одного посланца от Я-Мо, что пробрался с той стороны, по просьбе магистра зарубил, когда в заставе ночной стоял. Ещё двоих - к магистру же и переправил, связав и бросив в условном месте. Одному пойманному желтяками шпиону верёвку в яму опустил, и сбежать помог. Да что тут - много чего напакостил, есть за что на кол посадить. Поэтому Ден-Лейн решительно вышел из шатра и велел седлать коней, без суеты, тихо и лениво. В первой сотне своего Мелкого Легиона он заранее постарался собрать всех своих родичей, дальних и близких. За него они даже на Кия пойдут, не то, что прочие солдаты - те мигом продадут. С ними можно вырваться из лагеря. Конечно, весь лагерь по приказу Кия давно обнесён высоченным частоколом и так просто не вырваться. Но с отборной сотней не составит труда изрубить любых дозорных, что попытаются мешать открыть ворота. Ден-Лейн малость успокоился, глядя на своих людей, копошащихся в рассветном сумраке. Светало уже вполне явственно, лагерь начинал шевелиться, кое-где вспыхивали костры - варить пищу. А в небе и птички уже запорхали, чирикавая и каркая - на одну птичку Ден-Лейн даже рот раскрыл - не чирикает, не каркает, а шипит, и хвост у неё светится, словно огонь. Крыльями не машет, летит, как стрела - вот чудеса.

Однако Ден-Лейн ошибся - вовсе не птичка Божия это летела, а злой эльф на железной стреле. Когда её выплюнуло орудие, от дикого удара маленький вредитель потерял сознание - всего на миг - но при такой дикой скорости это могло привести к крушению. К несчастью, закреплённый рычаг удерживал стрелу в горизонтальном полёте - даже когда отделился выгоревший досуха носитель, который разогнал стрелу, насколько смог. Так что, очнувшись, эльф увидел убежавшие под нос стрелы мелкие ложбинки, буераки и разные деревья с кустиками. В этой стреле эльфа уже столько раз зашвыривал в воздух злой Сэм, что и не вспомнив ещё - где он, кто он, зачем и куда летит, эльф вцепился в рычаг, сбросив с него крепёжную тягу, и потянул рычаг на себя - настолько был рьяный негодяй и матёрый летун. Стрела так лениво подняла нос, что эльф удивился - что это с ней? И тут же взвыл от радости, вспомнив, что теперь в неё вделан тяжёлый, полный горючего, могучий толкатель, который надо только зажечь. Тогда он взбесится, заревёт, и понесёт стрелу невесть куда далеко. Эльф протянул ручонку влево, но привычного рычажка на месте не оказалось. Эльф посмотрел - точно, нет. И тут вспомнил, что Сэм вчера поставил удобную пружину, чтобы эльф не отбивал ручонку, колотя по рычажку. Она сама крутанёт железное колёсико по кремню, и сноп искр зажжёт толкатель. Для этого надо лишь пнуть ножкой по пенёчку справа, в полу. Эльф тут же пнул в железный пенёк - тот аж в пол улез. А позади затрещало, ухнуло и знакомо зашипело - проснулся толкатель. И вовремя - земля мелькала совсем рядом. Эльф потянул на себя рукоять управления - что опять такое? Нос стрелы еле-еле приподнялся. Ах, да! Он забыл про левый пенёк - тяговый, который тоже поставлен совсем недавно! Эльф вдавил пенёк в пол, взвизгнув от злости. За спиной басовито взревел толкатель, и эльфа вжало в спинку креслица. Земля резко пошла вниз, вытесняясь светлеющим небом за стеклянным лбом железной стрелы. В этом небе эльф и увидел далёкую точку - присмотрелся, и понял, что это плавно парит в поисках добычи крупный ястреб, извечный враг эльфов. Не такой страшный, как ночная сова, но в сумерках лучше не попадать под его прицел.

- Ах ты, сволочь! - завопил радостный эльф, забыв обо всём на свете - даже о том, что не успел вспомнить. И вдавил до отказа тяговый пенёк. Стрела рванулась, как от пинка - толкатель взвыл, а в крыльях заверещал жестокий ветер. Ястреб увеличивался на глазах, и когда эльф смог разглядеть цвет отдельных перьев на крыле, начал беспокоиться - замахал крылами, пытаясь забраться повыше - но куда там, против толкателя! Стрела приближалась с неумолимостью возмездия, и ястреб, надрываясь на резком подъёме, решил спикировать круто вниз, и это спасло его от смертельного удара. Эльф дико захохотал, толкнул рукоять от себя, и стрела нырнула следом за пернатым разбойником.

Ястребы - дохляки, на пару атак, и эльф был уверен, что доконает летающего мерзавца, который, если и не съел ни одного эльфа, то всё равно потом съест. Ястреб увернулся ещё раз, гад манёвренный, но к его счастью эльф заметил, что внизу незнакомая местность, разворачивая стрелу для третьей атаки. Ни привычной деревни, ни родного взлётного холма, ни знакомых полей и виноградников. Незнакомые дороги, рощи и перелески, изрезанные тропами, да и горы совсем недалеко - тут эльфа окончательно пробило на память. Он бы так и подпрыгнул, пробитый, да помешал привязной ремешок через плечо. - Королева Ри! - воскликнул эльф, вспомнив - и кто он, и что он, и где он. Был бы эльф человеком, его бы прошиб холодный пот, но эльфы не потеют. Королева попросила эльфа. А он дал слово, что выполнит просьбу. Эльф резко накренил стрелу влево, уходя от теряющего перья и последние силы ястреба, и сделал над полем огромный круг, затем пошёл на второй, но мелкие зверьки прятались в норки совершенно зря. Железный ястреб, так славно свергнувший с трона перьястого бандита, искал добычу себе по плечу. Только на третьем круге эльф сообразил - где находится город, а где - лагерь желтяков - настолько далеко от цели его занесло. Толкатель снова зарычал, а эльф грозно насупил бровки, нахмурил маленькое чело, и твердой ручонкой направил стрелу в нужную сторону. Под крыло потянулась унылая равнина, поросшая бурьяном и кустарником, ничейная, брошенная земля, которая незаметно удалялась, потому что эльф стал набирать высоту, и вскоре превратилась в буро-жёлто-зелёный ковер, прошитый стежками тропок и дорог. Эльф злился на себя - немножко, и очень - на ястреба, сожравшего невесть сколько горючего в толкателе, отчего приходилось тащиться на среднем толкании, с малым набором высоты. Эльф рычал даже громче толкателя, от нетерпения, и когда наконец, показалась россыпь огоньков внизу - костры желтяков, то от радости завопил - Да здравствует королева Ри!-

Однако рано радовался маленький негодяй. Увидеть - это одно, а долететь - совсем другое. Когда стрела покрыла половину пути, начались неприятности. Тяга начала расти сама собой, хотя эльф вовсе не нажимал пёнок под левой ножкой. Эльф быстро понял причину - перед каждым полётом Сэму приходилось вставлять новый стержень в камеру сгорания, тот самый, что увеличивал и уменьшал подачу горючего, и каждый раз ругался, что стерженьки нестойкие - горят, гады. Полёт такой длительности раньше не проводился, и разумеется, проклятый стержень начал выгорать. Впрочем, по расчётам Сэма, до лагеря желтяков он должен был выдержать, но Сэм не знал, что тут ястребы под нос лезут, сволочи. Эльф решил потихоньку отпускать рычажок тяги, но скорость продолжала расти, мало того - толкатель принялся то и дело взрывать, пока вполголоса, как бы примериваясь. Эльф забеспокоился - неуправляемый толкатель - сильная штука, уже конюшню сжёг, ой, ой! Эльф прекратил набор высоты, направив стрелу по горизонтали, чтоб быстрее долететь. Костры приближались, расплываясь во все стороны. Стал различим массивный холм в центре лагеря, и тёмная полоска частокола вокруг него, а вскоре зоркий эльф сумел разглядеть и крохотный треугольник царского шатра на вершине холма. Увидел эльф и живую россыпь чёрных точек прямо по курсу - птицы. Это были многочисленные вороны, о пропитании которых так нежно заботился их друг Я-Мо, почти каждый день выставляя для них на колышках новое угощение. Так могли бы думать вороны, будь они настолько глупы, чтобы думать - а теперь, без Я-Мо, им приходилось рыскать с утра в поисках поклёвки. Стая показалась чересчур густой, и эльф решил снизиться - на облёт с прочих сторон могло не хватить времени. Правда, теперь не получится атаковать Белый Халат с большой высоты, как советовал Сэм. Но теперь опасения Сэма, что Халат увернётся, увидев издали летящую над землёй железную стрелу, показались эльфу просто бредом, ибо при этой дикой скорости эльф и вообразить не мог такого вёрткого халата. Когда заметит, он только моргнуть успеет. Скорость полёта и впрямь выросла до небывалого - стрела мелко тряслась, а привычный шепоток воздуха за стеклом превратился в визгливый вой. Ручка в кулачках эльфа билась, как живая, уже ручки заняли удерживать, а проклятый толкатель всё больше ярился, хотя эльф вовсе убрал ножку с тягового

пенька. Стрела просвистела под вороньей стаей - и тех взметнуло - загалдели так, что весь лагерь головы поднял, и старина Ден-Лейн в их числе, тот самый изменник, что собирал родичей к прорыву. А сразу за вороньей стаей толкатель крикнул, выплюнув остатки стерженька, и заревел во всю дурь. С тоской слушая радостный рёв толкателя, эльф невольно вспомнил пьяные умиления Сэма, что горячее тройной перегонки, сгорает вообще без остатка, и жаркое, как адское пламя. Кажется, это предстоит ощутить собственной шкуркой. Но тут настроение подняло долгожданное, крохотное пока белое пятнышко впереди, совсем рядом с уже большим треугольником шатра. А перед ним - словно ковровая дорожка с муравьями по краям - стол Совета. Эльф взвыл от радости - Да здравствует королева Ри! - и словно по этому сигналу позади эльфа что-то лопнуло, и креслице так наподдало эльфу, что он просто чудом удержал стрелу. Спустя несколько мгновений он ощутил жару, и тут же понял, что там случилось, за спинкой. Прогорел и лопнул кожух толкателя. Сэм очень собой гордился, додумавшись надвинуть камеру сгорания на бачок с горючим, чтобы горячее вылетало не струйкой, а раскалённым паром, который будет сгорать ой, как жарче, и толкать всё, что предписано толкать, тоже - ой, ой, как сильнее. Счастье эльфа, что этому дураку всё же хватило ума поставить вторую медную стенку, на случай нежданного прогара первой, хотя эта тупая скотина долго сомневался, стоит ли утяжелять стрелу. Теперь только эта вторая стенка спасала эльфа от смерти. Адское пламя толкателя неслышно стучало в эту последнюю преграду, и проникало уже - жаром, да таким, что эльф завопил. Конечно, он мог бы и не вопить. Эльфы такие терпеливые, что их можно резать кружочками, как колбаску, а эльф даже не пискнет, и тем более не обзовет резателя - ведь дерьмо не обзывают. Но сейчас щеголять терпением было некогда, потому что стрела тряслась и дёргалась, и эльфу с трудом удавалось удерживать остриё пики на носу на белом растущем пятнышке. Эльф изо всех сил вцепился в рукоять, непрерывно вопя, и ещё ёрзая, потому что креслице начало его поджаривать, как на сковородке - что ещё оставалось, как не вопить от избытка чувств? Белый кусочек вырос на глазах, а внутри стрелы всё уже дымилось и даже тлело. Рукоять управления - подлая изменщица - и та задымила, да и сам эльф задымился, а кое-где и затлел, вернее - кольчужка его из чешуи карпа, и дышать уж было нечем - всё в дыму, но упорный негодяй продолжал удерживать белый растущий силуэт на кончике стальной пики. Только верещал от души, вот и всё, хотя уже весь жарился, можно сказать. Только масла и не хватало, а то бы и зашкворчал. Кожица на кулачках почернела, а глаза не лопнули от жара только из-за стеклянного колпачка, что подарил эльфу негодяй и жадина Вейн, пожалев выбросить разбитую рюмку. И эльф доверялся таки до того момента, когда разглядел лицо человека в белом халате. Человек поднял глаза, и в испуге подался назад, наткнувшись на спинку трона - и это было последнее, что он сделал в жизни, потому что железная стрела с почти жареным остервенелым эльфом свистнула над столом, опалив жаром рожи сидящих желтяков, и проломила ему грудную клетку, прибавив несчастного к спинке трона и даже повалив их вместе назад. От удара стрела треснула, горячее выплеснулось, и белый халат на глазах почернел в невидимом почти, голубоватом пламени - лицо мертвеца пошло покрываться волдырями, а волосы затрещали. Кий и все прочие за столом Совета смотрели, словно замороженные, как чернеет и дымится Ю-Лань, не в силах отвести взгляда от безобразного толстого полена в груди покойного. Смерть прошла рядом с Кием, нежно пощекотав его лицо ветерком и согрев его щеку жаром адского пламени, и осознав это, он вернулся в разум. И тут же вскочил на ноги и рявкнул: - Измена! Всех схватить! Тревога! Всех на кол! Все ко мне! - да и вообще Кий повёл себя, как и подобает стойкому хладнокровному полководцу - мигом нырнул под стол, поглубже. Тут и охрана очнулась - забегала, а над лагерем проплыл тройной удар колокола. Лагерь вокруг холма замер, но тройные звоны всё плыли и плыли, и люди бросали всё, что несли, тащили и везли, и спешили к палаткам своих воинских частей.

Четверо часовых позади шатра Кия оставались на месте, как им и полагалось в случае тревоги. Только очнулись от утренней дрёмы, и взяли копья наизготовку. Весь шум ошарашенного Совета

поглощался толстыми ковровыми стенами шатра, и потому часовые смогли уловить тихий непонятный шорох сверху. Один из часовых отошёл от шатра и поднял голову, посмотреть - и увидел закопченного эльфа, который скатывался вниз по наклонной полотняной крыше, хватаясь за нитки. Как и обещали весёлые бродяги, в момент удара эльфа швырнуло вверх, вместе с креслом и лобовым стеклом. Вверх и вперёд, поэтому эльф перелетел вершину шатра и шлёпнулся на его задний скат. Поскольку его сильно треснуло лобовым стеклом, а потом крутило, вертело и скатывало, он и не вспомнил даже, что надо отстегнуться от креслица. Да и лететь себе побыстрее отсюда, за наградами. Так что тупой эльф катился по скату и никак не мог понять, отчего его крылышки никак не расправляются, и что им мешает? Только скатившись к ногам часового, эльф сообразил отстегнуть ремешок на груди, но было поздно - маленького злодея нежно схватил добрый часовой. Он решил, что это скатывается тролль, пострадавший от переполоха за шатром, чумазый, но свой. Знай часовой, что перед ним матёрый убийца и безжалостный шкодник эльф, покусившийся на жизнь Его Величества Кия, то схватил бы не так нежно, а то и вовсе бы копьём ткнул. Часовой этот эльфов никогда не видел, потому и перепутал. Эльф в ладони задёргался, пытаясь выхватить меч, но грубая ладонь только чуть сжалась, и маленькому негодяю оставалось только пыхтеть и дальше дёргаться, пока не подошел второй часовой. Он тоже не видел эльфов, но был не таким тупым, чтобы перепутать союзника с врагом, и сразу сказал, что это не тролль. Это, наверно, эльф попался, шпион проклятый. Держи его крепче, мерзавца - сейчас его полотном замочу, и пусть с ним начальство разбирается. Эльфа тут же замотали в холщёвую сумку, да так, что и не шевельнуться. Едва его замотали, как из-под полога шатра вынырнул тролль. Во время покушения он прятался в глубине шатра, от греха, наблюдая оттуда за Советом. И заметил, как что-то мелькнуло вверх из-за трона, и сверкнуло ещё, как раз перед тем, как сам трон опрокинулся и загорелся. Поглазев немножко на подносящую суматоху и поверженного Ю-Линя, он решил сбегать и узнать - что же это мелькнуло вверх? Может, что ценное отстрелилось с груди Ю-Линя - бриллиант, может, или цепь золотая. Выбравшись из-под полога, он тут же учуял запах эльфа, подпрыгнул и заверещал в ужасе, и меч выхватил, надеясь дорого продать свою жизнь. А когда понял, что проклятый эльф внутри свёртка, снова подпрыгнул и заверещал, уже от радости. И тут же сообразил, что эльфу взяться здесь просто неоткуда, если он не прилетел на железной стреле, убившей Главного Предсказателя. Это он и мелькнул вверх, а вовсе не бриллиант, тот самый маленький человечек, которого увидели колдуны в своих ночных бреднях.

Троль послал одного из часовых за птичьей клеткой, что стояла на столе у одного из визирей Кия, а сам поколотил кулачками по свёртку, выколачивая сведения - где голова, а где опасный меч. Потом вырезав напротив него дырку, да и вырвал меч прямо в ножнах из обгорелой ручонки пленника. Запихав свёрток в принесённую клетку под возмущённое чириканье канарейки, тролль велел отнести её в шатёр, и охранять, а сам поспешил к Кию, доложить, надеясь получить золотой, а то и два, за свой геройский подвиг.

Однако Его Величеству было не до награждения всякой пузатой мелочи. Он ещё сидел под столом, в славной компании своих командиров, такой тесной, что лбами стучались. Они нырнули под стол следом за Кием, шипя в ужасе на разные голоса - Огненная Стрела! Огненная Стрела! - Но Кий и сам узнал грозное изделие проклятого По-Роха, которое имело скверное свойство рвать в клочья всё, что находилось рядом. Одна была надежда на спасение - толстый дубовый стол. Когда стрела рванёт, он примет на себя шквал осколков и лавину огня. Вся компания ползла на карачках под столом к его дальнему концу, но Огненная Стрела так и не рванула. Потому, наверное, что расторопная охрана успела закидать огонь кошмами, коврами и ковриками. Кий не понимал, откуда взялась эта Огненная Стрела. Ведь последнюю по его приказу выпустили по драконьему логову.

Однако стрела оказалась совсем другой. Когда суета поутихла, стрелу частями выдернули из груди покойного, и тут же доложили Кию, что это чёрт те что летающее, но вовсе не изделие колдуна По-Роха. Крылья имеет длинные, которые отломались от удара, а внутри какие-то колёсики, и стерженьки, и обгорелые сухожилия - словом, явно новое колдовство.

Кий немного успокоился, и начал командовать - тебе туда, тебе сюда, занять оборону, ну, и прочее, что требовалось в дополнение к охране, которая щетинилась из-за частокола копьями и стрелами, хотя в лагере было тихо, и никто нападать не собирался. Только в старом лагере - месте сбора племенных вождей - принялись мельтешить конники, словно игрушечные на таком расстоянии. И значительно больше числом, чем должно. Явно происходила схватка вождей с неизвестным противником. Вот и весь беспорядок. Кий совсем успокоился, и велел кинуть на подмогу вождям дальнюю сотню, из северного конца лагеря. Какой-то умник из визирей-советников подсказал, что лучше бросить ближнюю тысячу, но Кий так увлёкся разглядыванием железной стрелы, что и ухом не повёл.

Эти племенные вожди были единственной реальной оппозицией Кию. Со скандалами и угрозами, с трудом, но Кию удалось постепенно расформировать племенные отряды, распихивая солдат по сборным легионам. Но это мало что значило для распиханных и перемешанных соплеменников, раз вождь его племени находился в лагере. Легион - это временно. По первому зову вождя весь его отряд соберётся перед шатром, готовый исполнять приказы вождя. Хоть на холм Кия кинуться с мечами. Вождь есть вождь. А Кий - кто такой? Так что Кия нисколько не удивляло нежелание дронов перебить этих вождей, хотя Я-Мо твёрдо это обещал, при каждой учебной тревоге. Магистр не дурак, давно понял, что живые вожди ему полезней, чем мёртвые. Когда это стало понятно даже Я-Мо, тот предложил самому подослать отряд, переодев их дронами, но Кий к тому времени перестал верить Я-Мо. Тот сделает так неловко, что весь лагерь узнает автора резни. Такого войско не простит. Или взбунтуются, или разбегутся. И вот теперь, глядя на свалку людей и коней в старом лагере, Кий надеялся, что дальняя сотня не слишком скоро подойдёт на помощь. Кто напал на вождей - неважно. Главное, люди хорошие. Напали в нужном месте в нужное время.

А произошло вот что - после тройного сигнала вожди привычно устремились к старому лагерю, конные, с лёгкими копьями и мечами, даже доспехов многие не надели. С каждым один-два родича, для связи и мелкой помощи - и сотни не набралось народу. Вожди не стали заезжать в старый лагерь, который представлял хоть какое-то укрытие от нападения своими рвами и полуразрушенным частоколом. Вожди полагали, что это очередная зряшная тревога нового Тайного Советника Сена, чтобы унижить в очередной раз. Вожди гарцевали вперемешку в небольшой ложбинке слева от частокола, как раз напротив ворот нового лагеря, злобно ругая Кия, и для них полной неожиданностью явился разгорячённый конный кулак, который ударил по ним из кустарника на гребне ложбинки. Король Алан попросту заблудился. В его голове, разгорячённой горячим тройной перегонки, как-то перепутались эти южные ворота с северными, где и должен был прорываться Ден-Лейн. Ворота есть, а какие - это показалось мелочью. Главное, отряд желтяков, который может помешать прорыву Ден-Лейна. И король сходу повёл своих головорезов в атаку. Длинные пики дронов пробили ближних, лёгкие копьё-дротики опрокинули следующих - словом, атака была успешной, однако противник не рассеялся и не побежал, как сделал бы любой конный отрядик, застигнутый так врасплох. Но этот - отборный, сплошь из вождей - остался на месте. В ответ тоже полетели копья, обнажились мечи - и закипела сеча, в которой длинные копья уж редко брали добычу, мешали копья в плотной конной круговерти, зато уж мечи рассверкались, словно стая хищных серебристых рыбин, злых и прожорливых. Вожди выдержали удар, но потери вынудили их попятиться к родным воротам. Они были отличными бойцами - настоящие восточные львы с

раскосыми глазами, целое стадо львов, и если б во главе имелся хоть заваливающий баран, они бы выстояли. А стадо - оно и есть стадо. Обходи его, расчлени, и вырубай - ни строя, ни командира, каждый сам по себе, и каждый, кстати, понимал это. Поэтому вначале попятнулись, а потом и вовсе поворотили коней, понеслись, кто сумел, в сторону ворот. Только два десятка бойцов уж никак не могли поворотить, не получив удара в спину, и предпочли получить его в грудь, как герои - и получили, конечно. Все, не сумевшие сдёрнуть из схватки, были быстро посечены и заколоты. А из ворот угрюмой массой навстречу вождям выкатывалась сотня предателя Ден-Лейна.

Приказ Кия о подмоге вождям направил гонца в северный конец лагеря, где он и увидел готовую к бою сотню Ден-Лейна, которая разворачивалась по какой-то надобности к северным воротам. Гонец передал приказ спешить на подмогу вождям, к южным воротам, и Ден-Лейн колебался всего мгновение. Лучше вырваться из лагеря без боя через южные ворота. И помочь Ден-Лейн собирался вовсе не вождям, ибо мысленно уже перековался в верного подданного короля Алана. Он без раздумий срубил голову у первого же скачущего навстречу вождя. Ближний за мятежным вождём десяток родичей, молча опустили копья на врага, а девяносто родичей и соплеменников позади них тут же развернулись в боевой порядок и засверкали мечами. Без всякой команды, потому что именно этого и ожидали. Давно уже их вождь намекал, а кому и прямо говорил, что Кий живьём ест, затёр совсем, хоть загибайся, а вот дроны неплохие ребята. И стены у дронов крепкие, и магистр гораздо подлее нашего Я-Мо, который только и может, что колья строгать. И вообще - помните такого? Перебежал давно. А сякого помните? И он сдёрнул. И ничего - служат у дронов, и деньги гребут немалые золотом. Оно конечно - и племя предали, и род опозорили, всё так. Но и Кий на все рода и племена наплевал, перетасовал всех по этим новым легионам, разве нет? Просто тут, в Европе, порядки такие, что на племя все плюют, все тут наёмники, и служат за деньги, и неплохо бы привыкать к европейской жизни, а то они нас дикими считают и называют варварами, будто мы тупые и только за род свой и прячемся. А если взять вот тебя самого по себе, без рода-племени, то и не стоишь ничего, вроде как совсем дерьмо ты, если сам по себе.

Все родичи возражали Ден-Лейну, что нет, они не дерьмо, они и сами по себе молодцы хоть куда - пусть и к дронам, раз золотом платят. А Кий сволочь - заставляет работать за кормёжку и обещания добычи. Так что удар вождя по такому же вождю окончательно разъярил - где враг, и что делать.

Вожди кричали, что мы свои! Что вы творите, гады?! Потом закричали про измену, а потом и кричать перестали - некому было кричать, всех срубили изменники Ден-Лейна. Но когда вожди кончились и начались дроны, то уже Ден-Лейну впору было завопить, что мы свои! - но не успел, получив такой жестокий тычок копьем от налетевшего дрона, что и панцирь кованный затрещал, не говоря о рёбрах. Он вылетел из седла, и только тут разгорячённый победитель разглядел зелёные бунчуки на копьях противников, и потому резко поворотил назад. Другие дроны тоже разглядели зелёные вымпелы, и атака заглохла сама собой - дроны поворотили коней, и умчались. А сотня Ден-Лейна осталась на месте, само собой, смущённая таким непонятным поведением союзников. Пока Ден-Лейн очухался, пока встал, пока ему на лошадь помогли подняться, сотня вокруг топталась, глядя вслед скачущим лошадиным задницам. А из ворот лагеря тем временем вылетали мелкими группами конные желтяки на подмогу, из тех, кто успел вскочить на коней. У мятежника ещё было время рвануть следом за дронами, однако старина Ден-Лейн упустил и этот последний шанс, потому что и слова не мог выговорить, дыша с трудом и еле разогнувшись в седле. А когда смог - было поздно. Его сотня так перемешалась и разбрелась по полю боя в поисках добычи, что собрать её только вокруг себя стоило надсаженной глотки. Кто ловил бесхозных коней, кто сдирал с убитых доспехи, кто собирал оружие - даже двух пленных захватили. Один вылез из кустов сам. И с поднятыми руками, а второй, оглушенный, с расколотым шлемом, никак не мог встать, всё падал. Их

Ден-Лейн приказал отвести в свой шатёр, как военную добычу, а сам, оценив обстановку, решил ехать к Кию, и попытаться спасти свою жизнь. Прорваться теперь не дали бы - столько уже клубилось недовольного народу вокруг его сотни. Важно доложить Кию первым - тогда появится шанс. Доложат другие - Кий и слушать его не станет, сразу на кол. Вон их сколько, чьи вожди полегли от его мечей - смотрят исподлобья, держа оружие наготове.

С крепостных вышек бой отлично разглядели. Не так и далеко от ворот, чтобы не разглядеть, с кем бился Ден-Лейн. Эти все родичи вцепятся, словно волчья стая, если сотня Ден-Лейна попытается уйти. Только новая, привитая Кием легионерская дисциплина мешала этим родичам, мгновенно склубившись в толпу, учинить святую месть. Командиры легионов, тысяч и сотен то и дело своими хлесткими командами, а то и ударом, еле успевали разогнать эти самосудные толпы. Но возврату в лагерь не препятствовали, так что Ден-Лейн поспешил со своей сотней к холму, всё больше и больше ёрзая в седле, уже чувствуя задницей близкое знакомство с острыми неприятностями. Он проклинал свою невезучесть, но, как это свойственно человеку, всё же надеялся, хотя надеяться было вроде не на что.

Он не ошибся. Доложить Кию о случившейся ошибке не удалось - он был занят. А Тайный советник Сен велел пропустить прибывшего вождя за частокол одного, и тут же арестовал его, отобрал оружие.

Кий был занят допросом эльфа, который сидел в клетке из тонких железных прутиков вместе с безвинной птичкой, под охраной двух мордovorотов и радостного тролля. Эльф молчал, а канарейка заливалась во всю глотку. Наверняка о своей невинности, но её никто не слушал. Кий призывал эльфа быть благоразумным и всё рассказать о заговоре, не отпираясь - это глупо. Все улики злодеяствия налицо. И креслице по размеру эльфа, и свидетель есть, тролль, который видел, как эльф выбросило из железной стрелы. И часовые схватили его при попытке бегства с места преступления. Не слыша ответа, Кий укорил, что молчать ещё глупее. Молчать, ничего не пытаюсь сказать в своё оправдание. Ведь за такое преступление полагается на кол посадить, и неважно, что ты маленький. Уж какнибудь напаялим на толстую спицу, а кожицу с тебя ободрать сумеет тролль. А потом и канарейка клевать примется - видишь, как обозлилась? Не разумнее ли раскаяться, всё рассказать о заговоре, и отдаться на милость Кия - она велика, все это скажут.

Однако эльф, грязный и закопченный, сидел на птичкиной кормушке и упорно молчал.

Когда Сен доложил об аресте Ден-Лейна, раздасованный Кий поднялся с кресла и ушёл, велел троллю продолжать допрос. Кий вспомнил предсказание нового колдуна - о пользе, что принесёт Ден-Лейн, если его не пустить на Совет. Кию не терпелось услышать подтверждение этому. Выйдя из шатра, Кий увидел очень грустного Ден-Лейна, которого крепко держали два стражника. Рядом стоял Сен и дозорный с вышки возле Южных ворот, который и доложил об измене Ден-Лейна. Изрубил всех наших вождей, это ж надо! Я свидетельствую. Да и другие дозорные видели, вот так.

Кий переспросил, не сумев скрыть ликования в голосе: - Неужели всех?! - И Ден-Лейн, уловив это, поднял глаза в безумной надежде.

Дозорный подтвердил несколько растерянно, что всех вчистую, а кого не сумел, так тех уже дроны побии. Восхищение в голосе Кия и от дозорного не ускользнуло, и он торопливо добавил, что Ден-Лейн мог и ошибиться, перепутать, или вовсе с ума рехнуться. Может, Ден-Лейн и не изменник, потому что его сотня и с дронами схлестнулась, обратя их в бегство, а самого его чуть копьём не проткнули злодеи-дроны, аж панцирь на груди вдавлен.

Кий же от счастья готов был расцеловать Ден-Лейна. Только теперь он ощутил себя вождём

разноплеменного войска. Наконец-то. Даже не верилось. Хотя от радости у Кия и прихватывало голос, он всё-же сумел прошептать, что надо произвести следствие. Пусть оно покажет - изменник Ден-Лейн или сумасшедший, а пока - в яму Ден-Лейна. При этом Кий старательно хмурил брови, изображая подобающую печаль и гнев от такого разора, хотя самому всё было ясно. Конечно, Ден-Лейн не сумасшедший, так ошибиться. Ещё Я-Мо доносил, что вождь подумывает перебраться к дронам. Неудивительно при той весёлой жизни, что устроил ему Кий. И решил воспользоваться столь удобным случаем, перебежать в суматохе преследования. Он и вождей начал крошить, чтобы показать дронам своё намерение, но всё дело сорвалось из-за случайного удара копьем. Но изменником Кий его не считал. Эдак любого можно довести, так, что к дьяволу на рога побежит. Если теперь явить Ден-Лейну свою милость, будет самым верным его псом. Куда денется - всё войско будет мечтать о растерзании в мелкие клочья шкуры Ден-Лейна.

Произвести следствие Кий доверил советнику Цою. Тот отличался особой чуткостью к словам и интонациям повелителя. Услышав повеление разобраться, что за ошибка произошла у Ден-Лейна с вождями и попытаться найти в ней виновного, если он есть, Цой кивнул, поклонился, и сразу направился к вонючей яме, куда бросили Ден-Лейна. Заглянув вниз, он наморщил нос, и велел перевести подозреваемого в чистую, не обгаженную яму, и кормить не обычными объедками, а разносолами со своего стола. И пошёл отсыпаться после бессонной ночи. Как умному визирю, ему всё было ясно из слов повелителя, а за мелкими деталями он послал помощника - пусть пошныряет.

На другой день во время Совета он доложил, что всё досконально расследовал, и нашёл виновника той прискорбной ошибки, что приключилась вчера. Это - Чёрный Магистр, который печально известен своей низкой подлостью и невероятным коварством. Часть нападавших дронов была переодета в одежды желтяков, а точнее - в одежды вождей. Ден-Лейн, однако, сразу всё понял, увидев европейские подлые хари. Настоящих желтяковских вождей к тому времени осталось, быть может, всего несколько человек. Лжевожди могли застигнуть его сотню врасплох, опрокинуть и рассеять. Ден-Лейн помнил и о распахнутых воротах за спиной, которые непременно захватили бы дроны, рассеяв его сотню. А сколько вражеских войск могло быть напратано по буеракам и кустам - войск, которые только этого и ждали? Наконец, сигнальный колокол, который кричал о покушении на Ваше Величество. Возможно, удачном - Ден-Лейн не мог этого знать. Как вождь, Ден-Лейн мог представить целиком этот коварный замысел Чёрного Магистра - покушение, захват ворот, паника, потеря управления, хаос - и орда безжалостных дронов, ворвавшихся в Южные ворота. Это было бы неминуемым поражением. Более того - полным разгромом, неминуемым избиением и резнёй.

Поэтому Ден-Лейн не мог позволить переодетым негодяям опрокинуть его сотню. Но как объяснить бойцам, что надо делать, за те несколько мгновений, что оставались у Ден-Лейна? Такой команды не существует - "Бей своих". А бойцы позади уже расступались, чтобы пропустить бегущих вождей через свои боевые порядки. Только настоящий вождь, такой, как Ден-Лейн, мог мгновенно принять столь тяжёлое, но необходимое решение. Скрипя зубами, стеноя в душе и даже рыдая про себя, мужественный Ден-Лейн зарубил первого же вождя - своего, в родной желтяковской одежде. Тем самым он и показал сотне новых врагов и отдал новый приказ. Благородному Ден-Лейну было бы легче исполнить свой тяжкий долг, знай он больше о коварстве Магистра. Ещё Я-Мо подозревал многих вождей в симпатиях к дронам, но тогда никто не смел пойти против своего вождя. Теперь же следствие путём только предварительных бесед легко узнало от честных желтяков о прямой измене очень многих вождей. Наверняка это они, подкупленные коварным магистром, и скакали впереди переодетых дронов. Не заруби Ден-Лейн своего противника, тот без сомнений убил бы его. Цой надеется, что благородство и милость Вашего Величества запретят выяснять имена недостойных предателей, чтобы не осквернять памяти покойных в глазах их родных и соплеменников. И надеется,

что преданность благородного Ден-Лейна окажется достойно вознаграждена. И да будет проклят Чёрный Магистр, на совести которого появилось ещё одно преступление.

В течение этой речи нижняя челюсть Ден-Лейна отваливалась всё ниже, но к концу её он сумел опомниться и даже принять обиженный вид, тем более, что Кий слушал советника, благожелательно покачивая головой. Он разглядывал лица командиров легионов и их заместителей, сидящих на коврах скрестя ноги по восточному обычаю. Сидели тесно - Совет проводился внутри королевского шатра, в целях осторожности, и выражения лиц читалось с трудом из-за слабого утреннего света, падавшего через открытый полог. Сбивал с толку и свет факелов в руках охраны, слишком живой и переменчивый - он придавал лицам воинов самые разные выражения. Но на этот раз все непривычно молчали, и одно это говорило всё. Никто не возразил, что Ден-Лейн хотя бы просто дурак. А тем более изменник. За плечами командиров больше не было вождей, не было силы, на которую можно опереться в споре с Кием. Кончилось время договоров и союзов с вождями. Из интриганов и политиков командиры превратились, наконец, в простых исполнителей его воли. Любого из них может среди бела дня арестовать Сен, не боясь бунта какого-то племени. Кий вдруг понял, что может вообще отменить Совет, который в начале похода был Советом Вождей, а потом стараниями Кия превратился в Совет командиров, по-прежнему выражая волю вождей.

Власть - вот она. Полная и единоличная власть. Киею стало хорошо, говоря очень мягко. Сладостная дрожь пронзила Кия от макушки по всему позвоночнику. Вчерашний день и вчерашний сон ещё раз явили Волю Неба. Те потоки крови из сна не могли быть кровью вождей - жидковато вождей, на бочку крови, не больше. Надо начинать битву за город - как иначе истолковать этот сон и эти события? Препятствий более нет.

И надо немедленно показать власть, чтобы поняли все. До любого тупицы должна дойти сила властелина. Мало помиловать Ден-Лейна. Нужно что-то большее.

Выслушав Цоя, Кий с интересом подождал замечаний или каких возражений, но командиров он сам назначал, дураков там не было, и потому ничего не дождался. Тогда Кий скорбным голосом посожалел о трагедии, в которой виноват только Чёрный Магистр, и повелел похоронить его жертвы сегодня же в общей могиле, а Ден-Лейна немедленно освободить. Командиры и на этот раз промолчали, но еле заметное движение, словно пробежавшая волна от упавшего в воду булыжника показала их потрясение. Вождей племён - и хоронить как простых солдат, без церемоний и жертвоприношений, скорбных песнопений и обильного прощального пира? Людей, за которыми на родине стоят десятки, а то и сотни тысяч соплеменников, земли и богатства - запихнуть в общую безымянную могилу?! Каждый солдат в лагере, услышав об этом, до костей ощутит железную волю Кия. Такое вытворять! И ведь...промолчат все, растасованные по легионам, без своих вождей, которые могли взбунтовать. Разве только этого Ден-Лейна зарежут ночью, по-тихому, вот и весь бунт. На кол никому не охота.

Кий смотрел в лица воинов, и каждый опускал глаза. Кий улыбнулся. И буднично продолжил, что решил начать подготовку к битве. С сего же дня. Немедленно. Дроны обнаглели до безобразия, но эта наглость слабости. В отчаянии магистр даже прибегнул к колдовству, с которым всегда боролся.

Однако Небо по-прежнему на стороне Кия, что и показало вчерашнее чудесное спасение от удара колдовской стрелы Чёрного Магистра. Через предсказателей Небо заблаговременно предупредило Кия о злодейском замысле. То, что за покушением стоит Чёрный Магистр, теперь окончательно ясно. Эльф, что направлял стрелу, пока молчит, но купцы и шпионы уже рассказали о грохоте и столбе дыма в одной из башен города - вот откуда вылетела колдовская стрела. Да и дозоры докладывают, что

видели её полёт - от города к лагерю. Магистр нарушил перемирие, наплевав на договор. Разве это не говорит о слабости врага? Не надеясь уже на силу, он положился на подлость, вероломство и колдовство.

Пришло время и нам начинать активные действия. Завтра пусть каждый доложит свои обдуманные соображения, а пока - самые насущные.

Тут командиры зашевелились. По этому чисто военному вопросу, без опасной политики, возражать только приветствовалось, и они возразили в репликах и коротких речах, один за другим, что и обсуждать тут нечего, раз для штурма нет никакой возможности. Стены по-прежнему высоки, ров глубокий, и любой штурм обречён на неудачу. Нужны баллисты и катапульты, осадные передвижные башни, не говоря о множестве крепких лестниц и прочих осадных приспособлений. Их изготавливают, но до нужного количества ещё очень далеко - дроны не дураки, и не пропускают строевой лес и железный крепёж, не говоря о самом железе. Только готовые изделия возят купцы, да и те плохие - мечи вообще просто дерьмо, от удара гнутся или ломаются, а наконечники для стрел и копий чуть ли не из воска деланы, или из стекла. Удар - и вдребезги наконечник, и много чего ещё наплакали бы командиры, но Кий поднял руку, и все замолчали.

Досадливо морщась, Кий напомнил, что о штурме он и не говорил. О штурме можно будет подумать, когда от голода у защитников города не останется сил, чтобы открыть городские ворота. А это непременно случится в скором будущем, потому что появилась надежда наглухо перекрыть снабжение города. Теперь Кий может сообщить то, что скрывалось раньше. Кий знает мнение командиров о Я-Мо, что тот мышей не ловил, и с таким Я-Мо, дескать, о победе и мечтать нечего. Недостатки есть у каждого, на этот раз Я-Мо показал себя с лучшей стороны. С невероятным трудом и большими потерями он прорвался в Европу сквозь сети Чёрного Магистра. И теперь с помощью денег, шпионов и врагов магистра, которых и в Европе хватает, он начал набирать отряды наёмников. По расчётам, ему хватит и двадцати тысяч, чтобы надёжно перекрыть снабжение города с той стороны. Едва его отряд перекроет горную дорогу, запасы продовольствия в городе начнут таять. И к этому времени наши войска должны быть полностью готовы к битве, которая неизбежно произойдёт на равнине перед крепостными стенами. Дронам ничего другого не останется. Чёрный Магистр уже наверняка знает о наборе войска в своём тылу. У дронов один выход - выйти в поле всеми силами и попытаться разгромить желтяков. Численный перевес наших войск неоспорим, но не всегда только он решает исход битвы. На стороне магистра подлость и коварство. Он собирался применить в битве заколдованного дракона, и этот таран прорвал бы наши ряды, как бумагу. К счастью, Я-Мо и тут сработал отлично, уничтожив дракона. Однако предсказатели говорят, что остаётся в силе пророчество о Белой Ведьме на стороне дронов. Обнаружить её очень трудно, а заполучить на свою сторону - почти невозможно всякому. Кроме нашего врага Магистра. Если он, конечно, знает о Белой Колдунье. Помешать ему, однако, не ваша задача, а нового Тайного Советника Сена. А ваша - представить завтра соображения по предстоящей битве на равнине.

Сказав так, Кий распустил Совет, знаком приказав остаться Ден-Лейну. Заговорил по дружески, ласково. Заверил, что всегда уважал вождей, но притеснять их пришлось по нужде - что это за войско, если в нём невесть сколько главных, не так ли? Но теперь главный один остался, Кий, а вождей почти нет - ну, парочка уцелела, из мелких, не считая Ден-Лейна. Так что притеснений больше не будет. И Кий рад, наконец, возможности выказать своё уважение вождю, и подарить вот этот изукрашенный боевой шлем в знак дружбы. После победы Кий обещал удвоить долю вождя из воинской добычи, а пока - новое место за столом Совета, почти рядом с Кием. Потом с сожалением добавил, что приблизить Ден-Лейна ближе мешают доносы, ещё от Я-Мо. Мол, давно к дронам перебежать

мечтает.

Ден-Лейн горячо заверил, что Я-Мо верить невозможно. Он своих пересажал на кол раз в десять больше, нежели чужих, как раз по доносам, которые этому олуху подсовывал коварный магистр. А уж на Ден-Лейна, крайне преданного Кию, магистр мог наварганить несусветно сколько доносов от своих шпионов здесь, в лагере, но всё равно Ден-Лейн был, есть и будет верным Кию.

Кий милостиво кивнул, сказал, что верит, и предложил сегодня же показать всем недоверчивым, на чьей стороне его сердце. Как донесли Кию, у вождя находятся двое пленных, захваченных в стычке с дронами. Согласно договора о перемирии, который никто не отменял, Кий обязан вернуть их дронам в целости и сохранности, так же, как и дроны возвращают нам захваченных в мелких стычках пленных. Все это знают, и поэтому Ден-Лейн обязан передать пленных Кию и получить обычную компенсацию в десять золотых за голову. Если не передаст, ему грозит смертная казнь, согласно указу Кия. Но Ден-Лейн может поступить и по своему - нагло, не стесняясь свидетелей, взять и выставить на колу у Главных ворот хотя бы одного пленного. Ответ магистру, так сказать, за покушение на жизнь властелина. Конечно, это нарушение Указа. Но Кий поймёт такое движение сердца Ден-Лейна. Накажет, не без этого. Ну, там, сладкого лишит на пиру. И другие поймут, на чьей стороне Ден-Лейн. Все поймут, включая магистра. Сразу прекратятся все доносы, и Кий сможет приблизить вождя ещё ближе и доверять ещё больше. Вплоть до того, чтобы сделать из Малого легиона Ден-Лейна личную гвардию Кия, а его самого назначить командиром королевской гвардии.

Ден-Лейн, часто дыша и глядя собачьими глазами, заверил, что счастлив будет ещё раз доказать свою преданность и жалеет только, что мало этих пленных попало - на всех бы кольев хватило.

Говорилось это с таким рвением, что довольный Кий решил посоветовать всё же допросить пленных - вдруг что ценное скажут? И отпустил Ден-Лейна, не сомневаясь, что приобрёл действительно верного подданного. Без дружбы с Кием вождю мигом кишки выпустят. Его ненавидит всё войско. Да и на родину Ден-Лейну возврата нет - тут же все родичи убиенных вождей пойдут его воевать и зорить. Достанут непременно, так или иначе. Одна дорога - с Кием в Европу.

Отпустив Ден-Лейна, Кий решил узнать - что там намучил тролль из своего маленького пленного. Но тролль не дурак эльфа мучить - всё равно бесполезно. Быстрее сам замучаешься. К тому же, когда эльф умылся в птичкином корытце, тролль вообще надолго потерял дар речи, потому что мигом узнал того самого эльфа, который стоял на краю ямы и наблюдал, как его грызут заколдованные крысы. Тролль кружил вокруг клетки, пыхтел, и лихорадочно думал, то и дело щурясь в полутьме на горящие факелы у входа в шатёр, где стояли часовые. Долго вот так кружил тролль, думу думая - как быть, да что делать, а эльф только фыркал презрительно, когда тролль потел от страха совершить ошибку. Можно убить эльфа. Ни магистру, ни кому другому, ни один тролль не поверит про обучение крыс - они не эльфы. Но что изменит смерть эльфа? День Красной Терры всё равно грянет. Если удастся уцелеть, придётся бежать из Моховой Горы, в голод, холод и в страх - без золота и без будущего. Тролль вспомнил гадкую нору, где он жил ещё год назад, и содрогнулся. В Моховой Горе тепло, сытно, и покойно. Там хранится его доля золота.

Как ни мечталось троллю продать и магистра, и эльфа, это сладкое дело тролль решил отложить, скрипя мелкими зубками. Скрипи чем хочешь, но этого эльфа спасти было необходимо - это будущий король эльфов. Он дал Слово. Теперь только от тролля зависит судьба народца троллей, и его собственная. Тролли никому не верят, но магистру поверить пришлось - он предсказывает будущее самым точным способом - Белым Колдовством. Поэтому магистр обязательно сообщит и День Красной Терры, и цвет Отпетого. Ключи от будущего - впервые тролль ощутил их в своих ручонках - а

уж им тролль мог верить.

Но как устроить побег мерзкому эльфу, да на глазах часовых - тролль просто не знал, как. Но вдруг подумал, что эльф наверняка уже испорченный от общения с двумя негодьями и магистром, и потому может и заговорить с ним, с троллем, нарушив указ короля Ри, что хороший тролль - это мёртвый тролль. После указа эльфы говорили с троллями только копьями, стрелами и мечами.

И тролль, протиснувшись через приоткрытую дверцу внутрь клетки, визгливо укорил эльфа, что он, как последний дурак, сумел попасть в плен. Тролль высказал уверенность, что это сделано нарочно. Наверняка эльф просто предатель. Вот, тролль всё магистру расскажет.

Эльф раздулся от возмущения и заверещал, что это тролль предатель, раз продал магистру и Кия, и своих сородичей.

Тролль обрадовался, что эльф разговорчивый, и великодушно сказал, что ладно, бывает - уговорил. Тролль не будет жаловаться магистру - он такой, тролль. Хотя и уверен, что эльф - ну точно, предатель. Впрочем, для такого испорченного это неудивительно - он нарушил все законы эльфов настолько, что даже убил человека, безвинного предсказателя Ю-Линя.

Эльф завопил, что он только и сделал, что пробил стрелой Белый Халат, потому что его попросила - неважно кто. А если какой идиот залез в этот Белый Халат, то это его личное дело, и эльфа не волнует. Он пробил Халат, вот и всё, а до убийства людей, этого дерьма, только тролль и может опуститься, сам ещё хуже этого дерьма.

Между собой эльфы и тролли говорят гораздо быстрее, чем с медлительными людьми, к тому же на своём языке, который знают только немногие колдуны, но уж никак не часовые, поэтому без опаски на чужие уши ругались долго и всласть. Наконец, выяснили - кто есть кто, и насколько этот "кто" плохой, а второй хороший, и перешли к делу. Выслушав предложение тролля, эльф возразил, что бежать лучше ночью. Днём коршуны летают. И пусть мёду тролль притащит побольше, для объедания и лечения, а то весь обгорел. Помолчав, эльф процедил сквозь зубы, что тролли обычно всегда рады продавать всех и вся, да как можно дороже, но этот тролль на удивление оказался чуть-чуть лучше своего дерьма, потому что не продал магистра и решил помочь эльфу. Тролль аж грудь выпятил от таких неохотных слов, и гордо сказал, что он тролль особый, королевской породы, не то, что прочие всякие тролли - те и впрямь дерьмо. Поэтому он и расшибается тут в лепёшку, и приказ магистра выполнит, он такой. Да и вообще ему всегда нравились и эльфы, и магистры, а желтяки никогда не нравились, и только злая судьбина заставила им служить. И вот как обмануть проклятых желтяков, чтобы и эльф улетел, и самому не загреметь, тролль просто не знает. Чуть не рехнулся, а всё никак не придумает. На это эльф сказал снисходительно, что ему лично такое придумать, как мухе глаз подбить, потому что он давно рехнулся после общения с этими двумя дурнями Сэмом и Вэйном, и теперь не видит никакой разницы между возможным и невозможным. Тролль бы тоже рехнулся, если б эти негодья побольше с ним поболтали, но повезло, что быстро продали магистру, тот поумнее будет.

Тролль вспомнил болтовню Вейна под свист прутика в руках Сэма, и невольно задрожал. Только теперь он по настоящему осознал, что бедняга эльф выдержал их общество столько времени, что... Тролль так и сел, открыв рот и глядя на эльфа с благоговением, как вообще никогда не глядел. Тролль вдруг осознал, что это теперь не обычный эльф. Травленный, битый, матёрый, испорченный почти до предела - да он горы свернёт, если такое выдержал и всего лишь сошёл с ума... как это и положено настоящему КОРОЛЮ.

Тролль просто не мог не высказать восхищения, и эльф довольно сказал, что после общения с негодяями ещё сильнее презирает людей, потому что убедился, насколько они ещё и тупые. Почему-то Вейн называет их умными. Вейн дурак, ему видней - может, они и умные, но всё равно тупые, как кирпичи, и Кий ваш тупой, и охрана тупая, и ты, тролль, тупой, а вот эльф мигом сообразил, что можно улететь внутри клетки вместе с ней, вот и всё. Он уже примерялся - клетка лёгкая, только птичку надо убрать, чтоб не мешалась. Эльф вцепится в кормушку - и взлетит. Клетка просторная, для крылышек места с запасом. Не сейчас, а через недельку, когда мёдом подлечится.

Тролль обиженно сказал, что он не тупой. Он просто не летающий, как эльф, потому сразу и не сообразил, а вот Кий и прочие - эти да, тупые. Никогда не подумают, что тролль про клетку сообразил, хоть и не сразу. Чуть-чуть позже эльфа, которого Сэм и Вейн свели с ума, и потому он сейчас острой тролля оказался, пусть всего на чуть-чуть, хотя от природы эльф тупой, а вот тролль от природы острый, и ещё скромный, и потому промолчал, хотя сообразил ещё раньше эльфа, если без скромности. Тролль не лезет вперёд и не хвастает, как некоторые, что вот какой я острый.

Тут они совсем немного поругались - кто острее, но быстро примирились на том, что о жалких людишках и спорить нечего. Тупей их не найти. С презрением эльф сказал, что эта грязь - люди, всё время тупо лезут в чёрное колдовство, хотя все от природы владеют Белой Магией, которая неизмеримо сильнее Чёрной. Тролль поддакнул, что эти тупицы, маги и колдуны, так и лезут в Чёрную Магию, и его, тролля, выпрашивают, и завидуют ещё, что он колдовать умеет. И ему, троллю, просто удивительно кажется, как эльф сумел долететь на железной стреле так далеко, и не может быть, чтобы обошлось без Чёрной Магии. Эльф сказал, что просто тролль ещё плохо узнал этих двух мерзавцев, Сэма и Вейна, а то бы давно понял, что это Белые Маги. Это они зашвырнули эльфа в железной стреле так далеко с помощью обычного пара и ещё толкателя, который ревел на горячем из простого вина. И всю магию они сделали, смеясь и постоянно отвлекаясь на своих дурацких баб, и при этом обжирались мясом и опивались вином, нисколько не заботясь о телесной чистоте, не говоря уж о заклинаниях, наплевав на неблагоприятные фазы луны и плохое расположение звёзд, потому что ихнее колдовство полностью в их руках.. Они могут его хоть с кашей съесть, хоть выплюнуть, остановить, когда захотят, и снова запустить, да и вообще вертеть, как угодно. А пусть бы тролль попробовал зашвырнуть на Чёрной Магии железную стрелу - хоть недалеко?

Тролль только головой покачал и сказал, что и пробовать не станет. Это сколько нужно рассчитывать на звёздах, сколько заклинаний произнести - язык отвалится. Сколько чиститься надо, не жрать и пить одну воду, чтобы пропустить через себя Чёрную Силу, а потом направлять её поток и удерживать невесть как долго. Такое только люди способны выдержать, и то, если очень здоровенькие и чистые, а таких он не встречал - гнилухи одни, даже колдуны Кия. Может, эльфу повезло таких людей встретить, но тролль таких еще не видел. Может, их и нет вовсе, сказки одни.

А если с помощью разумного Чёрного Духа попробовать, то надо здорового вызвать, но опасно - эта чёрная дрянь тебе же рожицу и начистит, и поди уговори его чего-то толкать, он так тебе по лбу натолкает, не обрадуешься. Можно маленького духа вызвать, с которым справишься, так ведь он слабенький, только напугать и может, где ему стрелу толкать! Нет, тролль бы не рискнул связываться с Чёрной Магией.

Эльф сказал, что и он бы не рискнул, хотя у него и есть возможность вызвать Чёрную Силу, как и у прочих эльфов. Потому что они знают такого невероятно здоровенького человека. Как кирпич из печки, чистенький и крепкий, сами эльфы кормили и воспитали, и она - то есть, этот человек, выполнил бы просьбу эльфа. Но такая возможность ей бы и в голову не пришла, да и эльфу такое только сейчас пришло в голову, удивительно. Наверно, дураки и впрямь вконец меня испортили - с

горестным изумлением закончил эльф, и даже чуть не заплакал, называя себя пропащим. Тролль тут же принялся утешать, что ничего не пропащий, ведь для эльфа главное - держать Слово, а всё прочее - мелочи.

Высказав это, тролль поспешил убежать за мёдом и за новой клеткой, куда решил убрать птичку-канарейку. Вскоре и птичка было отсажена, и эльф принялся наедать рожу перед побегом, а тролль только мило развлекал его болтовнёй, стараясь посильней подружиться.

Когда же его вызвали к Кию для доклада, тролль тут же прихватил мешок для золота, краденый у колдуна, и тут же раскрыл его, усевшись на столе перед властелином желтяков. Радостно сказал, что пленный эльф может выжить после пыток и побоев, если мёду не жалеть, и ещё чего расскажет, но пока ему надо отдохнуть. Тролль мало что выпытал. Можно сказать, почти ничего, тем более, что денег нет, а кушать хочется - и тролль вытянул вперёд ручонку, словно нищий на паперти. Кий привычно проворчал, что тролль вымогатель, и так же привычно положил в протянутую ладошку золотую монету. Тут же тролль хвастливо сказал, что зверские пытки принесли некоторый успех. Он узнал, что колдовство со стрелой сотворили два Белых Мага, по именам Сэм и Вейн. Вот как они выглядят ...- тролль замолк и снова вытянул ручонку. Кий вздохнул и снова положил золотой в жадную ладошку. Тролль тут же так расписал обоих колдунов, что издали узнаешь, словно сам их вблизи видел, а затем продал за золотой и место их пребывания, и ещё за золотой способ их колдовства - на воде, вине и огне, и добавил, что это точно - Белая Магия, а не Чёрная. Они - не Чёрные Колдуны, которых - тьфу!- и тролль не боится, а именно Белые, и потому исключительно опасны, и тролль настоятельно советует захватить, переманить, или вообще убить. Но самый огромный секрет, который тролль выпытал у эльфа просто немыслимым чудом - это небывало страшное оружие- золотой - просто невозможно ужасающее - золотой - убийственно сильнующее - золотой - просто небывало убийственное - золотой - сверхневозможности убийственное - кулачище под нос - которое тролль с радостью продаст Кию - это Белая Колдунья, а вот кто она - этого тролль не может вот так забесплатно сказать, за одни кулаки, а то себя уважать перестанет. Два золотых.

Тролль сказал про два золотых потому, что Кий вдруг побледнел. Тролль не мог знать предсказания колдунов Большого Желтяка "победишь, если Белая Колдунья не превратится в Белую Ведьму" - и слова тролля словно ударили под сердце.

- Кто?! - прохрипел Кий, подаваясь вперёд..

Тролль перепугался, и быстро сказал, что это - принцесса дронов, Кристи, вот, тролль уверен, хотя эльф её так и не назвал, как тролль его не мучил, да и не скажет никогда, быстрее умрёт, но тролль всё равно догадался - это Кристи, потому что больше никому. И тролль сбежал, волоча свой мешок и стянув последний золотой прямо из пальцев Кия.

Опомнясь, Кий осознал, что дышит часто и тяжело, словно задыхаясь. И понял, что не верил предсказателям Большого Желтяка. Поверил только теперь. Эльфы не врут. И Белая Колдунья действительно существует. Белая Колдунья - это принцесса Кристи. Надо любой ценой помешать ей превратиться в Белую Ведьму. Колдун Ка-Мей, вечно улыбчивый, переставал улыбаться, когда приходилось говорить о Белой Ведьме, а ведь он был, пожалуй, самым сильным после всемогущей Шри-Лан-Ки, Главной колдунье Большого Желтяка. Это Ка-Мей убедил Кия выкинуть из головы все мысли о Белой Колдунье, забыть про неё. Потому что иначе рискуешь найти Белую Ведьму, и чем упорнее ищешь, тем больше этот риск. Белая Колдунья никого не трогает, ей наплевать на всех и вся. Не буди спящую тигрицу, говорил Ка-Мей. Ты пройдёшь мимо, и даже не заметишь её. Ка-Мей убедил, но мысль, что тигрица проснётся, эта мысль осталась. И теперь не было рядом Ка-Мея - он

киснул в подвалах магистра, схваченный заодно с прочими колдунами за то, что безнаказанно лечил людей в огромных количествах. Белая Ведьма...Она остановит Кия, сорвёт поход на Европу. Это совершенно чёткое предсказание. И теперь, когда имя Белой Колдуньи известно, можно помешать ей превратиться в Белую Ведьму. Кий не допустит этого. Ка-Мей бледнел, говоря о Белой Ведьме. Кий подозревал, что он боится битвы с ней. Не уверен в своих силах. Потому и отговаривал. Ведь против Белой Ведьмы выставить больше некого. Только Ка-Мей способен справиться с нею.

Кий решил приказать Сену заняться принцессой Кристи. И вызволением из плена Ка-Мея. И когда вызванный к Повелителю Сен выслушал задание, он сразу вспомнил о тех двух пленных, что захватил Ден-Лейн. Возможно, они представляют ценность для обмена. Конечно, обменять Ка-Мея можно было и раньше, но этого не делали, из опасения насторожить магистра и привлечь его внимание к этому вроде обычному колдуну. И Тайный Советник поспешил к шатру Ден-Лейна.

К этому времени там произошло несколько интересных событий, начавшихся с допроса пленных. От первого - хмурого и болезненного вида молодого человека - Ден-Лейн ничего не услышал, кроме густого винного запаха, но второй пленный, некогда явно толстый и теперь исхудавший до повисших щёк, радостно рассказал, что он славный и верный шпион Я-Мо по имени Герберт. Он помог Я-Мо увернуться от жестокой лапы магистра, из-за чего пришлось бежать, скрываться и голодать, одевшись в лохмотья нищего и выпачкав рожу грязью. Пробравшись в город, Герберт долго не мог из него выбраться, потому что на воротах рядом с часовыми всегда дежурили послушники, которые могли его опознать и схватить. Но вчера ночью ему повезло, наконец - углядел с чердака, на котором скрывался, что у ворот начали собираться конные, целый отряд. Была ночь, светили лишь факелы, и то под ногами, поэтому он и рискнул подобраться поближе. И понял из подслушанных разговоров, что собираются на желтяков, и все из разных отрядов, малознакомые друг с другом. К этому времени Герберт настолько изголодал и отчаялся, что решил пойти на безумный риск, когда один из конных заехал к нему в тёмный дальний от света угол, чтобы выложить на землю кучу, что скопилась в животе. Во время этого процесса Герберт и подкрался сзади, и спровадил воина кирпичом по голове в царство беспамятства или смерти, после чего напялил его латы, сел на его коня, и пристроился к удальцам, когда открыли городские ворота. В бой он, конечно, не полез, остался в кустах, возле которых и сдался позже в плен. Подчинённые Ден-Лейна подтвердили - да, сам сдался, добровольно, однако рожу ему всё равно набили - как же без этого в плен брать?

Герберт же, рассказав свою историю, попросил остаться с Ден-Лейном наедине, без посторонних ушей, для сообщения невероятного секрета. Такого, что Ден-Лейн рот раскроет и глаза выпучит. Когда все лишние вышли, Герберт шёпотом выложил этот секрет - Ден-Лейн аж глаза выпучил, да рот раззявил. Герберт прошипел, что второй пленный - это сам король дронов Алан. Герберт уверен в этом, потому что не раз видел короля в своей гостинице, когда королевское семейство ещё до войны ездило в Европу. То, что пленный в простой воинской одежде - неувидительно, на вылазку всегда так одеваются, и это же помогло дронам потерять в бою своего короля.

Герберт так уверенно говорил, что Ден-Лейн похолодел. И в другой шатёр, где оставался тот пленный, Ден-Лейн потащился, едва переставляя тяжёлые ноги, хмурый и в мрачных предчувствиях. Король дронов...Ни сдать его Кию, ни на кол посадить - для Ден-Лейна невозможно. В обоих случаях магистр забросит все прочие дела, и достанет его. Теперь-то Ден-Лейн твёрдо знал, что у магистра не только жестокая лапа. Она ещё и длинная очень. Ладно бы простого дрона посадить на кол, это магистр простит. Шпионское дело такое подлое, что и своих бить приходится, для маскировки. Но король...это король. Это чересчур для любого шпиона.

Войдя в шатёр к пленнику, вождь выгнал охрану, и сказал нарочито грубо и уверенно, в слабой

надежде на ошибку Герберта - ага! Попался, проклятый король дронов. Продали тебя. Герберта-трактирщика помнишь? Он и продал, нечего отпираться.

Молодой человек засверкал глазками, вздёрнул подбородок, и процедил, что он не намерен скрываться от всякого быдла, хоть на кол сажай, сволочь, или беги к Кию за наградой - жаль, ты в бою мне не попался, рожа. Пленный так заругался, что Ден-Лейн и наземь осел, и плечи опустил, бормоча тоскливо, что и впрямь король Алан, ишь, как лается. От невезухи, что гоняла его с утра, Ден-Лейн разъярился, и зарычал в ответ, с трудом удержавшись от оскорблений, что награда от Кия - это хорошо, да только вот магистр ему потом такую награду выпишет, что никакой награды не захочешь, и как вот теперь выкручиваться прикажете, Ваше Величество, если... - но тут, увидя, что пленник пополз на землю, цепляясь за столб и закатывая глазки, Ден-Лейн заткнулся, и подскочил к королю Алану. В него пришлось влить полкувшина заморского вина, и только тогда король обрёл силы и сумел подняться на ноги под упрёки Ден-Лейна, что королю, да ещё пьяному, в набег ходить негоже, звон как боком всем выходит.

Но про себя удивился, как это магистр отпустил в набег пьяного короля, и вообще сомнение взяло Ден-Лейна - кто вообще командует у дронов - магистр или король? Уж очень король неказистый. Может, и не зря магистр короля выпустил. Может, надоед он магистру.

Король Алан малость повеселел, и даже оправдался, что это горячее подвело короля, от колдуна одного, уж очень крепкое, зараза. Свалился от лёгкого удара в грудь, и заснул, надо же. Но сейчас всё в порядке, можно прорываться из лагеря, как и рассчитывали, вместе с Ден-Лейном и его людьми.

Ден-Лейн угрюмо объяснил, что это невозможно - весь лагерь на ушах. Надо что-то хитрое придумать. Ден-Лейн послал своего человека найти купчишку-связника, а пока они уселись на циновках, и принялись закусывать заморское вино всякой всячиной. Купчишка прибежал - глаза квадратные, трясётся - и Ден-Лейн велел ему послать голубя с докладом магистру, и поживее. Говорили с купчишкой на своём языке, который король Алан не понимал, а то мигом бы затревожился, снова ощутив свою глотку во власти магистра. Купчишка очень скоро вернулся, отослав голубя с запиской - весь зелёный, весь трясётся, но соображает, будто и не зелёный. Ден-Лейн и король Алан убедились в этом за вином и закуской, потому что купчишка мигом сообразил, что делать, оказавшись матёрым на удивление шпионом. План такой хитрый выложил, что злодеи пришли в отличное настроение. Однако Ден-Лейн вовсе не спешил выполнять этот план, то и дело выгоняя купчишку из шатра посмотреть ответ магистра. Для таких срочных случаев тот использовал свои дозорные патрули, что лазили на конях по кустарнику между городом и лагерем желтяков. Увидев дым со стороны города - его давал костёр на башне - такой патруль обязан был повторить этот дым немедленно на первом попавшем холме, и такой же дым - белый или чёрный. Эти дымы уже отлично просматривались из лагеря желтяков. Купчишка запросил в голубиной записке чёрные дымы, если короля необходимо вернуть на место, или белые, если он там не нужен, но дымы на этот раз что-то подзадержались. Голубю лететь до королевской голубятни минут пять, ещё столько же накинуть на беготню с докладом и приказом - и всё, ответ пошёл. Но он задержался чуть не вдвое. Может, из-за того, что у магистра сидела принцесса Кристи со своим охмурёжем, может, потому, что магистр и впрямь был дурак, только замаскированный хорошо, по мнению Вейна, только магистр и в этот раз отвергнул шанс стать королём дронов. Правда, думал долго, посматривая то на принцессу и её неумелые охмурялки, то в потолок, но потом плюнул, и велел послушнику дать чёрный дым, да погуще. Последние, кто увидел команду, оказались три патруля вблизи лагеря желтяков, которые и передали ответ магистра с помощью огня, травы и дёгтя в виде трёх чёрных столбов дыма, что и увидел из лагеря купчишка. Он прибежал в шатёр вообще посинелый и с треугольными гляделками, и

завопил чтобы Ден-Лейн немедля ехал, гад, иначе обеим крышка. Три чернющих, как сажа, дыма - в ключья разорвёт магистр, если не выкинут из лагеря этого пьяницу.

Ден-Лейн мигом взгромоздился на коня и погнал его к шатрам охраны под холмом Кия. В это время уже должны были начинаться казни приговорённых к смерти. Их проводил теперь, в отсутствие Я-Мо, восточный маг Пу-И, и проводил по-своему. Этот любимец Кия выпросил у него такое право, чтобы изучать и совершенствовать своё искусство убийства людей. Конечно, его казни - для любого нормального человека были зрелищем преотвратным, и Ден-Лейн заранее злобился. Он приехал как раз к началу. К столбу на утоптанной площадке был привязан голый человек, а Пу-И, поигрывая литыми мышцами, ходил вокруг него в размышлениях, куда этого беднягу стукнуть, чтоб быстрее помер, или чтобы попозже помер, или ещё что в этом роде. Надумав наконец, он принял боевую стойку, сложил ладонь в виде копья, и с коротким криком двинул ею в рёбра приговорённому. Бедняга захрипел и обвис на верёвках, и на губах запузырилась кровь. Ещё двое обречённых на смерть, что держали поодаль ученика Пу-И, при виде такого удара осели в их крепких руках. Пу-И принялся объяснять, что он сломал шестое ребро, и оно концом пробило печень - а это уже смертельно. Жить осталось минут двадцать, так что, если хотите отточить боевое искусство, точите быстрее, пока живой. Двое учеников скинули мягкие башмаки и ударами босых пяток разбили несчастному всю грудь - только кости трещали, да изо рта кровяца хлынула ручьём. Потом пальцами выбили глаза, крушили рёбра и прочие кости ударами ребра ладони, под конец сломав ему шею, а Пу-И указывал им на ошибки и вообще обучал очень заботливо. Казнённого столь жестоко, до неузнаваемости, отвязали, наконец, а на его место начали прикручивать следующего, едва живого от такого зрелища. Ден-Лейн, которого уже тошнило, пьяный и злой, подъехал к Пу-И из кучки зрителей, и сказал, что у него в шатре имеется пленный дрон по имени Герберт, трактирщик из горной деревни, который хочет поговорить с Пу-И, и срочно что-то важное сообщить. Вождь знал, что Пу-И никогда не бросит урок ученикам, и так оно и вышло. Пу-И заулыбался, и сказал, что Герберт помог освободить Я-Мо, но сейчас Пу-И занят, поэтому пусть Герберт подождёт.

Вождь проворчал, что этот Герберт вопит о срочности. Может, прислать его прямо сюда?

- Конечно, пришли его. - обрадовался глупый Пу-И, поворачиваясь к новому обречённому, и Ден-Лейн тут же ускакал, очень довольный. И спустя полчаса король Алан, переодетый в одежду желтяков, с подведёнными сажеей раскосыми глазами, выехал из ворот с десятком верных родичей, в обычный дозор. И когда показались городские стены, родичи развернули коней обратно, а король потерялся в кустах.

А свидетеля своей измены, беднягу Герберта, который уже слюнки пускал от будущей награды, Ден-Лейн, подойдя сзади, со всей силы огрел боевой дубиной - тот свалился мешком замертво. Потом выволок его за ноги из шатра, и приказал своим солдатам посадить его на кол возле главных ворот лагеря, не таясь и не скрываясь, чтобы все видели.

Это было немедленно выполнено, однако с накладкой, которая проявила себя позже. Солдаты решили, что перед ними мертвец, а таких просто привязывали к колу. Вколачивают кол только в живых, дело это долгое и нудное. Поэтому живенько вкопали столб с привязанным Гербертом возле дороги у ворот, только плечами пожимая на расспросы купцов и прочих любопытных. Кто, за что и почему - их не касается. По приказу вождя Ден-Лейна. Но купцы-то сразу узнали знакомую рожу жадного трактирщика. Знали они и о том, что за поимку этого предателя Герберта магистр объявил награду в тридцать золотых. Потому купцы, глазам своим не веря, и приставали к солдатам с расспросами. И сделали единственно возможный вывод из непонятки - магистр достал-таки Герберта, чёрт длиннорукий, через своего шпиона Ден-Лейна. И поставил беднягу Герберта у дороги,

как свой наглый приказ всем шпионам - кому служить, ему или Кию.

Естественно, что Тайный Советник Сен ещё на полпути к шатру вождя был извещен, что Ден-Лейн изменник. Причём наглый такой - Герберта вывесил на воротах, и сейчас тридцать золотых от магистра считает-пересчитывает. Сен не поверил своим ушам. Резко свернул к шатрам охраны, нашёл там Пу-И, и тот вскоре сказал растерянно, задрав голову, что - да, это тот самый Герберт, наш шпион, бедняга.

Сен так разъярился, что ворвался в шатёр к изменнику без охраны, сопровождаемый только Пу-И. Впрочем, пьяненький Ден-Лейн, сидевший в обнимку с каким-то купчишкой, вначале обрадовался таким гостям и пригласил к столу, который ломился от всяких разносолов. Но угостил только оправданиями, как и положено шпиону и изменнику, по которым он выходил невесть каким преданным служакой. По словам Ден-Лейна, у него имелось двое пленных, всё верно, но один из них, неизвестный, с расколотым шлемом, недавно помер, и его выставили на колу, а второй оказался нашим, и его отпустили по требованию Пу-И. Да, Герберт-трактирщик, так он и назвался - где он, Пу-И?

Узнав, что Герберт висит на колу, Ден-Лейн возмутился, что на колу висит другой, неизвестный, а Герберт ушёл здоровенький, своими ногами, искать Пу-И. Где он?! Куда вы его дели?! Наверно, сам же Пу-И, зверюга, и убил его левой ногой, просто так, мимоходом, по своей дурости, а теперь Ден-Лейн виноватым выходит?! И разгорячённый вождь завопил: - Все ко мне!- Тут же шатёр заполнился его людьми, и Ден-Лейн всерьез потребовал ответа у изменников Сена и Пу-И - куда они дели несчастного Герберта, сволочи?!

Сен увидел, что дело может обернуться плохо, и сбавил тон. Заговорил об ошибке. Наверное, тот пленник просто назвался Гербертом, и зря Ден-Лейн отпустил его без проверки, обманщика.

Это не моё дело - нагло заявил Ден-Лейн - делать за вас чёрную вашу работу, искать и вынюхивать. Пу-И разве не был приглашён для опознания?! Вождь лично съездил, пригласил - так нет, придурку оказалось наплевать. Он предпочёл развлекаться, колотя людей пятками, а не работать. И Сен туда же, достойный ученик Я-Мо, только колья строгать и умеет - так пусть в столяры идёт, и придурка подручным прихватит. Тому и молотка не нужно, пусть ногами, руками, и глупой своей башкой гвозди заколачивает.

Солдаты Ден-Лейна дружно захохотали, с восхищением глядя на своего вождя, ловкача и пройдоху для всех, кроме своих соплеменников. Пу-И тоже засмеялся, и сказал, что эту удачную мысль он опробует на Ден-Лейне, когда представится подходящий случай и гвоздь побольше.

Сен про себя клокотал, но говорил мирно. Ладно, как там Герберты перепутались, потом разберёмся. А вот пленных на колья сажать - прямое нарушение Указа Кия. Завтра же магистр в ответ вывесит на воротах целую ораву желтяков, и конец перемирию.

Но Ден-Лейн совсем разошёлся, и заорал, что ещё посадит, и плевать, потому что сердце горит за покушения ни Повелителя, которое ты, столяр, проморгал. И давай обоих крыть отборной ругнёй, а истратив ругню, велел проваливать обоим, пока на пинках не вынесли.

Пришлось проваливать, после чего взбешённый Сен побежал докладывать Кию про явную измену. Но Кий и ухом не повёл. Раздражённо выговорил Сену, что человек переживает, и погорячился. Можно и простить. Опешивший Сен напомнил, что свой Указ Кий не отменял. И Сен не советует отменять его ради Ден-Лейна. Это полезный Указ. Иначе себе дороже выйдет. В плен сдаваться никто

не будет. Давно же ясно, что устрашение в треклятой Европе не проходит. Здесь уже выше головы навидались и Атилл, и гуннов, и прочих придурков. Тут жестокостью не удивить, они зевают от наших кольев. Сен напомнил, как Я-Мо попытался устрашить наступавших дронов рядами пленных на кольях вдоль дороги. А чем кончилось? Отсечённую когорту два часа пришлось вырубать, два племени сковали, которые должны были ударить во фланг неприятеля. Войско Кия превосходило впятеро по числу воинов, но продвигаться приходилась только по трупам - раненые, и те не сдавались. Из-за этих кольев и упустили победу. Как потом оказалось, король Дронов был настроен пропустить Кия через город в Европу. На фиг ему Европа, она далеко. Лучше с Кием подружиться. Первые пленные так и говорили. Так что не зря Кию пришлось позже объявить награду за каждого пленного. Вроде накладно кажется, но убивать в этой проклятой Европе ещё накладней выходит. Перемирие под угрозой. Торговля под угрозой. И всё из-за пьяной выходки Ден-Лейна.

Кий ответил, что двумя днями раньше Ден-Лейн точно бы сел на кол, но теперь, после покушения, когда решено начинать военные действия, его можно и простить. Это всё.

Сен ушёл недовольный, и долго потом надоедал Пу-И своим недовольством. Считалось, что Пу-И, любимчик Кия, всё тому докладывает, как иначе? Потому все, кто не решился высказать своё мнение Кию, высказывали его Пу-И. А тот на самом деле в одно ухо впускал, а в другое - выкидывал все особые мнения, а Кию всегда говорил, что всё прекрасно. Потому он и был Кию по сердцу, что всегда весел и ничем не озадачивал. Так что Сен зря старался, расписывая чёрной краской, какое наследие оставил Я-Мо своему преемнику. То есть - никакое. Полный провал и разгром тайной службы. Чем больше вникал в дела Сен, тем больше терялся, отгоняя надоедливую мысль - не шпион ли магистр этот Я-Мо, ведь даже для тупого натворил чересчур. Сколько на кол пересажал, по доносам и подозрениям, но оказалось - больше своих сажал, из тех, кто не хотел продаваться магистру. Дошло до того, что и доносить перестали, потому что на честного доносчика тут же сыпались ябеды про его измену - и на кол честного человека. А кого Я-Мо на кол не сажал, так те в луже тонут. Была в центре лагеря яма с водой, на случай пожара и осады. Большая, но мелкая - воробей не утонет. А доносчики тонут, все пьяные, и как сговорились - в самом мелком месте.

Этот Я-Мо всё провалил, что можно. И что нельзя - тоже провалил.

Тайный десант в пятьсот отборных головорезов так и спроворил в лапы магистра. Заговор колдунов в городе тоже провалил. Даже Ка-Мея, и того вытащить не сумел, хотя он единственный стоящий из их братии, и с Белой Ведьмой потягаться сможет. Королевскую семью так травил, что все шпионы в замке повисли на перекладине, ни единого не осталось. Даже дракончика троллей, очень перспективную затею, и того в аренду магистру отдал. Да и навряд ли убил этого дракона. Скорее, и Огненную Стрелу магистру отдал, чтоб голова не болела. И сбежал очень вовремя, иначе куковать ему на любимом колу после покушения, которое он тоже ушами прохлопал. Шпионы магистра разъезжают по лагерю и в лицо Сену смеются, и вот - даже Герберта вывесили в назидание. А как бы Герберт помог сейчас развеять темноту - ведь из самого логова сбежал.

С отчаяния Сен попытался этой же ночью допросить мёртвого Герберта. Точнее, поговорить с его духом. Пришлось уговаривать Пу-И не уходить - заклинатель Фо опаздывал, а без Пу-И советник побаивался начинать. Один раз вселившийся в заклинателя дух такую поднял в нём силу и злобу, что этот хиллак ухитрился исколотить всех, кто был рядом, и Сену расквасил нос. Дух казнённого Герберта тоже мог оказаться обиженным.

Наконец, в шатёр прибежал запыхавшийся Фо, жуя что-то на бегу. Спросил невнятно, кого вызывать. Сен объяснил, и Фо, глотая последний кусок, сказал, что со свеженьким духом могут быть трудности.

Потом уселся на коврик против Сена, скрестя ноги. Между ними горела зажжённая свеча и мерцала чаша с водой. Фо уставился в чашу, бормоча заклинания, сбился, выругался, и начал снова. Наконец, затих, закрыв глаза. Видно, дух Герберта вертелся где-то рядом, потому что ждали очень недолго. Фо вдруг вздрогнул и широко распахнул глаза, пустые и бессмысленные - в него вошёл дух покойного. Можно было спрашивать, и Сен торопливо спросил имя духа, не Герберт ли?

Фо ещё раз содрогнулся, и глухо спросил в ответ:: - Кто ты? Кто зовёт меня? -

Сен назвал, но в ответ пошли опять вопросы.- Кто ты? Где я? Что там за слабый свет, вдали? Светит. Что там? -

Сен подумал, что Дух слишком свеженький, толку не будет. Ещё не освоился с новым положением, бесится, может и драться с перепугу. Сен толкнул локтем Пу-И. Тот кивнул, настороженно глядя на Фо. Сен терпеливо объяснил духу, что он - отлетевшая душа Герберта-трактирщика, и находится на том свете, в потустороннем мире. А тело Герберта торчит на колу, и лучше забыть его поскорей, чтобы быстрее привыкнуть к новому бестелесному положению. А пока пусть дух вспомнит - что произошло перед смертью?

Фо дёрнулся и повысил голос: - Ты врешь, сволочь! Почему я ничего не вижу? Всё темно. И светит что-то. Там, далеко.-

Сен упрямо повторял свои вопросы, ещё и ещё, и добился своего, претерпев многие оскорбления и ругань. Дух вспомнил, что сидел в шатре, гадая о награде за свой донос, но вдруг всё потухло, и он здесь очутился, в полной темноте. Наверное, надо туда попасть, где далёкий свет, но непонятно, как сделать это. Нет ни рук, ни ног, ни крыльев, ничего нет, вообще ничего.

Сен постарался успокоить духа, пообещав, что тот непременно научится летать без рук, на одном хотении. Все духи как-то учатся, но не сразу. А пока пусть Герберт вспомнит про свой донос, да что перед смертью было.

Фо вдруг замахал руками, как птичка, но не взлетел, конечно. И нехотя сказал, что донос был про короля дронов Алана, который попал в плен к Ден-Лейну. Герберт его узнал. И Фо снова замахал руками, всё чаще, бормоча ожесточённо, что ничего не получается, ничего, ничего! - и вдруг вскочил на ноги с диким видом. Что он хотел сделать, так и осталось загадкой, потому что Пу-И точным ударом в живот оборвал разговор и кривляния заклинателя. Тот скорчился, скукожился и упал в стенаниях.

Возбуждённый Сен в горячке укорил удальца, что зря поторопился, когда такие интересные новости пошли. Рад постараться, лишь бы треснуть кого - ну, разве так можно?

Пу-И обиделся, назвал Фо жуликом, которому не стоит верить, и ушёл. Пу-И перестал верить магам с тех пор, как ему вызвали духа покойной жены его, Лю, и этот дух устами медиума назвал его паршивым ублюдком, грязным ублюдком и вообще ублюдком. А между тем Пу-И нежно любил её, самую большую радость своей жизни, пылинки сдувал и больше всего боялся её как-то обидеть. Нет, его юная жена, умершая во время родов, не могла его так назвать. А вот в лагере, за глаза и за спиной, его только так и называли. А жена его очень любила, всегда ждала, и радовалась, как ребёнок. Приступнутый горем Пу-И после её смерти места себе не находил. Он поклялся никогда её не изменять, отдал младенца своей матушке, и пошёл с войском Кия в смутной надежде сложить буйную голову. Сдержать клятву верности оказалось нелегко, поскольку Пу-И на здоровье не жаловался. Но он нашёл выход. Чтобы не огорчать жену на том свете своей изменой, он вначале

убивал женщину, а уж потом пользовался. Он рассудил, что душа женщины, улетевшая до изнасилования, не сможет наябедничать жене о нарушении супружеской верности. Если сначала изнасиловать, а потом убить - тогда точно расскажет. Не убивать вообще Пу-И как-то не пришло в голову.

Едва придя в себя, Фо визгливо потребовал двойную плату, за побои, и Сен заплатил. Он давно понял, что платить выгоднее, чем страшить. Когда Фо ушёл, Сен задумался. Показания Духа силы не имеют. Они идут через человека, а люди любят врать. Но про короля Алана, кажется, правда. И хорошо проясняет непонятные поступки Ден-Лейна. Шпиона Ден-Лейна. Я-Мо тут же побежал бы подыскивать подходящий кол, но Сен давно решил биться с магистром его оружием - коварством и подлостью. И потому, взяв на заметку вождя, спокойно отправился спать. Искать сбежавшего короля было поздно - его в лагере нет. Сен утешился надеждой, что его перехватят конные патрули в поле, и напрасно. По дороге к городу, какой ездили купцы и где поехал король, патрули не ездили, предпочитая отсыпаться в кустах, глуша там вино и развлекаясь с гулящими женщинами. Так что королю Алану никто не помешал доскакать до городских ворот. Навстречу попались несколько небольших конных групп. Пронесли мимо, не обратив внимания на восточного купца, явно озабоченные, но король Алан решил показать себя удалцом, и потому не остановил и не нашёл. Только перед стражей на городских воротах король Алан рассыпал русые волосы по плечам, скинул желтяковскую чалму, стёр от глаз углевую раскосость, и хмурая стража завопила, прыгая от радости - Да здравствует король! -

Король Алан увидел, как искренне рады его подданные, искупавшись в ликовании толпы горожан, пока гарцевал в их сопровождении по улицам к замку. Он король хоть куда, герой и удалец. Фляжка, к которой он то и дело прикладывался - с вином, от Ден-Лейна - тоже убеждала в этом, и потому на встрече с магистром король держался, как победитель, громко описывая свои подвиги на всю тронную залу.

Но едва магистр понял, что король вырубил по пьяной лавочке всю оппозицию Кию, то зашатался, звякая кольчугой и прочими надетыми доспехами, и сел вдруг на пол, ощутив, что доспехи невыносимо потяжелели. Сколько золота и труда шпионов вбухано в покойных вождей, знал только он один. Развал желтяковского войска виделся неминуемым - пока король Алан одним ударом не сколотил в целое его расхлябанные части.

Но и на полу сидеть оказалось невыносимо тяжело, и магистр так и брякнулся на спину, бормоча под нос так тихо, что никто, кроме принцессы Кристи, его не услышал -...Господи, неисповедимы пути Твои, я не спорю, но столько трудов впустую - это уж ни в какие ворота не лезет...-

Магистр давно привык, что любые задумки на деле выходят не так гладко, как родились в голове, но в этом явном издевательстве над такой хорошо продуманной пакостью магистр не мог не увидеть заботливую руку Господа. Которая мягко поправила все усилия магистра в противоположную сторону. Кий только окреп. Европа будет наказана, как ни трепыхайся. Рука Господа тяжела, кто спорит, но магистр не свалился бы на пол от этого удара, как какая-то неженка-принцесса - нет, настоящие негодяи на пол так легко не брякаются. Просто он не спал уже трое суток из-за проклятого покушения и поисков короля Алана, не ел почти ничего из-за воровства мяса с его тарелки, коим грешила принцесса, да и все нервы истрепал думами о воле Божьей. К тому же доставали все, кто дотягивался, аж рычать приходилось. Конечно, на свою приставучую невесту магистр не зарычал, а очень даже вежливо объяснил, что Мюррей для юной принцессы явно неподходящий сопровождающий для прогулок по городу. И не потому, что рехнулся от любви, и его следует опасаться. Но Мюррей знает город и вообще жизнь только со стороны злчных мест вроде кабаков и

прочих притонов разврата, где такие же убогие люди стараются как раз спрятаться от жизни - в вине и обжорстве, злословии и драках, и ещё в многообразном блюде. Там хорошо, в этих убежищах, но ведь принцесса стремится узнать жизнь, а не убежища от неё. Да и зачем принцессе эта злая жизнь, если Кристи достаточно хорошо защищена от неё высокими стенами королевского замка?

Кристи ответила, что знать жизнь ей позарез необходимо на случай захвата города желтяками. Тогда она соберёт кошку и платье в узелок и уйдёт куда-то побираться. И убежища от жизни надо заранее изучить. Вдруг жизнь окажется очень злая? Тогда можно и в убежище. Она ворует очень ловко, и дерётся тоже. Да и разврат должен понравиться. Может, и пьянство. И всё это есть в кабаках. А Мюррей их знаток, так что лучшего провожатого ей не найти.

Магистр проворчал, что кроме кабаков имеются и церкви, куда уж Мюррей точно не потащит принцессу, и не лучше ли дать ей в провожатые послушника Ордена Св. Креста - они тоже все мордастые красавцы, не хуже Мюррея.

Не лучше, возразила принцесса Кристи, потому что послушникам наплевать на всю принцессу, а Мюррею только на большую её часть, кроме некоторых кусочков. Поэтому Мюррею можно доверять, а послушнику нет. А в церкви она была. Тоже неплохое убежище, но давно известное. Возможно, жизнь и состоит из беготни под камнепадом от одного убежища до другого, поэтому их необходимо все осмотреть. Принцесса желала бы потащиться в кабак с магистром, но у него всё равно нет времени, да и весь кабак мигом разбежится. Поэтому она согласна, чтобы мордастый послушник потащил её в кабак вместо магистра, а в церковь, так и быть, она и сама Мюррея затащит. Если магистр, конечно, согласен отпустить свою невесту на таких условиях.

Замороженный магистр был уверен, что принцессе Кристи наплевать на его согласие, и потому согласился на некоторых условиях, которыми привычно слепил очередную пакость. Принцессе придётся таскаться по кабакам не с закутанным в платок лицом, а переодетой в мужскую одежду. Послушник выдаст ей фальшивые усики, чтобы все любопытные уж никак не узнали принцессу Кристи в незнакомом юнце. Тем более, что принцесса любые голоса изобразит. Он советует говорить басом.

Разговор этот происходил в сторожевой башне, откуда они и увидели запылённый и расхристанный отряд короля Алана. Отряд показался вполтину меньше, нежели утром, и они поспешили спуститься к городским воротам. В уменьшении отряда оказались повинны не желтяки, а обычный кустарник, чьи жёсткие ветки рассеяли остальных, которые вернулись позже, мелкими группами и поодиночке, но короля Алана всё не было. Сотник Крон клялся, что потерял спину короля в суতোлке боя всего на миг, и долго потом не верил глазам своим, когда спина оказалась вовсе не королевской. Магистр выслал на поиски несколько конных групп, так и не сумев понять, что произошло, на кого напал король Алан, и почему нет Ден-Лейна. Но эльф долетел, это было ясно.

Вплоть до глубокой ночи магистр мельтешил с розысками, косясь на принцессу Кристи и подчёркнуто внимательно выслушивая мнение старого короля. Принцесса была дура, и не думала командовать, хотя в отсутствие короля власть переходила к ней. Старый король дураком не был, и даже не пытался отдавать приказы, зная, что на приказы войска и горожане ухом не поведут - трясутся в ожидании дурацких приказов принцессы Кристи. Слухи о смерти или пленении короля разнеслись мгновенно, а что дура может отдавать только дурацкие приказы, и так ясно. Магистра удивило одно - готовность исполнять эти дурацкие приказы, что сквозила в каждом вопросе о принцессе. И страх не исполнить. Как у человека, сидящего под нависшей скалой. Не успеет отпрыгнуть - винить некого. Упавшую скалу никто не винит. Без толку.

Так что командовать пришлось магистру. Он это и делал, выглядя спокойным подлецом, и послушники только укреплялись духом при виде его непробиваемой англосакской рожи, и никто не видел, как тяжело ему противиться воле Божьей. Видать, из последних сил, потому что весёлость короля Алана его доконала. Услышав бряканье магистрового шлема о каменный пол, дурочка Кристи остановилась на полпути, и передумала прыгать вокруг брата, чтобы так изобразить свою радость. Она так и не поняла, что это такое - радость, сколько старый король ни пытался объяснить, а прыгать ей всегда хотелось. Но сваленный жених, пусть и фальшивый, требовал другого, и Кристи решила упрекнуть короля Алана - зачем он изрубил столь любимых магистром шпионов и предателей? Он их растил, пестовал и заботился, кормил и поил - на королевские деньги, кстати. Видишь, как огорчился? Если б она за обедом не стащила у него два куска мяса, он и помереть бы мог от такой новости. За кого тогда замуж выходить?

Король Алан слегка смутился, но ответил достойно - подумаешь, не тех изрубил! Ну и что? Этих шпионов у магистра половина лагеря, с них не убудет. И вообще - где мой друг Сэм? Что-то голова трещит...

И король убежал искать своего друга, а магистр остался лежать, горестно размышляя о подлеце эльфе, который и долетел, и попал, и убил - только не того, по воле Божьей и по тупости магистра. Потом с трудом встал и потащился с видом побитой собаки в свои покои, где и развалился поперёк постели, не снявши лат - и тихо, мирно уснул. Вскоре прибежала принцесса и тут же заметила, гадина зоркая, что жениха слегка лихорадит. Она тут же сбегала за кошкой, для лечения. Поскольку магистр спал, разбудила его, уклала кошку на грудь и попросила гладить, и тем успокаиваться и здороветь. Магистр послушно и тупо зашерстил по кошке шершавой ладонью, а та старательно заурчала, как горох пересыпая. Убедясь, что магистр разморился толстой и тёплой кошкой и опять уснул, довольная дура на цыпочках удалилась.

Может, и впрямь подлая кошка вовремя подлечила, но магистр валялся в лихорадке всего с полмесяца, а без памяти - и того меньше. И такой крепкий мерзавец оказался, что не доконали его ни проклятия колдунов, ни чёрное колдовство Ка-Мея, сидящего в магистровом подвале, ни даже усилия Шри-Лан-Ки, самой из всех могучей - она даже героически погибла, забрызгав кровью любимый ковёр Большого Желтяка. Ну, положим, к проклятиям он привык, как с гуся вода, но Шри-Лан-Ки бы его верняком добила, не вертись поблизости сквернавка Кристи.

Великая колдунья получила мысленную просьбу от своего ученика Ка-Мея, и долго колебалась - стоит ли помогать в такой просьбе. Об этом уже давно просил и Я-Мо, в каждом присланном докладе Большому Желтяку, но она отказывалась. Но уж очень сильно попросил Ка-Мей добить вредного вражину, и колдунья решилась. Пусть магистр и верующий - то есть, соединен с Бесконечностью - но теперь болен, и вера не поможет отвести Чёрную Силу.

Колдовство произошло в Тронном Зале Большого Желтяка - он лично хотел видеть это чудо - убийство на таком немыслимом расстоянии. Великая Шри-Лан-Ка сидела на ковре посреди зала, по-восточному поджав ноги и закрыв глаза. Ей принесли уворованные ещё Я-Мо предметы магистра - оброненный платок, несколько волосков с головы, пыль с сапогов и кусочек засохшего дерьма. Она всё обнюхала - и засомневалась в дерьме. Не подходило вроде под общее у остальных. Пришлось лизнуть, высунув толстый лиловый язык - точно, не магистра дерьмо. Её и раньше брало сомнение - магистр тощий, по рассказам, а Я-Мо прислал такую кучу, что и вдвоём не навалить. Отложила дерьмо, а прочие предметы зажала в ладонях, вновь закрыла глаза, сосредоточилась - и её душа перешла в Бесконечность. Чёрную Бесконечность теперь, или - Чёрную Силу, потому что она слышала Шри-Ла-Ку. Та настроилась на вибрации, общие для всех предметов магистра - и послала Чёрный

Поток в источник вибраций - далёкое тело магистра. И ощутила, что Чёрный Поток прошёл через его тело - магистр и впрямь оказался верующим, а душа связана с Бесконечностью. Но Поток шёл через тело, и долго оно выдержать не могло. Шри-Лан-Ка глубоко и редко задышала, чуть усиливая Чёрный Поток с каждым выдохом. Магистр долго не продержится.

Так бы и случилось, если б в этот момент в покои магистра не прибежала мерзавка Кристи, почуявшая Чёрный Поток и неладное со своим мерзким женихом. Ещё бы не почуяла, если эльфы годами и колотушками, но сумели вдолбить паршивке ненависть к Чёрной Силе. Если б магистр не был женихом, она б и ухом не повела - нельзя вмешиваться в дела других, пусть это и колдовство. Эльфы и это ей вдолбили достаточно крепко. Но эльфов тут не было, а магистр был женихом, пусть и фальшивым. Его лихорадило, он метался в бреду и стонал - тело дрожало, пропуская Чёрный Поток, и принцесса Кристи встала на его пути, отведя Поток на себя. Шри-Лан-Ку аж вперёд качнуло - так скакнул Чёрный Поток, перестав продираться через грязное для него тело и устремившись в чистенькое и прозрачное тело принцессы Кристи. Мгновение Шри-Лан-Ка ожидала прекращения Потока, но тот усиливался, значит, магистр жив. Тогда...оставалось одно объяснение.

- Белая Колдунья... - прошептала Шри-Лан-Ка, и на губах её вспыхнула улыбка. Не думала она, что выпадет счастье помериться силой с Белой Колдуньей. Шри-Лан-Ка глубоко вздохнула - и до предела усилила Чёрный Поток. Вздрыгнули и засияли волосы на голове принцессы Кристи, а кошка, вбежавшая в покои следом за негодяйкой, так и шлёпнулась на животик от непонятного ужаса, и поползла в угол под кровать, зажмурясь и жалобно пища. Часовой в коридоре, что случайно стоял на пути Потока, и маялся непонятно отчего, не выдержал - начал подпрыгивать, как безумный, часто дыша и закрыв глаза от непонятного ужаса. Но тут Шри-Лан-Ку снова шатнуло вперёд, и уже сильнее, а на лбу выступили капельки розового пота - Кристи усилила поток.

- Белая Ведьма ! - прохрипела великая колдунья, и пот на лбу на глазах превратился в капли крови. Такой силы Чёрный Поток Шри-Лан-Ка выдерживала с трудом - сказала жизнь при дворе и излишества вроде рахат-лукума, который она любила. Но выйти из поединка она не могла - теперь Чёрной Бесконечностью управляли двое, а Поток мог прекратиться ясной волей - только одного. Оставалось держаться, и поединок мог бы продолжаться очень долго, воспитай эльфы лучше свою сквернавку. Белая Колдунья не желает командовать Чёрной Бесконечностью. Потому что тогда она превращается в Белую Ведьму, что смертельно опасно - для всего живого.

Принцесса Кристи представила огромный зеркальный щит, глубоко вдохнула, и мысленно поставила его перед собой, отразив поток в обратную сторону. И на выдохе усилила до предела - Шри-Лан-Ку шатнуло назад, и кровь засочилась из пор. Удар такой силы она уже выдержать не смогла - кровь брызнула из глаз и носа, и великая колдунья умерла - с блаженной улыбкой, с которой уходят в Бесконечность души блаженных, опалённых этой Бесконечностью.

И Чёрный Поток исчез, и часовой, уже сходявший с ума, свалился без сил на посту, дрожа и плача, а скверная девчонка пригладила растрёпанные рыжие волосы на голове, отдышалась, и склонилась над женихом - тот дышал ровно, хотя и в лихорадке. Тогда она вытащила свою кошку из-под кровати, и принялась успокаивать, чтоб не дрожала. Да, плохо воспитали эльфы злую девчонку, о чём пришлось пожалеть не только им, но и безвинному народу дронов.

.Дни болезни дорого обошлись королевству, потому что все, кроме принцессы и кошки, считали, что магистр по прежнему работает, хотя и сильно простудился. Жаль, что кошка не умела отдавать приказы, ущерб случился бы гораздо меньший. Всех встречала в приёмной комнате хмурая принцесса Кристи, которая говорила, что магистр занят шпионскими делами, и нечего орать, что ты

король или послушник - ей без разницы, двигай отсюда. А передать чего магистру, так принцесса передаст. После чего принцесса шмыгала в покои и докладывала магистру, к примеру, что пришёл послушник, тот, что следит за слухами в городе. Он спрашивает, какие слухи в народ запускать, про бегство из плена короля Алана? Может, он и вовсе в плену не был?

Магистр что-то бормотал, или ничего не бормотал - принцессе без разницы, но выслушав из вежливости любое бормотание, если оно было, Кристи возвращалась к послушнику и говорила, что король Алан в плену не был, что за глупости? Он храбро бился, перебив всех, кто под руку подвернулся, но на обратном пути малость заблудился, вот и всё. А что наёмники говорят, будто король напился и заснул во время боя, как последний дурак, так это враньё. И что из плена его взашей вытолкали магистровы шпионы - и вовсе неправда, потому что король в плену не был. И больше не отвлекайте магистра глупостями, которые и сами нагородить в силах, потому что он занят решением невесты какой сложной проблемы, и ещё болеет.

Магистр и впрямь решал такую проблему, но принцесса была настолько душой, что помочь сумела только на десятые сутки беспамьяства, хотя слышала все мысли больного. Магистровы ориентиры были вдребезги разбиты, и мысли его то и дело всплывали пузырями бормотания - мол, чего Господь хочет, непонятно. Не может быть такого, что прав скотина Вейн, и трудности, что обрушились на бедного магистра, это Знаки Господни, что нужно смириться и уступить. Нет, это испытания. Или Знаки? Почему желтяки только крепчают с каждой пакостью, что устраивает магистр? Что теперь делать, если он перестал понимать волю Божию...

Злыдни эльфы научили принцессу всякой всячине, в том числе и чувствовать мысли. Это просто - нужно прислушаться как следует. Правда, в её головёшку вдолбили и то, что мысли ничего не значат. В зачёт идут лишь слова и дела человека. А что мысли? - поди в них разберись, такая каша, что эльфы только плевались, когда говорили о мыслях. Просто чёрт бы ногу сломал, если б рискнул забрести в голову человека. Так что принцесса никогда не обращала внимания на то, что думают люди. Как говорили эльфы, люди - дерьмо, и в головах дерьмо, кому копать охота? А нюхать приходится, но что делать? Терпеть только.

Принцесса Кристи до эльфа не дотягивала, хотя и пыжилась, дрянь. И потому не могла выдержать общества, например, Мюррея, слишком долго - сбегала, едва находился предлог. А не находился - сбегала и без предлога, хотя каши в голове Мюррея не было. Одно и то же, одно и только, словно напился самого крепчайшего любовного зелья. Но говорил, словно бы нормальный, и приходилось слушать, что принцессовы глазки - бриллиантики, и сама красивенькая с головы до ног, что очень влюблён, и прочее, но принцессу Кристи его влюблённость так доставала, что она жаловалась кошке - пусть бы засунул её, свою влюблённость, куда-то в другое место, чем он мечтает, мечтает и мечтает - ходить же трудно. В обществе магистра отбиваться от мыслей не приходилось - он мечтал лишь сбежать побыстрее, едва увидев принцессу, но стойко скандалит и отбивается, с ним интересно, особенно ждать - когда исчезнет из головы магистра опасение, что к нему в постель залезет голая принцесса. Тогда можно и попробовать, тем более, что ему плевать на принцессу Кристи. С ним легко - не приходилось погружаться в густую трясицу мыслей, что щедро выделял Мюррей, которого и кошка не любила. Он как-то на лапу наступил, и потому две гадкие подружки всегда смотрели на беднягу исподлобья.

Из-за способности читать мысли принцессе приходилось выглядеть ещё тупее, чем она была, и переспрашивать по несколько раз собеседника - чего он хотел сказать? Изложенная словами мысль редко походила на себя.

Чтение мыслей - одна из многих тайн эльфов, которые приходилось хранить Кристи, но магистр ваялся настолько беспамятным, что не до тайны, тем более, что магистр всё равно не понимал, что говорит в этом беспамятстве с принцессой Кристи, а не с Вейном. Девчонка только озвучивала прежние ответы верзилы в спорах с магистром - на новый лад, добавляя отсебятины. И потому, присев на край постели, она нравоучительно сказала, что Господу - как Его магистр понимает - в некотором роде плевать. Конечно, не на магистра - Он магистра любит, как и прочих людей, и сам же в этом признался где-то в Библии, но Господу плевать на картину мира, которая в голове магистра - там и свои, и чужие, и враги, и друзья, и прочее всякое дерьмо. Всё это личное магистрово дело, очень неинтересное Господу. Он видит мир по-своему и уж точно по-другому, нежели магистр. И цели у него другие, а вовсе не магистровы. И если магистр тупой и упрямый, и хочет сделать по-своему, то Господь не спорит - вот ещё! Упрямысь дальше, а Господь своё делает - вот и всё. Только так Его и можно убедить в своей правоте.

Называя (мысленно) принцессу "скотиной", а в бормотаниях -каким-то Вейном, магистр возражал, что против Господа спорить невозможно, силы не те у людей, и потому нужно исполнять Его волю. Магистр так и делает, только зачем Господь трудностей выше головы подкидывает, и всяких испытаний - магистр не может понять. До того накидывает, что поневоле задаёшься вопросом - на чьей стороне Господь? Не может быть, чтоб на стороне желтяков - они в Него не верят. Но почему тогда Он упорно расстраивает все пакости магистра? Неужели Вейн прав и воля Господа в том, чтобы покарать Европу желтяками? Если так, то пусть Господь извинит, но это выше сил магистра, такую волю исполнить. Тем более, и желания нет. Смотреть, как эта узкоглазая сволочь жжёт и убивает нету сил, и лучше магистр помрёт, а Его волю исполнит кто другой. А воле Господа противиться бесполезно, и значит, всё - бесполезно. Но тебе, Вейн, тоже не долго осталось смущать умы христиан своей еретической болтологией, уж магистр и с того света тебя достанет...

Принцесса ответила, что спорить с Господом глупо, но отчего ж бесполезно? Раньше так и было, во времена Ветхого Завета. Но уже тысяча лет прошла после пришествия Христа, который официально разрешил спорить. За это право, между прочим, немало людей сложило головы, и об этом немало сказано в Библии, которую недавно украли у магистра. Один пророк даже напрямую боролся с Богом, и отделался только повреждённым бедром. Да полно примеров - весь Ветхий Завет. Вот, скажем, два геройских города - Содом и Гоморра. Бог долго убеждал их не грешить, послав сначала пророков, а потом и архангелов, но все они получили совсем не то, что рассчитывали. Господь грозил, а жители смеялись Ему в лицо - если есть оно у Господа, и в бороду плевали, если и она есть, и ещё кричали наверняка, храбрые герои, что ты не прав, старый козёл, и нечего нас учить. Хотим - и будем грешить, ха-ха, и вообще - вали отсюда, кто ты такой? Ну, Господь не вытерпел, и показал - кто Он такой - спалил всех небесным огнём, только пепел взвился на месте городов. И что из этого? Ну, убил Он их, древних героев, но убедить-то не смог, и не смог заставить их делать по-своему. Вот сидит Господь на пепелище, и скучно как-то, и поспорить не с кем, и тут любому поневоле мысль придёт - а то ли Он делает? Подобных героев было множество, так что Господь понял, наконец, что был неправ. Ну, какое Его дело до их развратных грехов? Чего к ним привязался? Делать нечего, что ли?

Тут магистр не выдержал, и перебил принцессу, хотя слушать, не перебивая умел, потому что был негодяем. Магистр захрипел, что эти два города вовсе не геройские, а скопище разврата, мало того, магистр даже пришёл в себя и открыл глаза от этих диких слов. Узнав принцессу, он обеспокоено спросил - не говорил ли он чего в беспамятстве? На что принцесса охотно ответила, что да, о городах-героях Содоме и Гоморре. Магистр прошипел, чтобы принцесса не слушала его бормотаний, и даже не произносила слова про такие развраты, что уши вянут даже у кошки, которая ничего не понимает.

Принцесса кинула обеспокоенный взгляд на кошку, и ответила, что ничего у кошки не завяло, а напротив, ушки наострила, тоже развратница, как и хозяйка - ведь все так её называют, и так, значит, и есть, и потому пусть магистр объяснит, чем же промышляли в этих пусть не геройских городах, а то ей это непонятно.

Но магистр снова потерял сознание - от такого разврата, наверное - и принцесса опять принялась озвучивать давний спор в голове беспамятного магистра, отвечая за неизвестного Вейна.

Конечно, сказала принцесса, сам Господь лично не извинялся перед людьми за убитых жителей Содома и Гоморры, как не извинился за прочих убитых, но это сделал Его полномочный представитель Иисус Христос, тем сделал, что пожертвовал себя людям. Это показывает, что Господь признал равенство людей Себе. И признал их дикие законы, раз позволил людям казнить Иисуса, родного сынульку, как своё извинение за то, что Он сам исказил у людей невесть сколько сынулек, и невесть за что. Согласно своей же старой заповеди "око за око, зуб за зуб". А перед жертвованием себя людям Христос уточнил все старые заповеди Батяньки своего, где главная и наипервейшая - не забывать про Господа, что Он есть, и Он - главнее всего. И грехи, сколько надо, раз жизнь заставляет, и сам ты дерьмо, не забывая покаяться, этим показав, что знаешь, что делал, сожалеешь - и Господь тут же простит и примет в объятия блудного сыночка, хоть убийцу, хоть развратника, хоть кого - всё это мелочи для Господа, если человек хороший - то есть в Него верит, и кается. Сам Христос доказал это, когда перед смертью сказал разбойнику на соседнем кресте, что "истинно, раз веруешь, то прощён и ныне же будешь в царствии небесном". А разбойник этот уж не за хорошие дела на крест попал. Наверняка людей бил, грабил и мучил, со счёту сбился. Но Сына отдав на казнь, Господь признал этим человека не только своей ровней, но и выше. Признал таким же Господом для Себя. Он человека уважает, и любит, и ценит, и более не будет учить и командовать, как делал раньше, хотя бы с Содомом и Гоморрой. Живите, как хотите, это ваш мир, и вам видней. И потому сейчас спорить с Господом не только можно, но нужно - Он рад этому, и всегда пойдёт навстречу. Если переспоришь.

Магистр затравленно пробормотал, что люди - это черви навозные, а вовсе не Боги. Так думать - это гордыня и грех страшный, на что принцесса Кристи терпеливо возразила беспамятному мерзавцу, что черви навозные - конечно, раз в навозе живут, и Богом себя считать человеку - грех и гордыня, ну и что? Почему не считать, раз всё прощено и списано,, и раз душа в человеке - это уж никак не червь, потому что она от Господа, Дух Святой, и если эта Душа столько раз подымала человека, червя жалкого, вонючего и навозного, вставать и кричать надменно на Господа: - А ты кто такой?! - столько раз, что Господь признал таки Свой Дух и Себя Самого в человеке, Убедясь в этом горами трупов, которых Он не убедил. И извинился за ошибки эти мелкие, прощения попросил у людей, отдав им сынульку на растерзание, раз уж эти человеки такая сволочь, не могут простить без мести и жертвы. Разве нет?

- Нет. - чисто из упрямства возразил, как и в том давнем споре с Вейном, больной негодяй, но теперь он не промолчал в отсутствие доводов, а принялся вяло грозить и обзываться, на что здоровенькая, как кирпич, принцесса Кристи уже от себя стала советовать перестать мучить голову мыслями - выздоравливать поскорее, и вставать весёленьким, и злодействовал дальше, как его душеньке угодно, и все. Тогда Господь непременно прислушается к магистру, как к ровне. Ну, разве это не ясно?

Магистр тоскливо пробормотал, что хочет только Господа восславить - как это может Ему не нравиться?

Принцесса удивилась - зачем для этого нужно громить желтяков, вешать людей и строить всем

пакости?

Но тут магистр от злости очнулся и узнал принцессу, и тут же назвал её дурой, и сказал, что ей этого не понять, на что принцесса ехидно ответила, что Господь, выходит, тоже дурак, потому как тоже не понял - зачем желтяков громить для Его славы. И разгромил магистра. Чудесным образом спас Кия от смертоносного эльфа, и ещё вырубил королём Аланом всех магистровых шпионов, всю его надежду, чтоб желтяки уж точно победили. Так Господь хочет.

Но тут от бешенства магистр опять впал в беспамятство, и зашипел, как кот, - А кто Он такой, чтобы желтякам помогать? Они же в Него не веруют. Это магистра бесит, пусть уж Господь извинит. Что - Ему делать больше нечего? Нет, тут Господь явно неправ, и магистр это ещё докажет. У него есть ещё, чем отбиваться. Дракон есть, сытенный и злобный. Почти готова Золотая Брошь. А шпионов сколько, до слёз родных? Так и шпионят всё магистру - уже из ставки Большого Желтяка шифровки пошли. И ещё пакостей секретных в голове полно, которые теперь даже Господу магистр не расскажет, раз так. Нечего лезть не в своё дело. Вот разгромим желтяков - а потом и прославим Тебя, Господи, выше небес, а пока...- С этими словами магистр вдруг заткнулся, и тихо-мирно уснул. И лихорадить его перестало. А рожка противная успокоилась, и мерзавец даже вскоре порозовел. Принцесса потрогала его лоб и сказала кошке, что магистр выздоровел, наконец, и можешь не мурлыкать. Но кошка уже угнездилась на груди у магистра за время болезни, и осталась мурлыкать, хотя без лихорадки магистр уже был не такой тёплый.

Принцесса Кристи к концу болезни притомилась, дохлячка, и решила отдохнуть, раз магистр пошёл на поправку. Спать захотелось - эльфы бы от хохота померли. Эльфы не спят. Но Кристи до эльфа не дотягивала. Всего - то и пришлось городом и войсками командовать за магистра, его шпионами, козни его продолжать, не говоря о своих личных мелких делишках, и не считая злостного убийства великой Шри-Лан-Ки, а уже притомилась. А ведь целых три ложки мёда ухитрилась сожрать за эти дни, а ещё больше всё равно потощала - соплём перешибешь, одни серые гляделки и остались.

Покружив по комнате, она не нашла лучшего местечка, чем коврик у двери, и свернулась на нём калачиком, дрянь, хотя долго перед этим крутилась вокруг магистра, думая пристроиться к нему под бочок. Но магистр, он хитрый даже без сознания. Так и лежал поперёк кровати, руки-ноги раскидав, и не пристроишься. Стол тоже неприкосновенный, весь шифровками завален - один коврик свободный. И целых несколько минут дрыхнула, и так выпалась отлично, что сразу же вскочила на ноги, едва магистр обеспокоенно пробормотал, что Господь его любит, магистра, это несомненно, а помогает желтякам. И зря подбежала, потому что магистр сам себе и ответил, вспоминая просто ещё один давний спор с Вейном. Что не надо путать Божью Наплевательскую Любовь с корыстной человеческой. Все человеки любят всегда только себя, любимого, даже когда любят другого.

Принцесса, убедаясь, что магистр и сам успешно лечится, опять вернулась на коврик, и мигом уснула, тем более, что угрела злая кошка, которая ещё и хитрая была - знала, что принцесса Кристи теплее, и тут же прибежала спать на неё, размурлыкавшись так, будто за это платили невесть какими толстыми мышами. Но принцессе сладко спалось не столько от её мурлыканья, сколько от сознания того, что успела выполнить свои злые замыслы, воспользовавшись слабостью больного магистра.

Король эльфов так и брякнулся, не поверив глазам своим, когда принцесса Кристи отдала ему приказ магистра об освобождении Моховой Горы. На пергаменте, честь по чести, и все подписные магистровы закорючки, и печать магистра, и королевская печать, и в нём велено наёмнику Вейну всё бросить по прочтении этого приказа, и тут же ехать с секретным войском к Моховой Горе, подчиняясь в дальнейшем приказам короля эльфов Ри. А услышав текст, эльф и ушам своим не поверил, и

переспросил ещё раз - так что требует от народа эльфов негодяй магистр за освобождение Моховой Горы? Но принцесса Кристи терпеливо повторила, что ничего не требует. Он же союзник - или кто?

Король Ри растерянно признал, что союзник, но потом попросил принцессу Кристи сходить посмотреть на магистра. Может, это не тот магистр, а того подменили?

- Тот самый.- Обиделась принцесса Кристи, и даже не пустила эльфа посмотреть, сказав, что магистр отдыхает, и весь пышет жаром от благородства, и потому нечего на него глазеть.

На другой день, уже без лихорадки и в сознании, но весьма слабый, магистр продолжал вылёживаться, но тут же принялся за своё чёрное дело - этого у упорного негодяя не отнять. Он велел принцессе пропустить к нему послушника с докладом и вопросами, и долго после его ухода удивлялся, когда он успел отдать столь глупый приказ о штурме Моховой Горы. - Вот же болезнь проклятая. - сказал он, непонятно почему глядя на принцессу Кристи, и она на всякий случай приосанилась и ещё подбоченилась, подсмотрев эти повадки у своей подлой кошки, которая всегда красовалась, когда на неё смотрел любой кот. Наверно, магистр так залюбовался, что слова худого не сказал, а сказал только, что помрёт скоро от хворобы, потому что приснились очень ясно собственные похороны. Принцесса возразила, что наоборот - если такое приснилось, это к долгой жизни, любой колдун скажет. Магистр сказал, что колдунам верить не стоит, и потому хотел бы точно знать, когда будут эти похороны - скоро или нет, потому что много подлостей позарез надо закончить. Словом, очень надо узнать день похорон, и принцесса Кристи могла бы помочь, если скажет расписание цветов короля Ри. Тот порхал над гробом магистра, весьма радостный, с комочком земли в ручонках - так не терпелось потолще присыпать покойного.

Магистр и раньше пытался узнать расписание королевских нарядов, и так и эдак, но эту тайну эльфов принцесса не выдавала, хотя на прочие, более мелкие тайны, хитрый магистр выдавливал её весьма успешно. Просто потому, что это тайна могла быть смертельной для короля Ри, которого любой враг узнает издали, даже в толпе разноцветных подданных. Поэтому принцесса спросила - какими цветами сиял эльф с комочком земли? Пусть магистр вспомнит, и она быстренько подсчитает день похорон. Но магистр не дурак, и ответил, что ничего не вспомнил, но если принцесса скажет, как будет одет Ри хотя бы завтра-послезавтра, то сразу определит - завтра помрёт или послезавтра. Хоть эти два дня. Если не совпадёт, значит, вовсе не помрёт.

Глупая принцесса знала, что магистр врёт, как сивый мерин, и не такой дурак, чтобы волноваться из-за такой мелочи, как смерть. Да и снов таких она в магистровых бреднях не могла припомнить. Но всё равно сказала расписание одёжек на завтра-послезавтра, лишь бы жених успокоился и выздоровел. И точно - магистр сразу успокоился и даже повеселел, и тут же велел позвать послушника Эдвина, который шифровал шпионские записки, и который уже в третий раз приходил с вопросом - что передать Большому Жану в связи со штурмом Моховой Горы? Отослав принцессу за медовым напитком, магистр сообщил - что, и спустя полчаса связной эльф полетел ночью к Связному валуну, где его ожидал тролль. Услышав сообщение от эльфа, тролль так и брякнулся наземь от ужаса и изумления, и даже вроде обгадился, судя по невыносимому зловонию, что принудило эльфа улететь с подветренной стороны. Тролль обернулся на эльфа и горячо принялся уверять, что он самый преданный магистру продаватель, то есть, предатель, настолько, что ушам своим не верит, и потому просит эльфа повторить - точно ли Красная Терра грянет на третий палец второй руки? А цвет Отпетого - на четвёртый первой? Тролль ничего не путает?

Связной эльф, раздражённый вонью изменника, повторил слова послушника, что Час Пробил, Красная Терра грянет на третий палец второй руки, а цвет Отпетого - на четвёртый палец первой руки,

имеющий уши - да прочистит их, а то эльф живенько и сам прочистит. Это всё. И уже от себя добавил, что тролль всё равно негодяй, и обманет, конечно, с побегом пленного эльфа, но служба есть служба, и потому эльф подождёт - таки до рассвета - вдруг эльф и без помощи тролля сбежит? А потом, приняв очень небрежный, гордый и независимый вид, эльф спросил совсем уж от себя, поскольку успел испортиться на службе такого негодяя, как магистр - что такое эта Красная Терра? Тролль болтун, это всем известно, потому и эльф и спросил, раз уж тролль и так всё разболтает.

- А вот и нет.- замороженным голоском пискнул тролль, с ужасом глядя на эльфа.

Что-то не хотелось троллю проболтать тайну Красной Терры тому, кого она может убить. А на вопрос про Отпетого, который эльф задал уже от удивления, тролль вообще не пискнул, только ужаса прибавилось при виде небывалого чуда - эльф предал своего короля, и остался жив. Такого не могло быть никогда. Эльфы даже соврать не могут - они умирают. Заставить предать эльфа... смог только магистр. Недаром эльфы так ненавидят и боятся людей. Тролль не мог прийти в себя от ужаса. Третий палец второй руки означал понедельник, а четвёртый первой - зелёный цвет одежды короля Ри в этот понедельник. Все эльфы знали цвета своего короля в каждый день недели, и никто другой во всём свете знать их не мог. Эльфы могли щеголять в лепестках любых цветов, кроме королевского на этот день. Если магистр смог узнать это.., он сможет всё. Тролль ни за какое золото не рискнул бы поспорить с магистром. И потому на вопрос про побег завопил, что тролль тоже умеет держать Слово, и сей же ночью поможет бежать пленному герою, и тут же сбежал с небывалой скоростью - мчал на метёлке, дрожа и оглядываясь. Ему казалось, что эльф сообразит, что натворил.

Тролль не обманул - часа через три со стороны лагеря желтяков послышался шум, слабые крики, замелькали огни, и вскоре в воздухе заблестело нечто странно-переливчатое, скользя неровным зигзагом - вверх-вниз и вправо-влево. Это была клетка, которую изнутри тащил беглый эльф, пыхтя и надрывая крылышки. Блестя в лунном свете, клетка подлетела к Связному валуну, где изумлённый зрелищем связной, опомнясь, поспешил на помощь. Своим острым мечом он изрубил медные прутьки, и пленный эльф вылетел на свободу, но вовсе не навстречу славе и наградам, как думал завистливый тролль. Наград эльфы не имели, славы не знали, и потому эльф вылетел, как всегда вылетал, навстречу злобе и ненависти неприветливого мира, очень довольный, что уцелел хотя бы на радость королевы Ри.

Этот дерзкий побег заставил Тайного Советника Сена заподозрить тролля в измене, хотя тролля и так весь лагерь всегда подозревал в измене - это же тролль, воруяга.

- Неужели ты такой тупой? - спросил его Сен прямо в лоб.

- Я не тупой! - возмутился тролль, подпрыгнув на столе.- Я острый.-

Тролль ночью велел вынести клетку с пленным из шатра наружу, на свежий воздух, а часовым велел отойти подальше, чтобы не подслушали ненароком секретные сведения от эльфа. Тролль уже и синяк показал Сену, который получил вместо секретных сведений прямо через прутья клетки, да такой, что свалился без памяти, и это помешало уцепиться за взлетевшую клетку. Но Сен явно не поверил - быть может, синяку, который тролль поставил себе сам, так что Сен зря старался, пытаясь разглядеть его на мелкой морщинистой рожице.

- Острый, значит? - усмехнулся Сен.- Тогда ты точно - изменник.-

- Да тупой я, тупой! - заорал тролль, и Сен окончательно убедился, что тролль - изменник.

Огорчённо вздохнув, Сен сказал, что все и так знают, какие тупицы тролль, можно было и не спрашивать. Настолько тупой, что наверняка уже забыл, что нарасказывал эльф о Белых Магах. Разобиженный тролль тут же принялся вспоминать, что наболтал эльф и что сам видел. Сен спросил не из любопытства. От Кия был получен строжайший приказ - заполучить хотя бы одного Белого Мага - перекупить или выкрасть. Очень уж Кию не понравилось их дальнобойное колдовство - то и дело на небо поглядывал. И Сен уже успел послать связника с приказом к колдуну-лекарю, которого тоже подозревал в измене. Всё равно больше не к кому было послать - всех прочих подлый магистр переловил. Цены б ему не было, родись котом. Но к ларцу серебра, что отсыпал Кий, Сен добавил свой ларец, с золотом, и это принесло результат.

К тому времени Сэм был послан в горную деревню с приказом перевести дракона в город, ибо в саду вокруг замка успели соорудить и логово для него, и место тайное найти для дальнейшего обучения, да и вообще...война начинается. Примчась в деревню, Сэм на радостях от встречи с другом так напился, что прие может, синяку, который троллелла взлетевшую клетку. секретных сведений прямо через прутья клетки, да такой, что свалился бездумал вообще несусветное оружие для уничтожения безвинных людей, экий злодей, и друг его злодей, потому что подсказывал и науськивал, как всегда. Хорошо, денег не оказалось у нищеты, а то б и деревню разнесли, как им давно мечталось, злодеям. Узнав новости про изменщицу Элиану, Сэм направился напрямиком к Алине, скандалить, что это он придумал перегонный куб, и только благодаря Сэму подлая Алина гребёт теперь деньги лопатой, продавая всей деревне виноградную самогонку, и поэтому просто обязана дать ему бутылку забесплатно. Алина отвечала с крыльца, что и придумывать было нечего, раз такой дурак придумал, а вот спаял этот перегонный муженёк, и потому гони монету. На королевской службе состоит, а как был дураком, так и остался, нищий побирушка, только и может, что у бедной женщины последний грош отобрать, кровопивец. И нечего дракончику на хвост наступать, его теперь я кормлю, и тебя, толстяка, он быстрее слопаёт.

Всё же Алина малость рехнулась от общения с дураками, хоть и крепкая женщина, и потому бесплатно вытащила кувшин красного вина и щедро отвалила закуски. А потом вдогон и бутыл с горячим принесла, рассудив, что на кого ещё орать Сэму кроме неё, покорной женщины, если на Элиану орать так и не расхрабрился, хотят та уже несколько дней, как к желтяку-лекарю переселилась. Так пусть глотнёт горячего и наберётся храбрости, чтобы набить подлой изменщице всю её красивую рожицу.

К появлению бутылки Вейн как раз подзудил вроде своего дружка бросить Элиану - тогда он и свою чертовку к чертям пошлёт. Вейн щёлкал Телю по носу, когда тот пытался стянуть кусок закуски, и доказывал, что жизнь бессмысленна, и потому нечего держаться за Элиану, а лучше её бросить. На что Сэм отвечал, положив голову на драконью лапу и подсовывая Теле кусок курицы, что жизнь и впрямь бессмысленна, и потому можно и простить Элиану, хотя она изменщица до того, что обидно.

Вейн, уложив дурную голову на вторую драконью лапу, уставился в вечеряющее небо, и пожаловался, что такая бессмысленная, как сейчас у него, жизнь настолько надоела, что перестала нравиться, а это Знак Божий, что пора дезертировать со службы. Сэм так изумился, что рот раскрыл и оттуда вывалился кусок сыра, мигом исчезнувший следом за драконьим языком.

Вейн стоял на своём, и принялся перечислять плохие знаки - скорую битву с желтяками, и Гельда с магистром спит, да и с прочими, кто попадётся, и Элиана туда же, и деньги все украли, нет даже на горячее монетки, и много ещё знаков перечислил Вейн, но они не убедили Сэма, что пора дезертировать, хотя он и признал главный Знак для каждого дурака - отсутствие свободы. Но сами же продали её, нанявшись на службу. Ему кажется лучшим победить желтяков - а с драконом это раз

плюнуть - и огрести кучу денег, а уж потом делать всё, что взбредёт в головы. Но Вейн продолжал ворчать, что магистр разделил их, и это совсем плохо, ибо дураки поодиночке быстро пропадают.

Но это временно - возразил Сэм, глотая красное вино с гадливостью на роже, - едва крысы возьмут Моховую Гору, Вейн тут же прискачет в город, где понадобится для очень обещающей дури, что заказал старый король.

Услышав описание королевского заказа, Вейн сказал, что орудие хорошее, но есть большой недостаток - долго нагревать придётся, а ведь противник ждать не будет. Тут вода вообще лишняя, вроде посредника, для образования пара от огня. А пар - это дым своего рода. Надо напрямую напихать в ствол дерева и поджечь.

Сэм усомнился, что дерево в стволе загорится. Воздух для горения нужен. Вот если б высушить воздух и напихать его вместе с деревом, но такое невозможно.

Вейн возмутился, и сказал, что для верующего человека возможно всё. Если ты веруешь в воскресение из мёртвых, и в Бога, которого никогда не видел, то уж поверить в воздушный порошок сам Бог велел. А если он существует, этот порошок из воздуха, то где? Только в дерьме, ибо в него превращается всё, что попадает в человека. Значит, надо как-то выделить засушенный воздух их прочего дерьма.

Тут Сэм вспомнил, как трещат и щёлкают в костре поленья с белыми сухими потёками куриного помёта. Не щёлкает ли это сухой воздух?

Вейн обрадовался и сказал, что как раз из птичьего помёта добывают порошок селитру для зажигательной смеси греческий огонь, который и под водой не гаснет. Значит, твёрдый воздух в селитре и находится. Лучше перемешать селитру не с деревом, а с древесным углём - в нём жару больше. А для большего дыма добавить хоть серы. Такая смесь должна сгореть мгновенно, и образовать столько дыма, что посильней любого пара толкнёт.

Глаза Сэма уже сверкали безумием. Перед мысленным взором пронёсся вихрь подлых придумок из новой дурости, самая первая из которых привиделась в виде толстой трубы, где в закрытом её конце был натолкан новый порошок из угля, серы и селитры, поверх которого лежал толстый слой свинцовых шариков. Захлёбываясь слюной, Сэм рассказал, какие видятся ему опустошения во вражеском войске после каждого выстрела, а Вейн горячо одобрил злодейскую фантазию, и предложил сделать ещё и поменьше орудие, ручное, для каждого солдата, с одним свинцовым шариком. Если каждый солдат стрельнёт в своего противника - всё, драться не с кем, все убиты.

Тут уж дурацкие мозги дружков совсем разгулялись, слегка разогретые красным вином, и способы истребления безвинных людей посыпались вперегонки. Сэм придумал сделать снаряд, который вылетает из орудия целым, но рвётся железными клочьями посреди вражьего войска. А злодей Вейн сообразил собирать заранее стреляющие маленькие снарядики и соединить их в ленту. Если подавать их в ручное оружие, то один человек может, словно косой выкашивать окружающих неприятелей. А если у каждого желающего будет такое орудие? Тогда наверняка все человеки поневоле будут немножко уважать друг дружку. Тогда и наступит Золотой Век и Царствие Небесное не земле. Может, для этого мы и живём, Сэм? И в этом смысл нашей бессмысленной жизни?

С этим Сэм немедленно согласился - так ему захотелось начать немедленную постройку Царства Божия путём выкашивания всех, кто попадётся по дороге.

Но Вейн с прискорбием сказал, что прямо сейчас начать такое орудие никак не получится. Это такие расходы, что король дронов разорится. Да и магистр на орудие не подпишется, у него желтяки вот-вот нападут. Надо другое королевство искать, с богатеньким королём, и чтоб он ещё настолько дураком оказался, чтобы в орудие поверить. Это ли не Знак Божий, что пора дезертировать?

Но с красного вина Сэм не настолько окосел, чтобы поддаться измене, и потому заспорил, что королевский заказ вполне можно и по старинке сделать, на воде и огне, а вот потом...

Может, на этом бы злодеи и остановились, но тут сердобольная Алина принесла им настоящего горючего, на котором до глубокой ночи пышно цвела их дурость, заколосясь в конце такими ужасными плодами, что земля могла бы вскипеть и проглотить их, имей земля хоть на ноготь их дурости. Но земля умная, и потому дураки к исходу ночи выдумали ещё более ужасающее орудие смерти. И ведь было ещё время до этого, чтобы пришибить подлецов, но некому было пришибить - даже их верные подружки, и те только злобились и лишь мечтали настукать дружков по толстым неверным харям. Мечтали, но так и не решились, видя зловещий блеск стеклянной бутылки возле зажжённого костерка. Он подсказывал, что дружки, заправленные горючим, терпеть не будут, и даже сами могут, мерзавцы, побить непорочные личики красоток. И две девицы, прислоняясь к забору наподобие двух очаровательных коряжек, только подглядывали в щели да прислушивались к разговору. Элиана злобствовала, что Сэм так и не зашёл к ней в новое жильё. Вот ведь увалень достался - лень два шага дойти и сдёрнуть с неё лекаря. И рожу ему набить. Тут бы и помирились, потому что не просто от скуки Элиана под желтяком кряхтела, а шпионила за ним - пусть Сэм у магистра спросит. Этакий битюг - шипела Элиана, - настоящий изменщик, совсем бессовестный.

Гельда поддакивала, что все мужчины изменщики, но эти два мерзавца всех превзошли. И сейчас наверняка мечтают их бросить, бедняжек, и сбежать подальше. И даже золота им не надо - лишь бы сбежать, вот насколько изменщики.

Не принеси подлая Алина этого зелья дружкам, так бы рожки им довольные и разбили - горевали девицы. Настрадавшись под забором, подружки так загорюнились на свою несчастную судьбину, что решили утешиться назло изменщикам. Поскольку обе были богатенькие, проблемы с утешительным зельем не случилось. Они послали часового, что стоял у калитки, к жадной Алине с золотыми монетками, и тот живенько принёс две большие бутылки горючего. Часовой заглотив из горлышка, сколько влезло, потом успел немножко потискать подружек, а потом упал, счастливый, у своей калитки. А подружки ушли пьянствовать в гостиницу, где жила теперь Гельда, сдирая от имени магистра деньги с постоялых купцов. Правда, вначале их пытался сдирать послушник Клей, но Гельда в постели живо убедила его, что она лучше считает. На другой же день злобная вдовица засветила Гельде симпатичный такой синячок крепким кулачком, под глазиком, оставив в цепких пальчиках бедной девушки клочья своих волос, но послушник Клей с тех пор вообще старался обходить гостиницу стороной. Гельда же попросила Элиану наколдовать вдовице хоть какую порчу, но и за десять золотых та отказалась - на людях колдовать дороже денег обходится, они кольями платят. К тому же эти жалкие десять монет такой медью показались Элиане, что тыфу - по сравнению с тем большим ларцом с золотыми монетами, что стоял у лекаря и на который она точила свои зубки. Столько монет она и представить раньше не могла - рукой не поднять, настоящее богатство. Сердечко так и ёкнуло, когда лекарь открыл этот ларь, чтобы насыпать ей карман золота за верность. Сразу стало понятно, почему купец на рынке не доверил ей тащить этот ларь к желтяку, когда Элиана вторично показала парольную монетку с дырочкой, от лекаря. Небольшой ларец, тот сразу отдал, едва увидел монетку, и Элиана отнесла его колдуну, немножко всего и украв серебра, два кармана на всякий случай, но желтяк такой симпатичный оказался, что сдержал обещание - отдал весь ларец с

серебром Элиане, и даже его не открыл. Но за большим ларём пришлось возвращаться на рынок, согласившись, чтобы купец сам его и притащил. Она лишь сопровождала купца, покрикивая на патрульных солдат и разбойников, что желтяк не просто так шляется по деревне, а тащит её покупку, носильщик, и геть отсюда, а то живо магистру пожалуется, что шпионить мешают. Так купец и дотащил ларь, вручив его лично в руки лекаря. И письмо заодно, с той стороны гор - Элиана его заметила и мысленно прибавила к своему будущему доносу о злодеяниях лекаря. Но тут лекарь открыл этот ларь, и жирный блеск золота помутил разум стойкой и преданной шпионки. Отсыпав ей в карман золотых монет, лекарь ласково сказал, что весь ящик с золотом отдаст Элиане, если она никому про него не скажет. И пошёл с умильной рожей на очередной приступ, и дева, ослеплённая блеском золота, сдалась, наконец. Всю ночь разнеженный желтяк мечтал ей в ушко, что назначит старшей женой, ибо его остальные жёны, хоть и старше Элианы, но по умелости и жару сущие девицы на выданье по сравнению с ней. Элиана прикусила язычок, едва не посоветовав лекарю пустить своих жён в их деревню - просто пожить без гроша. Живо выучатся и пылу, и жару, если не хотят с голоду подохнуть. На все мечтания желтяка Элиана привычно мурлыкала, а думала только о ящике в подполе. Мысли так и скакали. С этим золотом сам чёрт ей не брат.

Да, новый Тайный Советник короля Кия бил тяжело. Этим ларём, как тараном, пробил оборону магистра. Элиана и сама не поняла, что уже продана, когда принялась мечтать о будущем. Перебраться в город, купить дом, открыть лавку, начать торговлю и заняться ростовщичеством, чтоб все соседи в долгах ходили и низко кланялись. Да что город! С этим золотом можно купить и дворянское звание. Вместе с деревней или двумя, в придачу. Её будут величать баронессой, вот это да! Мужа бы ещё подходящего подобрать, надёжу и опору. Жаль, Сэм дурак, весь ящик золота запросто своим кнутом дурацким раскидает. Умный нужен, и пусть хоть чем занимается - дворянством или прочим разбоем - лишь бы Элиане было тепло, сытно и покойно. Ей и куче детей, первого из которых Элиана с беспокойством чувствовала в себе. Вытравить вовремя не получилось - живучий попался, гад. А теперь травить поздно - самой загнуться можно. Хорошему мужу Элиана и золото бы доверила.

Так что зря колдун беспокоился, что наутро послушник Клей потащит его на дыбу и утыкает иглами. Элиана не донесла. Ни про тайную встречу с купцом, ни про письмо, ни про ящик золота - она что, дура? Магистр золото отберёт, а ей только монеткой наградной и капнет.

В письме Сен заверял, что высоко ценит верность колдуна, несмотря на предательство, враньё про казнь через повешение и засаду на Я-Мо. Кий по прежнему верит колдуну, прощает его, и просит, не жалея золота, раздобыть во власть Кия хоть одного из Белых Магов, Сэма или Вейна. Прочитав письмо, колдун особо не раздумывал - как быть да что делать. Магистр так обложил, что и купить некого было, кроме Элианы. Белый Маг., это уж как получится. И на другой день, убедясь, что дыба его миновала, желтяк отсыпал Элиане ещё карман золотых монет, попрося сделать совершенный пустяк, плёвую мелочь - притащить сюда Вейна, для лечения.

Элиана денешки любила, но свою родную шкурку любила ещё больше, и потому искренне заохала, что узнают, увидят и донесут - за Вейном целая свора шпионов следит, и желтяку вообще не положено знать, что Вейн жив. Это она только ему, любимому человеку, сказала по страшному секрету и всего за несколько монет. Знала бы, содрала бы втрое больше...

Желтяк добавил золота в три пригоршни, и Элиана, косясь на ларь, сказала, что попробует, и только ради него, жёлтенького родненького. Вообще-то, Вейн и впрямь болеет головой, и сильно. Надо бы помочь человеку, хотя она уверена, что это неизлечимо.

Жаль, что предатель Сэм так и не появился к желтяку, хлопот бы меньше - с досадой думала Элиана по дороге в гостиницу.

А в гостинице, в покоях магистра, за богато накрытым столом после первой рюмочки пошли милые девичьи секреты - Элиана загоревалась, что будущего ребятёнка повесить не на кого, нет мужчины подходящего. Гельде бы веселей было на её месте - мужчин на выбор, хоть самого магистра в отцы можно записать. А ей, бедной невинной девушке, только Сэм и остаётся, на крайний случай. Может, Гельда что посоветует?

Гельда от души посочувствовала подруге, и посоветовала повесить отцовство на Лейна. Он всё же поумней Сэма. Хвастает, что скоро купит гостиницу. Если это правда, то какие ещё доказательства нужны, что отец? Сроки? Это всё чушь. Гельда и не помнит, когда с кем спала, а уж мужчина и подавно всё перепутает. Элиана заинтересовалась, и Гельда пояснила, что Лейн собирается купить гостиницу после того, как пристукнет Вейна за измену. Но Вейна многие хотят пристукнуть. Даже она, Гельда, так бы порой и пришибла дурня. Может, Лейн поэтому просто так говорит, а сам и не пристукнет. А если не пристукнет, разве даст ему магистр деньги на гостиницу?

После второй рюмки Элиана сказала, что Вейн точно предатель - так и просит познакомить с лекарем. Она уж отказывалась, отнекивалась, но придётся знакомить. Ведь просто по мечте пристукнуть вроде не за что, а за измену - совсем другое дело. Хихикая, девицы хлопнули по третьей рюмке, потом и по четвёртой, кляня свою горькую судьбину, потом сбились со счёта, какая рюмка, и немного поспорили, таская друг дружку за волосы, визжа и кусаясь, но притомились, и мирно уснули под столом, счастливые до бессознания. Привлечённый воплями, на огонёк решил заглянуть мальчишка Гнида, недавно нанятый Гельдой в прислуги за серебряную монетку и ворох подзатыльников в день. Очень обрадованный увиденным, он поспешил попользоваться одной из бедняжек, и попользовался Элианой, потому что всегда нравилась. А потом, как настоящий товарищ, позвал двух приятелей-поварят, и пока они пытели под столом, содрал со всего дозорного караула по серебряной монете - за подсказку, где валяются беспамятные красивые девицы. За недопитое ими горячее вдобавок сорвал золотой, а недокушанную закуску сожрал сам. И пока бедные девушки вкушали счастье любви с дозорным караулом, их подлые дружки, бросившие вероломно подружек в трудный момент, всю пьянствовали, приканчивая уже вторую бутылку, за которую обещали Алине жениться хоть вместе, хоть поочерёдно, когда кузнец преставится, но Алина не раскололась. Тогда Вейн спросил - не даст ли Алина бутылку за то, чтобы дракон переехал от неё в другое место?

Я бы две отдала, - завопила Алина, - лишь бы не видеть ваших мерзких рож, которые жрут за четверых каждая!

Вейн тут же зачитал ей приказ короля Алана о переправке дракона в город, и радостная Алина тут же отказалась платить. Но Вейн, скорый на подлую придумку, продолжал читать уже отсебятину, что для сохранения тайны король Алан приказывает стрельнуть драконом по гостеприимному дому - наотмашь стрельнуть. Алина не поверила, но завыла - некуда деваться, дураки есть дураки - и вытащила бутылку за обещание не стрелять. Она пожелала обоим храбрецам - Сэму и дракончику - погибнуть как можно скорее смертью храбрых, и Сэм твёрдо это пообещал, после чего бездельника вернулись к костеру на свежем ночном воздухе продолжать беседу.

Сэм начал рассказывать о городе и короле Алане, о старом короле и о принцессе-оборванке. Он даже пожалел Кристи - такая красotka, и настолько дура, что и тискать её было как-то неохота, но пришлось, раз напрашивалась до того, что Сэм чуть было не залез на неё, да магистр некстати помешал. Сэм и с самим королём Аланом пил, а старому королю и вовсе по роже дал, а уж пили с

ним каждый вечер - хороший старикан. Вейн только восхищался ловкостью дружка и подзуживал хвастать дальше, и разговор у них налачился совсем умный, но тут Сэм некстати упомянул о Розовом Мече, и оба дружка, словно свиньи в грязь, радостно повернули свои рыла к любимой дурости.

О Розовом Мече рассказала Сэму сама принцесса Кристи - когда ей надоели его вопросы о странностях короля Алана. Однако Вейн, оказывается, узнал о Мече больше - от эльфа, который считал себя смертником и потому выбалтывал при умелом подходе тайну за тайной. Так что дружкам было, что обсудить в этой дурости. Вейн сказал - удивительно, что рукоять Меча испускает невидимый свет. Но совсем невероятно, чтобы этот свет, к тому же невидимый, так издырявил тело короля Алана, что тот заболел до того, что перестал интересоваться женщинами, и вовсе бы помер, не угости его Сэм горячим для толкателя. Тело человеческое плотное и тяжёлое, а свет лёгкий, им не продырявить. А ведь король издырявился, и сам не заметя, от рукояти Меча. Это ж какие дырки должны быть? Нет, это не свет, а какие-то частички, мелкие-премелкие, мельче не бывает - наверно, это уже атомы.

Сэм перебил, спросив, что такое атом, и дружок, начитанный в монастырской библиотеке, просветил, что атомы открыли ещё в древней Греции, тысячу лет назад. Был там один дурак по имени Демокрит, который накатал про них целую книгу. Атом - самая мелкая частица мира, мельче не разделить. Вот атомы из рукояти и вылетают, больше некому.

Тут Сэм опять перебил, удивясь - с какой это радости атомам приспичило вылетать из рукояти? Вейн пропустил вопрос мимо ушей, и сказал, что самое невероятное Сэм не заметил. Если король издырявился атомами, то с какой же дикой скоростью они должны вылетать? Пусть Сэм попробует пробить тело песчинкой, которая невесть сколько крупнее атома - пробить невозможно, хоть ты паром песчину разгоняй. А почти невесомый атом - пробивает. Скорость несусветная, выходит. И сила, что выщёлкивает атом - и вовсе небывалая.

Да, сказал Сэм, и малость протрезвел. И вспомнил, что принцесса Кристи говорила о Рукояти - она всегда тёплая. Всегда. Даже на морозе - всегда тёплая. Так не бывает. Что-то должно греть Рукоять. И повторил вопрос по-другому - с какой печали атомам приспичило вылетать из рукояти? Они там невесть сколько лет сидят. И почему проклятая Рукоять всегда тёплая?

Эти вопросы поставили Вейна в тупик. Он даже залил в себя полстакана горячего для оживления тупого ума. Чавкая варёным мясом, он надолго замолк и призадумался. - Ишь, мыслитель нашёлся! - мог бы ухмыльнуться дракончик Теля при виде его слабоумной рожи с пустыми гляделками - но дракончик уже дрыхнул, поскуливая во сне, нажрав бока до изумления. Он не дурак был усмехаться, потому и спал. Ибо - по славам Вейна - был умней любого человека во много раз, потому что не умел говорить. Кирпич, на который опирался локоть верзилы, был ещё умней Тели, потому что и ходить не умел, и дышать, и вообще ничего не умел - только лежать и кирпичиться. И этот кирпич, раз такой умный, мог бы догадаться о злодейских мыслях дурака, который локтем о него опёрся. Мог бы и отвлечь его, заорав, что закуску спёрли! - если б рехнулся. Но кирпич, к сожалению, и впрямь дураком не был, и потому промолчал. И только одна геройская пичужка в тоске за своё потомство попыталась, наверное, помешать верзиле. Она жалобно зачирикала где-то в высоте, словно призывая всех умных людей проснуться и остановить злодейство, от которого они могут заплакать невесть как горько. Но призыв её не услышали - все умные люди храпели, нажравшись кто что ухватил, вполне счастливые, наплевав на всех и вся, как и подобает поступать умным людям. И злодей безнаказанно сказал, проглотив кусок мяса, который так и не встал поперёк глотки, как ни пытался - Знаешь, Сэм, дураки, хоть и древнегреческие, всё равно дураки. Они ошиблись - атомы не самые мелкие и не самые крепкие. Они должны разваливаться. Вот почему рукоятка всегда тёплая. И вот откуда берётся

сила, чтобы дырявить человека. Ведь атом небывало крепкий. Горы вокруг стоят незыблемо, а ведь в их подножии - атомы, которые выдерживают весь чудовищный вес.

- А с какой печали им разваливаться? - не отставал тупой Сэм.- Они там невесть сколько лет сидели, в рукояти, и не разваливались.-

Но Вейн пояснил, что сортов атомов много. Самые мелкие покрепче, и не разваливаются. Это воздух. Атомы воды покрупнее, но тоже крепкие. И ещё крупнее - скалы, железо, медь - тоже ещё держатся. А разваливаются те атомы, которые крупнее их - вот этих атомов в Рукояти Розового Меча больше всего. Они вроде держатся, но достаточно лёгкого толчка, и они лопаются, выстреливая во все стороны мелкие осколки с дикой скоростью. И непременно попадёт осколком в такой же атом неподалёку. Тот лопается, и так дело и движется невесть сколько лет - вот почему Рукоять всегда тёплая и опасная для людей. Ведь атомов очень много, ибо они мелкие. Их хватит, может, ещё на тысячу лет - но как сделать из этой дурости что-то стоящее - ум не прикладывается.

- А если сложить вместе две рукоятки? - спросил Сэм.- Тогда атомов взрывку уйдёт вдвое больше, а рукояти нагреются вдвое сильнее. Так выходит?-

- Так.- Оживился Вейн. - А если четыре? Или восемь? Тогда..., тогда атомы начнут лопаться просто лавиной - больше и больше, пока..., все не рванут. А силы и скорости там просто дикие, и восемь рукояток стрельнут за какой-то миг, едва соединить их вместе.-

Сэм сказал, что для удобства лучше сделать из восьми рукоятей два полушария. Чтобы по отдельности каждому - до лавины не хватало. А соединить вместе - тут же рванут. Интересно, сколько там силы выбросится? Хоть вот этот дом Алины - сможет разнести?

Вейн принялся прикидывать - чтобы нагревать рукоять в течении одного дня, нужно сжечь несколько поленьев. Примерно с полдюжины, скажем. Грубо считая, тогда в год уйдёт больше полторы тысячи поленьев. Это примерно сотня деревьев - роща небольшая. А уж за тысячу лет надо сжечь сто тысяч деревьев - это лес целый. И вот сколько дров всего за миг превратятся в жар, свет, дым и пепел.

Сэм даже протрезвел, представив эту картину. Он видел лесные пожары. За один миг...И растерянно сказал, что оружие получится чересчур сильное - убежать не успеешь. Если испытывать его здесь, то всю деревню разнесёт, пожалуй.

Очень на это надеюсь, мечтательно отозвался Вейн, и новое оружие решено было испытать здесь, прямо на холме, повыше - чтоб всем поровну досталось. По этому поводу злодеи выпили, и Вейн уточнил, что атомных осколков вылетит просто мириады во все стороны, и если уж короля Алана спокойная рукоятка сумела так издырявить, то при испытании атомного оружия всех так издырявит, что они очень скоро помрут, больные и измученные. Прослезясь от счастья, Сэм надумал спрятаться за какую-нибудь гору - уж её эти атомы не пробьют.

Вейн сказал, что и звук будет гораздо сильнее грома, а вспышка света такой силы, что все ослепнут вдобавок в глухоте. Ещё и обуглятся от жара, после чего, издырявленные до состояния решета, сдохнут в страшных муках, завидую уже дохлым. Тут Сэм, добрая душа в самой её глубине, усомнился, что оглохнут и ослепнут, и Вейну пришлось его убеждать. Он напомнил, что попадание молнии в дерево обычно полдерева мгновенно превращается в пепел. Значит, одна молния - это столько же света и грома, сколько выделится при мгновенном сгорании половины дерева. И если в один миг сгорит, как подсчитано, сто тысяч деревьев - это будет равноценно удару в одно место и в один миг

двести тысяч молний. Сказал - и сам оцепенел от мысленной картины.

- Ну, и жару будет.- сказал доверчивый Сэм, убеждённый рассуждениями.- Можно целиком сжигать целые города. Про вражьи войска и говорить нечего. Какая может быть война? Мы уже всех победили.-

По поводу победы они выпили ещё по стаканчику, и принялись, говоря образно, закидывать свои глупые мозги в будущее, где они высматривали завлекательные картинки и наперебой рассказывали их друг дружке. Вначале они испепелили несколько вражеских полчищ, потом захватывали города, пока не захватили Европу, а за ней - прочий мир. В этом захваченном злодеями пространстве все люди платили им дань золотом, так что в подвалах их замка, который они тоже захватили, сундук стоял на сундуке, все набитые золотом, а вокруг замка раскинулся целый город мастеровых кузнецов и прочих алхимиков. Все они с утра до вечера исполняют заказы Сэма и Вейна, которые они придумывают вечерами, а ночевать идут каждый раз с новыми подружками, которые в очередь выстраются, прослышав, какие они дураки. Золота всегда будет в достатке, потому что его поток с подвластных городов не будет иссекать. Иначе прилетит железная стрела, покружит над городом-должником, погоняется за ястребами, покрутит вензеля, а потом сбросит вниз предупреждение из угля, серы и селитры - чтоб весь город вздрогнул. А не поможет - через неделю прилетит другая железная стрела, с атомным оружием, и спалит весь город к чёртовой матери, умный больно. Так что деньги всегда соберут, проклиная Сэма и Вейна, своих благодетелей, как всегда делают люди. Пусть их, зато все займут общий мир, счастье и благоденствие. Все будут трудиться, плодиться и процветать, как в Библии и обещано. Рай на земле наступит - ни грабежей, ни завоевателей. Люди умные, и всё равно будут пробовать кого-то завоевать. Ограбить же проще и быстрее, чем сработать. Но всё равно прилетит эльф на железной стреле и выдаст награду победителю в двести тысяч золотых молний.

Дурак Вейн при виде этой картины утвердился в мысли, что нашёл, наконец, смысл своей бессмысленной жизни - именно сюда, на создание земного Рая и направляет его Господь своими Знаками. Сэм был поумнее, и усомнился - всё благоденствие стоит на атомном оружии, а создать его практически невозможно - всего одна рукоятка Розового Меча, а где тот закопан- принцесса Кристи не скажет, она же дура.

Однако Вейн на это лишь загадочно усмехнулся, и рассказал, что эльфы владеют Чёрной Силой, которая может создать что угодно, любое чудо. Эльф выболтал, что его народец умеет ею пользоваться - пусть в небольших границах, но уж побольше, чем тролли, которые и создали Рукоять Розового Меча. Значит, эльфам под силу сделать по рукояти в неделю. А уж впрячь их в работу - это дело магистра. И троллей заодно подпрячь. Для этого Господь, видимо, и прислал им в помощь дурака магистра, он всех запряжёт, будь ты хоть кто. Правда, Вейн так и не понял, что есть Чёрная Сила, как эльф ни ругал его тупицей, но Вейну это и не надо, всякую дрянь магическую понимать. Он главное понял - каждый эльф, пусть крошками, но может наколдовать что угодно. А эльфы не врут.

Они дёрнули ещё по стакану за успех атомного оружия, и Сэм окончательно утвердился в их высокой миссии - смастерить Царствие Божие на земле, насколько оно вообще возможно среди таких мерзавцев, как человеки. Вполне реальное, даже спокойное дело, если сидеть на атомном заряде. Голова у Сэма кругом пошла, и он спросил Вейна - может, он и есть Мессия, которого все ожидают в связи с тысячелетием от рождества Христова? Может, он и есть Христос, вернувшийся на Землю?!

Вот до чего горячее доводит - мог бы сказать кирпич под локтем Вейна. Он трезвым был, кирпич. И

умным, потому и промолчал. А Вейн, видимо, выпил ещё мало, потому загорюнился и сказал, что рад бы, но врать не будет. Христос людей любил, а он, Вейн, ну никак не может себя заставить полюбить эту сволочь. Куда ему до Христа, крутого и железного парня - Вейн не тянет, и Господь это видит. Повторить подвиг Христа - помереть распятым за людей - нет, Вейн отбивался бы до последнего вздоха, чтобы перебить их как можно больше. Нет, Христос так велик, что слов нет. Люди вообще мало понимают Его подвиг. А ведь если Христос творил чудеса, то наверняка полностью владел Чёрной Силой, на всю катушку, а не то, что по ниточке, как слабаки эльфы. Если Он мог исцелять, превращать воду в вино, кормить людей из ничего и ходить по воде, то уж убивать и разрушать куда как легче. Христос мог бы одним своим хотеньем смести и охрану, и палачей, и зрителей - просто в пепел их обратить. Вейн бы на Его месте так и сделал, с большой радостью, а Христос наверняка и не подумал об этом, кремень. Всё человечество гордится Им и почитает. Куда уж Вейну до Него!

Однако Сэму очень захотелось почувствовать себя апостолом Петром, и потому он продолжал настаивать - может, всё-таки Христос? Вейн присмотрелся, как обычно, и сказал, что немножко вроде есть. Если человек верит, что он жалок, смертен и вообще сволочь, то Господь по вере и даёт. А если верит, что в нём Христос, то по вере и получит. Но ему, Вейну, пока верится слабовато.

Сэм продолжал настаивать, подливая веры в стакан Вейна, однако перелил, видимо, потому что именно горячее для толкателя и помешало провозглашению второго Мессии и второго Петра. Оно свалило вначале апостола, а потом - болтливого Мессию.

Очнувшись далеко за утро от припекающего солнышка, мрачный и больной Вейн в слишком долгом ожидании Алины с лечебным виноградным вином вновь потерял смысл своей бессмысленной жизни. Злодей набрёл на мысль, очень подходящую для такого злодея, да ещё с похмелья - что атомным оружием, вообще-то, можно целый конец света устроить. Армагеддон какой-то, а не оружие. Может быть, как раз для этого Господь руководит им и направляет Знаками, и всячески помогает?

Сэму было всё равно. Он только стонал и за голову держался из боязни, что развалится - так болела. Попадись в руки атомный заряд, на Алину бы бросил, жадную чертовку, которая угля древесного пожалела для очистки горячего, не говоря уж о желтках яичных. Потому в голове у него конец света уже грянул - треск только стоит.

Полдня дружки лечили похмелье виноградным вином, полдня собирались в дорогу, и только поздним вечером небольшой отряд солдат во главе с драконом без лишнего шума спустился с холма, вроде как на привычные ночные учения - и затерялся в буераках. Вейн проводил Сэма и дракончика Телю до самой горной дороги, уже в темноте, и на обратном пути три раза споткнулся и один раз упал. Виновато в этом было только вино, да темнота, но дурак усмотрел в этих колдобинах плохие Знаки. А когда упал рожей в куст, так и сказал кусту, что он очень плохой Знак - хоть в деревню не возвращайся, а сразу в бега. Но дурость и упрямство возобладали - Вейн наплевал на все знаки и приплёлся в дом кузнеца, где его давно ожидала ласковая Элиана. Она попросила его сходить к колдуну, да так жалобно, что Вейн согласился.

Часовому у калитки желтяка-лекаря Вейн сказал, что язык заболел. Вот Элиана рядом - лечила, лечила, да не справилась. И что делать? Если б рука болела, или орган размножения - отхватил бы ножом, и вся недолга. Но язык - это же весь человек. Нет его - нет человека. Ладно, и сам знаю, что дурак. Держи золотой за напоминание. А этот - вместо пропуска от послушника Клея.

После третьего золотого от Элианы часовой принялся усиленно выискивать врагов где-то совсем в

другой от Вейна стороне, и тот незамеченным проскользнул к запретному колдуну.

Увидев Вейна, желтяк очень обрадовался и услали Элиану в подпол собирать рассыпанный некстати ларь с монетками. Захлопнув за ней крышку погреба, он сказал Вейну тихонько и по свойски, что Его Величество Кий предлагает тому службу. Денег будет платить хоть впятеро больше, чем магистр Вейну платит. Или вдесятеро, это неважно. Как на это предложение посмотрит Вейн?

Вейн ответил без раздумий, что хорошо посмотрит. Станным кажется одно - что значит неважно? Чего Кий хочет за эти деньги?

Что приказывать будет?

- Да ничего.- как можно искреннее ответил колдун.- Ну, разве что по дружбе попросит иногда чем помочь.-

Вейн так и сел на лавку и спросил растерянно, не дурак ли Его Величество?

- Может быть. - озадаченный таким вопросом, сказал колдун, вспомнив, что в начале похода Кия и впрямь многие называли дураком. Не очень умно гнать войско в глухие лесные дебри и высокие горы, пялясь в карту продажного купца. Обещал же колдун скорее от себя, по своему разумению. Как вообще можно приказывать Белому магу? Это полным дураком надо быть. Кий не совсем же полный. И спросил - устраивает ли это Вейна?

- Ещё бы.- от души ответил верзила.- Хоть сейчас перебегай.-

И доверчиво сообщил колдуну, что это Господь послал Знак перебежать, последний. Они с Сэмом как раз придумали страшное оружие, и им позарез нужен такой король, богатенький и ещё дурак. Если б лекарь хоть на полдня пораньше предложил, когда Сэм был в деревне, сейчас бы прямо и бежали. И в такой несурянице Вейну видится Знак Божий, что рано перебежать. Как только Сэм появится, так и сразу. Желтяк заспорил, что Вейн неправильно Знак понимает. Беги быстрее без всякого Сэма - вот что он значит.

Вейн согласился, что да - именно так. Беги, Вейн, беги. Так и говорит Господь. Ему ведь плевать на мелочи вроде дружбы. Вейн не настолько крутой, чтобы плевать на это. Но крутой настолько, чтобы наплевать на волю Божию.

- Ты что, дурак?! - вытаращился лекарь.

Вейн удивился - вроде все знали, что дурак, но сообщил лекарю на всякий, что да, дурак, и Господь это знает. Но каждый раз вытаскивает Вейна из неминуемой гибели. И сейчас вытащит, куда денется. Он же Бог, и Вейн уже устал удивляться Его чудесам.

Так что ничего страшного - попозже перебежит, вот и всё. Вместе с Сэмом.

Колдун побоялся спорить с дурнем, хотя такое отношение к воле Небес было весьма опасным. Хотя Белые Маги - они такие. Небеса любят их. И колдун поторопился достать две серебряные брошки, протянул их Вейну. И объяснил, что такие серебряные брошки у желтяков носят только командиры тысяч. Редкие, словом, и потому являются ещё и паролем для шпионов и перебежчиков. Стоит только показать такую брошь рядовому желтяковскому дозору, как они вытянутся в струнку и исполнят все приказы. Сразу же до лагеря проводят, прямо к Кию. Забота Вейна - выбраться из города, а уж дальше никто не обидит.

Вейн спрятал брошки, и тут из погреба застучала Элиана, требуя, чтобы выпустили. Когда колдун открыл крышку, она очень была недовольна его лживостью. Вовсе не весь ларь там рассыпался - всего с полкармана золота и набрала. После ухода Вейна колдун отсыпал ещё полкармана. Дело было сделано.

Да, семена измены без заботливой прополки магистра мигом пустили свои побеги. Послушник Клей, правда, тоже заметил эти ядовитые растения. Да и трудны было их не заметить, ибо верная Гельда за десять золотых продала свою подлую подружку и изменщика Вейна. Да и часовой продал за два золотых, что Вейн обманом просочился в калитку, когда Элиана вовсю заговаривала часовому больной зуб, на который сама же наверняка и наслала порчу, тварь такая, мерзкая колдунья. К тому же Вейн на другой же день принялся продавать купцам серебряные брошки - пять золотых за брошь - купцы брали нарасхват, чтобы избежать частых поборов со стороны желтяковских патрулей и прочего начальства.

Клей ходил в кузницу, где кузнец в поте лица отливал брошки одну за другой - не отличить от настоящей, которую дал Вейн за образец. Кстати, все подобные фальшивки у магистра изготавливали в подвале три гравёра, но у них хуже получалось и уж гораздо дольше. Где взял брошь Вейн, послушник спрашивать не стал - бесполезно. Такого наболтает, что и поверить можно. Допросил Элиану, надеясь, что она как-то объяснит это негодяйство, но мерзавка лишь укрепила подозрения, начисто всё отрицая. Клей пригрозил взять в оборот её желтяка, и Элиана, испугавшись за ларь с золотом, только-только ею початый, продала, что Вейн встречался с желтяком, хотя знает, что с ним запрещено встречаться. Обманул её, верную шпионку, своей болезнью - только желтяк, мол, и сможет вылечить. Тогда зачем её в подпол заперли? Знают же, что они шпионка и должна подслушивать. Так и не подслушала.

Выслушав раскаяния шпионки, послушник задумался. Взять Вейна в оборот без приказа магистра он не мог. Продался Вейн или нет? Если продался, то что может предложить желтякам на продажу? Крыс своих, что ли? Дракон-то уже в городе. А если Вейн сговорился с Сэмом? Если сбегут вдвоём, прихватив дракона?

Послушник затревожился. И вызвал Алину, которая подслушивала всю болтовню Вейна за пять золотых - всю, которую могла понять. Алина донесла, что разговоры про измену велись. Послушник чуть успокоился. Он знал, что каждый разумный человек подумывает об измене - за неё платят хорошо. Если он и говорит об измене, не опасаясь, можно считать честным и преданным. Когда задумает изменить, враз замолчит, примется осуждать изменников, петь про верность магистру, и называть его хорошим. А все честные люди называют магистра сволочью, и это правда. Как быть магистром и оставаться не сволочью - это ж невозможно.

Клей решил, что измены пока нет, но наклёвывается. И решил, раз есть время, сгонять в город - авось и пробьется с докладом к больному магистру. А пока поставил возле калитки желтяка второго часового. Мысль просто написать доклад и послать в город послушник отверг, потому что заранее знал ответ - повесить всех, кто в докладе упоминается, и Вейна тоже. Принцесса Кристи, сиделка при магистре, мелочами не утруждалась - или не догадывалась о них. Она могла предложить от имени магистра единственное средство от измены, которое знала - верёвку, по советам своего папаши. Все послушники по одной глупости

приказов узнавали руку принцессы Кристи, и ходили только для того, чтобы убедиться - в горячке магистр или уже пришёл в себя? Но пока магистр только беспощадничал и вешал всех без разбора. И послушник Клей уехал, ничего плохого не сказав Вейну, так что изменник мог спать спокойно.

Он бы так и сделал, гад, однако эльф помешал ему не только спокойно спать, но и согрешить невесть какой по счёту раз, потому что обогнал приказ о штурме Моховой горы на целый день. Приказ этот везли в закрытой карете под охраной двух верховых наёмников. Его мог доставить и один верховой гонец, и быстрее, но король эльфов, не веря в честные помыслы магистра, так и не решился расстаться с драгоценным свитком. А рулонище тяжёлый, не удержать - пришлось сидеть на нём, и везти пришлось всех - и короля на приказе, и его свиту, в карете. Кристи едва уговорила эльфа положить рулон этот в шкатулку, на крышку которой тут же снова король и уселся, да с двумя самыми тяжёлыми эльфами - так и тряслись на шкатулке всю дорогу. А эльф, не утерпев и желая погеройствовать перед королевой Ри, летел всю ночь, увернувшись два раза от совы, и ещё затемно влетел в дом Алины, где в задней комнате дрыхли в обнимочку Вейн и Гельда в высокой деревянной кровати под толстым одеялом. Эльф тут же выгнал Гельду вон, бедняжка так и брякнулась с кровати, едва эльф зашипел в её очаровательно ушко своё до боли знакомое, что она шлюха, и давай убирайся, а то нос отрежу. Полусонная девица шустро задвигалась на коленках к двери, виляя в сумраке своими белыми полушариями, и нетерпеливый эльф ещё и кольнул с налёту левое для скорости передвижения. Гельда взвизгнула и ускорила так, что едва ли дверь не вынесла лбом, а злой эльф плюхнулся на её тёплую ещё подушку и радостно сказал - Вейн, проснись! Готовься к бою! -

Если б эльф, как обычно, проверещал это в самое ухо, Вейн мог бы и потолок вышибить, подпрыгнув от неожиданной шуточки, но при таком обращении Вейн спросонья решил, что это Гельда нежно его будит и зовёт к любовной схватке. Дурак обрадовался, и тут же закинул руку и ногу на подружку, но из-за отсутствия этой подружки просто брякнулся с кровати.

- А это я! - радостно сказал эльф, повиснув прямо перед сонной рожей.

- Это ты. - горько согласился Вейн. И живенько залез обратно под тёплое одеяло. Эльф объяснил ленивому мерзавцу, что час пробил! Приказ о штурме Моховой горы уже отдан и едет сюда. Поэтому надо вставать, загружать крысиную армию в клетки, запрягать лошадей и готовить телеги, всё загрузить, ничего не забыв, чтобы к вечеру, едва прибудет приказ, сразу штурмовать, а?

Вейн сонно ответил, что ничего не "а". Он эльфу не верит. Эдак любой утюг прилетит, прогонит с постели тёплую подружку, а ты ему верь после этого - нашёл дурака. У Вейна магистр в начальниках, а вовсе не эльф, который к тому же подружек обижает.

Вейн долго так мог бормотать. Эльф это знал, и потому заверещал, чтобы Вейн немедленно проснулся, что он свинья и прочие ругательства, но Вейн закрылся одеялом с головой, и всё. Тогда эльф взлетел к потолку, откуда и упал на Вейна, потом ещё и ещё раз, вопя при этом - Вставай, а то раздавлю! - Но был лёгким, а одеяло толстое, и Вейна не достал. Утомившись падать, эльф принялся ходить по Вейну, спотыкаясь о складки одеяла и изредка подпрыгивая, а также ныть, ныть и ныть. Поскольку Вейн длинный, то успевал заснуть, пока эльф топтал его в сторону ног и стихал его голосишко. Но когда эльф возвращался к голове, от его воплей Вейн снова просыпался. Это скоро надоело, и Вейн вступил в переговоры. В результате их эльф улетел, потом пригнал обратно полуодетую Гельду, после чего улетел наводить порядок в охране, не вытерпев ожидания. Некоторое время он летал над кроватью, слушая возню под ним, и спрашивал, скоро ли там закончат. Но каждый раз возня замирала, и Вейн искренне сожалел, что маленький мерзавец не разбился в железной стреле. Он посылал эльфа всё дальше и дальше, пока эльф и впрямь не улетел, обозвав Вейна развратником. Он облетел всех часовых вокруг холма. Естественно, все спали. Дракона не было, и охрана осталась лишь для обмана шпионов. И вдоль всей ограды в рассветное небо полетели испуганные вопли и разъярённые проклятия. Вначале эльф вполсилы визжал в беззащитное сонное ухо, потом делал в воздухе большую петлю и выныривал из рассветной мути прямо перед сонной

испуганной рожей. И тогда уж вопил во всю мочь, что "Спишь, мер-рзавец!!!". Двое бедолаг остались заиками на всю жизнь, один поседел, но каждый хватился за меч, так что эльфу всякий раз приходилось улепётывать.

Но эльф напрасно старался ускорить штурм. Вейн не сказал ему, что тронуться в путь можно в течение часа, потому что с неделю солдаты каждый день грузили клетки с крысами на телеги, после чего лошади катали крыс вокруг холма, и только после этого Вейн запускал их в подземные ходы с мясными мишенями. Ему пришло в голову, что крысы могут перепугаться неожиданного переезда, новых тоннелей и новых запахов, и потому Вейн пускал их каждый раз в новые ходы, для чего нарыл их с помощью солдат. С этими солдатами Вейн от скуки часами развлекался, мучая бедных животных всё новыми дуростями. Одетые в тряпье куски мяса колотили нападавших крыс уже настоящими деревянными дубинками, а вовсе не восковыми, но крысы только стервенели от ударов до полного безумия, так что вцеплялись даже в рукавицы на руках, визжа и сверкая красными бешеными глазками. Это были уже совершенно чокнутые крысы, отборные заботами Вейна. Поскольку плодились они быстро, Вейн оставлял в войске только самых злобных и здоровенных, а прочих лишних этот верующий верзила, чтя заповедь "Не убий", не просто так отпускал, а относил заботливо обратно в деревню, и хозяев им подбирал справных, чтобы и хлев имелся, и амбары с зерном. Негодяй до того дошёл, что дырявил стены амбаров и полы подкапывал. Конечно, крестьяне знали об этих подлостях и обижались изрядно. Крыс Вейн приносил крупных, наглых и хитрых. Ещё уцелевшие кошки прятались от них под крышами, на чердаках. От одной крысы кошка ещё отбивалась, иной раз и от пары, но эти учёные твари нападали привычно стаей, слаженно и дружно. Кошек они любили. Даже ребятишки в деревне ходили каждый с палкой, а многих малышей, путая с троллями, крысы изрядно обкусывали. Естественно, что крестьяне обижались на Вейна. Его даже чуть не побили, выследив в сумерках у какого-то амбара с крысой в руках, но, к сожалению, поймать длинноногого мерзавца не сумели.

Если эти, никчёмные для Вейна крысы, навели ужас на деревню, то оставшиеся вообще были оторвы. Однако даже этих зверских боевых крыс стая Гельды превосходила и размерами и дурью. Именем Гельды Вейн назвал свою самую любимую огромную крысу. Не в пример настоящей Гельде эта была совершенно ручная и очень нежная с Вейном, а уж по карманам лазила не хуже двуногой подружки. Вейн частенько гулял с ней по двору. Крыса семенила за его ногами, словно хлыст волоча свой голый хвост. Она скалила зубы на Алину, во время обеда воровала со стола, что хотела, и тут же пряталась к Вейну в карман. Её десять детишек, а потом и внуков, уродились в неё - такие же здоровенные и дурные.

Вейн содержал их отдельно от прочих. Он придумал вырастить крыс до размеров собаки, после чего думал продавать их крестьянам. И был уверен, что будет продавать задорого, когда объяснит покупателям, что крысопсов можно держать вместо мелкого домашнего скота вроде овец и коз. Крысопсы дадут жирное скороспелое мясо, а также шерсть, причём кормить их не надо - сами прокормятся, привыкли, да ещё и двор будут охранять от воров.

Всё это Вейн рассказал эльфу, когда они тряслись в телеге по дороге к Моховой Горе. Эльф не знал, что и сказать на такие злобные планы дурака. Вейн показал ему клетку, где сидела Гельда со своей стаей, и эльф невольно отодвинулся - крыса превосходила его размерами раз в десять, и как только запазухой уместилась, когда Вейн вытащил её из клетки. Эльф начал верить, что Моховую и впрямь вычистят от троллей. Гельда так ощерилась, что эльф на сажень отлетел. За такой крысой он и в атаку полетит гораздо веселей, хотя чего там веселиться - король Ри пошлёт его в самое гиблое место, в пекло.

Эльф спросил, как это Вейн решил рискнуть такой ценной крысой - ведь тролли могут убить её. Но Вейн, любовно поглаживая серую тварь, ответил, что вовсе не на бой взял её вместе с детишками, а просто на прогулку. Это личная его крыса вместе с потомством, основа крысопсовой породы, и бой не для них.

Эльф с сожалением вздохнул. Тревога не покидала его сердечка. И не зря. Если бы штурм грянул неожиданно для троллей, в успехе с такими зверьми можно не сомневаться., однако эльф знал, что тролль всё равно продаст их, на то он и тролль. И эльф не ошибся. - в это время тролль уже сидел в засаде, смазывая наконечник стрелы ядом рогатой жабы. А что ему оставалось делать, если ни король троллей, ни его советники не поверили его доносу. Он полдня ходил за королём троллей, стращал и уговаривал, грозил и клялся, пугал и ныл, но король только посмеивался - мол, его не проведёшь. В отчаянии тролль даже расплакался от злости, и только это чуть поколебало недоверие короля. Он велел удвоить посты у входов в Моховую Гору, на всякий случай. А его советник по имени Марук как-то сразу понял подлость, что замыслил тролль со своей Красной Террой и заколдованными крысами. Он изложил свою догадку королю Барру. Скорей всего, эльфы и впрямь решили попробовать отбить Моховую Гору. Терять им нечего. План нападения очень хитрый - тут чувствуется рука Чёрного Магистра, эльфов союзника. Крыс-то он наловит, и сюда привезёт, а уж в норы крысы и сами полезут. Тролли отвлекутся на охоту за неожиданной дичью, разбредутся, покинут посты, и как раз тут и ударят эльфы.

Король Барр признал, что план и впрямь хитрый. Эльфам известно, как тролли любят крысиное мясо - вот только в окрестностях Моховой крысы стали редкостью, да и убить крысу трудно - зверь осторожный и такой же юркий, как и тролль. Часовые и впрямь могут не сдержаться и бросить посты, погнавшись за крысами. Так что шансы напасть враспloh у эльфов есть. Это всё понятно. Но в чём подлянка, что задумал тролль, стращая всех Красной Террой ?

Ну как же, - захихикал советник Марук, - тролль надеется, что король Барр поверит в серьезность угрозы, и при первых признаках нападения дёрнет за сигнальную верёвочку. Тогда все тролли в недрах Горы, что копают золото, обязаны бросить всё и поспешить на помощь наверх. Кроме редких часовых, что охраняют золотой запас короля. Однако в лабиринтах всё равно останется очень много брошенного золота, наспех припрятанного, и тролль под шумок натаскает его в своё удовольствие, сколько сможет. А потом ещё и награду придёт требовать, за то, что вовремя предупредил, всех спас и вообще страшный герой.

Король от души расхохотался. Подлость тролля пришлась по сердцу. Молодец тролль, за такую сложную подлость и наградить бы можно. Но короля не проведёшь. Король радостно потёр сухие ладони, и велел советнику вовремя послать охрану, чтобы поймать тролля на воровстве. Тогда можно будет лишить тролля его доли золота. Хотя золото король и так не собирался никому отдавать, но старался лишить каждого его доли на законных основаниях - он же хранитель закона.

Король велел вычистить кладовые и приготовить ледники. Узнав о предстоящем продовольственном нашествии, тролли обрадовались, и многие кинулись доставать и чинить ловчие сетки. Троллю гораздо крепче спится, если в уголке его пещерки стоят бочонки с мясом и виноградным вином. Виноградников в окрестностях хватало, поэтому и вина запасли достаточно. Теперь вот и закуска сама в гости пожаловала. Слава королю Барру!

Троль глядел на радостные рожицы своих соплеменников, на их хозяйственные приготовления, и только вздыхал горько да головёнкой покачивал. И тоже побежал - за надёжным луком и точной стрелой. Он уже давно присмотрел место для стрельбы в Тронном зале - самом большом из всех

залов Моховой Горы, и самой последней позицией троллей. В нём и грянет решающий бой. Почти под его сводами неподалёку от главного входа в Тронный имелась трещина в скале, на высоте в два человеческих роста, где мог спрятаться. Тролль обустроил и замаскировал тайную позицию камешками, и заранее раскопал давно заваленный ход неподалёку. Туда он и скроется после выстрела. Кстати, пришлось изрядно поплутать в распечатанном лабиринте, пока нашёл колодец в нижний уровень Моховой Горы, где можно будет спокойно отсидеться. Всё это приготовив, тролль мог уже не беспокоиться о судьбе своей драгоценной шкурки, и со спокойной душой печалиться, глядя на приготовления к охоте. Он-то знал, кто будет охотиться.

Впрочем, на месте короля Бара он бы тоже не поверил. Эльфы пытались отбить Моховую Горю, но безуспешно. Тролли успели сделать насыпи в начале тоннелей, при эльфах достаточно широких и высоких, чтобы им свободно леталось. По насыпям пришлось идти под градом стрел. Эльфы прорвались по своим трупам в Овальный Зал, где увидели те же проклятые насыпи во всех выходах. И отступили, убедясь в неприступности Моховой.

Но крыс не испугают насыпи, а за ними в залы ворвутся эльфы. Моховую не удержать. Час пробил.

Уже в густых сумерках часовые тролли увидели, как из лесу, что окружал Моховую Горю, толстой змеёй неторопливо выполз тележный обоз. Он поднимался всё выше, приближаясь к входным отверстиям, откуда и глазели часовые. Сообразив, что " тролль-посланник, гляди, не соврал", они запрыгали от радости, а один из часовых пробурчал, что " испорченный какой тролль, не в короли метит?"

Подкатив почти вплотную, обоз остановился, и прибывшие с ним солдаты принялись сгружать с телег клетки, а из большой закрытой кареты во главе обоза вылетело сверкающее облачко - эльфы. Солдаты потащили клетки наверх, в гору - их с руганью подгонял долговязый вояка, в котором тролль, что прибежал сюда, издали узнал негодяя Вейна. Тролль затрясся от страха, скрипнул зубками от ненависти, и стремглав бросился к своему засадному местечку.

Добравшись до огромной каменной террасы, где располагались входные дырки, солдаты опустили клетки наземь. Весь белый склон Моховой Горы выше террасы походил на дырчатый срез сыра. Тёмные отверстия казались пустыми.

Часовые тролли успели отступить вглубь горы, до насыпей на первом рубеже обороны. Он располагался в первых пещерах, коих насчитывалось больше десятка, необжитых и достаточно больших - для эльфов и троллей, конечно. В каждую пещеру с поверхности вело пять шесть ходов, пересекаясь меж собой, а дальше, вглубь Моховой Горы, из каждой пещеры уходил всего один или два хода. Этот второй рубеж был куда серьезней первого, да и насыпи повыше - за ними и укрылась большая часть сторожевых троллей. Решено было пропускать крыс в первые, нежилые пещеры, а забой их начинать дальше, когда они полезут через вторую линию. Да и то бить только тех, кто повернёт обратно. Пусть лезут, дуры пугливые, хе-хе...- радостно переговаривались тролли в ожидании.

Только несколько наблюдателей оставались у выходов - то и дело они прибегали сюда с новостями. Что эльфы почему-то снуют вокруг кареты, медлят, ждут явно чего-то. Наверное, подкреплений.

Так и было - опоздавшие не могли прибыть раньше из-за дневного света. Первым прилетело радужное облачко из Замкового Сада - все в новеньких кольчужках, сытенькие и весёлые. Чуть погодя - облачко из Лесной Долины - юркие, голодные и злые. После потери Моховой Горы король Ри был вынужден разделить свой народец по частям, потому что в Замковом Саду места хватило лишь ему с

приближёнными. Вскоре прилетел Сосновый Отряд, пропахший хвоей, но основные силы эльфов должны были прибыть позже - из Волчьей Пади, из Синего Ручья, с Радужного Луга, не считая мелких кочевых отрядов Пчелиной Разведки. Терять время было неосторожно, это могло обернуться лишними потерями, и когда король эльфов увидел летящее облачко со стороны Синего Ручья, то решил, что для прорыва первой линии бойцов уже достаточно. Наверняка внутри Моховой часовые подняли тревогу. И король подал знак эльфу, что пора начинать штурм.

Эльф тут же полетел к Вейну, общаться с которым король Ри не мог да и не желал, предоставив эту сомнительную честь своему подданному. Эльф заверещал, что пора бросать в атаку крыс, и Вейн велел солдатам подтащить клетки вплотную к дыркам в горе.

- А мой боевой горн ? Где он?! - завопил эльф, вспомнив тонкий деревянный свисток, которым Вейн звал крыс на кормёжку, и который для эльфа тянул на настоящий боевой горн - дудеть в него приходилось изо всех сил. Вейн достал свистулку, и кинул эльфу, прося не потерять, ведь точно такую же по звуку сделать не получится. Потом, оборотясь к солдатам, дал команду открыть клетки. Железные дверцы заскользили вверх, открывая крысам тёмные норы Моховой. Серые крысиные ручьи с шорохом и писком устремились внутрь горы. Когда клетки опустели, их убрали, и следом за крысами устремились радужные цепочки эльфов. На поляне воцарила странная тишина, которую изредка нарушали грубые голоса солдат.

Поняв, что ожидание может оказаться долгим, Вейн велел разводить костёр, чтобы сварить ужин и готовиться к ночёвке. Повеселевшие солдаты забегали в поисках валежника, провожая взглядом спину Вейна, который отравился вниз, к телегам, за бутылками с горючим. Его без звука отдала бедная Алина, едва негодяй обещал защитить её от эльфов, которых - видишь, целая карета, и все хотят ехать к Моховой на ней, толстой и мягкой, туда и обратно, и бегом заставят. Мерзавец научился так ограбить человека, чтобы тот заплакал от благодарности, как это Алина и сделала, провожая взглядом страшную чёрную карету.

А тем временем внутри Горы дела продвигались успешно - эльфы с крысами сходу взломали не только первую линию обороны, но и вторую, более глубокую линию, которая заканчивалась в трёх пещерах - Чёрной, Громкой и Правой. К ним и вели тоннели первой линии, пещеры которой тролли готовили для забоя продовольствия. Потому пропустили бы гостей без боя, но крыс давно отучили от этикета. Едва первая крыса выскочила на насыпь, часовой тролль с готовностью уступил ей дорогу, и даже меча не вынул, опасаясь напугать. Но толстая, здоровенная - в пояс - крыса оказалась не из пугливых - кинулась не мимо, а на него, преодолев насыпь в три прыжка. Она сбила тролля с ног и вцепилась в голову жёлтыми клыками. Несчастный вскрикнул, голова хрустнула, и он затих. Два тролля чуть далее оцепенели на миг, но тут же кинулись на крысу с поднятыми мечами, вопя и вереща. А по насыпи к ним уже лезли другие крысы, причём задние так напирали, что лезли по спинам передних - настоящий крысиный вал. Они щёлкали клыками, сверкали глазками и возбуждённо визжали, ничуть не испугавшись ни мечей, ни криков. Они слышали глотки куда поздоровее, и пёрли всей массой, злой и голодной. Две первые крысы были рассечены мечами троллей, но прочие смели храбрецов, оставив от них кровавые клочья. Лавина крыс скатывалась в залы первой линии изо всех ходков, и влетевшие следом эльфы застали лишь отдельные очажки сопротивления, где последние тролли, стоя спина к спине, отбивались от нападавших. Эльфы расстреляли их сверху, отравленными стрелами.

Кормёжки в пещерах оказалось крысам на один зуб, и они тут же полезли на насыпи, что вели дальше, в тоннели к пещерам Громкой, Чёрной и Правой, второй линии защиты. Крысиный вал поверх насыпи остановить стрелами было невозможно, и тролли бежали по тоннелям вглубь,

надеясь удержать оборону в пещерах. Тоннели, что вели к ним, часто пересекались, и крысы могли бы изрядно поплутать там, потратив драгоценное время, поэтому эльф с боевым горном устремился над их спинами вперёд, к самому большому, Громкому Залу, и оттуда подал им привычный сигнал. Крысы ринулись на звук горна, глотая слюну, и вскоре штурмовали его насыпи. Они лезли навстречу стрелам по трупам своих собратьев - тролли били в лазы непрерывно, толпясь так, что стрелкам места не хватало - и скатились в пещеру разъяренной окровавленной волной, которая разлетелась по пещере, грозя затопить всех защитников.

Пещера эта - центральная и самая большая - была давно обжита, как и две прочие. Все стена изрыты норками, где жили тролли-охранники, имелись обширные кладовые с вином, мёдом и прочими припасами, а также большой склад оружия. Уцелевшие тролли с разгромленной первой линии, конечно, успели принести тревожную весть о неувязках в мясных заготовках. Эти тролли вопили, тараща глазёнки, о заколдованных крысах и полном разгроме. В Громком зале эхо очень сильное. Все так и присели-подпрыгнули-зажали уши от воплей первого же вестника. Прочие орали не меньше, и потому тролли успели, распахнув склад с оружием, вооружиться всем, что было - стрелами и луками, пиками из вязальных спиц, рогатинами и мечами, ножами и щитами. Может, только из-за громкого эха тролли так сразу и поверили в эту нелепицу о заколдованных крысах, но такая доверчивость помогла троллям Громкого с честью встретить подлого противника. Бой завязался весьма кровавым ещё потому, что запас стрел расхватили до последней - у каждого тролля просто охалка имелась - пусть не отравленных, но острующих. И первые крысы, что скатывались из тоннелей в пещеру, походили на подушки для игл, чуть не на ежей. Тролли били из-за каждого угла, из каждой норки-каморки, и крысиная волна, если и дотягивалась до храбрецов, то издыхающей. А первый влетевший эльф собрал не меньше дюжины стрел - так и брякнулся на крыс. Тролли завопили от радости, уложив его, проклятого, но второй воспользовался этим и мелькнул ловчее - пролетел в зал и закрутил вензеля в воздухе, рассыпая меткие стрелы. За ним - второй, третий - и поток крыс. Долгое время стрельба шла самая отчаянная, и троллям удавалось удерживать пещеру. Свист стрел и щёлканье тугих луков смешивались с предсмертным визгом крыс и троллей. Эльфы умирали молча. Пробитые тяжёлыми стрелами чуть не насквозь, они падали почти также часто, как и тролли со стрелой в голове или в груди - в начале боя. Но их место в воздухе тут же занимали пара влетевших в пещеру крылатых бойцов, вместо убитой крысы в зал скатывалось и вовсе три, а ряды храбрых защитников могла укрепить только слабая надежда на подкрепление. Пока она ещё жила, тролли и в рукопашную с крысами ввязались, когда стали заканчиваться стрелы. От криков терзаемых троллей и визга изрубленных крыс эльфы, уж на что вёрткие, то и дело сталкивались в воздухе. А тролли, что располагались поближе к выходу, и вовсе дрогнули. То один, то другой юркали из укрытий в главный ход, что вёл в Тронный Зал. Те тролли, что были слишком далеко от спасительного тоннеля, кричали вслед, что они трусы, и отстреливались до последней стрелы, а потом, обречённо вереща, падали с мечом в руке под двумя-тремя тушами голодных крыс. Иные храбрецы всё же пробивались к тоннелю, прокладывая дорогу мечом и визгом, но большинство осталось на полу со стрелой в теле. Соппротивление гасло на глазах, пока сразу как-то не закончилось - все защитники были застрелены или растерзаны, и бой затих. Громкая пала.

Однако тяжкие эти потери и геройство троллей не могло пропасть даром - только оно и дало шанс на победу, ибо без него вся масса серых убийц беспрепятственно проскочила бы в Тронный Зал - последнюю линию обороны.

А к этому времени там ещё посмеивался король троллей Бар, вспоминая хитрого тролля, что пытался его обмануть. Вообще, в Тронном Зале царило благодущие и довольство от предстоящей сытной жизни на крысином мясе. Тролли ещё суетились - кто с ловчей сеткой, кто с крючьями для

волочения туш, кто тащил бочонок и прочую продовольственную амуницию. Вокруг короля Бара среди огромного Тронного Зала собралось совсем немного вооружённых троллей. Многие прибегали лишь с разделочными ножами, и их приходилось отсылать вооружаться - король Бар совсем недавно своим Указом признал за правду предстоящее нападение эльфов - следом за отвлекающим крысиным, и этот Указ ещё не разнесли до каждого уха. Из кладовых Тронного Зала выгружали оружие и боевые доспехи - лёгкие кольчужки из чешуи, тяжёлые панцири из рога и шлемы из ореховой скорлупы. Всё это примерялось и подгонялось с шутками и весёлым смехом. Король Бар ждал вестей, но при столь стремительном прорыве первой линии система связи дала сбой, ибо многие гонцы были попросту убиты. Известие о появлении из леса обоза принесли пять гонцов. Весть о появлении эльфов - десять. Тогда-то король Бар и произнёс Указ о нападении, тут же посылая большую часть гонцов собирать всех свободных троллей в закоулках Моховой Горы. Весть о начале нападения принесли всего двое, которые не успели увидеть - что такое разъярённая крыса, а сообщение о взятии первой линии принести было уже некому.

Король благодумствовал, и даже отсутствие вестей его не встревожило. Зная жадность своих подданных, он не сомневался, что гонцы идут докладывать, волоча туши, потому и запаздывают. Так он и думал, пока из тоннеля в Тронный Зал не вбежал тролль. Точнее, он сначала вбежал, но тут, в безопасности, силы оставили его и тролль пошёл. Не прямо, а зигзагом, пока не споткнулся и не упал рожницей вниз. В спине его торчала стрела.

Тролли закричали, что прибыл гонец, и мигом притащили его к королю. Стрелу выдернули из костяных пластин кольчужки, и тут король увидел, что дупло для яда в наконечнике стрелы пусто. Король сразу встревожился, и велел привести раненого в чувство. Показал стрелу советнику Маруку. Если тролль сумел прибежать, то стрела, его поразившая была совсем без яда. Это значило, что её использовали вторично. Она уже попала в цель, истратив яд, а её выдернули, уже пустую, и стрельнули опять. У советника Марука вытянулась рожница. Он не хуже короля понял, что это может значить. Эльф расстрелял весь запас, если приземлился и подобрал использованную стрелу. Причём приземлиться он мог только на спокойной, уже захваченной территории. Поэтому король Бар сразу поверил троллю, когда тот сказал о битве уже в Громкой пещере. Если б не эта пустая стрела, никогда б не поверил.

Король Бар запрыгал от злости. Попрыгав, пришёл в себя и тут же принялся отдавать приказы. Дернули за сигнальную верёвочку, подав сигнал тревоги наивысшей опасности - и все тролли в подземелье, бросив работу, кинулись вооружаться, после чего устремились наверх, в Тронный. В пещеры Правую и Чёрную побежали гонцы, а в Громкую поспешил спешно собранный отряд в тридцать троллей, с приказом задержать эльфов, а крыс рубить на месте, не пропуская. Тоннель в Громкую широкий, и тролли пошли строем, пятеро в ряд, выставив мечи впереди щитов из черепаховых панцирей. К этому времени из Громкой прибежали ещё четверо, кричавших, что Громкая вот-вот падёт - в воздухе всё больше эльфов, а снизу - крыс, хотя их целую гору набили. Яд в стрелах берёт их плохо, выдерживают несколько попаданий.

Король Бар понял, что пора готовиться к битве в Тронном Зале. К счастью, в своё время король принял меры даже на этот невероятный случай. Были завалены все лишние ходы, заготовлен огромный запас стрел - мало того, король Бар попросил совета по обороне Тронного у союзника, более опытного в воинском деле. Тролли на самом деле народ не воинственный, потому что не с кем воевать - все сильнее. Даже с эльфами дело доходило лишь до коротких стычек - эльфы попросту улетали, когда стрелы заканчивались. А оборона Тронного Зала, огромного по размеру, требовала других навыков. Тут за троллями беспорочное преимущество на земле, но эльфы наплюют на него

сверху своими стрелами, и что делать?

Кий лично ознакомился с проблемой, и после общих советов по обороне спросил советника Марука - хорошо ли стреляют тролли? Тот заверил, что хорошо, на что Кий неожиданно посоветовал отучить их как-то попадать в цель. Тогда и только тогда залп с земли непременно собьет вёрткого эльфа. В этом и был ключ к обороне Тронного - стрелять пачками по одной мишени. Тогда перебить всех эльфов - вопрос времени. Оно заработает на троллей. Ведь все стрелы падают вниз. Эльфы обречены.

Король Бар подивился мудрости совета. В самом деле, если двадцать лучников выстрелят точно, они непременно промахнутся, потому что эльф вёрткий. Если стрелы летят вразброс, увернуться некуда. И запретил с той поры учебные стрельбы из лука.

Кий насоветовал ещё много тонкостей воинского ремесла, так что король Бар не сомневался в победе, несмотря на временные успехи противника. Битва в Тронном Зале будет решающей.

Вскоре вернулись гонцы из Правой пещеры, и с радостной вестью - в Правой нападение успешно отбито. Зарублено множество крыс, а полчища эльфов обращены в панический отлёт. Король Бар повеселел, но необходимую поправку в уме сделать не забыл - зарублено с полдюжины крыс, а паратройка эльфов, конечно, убралась обратно при виде численного перевеса троллей. Он ошибся ненамного - в Правой тролли спугнули эльфа-разведчика, а три крысы забрались в Правую потому, что дуры были с детства, и делали всё наоборот. Все крысы в лабиринтах выбирали левую развилку - она была шире, а эти уродки - правую неизвестно почему. Кроме того, эльф всё время подавал сигналы боевым горном, указывая направление, но эти дуры упорно семенили в другую сторону, и получили в Правой, что дуракам и положено - скорый конец.

Вся же масса крысиного войска обрушилась на Громкую и Чёрную. В Громкой серым обжорам не повезло - многих досыта накормили герои-тролли меткими стрелами и острыми мечами, но зато в Чёрной разбойницы разгулялись вволю. Поскольку Чёрная располагалась гораздо дальше, то к ней и полетел со своим свистком испорченный эльф. Вход в Чёрную расширялся издали в виде воронки, поэтому эльф, даже не влетев в пещеру, увидел ничего не подозревавших троллей, занятых только ещё разборкой оружия. Кто надевал кольчугу, кто сетку разворачивал, кто меч нацеплял с геройским видом - все сновали взад и вперёд, и весьма весело. Ни часовых, ни страшной цепи лучников за насыпью - ничего, даже разведку в тоннель не выслали. Поскольку эльф уже совершенно сдурел от общения с двумя негодьями, то мигом сообразил, что делать. Он скомандовал десятку эльфов, что летели следом - делай, как я! И вся группа во главе с маленьким мерзавцем сходу пролетела всю пещеру над головами троллей - и нырнула в противоположный вход, что тянулся к Тронному Залу. Тролли только рты раззявили, и забегали, и закричали, что к оружию! Эльфы прорвались! Но было уже поздно. На свистки эльфа из входа воронки выплеснулась серая волна, живая и свирепая - и началась резня. И какие уж тут ловчие сетки...Троль с такой сеткой в ручонках сразу бросил её и кинулся спасаться, едва посмотрев в оскаленную морду зверюги кабаньего размера. Впрочем, спасения искали все - но находили только смерть. Крысы сбивали с ног, крыс было много - иных несчастных просто разрывали на части. Под жёлтыми клыками кольчуги хрустели, как поджаристые пирожки. Те немногие тролли, что отбивались от крыс, стоя спинами друг к дружке, продержались недолго. Всё было кончено - Чёрная пала.

Дорога в сердце Моховой - Тронный - была открыта, и эльф нагло вознамерился лететь туда, как только крысы нагрызутся доспехами. Однако прилетевший связной эльф, которого он хотел послать за подкреплением, сказал, что это бесполезно - в Громкой большие потери, и всех прибывших эльфов король направляет туда. Пока пещеру не возьмут, о штурме Тронного нечего и думать.

Тут возвратились трое разведчиков, что летали в сторону Тронного Зала - на половине пути наткнулись на гонцов троллей, обменялись стрелами, и повернули докладывать.

Эльф решил воспользоваться этой передышкой, чтобы погеройствовать перед королевой Ри. Велев держать оборону, он полетел к выходу из Моховой Горы.

К этому времени терраса перед ней освещалась тремя кострами, в пламени которых жарились три жирных барашка. Негодяй Вейн предпочитал воевать с комфортом. Он рассказывал какую-то очередную дурость солдатам вокруг, которые пили горячее и закусывали яблоками в ожидании, пока готовится мясо. Эльф пролетел мимо них напрямиком к карете, где целых несколько минут, тая от счастья, докладывал королеве Ри, что Моховая вот-вот падёт от его геройских усилий. Он уже лично взял штурмом пещеру Чёрную, и теперь ждёт, пока остальные захватят Громкую. Он так хвастался и напропалую геройствовал, что король Ри, который танцевал вензеля в воздухе вокруг королевы Ри, не выдержал и перебил эльфа. Король зашипел, что связь у него надёжная, гонцы летают быстрее стрел, и все новости давно известны. Он бы и раньше перебил эльфа, но не мог сделать этого по этикету - король и королева Ри считаются одним целым, и потому эльф вполне мог докладывать королеве, хотя вполне обязан был докладывать королю - наглый какой, и жаль, что тролли так плохо стреляют. Королева Ри, тоже явно тая от счастья, пролепетала что-то невразумительное, и король поторопился отослать эльфа к Вейну, велел вести в бой последние крысиные резервы. Король Ри очень злился. И так всем было известно, что королева Ри подставилась этому проклятому эльфу своей просьбой помочь магистру. А ведь для просьб и существует он, король Ри, потому что испорчен до того, что может и наплевать на ответную просьбу эльфа. А что теперь? Проклятый эльф, исполнив её просьбу, может просить её О ЧЁМ УГОДНО, согласно закону. На королеву Ри король злиться не мог. Она делает, что хочет - на то она и королева. Но король знал, что делать с героями. Ведь главная битва ещё впереди, и уж ему отлично известно, где должен геройствовать герой.

Тут прибыла ещё сотня эльфов, из Волчьей Пади, и когда связной доложил о взятии Громкой, король понял, что пора лететь внутрь Моховой Горы. Он не стал дожидаться, пока две последние клетки с крысами подтащат к лазам. Отдав распоряжения часовым, он устремился следом за эльфами из Волчьей в центральный лаз горы.

А негодник эльф, который болтал с Вейном, тут же бросил это мутное дело и устремился к карете, куда скрылась королева Ри, но навстречу ему вылетел охранный эльф.

- Я не всё доложил Её Величеству.- важно заявил эльф, на что охранник ответил по простому - Вали отсюда. - Он был из связников магистра и общался со всяким сбродом вроде шпионов и послушников, и тоже малость испортился, потому что подумал и добавил ещё матерное ругательство. Эльфу пришлось отвалить обратно к Вейну. Поскольку эльфа переполняло счастье, он повиснул перед рожей верзилы, и похвастался, что говорил с королевой Ри, на что верзила и ухом не повёл. Тогда эльф обозвал его дураком, на что Вейн отчего-то обиделся, хотя обычно на правду не обижался. И обозвал эльфа развратником.

- У королевы свой муж имеется, - сказал Вейн, - а ты к ней клинья подбиваешь, магистр говорил. И ещё нас с Гельдой назвал развратниками? Лети отсюда, боров похотливый, глазёнки бесстыжие - вон, крыс уже к горе подтащили, такой-сякой..-

Правда кому хочешь настроение испортит, даже эльфу, и он заорал, что королева Ри первая выпила волшебного зелья, и только тогда он свихнулся, и начал эти, как их, клинья...

- Ага, королева виновата. Как тебя воздух держит, такого наглого развратника? - сказал Вейн под

гогот солдат.- И как такое король ваш терпит? Наш бы давно тебя повесил.-

Эльф обозлился, и сказал, что все короли одинаковы. Пусть Вейн не беспокоится. Основная битва впереди, и уж король найдёт ему место, стрелы собирать.

- Ты сам напросился. - сказал Вейн.- Умным считал, а ты дурак похлеще меня.-

- Ну и пусть дурак.- сказал эльф, выписывая злобные вензеля перед рожей верзилы.- Эльфы знают, что такое любовь. Когда я подохну за королеву Ри, каждый эльф заболит от зависти. Тебе не понять, потому что вы, люди, смешали размножение и любовь. Вы вонючки, размножаетесь со своими вонючками при любом удобном случае. Где тебе понять, если твоя Гельда так воняет, что свет меркнет, а ты и не чуешь. Ты меньше воняешь. Хотя тоже вонючка, и дурак ещё.-

Подлый эльф знал уже, как достать человека, и он таки достал. Вейн так обиделся за Гельду, что слов не нашёл, и даже стакан с горючим поставил. И только сопел, весь в обиде, а эльф летал, любуясь на его поганую рожу, и ему всё больше хорошело, аж про крыс забыл.

Но плохо ещё эльф узнал этого негодяя - тот готовил достойный ответ. Эльфы произошли от пчёл, и размножаются так же. А именно - когда королева захочет этого. Поскольку эльфы вечны, не знают ни болезни, ни смерти от старости, то королева редко этого хочет - лишь когда слишком мало становится подданных. И её избранник, естественно, жизнь готов положить за такой шанс. Такие избранники у пчёл зовутся трутнями, но Вейн не стал обзывать эльфа. Это неправда. Эльф не трутень, и огонь прошёл, и кирпичом испытан. Эльфа можно понять. И когда Вейн его понял, то нашёл и способ отомстить - дурацкий, поскольку дураком был.

- А не умрёшь ты, гад, за королеву, - мстительно сказал негодяй.- Ишь, губы раскатал. На! Держи волшебный щит, стрелы собирать. Ни одна не достанет.-

И скорый на всякую подлую придумку, Вейн выплеснул горючее и протянул эльфу пустой стакан. Тот был выточен из цельного куска горного хрусталя, с вензелем магистра. Гельда уворовала его недавно - старательная девочка, всё в семью - но дурень и не подумал об этом.

- Залазь внутрь.- сказал Вейн.- Стакан тоненький, ты поднимешь, если головой в стенку упрёшься.-

И поставил стакан наземь. Эльф молчал. Из-за особенности зрения он видел лишь слабый отпечаток ладони, тающий в воздухе. Король тоже не увидит стакана. Это шанс. Эльф спикировал вниз, но стакан уже остыл, и расчёт сплывал - эльф врезался в стакан головёнкой и брякнулся оземь. Солдаты радостно заржали, но эльф тут же вскочил и запрыгнул в стакан. Он примерился, согнулся, упёрся - крылья сверху, свободны - и взлетел. Было неудобно, однако вполне терпимо - стакан и впрямь не тяжёлый. Эльф покружил, всё примериваясь, а примеряясь совсем, вместо благодарности ещё раз назвал Вейна дураком и мерзавцем, и улетел следом за крысами в Моховую Гору.

- И тебе спасибо.- пробурчал Вейн. Он знал, что это единственная благодарность, на которую идут эльфы по отношению людей - сказать им правду. Если эльф хочет оскорбить человека, то поблагодарит - и покажет этим, что вовсе не ожидал ничего хорошего от такого дерьма. Люди всегда благодарят друг дружку. Они давно не общались с эльфами.

А эльф вскоре обогнал стаю крыс из резервных клеток. Правда, стакан есть стакан, и на крутых поворотах эльфа заносило, стучало и глушило звоном. Когда он прилетел в Громкую, там эльфы даже на полу стояли - настолько теснились в воздухе. Увидев эльфа, король Ри тут же скомандовал лететь в Тронный Зал, и атаковать, не дожидаясь крыс резерва. Важно помешать троллям выстроиться в

боевой порядок. А они уже строятся, по докладу разведчиков.

Громкая Пещера мигом опустела, только эльф со своей дудкой и остался, если не считать кучи мертвецов. Эльф принялся дудеть, или свистеть, и крысы не заставили себя ждать. Первый же крыс-разведчик, что скатился в Громкую, увидев дудящего эльфа, сходу попытался его сцапать, но только звякнул клыками о стекло. Эльф присел в стакане, продолжая горнить. Когда крыс догадался, в чём дело, то решительно встал на задние лапы и заглянул в стакан, и за догадливость так получил горном по носу, что взвизгнул, отпрыгнул, и решил поискать добычу полегче. Эльф знал, как обращаться с подчиненными. Нос - слабое место у его бойцов. Но Вейн так им головы задурил, что крысы ещё подумал, прежде чем отойти - приучили, что с обедом надо обязательно разодраться. Только разведчик нехотя пристроился к какому-то мёртвому троллю, как в зал хлынули злые и голодные крысы резерва. Эльф сразу взлетел - сметут толпой, сразу кидаются на живую добычу. Он влетел в тоннель, и вскоре взмыл под своды Тронного Зала, где было тесно от стрел и эльфов.

Не зря полегли герои в Громкой - король Бар успел подготовиться к битве. Тролли выстроили две толстые линии поперёк Тронного Зала, одна за другой. В первой шеренге каждой линии - мечи и копья за щитами, а позади - три цепи лучников. За этими линиями выстроились три "черепахи" - так эльфы называли оборонное построение троллей, походившее сверху на огромную черепаху - сплошь прикрытое щитами, как пластинками панциря, а сквозь щели панциря вылетает рой метких стрел.

Королю Ри очень не понравилось такое построение. Атаки сверху не принесут ничего, кроме потерь. "Черепаху" можно разбить "клином" - не менее действенным построением в воздухе, но две передние фаланги расстреляют снизу любой пролетающий над ними "клин". Оставалось одно - разнести эти две передние фаланги, невзирая на потери.

Когда влетел эльф, атаки эльфов слились в одну. Шум и визг стояли невообразимые, но эльф почти ничего не услышал, и так глушенный хрустальным звоном на каждом повороте. Эльф ухитрился изогнуться по-змеиному, выставить трубу наружу и дудеть, не роняя стакана. Вскоре он один остался над войском троллей, потому что атаки эльфов под перекрёстным расстрелом с "черепах" рассыпались одна за другой, и постепенно эльфы ушмыгнули в безопасное место - к стене против войска троллей, у входов. Атаки не помогли, потому что разведка ошиблась, приняв две фаланги троллей за обычные. Но они оказались очень длинными "черепахами", где и задняя шеренга прикрывалась щитами, и потому разметать их стрелами не удалось. Лучники, укрытые в середине, словно под двускатной крышей, били в щели почти в упор, но уж сбоку - от "черепах" - стрелы летели просто тучей. Перекрёстный обстрел оказался чересчур силён - эльфы лишь метались, уворачиваясь, но падали один за другим. Конечно, эльфы вёрткие, и даже от стрелы в упор могут уйти, но от стрел сбоку-сзади увернуться не удавалось. Тронный Зал широк и высок, но тролли доставали даже самых высотных эльфов залпами с "черепах" - особенно первым досталось, разведчикам. Да, "черепахи" били зло и метко на удивление - разведчики падали на пол один за другим, пробитые насквозь тяжёлыми стрелами. Первым стрелял наводчик - тонкой серебряной стрелой, указывая цель, - а спустя миг к эльфу мчалась целая стая стрел, и редкому удавалось увернуться от залпа, отделавшись лишь пробитыми крылышками.

Увидев, что эльфы отлетели к стене, едва досягаемой для стрел, тролли радостно заверещали, и принялись добивать упавших эльфов. У самих потерь почти не было. Король Бар, стоявший в самой большой, центральной "черепахе", завопил - Победа близко! Вперёд, храбрые тролли! - и войско троллей в прежнем порядке неторопливо двинулось вперёд, держа строй и равнение, плотно укрытое щитами. Такое наступление неизбежно вытеснило бы эльфов из Тронного Зала - или из жизни. Победа казалась неминуемой, тем более, в горячке боя тролли как-то позабыли крыс. Меж

тем эльф над их головами упорно горнил, оглохший от ударов стрел в дно стакана, оупевший, усталый от тяжести, но звал подмогу - и подмога хлынула, наконец, в два ручья из двух ходков. Две серые живые волны слились в одну и ударили в переднюю фалангу троллей, от центра до левого края. Тролли заверещали, громко затопали ножками, надеясь отпугнуть набегающих крыс, но те оказались крепки на испуг. Разъярённые толстые твари, брызгая голодной слюной, так дружно накинулись, что буквально смели первую фалангу - они броском сбивали с ног и грызли даже железо. В кровавой бойне быстро стихли вопли, фаланга растворилась в крысах, а уцелевшие тролли кинулись к своим.. Тролли второй фаланги при виде такого разора перестроились - вторая шеренга лучников за щитами присела на колено, третья стояла, щели меж щитами расширили - это позволяло усилить стрельбу вдвое. Отдельных крыс, что преследовали беглецов, удары многих стрел аж назад отбрасывали, но крыс набегало больше и больше, да и эльфы поддерживали атаку стрелами, и потому добежавшие отдельные крысы начали вламываться в фалангу. Добежать могли лишь совершенно чокнутые крысы - вцепившись в кого-то и крутясь под ударами мечей, они быстро погибали, и тут эльфы неожиданно густо сыпанули над спинами серых союзников в атаку. Залпы с "черепах" заставили их взмыть вверх и вернуться к стене, но атака отвлекла и позволила основной массе уцелевших крыс добежать до второй фаланги. Их напор заставил фалангу пятиться, перемалывая крыс и оставляя мёртвых троллей, места которых тут же занимали товарищи из задних рядов. Фаланга трещала, изгибалась и местами рвалась, но тролли продолжали упорно отбиваться. Эльфы подняли бешеную стрельбу с виражей. Их стрелы тоже трепали фалангу, занятую битвой с треклятыми серыми тварями, и тролли, неся потери, начали отступать. Фаланга истончилась местами до одного бойца, дрожала и ломалась, пока как-то сразу не растаяла, улизнув к своим последними каплями воинов. Но и крысам победа не даром далась - бойцов среди них почти не осталось. Основная масса серых убийц выбита, а оставшиеся так изранены, что всю злобу растеряли - расползались подышать или раны зализывать.

Стойкость славной фаланги позволило королю Барру перестроить своё войско. Для этого пришлось отступить к стене, к выходам. Две крайние " черепахи" по команде выступили вперёд, сомкнулись и растянулись, образовав толстую дуговую фалангу от стены до стены. За ней почти вплотную стояла "черепаха" с королём Баром. Два выхода позади "черепахи" круто вели вниз, глубоко в гору, в места раскопок - там хранилось золото и имелось множество обжитых помещений. Внизу оставались и лишние пока тролли - боевой резерв, а также запасы стрел и прочего оружия. При подпитке резервами из глубин горы "черепаха" вполне реально могла отбивать воздушные атаки эльфов - до тех пор, пока будет некому атаковать. Король Бар послал вниз гонцов и начал громко ободрять подданных, обещая скорую подмогу и неизбежную победу. Нужна лишь стойкость, без крыс эльфы не смогут нас взять, повторял король. Троллей больше, победы за нами, мы выстоим! Такие призывы весьма подняли боевой дух - тролли подпрыгивали и вопили угрозы, тем более, что установилось затишье - после уничтожения второй фаланги эльфы прекратили атаки, принявшись подбирать своих раненых, стрелы, и просто кружить в воздухе в ожидании приказов короля Ри.

Тот находился у противоположной от троллей стены Тронного Зала - висел почти на месте, напряжённо прикидывая, как и чем быстрее разбить противника. Неизвестно, чего бы он надумал, не попадись на глаза обидчик, испорченный эльф. Тот прыгал на полу снизу, собирая в колчан стрелы. Король Ри огорчился, что эльф ещё жив, но тут же обрадовался, что это ненадолго. Велев гонцу позвать его, он важно изложил эльфу свой план атаки Большим Клином, честь возглавить который король может оказать только такому герою. Большой Клин отличался от обычного лишь размерами - в Большом собирались все эльфы, и удар его мог быть решающим. При везении, конечно. А при невезении обернуться огромными потерями. Это зависело от того, сколько залпов выдержат

передние щиты. Вообще-то король склонялся к мысли послать за копьями из вязальных спиц, запас которых лежал в карете пока невооружённым. Копья могли застрять в щитах троллей, но могли и не застрять, но уж при атаке Большим Клином эльфа точно убьют. Это решило дело - король приказал строить Большой Клин.

Вначале подняли в воздух несколько щитов, подобранных с земли. Каждый удерживало четыре эльфа на длинных копьях. К радости короля, эльф отказался взять личный щит. Он презрительно отмахнулся. И стремительно слетел вниз, на пол. Там странно как-то изогнулся, затем взлетел тяжело и медленно, как гружённый мёдом. К нему сверху немедленно пристроились эльфы, вначале в виде роя. Поднявшись под своды Тронного Зала, рой вытянулся в круглый клин, направленный остриём вниз. Этот клин и двинулся к стене, где стояли тролли, набирая скорость. Шести щитов снизу хватило, чтобы уберечь эльфов от дальних стрел, но на половине пути в них ударил первый слитный залп, который выбил передний щит. Второй залп смёл остальные, но Большой Клин уже падал на "черепаху" троллей. Третий залп - почти в упор - вдарил основной массой стрел прямо в невидимый стакан - только брызги веером, да страшный звон - и эльфы упали на щиты "черепахи" с боевым визгом и сверканьем мечей. Побитый стеклом эльф от дикого удара по стакану и от грома малость поплыл головёнкой - и взмыл под потолок, ничего не соображая. Это наверняка сохранило ему жизнь, потому что тролли из дуги-фаланги перед "черепахой" открыли бешеную настильную стрельбу чуть выше её щитов. Эльфы не выдержали этого убийственного обстрела и тут же взлетели, оставляя убитых. Но и "черепаха" от удара едва лапы не откинула. Каждый упавший на её щиты эльф успел ударить меж ними два-три раза остриём мечом, и потому половина троллей либо вопила от ран, либо тихо лежала.

Король Ри оценил потери, и задумался было, но тут увидел испорченного эльфа целым и невредимым, и решил повторить удар Большим Клином. И рот уже открыл, приказ отдать, но тут случилась небольшая неприятность, которая не позволила этого сделать. Тяжёлая стрела, смазанная ядом рогатой жабы, насквозь прошила Его Величество, и он камнем упал вниз. Тролль, что терпеливо сидел в своей тайной пещерке на стене Тронного Зала, дождался-таки удобного момента, чтобы послать эту меткую стрелу. Убежище его располагалось чуть не под сводами - обзор отличный, и тролль сразу выделил зелёное пятнышко среди прочих, весьма разнообразных по цвету. Зелёное пятнышко носилось по залу, иногда пролетая совсем рядом, но тролль осторожничал, ждал верного шанса. О ходе битвы тролль мог судить только по шуму, но понять, кто одолевает, пока не мог - все орало одинаково громко. Чтобы увидеть поле боя, требовалось высунуть нос из норки - и тут его и отстреляют. Тролль придушил любопытство, и предпочёл следить только за зелёной кольчужкой короля. И когда она повисла на месте в пределах точного выстрела, тролль быстро поднял свой лук, прицелился мгновенно - и выстрелил, успев увидеть, как бросило вперёд пробитого стрелой эльфа в зелёном. Отбросив лук, тролль шмыгнул вниз по стене, к спасительному лазу, да так быстро, что очутился на полу раньше, чем брякнулся убитый король Ри.

Смерть своего короля эльфы заметили не сразу. Те, кто замечал, переставали вопить и мельтешить, и шум начал стихать, пока на Тронный Зал тяжёлой глыбой не упала странная тишина - тролли тоже замолкли, настороженные поведением противника.

Эльфы- существа независимые. От эмоций тоже, поэтому гибель короля не могла их очень уж огорчить или разъярить. Просто без короля сражаться бестолку - без него не победить. Смерть короля во время боя случалась и раньше - две тысячи лет назад, и семь тысяч лет, но тогда рядом находилась королева Ри, а теперь её тут не было. Бой потому затих, но глазастые тролли углядели, как в тоннель унесли какого-то эльфа, явно убитого, мигом сообразили все странности, и поле боя взорвалось от

воплей - Победа!!! Король Ри мёртв!!!

Сбросив разбитый шлем, король Барр сорвал с советника Марука целый, нахлобучил на головёнку, и громогласно заверещал, приказывая троллям перестроиться. Если до прибытия королевы Ри успеть вытеснить эльфов из Тронного, победа в кармане. Большая "черепаха" распалась на две поменьше, а дуговая - на три совсем небольших. Все пять черепах двинулись вперёд, то и дело вставая для залпа - эльфы заметались, осыпая "черепахи" стрелами. Победа ускользала из рук с каждым новым троллем, что выскакивали из ходков позади "черепах", выстраиваясь в шестую.

В это время испорченный эльф стремглав летел следом за теми, кто уносил короля Ри. Он знал, как командует королева Ри. Мелочами вроде потерь королева голову не засоряла. Если раньше не кончатся эльфы, Тронный будет обязательно взят.

Он успел вовремя. Королева как раз собиралась облачиться в зелёную кольчужку, взятую из гардеробной шкатулки. Кстати, эльфы, что висели у кареты, мигом расступились и пропустили его внутрь, хотя такое нарушение этикета прежде было немыслимо. Просто эльфам показалось, что лететь в бой за мудрым королём как-то веселее, чем за безжалостной королевой. Конечно, королева Ри могла избрать новым королём кого угодно, но эльфы давно знали, кого выберет королева Ри.

Влетев внутрь, эльф заполошно заверещал, чтобы королева одумалась, и что воевать - не её королевское дело, и тут же нагло отнял зелёную кольчужку.

- Ты жив! - воскликнула королева Ри. Окончательно обнаглев, эльф надел на себя зелёную кольчужку короля, и только тут королева вспомнила про законы эльфов. - Я должна тебе одну просьбу.- пролепетала королева.- Теперь, когда король Ри умер, я могу её исполнить.-

- Возьми меня новым королём!!! - завопил вне себя от счастья испорченный эльф, даже не вспомнив советы подлеца Вейна, который рассудил, что эльфу лучше всего просить, чтобы королева его всегда слушалась. Она так и сделает. Всё равно и без просьбы изберёт королём. Но этот эльф такой крепкий попался, что даже дураки его до конца не испортили - потому и истратил драгоценную просьбу попусту. Просьбы разными бывают. Потому эльфы ничего у людей не просят. Они не эльфы. Просьбы людей всегда смертельны. Но маленький негодяй тут же пожалел о своём дурацком благородстве, услышав в ответ радостное, что конечно, она выбирает его своим королём, и кольчужку королевскую надеть поможет, но воевать они полетят вместе. День сегодня явно не королевский - звёзды плохо висят, а короли падают, как груши с дерева. Вдруг Его Величество поранит злобный тролль?

Эльф призвал всю свою испорченность, доказывая, что тролли почти разбежались. Когда он вылетел из кареты в зелёной кольчужке, связанной эльф доложил - тролли нарастили шестую "черепаху" и вытеснили эльфов из половины Тронного Зала. Запас стрел подходит к концу, хотя подобраны все в местах боёв. Очень скоро наступление троллей нечем будет сдержать.

Эльф понял, что момент критический. Если потерять Тронный Зал, это крах. Вернуть его сил уже не хватит. Эльф ощутил отчаяние. Где взять резервы? И тут он вспомнил про крысу Гельду и её стаю. Так что напрасно пьяный верзила устраивался поудобнее возле погасающего костерка, готовясь прикорнуть до утра - перед его сонной рожей, словно кошмарик, снова повис эльф - теперь в зелёной кольчужке, и завопил, что - Вейн! Пускай в бой Гельду! Ты получишь всё золото троллей!!! Его там немеряно и неслитано!!!

На что злодей, ничего спяну не поняв, удивился :- Зачем тебе Гельда? Я друзей не продаю. Кстати,

когда домой ехать? Гору-то взяли? Холодно что-то...- долго ещё мог бы бормотать пьяный болтун, но эльф вдруг подлетел к самому уху и тихо сказал: - Вейн, я прошу тебя. Пожалуйста.-

Вейн вздрогнул и протрезвел. Ещё никогда эльф ни о чём его не просил - только орал и требовал, подгонял и заставлял со скандалом. Эльфы вообще считают людей за говорящую грязь. Эльф может попросить только равного ему, эльфа. Потрясённый Вейн раскрыл рот, протрезвел ещё больше, и ответил, что ладно, бери Гельду. Если это не Знак Божий, тогда что это?

Но вскоре негодяй опомнился, и принялся ныть, чтобы эльф не поранил бедняжку, и берёт её, как последнюю крысу, и даже посетовал на неправильно устроенный мир, где бедных крысок обижают все, кому не лень. А когда Гельда со своей голодной сворой, играя буграми мышц, исчезла в недрах горы, Вейн в тяжёлом предчувствии и вовсе расклеился. Он выпил последний стакан горячего, и долго горевал, называя себя предателем и вновь пеняя на подлый мир, где предают только своих друзей, потому что продать некого больше.

Увидев в Тронном Зале вместо страшной королевы Ри своего нового короля, все эльфы завопили - Да здравствует король Ри! - и такие вензеля на радостях закрутили, что король троллей Барр отдал приказ переходить к обороне. Он почуял неладное. Тролли быстро отступили, развернув свою дугу вокруг королевской "черепахи". И дуга оказалась вдвое толще, и "черепаха" явно выросла. Король Бар завопил, что осталось отбить последнюю атаку - и вперёд, к победе, троллей не удержать!

Эльфы принесли тяжёлые связки копий, а новый король эльфов снова затрубил в свой рог. Копий тролли не напугались - щиты усилены, выдержат, а на эльфову свистульку и вовсе заревели, что эльфам конец, пусть попробуют сунуться. По приказу нового короля эльфы устроили в воздухе карусель во всю ширину зала, с разлёта швыряя копья в "черепаху" - только гул стоял - но тролли не дрогнули. "Черепаха" быстро нарастила щетину из копий, торчащих в щитах, и превратилась в ежа. Потерь среди троллей почти не было, если не считать главной - потери манёвра. С этими копьями, крепко всажёнными в щиты, уже не перестроишься, ну никак. Конечно, будь время, от торчащих копий непременно бы избавились, но сколько может судьба баловать троллей? Лёгкая тревога в душах воинов начала расти, когда из тоннелей снова показались крысы. И она росла всё быстрее с их приближением. Вопить и пугать их никому не пришлось в голову - уж очень свирепый, забубённый и размашистый видок имели эти крысы. Эти чудища имели размеры повыше иных троллей, да и клыки уж не короче их мечей. "Черепаха" как-то сама по себе принялась вдавливать в выходы позади. Дуга-фаланга посыпала стрелы, но попадания лишь вконец разъярили и без того злобных и дурных тварей. От удара стаи во главе с великаншей Гельдой - утыканной стрелами и остервенелой, - тролли покатались, как кегли. И пошла резня клыками, и расстрел с воздуха стрелами. Тролли из дуги защищались отчаянно. В Гельду вонзилось не меньше десятка мечей, но она ухитрилась, страшно вереща и в последних конвульсиях, ещё тролля перекусить, вдогон к тому десятку, что уже задрала и двум десяткам, что перекалечила. Крысиная стая разметала центр фаланги, но залатать брешь троллям не удалось - они были скованы щетиной копий. Тролли могли только выдавливать в спасительные проходы, бросая щиты, и "черепаха" усыхала просто на глазах. Напрасно король Бар пытался остановить трусов, визжа, что крыс мало, что победа близко. А когда метко брошенное копьё пробilo его грудь, сопротивление сразу погасло. Тролли кинулись спасаться. Из "черепахи" убежали почти все, а из дуги мало кто уцелел - эльфы безжалостно рубили и расстреливали всех, кто шевелился.

Поле боя осталось за эльфами, и между стен Тронного Зала заметался их дружный радостный вопль - Победа!!! Слава королеве Ри!!!

Родная Моховая Гора была возвращена, наконец, её исконным хозяевам. Хотя троллей внизу оставалось достаточно много, все знали, что в круто ведущих вниз ходках можно только отступить ещё ниже под градом камней, которые и похоронят всех заживо.

Эльфы никого не преследовали, да и радовались недолго. Эльфы не тролли, которые пьянствовали бы три дня, одержи они победу. А эльфы побросали лишнюю воинскую амуницию, и занялись уборкой жилища от всякого мусора вроде мертвецов. Королева Ри должна жить в подобающей чистоте. Новый король едва успевал распоряжаться - какие ходы запечатать, какие расчистить, и прочее. Поскольку все указы прежнего короля Ри оказались в его воле, эльфу приходилось подтверждать их, отменять, или поправлять. Так, прежний Указ "хороший тролль - это мёртвый тролль", из-за нехватки рабочих рук эльфу пришлось подправить, сделав прибавление - "а также пленный тролль, который помогает эльфам убирать мусор из Моховой Горы". Связные эльфы тут же принялись вопить поправку во все щели и норы, и оттуда тараканами полезли повеселевшие пленные тролли. Они горячо одобряли новый Указ, гневно осуждали ещё непленных лентяев, и тут же принимались за работу. Один уже хороший тролль так обнаглел, что посоветовал новому королю Ри не выволакивать мёртвых крыс наружу, а сбрасывать для быстроты в нижние галереи, но эльф и ухом не повёл на бормотания всякого дерьма снизу. Любо́й другой Его Величество прислушался бы к дельному совету, но этот эльф, испорченный людьми, почему-то не смог сбросить, как попало, славных крыс. К тому же это солдаты Вейна - пусть и делает с ними, что хочет, хоть съест. Потому эльф велел тащить всех крыс на выход - та ещё работёнка. Со своими покойниками легче - эльфы не признавали их за что-то ценное, и спихивали вместе с мёртвыми троллями в наклонные штольни, а потом засыпали камешками.

А Вейн, потрясённый до глубины дурной души, выложил трупки рядами, и долго бродил вдоль них, шатаясь и всхлипывая о бедных, бедных крысиках, загубленных злыми эльфами. И как так можно всех поубивать, и что творится на белом свете, и это явный Знак Божий, что будет ещё хуже. Если б это горе увидел Сэм, то сразу бы согласился салом пятки смазывать. Солдаты, что бродили следом, тоже имели угрюмые рожи, находя своих любимцев и любимчиков покрытыми кровавой коростой от ран. Прожженные наёмники были потрясены, и поглядывали на эльфов с явной неприветливостью. Когда же тролли, пыхтя, еле вытолкнули наружу тушу Гельды, верзила с горя так и сел. Пьяные слёзы просто ручьём побежали, и дурак так горестно взвыл, что даже испорченному эльфу стало тошно. Он прилетел полюбезничать со своей драгоценной королевой, и обрадовать, что покои вот-вот приготовят, а тут Вейн внизу ползает, печальный такой, и укоряет, что эльф убийца и негодяй. Раньше эльф и не подумал бы слушать, чего там всякое дерьмо воняет, но теперь эльф не мог считать Вейна дерьмом. Поскольку эльф задолжал просьбу, негодяя приходилось считать ровней эльфу. Для полного равенства требовался Указ, как это было с принцессой Кристи, но эльф ещё не совсем рехнулся, такие Указы издавать. Но объяснить свои нехорошие поступки, в коих обвинял верзила, эльф был просто обязан, по всем их законам. И эльф, слетев на уровень уха, проверещал, что так и получается, как воет верзила - "отдал роднульку на растерзание", но эльф не виноват, раз крыса Гельда дура набитая - так и кинулась на мечи и стрелы, позабыв Вейна и его наставления. А тот сколько раз говорил - и не одной ей, а всем крысам - что умный должен первым делом уцелеть. А Гельда и не подумала дезертировать. Вейн слишком её заколдовал, сам виноват, и хватит ныть и плакать, когда Моховую Гору освободили, и королева Ри - вот она, рядышком.

Вейн пригорюнился, но ныть перестал - в словах эльфа была только правда. Ругать себя Вейн не мог - себя он любил, подлец. И всё прощал, как научился у умных людей. И принялся копать братскую могилку, где похоронил всех убиенных крыс, и Гельду с семейством, и обещался над холмиком навещать их, бедолаг, обманутых им вероломно, и просил простить его, потому что он тоже когда-

нибудь подохнет. Он и с детьми обещал навещать, если заведутся, а с внуками не обещал, потому что детей воспитает умными, а какой же умный доверит внука такому дураку.

После возни с могилкой мрачный Вейн велел солдатам быстрее собираться, да и убираться подальше от летающих негодяев. Эльф проводил Вейна до самого леса, летая над головой, и талдычил, что должен Вейну одну просьбу, и пусть тот попросит, чего хочет, но Вейн молчал, разобиженный, посылал эльфа куда подальше, и бухтел, что ничего не хочет от такого мерзавца.

Эльф обиделся и улетел, наконец. И нажаловался королеве Ри, что Вейн ничего не попросил, и тем самым встал на уровень эльфа, только Указ осталось издать. Как такое может быть, если Вейн ни вблизи, ни издали на эльфа не похож, а похож на обычного дурня. Но мудрая королева отсоветовала издавать такой Указ. Она сказала, что все люди одинаковы, и Вейн ещё не придумал, чего бы такое потяжелее попросить. Когда придумает, то вернётся, и королева заранее скорбит, ибо эльф умрёт, если не сможет выполнить просьбу.

Эльф, успокоенный словами королевы, напомнил, что Вейн дурак. Только потому эльф и подставился просьбой в разгар сражения. Дурак - это не обычное человеческое дерьмо, которое ничего не делает задаром. Дураки так или иначе связаны с Бесконечностью, и потому легко забывают долги, свои и чужие. А свою дурость вообще раздарить готовы. Умные их потому и убивают, как убили Главного Дурака, про которого говорил Вейн - Христа. И эльф с беспокойством чувствует, что Вейн НИЧЕГО НИКОГДА НЕ ПОПРОСИТ.

Королева Ри при этих словах едва не окаменела. Так эльфов ещё никто не оскорблял за всю мировую историю. Это хуже, чем смерть возлюбленного. Это означает, что люди не ниже эльфов. А значит, тоже вечны, а не временны. Но тогда именно им принадлежит этот мир, а вовсе не эльфам, потому что люди сильнее. Дрожащим голосом королева Ри сказала, что Вейн обязательно вернётся и что-то попросит. Иначе что-то будет. Может быть, вообще конец света.

Эльф согласился только из любви к королеве, ибо в глубине души был уверен в другом. Вейн выкинул из головы мысли об эльфе и какой-то просьбе - зачем это дураку Вейну? Эльф с трудом мирился с таким оскорблением.

Однако веру в правильное мироустройство, где дерьмо все, кто не эльфы, ему скоро вернули, да так, эльф брякнулся на пол рядом с подлым троллем, который оказался куда умней мерзавца Вейна. Пока эльф наверху крутился да кручинился, в недрах Моховой Горы среди моря скорби и страха один только тролль сиял от счастья до того, что чуть не светился. Он держал речь у ворот Главного Золотого Хранилища перед троллями, что заполнили все подступы к пещере. Не находишь у Хранилища усиленного отряда часовых, золото бы уже растаскивали все. Хотя унести его из Моховой невозможно - все выходы под контролем эльфов - но тролли всё одно растащили б его и попрятали. Так уж они устроены, храбрые тролли - и шкуркой бы рискнули, хотя только и оставалось, что спасать её. Однако охранники Хранилища выставили копья и никак не хотели верить, что король Барр убит, тролли разгромлены и всё вообще пропало. В разгар скандала и вылез на возвышение весёлый тролль, и завопил, что никто не верил в его предсказания о заколдованных крысах, но ему было наплевать, потому что ещё многое предвидел, но промолчал из скромности. Теперь пришло время открыть пророчество. На самом деле они, тролли - победили эльфов, но не догадываются об этом. Победили потому, что появился он, единственный честный тролль на белом свете, тролль королевской породы, в котором возродился Дух благородного рода Чёрных Троллей, сгоревших в Великой Огненной Войне. Эльфы сразу это признают, едва глянув на него, ибо тоже происходят от Чёрных Троллей. Ну, в горячке могут с первого и не признать, если честно, однако со второго взгляда

точно признают в нём брата, а не дерьмо, как все прочие тролли, мелкие врунишки и жалкие подлецы. Его признают за настоящего короля троллей, с уважением вернут брату половину Моховой Горы, и всё золото в Хранилище тоже отдадут - это моё золото, понятно? Вот он я перед вами, ваш новый король. Настоящий, много претерпевший от прежнего, фальшивого короля Барра, который за это предсказание убил бы на месте. Кто не согласен с этим, может уматывать отсюда, под стрелы эльфов.

Тролли притихли. Они смотрели в лживую рожицу тролля, в его бессовестные глазёнки, тщетно выискивая честность и благородные черты, однако никто не осмелился обсмеять тролля и назвать вруном. Все помнили, как тролль орал всем и каждому о грядущей Красной Терре - и она грянула. Весь пол в Тронном Зале липкий от крови. И о крысах заколдованных вопил. Оказались и впрямь такими заколдованными, что дальше некуда. Конечно, и сейчас ему не верили, и такая невероятная наглость в предсказании - и впрямь королевского размера - просто ошарашила всех. Но все делали вид, что вроде поверили, потому что были настоящими троллями, подлыми и хитрыми. Да и деваться всё равно некуда. Лучше обождать со штурмом золотого запаса, убедившись, что эльфы убьют за такую ложь наглого тролля. Ведь каждому троллю хорошо известно, что правда - это всегда ложь. Этот наглец наврал так, что поверить невозможно - именно поэтому его враки могут оказаться и правдой.

С десяток самых храбрых решили оправиться наверх с троллем, посмотреть - что получится. Впрочем, эти были, скорее, самыми трусливыми троллями, потому что Указ о хороших троллях уже всем был известен, и они ничем не рисковали. Если б не золото, все давно бы поздавались - это самый безопасный способ уйти из Моховой. И вскоре храбрецы во главе с троллем выползли из норы в Тронном Зале, вопя, что они хорошие тролли. Налетевшему эльфу, который собирался показать участок для уборки, тролль заявил, что он - новый король Барр, и просит о встрече короля Ри. Эльф на мгновение замер в воздухе. Он был испорченным, из связников магистра, и потому какое-то мгновение боролся с желанием треснуть с разлёту нахального тролля, не желающего работать, хотя король троллей - дело короля эльфов, а вовсе не его. Кстати, если б покойный король Барр выделялся как-то среди рядовых бойцов - его б и пальцем не тронули, и убили просто по ошибке. Король Бар даже эльфам не верил.

Эльф пересилил себя, и стремглав улетел с известим, и вскоре к ним спикировал король Ри. Он хотел с помощью нового короля Барра быстрее очистить Моховую от мусора, а потом - и от мусорщиков, и только, но при виде радостной и такой знакомой рожицы король Ри так и плюхнулся на землю. Эльф вспомнил все обещания этому типу. Тролль заулыбался ещё шире, и вскричал, что очень рад видеть и приветствовать Ваше Величество. Так рад, что и не представить.

Эльф закричал. Он не мог врать про радость, как подлый тролль. Но сквозь зубки и нехотя, а пришлось тоже пожелать здравствовать новому королю Бару. И на Тронный Зал обрушилась мёртвая-мёртвая тишина. Все эльфы замерли в воздухе, не веря своим ушам, а тролли позади своего короля так просто упали, едва услышав, что король эльфов вообще ответил на приветствие. А когда осознали, что тот пожелал здравствовать, тоже перестали верить своим ушам.

Тролль ухитрился заулыбаться ещё шире, хотя шире вроде некуда, и поспешно сказал, что прежний король Барр был жадина и прохиндей. Он связался с людьми и предал своих братьев эльфов. Он расплатился за это высшей мерой. А вот он, новый король Бар, из совершенно другого теста, и в доказательство предлагает королю Ри принять от него подарок - ровно половину своего золота из Хранилища. Делить, так по братски.

От этих наглых до полного издевательства слов многие эльфы тоже плюхнулись на пол, а уж тролли просто затряслись от ужаса, ибо это золото принадлежало эльфам по праву победителей - разве что напрямую лапу недосуг наложить.

Король Ри вздохнул с облегчением, хотя лучше других знал состав теста, из которого вылеплен этот невероятно хитрый, лживый и подлый тролль - прежний покойник рядом с таким мерзавцем с радостью отдыхает. Но король Ри не хотел, чтобы узнали про обещания, и потому был даже благодарен - тролль настолько подлый, что и не напомнил о них. Зачем? Эльф дал Слово.

И с эдакой мягкой укоризной король Ри ответил, что не может принять подарок, ибо эльфам золото не нужно. И уж не ради золота они тут воевали, а ради справедливости. И пусть потому всё золото останется у короля троллей, тем более, что эльф видит, из какого более другого теста он вылеплен. Конечно, этому золоту и люди могли бы порадоваться, из союзников, но они перебьются - они всего лишь жалкие люди.

Услышав, что союзников-людей король Ри считает НИЖЕ их короля, двое троллей едва не сошли с ума, и сразу уползли вниз, где с плачем и в истерике завопили, что свершилось чудо - родился великий Тролль, который не врёт. Это он потомок Чёрных Троллей, и это признал король Ри! Сбылось древнее пророчество о Великой Битве, после которой тролли станут равны эльфам. Значит, народец троллей спасён, и наступила эра счастья и покоя!

Охрана Золотого Запаса взревела - Да здравствует король! - и ещё твёрже сжала копыта. Прочие тролли тоже подхватили этот вопль, но скорее по привычной хитрости. В древнем пророчестве вряд ли говорилось о прошедшей битве. Там сказано, что тролли и эльфы будут умирать и воскресать бесчисленное множество раз - зачем же эльфы приказали сбрасывать мусор в штольни? Там говорилось, что восстанут мёртвые Чёрные Тролли и будут биться с Чёрными Духами. Это крысы, что ли, Чёрные Тролли? А кто тогда Чёрные Духи? Нет, вопящие гонцы ошиблись, тролли не поверили им, но наверх поспешили. На половине пути в Тронный им попались совсем размочаленные тролли. Полуживые от потрясений, они плакали в три ручья, и лепетали о том, что король Ри и впрямь признал почти за брата их славного, великого спасителя короля Барра. Он ещё величавее, потому что врёт эльфу в глаза всю правду - что все тролли его братья и родные, и потому могут жить в Моховой Горе вместе с эльфами, тоже теперь братьями, выходит. Словом, и впрямь - победа!!!

Когда тролли принялись выпазить изо всех щелей в Тронный Зал, то увидели своих собратьев уже совершенно икающих от слёз, а два короля рядышком мирно прогуливались едва не под ручку, и дружески беседовали, деля Моховую Гору. Король Барр как раз выклянчивал право проходить по Тронному Залу, хоть по краешку, всем троллям. И пользоваться старыми ходами, хотя бы временно, а то новые копать долго. Эльфам уже надоело шлёпаться при каждом новом Указе. Королю виднее - и эльфы занялись своими делами. А король Барр, обернувшись, увидел огромную толпу робких подданных и изволил нахмуриться. А почему это его лентяи до сих пор не помогают благородным братьям эльфам в очистке от мусора нашей Моховой Горы?

Тролли принялись расползаться, а король Барр льстиво сказал королю Ри, что будет счастлив познакомиться со славной королевой Ри, которую король так заботливо оградил от грязной работы по наказанию негодяев, что захватили нашу Моховую Гору. Теперь они все дохлые, остались только хорошие тролли, и воистину удивительно, как мерзкие людишки ухитрились так перессорить два братских народа, что чуть не подрались.

Король эльфов, хотя и сопел недовольно, всё же был вынужден согласиться, что люди всегда

виноваты, поэтому с ними нельзя связываться, как и завещали общие предки, великие Чёрные Эльфы, которых тролли называют Чёрными Троллями. Покойные короли нарушили этот завет - и сполна расплатились за это. Ещё легко отделались, не как в прошлый раз, когда все сгорели в Великой Огненной Войне. Теперь им предстоит вовремя исправить ошибку, чтобы избежать новой Огненной Войны. Для этого надо порвать с людьми. Эльф знает их, как никто - и больших мерзавцев трудно вообразить. У них белое и чёрное, добро и зло - это одно и то же. Как захотят, так и видят. Неудивительно, что Чёрные Эльфы вместе с людьми перепутали жизнь и смерть.

Король троллей живенько согласился, напомнив, что Кия он уже прозорливо продал, он такой. Осталось только магистра продать. И плевать на людей - тут не достанут.

Король эльфов тяжело вздохнул, и сказал, что с радостью бы так и сделал, но договора о союзе эльфы с людьми не заключали. Эльфы не могут, как тролли, плевать на заветы предков. Они просто помогают принцессе Кристи, которая признана Указом равной эльфам. Если магистр считает, что заключил договор с эльфами, это его личное дело. Но он не такой дурак. Он гораздо хитрее. Поэтому придётся пока что работать на этого скользкого магистра, который настолько подл, что даже держит слово и обещания выполняет, как сделал это, отдав приказ о штурме Моховой.

Троль сказал, что тоже людей знает - на чуть-чуть меньше эльфа, если точно не считать. И с радостью бы держался подальше от коварного магистра, но раз договор с ним нельзя разорвать, остается соблюдать его. Если не удастся уговорить принцессу Кристи его разорвать.

На это король Ри только вздохнул, что это уже невозможно. Девчонка настолько испортилась, что пусть немножко, но уже не принадлежит самой себе, незаметно растворяясь в других людях. Понемножку - и в магистре, и в родственниках. Их заботы - немножко и её теперь заботы, а значит, пока не разгромят желтяков - или сами не разгромаются - говорить с ней бесполезно. Хорошо, что на королевство ей пока наплевать. Но сколько эльфы ей не долбили, что война бессмысленна, магистр с родичами настолько её испортили, что ей стала нужна ненужная победа. Люди не вечны, как эльфы. Они вчерашний день свой не помнят. Тем более не помнят, что и тут, и там, и где ни плюнь - везде бились и десять, и сто лет назад, и тысячу, и всегда - войско на войско или один на один. И все визжали с пеной у рта - Всё для победы! И опять вопят. Любой эльф заснёт от скуки. Такая бессмыслица. Ведь все подохнут, хоть с победой, хоть без неё. Как прошлые, что уже сгнили, так и будущие, что ещё не родились. Магистр уже опутал девчонку своими сетями, а она с радостью опуталась, хотя и корчит из себя, что сама по себе и на всех плевать. Но эльфов не обманешь. Её не уговорить.

- Тогда, - сказал король троллей, - раз принцесса такая слюняйка, надо хоть кого разгромить, а для этого побыстрее продать этого хоть кого. Дронов продать сподручней.

Заметив, что эльф нахмурился, троль без запинки продолжил - Но уж желтяков разгромить гораздо почётней. Поэтому я продам и буду продавать желтяков нашему другу магистру почти бесплатно. Лишь бы скорее победа. И тогда мы сможем расплесться с людьми. А пока нельзя ли отдать троллям пещеру Громкую - хотя бы низ. Да и прочие низы в прочих пещерах. Хотя бы временно.

Эльф аж подпрыгнул и возмутился, - за что же воевали тогда, если всё отдавать? На что троль тоже возмутился - действительно, всё отдавать, и зачем тогда воевать было? Только подлостью людей такое и можно объяснить.

После долгих пререканий эльф отдал все низы всех пещер, да и кладовки все, да и прочее, пусть и временно, но в постоянное пользование.

Троль поспешил сбежать под предлогом пересчёта золота, едва только эльфы огласили новый Указ короля. Уж очень король задумчивый сделался. Как бы не передумал. Он же такой испорченный.

Однако он ошибался - эльф оказался испорчен ещё больше, потому что остался доволен неожиданным союзом с троллями. Летя любезничать к своей королеве, эльф даже забеспокоился на миг своей испорченностью, но только на миг. Потом он начал гордиться ею, как и подобает настоящему королю. Ведь только через короля и общалось с внешним изменчивым миром вечное племя эльфов, подставляя его под губительный шквал новостей оттуда. Короля Ри неизменно уважали все эльфы - за то, что вечный эльф добровольно портится от общения с подлым в своей изменчивости миром, рискуя или умереть, или - превратиться в тролля, если не повезёт умереть раньше. Поэтому любой самый дикий Указ короля выполнялся беспрекословно. Он король, ему виднее. Он же испорчен.

Осознав, что он и впрямь настоящий король - убийца, обманщик, подонок и негодяй, эльф страшно загордился тем, что стал таким не потому, что его выбрала королева Ри, а сам по себе, как самородок. Он будет хорошим королём своему народу. И лишь единственная тучка маячила на горизонте радужных перспектив - ответная просьба Вейна. Тучка, которая могла закрыть всё небо смертельной чернотой невыполнимости.

Если б эльф повнимательнее слушал споры дурака с магистром, да ещё на их мысли бы внимание обращал, он бы так не беспокоился. Потому что быстро понял бы - Вейн обречён, приговорён, и чуть ли не стоит уже на эшафоте с петлёй на шее - только пинка не хватает, чтобы повис и ножками задрыгал. После штурма Моховой Горы от Вейна никакой пользы магистру не светило, кроме неприятностей и всякой измены, и потому даже без приказа магистра петля на шее Вейна, образно говоря, сама собой принялась затягиваться. Едва узнав, что крыс на холме больше нет, глава разбойников Лейн поспешил к послушнику Клею. Они долго шипели друг на друга в углу комнаты, пока вдовица готовила сытный завтрак потолстевшему послушнику. Лейн шипел, что никакого приказа магистр не отдаст из-за секретности. Вейн вот-вот в город уедет, и потому гони купчую на гостиницу, и отвернись - с магистром всё сговорено. Послушник шипел, что не убежит гостиница, и нечего спешить, но крыть ему, по сути, было нечем. Послушник колебался только из-за болезни магистра - выздоровеет, и ну как передумает? Шипение Лейна о несчастном случае послушника не удивляло, хотя магистр ничего такого и не говорил из-за вечной секретности. Каждый знает, что положено. Лейну велено передать купчую, как попросит, а Вейна в городе быть не должно - вот и всё, что сказал магистр. Но в словах Лейна о несчастном случае виделся такой родной до слёз почерк магистра, что послушник сразу поверил. Из-за слюнтяйства послушника Вейн ещё целый день смог безнаказанно горевать о своих крысах. Всех молодых крыс, что ещё оставались, он выпустил заботливо в деревне, и ближе к вечеру пошёл в гостиницу, где поплакался Гельде на злых эльфов, и несказанно обрадовал новостью, что собирается ехать в город. Здесь делать нечего, тем более, что все Знаки Божии кричат - Беги, Вейн, беги! Кругом трупы и трупики. Сэма нет, свободы нет, денег нет, все живые ненавидят, а теперь и крыс нет - единственных, кто его любил. От Моховой Горы он и в деревню б не вернулся - сразу в город. Но вернулся, потому что вдруг Гельда не передумала ехать с ним в город?

- Конечно, не передумала! - завопила Гельда, и чуть Вейна с ног не свалила, кинувшись собирать вещи. Собрать быстро не получилось, и она послала Вейна за лошадью и телегой, отвозить добро на холм, в кузню. Послушник Клей застал в гостинице визги вокруг вихря, в который превратилась Гельда. Она металась по комнатам и тащила, что под руку попадало - котлы, горшки, посуду, занавески, полотенца и просто тряпки без названия. На послушника наорала и отняла носовой

платок, что вытащил неосторожно, а на слабые уговоры остаться так глянула, что послушник посторонился с дороги.

Клей махнул рукой, и тоже принялся собираться в город. Сундуков не имелось, и уже через час послушник, сидя на коне у околицы, сунул в жадные руки Лейна пергамент, где говорилось, что король Алан продал гостиницу крестьянину Лейну - с королевскими подписью и печатью. Тут же огрев коня плетью, послушник ускакал, надеясь в глубине души, что Мюррей и его солдаты не допустят несчастного случая без приказа магистра.

Но послушник ошибся. Приказ у Мюррея имелся - если Лейн предъявит купчую на гостиницу, пропустить его на холм, и не вмешиваться в его добрые дела. Он так и приказал своим солдатам, когда вокруг кузни началась свара между разбойниками Лейна. Конечно, Вейна все ненавидели. И уж если нашёлся такой Лейн, который орал, размахивая пергаментом, про волю магистра, и всем своим видом не боялся петлём ответить за такое жаркое дело, то разбойники только порадовались за Вейна, что отмучается. Всех достал дурак своей болтовнёй, кнутами, крысами, драконом, девками, и прочими обидами.

Но толпой возле кузни собрались позже, когда перессорились, а поначалу предпочитали издали радоваться в ожидании, когда запоыхает проклятый болтун. Чтобы поймать его в старой кузне, Лейн часа два изображал доброго самаритянина, помогая затащить в кузню свозимые вещи. Эту старую кузню занял Вейн, когда Сэм выстроил новую - больше и жарче. Вейн сколотил там кровать, и ночевал в ней то с одной крысой Гельдой, то с другой. Он и с обеими бы ночевал, но крысы друг дружку не переносили. И когда Вейн с Гельдой затащили в кузню один из последних сундуков, то Лейн, не теряя времени, тут же и подпёр дверь приготовленным колом. Сбегав в новую кузню за молотком и гвоздями, Лейн для верности и гвоздями заколотил дверь. А когда удивлённый верзила высунул из окошка нос, то Лейн и по носу попытался стукнуть вместо ответа, но негодяй его увернул, к сожалению. Тогда Лейн злорадно сказал, что всё, попался, мерзавец, изменник, выродец, и сейчас вот запоыхаешь. Вейн открыл было свой поганый говорильник, но его оттолкнула Гельда, и начались скандалы и выяснения. Лейн весело сказал, что такую красотку жечь не собирается. Пусть вылезает в окошко - никто её молотком по голове не стукнет, и обратно не столкнёт. Но сначала пусть выбросит в окошко добро из сундуков, а то ведь сгорит, жалко. Подошедшие бандиты Лейна заготовали, принялись шутить и устанавливать очередь на Гельду - они были веселы и пьяны от горячего, что поставил за свой счёт Лейн, для поднятия боевого духа. Лейн, широкая иногда натура, и солдат горячим угостил, и они подходили очередь занимать, рассудив, что пожар всё спишет. Пусть Гельда и любовница магистра, как она принялась вопить, но уж больно красивенькая, да и вообще - крепкая, выдержит. Их всего сорок восемь набралось, нет, сорок девять, ну, ещё трое, до кучи. Гельда голошишко сорвала, принявшись визжать, а потом со страху обгадилась, поняв из перепалки с Лейном, что магистр дал добро, а она просто попала под горячую руку из-за дурака-друга, не повезло девушке, бывает. Сама виновата - знала же, что с Вейном добра не наживёшь, одно только худо - всё знала, и так глупо попалась. Она принялась метаться по тесной кузне, колотить Вейна, реветь медведицей, - вся обгаженная, с запахом, что ой-ой, и шуметь всячески по-другому, но вылезти всё же побоялась. Всё-таки уже шестьдесят семь поджидают...до смерти заездить могут. Когда она забилась в истерике на полу кузни, скорые на расправу разбойники Лейна уже подтаскивали к стенам кузни привезённый хворост. А Лейн, увидев в окошке, наконец, рожу Вейна, с приветливостью сказал, что Вейну бояться нечего, он же верующий, и его, конечно, Господь выручит - пошлёт дождичка, или там громом всех поразит, и от такой шутки иные хохочущие крестьяне даже наземь упали, держась за животы. Но мерзавец Вейн, к удивлению, тоже засмеялся, да ещё со злорадностью, и сказал, что просить будет не о себе, как верующему и положено, а за бедняг

бандитов, потому что догадывается, какую им казнь приготовил Господь по весёлости характера. Вейну не крестьян жалко - чёрт с ними, сволочами,- а их безвинных жён и детишек. У Господа натура широкая, он мелочами не утруждается, и всех подряд в деревне исказнит твёрдой рукой его друга Сэма. Тут бандиты захохотали ещё радостней, а Лейн с удовольствием открыл дураку глаза, сообщив, что никто его не убивает. Он сам сгорит по пьянке от выпавшего уголёчка. С этой печальной вестью к Сэму и гонец уже скачет. Пить надо меньше - назидательно закончил Лейн, и те из бандитов, что ещё держались на ногах, так и упали от хохота.

На это Вейн усмехнулся снисходительно, и ответил, что Сэм не первый день на свете живёт, и уж сообразит, что кузня давно не топится. Но и без кузни Сэм быстро поймёт, что к чему, потому что был у них похожий случай три года назад, под городком Мейном. Не слышали о таком? Неудивительно, потому что нет больше этого городка, одни руины и могилы. Войско, в котором наёмничали тогда два дружка, возле городка и стояло на отдыхе. Городок этот штурмом ни брали - сам ворота открыл, да и не грабили почти, а солдаты, что ходили туда погулять, то и дело попадали в несчастный случай. Кто в луже по пьянке утопнет, кто в яму свалится, шею своротив, а кто и на железку какую напорется, всё по пьянке. Короче, герцогу, что войском командовал, надоело это, и велел он вырезать всех жителей, а то умные больно. Если б бедные бандиты увидели этих бессердечных солдат, они бы огорчились, как и Вейн, что люди могут такое творить, гады. И женщин, и детей. А Сэм тогда удивил всех - уж очень ему понравилось подкидывать детишек вверх - безвинных агнцев Божьих - да и ловить их остриём меча. Да так ловко - к нему солдаты только и успевали детишек подбрасывать. На копьё Сэм их столько насадил, что и не поднять было копьё. Экий злодей этот Сэм, ох разгуляется тут.

Видя, что смеяться как-то перестали, Лейн уже без приветливости возразил, что Сэм дурак, это всем известно, и нипочём не догадается. А хоть и догадается - плевать. Над Сэмом есть магистр, а он войско не даст, и безобразить не позволит.

Тут один из бандитов тоже неприятливо напомнил, что Сэму войско и не понадобится, у него дракон есть.

А у нас магистр есть, и он Сэма никуда не отпустит, и дракона не даст. Магистр, он такой - обманет Сэма, наврёт, но никуда не отпустит, так что - поджигай!

Напоминание, что магистр в доле, приободрило бандитов, но поджигать никто не поспешил - посмотрели на Вейна, что ответит?

Лейн знал, что болтуну ответить, как плюнуть, и затревожась, поспешил в дом кузнеца, за головёшкой из очага.

А негодяй, устроясь у окошка поудобней, тут же согласился, что магистр и впрямь не отпустит никуда Сэма, да и наврёт, не покраснеет, и обманет, глазом не моргнёт, он такой. Он мигом уговорит Сэма, что гонять взад-вперёд дракона незачем, если куда быстрее послать сотни три наёмников, да и вырубить под корешок всю деревню. Если гонца с вестью о пожаре в город и впрямь послали, то как раз через два дня на рассвете бойня и начнётся. Что для магистра эта жалкая деревня по сравнению с драконом? Пустой звук, таких деревень по ту сторону стен желтяки с сотню захватили. А Сэм с драконом - это залог победы, и тут магистру и выбора не остаётся. Не дай Бог Сэму в голову забредёт мысль о виновности самого магистра - и в какую сторону во время битвы ударит дракон? Нет, магистр и не подумает отговаривать Сэма от мстительных планов. Напротив, магистру остаётся одно - всех свидетелей вырубить, и уж в первую очередь Лейна с бандитами. Если Сэм будет требовать разнести деревню в лоскут, то магистр, злыдень, разнесёт её в нитку, разве не так?

Лейн, что вернулся с горячей головнёй, при этих словах кинулся было к кузне, потому что сходу увидел, куда дело клонится, но его удержали, а кузнец, постукивая кувалдой по такой же твёрдой ладони, сказал, чтобы Вейн говорил.

А тот, болтун чёртов, продолжал не без горести, что будь даже Сэм не таким дураком, что есть, и поверь он в несчастный случай, магистр и без его требования разнести деревню в перья сам предложит Сэму разнести её в пух за дорогого друга, чтобы отвести от себя будущие наветы. При той секретности, что навёл магистр, и желтяки скоро узнают автора несчастного случая, и уж Сэму про то найдётся, кому сказать. Магистр одного боится - что во время битвы Сэм развернёт дракона, и ударит по войску дронов на все четыре дырки. Сэму бояться нечего - желтяки после победы его на руках носить будут, вместе с драконом. Нет, дело куда круче, чем кажется бандитам, потому что такого магистр допустить не может за любую цену. И не допустит, он такой. И потому - вода мокрая, небо - голубое, а магистр обязан их вырубить, бедных безвинных бандитов заодно с деревней, и потому только и ждёт их гонца, чтобы выслать карателей.

Лейн, услыша это, поглядел в рожи соратников, и понял, что пора идти на попятный - не то самого спалят, вместо Вейна. И сказал, что с поджогом можно и подождать - не горит, в самом деле. Если вместо "спасибо" от вероломного магистра придут каратели, то им предьявят Вейна. Мол, живой и здоровый. А если отряда не будет, то поджаривай деревянный пирожок вместе с начинкой.

Однако напрасно великодушный Лейн протянул руку примирения запертому мерзавцу - неблагодарный, он был из тех, что хватает протянутую руку только за глотку. Верзила сказал с печалью, что магистр хитрее всех, вместе взятых. Раз ему понадобился мёртвый Вейн, он его всё одно получит, хитри не хитри. Неужели магистр считает крестьян за таких дураков, что сразу сожгут Вейна? Нет, он знает, что люди они умные, и потому отдаст карателям строжайший приказ - вырубить всех до единого, вплоть до Вейна, если живой ещё. Так что обречены все, что ни делай, и он обречён. Что делать, если власти нужно от подданных одно только - управляемость и послушание, а на неё только умные способны, а он - дурак, и потому обречён. Вейн совсем запечалился и стал просить прощения за то, что обрёк всех на гибель. И посетовал на свою дурость, которая помешала послушать Знаков Божьих и сбежать вовремя. И посоветовал бандитам поджечь его, дурня, поскорее, и принять волю Господа с покорностью.

Но крестьяне, понятно, дурака не послушали - он же дурак, а принялись совещаться, то и дело советуясь с дураком, на своё несчастье. И пришли, естественно, к выводу, что Вейна придётся защищать от карателей с оружием в руках, а горную дорогу следует перекрыть завалами и препятствиями. Хотя Лейн и вопил, что это бунт, его не слушали, потому что детей у него не было, а гостиница имелась, да и вообще он магистру продался, который настолько хитёр, что пришлёт совсем мирный вроде отряд, который ночью так и набросится на несчастных жителей и на Вейна, всех зарежет и вырубит, и потому - как тут не взбунтоваться?

Слова Лейна не пропали даром - у бунта всегда главарь есть, которому и отвечать больше, а главным быть никто не желал. Да и вообще для любого общего дела начальник нужен, а этот подонок Вейн, из-за которого вся каша заварилась, начал отказываться, так что мерзавца ещё долго пришлось просить и уговаривать выйти из кузни и принять командование - построить, вооружить, распределить дела, и прочее, видное командиру. Даже после распахивания двери и долгих приглашений Вейн только вынес из кузни обгаженную подружку, всю зарёванную и несчастную, и прополоскал её в бочке с водой, а потом и во второй бочке, которую натаскали ведрами бандиты, едва он наморщил нос - и унёс обратно в кузню, завернув всего в одно одеяло, хотя их услужливо подали целых четыре. Он уселся в кузне, очень довольный, что его подружка такая чистенькая и ухоженная, а вот на нужды

простых крестьян негодяю было плевать, хотя его и просили сжалиться над бедолагами и начать ими командовать. Так бы и не уговорили мерзавца, если б не очнулась Гельда. Она согласилась командовать своим вырожденком и заставить подлеца командовать всеми остальными. Мерзавцу ничего не оставалось, как прекратить свою глупую болтовню и взяться за работу. По деревне забежали гонцы, и началась мобилизация. На другой день уже все жители, вплоть до женщин и детей, таскали камни, хворост и прочую дрянь для завалов на дороге в деревню. Крестьяне вооружались, учились строиться в боевой порядок и маршировать, поедая глазами своего спасителя Вейна поначалу, а потом его страшную подружку Гельду, когда она рехнулась до того, что приняла на себя командование. Люди были разбиты на десятки во главе с десятниками, а тем, кто не хотел разбиваться, назначаться и вообще бунтовать, это хотение быстро набивали по мордам лейновы бандиты, которые уже и не лейновы были, потому что самому Лейну морду начистили - не покупай больше гостиницу за безвинную деревню, такой-сякой. В кузнях принялись ковать мечи, наконечники стрел и копий, в деревне плели щиты из лозы, гнули луки, строгали стрелы, а у всех купцов, что проезжали через деревню, отбирали оружие, что они везли явно и тайно.

Мюррей при виде такого беспорядка не знал, что делать - и ничего не делал, ибо солдат против всей деревни оказался кот наплакал. Пришлось поверить, что это не бунт, хотя в бред про карателей он так и не поверил. Из-за сгоревшей кузни, которая вовсе и не сгорела? Но его солдат не трогали, и он махнул рукой на крестьянскую дурость.

Верховодила Гельда, когда от болтовни верзила тронулся, наконец, и её крепкий умишко, а поначалу она всё в кузне сидела, и нос высунуть боялась, и только глядела жалобными глазами. Когда Вейн принёс её после стирки в двух бочках, голенькую и чистенькую, чтобы полюбоваться, она так тряслась, что верзила принялся её утешать и ободрять, говоря, что странно видеть такие её страхи перед бандитами. Ведь они её любят, и всегда готовы любить, хоть среди ночи разбуди. Это они должны её бояться до судорог, потому что Гельда ненавидит их до того, что убить готова, хоть ночью разбуди. Напугали бедняжку до того, что и деньги свои в окошко выкинула. Хорошо, не знают, насколько их Гельда ненавидит, а то б разбежались, чего доброго. Они ж обычные бандиты, славные ребята, весёлые и открытые, и при виде такой злобы, как у Гельды, запросто могли бы затеряться куда от неё подальше. Жаль, что она сидит и трясётся, лентяйка такая, вместо помощи в командовании, которое и мордобития порой требует, чтоб бегали веселей, а ему, Вейну, лень колотить по толстым харям. Гельде бы понравилось - злость есть, по таким мордам не промахнёшься. Одно удовольствие, словом. Хотя это и грех перед Господом, который призвал людей любить, и бандитов тоже, тем более, что защитит нас всегда Господь, и от бандитов тоже, если есть на это Его воля...

Вода камень точит, и через какое-то время Гельда очнулась, завизжала, и принялась для начала колотить по толстой роже дурака, рыча, чтоб тот немедленно заткнулся со своим Господом. Её немножко трясло, но вскоре, одетая и злобная, она принялась лаять со всеми, кто на глаза попадался. Вначале она ходила за Вейном, и била только его, командуя и подгоняя, но Вейну это быстро надоело, и подлец ушмыгнул незаметно дрыхнуть, оставив бедняжку наедине со всеми крестьянами деревни. Так что вскоре остались только самые крепкие, бандиты, которых Гельда побаивалась бить, как прочих мирных крестьян, если они перечили. Только злобилась, потому что бандиты подшучивали и обещали всё равно приласкать красотку попозже, когда власть переменится. Но эти шуточки её достали, и когда самый толстый из бандитов отказался тащить тяжеленное бревно на завал - ну, устал человек, и ещё принялся вслух мечтать, как будет обрабатывать её своим любовным инструментом под смех слушателей,- Гельда заорала, чтоб он заткнулся и схватил бревно, немедля, ну! А сама выхватила нож из-за пояса, длинный такой, почти что кинжал, уворованный у Алины. Бедняга раскрыл было рот, и брови грозно нахмурил, и шагнул даже вперёд, пытаясь схватить

злобную девицу - но получил тут же удар в бок от вконец остервенелой Гельды. И отнюдь не кулачком. Пусть удар и пришёлся вскользь бочины - бедняга успел дернуться в сторону - однако кровь побежала весело, а ещё веселей этот раненый схватил бревно и побежал положить его, куда велено. А потом и все бандиты так бегали, стараясь не глядеть в пустые глаза взбесившейся девы. Что с дурой делать - подчиняться приходилось, если без зубов остаться не хочешь. Чуть где заминка в работе, или прекословие - Гельда поднимала дубинку, что отняла у одного из разбойников - крепенькую, медью окованную - и всё сразу налаживалось. Но поначалу пришлось бить кулачком - но рожи и впрямь толстые, разве такие пробить кулачку нежной девицы?

К ночи Гельда расставила посты, пообещав каждой уснувшей сволочи выбить все зубы, и вернулась в кузню спокойной, но озабоченной. Бросив дубинку, она начала просить Вейна, мурлыкая и мяукая даже, найти ей завтра меч, полегче, но крепкий, и ещё всякие латы и прочие причиндалы командира, и ещё лошадь боевую вытянуть у кого длинным своим языком, хорошую, а то денег совсем нет, выкинула в окошко, из-за тебя же, дурака, ладно?

Вейн ответил, что лошадь утром же будет, от колдуна-лекаря, хоть две, тем более, что их три приготовлены для бегства к желтякам. Может, и сбежим вместе, без всяких мечей и причиндалов? Гельда перестала мурлыкать, обозлилась и зашипела, что вовек больше ни с каким дураком не свяжется - все деньги потеряла и вообще чуть не убили. Она останется выколачивать свои кровные денежки, и выколочит, дубинка крепкая. Теперь она не боится, что убьют - теперь она сама любого убьёт.

Сказав это, грозная дева почти тут же уснула у Вейна на коленях, чего тот не заметил, уговаривая ещё целый час на очередную какую-то дурость. Увидев же, что верная подружка спит, уложил её осторожно, и решил озаботиться о своей подлой шкуре, для чего навестил колдуна-желтяка, наплевав на защиту безвинной деревни. Охранный солдат в этот раз и слова не сказал, отшарахнулся и пропустил, считая его главарём мятежников, которые, кстати, неотвязной толпой так и ходили за Вейном, даже ночью, чтоб не сбежал главарь.

Колдун очень обрадовался Вейну, весь заулыбался, счастливый, что Вейн живой и готов служить желтякам. И предложил Элиане перевести верзилу через перевал в тайном месте, про которое расскажет. Он бы и сам перевёл, но пусть тогда Вейн освободится от охранных солдат - перебить их, что ли, раз бунт?

Нет, перебить - это бунт, отвечал Вейн, пусть лучше Элиана дорогу покажет, она местная, все тропки знает. Но его смущает, что Элиана шпионка магистра, и помогать побегу ей нельзя - магистр любитель за измену петлями благодарить.

Однако Элиана повела себя странно. С упрямством в голосе и даже со злостью заверила, что переведёт Вейна через горы, хоть земля тресни, вот.

Вейн удивился, и сказал, что так рисковать - не сдурела ли Элиана? И крест на присягу магистру целовала, обязавшись всех ему продавать за сколько-то монеток в год. Или околдовал кто?

Вейн бы успокоился, узнав о ящике золота, которым желтяк и впрямь околдовал деву, но кто ему скажет? И верзила принялся ныть, жалея дурочку Элиану, потому что помочь ближнему бесплатно всегда считается глупостью, тем более, если есть возможность продать этого ближнего за монетку, и долго бы ещё ныл, но его выставили крепить оборону деревни.

Вейн ушёл, надеясь, что Элиана продаст их заговор Мюррею, который всё равно помешать побегу

не в силах. Но Элиана не продала, дрянь такая, и сразу после стычки с карателями увела ночью Вейна в горы, по тайным тропам к секретному проходу через перевал.

Стычка - это громко сказано, так себе дельце было, полаялись только, и разошлись, но весь день крестьяне ходили героями, задрав носы и похваляясь умом и хитростью, потому что ловко избавили деревню от разора. Хотя до стычки многие сомневались, и если б не Гельда и её бандиты, сбежали бы от воинских манёвров скотину пасти или огородничать. Веря - не веря, но деревня приготовилась к обороне, и не напрасно.

Когда Сэма известили о несчастном случае с его дружкой, он так и сел на орудие, что мастерил для старого короля. Тот находился рядом, и тоже опечалился за компанию. Гонец был человек надёжный, женат на сестре Лейна, и доля с гостиничных доходов обещана, и потому на все неизбежные расспросы отвечал, что знать ничего не знает, ему велено - он передал. Так что напрасно Сэм любопытничал о странностях пожара, когда и печь в кузне давно разобрана, и часовые невесть где находились. Да и что толку теперь спрашивать, если дружка это не вернёт. Совсем пригорюнясь, Сэм достал мутную бутылку первача, и налил старому королю в кубок, который тот немедля осушил, глянув прежде на дверь, как и Сэм глянул - принцесса Кристи достала обоих своими зудёжками о вреде горючего. Сэм сказал, что не знает теперь, что делать, потому что зачем что-то делать, если всё равно подохнем? Вейну хоть Знаками Господь указывал, что делать, а Сэму кто укажет?

Старый король прокряхтелся, занюхав первач рукавом, и сказал, что делать - нагнать горючего побольше, чтобы отпраздновать печальное событие. Но Сэм его не слушал, продолжая горевать, и обращаясь уже к принцессе Кристи, которая пришла с известием, что магистр очень огорчён сгоранием Вейна, но прийти не может, потому что очень занят шпионскими делами. Принцесса очень внимательно выслушала, какой у Сэма был хороший друг, и как хочется Сэму сжечь вдогон ему всю прочую деревню, жители которой умные до омерзения, и наверняка даже не подумали вытащить беспамятного дружка из горящей бани, а только радовались и приговаривали - Гори, гори ясно. Они такие. Могли и колом ещё дверь подпереть, чтоб сам не выбежал, с них станется.

Тут встрял старый король, что и поджечь тогда могли, до кучи, но Сэм с сожалением ответил, что они бы рады, но никак - холм весь в солдатах Мюррея. Если только магистр не приказал им отвернуться.

Старый король заверил, что магистр у них настоящий, можно гордиться, и вполне мог приказать. Как, не ссорились дружок с магистром?

Сэм промолчал, и король довольно крякнул, что магистр у них ещё лучше, чем думали. Такой, что его и из Европы выгнали. Куда тут дружку уцелеть. Сэм нехотя сказал, что они только спорили, и всё. Но Вейна же не переспорить даже магистру. Они и спорили. Потом, правда, перестали.

Старый король совсем развеселился, и сказал, что раз словами не переспорить, только кузня и остаётся. Магистр, он упорный, молодец.

Принцесса забеспокоилась, что на жениха такие поклёпы наводят, тем более, что они правда, как помнилось из мыслей беспамятного магистра. Пусть он и виноват, но ведь работа такая, и платят за неё, а так он хороший, магистр - принцессу не обманешь. И желая прикрыть своего жениха, она сказала, что купцы жалуются магистру вообще на бунт в деревне, и она сейчас сбегает узнать, какие будут приказания. Ясно же, что скажет беспамятный кровожадина. И потому мерзавка, вскоре воротясь, сказала Сэму, что магистру тоже подозрительно такое сгорание его друга, тем более во время бунта. Тут явно целый заговор - или шпионов, или умных крестьян, или ещё кого, но магистр тут ни при чём, ещё раз скорбит, и поручает Сэму отомстить за своего дружка. Бунт всё равно

подавлять, так что Сэм может возглавить отряд, который собирается.

Сэм ответил с тоской, что покойник Вейн так бы и сделал, потому что своей воли не имел, а подчинялся Божьей воле по знакам Его. Вейн бы точно развеял в пыль и дым всю деревню за дружку Сэма, потому что тут знак на знаке, и знаком погоняет. И отряд дают, и приказ. Если б и денег пообещали...

Принцесса, злыдня такая, немедленно пообещала. Бунты давить - работа тяжёлая, как без отдельной оплаты? Сколько Сэм хочет?

Но Сэм ответил, что он не Вейн, и потому нисколько не хочет. Потому что мстить - это не по христиански, да и ума всегда не хватало понять - зачем мстить, если мёртвых этим не вернуть. Может, принцесса знает? Хотя откуда, она дура. Пусть старый король попробует объяснить, он же умный.

Старый король только плюнул, не желая объяснять дурню такие очевидные вещи, но принцесса Кристи ответила, что месть ей тоже непонятна, но тут речь вовсе не о мести. Речь идёт о бунте, который магистр приказал подавить железной рукой. Так почему Сэму не выжечь всех дотла и не вырубить всё под корешки - именем короля.

Тут и старый король посоветовал Сэму воспользоваться случаем, чтобы уж наверняка достать подлеца, что кузню подпалил. Для той деревни и трёх сотен наёмников хватит, чтоб и мышшь живой не ушла. Принцесса, гадина, тут же радостно поддакнула, что магистр именно это и хотел сказать в утешение Сэму. И даёт не три, а шесть сотен головорезов, чтобы никого из свидетелей не осталось, которые могут на магистра наврать.

К чести Сэма, он не поддавался подлым уговорам, хотя деревню не любил, как и его деревня, впрочем. Всё-таки Сэм был - по мнению того же Вейна - не совсем уж дурак. И мысль вырубить всю деревню из-за несчастного случая не могла уместиться в его голове. С горя он налил горячего двойной перегонки - и себе, и королю, - и осушил свой стакан. Король тоже. Принцесса запыхтела, но ничего не сказала, а проглоченное горячее каким-то образом протолкнуло дикую идею в голову Сэма. А после ещё одного поминания Вейна мысль сжечь деревню перестала казаться дикой, и стала своей, домашней, ласковой и очень симпатичной. Но добряк Сэм долго ещё сопротивлялся старому злодею и его дочке-злодейке, отказываясь командовать карателями. Но отбиться от них помогло горячее. Сэм свалился и уснул, сказав, что и без него вырубят, а ему дракона кормить надо, и потому никуда не поедет.

Принцесса Кристи тут же сказала, что сейчас сбегает к королю Алану, за разрешением, и тут же убежала.

Король Алан хворал, как обычно ближе к вечеру, валяясь на постели и пытаясь заставить себя хоть что-то думать или делать. Вечерами решения обычно принимал магистр, а теперь - принцесса Кристи, но оба всегда спрашивали разрешения у короля. По утрам не спрашивали, потому что тогда король управлял без их помощи. Выслушав сестрёнку, король Алан безразлично спросил - согласен ли магистр? Получив ответ, что согласен, конечно - потому что спит, король Алан сказал, что в таком случае может дать разрешение, если у Сэма найдётся то, новое горячее двойной перегонки. Если есть, он лично прикажет сотнику Крону организовать набег.

Принцесса нахмурилась, и озадаченно сказала, что не понимает - при чём тут горячее, и кстати напоминает, если король Алан забыл, что горячее - яд, пусть и несмертельный. Однако, сказав это, принцесса тут же сбегала за горячим, и даже лично накапала десять капель королю Алану. Капли тот

понюхал, поморщился - и выдохнул. А потом проглотил в три глотка весь остаток из кувшина. Из-за этого сотник Крон разобрал лишь половину слов в не совсем связной речи короля. Но главное понял - и отправился в казармы набирать добровольцев. Это оказалось несложным - просились все наёмники, свободные от службы, едва услышав про карательную вылазку, да ещё по своим. Все солдаты всех времён - и прошлых, и будущих - обожают такие карательные набеги на мирных и безоружных жителей, когда можно вволю и безопасно грабить, убивать и насиловать, а большинство и идёт в солдаты ради этих светлых минут в тёмной, тяжёлой и унылой солдатской жизни. В эти редкие моменты всё истинное естество человека расправляется, ликует, и живёт в полную силу, без границ. Так что отряд собрался на глазах, но при виде растущей вооружённой мощи в голове сотника Крона росло и удивление - какую из деревень придётся карать, если этих деревень, кроме единственной по ту сторону гор, и не осталось? Пока люди седлали коней и вооружались, сотнику в боевых хлопотах понять это точно было недосуг, но чуть позже он понял вполне отчётливо, что других деревень у дронов попросту нет. Тогда он и забеспокоился. Знал он деревню. Бунт? Не может быть. Что-то не так. Явная ошибка. Беспокойство перешло в тревогу, когда сотник понял, что ошибку исправить уже невозможно, ибо за выполнением королевского приказа следить будет принцесса Кристи. Если утром и даже днём король ещё способен был решать, то ближе к вечеру он больше полагался на принцессу. Когда магистр заболел, все подданные сразу поняли, что власть перешла в жестокие ручки Кристи, и потому старались не попадаться ей на глаза, как умные люди. Её приказы никому в голову не пришло бы оспаривать - их приходилось только выполнять. Только послушники магистра осмеливались оспаривать её приказы и делать по своему - дела у них тёмные и скользкие, и сделать их по всякому можно. Однако городские старшины, воинские командиры и дворцовая стража, не говоря о наёмниках - деваться некуда - или молча исполняли приказ принцессы Кристи, или исполняли его молча и ещё быстрее. Опаленные её безумием в первый же день болезни магистра, они вообще ничего не соображали, кроме как исполнить прямо и буквально приказ принцессы. Тогда Кристи приказала казнить одного горожанина за то, что он не сдал на ночь свой меч в кладовую замка. На горожанина опрометчиво пожаловался один городской старшина. Вообще-то, дело и не в мече было. Просто разодрались старшина с горожанином в кабаке из-за одной женщины лёгкого поведения, и более шустрый горожанин разбил старшине всю рожу. Они по жизни вообще друзьями были, старшина и горожанин, и тут старшина, не в силах победить обиды, просто решил напомнить - кто есть кто, применив власть. Мечи эти уже давно никто вообще не сдавал в кладовые, а только показывали кладовщику, да и то раз в неделю, хотя король Алан и приказал поначалу сдавать их на ночь и выдавать утром.

Крон помнил, как принцесса Кристи прибежала к нему и спросила с любопытством - какое наказание полагается подданным короля гражданского сословия за неисполнение приказа в военное время?

Он представил тогда, как горожанин во время осады отказывается таскать на крепостную стену метательные камни, и свои действия. И ответил, что одно единственное - смертная казнь прямо на месте. Потом, когда принцесса уже убежала, он хотел уточнить и добавить, что это крайняя мера, и на практике достаточно треснуть нерасторопного горожанина древком копья, если кулаком не дотянуться, да и вообще дело каждый раз надо в упор знать, чтобы..., но было уже поздно. Тому старшине, что томился ожиданием в приёмной зале королевского замка, она так и велела - казнить виновного немедленно, хотя старшина рассчитывал при самом большом везении посадить горожанина в подвал замка на пару суток, на хлеб и воду. Старшина так опешил, что воспротивился и попытался что-то объяснить, но принцесса Кристи нахмурилась и напомнила, что это её приказ, отданный в военное время, который следует исполнить бегом и молча. Старшина и этого не понял, и опять что-то

залопотал, и тогда принцесса Кристи кликнула стражу. И сказала хмуро трём мордovorотам-наёмникам, что этот человек отказался исполнить её приказ в военное время. Зарубите его, но чуть позже, стойте! пусть сперва покажет ещё одного невыполнителя приказов, который остался ждать на площади перед замком. Сначала зарубите его, а потом и этого, ослушника, в капусту. Исполнять!

Стажа, естественно, выхватила мечи - подлые наёмники, готовые хоть какое злодейство совершить за королевские деньги, и тут старшина понял, наконец, воинскую службу. Он побелел, потом позеленел, и завопил, что вовсе не отказывается выполнить приказ принцессы Кристи - нет, нет! Такое и в голову не могло прийти! У него просто плохой слух, вдруг ослышался - потому и переспрашивал. Но теперь всё расслышал, и того виновника, конечно, сейчас же и зарубит на месте - бегом, вот - у него и меч есть - разрешите исполнять?

И старшина зарубил-таки своего бедного товарища горожанина под скучающим приглядом мордovorотов охраны. Зарубил у ворот замка, неумело, пыхтя и потев от ужаса - всего искромсал воющего беднягу горожанина. Изрубил, не слыша изумлённых криков из толпы - он вообще ничего не слышал, - толпы, которая немедленно собралась на площади при виде такого злодейского убийства, он тоже не видел. Только бил и бил мечом, весь в крови, бил и колот лежащего, и даже пинал в отчаянии ногами, не в силах понять, отчего несчастный не умирает, отчего никак не прекратит этот нестерпимый вой, от которого волосы встали дыбом. В конце концов, один из стражников не выдержал и точным ударом в горло прекратил мучения страдальца - уж очень долго тот не умирал.

Даже послушники не придумали, как оправдать это дикое убийство. И на вопросы шпионов, что крутились в народе и сеяли слухи, отвечали одно - по приказу принцессы Кристи. Сам убийца в своё оправдание твердил то же самое - и только поэтому остался цел и избежал мести родственников убитого, которые не настолько свихнулись от горя, чтобы спрашивать ответа у принцессы Кристи.

Этот случай, пустяковый для злодейки настолько, что она его и не заметила, заставил всякого разумного человека держаться ещё дальше от принцессы, чем прежде, и исполнять её глупости не бегом, как обычно, а вообще вприпрыжку. А когда старый король попенял дочке - почему его не позвала на такое интересное зрелище, то мерзавка долго потом гадала - о чём говорил папочка, и решила даже, что он совсем из ума выжил. Сама она в этот день ничего интересного не увидела - обычный же день.

Сотник Крон поспешил было к королю, но его уже не пустили. Король почивает, охрана дело знала. Пришлось тащиться к принцессе Кристи - она торчала, как обычно, в покоях своего жениха, и выскочила из-за двери, как чёрт из коробочки, - едва доложили о приходе сотника. Родные пеняли ей, что надо появляться из-за дверей постепенно, как прочие люди, и она старалась, но частенько забывалась, так что непривычные всегда вздрагивали. Да и привычные, тоже подскакивали. И не мудрено, если дверь вдруг распахивается, а в проёме, чуть не впереди двери - бац! - уже стоит принцесса Кристи и тарашится молча синими пустыми гляделками. Однако сотник Крон, он привычный, и вместо вздрога прямо так и спросил - какую деревню громить, и за что громить, и как именно громить - жечь или жителей бить, или вместе всё сразу? Может, на выбор кого бить, а? Сотник знал, что говорит пустую болтовню. Каратели есть каратели - что им ни приказывай, тонкостей не дождёшься. Будут рубить всё, что бегаёт, жечь всё, что горит, и грабить, что ухватят. Крон надеялся запутать её, поскольку дура, и спасти деревню. Ведь когда магистр и король оправятся от хворей, они принцессе Кристи не скажут ничего - ей бестолку говорить. А вот ему вполне могут и наколотить по бестолковке за сжигание своей деревни.

Принцесса ответила, что громить надо горную деревню - других нет. А как громить - это карателям виднее.

Крон малость вспотел, но рискнул спросить даже с некоторым укором - но за что громить? В чём виноваты жители?

В убийстве королевского наёмника по имени Вейн. Грабят проходящие караваны, ответила принцесса. Да и какая разница сотнику - за что да почему. Его дело другое - исполнить приказ.

Крон вспотел ещё сильнее, и с тупым отчаяньем опять спросил - но зачем же сразу громить? Может, разобраться сначала? Это ваши подданные, они деньги платят в королевскую казну.

Принцесса глянула исподлобья и спросила для уточнения - в чём дело, сотник? Вы отказываетесь выполнять приказ?

Сотник совсем взмок, но не оставил геройских попыток спасти и деревню, и свою голову. И задушено выдавил, что обязан передать командиру карателей письменный приказ. Своих можно громить только по письменному приказу, с подписью магистра и его печатью. Чужих - пожалуйста, можно и так громить. Но не своих. Разве принцесса Кристи не понимает, что каратели первым делом про измену подумают, что завелась в начальстве. Как это громить своих без печати и подписи? Начальник рехнулся, или продался, а им отвечай? Для этого им и нужен письменный приказ, где сказано громить своих, и подпись при нём, и печать. Так уж служба устроена.

Выслушав сотника, принцесса кивнула и исчезла за дверью. Крон вытер пот со лба, стараясь не смотреть на двух мордovorотов из дворцовой стражи, что стояли караулом у входа в зал. Он сделал всё, он рисковал, он победил. Подписи магистра дуре не получить, если он в сознании. Он не такой полоумный. А если он в горячке, как послушники заверяют, тем более не подпишет.

Крон приободрился, и совершенно зря - мерзавка удивительно ловко владела всем, чем можно было только владеть, в том числе и гусиным пером. Расписаться за магистра она могла быстрее и точнее, чем он сам, а печать с пальца магистра она стащила в самом начале горячки, и шлёпала ею все бумаги, что приносили послушники, без разбора. Так что Крон не успел отдышаться, как плёлся назад с пергаментом в руках, ничего не понимая. Если б из-за двери он услышал голос самого магистра, тогда бы сотник, пожалуй, и догадался бы, что подпись тоже подделка. Ибо всем было известно, как принцесса умеет подражать голосам людей и всего прочего из живности, что могло голосить - от вороны до паука. Правда, как вопит поддельный паук, могли оценить только эльфы да сами пауки, которые иногда просто толпами сбегались в покои принцессы, если эльфам нужна была их паутина. Но в этот раз принцесса посчитала излишним изображать для сотника ругань магистра из-за двери - зачем это? А без такой подсказки сотник Крон с его толстыми, негнушимися пальцами, и вообразить не мог, что кто-то сумеет подделать чужую подпись.

И сотник Крон, чтобы не поплыть разумом, замотал по лошадиному головой. Мозги взболтать. Помогло. И уже через час орава наёмников весело и дружно погоняла лошадей, чтобы к утру нагрянуть на беззащитную деревню. Так что мерзавец Вейн удивился чуть не до слёз, а деревня изумилась до того, что иные обгадились, когда на рассвете отряд карателей упёрся конскими грудями в наклонный частокол поперёк дороги. Впрочем, каратели тоже изумились такой подлости, ожидая лёгкую и приятную работу с мирным грабежом. Вместо этого за частоколом вдруг образовался другой частокол, из людей, с копьями наперевес и щитами. И чем больше ругались каратели, тем больше разрастался частокол - и вглубь, и вширь. По обе стороны дороги были устроены завалы из камня - и они быстро заросли щетиной из нацеленных стрел. Командир наёмников сотник Жан-Пьер на миг

даже решил, что попал в приготовленную засаду и в панике обернулся, ожидая атаки с тыла. Однако дорога позади оставалась пустынной, а спереди в них летела только ругань, а не стрелы, и он, малость поуспокоясь, решил вступить в переговоры, чтобы выиграть время и разобраться. Жан-Пьер выехал вперёд, и заорал, не опустив забрала на шлеме - Эй, вы! Что за изгородь? Почему с оружием? Почему не пропускаете нас, мер-р-рзавцы?!

С той стороны тоже заорали, что нечего тут разбойничать, ишь, умники нашлись, валите отсюда, пока целы! И всё прочее в том же духе, из чего Жан-Пьер понял, что ошибки нет - их ждали, узнав о налёте невесть откуда, но драться не хотят - просто в деревню не пустят, и всё. Он принялся требовать для переговоров хоть кого из начальников - послушника Клея или Мюррея, но Гельда вытолкала вперёд Лейна, дав ему пинка и треснув по затылку, что окружающие только одобрили, и ещё добавили Лейну, главному виновнику заварухи, так что он выкатился из строя, как яблоко из кучи. Лейн так был запуган злобными обещаниями своих земляков, что страх перед ними пересилил страх перед карателями. Отчаяние заставило держаться его невероятно нагло для простого крестьянина. Лейн подбоченился, сбил шлем на затылок, и заорал: - А ты кто такой? Двигай отсюда, разбойник!-

Жан-Пьер понял, что лёгкой прогулки не получится. Работа предстояла тяжёлая и кровавая, но у него и мысли отступить не мелькнуло. Перед ним - далеко не регулярное войско, а приказ необходимо исполнить. С холодным бешенством он ответил - Эй, бунтовщики! Приказываю освободить дорогу, разоружиться и выдать зачинщиков и главарей! Именем короля даю пять минут, чтобы освободить дорогу и разойтись! -

- А мы не бунтовщики! - завопил Лейн. - А вы вот чистые разбойники, потому что нету у вас такого приказа! Магистр такого приказа написать не мог! Покажите приказ! -

Поколебавшись, Жан-Пьер достал пергамент, косясь на вражеских лучников - те опустили луки. Жан-Пьер, развернув его, принялся громко читать, скрывая за напускным гневом своё удивление. Жалкий наймит, он так спешил за добычей, что не удосужился заранее изучить пергамент, ему хватило невразумительных слов о бунте. Но о бунте в приказе не было и слова. Принцесса писала не от себя, а от имени магистра, для которого тут даже следов бунта быть не могло. Ведь солдат Мюррея никто не трогал, а оружие у купцов отбирали разбойники, дело привычное. Единственное, за что магистр мог покарать деревню - гибель королевского наёмника Вейна. Так и было написано - наказать без пощады огнём и мечом, если не будут выданы виновники гибели королевского солдата.

Увидев знакомое имя, Жан-Пьер обрадовался. Деревне от расплаты не уйти. Кто там будет разбираться - выдали зачинщиков или нет. Приказ оставался в силе. И закончив чтение, смог с чистой совестью, с гневом и радостью завопить: - И это разве не бунт?! Вы убили Вейна, славного бойца, государева человека, и главное - моего старого друга! Правда, мы всегда служили разным королям и потому частенько сражались друг против друга, но настоящая дружба проверяется не на поле боя, а в кабаках и трактирах, где мы всегда вставали плечо к плечу против таких же грязных крестьян, как вы! И вы убили его за это, негодяи. Всей деревней - и это не бунт?! Я выполню приказ с радостью. У вас осталась минута, чтобы разбежаться. Оружие - к бою! -

Однако, пока он читал свой пергамент, Вейна успели притащить из кузни, где он дрыхнул под охраной, но один, потому что Гельда решила спать со всеми бандитами поочерёдно, чтобы не только дубиной укрепить свою командирскую власть, и ей было не до приговорённого дурака.

- Вот твой Вейн! - со счастливой слезой завопил Лейн, когда сонный верзила выбрался к нему из толпы.- Целый и невредимый.-

И Лейн заботливо снял соломинку с одного плеча верзилы, и сдул пылинки с другого.

- В чём дело? - недовольно поинтересовался Вейн у Жан-Пьера.

- Так ты живой?!- растерялся Жан-Пьер.- Но ты же мёртвый!-

- А я воскрес,- нагло заявил Вейн. - Ты что, Библию не читал? Обычное дело.-

Жан-Пьер запечалился, ибо с воскресшего Вейна ему ничего не тяжелилось - и он снова полез за пергаментом, как разбойник лезет за кистенём, если прохожий не внемлет его призыву поделиться с ближним. Потыкав пальцем в пергамент, он заявил - Тут написано, что Вейн мёртвый. И подпись, и печать. Значит, мёртвый.-

- А это кто? - взвыл огорошенный Лейн, и толпа возмущённо подалась вперёд.

Жан-Пьер всмотрелся в лицо верзилы, и сокрушённо покачал головой. - Не знаю. Бывают похожие люди. Кому я должен верить - магистру или какому-то самозванцу?-

Против такой непробиваемой логики двойник Вейна не выстоял бы, но этот был настоящим, который насквозь видел Жан-Пьера и все его мысли, ибо и сам был такой же наёмник и такой же выродок. И потому он в двух словах сумел убедить Жан-Пьера, кому верить следует - Библии и воскресению, ибо вера эта оплачивается Господом, и щедро.

- Я в Бога верую. - Подумав, сказал Жан-Пьер. - А насколько щедро? -

После торгов и обещания пригнать баранов на всю кодлу и вина запивать с избытком Жан-Пьер согласился, что самозванец и точно Вейн, если б ещё с мешочком золота воскрес. Вейн усмехнулся - ишь, губы раскатал, золото везде не хватает, и на том свете тоже. Но серебра прихватил.

Жан-Пьер поглядел на угрюмые рожи бунтовщиков, и согласился, что со стороны Господа было весьма разумно снабдить Вейна серебром - видит Бог, на слово люди не верят.

Получив мешок серебра, Жан-Пьер с сожалением признал Вейна, деревню - своей и мирной, и приказал своим удалцам поворачивать коней. Для оправдания своей доверчивости он хотел и Вейна с собой забрать, но деревня злобно завывала, что не отдаст спасителя на убиение, так что пришлось ограничиться письмом Вейна на обратной стороне приказа, где тот накарябал, что Сэм ещё больший дурак, чем Вейн думал, слава Иисусу.

Карательное войско отчалило от деревни, погоняя шашлычных баранов, что пригнали крестьяне, и распивая вино из бурдюков. Но крестьяне не доверяли городским мерзавцам и не расходились, пока не вернулись посланные разведчики с докладом, что каратели и вправду ушли. Только тогда жители расслабились, и начали таскать на площадь перед гостиницей всякие припасы и вино, чтобы отпраздновать чудесное избавление. И Вейна, спасителя, притащить собирались, если б неблагодарный негодяй не сбежал. То ли покушать ушёл, то ли - наоборот совсем, но обратно не вернулся. Так мерзавца и не нашли, хоть отколотить на радостях, что не убили.

А он в это время вместе с Элианой верхами пробирались по тайным тропам всё выше в горы, при свете звёзд, и наплевать ему было, что люди волнуются - этакий дрянь человечешко. Через два дня тяжёлого пути Элиана привела его на рассвете третьего дня к Чёрному Ущелью, где там и сям из камней скалились черепа тех пятисот славных воинов-желтяков, что доверчиво попали в засаду вероломного магистра. При виде неожиданных гостей с их останков вверх взметнулась стая ворон,

рассерженно каркая, и Вейн, заулыбавшись, сказал, что это хороший знак - свободой пахнет. Как-то нос мерзавца неправильно был устроен, потому что Элиана свой носик тут же пальчиками зажала от тяжёлого запаха разложения. Но насчёт знака Вейн оказался прав. Поднявшись из ущелья на горный хребет, они быстро отыскивали каменную пирамидку, под которой и нашли, согласно указаниям колдуна, плотный круг из плетёного конского волоса - канат, по которому в своё время поднялись за смертью герои-желтяки.

Вейн посмотрел вниз с высокой каменной стены гребня - и ведь ни одна ворона не столкнула негодяя в бездну, хотя всё летали над головой галдящей стаей. И мерзавец безнаказанно спустился вниз по этому канату, попросившись с Элианой и от души посоветовав никогда больше людям не помогать - она же умная девица, а до сих пор не поняла, что добро на зло куда легче менять. Её счастье, что нарвалась с помощью на него, дурака - в другой раз так не повезёт.

Элиана велела не болтать попусту, висая на канате над пропастью, а убираться с глаз долой, что Вейн и сделал. Он спустился вдоль отвесной стены на небольшую каменную площадку, с которой вниз, петляя между камней, скал и зарослей, сбегала тайная горная тропа. Погода, как назло, случилась тихая и приветливая, и Вейн уже к вечеру спустился таки по тропе на равнину, так и не сломав, к несчастью, ни рук, ни ног, ни шеи. Он очутился уже по ту сторону гор, в поля и пустоши, которые тянулись до самого желтяковского лагеря. Поужинав или позавтракав сыром и вином, он отлично выспался на мягком горном мху, и к вечеру следующего дня вышел на один из желтяковских дозоров неподалёку от лагеря. Трое желтяков обрадовались, поймав пленного с таким заманчивым мешком за плечами, и тут же принялись делить захваченный мешок - голову сыра, чуть обкусанную, и бурдюк вина, забыв про пленного, но тут увидели брошку тысячного, прилепленную к сыру, и бросили делёжки. Вейн и не знал про брошку, это желтяк-колдун позаботился, чтоб не пришибли на радостях пленного. Так что вскоре Вейн был приведён в шатёр самого Сена, Тайного Советника. Тот чуть не лопнул от радости и едва не заплакал от счастья, когда толмач-переводчик втолковал ему, что пленный - тот самый Вейн, Белый Маг из горной деревни, с приветом от лекаря-колдуна. Сен долго поверить не мог, что ему удалось-таки обставить Чёрного Магистра, а когда поверил, то рысью побежал докладывать Кию о своём крупнейшем успехе. Услышав такую весть, Кий и про сон забыл, и тут же велел привести Вейна, однако мерзавец и не подумал бежать, ползти и шелестеть к повелителю. Всех облаял - и Сена, и Пу-И, и толмача, что заботливо переводил с европейского на желтяковский, - допил вино, и захрапел. Сен не решился заставлять - ну, притомился Белый Маг, - и Кию наврал, что колдун очень утомлён, просто говорить не может от усталости - и знакомство отложили до утра.

Сен не спал всю ночь, то и дело в тревоге заглядывая в шатёр, вокруг которого кольцом сидели ученики Пу-И, и где возле спящего верзилы сидел сам Пу-И, вооружённый мечом и дротиком, морщась от громкого храпа негодяя. Сколько тайн Чёрного Магистра знал этот перебежчик!

Но то, что узнали Сен с повелителем во время беседы с Вейном за роскошным обедом, превзошло всё мыслимое. Невероятная подлость Магистра так и засияла во всей своей черноте. Мерзавец Вейн, вдохновлённый добрыми знаками в виде вина, мяса и мешка с золотом, продавал всё, всех и вся, так что Сен частенько хватался за голову, а Кий то и дело жалел, что Я-Мо сбежал от наградного кола за хорошую работу. Главным было известие о том, что дракон жив, и готов к бою.

Такое наглое враньё поначалу подняло на спор не только Сена, а и самого Кия. Вейну пришлось в подробностях описать, как вместе с Сэмом изобразили то, что изобразить нельзя - вспышку Огненной стрелы на холме. После чего он добил недоверчивых спорщиков подробными воспоминаниями - кто такой дракон Теля. Кий уже сейчас может закопать пару своих легионов для экономии времени - при

самой жестокой для дракона невезухе он уложит не меньше. А повезёт - так Кий и без войска останется. А любая битва в поле уже сейчас проиграна - где бы не выступил дракон Теля, в центре или на фланге - через минуту поляжет мёртвым и центр, и фланг. Для начала.

Слушая Вейна, и Кий, и Сен начали осознавать с запоздалым ужасом всю глубину ловушки, куда хотел заманить их Чёрный Магистр. Они помнили рассказы троллей об этом дракончике. Ну, может доставить некоторые хлопоты, будут и лишние потери при штурме, пока его не достанет копьё из катапульты или тяжёлая стрела из мощного лука. На городской стене он казался опаснее, чем в поле. Но рассказ Вейна обрисовал другого дракона. Кий начал леденеть, а Сен покрываться холодным потом., представляя будущую битву, где свирепствует дракон - скорострельный, дальнобойный и массово поражающий. Залп легиона лучников ничего не стоит против убийственного залпа дракона - не помогут латы, щиты и кольчуги, полягут все, как трава под ветром. Дракон Теля упорен, вынослив и храбр, к тому же очень послушен и ещё сильно раскормлен. Когда фаланга дронов расступится, и вперёд выйдет дракон, ему будет плевать, сколько перед ним желтяков - сто или тысяча. Как даст с четвёртой дырки - все рухнут. Кого с первого раза не достанет, со второго добьёт, он не жадный. Мало этого, Вейн открыл глаза и на скорость передвижения дракона - негодяи сумели увеличить её до скорости полного лошадиного карьера с помощью нехитрого приспособления. Короче, битва уже проиграна. Мрак, а не дракон. Но в этом мраке перед Кием засверкал и лучик надежды, ибо Вейн заверил, что знает, как одолеть дракона. Вейн хорошо его изучил, и сумеет подобраться во время боя к хвостатому приятелю. Его будут охранять, но ближе к делу будет видно. Он всё придумает и сделает - и рассказал, примерно, как.

Много ещё чего по мелочи вытянули от Вейна, но вытянули, словно клещами, отпихиваясь всеми руками от дурости Мага, которую тот щедро навяливал повелителю. Дурень заявлял, что перебежал по Знакам Божьим, отпихиваясь от них всеми путями, и только пинки Господа заставили поторопиться с предательством. Вейн верил, что исполняет Его волю, которая теперь с Кием. И состоит она в атомном оружии, ещё дерьмовой смеси, которая чуть послабее, и ещё во многих дуростях. И в подробностях пытался рассказывать о них, если б не перебивали более практичными вопросами вроде штурма города, кознях магистра или о Белой Колдунье.

Чтобы Маг прекратил говорить о своих глупостях, Киею пришлось пообещать все их исполнять, не жалея сил, но - после взятия города. Вейн пообещал тут же взять его с Божьей помощью, если Кий даст хоть немножко войска. После такого обещания дурак успокоился, и уже беспрепятственно продавал магистра и государство дронов оптом и в розницу, до самой ночи, пока всё не продал.

Уже ночью, вспоминая допрос Мага, Кий долго обдумывал странность в ответах Вейна - этот весьма приближённый к тайнам Магистра человек ничего не слышал о Белой Колдунье. То есть - абсолютно ничего. Даже не понимал вопросов о ней. Зато весьма охотно рассказывал о принцессе Кристи, со слов своего дружка. Вейн считал её обычной дурочкой. Смутная догадка никак не давала заснуть Повелителю О Белой Ведьме никто не говорил ни слова - даже тролль. Ни один пленный, даже такой знающий, как этот. Но о дурочке Кристи знали все. А вдруг...и сам Магистр ничего не знает о Белой Ведьме?!

От такой невероятной мысли слетел весь сон - Кия даже в жар бросило. Он вскочил с кошмы, на которой всегда по-солдатски неприхотливо спал, жадно выпил кувшин разбавленного водой вина, и принялся лихорадочно размышлять. Казалось невероятным, что такой тёртый калач, негодяй и хитрец, как магистр, не знает ничего о Белой Ведьме. Кий был уверен в обратном. Знает, и оплетает потихоньку и наверняка своей паутиной, чтобы заставить воевать. Ведь не просто так он обручился с принцессой?

А если все-таки - не знает?

Кий вспомнил, что говорил Ка-Мей о Белой Колдунье. Мягко говоря, ей наплевать на всех людей, близких и дальних, наплевать и на их свары с войнами. К чему Белой Колдунье эти жалкие игрушки? Поскольку она живёт среди людей, ей приходится делать вид, что она всем этим дерьмом интересуется. Хотя бы из приличий, чтобы вовсе дурой не считаться. Она даже воевать может на чьей-то стороне, но как обычный человек воевать, мечом и копьём, не вспомнив даже про Чёрную Мощь, которую запросто могла бы вызвать из того, другого, тонкого мира, куда уходят души умерших. Белая Колдунья и для спасения своей жизни не вызовет Чёрную Силу - настолько ей наплевать. Вот магистр и старается, чтобы ей было не наплевать. Если он знает, конечно, о Белой Ведьме. Тогда к ней не подобраться. А если не знает?

Противопоставить Белой Ведьме просто некого - не эту же мелочь из колдунов, что крутятся вокруг его шатра. Они сгорят, как мошकारа в костре. Единственного, кто мог бы победить Ведьму, могучего Чёрного Колдуна Ка-Мея, специально и взятого на этот случай - и того схватил магистр в Ночь Синих Колдунов.

Обдумав всё, Кий принял решение. И спокойно уснул. А утром после Совещания велел остаться Сену. И твёрдо сказал, уставясь в глаза Тайного Советника: - Слушай приказ. Не знаю - как, но обменяй, выкради, выкупи из тюрьмы дронов Ка-Мея.-

- Не навредить бы.- уныло сказал Сен.- Магистр может заподозрить, что это не простой колдун.-

- Ты освободишь его. - уверенно сказал Кий.- Разве Вейн не говорил вчера, что Небо на моей стороне? И второй приказ слушай - ликвидируй принцессу Кристи. Белую Ведьму нужно убить, пока она не проснулась.-

- Белую Ведьму?! - ошарашено переспросил Сен. - Но откуда Ваше Величество знает, что это принцесса Кристи? -

- Небо сказала. - усмехнулся Кий. - Убей её. И очень-очень постарайся. Если ты выполнишь хотя бы один из этих двух приказов - мы победили. И поторопись.-

Сен постарался. И три дня допрашивал Герберта-трактирщика, пока не составил отличный план. Не иначе, как по воле Неба трактирщик оказался снабжён таким крепким черепом, что выжил после удара предателя Ден-Лейна. Когда очнулся, он сумел отвязаться от кола, к которому был привязан. Облётанный, изгаженный - настоящее страшилище, трактирщик не только сумел отвязаться, но и пароль вспомнить для шпионов, на своё счастье, а то караульные на воротах его добить хотели, чтоб не мучился человек. Когда Пу-И опознал трактирщика, то поддел Сена ехидным вопросом - с каким же духом тот беседовал через жулика Фо, если Герберт был просто без сознания, живой? Пу-И и над чародеем хотел поиздеваться, но не получилось - те ребята сколькие, и дело такое же. Фо с достоинством ответил, что беседовал именно с душой трактирщика, и только из-за этого разговора душа и решила вернуться в тело. Правда, сам Герберт так и не вспомнил, что на том свете с кем-то беседовал, но душа не должна этого помнить, это закон такой. Возвращаясь в этот мир, душа забывает всё, что видела и знала в том мире. Так что Фо награда полагается по праву, за спасение столь ценного шпиона. Но про награду Фо сказал, только отойдя от Пу-И на безопасное расстояние, и поэтому не получил её.

Сен не сомневался, что говорил с душой Герберта, ибо живой Герберт подтвердил на допросе о пленённом короле дронов. Выходит - Ден-Лейн и впрямь шпион магистра. Сен понимал, что снова

докладывать об измене Ден-Лейна бесполезно - Кий уверен, что купил его с потрохами, назначив начальником Королевской гвардии. Может быть, Кий и прав. Но этот Ден-Лейн оказался подходящим крючком, чтобы вытащить с его помощью из плена нужного колдуна. Король Алан должен помнить добро от Ден-Лейна.

И Сен, вызвав Пу-И, объяснил тому свой план - и молодец согласился, застоялся без работы. К тому же не лезть были слова Сена, что он - единственный, кто может защитить Ка-Мея от наёмных убийц магистра, которых тот наверняка подошлёт, двух-трёх-четырёх, если понимает ценность колдуна. Против воли короля магистр не пойдёт, это ясно - однако и колдуна живым не выпустит.

Они готовились целый день, обсуждая всякие мелочи, и уже наутро подошли у ворот к одному из тех купцов, что возили оружие, а значит, наверняка были шпионами магистра - их пропускали в город без особых помех. Пу-И сдёрнул купца с коня, а Сен поднёс к его носу кулак, и сказал, что - ты, борода, возьмишь этого молодца в город, проведёшь через стражу как своего помощника, и не вздумай - понял? А в городе - отвернись и забудь, что был у тебя такой помощник. И гляди, шпион - продашь страже - кончена твоя торговля. И всё прочее, когда в руки попадёшь, понял?

Купец понял, и Пу-И, одетый прислугой купца, без подозрений проник в город, и в полдень уже стучался в дверь одного горожанина, из тех, что купил на службу Я-Мо до появления магистра. Значит, можно доверять. Горожанин перепугался до побеления, услышав пароль, забормотал что-то про виселицы, но Пу-И шмякнул на стол мешочек с золотом, и сумел убедить труса, что царство магистра недолго, скоро желтяки придут, надо о будущем думать. К тому же предстоит безопасное, невинное дело - просьбу подать.

И на следующее утро во время обычного обхода по городской стене к страже короля Алана, как это обычно бывало, подошёл проситель, и передал просьбу на пергаменте. Королю Алану, как было заведено издавна, во время утреннего обхода любой горожанин мог подать просьбу или жалобу, и король тут же на ходу, выслушав её от просителя или стражника, решал эту мелочёвку, с которой не могли или не хотели справиться городские власти в лице мэра и совета старейшин. Однако это прошение оказалось настолько необычным, что король остановился, выслушав только начало, выхватив пергамент из рук стражника, и стал читать сам. В пергаменте было сказано, что вождь Ден-Лейн сидит в яме, под арестом и ему грозит смерть - и всё из-за Герберта-трактирщика, который чудом выжил, и продал Ден-Лейна. Вождь не надеется уже на магистра, хотя и верный его шпион, потому что магистр наверняка очень зол на несчастного Ден-Лейна за вырубленных по ошибке вождей. Одна надежда на короля Алана. Может быть, тот помнит маленькую услугу, что оказал вождь, и захочет оказать милость Ден-Лейну. Для этого надо освободить из тюрьмы близкого родича Ден-Лейна - колдуна Ка-Мея, и как можно скорее. Тот спасёт, Кий ему очень обязан. Больше никто не способен спасти вождя, которого за эту мелкую услугу королю изрядно побили, да так, что еле дышит, и скоро на кол посадят. Это письмо королю должен передать один родич Ден-Лейна. Он поклялся найти способ передать его в руки короля. Этот родич будет ждать решения короля в полдень, на дворцовой площади. На нём будет надета приметная зелёная чалма. Он проводит колдуна Ка-Мея до лагеря желтяков. И тогда Ден-Лейна обязательно освободят.

Король Алан, дойдя до середины крепостной стены, встретил, как уже неделю встречал, вместо вечно хмурого магистра всегда противную сестрёнку. Она вручила обыденную склянку с лекарством, и попеняла, что опять вчера с Сэмом и старым королём напился горячего, это же вредно для здоровья. А про магистра сказала, честно моргая лживыми синими глазёнками, что он жив, здоров, ловит шпионов и строит козни, а видеть его..., завтра, может быть, он выкроит от своих шпионов минутку или две. Но не сегодня. Никак. Занят. За-нят. Всё.

Король Алан саркастически сказал, что указ короля Ри о том, что принцессе Кристи можно соврать один раз, уже не действителен - ведь король эльфов убит. Почему бы принцессе не пустить к магистру короля? Очень нужно посоветоваться.

Кристи сдвинула брови и ответила, что указ короля Ри, пусть трижды убитого, пока не отменён новым королём Ри- и потому магистр занят шпионскими делами настолько, что не может принять короля Алана. Может, завтра. Но всё необходимое она, принцесса, ему передаст.

Король Алан выпил склянку с лекарством, пока слушал эту речь, и ему сразу полегчало - небо поголубело, кирпичные зубцы стены покраснелись, а солнышко перестроилось с зимнего свете на летний. И сестрёнка вроде и не такая противная сделалась, а очень даже ничего, ну и дурак магистр, что не женится на такой красоте.

И король Алан объяснил теперь симпатичной принцессе, что, конечно, дело чести, да и вообще ерундовое дело - освободить этого Ка-Мея, мелкого колдуна, но он, король Алан, теперь ничего не хочет делать, если магистр не одобрит. Старый король правильно говорит, что магистр негодяй и рыбака, но что ж делать, если он такой негодяй и рыбака? Хватит прежних ошибок.

Вождей вырубил, союзников. И эльф, собака такая, всё-таки долетел, сволочь маленькая. Король Алан, дважды в один день своими руками спас желтяков от поражения, которое готовил рыбака. Хватит. Он и впрямь ослаб от болезни, но никому этого не скажет, кроме принцессы, тем более, что она сама это знает. Вот, пусть Кристи передаст это письмо магистру, когда он отвлечётся от ловли шпионов и придёт в сознание. Конечно, Ден-Лейн спас жизнь короля - это так. Но что она стоит теперь, эта жизнь - лечебная склянка или стакан горячего, вот и всё, поэтому королю плевать на дело чести - пусть вначале магистр даст согласие на освобождение Ка-Мея. Понятно?

Принцесса взяла пергамент, понюхала на отраву, и убежала. Когда король Алан возвращался в свои покои, принцесса его догнала и радостно сообщила, что магистр на сегодня всех шпионов выловил, и потому письмо прочитал, и оно очень не понравилось. Он вызвал послушника, который держит связь с Ден-Лейном, и приказал схватить для допроса эту зелёную чалму. Только после допроса магистр может что-то посоветовать королю.

Да, к сожалению, мерзавец начал выздоравливать. Ещё вчера он бы что-нибудь пробормотал, и принцесса Кристи непременно услышала бы это, как: "освободить Ка-Мея", но сегодня голова работала, и мелочи не упустил, полюбопытничал - откуда письмо? Да как вручили? - хотя какое его дело - болей и болей себе на здоровье. Но этот тип выздоровел уже достаточно для того, чтобы ещё за час до полудня целая толпа шпионов и послушников вытеснила с замковой площади обычных празднично-торговых покупателей. Все жадно искали глазёнками зелёную чалму, а уж на городских улицах хватало всех, кто хоть издали чем-то зелёным мерещился. Даже слово "зелёный" нельзя было произнести - один шпион спросил подозрительного горожанина, не в силах разглядеть на нём ничего зелёного, просто по нетерпению своему спросил: - Какого цвета дерево, как думаешь? - и тут же, хотя горожанин и слова не сказал - обоих схватили десяток мирных граждан, что слонялись вокруг и вроде как до этого просто считали в небе ворон. Но такое дикое рвение объяснялось уже не здоровьем магистра, а дуростью принцессы.

Она передала послушнику приказ схватить связного в зелёной чалме, для допроса, и послушник, на своё несчастье, посетовал, что вся тайная служба в разгоне. Никого под рукой, пусть принцесса даст пару стражников из охраны замка, для задержания связника. Послушник при этом шарил по карманам, и когда ничего не нашарил, вздохнул, что вот, золотая монетка пропала, стражникам и

посулить нечего. Конечно, стражники подчинятся и без этого золотого, но так уж повелось, что королевская стража ненавидела магистра и его людей, и рычали бы на послушника как собаки.

Вот этот золотой от рычания послушник и искал, ненужный совершенно, однако принцесса, желая помочь, сказала, что она назначит награду за поимку этой зелёной чалмы. В деньгах принцесса Кристи была дура - дурой, как и во всём прочем.

Почём курица на базаре - не знала, что тут говорить!

Она взяла в королевском подвале первый же мешок с золотом, что под руку подвернулся, пыхтя, притащила его в караульное помещение, где и шмякнула на стол перед начальником стражи по имени О-Рурк. Потом велела выделить людей для задержания одного типа в зелёной чалме - послушник скажет - какую чалму, где, когда и что. А мешок - в награду тому, кто схватит эту злостную зелень. Всё ясно? И убежала, оставив на столе жалованье О-Рурка за триста лет службы.

О-Рурк этого не знал, конечно, но глазомер имел хороший, и глаза его от измерений просто на лоб полезли. О-Рурк, бедный разорившийся дворянин, которого в родной Ирландии ждали разорённое поместье, жена, двое детей, и прочие несчастья - а тут какая-то зелёная чалма. Если бы этот мешок, и главное - слова эти произнёс король Алан или магистр, О-Рурк был бы счастлив за своих деток и никакого переполоха бы не получилось. Любая награда, иногда назначаемая, всегда делилась по справедливости - пятую часть исполнителю, остальное - по начальству согласно званию и весу. Но теперь, взглядевшись в волчьи глаза подчинённых, О-Рурк понял, что и у них дети явно голодные. Слова принцессы Кристи и понимали, и исполняли буквально - от и до. Она же дура, и опасная, и если сказала - так и будет, без подтекстов и интриг. Раз принцесса сказала, что весь мешок достанется тому, кто схватит, так и будет - О-Рурк даже хмуриться не пытался на своих подчинённых, понимая, что при попытке взять хоть золотой, хоть какой начальник мигом повиснет на площади И дуре не доказать, что жизнь устроена так, что с начальством надо делиться.

До прибытия магистра наёмная охрана была монолитной, со своими законами, а О-Рурк - самой главной здесь фигурой. Наемная охрана была надёжней, чем своя, из местных дворян. Те вечно строят заговоры. Однако, если присмотреться глазами магистра - и наёмники свергли немало королей. И после прибытия магистра весь монолит охраны треснул, как стекло, под ударами провокаторов. Самого О-Рурка пытались примерно раз в неделю купить шпионы от желтяков, которых О-Рурк хватал за наградной золотой, и которых потом частенько встречал в трактирах и на тесных улочках. Но иногда провокаторы были настолько желтяки, и подводили их настолько тонко, что О-Рурка сомнение брало - может, и впрямь шпион от желтяков? За таких О-Рурк требовал два золотых награды, говоря что этот уж настоящий! - но магистр всё равно платил один. С десятков охранников всё же клюнули на эти тухлые наживки, за что теперь несли дозоры в поле, а уж про заговоры в среде наёмников и шулки перестали шутить, как раньше. Все шутники тоже ушли шутить в опасные полевые дозоры. Охрана превратилась в стаю волков, где каждый боялся каждого, ненавидел магистра и послушников, и смотрел собачьими глазами в ласковые руки королевской семьи. Приз стоял на столе, условия - самые твёрдые - и гонка началась.

Конечно, служба есть служба, и охранники, что заступили на посты, только облизнулись поначалу на мешок, но потом каждый ухитрился передать по знакомым, друзьям и всем прочим шпионам заветные слова, что подняли весь город - мешок золота, схватить зелёную чалму - сказала принцесса Кристи.

И уже через час, кроме наёмников, зелёную чалму искали человек пятьсот, а ещё через час -

буквально весь город.

Хватали всех хоть в чём-то зелёном, и послушники не успевали опрашивать задержанных и выкидывать их за ворота тюрьмы.

И хватило же бедняге Пу-И ума храбро натянуть зелёную чалму!

Едва он отошёл от ворот на десять шагов, как сзади пристроился какой-то бородатый здоровяк. Улочка была тихая, мелкая, всего трое прохожих вместе с бородачём - все упали в пыль после покушения на зелёную чалму. Пу-И забеспокоился.

До площади идти было ещё далеко, а у магистра оказались настолько рьяные помощники, что сходу шпионов видят. К счастью, и следующий проулок попался тихий, мирный - всего семеро нападавших полегло под точными ударами Пу-И.

Однако на многолюдной улице, что вела к площади, отстоять зелёную чалму не удалось даже такому герою.

Пу-И сбил с ног одного, второго, пятого, десятого...Показалось, сошёл с ума - едва увидев, на него кидались молча и по-волчьи. Даже лучший восточный маг желтяков смог продержаться в свалке всего с минуту, пустив в ход всё своё умение, всё - и локти, и колени, и зубы, и голову, уже без чалмы, которую сразу же содрали. Озверевший и растерзанный, в лохмотьях и крови от многих синяков и ссадин, Пу-И чудом выполз из огромной свалки, где все хватали всех, рвя лохмотья зелёной чалмы на ещё более мелкие. В числе прочих побитых, невольно всхлипывая, Пу-И потащился к площади, вспоминая Сена. Тот оказался прав - никто другой не уцелел бы в такой заварухе. На площади было не протолкнуться от стражников и шпионов. Пу-И присел на камень, чтобы обдумать действия. Побитая в драке голова соображала плохо, но Пу-И смог вспомнить предупреждение Сена, что его обязательно кто-то продаст, ибо у магистра здесь всё перекуплено -и значит, всё шло по плану.

Жаль, Сен не предусмотрел, что у магистра так много шпионов, рьяных и исполнительных.

Пу-И стал высматривать - кому бы сдаться из начальства - чтобы не убили при задержании от такого рвения. В знаках различия он разбирался, и сразу разглядел О-Рурка. Зря многие считали Пу-И безголовым убийцей - война требует головы, и Пу-И отлично разбирался не только в форме и званиях противника - он и язык противника изучал уж куда усердней Сена - от этого зависела его жизнь. Пу-И решил сдаваться этому, самому тут высокому начальнику, но О-Рурк, к которому фортуна повернулась лицом, сжалившись над его детками, долго отбивался от мешка с золотом, который упорно навяливала ему фортуна.

В Господа Бога О-Рурк не верил, и потому ни во что не верил, что не похоже на картинку в его голове. Он обругал оборванца, он гнал его, всё высматривая зелёный цвет. Как Пу-И не твердил, что он зелёная чалма, О-Рурк только рычал, подозревая подвох от своих стражников, чтобы увести его с площади.

- А где твоя зелёная чалма? - язвительно спрашивал О-Рурк, и честный Пу-И клялся, что была совсем недавно, но до кусочка отняли. Пу-И даже клятвенно поднял руки к небу, и тут случайно увидел застрявшую между ногтями зелёную нитку, одну единственную от всей чалмы.

- Вот! - радостно вскричал он, показывая нитку О-Рурку. Тот взгляделся, и сердце захолонуло. Заметив, как прислушиваются стоявшие неподалёку шпионы, О-Рурк громко сказал, что это синяя нитка, и за такой обман сейчас лжеца удалит с площади, пошёл! Благодаря этой хитрости он без

помех дотолкал Пу-И в спину до ворот в замок, где стояла на посту королевская стража. Она и защитила, когда О-Рурк громко заявил счастливому Пу-И, что он арестован, поскольку является шпионом в зелёной чалме. Все прочие, что услышали эти слова, бросились на помощь в аресте столь опасного злодея, так что минут пять стража, О-Рурк и пленённый злодей усиленно отбивались от жадных добровольцев.

О-Рурк доставил пленника в крыло замка, где располагались послушники Ордена Святого Креста - там были подвалы и прочие причиндалы тайной службы. Задёранные зелёными чалмами, и в прямом и в переносном смысле, послушники зло заорали О-Рурку, что нечего тут крохоборить - у него и чалмы нет, это не тот.

- Ну что ты мне нитку суёшь? - раздражённо спросил послушник Ален, побитый и помятый в одной из свалок на площади, - У меня чалмов и халатов этих зелёных полный угол, хоть торговлю открывай. А ты нитку в нос тыкаешь. -

О-Рурк умоляюще обратился за помощью к пленнику, и тот выручил, в две минуты доказав, что он настоящая зелёная чалма, пусть и нитка от неё осталась. Пу-И наизусть прочитал половину того пергамента, что получил король, и в звенящей тишине О-Рурк, заикаясь от волнения, спросил у Алена, который сидел с раскрытым ртом - тот самый?

Тот озадаченно сказал, что тот самый, хотя и без чалмы, и награда принадлежит О-Рурку, но... Но его шпионские подозрения О-Рурк и слушать не стал - стрелой улетел к своему мешку, который так и стоял на столе, пожираемый взглядами всех караульных.

Пришлось Алену выкладывать свои подозрения пленнику в лицо -это похоже на подставу или провокацию, не так ли? Ведь Ден-Лейна никто ни в какую яму не сажал, и в пергаменте - полное враньё.

Пу-И очумело закивал, что да - и подстава, и провокация. Ему велели арестоваться - он и арестовался, хотя стражники, и особенно О-Рурк, очень противились.

Ален тупо кивал, и тихо жаловался другому послушнику, что это полный бред, он ничего не понимает. И вообще все с ума сошли, ему вот зуб на площади выбили - шепелявит теперь. Послушник, к которому обращался, тоже изрядно помятый на площади, с отвращением запихивал в мешок зелёные чалмы, халаты и прочее тряпье. И на жалобы с отчаянием сказал, что Ален сам виноват - чего принцессу припутал? Её за милую обходить надо, а ты стражников в помощь попросил - за это тебе Господь рожу и намял, дураку, а мне-то за что? И зло прикрикнул на Пу-И, чтоб помогал убирать с глаз долой зелёные тряпки. - Скажи спасибо Господу, - добавил он горестно, - что не дал принцессе притащить мешок потяжелее, а то бы уж и листья с деревьев оборвали, да и землю бы всю перекопали в городе в поисках хоть какой зелени. Вскоре вернулся О-Рурк и спросил счастливым голосом - всё ли хорошо и не требуется ли послушникам помощь королевской охраны - его принцесса Кристи прислала спросить. При упоминании о принцессе Ален полез прятаться под стол, а послушник - в мешок с тряпьем, но потом они опомнились, и Ален злобно зашепелявил О-Рурку, што шпасибо, проваливай, и шкажи принцешше, что вшё, вшё, вшё прекрасно, а второй послушник метнул в О-Рурка мешок с чалмами.

Выгнав визитёра, послушники долго решали - что делать с пленником, и вообще - что делать, и даже его спрашивали, но тот, изрядно помятый в драке, только тряс головой и глупо улыбался. Ален твердил, раз ты подстава, значит, Ка-Мея и видеть не хотят. Наоборот хотят, чтобы мы этого Ка-Мея повесили, да?

Пу-И кивал головой, ничего не соображая, но подтвердил, что послан Сенном, новым начальником Тайной службы Кия. Имеет приказ охранять Ка-Мея, когда отпустят, и всё. Ален потащился к принцессе Кристи, и доложил для магистра, что желтяки хотят повесить Ка-Мея вместе с зелёной чалмой - иначе никак эту глупость не объяснить. Автор письма Ден-Лейн вовсе не в яме, а на свободе, как только что подтвердили шпионы.

Так принцесса и объяснила магистру, когда вечером его навестил король Алан. Он присел у постели больного мерзавца и похвалил его цветущий вид и рассказал мелкие новости, косясь на Кристи, что сияла рядом и гордилась за жениха, что такой цветущий и почти здоровенький.

Магистр пообещал голосом несмазанной телеги, что вскоре поднимется на ноги. Не только голос изменился у магистра. В его глазах король заметил неприятный блеск металла, но если приглядеться - пустоты прибавилось в глазах, словно украл от принцессовых гляделок. Конечно, жизни ещё хватало, мыслей и чувств - далеко до принцессовых глаз, с которыми мог соперничать пустотой разве младенец или матерый волк.

Однако волк, пожалуй, теперь бы отвёл взгляд первым при встрече с магистром - он ведь обычный зверюга. Говорил магистр не так мягко, как раньше, королю понравилось.

Мерзавец ничуть не раскаялся в своём греховном упорстве спасти Европу, наплевав на все мирные знаки Божьи, призывающие к сдаче. Напротив, с радостью свиньи, которая так свойственна человеческой природе, магистр прыгнул, образно говоря, в глубокую лужу греховной гордыни. Он заявив королю - Господу виднее, что делать. И если Он помешал убить Кия и укрепил его войско с помощью мечей короля Алана, не стоит на Него сетовать. Лучше шарахнуть по желтякам всем, что осталось в руках. И если Господь вновь помешает, мы не обидимся, и шарахнем остатками в ту же сторону. И так будет, пока Господь не отберёт всё, чем можно шарахнуть - вплоть до жизни.

За это своеволие Он и возлюбил человек. Это не грех, а добродетель - грозить Господу кулаком. Ведь боролся с ним Иаков, задолго до Христа, и отделался только повреждённым бедром. Пусть Господь даже с желтяками - во что магистр не может поверить - мы ещё посмотрим, кто кого. И потому советует королю отпустить колдуна Ка-Мея, раз Господь так стремится его повесить.

Проскрипев эту речугу, магистр утомился, закрыл глаза - и мгновенно уснул сном праведника. Принцесса Кристи зашипела, что приём окончен, магистр утомлён, всё - и король Алан ушёл, предоставив освободить Ка-Мея своей сестрёнке. Принцессе что? - сказано-сделано. И спустя короткое время она говорила ошеломлённому Алену, который крестился и бормотал, - Свят, свят... - что король Алан исполнит просьбу. Ка-Мея - отпустить. Магистр одобрил. Печать и подпись нужны? Она мигом сбегает.

- Нет, нет, - заверил Ален, стирая со лба пот, - но Вы хоть из дверей выпрыгивать перестаньте, Ваше Высочество. Это неприлично для невесты. А что магистр всё подпишет, и даже с тайным знаком - послушник в этом не сомневается.

Прозрачный намёк на её художества принцесса Кристи пропустила мимо ушей, потому что намёки не понимала, дура. Тайный знак - точку в левом углу - знак подлинности подписи, она всегда ставила вместе с ещё двадцатью шестью точками, чёрточками и одной маленькой дыркой, что случайно оказались на приказе магистра, который она запомнила, как образец. И сказала, что велит тогда обоим - и Ка-Мея, и шпиона - вытолкать в шею из города.

- Будет исполнено.- сказал Ален, и вредная девчонка тут же исчезла, прыгнув в открытую дверь.

Спустя минуту он повторил её слова О-Рурку, и тот, укрепив вскоре обе свои длани на шеях Пу-И и Ка-Мея, повёл их через весь город. Дюжина стражников, что он взял с собой, были не так миролюбивы, и просто толкали в шею обоих пленников, когда подходила их очередь, так что и Ка-Мей, и даже Пу-И часто падали. На недовольство стражников, что лучше просто вести под конвоем, О-Рурк отвечал, что приказ был - вытолкать в шею из города - и он вытолкает, и нечего всякой шушере засорять славные городские подвалы. За ворота города О-Рурк вытолкал их самолично, а поскольку расщедрился на прощальные пинки, то оба пленника вспахали носами дорожки в пыли. Они встали и побрели под хохот стражи, уныло опустив головы, и жалко, что хвостов не было, а то бы и хвосты поджали. Однако солнышко светило по-прежнему ярко, вдали танцевали лошади дозорных, что выслал Сен, и путники приободрились. Ка-Мей заулыбался, как помешанный - впрочем, он всегда так улыбался, колдун проклятый - и спросил - отчего же их отпустили? Пу-И разразился потоком ругательств, вспоминая про себя слова послушника, сказанные напоследок: -

Счастье твоё, что принцесса дура. Тебя прислали прямиком на виселицу, как овечку на заклятие. Видать, здорово насолил Сену. Ну, так иди, ещё соли.-

Прибыв в лагерь, Пу-И забился в шатёр, и вместо отчёта Сен получил от него только ругань. Пу-И надурился конопля и два дня отлёживался, весь в синяках и болячках, не желая получать милости и награды.

- Нежный какой, подумаешь, повалить его нельзя, - сказал недовольный Сен.

А в лагере желтяков с прибытием колдуна Ка-Мея все забегали гораздо веселей, потому что Кий воспрянул духом и уверился в победе. Он то и дело похлопывал по карману халата, и уверял командиров, что победа именно тут. В предвкушении близкой наживы в разграблении города подготовка к битве развернулась во всю ширь. До каждого солдата дошло, что учения кончились - идём вперёд - и весело застучали молотки по штурмовым лестницам и прочим боевым приспособлениям. Пекарни дымили круглые сутки, готовя запасы лепёшек, сухарей, и копчёного мяса. Крепилась и чинилась упряжь, оружие, щиты и тысячи мелочей паковались и грузились на обозные телеги. Вейн предавался любимому занятию - шлялся по лагерю, глазел на всё, и пытался болтать на всех языках, что знал. А знал он, как и все бродяги в то время, понемногу каждый, и желтяковские тоже. Если попадался терпеливый собеседник, то болтовня всегда получалась на славу. А с ним все старались быть терпеливыми, хотя порой с трудом могли разобрать его глупые вопросы, ибо верзила нацепил даже две броши - тысячного командира и начальника легиона, что ему выдал Кий.

Кроме брошек, уважению способствовала его охрана - часть учеников Пу-И в полном вооружении постоянно бродила с ним по лагерю. У Чёрного Магистра длинные руки - охрана так зыркала по сторонам, что честные желтяки шарахались, от греха подальше. Кстати, назначая Вейну охрану, Кий пошутил, что это, наверное, зря, потому что Господь и так охранит любимчика, каким себя Вейн выставляет.

На это Вейн заметил, что Господь это и делает с помощью Вашего Величества. Зачем Господу чудеса творить, если на это есть мы, люди? Кий заинтересовался, спросил - а как же чудо Господне отличить от рук человеческих?

На это Вейн ответил, что всё чудо, и чуда потому вообще нет.

Господь постоянно творит чудеса, однако по созданным им законам, давно привычным людям. И потому чудеса не замечают, пеняя Господу, что ничего не делает, как ни проси. Так пенял один

знакомый Вейна. Обнаглел в вере и просил у Господа чудо о ложке, которая сама летала от чашки с едой, а он бы только рот раскрывал навстречу чудесной ложке. И долго выпрашивал, и Вейну говорил - чего Господь не исполняет, хотя в Библии сказал: "просите - да исполнится"? Вейн отвечал, что Господь руки дал для ложки, и разум, чтоб рукой с ложкой управлять - всё давно исполнено, и Господь не может понять бессмысленную просьбу. Но, видать, хорошо просил, и Господь исполнил. Во время битвы ему отрубили руки, и тот верующий оказался в монастырском приюте, где его с ложечки кормили.

И всё-таки чудо он понял только после беседы с Вейном, когда тот зашёл навестить калеку. И был весьма потрясён милостью Господа, и долго ругал Вейна, почему тот, скотина, раньше не объяснил, что Господь даже глупость исполнит, если упорно выпрашивать. Но он был не прав, ибо Вейн всегда говорил - только Господь знает - что есть что. Мы путаем, и постоянно выпрашиваем кирпич на голову, думая, что просим вовсе не кирпич. К примеру, другой знакомый долго выпрашивал у Господа богатство, да побольше, да позолотистей, и Господь дал ему золото - на двух лошадях увёз дружок часть воинской казны герцога Бордо. И возблагодарил Господа дурак, что исполнил наконец, его мечту. Ну, купил поместье, титул дворянина, землю, крестьян, всё хорошо, но спустя всего несколько месяцев помер от обжорства, пьянства и прочих болезней. На бочку стал похож, жрал мясо и пил вино в компании гулящих женщин, и ничего больше не надо - ну, и помер. Вот что он выпрашивал, вовсе не золото. Видел Господь, что кирпича просит человек на голову, что сломает его богатство, и даже Вейна посылал объяснить, но уж очень сильно верующий попался, уговорил, получил свой кирпич, слава милосердию Господа.

К слову сказать, Кий сильно заинтересовался таким интересным Господом, и почти каждый вечер болтал с Вейном о вопросах веры. Сам Кий верил только в волю Неба, что Вейн одобрил, но назвал такую веру недоразвитой. И рассказал о европейской, во Христа. И почти Христом распинался, объясняя её тонкости, но Кий заинтересовался лишь, когда Вейн рассказал, как пришёл к своей вере. Никто не мог ответить на вопрос - почему Бог явился в теле Христа, а не бородатой зелёной лягушки. Ответ звучал одинаково у всех - потому что ты дурак, и вопросы у тебя дурацкие. Пришлось ответить самому - с зелёной бородатой лягушкой люди и разговаривать бы не стали - убили, и все разговоры. Если Бог явился человеком, значит, очень хотел быть понятым и услышанным. И Христа выслушали, поблагодарив гвоздями, но нашлись дураки, которые и поняли, и поверили. Каждый понял в меру собственной дурости, и когда устали спорить, договорились о единстве в вопросах веры - так родилась православная церковь. А дураки, что поумнее, решили избрать Папу воплощением Христа, чтобы не передрались. Что сказал Папа, то сказал Христос. Так родилась католическая церковь.

Вейну обе веры нравятся, но он дурак, и понял Библию по своей дурости. Поскольку Бог звал людей, значит, очень нужны. Любит Он нас, подлецов. Совсем уж подлецов по имени грешники, и тех прощает, всё равно годятся. Вейн весьма уверовал в Христа, весьма возлюбил, и решил исполнять Его волю. Но как это сделать, если Вейн родился дураком - не видит Бога, не слышит, и не понимает? Тогда Вейн решил установить язык для общения - деньги, он удобный и понятный. Богу плевать, на каком говорить, Он на всех умеет. Где денежки светят, туда Вейн и идёт, считая это волей Божьей.

И сразу бессмысленная жизнь Вейна получила смысл, и ринулась вперёд. В монастыре ничего не платили, а вербовщик денежку посулил, да и в монастырь как прошёл, непонятно - эли не Знак Божий? Так Вейн пошёл в наёмники, и с тех пор весьма много послужил Господу, идя следом за денежкой, которая, вот, привела к Кию. Это ли не воля Божья?

Кий опять пообещал постройку орудия Вейна, а вера настолько заинтересовала, что велел Сену раздобыть Библию. Тот раздобыл целых пять штук, от шпионов, но Вейн все забраковал, потому что в

них Господь говорил о святости племени дронов и грозит гибелью их врагам. Вейну пришлось достать из своего мешка Библию в серебряном переплётё, что Гельда украла у магистра - дроны там и не поминались, только евреи.

Сену пришлось ещё пятерых шпионов считать проваленными, раз магистр разрешил украсть эти Библии из церквей города, считая, видимо, что Библия, пусть и поддельная, поможет душе негодного безбожника Кия и отговорит его от плохих поступков. Сена удивило, что магистр даже не отравил Библии, хотя ядов полный сундук имел от желтяковских шпионов.

Отравить Кия, кстати, уже было не проблемой, однако травить его магистр передумал. Когда король Алан завёл разговор о вырубленных вождях, магистр ответил, что не в игры играет на чёт и нечет - у него всегда должен быть чёт. Так что Кия убить и сейчас можно, как только пожелает король Алан. Ден-Лейн - начальник охраны Кия. Если не решится, тролль отравит хоть завтра. Он и яд притащил - надёжнейший, новейший, из лошадиного навоза. Буквально царапина - смертельна. Если в кресло вставить занозу - через неделю нападает болезнь столбняк - и на тот свет без разговоров. Колдуны Кия не распознают этот яд ни по запаху, ни по другим причиндалам колдовским. Так что успех, вообще-то, полный. Однако Господь видел дальше, и потому уберёт от этой страшной ошибки - убийства Кия.

На изумление короля Алана магистр показал ему стопку шифровок с голубиной почты - они скопились во время болезни. Кстати, на каждой стояла его подпись, печать и приказ казнить всех, кто там упоминался - это принцесса от скуки оттачивала своё глупое мастерство. Пока магистр валялся в горячке, все его злодеяния и пакости благодаря Ордену и злой воле Кристи крутились и вертелись сами собой - шпионы шпионили, а голуби летали, и ещё быстрее, чем самая быстрая почта эстафеты - вот какие подлые голуби имелись на службе у негодяя магистра, и ведь всего за горсть зерна. Посланец Большого Желтяка, визирь Цой выехал в тайне и мчал изо всех сил - всё было бесполезно.

Его сразу продали два шпиона магистра, которые уже три месяца торчали под видом купцов в желтяковской столице, и накупили во дворце столько глаз и ушей, на сколько хватило денег и наглости. Бедняга визирь очень старался - он мчал, обгоняя всех, он показывал на постоянных дворах Золотую Брошь Большого Желтяка, и без очереди получал отдохнувших лошадей для своей коляски и своей охраны. Он обедал и ужинал на ходу, спал на ходу, и даже гадил на ходу, в большое ведро, но всё было тщетно - то и дело его обгоняли голуби с шифровками о его задании. По этой дороге, теперь езженной, безопасной и оживлённой, можно было мчать, а в своё время войска Кия буквально продирались по лесным дебрям, умирив недовольные племена, терпя лишения, но прокладывая эту дорогу. Как обычно и бывает в этой справедливой жизни, визирь Цой мчал, чтобы завладеть плодами долгого труда, пота и крови войска Кия. Кий сделал своё дело - Кий должен уйти - так рассудили во дворце Большого Желтяка. Конечно, Большой Желтяк обещал отдать Кию всё, что завоюет. Это было разумно - Кий платил бы подати с покорённых земель.

Первую тревогу Большой Желтяк ощутил, когда приезжий купец рассёк привозным мечом толстую медную вазу на церемонии показа товаров во дворце. Всё ещё улыбаясь, Большой Желтяк похвалил сталь, и спросил у купца - сколько мечей можно заказать из Европы? Желтяк думал вооружить ими своих телохранителей, ибо такие мечи дороги и редки, как бриллианты. Но замурзанный купец устало буркнул - сколько надо, столько и привезём, хоть сто тысяч, только денежки гони А потом пошли другие товары, невиданные в стране - блюда, кубки, всякая столовая утварь, ткани - да какие! А кожа! Тонкой выделки, а сёдла, сбруя и прочие мелкие причиндалы, которые так облегчают жизнь военного человека, не говоря о всяких украшениях и безделушках. Этот, ещё не самый ударный товар, привёз первый караван купцов, тогда ещё под усиленной охраной от Кия, против разбойников,

что расплодился как мухи, и которых истребляли как мух. Платить за товары пришлось в конечном счёте, как убедился Большой Желтяк, только пряностями - перец и прочая ерунда, которые сами растут и которых навалом.

Тогда и стало ясно, что Кий всё же протаранил новый и короткий, легкий и денежный торговый путь в Европу. И готов его оседлать после взятия перевала. Такой кусище был Кию уже не по чину. Но пока оставалось государство дронов и ключ-город ко всей торговле, волноваться было рано. Кроме Кия, работу сделать некому. Но сообщение о смерти вождей встревожило сильнее. Это были нити, за которые всегда мог дёрнуть Большой Желтяк. Теперь Кий действительно заполучил в свои руки войско, которое подчиняется только ему, а также источник денег - торговлю, не считая земли дронов. Он мог теперь наплевать на всех - и на Большого Желтяка тоже.

Были собраны все визиря для решения проблемы. Они толковали два дня, и вывод был неутешительный. Согласно всем расчётам и прикидкам, Кий должен проломить оборону города в самом скором времени. То же самое твердили и предсказатели, причём на редкость единогласно. И тогда Большой Желтяк решил принять меры, пока не поздно. На таком месте Кий неизбежно будет крепчать и расти, как замешанное тесто. И зачем ему пропускать войско Большого Желтяка в Европу? Он и сам её завоюет. При такой золотой жиле любой изменит, если имеется хоть что-то в голове. Большой Желтяк сделал вывод, и вывод этот в лице визиря Цоя ускакал в лагерь Кия вперегонки с почтовыми голубями. У Цоя имелось несколько приказов, один из которых надо было вручить Кию, решив на месте - какой именно. Цой в них и не заглядывал, знал - там что-то наградное для славного Кия, землями, привилегиями и ещё чем-то бесполезным. Кий этого не увидит, потому что сам визирь получил приказ его ликвидировать, и отправить на родину для пышных похорон, почестей и прочей мурсы. Визирь должен будет возглавить войско в ожидании следующего приказа. Конечно, ликвидировать Кия теперь сложно. Настолько, что Большой Желтяк для этой цели дал Золотую Брошь. Обладатель этой броши для всех подданных империи был носителем воли Большого Желтяка, исполнителем его личных приказов. Только визирю Цою решился доверить такую опасную вещь Большой Желтяк. Цою он верил. Тот - старик, восемь жён, сорок сыновей, и все на службе Большого Желтяка. Он не рискнёт использовать Брошь в своих целях. Кроме того, визирь за долгую жизнь приобрёл огромный опыт - и воинский и государственный, и потому вполне мог самостоятельно закончить войну с дронами. Тем более, после воинских реформ Кия его место мог занять любой, не боясь, что войско потеряет управляемость. Два дня на знакомство с командирами легионов, с советниками - как теперь Кий называл визирей - и его можно убрать. Войско и не заметит, да и плевать ему теперь - кто там наверху командует. Все перемешаны в легионах, нет ни племён, ни вождей - одни отцы-командиры, как были, так и остались. Визирь Цой не такие дела проворачивал за долгую службу, и потому был весел и спокоен. Даже дурные предсказания не заставили волноваться, потому что Цой, по примеру Большого Желтяка, прислушивался к ним в пол уха. Слишком темны слова предсказателей. Они советовали отложить поездку на недельку, а пока, мол, поездка будет неудачной. А почему - сами не знают. Между тем все они дружно предрекают падение столицы дронов в скором времени, все - и звездочёты, и заклинатели духов, и дети Шивы, да и прочие. Как же не спешить? Если Кий успеет взять город до приезда визиря, он и говорить не захочет. Зачем ему какой-то визирь от какого-то Большого Желтяка, если сам себе владыка, и другие уже не нужны? А до взятия города Кий встретит, как и подобает встречать такого посланца.

В самом деле, предсказатели не смогли вразумительно ответить - кто возьмёт город. Самые откровенные маги говорили, что Небу плевать на такие мелочи. После отъезда визиря только самые молодые из предсказателей во дворце пытались всё же втолковать Небу разницу между полководцем Кием и визирем Цоем, но ответы получили опять определённые - и в птичьих кишках, и

в звёздном небе - Кий будет жив и здоров, хоть тресни, а город возьмёт - неизвестно кто, вы его всё равно не знаете, отстаньте.

Молодёжь ничего не проявила, и вечером один из предсказателей, плюнув в сердцах на свои таблицы, пошёл из дворца в город к своей подружке. Он пробовал заморское вино и жаловался своей утешительнице на полную непонятность с этими предсказаниями - и Кий будет жить, и визирь будет здоров, а город возьмёт неизвестный. А кто - как спросить, если не знаешь, про кого спрашивать? Как Небо сможет внятно ответить на непонятные вопросы? Чтобы внятно спросить, нужно знать всех главных действующих лиц, причём знать, что это они - главные, а не другие, знать их помыслы и догадываться о планах. Но если это знаешь, то и подсказки Неба не надобны - и сам сообразишь, что произойдёт. К примеру, визирь Цой ускакал вчера, а лучше бы с неделю переждал - так Небо сказало. Но почему? Надо тысячу предсказателей иметь, чтобы выяснить - чёрт ногу сломит, потому что по его таблицам, вмешивается какая-то третья сила, и четвёртая маячит рядом, и пятая мешается, а кто они и чего хотят - никто не знает.

Весёлая подружка только подливала вина и поддакивала, и выпрашивала подробности, чтобы завтра же продать всё это мордастому красавцу-купцу, очень ласковому и щедрому. Особенный восторг у неё вызвали слова предсказателя, что дурак Большой Желтяк, лучше бы шпионов засылал как можно больше, не скупился, и никакие тогда предсказатели не нужны. Разбойница просто зацеловала молодого предсказателя, повалив на диванные подушки.

Вот эти шифровки - и от купца, знакомого с этой легкомысленной и корыстолюбивой девой, и от других шпионов - магистр и прочитал королю Алану, скрипя зубами, что все планы перевернулись. А как хорошо было задумано - отравить Кия, уколов лечебной иголкой, которую подменит тролль в шкатулке лекаря. А едва Кия скрутит, атаковать с драконом лагерь желтяков, да и выиграть войну за один день.

А теперь придётся защитить Кия. Визирь с Золотую брошью намылился спроворить его к праотцам, чтобы вернуть блудное войско в руки Большого Желтяка. А во след визирю выслано подкрепление чуть ли не вдвое большее, на случай, если войско откажется от подкрепления. Теперь Кий, к сожалению, в некотором роде союзник против Большого Желтяка, и значит - друг. Отравить друга всегда успеем. Сначала надо помочь ему против общего врага, не так ли?

- Тем более, что на шифровке я прозорливо написал, что и Цоя повесить, и Большого Желтяка, да и прочих повесить, кто упомянут. И даже печать поставил, чтоб не передумать. - Это уже магистр говорил одной принцессе, эдак шутейно, после ухода короля Алана, довольного, что магистр такой негодяй, и ещё выздоровел вдобавок. Принцесса Кристи, поскольку дура, так и засияла от такой похвалы.

Магистр лишний раз убедился, что с юмором у неё плоховато.

Неудивительно - её воспитатели-эльфы юмора не признавали, считая за враньё, и потому магистр напрасно старался эдак косвенно показать сиделке, что недоволен её самовольством.

Зря по-простому не отчитал дурочку, что дел наворочала - Моховую эльфам подарила, Вейна упустила, не говоря о куче мелочей. Глядишь, девчонка и поумнела бы. Но магистр, видать, и впрямь дурак был, потому что выразил принцессе Кристи большую признательность. Без неё всё бы развалилось, ну, а мелочи - что казнили не того, а того - не казнили, - это мелочи. Главное в любом деле - чтобы оно двигалось. Оно двигалось?

- А как же! - с гордостью завопила вредина.

- Ну и ладно. - Вздохнул магистр. - А куда - это неважно. Наверное, прав Вейн, и не ведаем мы, куда идём и что делаем - это видит только Господь. И потому лучше тебя, Кристи, с моими делами и послушники бы не управились. Да что бы мы все без тебя делали, красотки, ой-ой! -

Принцесса чуть не лопнула от счастья, и спросила - может, магистр надумал жениться на ней, раз такая молодец? Если решился, это ничего не значит - она ещё подумает.

Магистр сразу принял совершенно больной вид, и принцесса решила прогуляться с Мюрреем, пока он совсем не разболелся.

Спустя пару часов из ворот замка на городскую площадь вышли двое молодых людей - один, широкоплечий и высокий, весь улыбался и сиял от счастья, а юный дворянчик с усиками, что шёл рядом, тощий и вертлявый, так и тарасил синие глазищи на всех базарных людей, что торговали на площади. Мюррей так глупо улыбался, что его не могли не обчистить возле первого же продавца с огромными жёлтыми дынями.

Что делать - карманные воры не интересовали магистра, а городская стража смотрела на их проделки сквозь пальцы, угощаясь за это в трактирах за чужой счёт.

Это заметил послушник Найт, что тащился позади молодых людей, и совершенно не заметили двое стражников, что шествовали за послушником. К счастью карманника, послушнику Найту было наплевать на деньги Мюррея.

Принцесса Кристи находилась слева от Мюррея, а его кошель исчез из правого кармана, поэтому она не заметила в толкотне действий ловкого юноши. Однако её удивила уступчивость Мюррея, который вдруг заозирался со свирепым видом, и сразу согласился, что в церкви тоже неплохо. Там денег не требуют, в кабак в другой раз ходим, Кристи, то есть - Крис, извини дружище.

И тут же добавил, что ворьё проклятое распоясались, шагу не сделать, мигом обчистят все деньги. И куда магистр смотрит, сволочь - то есть, хороший человек.

Какая ни дура, но Кристи сообразила о пропаже кошелька, и лучшим доказательством её полной испорченности послужил озабоченный вопрос - обязательно ли в кабаке надо деньги платить? Получив ответ, что трактирщики, рожки, в долг ему не дадут, Кристи сказала, что указ короля Ри ещё действует, и поэтому воровать можно. Мюррей ничего не понял, начал ругать ворьё, но вдруг заткнулся, ощутив в левом кармане целую россыпь монет. А позади завопили базарные люди, что "Обокрали!", "Стража!" - человек пять, которых распахивали стражники. Мюррей тупо посчитал деньги в кармане, и спросил: - А где кошелёк? -

Спустя минуту он и кошелёк вдруг нащупал. Правда, какой-то не родной, но в родном левом кармане, и растерянно сказал, что Крис, от радости головой поплыл, всё путаю, на кабак хватит, оказывается. Пойдём?

- А вот и церковь святого Петра, - напомнил голосом ржавого гвоздя подошедший послушник Найт. - Как раз проповедь началась. -

Пришлось подняться по каменным ступенькам в сумрачную прохладу церковного здания. Послушник остался снаружи, и Мюррей осмелел. Он заботливо взял спутника за талию и повёл, толкая прихожан, куда-то в дальний угол. Между тем его дружок с интересом слушал слова

священника, которым в этой церкви работал послушник Мелан. С надрывом голоса и слезой в нужных местах тот возвещал с амвона о злодеяниях Кия.

- Вот живое свидетельство, что мои слова - истина! - заявил Мелан, показывая на человека возле себя, несчастного до того, что просто плакать хотелось, глядя на его унылую рожу.

Мюррей узнал в нём одного из бродяг, что магистр откармливал в деревенской тюрьме. Однако бродяга нагло заявил, что он честный купец, и рассказал, как в лагере желтяков, куда он так неосторожно взял семью, его жену бедную изнасиловали невесть сколько раз, до смерти, а детишек съели одного за другим. Только ручку младшенького сумел найти он на помойке возле шатра Кия. И бродяга вытащил из своего мешка детскую ручонку, зловонную и вздутую, с червями, и тут же залился горячими слезами.

- Это ли не свидетель, что Кий, это исчадие ада - есть детей? - возопил Мелан. - Упорные слухи, которым не верил даже наш любимый магистр, полностью подтвердились! Теперь ясно, зачем пришли желтяки - есть детей наших, по примеру своего повелителя! -

После такого зрелища прихожане глухо завывали, а спутник Мюррея, которого Мюррей притиснул в угол, пискнул: - Ой, неужели Кий ест мясо, оно же вредное. -

- Да враньё это! - хрипло и от страсти громко ответил Мюррей, тиская своего спутника за разные места. - Это жулик, я его знаю. -

И присосался, словно вампир, к шейке юноши. Слова эти в наступившей тишине были всеми услышаны, и взоры прихожан впивались в широкую спину Мюррея, что зажал в углу бедного молодого человека и делал с ним невесть что - вот-вот раздевать начнёт. Принцесса Кристи поправила усики, терпеливо снося бесчинства кавалера. Ему виднее, в конце концов, как надо вести себя в городской церкви. Но прихожане возмущённо загудели, а уж послушник Мелан и вовсе завопил: - Ах ты, мужеложец! В святом месте! Распутник! Вон отсюда! -

Поскольку Мюррей шёл позади, ему все пинки и достались, но вряд ли он их ощутил, пожирая взглядом своего спутника.

- Ну как проповедь, понравилась? - спросил послушник Найт, когда они скатились по ступенькам вниз.

- Не знаю, - сказала Кристи, - Может, теперь в кабаке? -

- Очень понравилась.- Убеждённо сказал Мюррей, отряхивая пыль с боков. - Лучше пойдём в другую церковь, а ? -

- Похвальное желание. В церкви вы научитесь большему, чем в кабаке.. - поддержал послушник.

- Может быть. - Неуверенно сказала Кристи.

Следующую церковь отыскивали быстро. Принцессе понравилось, как искренне там каялся ещё один знакомый Мюррея, виновный в убийстве младенца, а также в последующей его разделке и приготовлении на большой сковороде. Его простили, а послушник отпустил этот грех, совершённый под угрозой смерти в лагере желтяков, где грешник томился в плену. Он так ярко описал сочные, шкворчащие куски мяса, что многие облизывались. Естественно, младенца готовили к столу Кия.

Пока принцесса заинтересованно слушала, Мюррей совсем распоясался, и даже пытался её

распоясать - в буквальном смысле, а уж обслуживал всё, до чего добрался. Словом, когда их вышибли и отсюда, послушник заподозрил неладное - Мюррей имел полубезумный вид и шёл странно, в раскоряку.

- Что это с ним? - спросил Найт у принцессы.

Кристи дышала во всю грудь - Мюррей не давал вздохнуть своими губами - но ответила, что у того встал орган размножения, и мешает ходить.

- В церкви? - изумился послушник.

- Ага. - Сказала принцесса, поправляя одежду. - А разве нельзя? -

- Идёмте лучше в кабак. - Мрачно сказал послушник, глядя на прихожан, что высыпали из церкви, называя Мюррея и его спутников разными нехорошими прозвищами. Если бы не два стражника, что встали по их бокам, Мюррею ещё бы досталось.

В кабаке Мюррей совсем ополоумел, и за столом, пока им тащили вина и жареную баранину, тискал спутника за ноги и за прочее, шептал насчёт любви и лез целоваться. Конечно, в трактире немало повидали солдат, среди которых нередко было и мужеложство, но даже солдаты не вели себя так разнузданно. Трактирщик шмякнул тарелку с бараниной на стол, и сказал, что у них приличное заведение, а не дом свиданий, и нечего тут безобразничать. Мюррей встал и засветил кабатчику в лоб - тот отлетел аж до стойки. Со словами - Ах, вы, мужеложцы проклятые! - к столу подскочил местный вышибала, здоровенный парень, а за ним - стражник, что до этого пил в углу вино. Мюррей получил кулаком по челюсти, и плохо бы ему пришлось, но его спутник поставил подножку вышибале и ловко пнул в пах стражнику.

Это уж было чересчур даже для кабака. Порядок, пусть и своеобразный, поддержали все посетители трактира, а их было не меньше трёх дюжин - все мужики в силе и цвете лет, да ещё их подружки, что вступили в схватку позднее. Сумятицу усугубило то, что с послушником таскался десяток шпионов. Едва услышав о цели прогулки, они заняли столы в трактире, и набросились на тех, кто набросился на возмутителей приличий. Спустя пару мгновений весь трактир превратился в побоище, где мало кто понимал причину драки - не до того, голову уберечь надо. А лучший способ для этого, как известно, разбить голову нападающему. К чести Мюррея, о себе он не думал - схватил товарища за талию и попёр к выходу под градом ударов, отмахиваясь одной рукой. Он только мешал своему спутнику пинать всем, кто в пределах пинания, по органам размножения. Несмотря на эти помехи, подлая принцесса ни разу не промахнулась - Мюррею оставалось лишь глушить кулаком по затылку очередного согнутого противника. Послушник пытался прикрыть его с другой стороны, однако от удара в лоб мигом улёгся отдыхать. Но у самого выхода двум мужеложцам пришлось выдержать настоящий бой - их настигли возмущённые девы лёгкого поведения, которые не выносили конкуренции со стороны мужского пола. Принцессе пытались выдрать все космы, а также глаза и всё прочее, но вёрткая мерзавка выдрать ничего не дала - колотила руками и ногами бедных дев так, что кровь только брызгала из очаровательных носиков. Визгу и воплей случилось столько, что к трактиру толпа сбегалась, посмотреть. Когда Мюррей с Кристи вывалились из заведения, отмахиваясь и пинаясь, их окружила подоспевшая стража. Чудо просто, что в этой свалке усики принцессы не отклеились, и потому обоих швырнули в королевский подвал. К несчастью Мюррея, там скучали два десятка арестованных, и единственное, что он мог позволить в качестве награды за геройское поведение - нежно потискать своего друга, ласково вопрошая о разных ущербах её, его, прекрасному телу. Синяк под глазом негодяйка всё же заимела - от локтя Мюррея, кстати, но расцвёл

он, когда её вышвырнули наружу стражники - это случилось, едва в подвалы прибежал очнувшийся от удара послушник Найт.

Наутро, посмотрев на её заплывший глаз, магистр сказал: - Вы бегаєте слишком быстро, принцесса.

-

- Не знаю, - сказала принцесса Кристи, - Наверное. Если вы, магистр, передумаете на мне жениться, я могу выйти замуж за Мюррея. Конечно, сначала подумаю, это ничего не значит. Мне вчера показалось, что он любит не мои отдельные кусочки, а просто меня, хотя такого быть не может.

-Кристи, - усмехнулся магистр, - отстаньте от бедного больного юноши. Человек не способен полюбить другого человека. Он любит в нём только себя. -

- Да, - грустно сказала принцесса, - я знаю, люди путают любовь и размножение. И Мюррей путает. Но я могу выпить зелье. -

- Ну да. - Сказал магистр, - Но смотреть в глаза Мюррея бесполезно - он мужеложец. Мне доложили, что он вытворял вчера.-

- Мюррей не мужеложец. - Сказала принцесса Кристи, - вчера с ним была я.-

- Вот как? - магистр состроил удивлённую рожу. - Я не верю, Кристи. Ведь указ короля Ри действует. Решили выгородить этого мужеложца? Меня не провести. -

Принцесса нахмурилась: - С ним была я, переодетая мужчиной. Вы разрешили мне прогуляться в его обществе по городу, не так ли? -

Магистр некоторое время сидел молча. Он пытался покраснеть от гнева, но получилось плохо, и пришлось изображать оскорблённые чувства голосом: - Если это правда, я вызову Мюррея на дуэль. Моя честь - пусть её остатки, но они глубоко затоптаны и затисканы. -

- Да? - Обрадовалась принцесса Кристи, но магистр поспешил пояснить: - Нет, я не ревную, Кристи. Если Мюррея оправдают, придётся вызвать его на дуэль. Ведь на суде ему придётся рассказать правду. Это будет честная дуэль, не беспокойтесь. -

Но принцесса забеспокоилась, вспомнив, как магистр сварганил дуэль кошки и эльфа. А его послушники, как она убедилась, умели выполнять приказы наоборот.

- Никаких дуэлей, - сказала принцесса. - Его надо отпустить на свободу. -

Магистр со вздохом ответил, что Мюррей нарушил закон. Трактирщик подал на суд королю. Мюррей - дворянин, и судить его может только король. Мужеложство дворян в королевстве наказуемо виселицей, и дело уже на столе у короля Алана.

- Я буду счастлив исполнить ваше желание. - Сказал магистр, поднимаясь из-за стола. - Но времени мало. Вечером суд. Мне надо подготовить что-то оправдательное, а то и впрямь король его повесит. -

Вечером состоялся суд. Так как Мюррей был дворянин, судить его мог только король, но по законам королевства. Обвинителем Мюррея выступал город в лице городского старейшины Квебека, а со стороны защиты - магистр. Суд проходил в Тронном зале, где по сторонам от трона сидели - принцесса Кристи, магистр, старый король, и прочие важные лица, а в зале толпились свидетели и знатные горожане, за цепочкой стражников.

Магистр опасался не зря. Поскольку Мюррей был верным товарищем короля во всех похождениях по всем европейским шлюхам, король Алан многое мог простить Мюррею, но закон есть закон, и если закон требует виселицы, король ничего не мог поделать. Он решил всё-же бросить утопающему канат, за который тому следовало схватиться.

Король сказал, что один из стражников считает спутника Мюррея женщиной, переодетой мужчиной. Так ли это? Если так, то отпадает обвинение в мужеложстве.

Однако тупой Мюррей, беспокоясь о чести бесчестной негодяйки, гордо поднял голову, посмотрел на принцессу и заявил, что нет, он настоящий мужеложец, и никогда, даже под пыткой не признается, что его спутник был женщиной.

Король в приступе раздражительности махнул рукой, и с угрозой сказал: - Если так, закон требует тебя повесить, -

Но сначала предоставил слово стороне обвинения. Старейшин Квебек обвинил Мюррея в трёх попытках изнасилования неизвестного юноши, произведённых в трёх общественных местах - двух церквях и трактире. И вызвал столько свидетелей этому, что всем захотелось поскорее повесить негодяя. Королю хватило терпения лишь на трёх свидетелей. Выслушав их заверения, что мужеложца остановили только пинки горожан, король предоставил слово защите в лице магистра.

Тот поднялся и за пятнадцать минут доказал, что Мюррей вовсе не мужеложец. Он нагло врёт, стараясь прикрыть настоящий грех, а именно - скотоложство, в доказательство чего рассказал о том, что Мюррей, переселяясь недавно в город, сразу купил корову и изготовил самолично козлы для удержания коровы во время постыдного своего занятия. И действительно, козлы тут же внесли в зал - послушники еле-еле успели сколотить их в подвале, получив приказ магистра. Очумевший Мюррей заквакал, что и коровы нет никакой, и козлы не делал, на что магистр только усмехнулся с укоризной и сказал: - А кто же их сколотил? Я, что ли? - И вызвал двух свидетелей - продавца коровы и плотника. Первый рассказал, что Мюррей даже поцеловал корову в морду, очень нежно, был счастлив такой покупкой, но из стойла забирать отказался, и от молока отказался. Дал денег на кормёжку и уход, часто вечерами посещал, но корова перестала доиться. Плотник рассказал, как помогал Мюррею сколачивать козлы, и сколько денег получил за молчание.

К этому времени в зале все уже хохотали, как безумные, смотря то на козлы, то на красного Мюррея, а многие просто свалились на пол и визжали-плакали-стонали от смеха. Король, едва взглянув на рожу Мюррея, опять бросал голову в ладони, давясь от новой вспышки неудержимого гогота. Увидев просвет в плотной стене смеха, магистр невозмутимо предложил привести любовницу Мюррея и ветви в смеховом лесу снова зашумели. Магистр подытожил, что обвиняемый - больной человек, и предложил лечение строгим постом в течение месяца.

Скотоложство законы как-то упустили из списка преступлений, и король вынес мягкое решение - два месяца в тюрьме, в одиночке. А для изменения пагубной страсти к корове - строгий пост, испытанное лекарство от невесть скольких болезней и телесных, и духовных.

Мюррей был помещён в одиночный подвал, где стоял топчан, стол и стул. Единственным собеседником служила Библия, читаемая днём при свете из оконца, забранного решёткой, а ночью - при свече, которую на третий день отобрали, когда стражник заметил, как голодный Мюррей что-то жуёт, а свечка даже днём уменьшается.

Каждый день Мюррея развлекал послушник, рассказывая о длительных постах всех святых всех

времени - и как это помогло им стать святыми. Особенно Мюррею не понравился рассказ о Христе, который голодал в пустыне аж сорок дней. Только после этого, очистившись от телесной грязи, Христос и пошёл проповедовать. Мюррею положено было одно посещение в день, на полчаса, и первые три дня он просил привести знакомую шлюху. Попросил и на четвёртый. Та вышла из его камеры, хохоча во всю глотку, и больше Мюррей её не приглашал.

Беспокойство магистра нарастало постепенно. Принцесса Кристи, которая посещала Мюррея после поражения на шлюхе, на седьмой день его голодовки заметила, что в свечении Мюррея исчезает красный оттенок. Она сказала об этом магистру, и тот переспросил - в каком свечении? Чем очень удивил дурочку, которая была уверена, что все люди видят это свечение вокруг человека. Услышав про дурость, принцесса прикусила язычок, и только на пятнадцатый день голодовки, не удержавшись, сказала, что красный оттенок исчез совершенно. А Мюррей впервые в беседе высказал интерес к её мыслям, а не к телу. Магистр забеспокоился, и велел подслушивать их беседы. По доносам стражника, они болтали о воинском искусстве, и о возможной семейной жизни, если принцесса Кристи надумает выпить своё зелье. Мюррей всё чаще называл Кристи дурой. Хотя вся любовь кончилась - да и какая любовь после двадцати дней голодовки? - Мюррей надеялся, что жена из такой дуры получится неплохая. Если плохая получится, куда ж деваться? другой такой дуры ему на всём свете не найти.

Магистр понял, что мерзавцы подружились, и забеспокоился сильнее. И совсем забеспокоился, когда Мюррея понемногу начали кормить после месяца голодовки - он уже встать не мог без посторонней помощи. Десять дней кормили - и в течении десяти дней Мюррей только болтал при каждом посещении, хотя принцесса сидела рядом, на тюремном топчане - руку протяни..

Поняв, что Мюррей сдурел до того, что стал походить на человека, магистр совсем затревожился, и спросил стражника - чем кормит негодяя принцесса Кристи? Услышав про яблоки, помидоры и прочие листья, возмутился таким издевательством и велел подавать Мюррею настоящую еду - наперчённое жареное мясо и вино из рук молодой шлюхи. Это привело к исцелению - через два

дня Мюррей, как и подобает настоящему умному мужчине, напал на принцессу с гнусными намерениями, страстно мыча что-то о возвышенной любви - только вмешательство стражников спасло глупую дурочку.

Магистр властью жениха запретил ей встречаться с Мюрреем ввиду полной неизлечимости, и после заключения поставил командовать Ударным полком. Пока Мюррей прохлаждался в темнице, снаружи стремительно надвигалась война, как ни старался магистр отдалить её.

Едва встав на ноги после болезни, он пустил в дело свою пакость с Золотой брошью, и наутро двое послушников с разницей в час подъехали к лагерю желтяков. Они не таились, одетые в свою ненавистную чёрную одежду - балахон. Однако на балахоне первого послушника сияла брошка десяти тысячного начальника, и стража, скуля от ненависти, опустила копья, хотя за каждого чёрного награда была ого! - пятьдесят золотых. И толстый послушник Клей первым въехал с надменной, наглой рожой в желтяковский лагерь. Когда его сопроводили к шатру Тайной службы, Клей с невыразимой скукой на лице сказал вынырнувшему Сену: - Ну, что? Вы думаете отбиваться от Цоя? -

Сен предусмотрительно промолчал, хотя первым желанием его было скомандовать Пу-И схватить чёрного.

- Мы думаем. - Осторожно сказал он.

-Быстрее думайте. - Сказал послушник Клей. - Кстати, вам привет от магистра. Так что вы хотите сделать с Цоем? Мы тут союзники, поэтому магистр предлагает свою помощь. Вырубим, как траву. Идёт? -

- Я подумаю. - Осторожно сказал Сен, не в силах ничего понять.

- Да ладно. - Усмехнулся послушник, и спрыгнул с лошади. - Не надо строить дурачка. Этот Цой уж не награды везёт твоему повелителю.-

Посмотрев на рожу Сена, Клей возмутился: - Ну, хватит! Неужели не знаешь, что визирь Цой мчит сюда из Поднебесной? Никогда не поверю. Мы что - с канарейками воюем? Вам нужна помощь? Если сам справишься - так и скажи. -

Сен неопределённо кивнул. Имя Цоя он знал, конечно - один из самых приближённых людей к Большому Желтяку, но сведений о его скором визите не имел.

- Жрать давай. - Сказал послушник Клей. - Я притомился. Чтоб вас не заподозрили, магистр предлагает вырубить его нашими силами. Ударная группа готова. Обговорим условия за стаканом и чашкой - и за дело. -

Сен подал знак слугам - и возле шатра мигом накрыли стол, из уважения к ненавистному гостю, который не пожелал сидеть на ковре, скрестя ноги. Клей подал Сену ворох пергаментов - все копии приказов, что везёт визирь. Сен читал и ужасался.

Нет, не приказам Большого Желтяка, а их противоречиям. Все наградные - от пожалования всей завоёванной Европы до титула Главного Мандарина, не говоря о прочих мелочах. С первого взгляда стало ясно, что приказы - дымовая завеса. Что таит Большой Желтяк за этой завесой - тоже ясно. Убрать Кия, усыпив его бдительность. Иначе такие награды не раздают.

Сен ёрзал и теребился, пока слуги уставляли стол кушаньями. Он готовился бежать на доклад Кию, но послушник удерживал, чавкая бараниной и выцеживая между чарками ценные сведения. Он предлагал вырубить этого посланца, свалив на случайных дронов -разбойников.

У Сена времени не было собрать для такого дела европейские рожки из предателей. Но главное, что удержало Сена от желания скрутить послушника - это чёрная ямища, которую увидел под ногами. Он обязан знать всё то, что говорил послушник. Это его работа. Кий посадит на кол без колебаний, если не высветить черноту.

- Насчёт этого резерва, - сказал Сен эдак равнодушно, отпивая вина из кубка, - у меня другие сведения. -

- Не знаю ничего, - отрезал послушник Клей, нестерпимо работая челюстями, - по сведениям магистра - около ста тысяч. Конечно, не железный брусок, как ваше войско. Но командует Шинь-Ли, а ты знаешь эту паскуду. -

-Ещё бы. Меня это сразу насторожило. - Сказал Сен, хотя это имя насторожило его только сейчас, когда его услышал. Полководец Шинь-Ли ценился в желтяковской иерархии невесть насколько выше, чем Кий.

- Так что, друган, времени нет. - Сытно икая, сказал Клей,

- Решай. Враг-то общий. Молодцы уже подъезжают, всего две сотни. Так что давай, пропускай через

лагерь, и с Цоем никаких проблем. На кой чёрт нам эти придурки от Большого Желтяка? Неужели сами не договоримся? Вы ж нам, как родные, бес бы вас побрал! - и послушник захохотал, очень довольный.

Конечно, пропустить через лагерь две сотни вооружённых дронов Сен не хотел - это значило каким-то боком продаться Чёрному магистру, но времени действительно не было. Цой был рядом, на днях зайвится в лагерь.

И Сен, холодея сердцем, решил: - Конечно, - небрежно сказал он,

- Ваш план лучше. В самом деле, разбойники пошалили, бывает. А пока, этот..., как тебя, друган - где брошку взял, не скажешь? И отдай её назад, кстати, друган. -

- Это не ваша, - захохотал пьяный послушник, - хотите, мы вам этих брошек наделаем? Оптом - дешевле. И точнее. Ваши фальшивые какие-то. -

-Я подумаю. - Тупо сказал Сен, усмехаясь через силу. И велел Пу-И встретить и проводить через лагерь отряд дронов, ёрзая, словно кол в задницу влезал. И не выдержал - вышел из шатра, издали наблюдая за проходом отряда дронов через лагерь, с тоской думая, что за это Большой Желтяк на кол посадит, если заподозрит. Но здесь хозяин Кий.

Сен чувал, как невидимая, длинная рука магистра дотянулась из города, схватила за нос, и куда-то тащит, но не видел, почему этому противиться, и правильно делал, кстати, в чём и убедился, когда вызвали к Кию.

Сен прибыл немедля в шатёр на холме, и остолбенел - опять увидел за накрытым столом чавкающего послушника Клея. Тот сидел поодаль от шатра, на свежем ветерке, наваясь локтями на стол и обрабатывая зубами баранью кость. Но приглядевшись, Сен увидел лоснящуюся рожу другого послушника, вовсе не Клея.

- Что - магистр не кормит? - с дрожью в голосе спросил Сен, ничего не соображая. Ему показалось, весь лагерь захвачен чёрными балахонами.

- А тебе жалко? - окрысился мордатый. - Изыди, сатана. -

На груди его сверкнула коричнево - жёлтым массивная Золотая Звезда, и Сен потерял дар речи. Узнал её сразу, как и следовало любому чиновнику и более-менее крупному начальнику. Её изображение знал почти каждый желтяк.

По этикету следовало упасть на колени перед обладателем такой броши, но что-то не сработало - колени не сгибались, и всё.

- Откуда... - прохрипел Сен, но тут его втолкнули в шатёр повелителя. Кий сидел на троне, глядя исподлобья, с красной рожей, и даже не такой опытный человек, как Сен, мигом бы принялся вспоминать свои оплошности. А уж Сен сразу взмок от ужаса, поняв, что Кий в бешенстве, и только самая верхняя расчётная часть его существа хочет что-то выяснить, тогда как все остальные жаждут посадить его на кол.

- Какие новости? - придушенно спросил Кий.

- Так, разные непроверенные. Всё уточняется. И проверяется. И перепроверяется. - Сказал осторожно Сен.

- Подарок - сюда. - Прохрипел Кий. - И кол. И кувалду. -

Сен похолодел, однако на восточной роже ничего не отразилось. Вошёл послушник с Золотой звездой, вытирая жирные губы и сытно икая. Сен не мог знать, что он приехал к воротам лагеря после послушника Клея, и на руках доставлен - из-за Золотой звезды - прямо в шатёр Кия. Тот увидел звезду и затрясся, рыча что-то невнятное, но послушник, отлично говорящий на языке Кия, сказал, что привет от магистра, Ваше Величество, а Брошь на груди - подарок от него. Фальшивка, конечно. Проверьте. Для доказательства искренности. Ведь с этой звездой - ой-ой, сколько дел можно натворить, а? Но магистр её дарит, в знак дружбы. Теперь она ему не нужна, потому что едет общий враг - визирь Цой, и с настоящей Брошью. А за ним войско, под командованием Шинь - Ли. Короче, Большой Желтяк передумал одаривать Кия землями дронами и ключами в Европу. Ясно, или подробнее объяснить?

Кий объяснений не потребовал. Звезда говорила сама за себя. Кия затрясло от бессильного бешенства. Но тут же проверил вроде Золотую брошь. Её уникальностью был коричневый алмаз в центре - Тигровый глаз. Размером с грецкий орех, он был единственным в мире. Когда Кий провёл им по хрустальному бокалу, всё стало ясно. От настоящего алмаза должна остаться царапина. Для верности Кий чиркнул алмазом своего кольца по Тигровому глазу - тот захрустел, поддаваясь алмазной грани. Фальшивка. У Кия отлегло от сердца. Первым желанием при виде этой звезды было убить носителя воли Большого Желтяка.

Кий уже хлебнул свободы, но пока город не взят, на Большого Желтяка плевать нельзя. Пока что Кий - его подданный. И эта царапина на Тигровом глазе вернула дыхание. И бешенство на этого растяпу или предателя Сена, с его полной неспособностью к работе.

Когда внесли кол и кувалду, Кий спросил Сена - что тот может доложить о министре Цое? И ещё о Шинь-Ли? Пусть непроверенные сведения, домыслы и догадки - что?

Сен только сейчас осознал всю любовь Чёрного магистра к нему, дрянному человечешке, и тут же извлёк из кармана пергаменты с приказами.

- Всё. - Просто сказал он. - Вот приказы, что везёт Цой. Они вызывают подозрения. Слишком разные. А Шинь-Ли - до его прибытия с войском ещё достаточно времени. Я знаю, войска он набирает по дороге сюда, сырые, тесто - одним словом Но всё это я должен проверить - Чёрный магистр такого вранья может подсунуть, что ой-ой. Потому и не торопился докладывать. -

Кий осел на троне. Уверенный ответ начальника Тайной службы вернул гордость за своих людей. Покосившись на рожу послушника, Кий и вовсе успокоился - тот вытаращил глазищи и рот раскрыл.

- Ну, притворялы... - подумал невольно Сен, не знавший о привычке магистра сообщать каждому, пусть и послушнику, только то, что необходимо.

- Этот визирь не нужен, - сказал Кий, - итак приходится в шатре прятаться от нашего друга магистра. Он - жало войска, что ползёт следом. Если вырвать это жало, то у нас появится время, чтобы без опаски пригреть змею на груди. Цой везёт Тигриный Глаз. Ты сможешь остановить его? -

Сен опустил голову, только теперь поняв, где его облапошил магистр. Когда конный отряд дронами гарцевал мимо, Сен видел, как с непривычки дроны путались в полах халатов, как текли от пота подмалёванные углём раскосые глаза, и только Небо благодарил, что хоть не отвечали, когда встречные командиры при виде незнакомого отряда что-то спрашивали.

Отвечал сопровождающий, Пу-И, рвякая, что не твоё дело, и вопросы засыхали. Однако послушник

Клей, проезжая мимо, странно усмехнулся ему, а вернувшийся Пу-И, выпроводив их из лагеря, сказал недоумённо, что толстый наглец послушник улыбнулся ему на прощанье так, словно все карманы перед этим обчистил. Пу-И даже проверил - но ничего из карманов не пропало.

Только теперь Сен понял, почему улыбался послушник. И впрямь магистр держит его за канарейку. Магистр решил похитить Золотую брошь, в чём Сен и поспособствовал. Если её заполучит король дронов, война проиграна. Воображение мигом нарисовало картину приезда в лагерь послов от короля Алана, а потом и его самого, с Золотой звездой на груди. Все желтяки заледенеют. Все поверят, что король Алан заключил с Большим Желтяком договор, и что война отменяется. Кия никто слушать не будет из командиров, только Золотую брошь - того, кто её носит. Это воля Большого Желтяка, Императора Поднебесной.

Любой командир поднимет свой легион на Кия по приказу Золотой броши. Магистр сдохнет от хохота.

- Я не смогу остановить визиря, - сказал Сен с улыбкой.. - Но предсказатели уверены, что визирь будет убит шайкой бродячих дронов, и в самое близкое время. Что делать, они ещё встречаются в наших тылах Но это вина самого визиря - нечего тайну гнать и скромничать. Предупредил бы о приезде заранее - потребовалось бы меньше и бандитов, и денег.-

- Это хорошо, что на визиря нападут именно дроны, хотя вам следовало строже следить за порядком на дороге, - Кий посмотрел в глаза. - Надеюсь, вы сумеете достойно наградить .., то есть, наказать негодяев. И вернуть Золотую Брошь. -

- Конечно, - стойко ответил Сен, сознавая, что подписывает себе смертный приговор.

Но только у себя в шатре Сен в деталях постиг всю наглую подлость магистра, и чуть не завыл от тоски. Да, времени у магистра не было, но он сумел провернуть свои делишки. И одновременно купил с потрохами и его, Сена, начальника Тайной службы, единственного ещё не подкупленного из стоящих людей. Ибо от грозящего кола за утерянную Золотую брошь спасти Сена может только магистр, своим молчанием. Сену придётся работать на магистра, пока Золотая брошь - настоящая - не заблестит на груди короля Алана здесь, в лагере, прощальным светом их бесславного похода. Сен так застонал, что Пу-И чуть не подавился рисом, что поглощал палочкой в углу. Сен сидел с вытаращенными глазами, что-то разглядывая на стенке шатра, и медленно бурел, словно душили удавкой невидимой. Пу-И забеспокоился - на стенке ничего не было, ни надписей, ни рисунков. Подавился? Но чем? Рис трескал Пу-И.

- Колдовство какое-то. - Решил Пу-И. Недолго думая, подскочил к Сену и треснул по спине так, что тот завизжал - и в шатёр мигом ворвалась охрана. Когда после ругани и криков недоразумение выяснилось, Сен стал ругать Пу-И дураком и прочими необоснованными прозвищами. Может быть, тот спас его, если не от колдовства, то от сумасшествия, потому как, сколько ни тарашился Сен на стенку, выхода не увидел. Только с горечью осознал, что и впрямь змеюка магистр держит его за личную канарейку.

Однако после встряски Сен успокоился, и голова заработала лучше. Дронов с Золотой брошью на обратном пути перехватить почти невозможно. Если в ту сторону магистр вынужден был из-за нехватки времени послать их через лагерь, по охраняемой дороге, на рысях, то обратно они могут неделями кружить по зарослям и буеракам, обходя возможные засады и разъезды. Да, брошь не перехватить. Можно считать, она в лапах у магистра. Осталось одно - вступить с магистром в переговоры, и обменять Золотую брошь. Что у этого подонка есть ценного? Только невеста,

принцесса Кристи, возможно - Белая Ведьма.

План покушения на принцессу Кристи был давно готов, но теперь пришлось подправить его новыми подробностями. План понравился Сену - канарейка такой не выдумает. Магистр пожалеет, что пытался его прижать.

Поглядев в пустые глаза Пу-И, Сен стал объяснять свой план таким проникновенным и ласковым голосом, что аж вспотел. Закончил вопросом - ну как, Пу-И, надежда моя единственная, покажем подлому вражине, что мы с тобой не канарейки?

Но Пу-И считал себя пупом земли, и потому ничуть не вдохновился. Но ему другое в этой задумке приглянулось, и он уточнил - что значит - захватить принцессу Кристи, а потом убить? Когда потом? Через неделю?

- Лучше всего - сразу на месте захвата. - Ответил Сен. - Но тогда её тащить придётся! Лучше перебить ей гортань, чтоб не орала - и отвести в глухое место сада, где не сразу найдут труп. -

Эти слова Пу-И и вдохновили. Он заверил, что лучше убьёт сразу, и утащит тело на плече, он сильный. Пу-И давно скучал по женщине, но все они в лагере были нарасхват, и очень живые. А тут приказано убить. Ночь длинная, Пу-И прикинул, что несколько раз успеет попользоваться трупом, и успеет уйти.

И Пу-И согласился, хотя после прошлого задания решил не доверять Сену.

Времени на подготовку было в обрез, и потому Сен решил не миндальничать с Гербертом - второй ключевой фигурой в игре. Во время уговоров Пу-И раз десять останавливал кулак в волоске от носа Герберта, а Сен, сорвавшись, орал, брызгая слюной, и бил по щекам своего непокорного шпиона. Наконец, он велел принести кол, но и при виде его Герберт не сломался.

Пришлось распластать Герберта на земле как лягушку, наставить кол в задницу, и даже кувалдой размахнуться, прежде чем Герберт визгливо согласился пойти, куда посылали - обратно в лапы магистра

Сен для надёжности велел Ка-Мею заколдовать трактирщика. Самый мощный колдун желтяков немедленно приступил к делу, но Герберт никак не хотел заколдовываться.

- Доверься мне... - Ка-Мей говорил голосом железного прута, завёрнутого в баранью шерсть, держа хрустальный шарик перед глазами Герберта. - Смотри, как блестит и переливается..., а веки тяжелеют..., и хочется спать..., спать..., и вот ты спишь! -

Но Герберт распахивал безумные глаза и визжал в ответ, что - как же! Доверься! Нашёл дурака. Сердце Герберта от команды "спать" начинало колотиться, как у бегущей лошади, а пальцы на приказ "расслабиться и потяжелеть" - сжимались так, что не расцепить. Когда Ка-Мей вышел из шатра, то имел хмурый вид, и сказал решительно Сену, что этого типа заколдовать невозможно. Он никому не доверяет.. У такого типа в голове все слова переиначиваются. Одно слышит - ему желают зла и заманивают на какую-то подлянку. Он напрягается, и накладывает ему десять куч на всё колдовство. Да, битый, тёртый парень, такого колдовством не возьмёшь. У этого Герберта, наверное, умная матушка была, любила подманить лакомством бедного ребёнка, а потом отвесить ему вместо лакомства оплеуху.

Большинство людей, как их жизнь не обманывала, всё равно остаются доверчивыми, если в детстве

их воспитывали любящие родители. С такими легко работать. Они с радостью засыпают, и глотают с удовольствием любую гадость, и терпят с радостью любую боль, и чёрт те что способны выполнить по его приказу... Вот у Вейна матушки не было, дурака при монастыре воспитывали, и потому его тоже невозможно заколдовать. Вчера он сам чуть Ка-Мея не усыпил болтовнёй - почему бы его на кол не посадить?

- А с драконом ты воевать будешь? - раздражённо спросил Сен.

Но Ка-Мей отказался - с него и Белой Ведьмы достаточно. И посоветовал заколдовать Герберта по белому, просто словами, как Вейн делает, дурак проклятый.

Сказав всё это, Ка-Мей ушёл, не обращая внимания на ругань Сена. А Сену поневоле пришлось в разговоре с Гербертом сменить и язык, и тон. Вначале он раскаялся со слезой за прошлые пощёчины, и всё валил на Чёрного магистра. До чего довёл своими кознями, пришлось лучшего шпиона колом пугать, но дело настолько дерзкое, что судьбы тысяч людей могут оборваться из-за проклятой Золотой броши. Вообще всё пропадёт - а Герберт упёрся.

Вино в бокалах пенилось и играло, баранья тушка над угольками источала вкуснейший пар, а Сен - добрые слова. Когда вино в бурдюке кончилось, а от барана забелела горка костей, Герберт размяк и стал поддаваться. И в самом деле, только он знал место в стене, окружающей замок и сад, где в зарослях находилась неприметная бойница, через которую в далёкое мирное время передавались письма и мелкие посылки. Давно это было, ещё при жизни покойной королевы. Может быть, она была плохой матерью - по мнению завистников - однако о своей дочке Кристи даже в Европах не забывала, и частенько присылала с купцами письма и всякие подарки, вроде сладостей и побрякушек. Купцы оставляли их на постоялом дворе Герберту, а он посылал мальчишку отвезти посылку на коне через горный перевал. Местные разбойники мальчишек не останавливали. Иногда, правда, сжирали пирожные из Европы, если верить мальчишкам. Принцесса Кристи не обижалась на ущерб сладостям - она их не ела. Только нюхала, морщила носик, и отдавала кому-нибудь, глядя с уважением, как поварёнок или иной малолетка героически чавкал, пожирая с жадностью этакую противную гадость. Этой неженке только ягоды и фрукты были под силу, куда слопать такую грубую еду, как пирожные.

Способ передачи через бойницу в стене вокруг сада придумала сама принцесса Кристи, когда в замке поселился старый король, после несчастного случая. Получая письма от обычных гонцов, он их прочитывал, и не отдавал принцессе, считая, что девчонка и так испорченная. Принцесса показала Герберту эту бойницу, когда он приехал в город отдать ей лично в руки какой-то ценный подарок. С той поры минуло несколько лет, и стены так заросли кустарником, что и стену не разглядеть, не говоря о какой-то бойнице. Её вообще не найти без Герберта, бойниц не один десяток. План Сена и строился на этой бойнице, где Пу-И устроит засаду для принцессы, но для Герберта тайный визит в город мог обрушиться свиданием с заждавшейся магистровой петлёй. Однако Сен, открыв уши вином и мясом, сумел втолковать трактирщику, что дело для него вполне безопасное, интересная и немножко перцовая прогулка. Магистр пальцем его не тронет, пылинки сдувать будет, и вернёт обратно, сытеньким и весёлым, к мешку золота - вот он - который будет ожидать Герберта.

Сен аж взмок под пронзительными взглядами, но дело сладилось - Герберт поверил и заколдовался. Чуть позже Сен с гордостью сказал Пу-И, что по белому заколдовал Герберта - теперь он выдержит все пытки. Выть будет до хрипения, но Пу-И не продаст.

И на следующий день Пу-И вместе с Гербертом проникли в город в свите купца-желтяка. Конечно, Сен доверял шпионам магистра, но для верности и своему шпиону приказал продать Герберта, так

что, показав Пу-И место в зарослях, где находилась бойница, Герберт доехал только до заставы, где его и схватили. Услышав об этом, магистр не пожелал и взглянуть на предателя. Велел допросить - и повесить.

На допросе послушник Вик почти спал, в пол уха слушая оправдания, что желтяки сволочи, а наши хорошие, и поэтому раскаявшийся Герберт решил вернуться в Европу. Но Вик проснулся, услышав, что рядом с гостиницей Герберта закопаны его трудовые сбережения, несколько тысяч золотых, и Герберт предлагает их как выкуп за свою жизнь. Эта зацепка, как и ожидалось, сработала. Деньги есть деньги - повесить и позже можно, и к вечеру трактирщика под усиленной охраной увезли через перевал в горную деревню. Он трясся на дохлой кляче в окружении солдат охраны, и молил Господа, глядя на горные кручи, чтобы Пу-И не упустил принцессу Кристи. И не зря молил. Хотя наживка была хороша, по мнению Сена и Герберта, принцесса оказалась настолько дурой, что её даже не разглядела.

Когда принесли письмо от виконта Д, Аршерака, она его прочитала, но даже не подумала бежать к тайнику, где ждал Пу-И.

В письме виконт очень извинялся за свою забывчивость - Сен тут пересолил с извинениями на страницу - хорошо, дурочка не знала, что такое скука, и всё это прочитала, но и не подумала к тайнику сбежать. Ей было плевать на всё, и на волю покойной матушки, изложенную в письме, плевать тоже. В цветистых фразах виконт писал, что в своё время не смог выполнить просьбу королевы дронов, потеряв её письмо. Оно нашлось, и виконт тут же отослал его принцессе с посыльным - там последняя воля королевы дронов и материнское святое её напутствие любимой дочке Кристи. А в этом письме, посланным спустя неделю, виконт решил ещё раз извиниться, Но плохая девчонка, как ни прискорбно, всю плевала на родителей. Тем более на покойных, и на их последнюю волю.

Однако письмо это, полученное обычным путём, прочитал сначала послушник, после чего передал на доклад магистру, на всякий случай. Магистру тоже плевать было на волю покойной королевы, но имя Д, Аршерак мигом всплыло в памяти. Магистр знал виконта, и поверить в то, что этот пьяница и бездельник написал письмо, было невозможно. Хотя бы из-за того, что был полностью неграмотным, этим гордился, и никого из грамотных на дух не переносил. А вместо писем посылал всегда гонца, на словах передать. Тут Сен, конечно, основательно прокололся, но, по воле Божьей именно это и спасло всё дело. Когда к магистру забежала принцесса, он спросил - получила ли Кристи письмо от покойной матушки, да что она пишет? Услышав, что ничего не пишет, потому что письма не видела, магистр нахмурился, но промолчал. Это была явная пакость от желтяков. Пока непонятная. Поскольку в это же время и Герберт-трактирщик вынырнул, магистр немедля приказал доставить его сюда, как можно скорее. И верховой гонец догнал несчастного Герберта на пути к деревне, и завернул назад, навстречу иглам и другим неприятностям, которые уже к вечеру с радостью встретили Герберта, как родного. Герберт выл, орал, блевал, гадил, жалостно стонал и дёргался - утыканный иглами, примотанный к пыточному бревну - но молчал. Он визжал, когда плеть гуляла по его спине, он блевал от ударов в живот, он вонял постоянно - и всё равно молчал, как древний римский герой, сколько его не спрашивали про письмо Д Аршерака. Один злодей послушник, утомившись, сменился другим послушником, свежим, рьяным, но таким же любопытным злодеем. Но Герберт упорно твердил, что знать не знает ни про какие письма. Даже когда терял сознание, бормотал всякую ерунду, но ничего не бормотал про Пу-И, засаду и письмо, потому что вся его шкура, заколдованная Сеном, знала - пропадёт. Даже после целых суток непрерывной пытки, когда сам Герберт уже ничего не соображал, побитая плетью шкура соображала и терпела. Герберт молчал.

Шкура знала - пока Пу-И не похитит принцессу, надо молчать - и Герберт молчал. Он потерял счёт времени, и держался вдвое больше, чем требовалось, и только это его геройство позволило

торжествовать справедливости, потому что принцесса Кристи и не вспоминала про письмо покойной матушки, и только после вопроса магистра решила сбегать к старому тайнику.

По прежнему непочтительная к родителям, принцесса хотела отдать письмо магистру, даже не читая - так ей было наплевать. Ему надо, пусть и читает. Но ведь ему надо. И принцесса ночью сбегала к тайнику.

Это случилось раньше, чем Герберт заговорил про письмо, про ловушку и всё остальное, что ни спроси.

Тут же доложили магистру, и тот велел отыскать принцессу Кристи. Таким тихим голосом, что вся охрана расслышала - все кинулись искать, топоча по коридорам тяжёлыми башмаками. Перепуганные и злые солдаты перевернули всё - и замок, и весь сад. Замок и окрестности светился от факелов - ночь в день превратили, но всё тщетно.

Герберт стоял перед магистром, высоко подняв голову, сломанный и не сломанный, и при этом улыбался. Не по злорадству, а просто от счастья. Он стоял в кандалах, и денег ни монетки, и гостиницу конфисковали, и кругом беспощадные враги - но много ли нужно для счастья человеку? Всего лишь выдернуть иглы.

И Герберт с достоинством сказал, что обмен принцессы на Золотую звезду должен происходить так: на него, Герберта, цепляют эту брошь, и везут в лагерь Кия. Там брошку проверят на вшивость, и тогда только принцессу Кристи отпустят. Сейчас её искать бесполезно, она спрятана очень надёжно, а где - ему не сказали, так что нечего торговаться - брошка вперёд принцессы.

Магистр, чем больше слушал, тем больше мрачнел. Он просто не мог нацепить брошку на Герберта, даже если б согласился - принцесса Кристи, сорока такая, уже нацепила её на себя. Когда четверо эльфов с этой Звездой влетели ночью в окно его покоев, принцесса как раз торчала у него, чего-то разговаривая, отвлекая от дел, короче - охмуря магистра и себя. Чтобы отвязаться, магистр разрешил покрасоваться ей в этой брошке - ладно, раз так понравилось, такая вся из золота, и алмаз ничего, крупный, и блестит, и похож на глаз кошки, только больше. Магистр сам был виноват, что Кристи к брошке прицепилась, таскала целые сутки, и отдавать не хотела.

Когда эльфы втащили брошку в окно, ругаясь, как визгливые сапожники, магистр засиял, как алмаз на брошке. Вцепился в неё, и глаз не спускал, всё вертел в руках и разглядывал, не обращая внимания на ругань эльфов - что тяжёлая, собака, все ручонки оттянула, пока тащили, и сова напала по дороге, да и вообще мёд кончился, где мёд?

Вредная девчонка, на которую магистр старался не глядеть, мигом сообразила, как поправить дело, и не ошиблась.

Весь день, что принцесса таскала брошку, магистр только и смотрел на неё, принцессу, и даже больше, на её грудки, чуть повыше которых и сияла брошка. Принцесса Кристи шутить не умела, но очень охотно в этот день выслушивала шутки старого короля за трапезой, который всё подкалывал магистра - куда это он кидает свои развратные взгляды? Конечно, жених, и не терпит - всё это понятно, однако это неприлично, в конце концов - так смотреть, и куда. Король Алан тоже смеялся. Принцесса сияла, а магистр, хотя и старался изо всех сил не смотреть, но развратные мысли то и дело одолевали.

На рассвете Герберт показал ту самую бойницу, возле которой похитили принцессу Кристи. В

высоченной стене, отделяющей дорогу от замкового сада. Стена была продолжением одного из двух горных отрогов, между которыми и буйствовала зелень замкового сада. Сложенная из крупных отёсанных камней, высотой в три человеческих роста, она казалась непреодолимой, но магистр пообещал десять золотых тому, кто сможет её перелезть, и солдаты так и шмякались со стены в кусты. Иные даже взбирались до половины, отчаянно цепляясь ногтями за выступы, но выше половины не вскарабкался ни один. Магистр не мог понять, как этот самый Пу-И, пусть и восточный маг - по словам Герберта - мог перетащить через стену принцессу Кристи. В саду её точно не было - там даже деревья обыскали, где крона чуть гуще обычного. Магистр стоял, тупо смотрел в стену, и вполголоса ругал сволочами эльфов, которые улетели из сада в Моховую гору, оставив сад и стену без пригляда. И ругал, как и подобает подонку, несправедливо, потому что эльфам, воспитавшим вредную девчонку, не было никакой надобности обнаруживать засаду, ибо принцесса не хуже эльфов её обнаружила, издали. Видела в темноте она, может, и хуже эльфов, но не только увидела. Ещё раньше услышала, и ещё раньше - унюхала храброго Пу-И, который сидел в засаде возле бойницы. Шли уже вторые сутки ожидания, любой другой на его месте уже дрыхнул бы, измученный такой тягомотиной. Однако Пу-И был свеж, силён и чуток, словно рысь, потому что умел спать, как она - в пол уха, и расслабляться, как мокрая тряпка. Немного холодного риса и ключевой воды избавили его от голода и жажды, но, видимо, немного притупили его чуткость, потому что принцесса обыскала бойницу, вежливо переступая через дремлющего Пу-И, чтобы не потревожить его. Письма в бойнице не оказалось, и принцесса хотела уйти, но тут скрюченный человек шевельнулся. Принцесса услышала, как сердце его застучало громче, рис в животе перестал урчать, а вонь усилилась. Принцесса решила, что человек проснулся, и вернулась, после чего вежливо спросила - не брал ли случайно симпатичный незнакомец письмо в бойнице? Спросила просто на всякий случай, потому что у незнакомца не шуршало ничего пергаментного, и не пахло ничем пергаментным, да и спросила тихонько, чтоб не напугать беднягу, но тот взвился, как от пинка. Мерзавке даже стыдно стало, её с детства всегда ругали, что к людям нехорошо подкрадываться, хотя она не подкрадывалась, а просто подходила - ведь к дерьму не подкрадываются. Однако она усвоила, что вопрос, заданный тихим голосом, человека не пугает. Но этот напугался так, что принялся молотить по воздуху руками и ногами с приглушённым криком: - Ки-я-я! -

Принцесса была душой, даже не подумала, что человек в засаде сидит, и нечего приставать к занятым людям. Кстати, и само понятие "засада" принцесса не могла понять, дура набитая. Как-то в детстве она спросила об этом, послушав рассказы взрослых, но так и не сообразила, как можно войти в тёмную комнату, и не увидеть там засады? Тем более не услышать, шагов за пятьдесят, грохот засадных сердец, а за двести шагов не учуять вонищу? Зачем устраивать засады? И зачем люди в них попадают? Дура так и не поняла этого.

Когда человек в чёрной темноте ночи замер перед ней в боевой стойке восточного мага, впитывая всеми чувствами окружающую тьму, принцесса Кристи решила, что он не расслышал, и повторила вопрос. И принялась уклоняться от ударов с удивлённой рожицей, от целого града ударов - рукой, ногой, другой рукой, другой ногой, опять рукой-ногой, и ещё, пока ей не надоело. Тогда она отошла от напуганного человека, и мигом взлетела по стене, как привыкла делать ещё с детства, дрянь такая. Ей пришло в голову, что этот напуганный бродяжка мог вытолкнуть письмо из бойницы на ту сторону стены. Но она влезла на стену так неумело, неловко и бездарно, дура и растяпа, что со стены упал камешек. Конечно, чуткий Пу-И услышал этот звук, поднял глаза вверх и чудом уловил мелькнувшую наверху тень - долгие, годами, обучения по видению в темноте не прошли даром. Пу-И тоже полез на стену. Ему, опытному восточному магу, пришлось всего раз пять сорваться - и только, но, разумеется, он влез на неприступную стену. И тут наверху ему почему-то пришло в голову, что и этот тихий голос

из тьмы, и эта неясная тень могли принадлежать ещё одному восточному магу. Конечно у каждого нормального человека крыша поедет от общения с такой дурой как принцесса Кристи, вот и Пу-И забрела в голову дикая мысль, что Сен послал ещё одного восточного мага, для верности, хотя Пу-И знал - нет таких больше в войске. Пу-И не понял - где мог взять такого мага Сен, но на всякий случай Пу-И вынул фальшивую брошь, и нацепил на грудь, как знак - что он свой.. После чего сверзился в кусты, сорвавшись с половины стены, да так ловко, что мог и принцессу придавить, если бы мерзавка не отскочила. Выбравшись из кустов на дорогу, он стал высматривать силуэт своего противника.

Принцесса письма так и не нашла, хотя, словно крыса, все кусты обшныряла и рассмотрела. Увернувшись от упавшего бродяжки, она хотела уже вскарабкаться обратно через стену и убежать в свои покои, играть с кошкой, однако брошка на груди бродяги её остановила. Точно, как у неё, на груди. Если бы удалось купить её у бродяги, магистр вообще глаза не оторвёт - так подумала глупая и развратная девчонка. И подойдя поближе, спросила - не продаст ли свою брошку молодой человек? Она сейчас же за деньгами сбегает, а? Молодой человек вздрогнул, и попал бы принцессе пальцем прямо в левый глаз, если бы она вовремя не отодвинула голову. Принцесса повторила вопрос, и ещё раз отодвинула голову от летящей ладони. Незнакомец хрипло ответил вопросом - кто ты такой?! Едва вредная девчонка назвала своё имя, как ей пришлось убирать от ударов то свой вредный живот, то глупую голову, то прочие части тела. Незнакомец пыхтел и размахивая руками-ногами, словно мельница. При этом он часто рычал своё "Ки-я!", и даже обещал принцессе убить её и изнасиловать. Первая часть обещания принцессу не заинтересовала, но вторая часть привлекла внимание развратницы, и она уточнила - наверное, сначала изнасилует, а потом - убьёт, да?

- Нет. - Обозлился честный Пу-И, в очередной раз промахивая могучий удар мимо виска, - Сначала убью. А потом изнасилую. -

Такой подход к делу озадачил Кристи, и она спросила - не дурак ли симпатичный незнакомец? Но ответа не получила - тот принялся гоняться за ней, кидаясь, как рысь, так что принцессе пришлось просто вензеля крутить на ночной дороге, уворачиваясь от цепких рук, и вспоминая постоянные опасения отца, который пугал её этим миром. И не зря, если первый же попавший ей бродяжка пытается убить её и изнасиловать. И насколько тут все не доверяют друг другу! Бедный бродяга даже изнасиловать живой боится. Для этого надо доверять человеку - но он не верит, боится, жизнь научила. Принцессе захотелось поболтать с бродяжкой на эту тему, но тот не отвечал на все её вопросы - только кидался и попусту молотил воздух, так что она решила охладить пыл короткой пробежкой. Авось успокоится и согласится продать брошку.

Принцесса неспешно побежала по дороге в сторону горной деревни, то и дело задавая через плечо глупые вопросы своему преследователю - но тот не отвечал, просто гнался изо всех сил. Ночная сова, что сидела на камне у дороги, даже взлететь не успела - только клюв открыла от удивления, когда мимо неё с невероятной быстротой промчался Пу-И - топ! топ! топ! Сова решила, что он гонится за мышонком - тот прошуршал за миг до этого, настолько лёгкий, что сова и глаз на него не соизволила открыть. У совы перья вздыбило ветром - так быстро бежал Пу-И. Даже тот древнегреческий герой, про которого рассказывал Вейн, вряд ли превзошёл бы Пу-И в выносливости. Тот самый, что после целого дня битвы в тяжёлых доспехах у деревни Марафон, побежал гонцом, и довольно далеко, чтобы крикнуть о победе и помереть от ран и усталости - он Пу-И и в подмётки не годился, такой это был великий восточный маг и герой. Но вредная девчонка не знала об этом, и только поддавала на подъёмах, совершенно не уважая человека - Пу-И только хватал ртом воздух, и даже ответить не мог, за мешок золота он продаст брошку, или за два. Только на крутых спусках он немного отдыхал - тогда ноги сами собой несли, но он всё равно не слушал принцессу. Кристи объяснила, что ей и три мешка

не жалко, но через стенку неудобно будет с ними лезть. Когда его совсем доставала болтовня глупой девчонки, он хрипел только одно - "Убью и изнасилую". Но когда они с дикой скоростью пронесли большую половину дороги до горной деревни - уже и светать начало - его пересохшие геройские губы шептали только одно "Убью". И всё? Развратная принцесса даже забеспокоилась - почему это он насиловать расхотел? Но все её мечтания развеялись окончательно, когда они подбежали к последнему повороту возле пропасти, где до деревни оставалось всего ничего. Пу-И бежал уже медленно, и зигзагами, убить уже не обещал, а уж изнасиловать неспособен был даже принцессову кошку. Пу-И хрипел и качался, ничего не соображал, но настолько могуч был его восточный магический дух, настолько сильна воля к победе, что он падал всего через каждые пять шагов. Подлой принцессе пришлось поднимать его на ноги всего-то раз десять, а обычно он и сам вставал, чтобы продолжить погоню. Когда же этого негибавшего парня пришлось заворачивать от пропасти, даже тупая принцесса поняла, что человек немного устал, если не видит - куда бежит. А зачем бежит - он бы и вопроса такого не понял.

Лишь на самом обрыве тупая дура сообразила поставить подножку герою, и тот упал в двух шагах от пропасти. Но так рвался исполнить свой долг, что сучил ногами в воздухе, весь тряся, хрипел и всхлипывал почерневшими губами. Злодейке пришлось удерживать его прижатым к земле и успокаивать, что ладно, в другой раз убьёт и изнасилует. А пока отдохни, хотя насиловать надо раньше убийства, ей вояки рассказывали, тут бродяжка не прав, но это его личное дело, ей-то плевать. Раз свою брошку продать не хочет, может, тогда хоть обменяет её, а?

Принцесса предложила обмен брошками из-за царапины, что имелась на броши бродяжки. Глубокая, она делала алмаз похожим на кошкин глаз, только крупнее, и выглядела гораздо красивее. Остатки воли и разума Пу-И послали его железную ладонь исполнить задание - перебить гортань принцессы, но это было уже печальное зрелище - рука героя, побродив в воздухе, ухватилась за грудь негодяйки. Конечно, развратная девчонка на это ничуть не возразила, но её ожидания были обмануты - рука ухватилась за брошку, и сжавшись в судороге, сорвала её. Тогда принцесса с чистой совестью сняла с Пу-И его фальшивую звезду, посчитав, что обмен состоялся. Довольная дурочка нацепила её на себя, и сказала, что ей надо назад, кошка забеспокоится, счастливо оставаться, я побежала. И она тут же припустилась во всю прыть - только пыль взметнулась от негодяйки. Однако, добежав до пещеры, где был пойман дракон, неженка увидела внизу ручей, и решила попить - горлышко у неженки пересохло - эльфы бы упали от хохота, если б смеяться умели.

Конечно, когда эта жалкая дохлячка попила водички из ручья, то разленилась, и решила полежать под ласковым утренним солнышком, нисколько не заботясь о том, что её люди ждут. А потом и вовсе решила минут пять подремать, наплевав на всех, как ей всегда и советовали подлые воспитатели эльфы. А подремав вдвое больше, изнеженная девчонка разленилась до того, что и бежать вприпрыжку не захотела, а пошла по дороге шагом, считая по привычке ворон - тридцать две - и вдыхая хрустальный горный воздух. Вскоре её начали обгонять купцы на лошадях, и многие, разглядев симпатичную мордашку, предлагали ей работу в постели, и деньги ещё мерзавке неплохие сулили, а один даже бесплатно платье хотел подарить, при условии, что переоденет в него сам. Но неблагодарная дрянь в ответ только отвечала, что работа у неё есть, и советовала ехать по своим делам, не тратя времени. И умолкала, ничего больше не слыша, как её и научили подлые эльфы, принимаясь снова за пересчёт ворон - тридцать семь - не обращая внимания на всё более щедрые предложения от купца к такой жалкой дряни. И только один молодой, пьяненький купчина без всякой торговли предложил её подвести до города, и не услышав отказа, вздёрнул её с пыльной дороги на своего коня, посадив спереди себя. Их была целая компания, молодых купцов, все с похмелья, все весёлые, и все подшучивали, смеялись и ехидничали, что купчина ослабел после вчерашней гулянки,

ишь, как за девицу уцепился, а её заставил конём управлять, да не за это на девице держится, дурень, надо вот за что держаться! И все хохотали, перебивая друг дружку шуточками, и солнышко светило всё ярче, и принцесса Кристи прямо вся зацвела-зарделась, хотя от рук гостеприимного купца и было немножко щекотно. Купчина даже закутал её в свой халат, а на голову нахлобучил чалму, что вёз для продажи желтякам, называл её персиком, и очень жалел её, что такая тощая - и ухватить не за что. Но щедро обещал раскормить её до невероятных размеров, если с ним останется, чмокнул её в щёчку, в ухо и в висок, и удивлялся простодушно, что есть же такие мерзавцы, которые прогоняют таких хорошеньких девиц и заставляют их идти пешком. Его друзья советовали со смехом и с завистью содрать с этой симпатичной бродяжки за проезд столько, чтобы и им, друзьям, хватило, нельзя же друзей обделять, но купчина, смеясь, жадничал отчаянно, отвечая, что моя девка, и валите, и всё.. Ехать было весело, принцессе очень понравилось. Ни о чём её не спрашивали, приняв за одну из многих девиц, что всегда вертятся возле купцов и воинов, переходя из рук в руки, потому что одета была в штаны из простой ткани, и грязную рубашку. Руки тоже грязные и неухоженные, и рожица запачканная, и такую дрянь вообще подобрали из-за румянца во всю щёку, потому что мерзавка была здоровенькой, как кирпич, дрянь такая, и румянец имела такой же кирпичный, конечно. Словом, бесплатно ехать у тёплого купчины в объятиях этой развратной девчонке понравилось, и она даже улыбнулась несколько раз за всю дорогу, хотя и плохо понимала шутки. Она даже ворон считать перестала, пока с купцами ехала до городской заставы, а, поскольку закутана была плащом и чалмой, то ни один встречный солдат так и не узнал её по дороге, хотя их сотня навстречу, наверное, попалась - и все злые, спешили и чего-то искали. А уж на заставе при въезде в город солдаты и вовсе смотрели волками, а уж рявкали просто медведями. Подошедший солдат грубо велел купцу скинуть с лошади свою занюханную шлюху, и быстрее выворачивать свои тюки с товаром - ну!

Принцесса сняла чалму, спрыгнула с лошади, и отошла в сторону, глядя сразу на всех пустыми гляделками - в мёртвой тишине, что вдруг упала на заставу, в которой купцы торопливо разгружали лошадей. Весь десяток караульных, узнав принцессу Кристи, заледенел, ну, а тот, что назвал её шлюхой, позеленел сразу - чуть листья не выросли, а сам вообще в бревно превратился. Мысленно бедный солдатик видел себя, если не деревом, то висящим на дереве. А его сослуживцы только знака ждали от принцессы, чтобы мигом повесить негодяя за столь немислимое оскорбительное слово, но дурочка только глазами хлопала. Эльфы вдолбили ей убеждение, что все женщины шлюхи, есть дешёвые, за деньги, есть дорогие, за большие деньги, а есть и вовсе наглые, что требуют отдать всю жизнь - те, на которых женятся. Потому принцесса не заметила, как её оскорбили - что с дуры взять? - и велела пропустить купцов командиру заставы, что подскочил с каким-то бормотанием. Правда, мерзавка посмотрела по сторонам - нет ли эльфов? - потому что её вовсе не касалось, кого там пропускать - но эльфов, конечно, не было, и она, дрянь, поторопила - быстрее, понятно?

Спустя минуту половина караула, ощерясь зубами и мечами, повела этот небольшой купеческий караван сквозь город, хотя во втором тюке был нащупан меч, в пятом - связка стрел, и в седьмом - что поделать, торговля, и что поделать - стихийное бедствие, принцесса Кристи. Командир даже лошадей в задницы подталкивал, а купец ничего не понял. Вернее, понял, что командир заставы взял девчонку себе, сговорясь обслужить его, а может, и весь караул - ишь, как стараются! И подумал, что девица - дура, потому что все солдаты - нищие, платят чаще всего оплеухой, - как же променять на них купца?

Всё же купец помахал рукой на прощанье, надеясь, что она дождётся его на обратном пути из стана желтяков. Во время езды в город в обнимочку купец успел услышать одно единственное "да", когда, устав от её "нет" и "не знаю", предложил встретиться хоть на обратном пути, когда он будет возвращаться, у заставы при въезде в город, примерно через месяц.

Когда принцесса предстала перед магистром, тот вначале и не заметил, что брошка на этой дуре уже фальшивая. Он схватил её за руку, и таскал за собой по всей Дубовой зале, дёргая и не замечая, какими квадратными глазами смотрят на его манёвры старый король и король Алан.

Магистр ещё и рычал, что это бред какой-то, когда принцесса пропадает, и все на ушах стоят, не спят, время опасное, военное, а она таскается тут невесть где. Поскольку принцесса таскалась за магистром, и дёргалась, когда дёргали за руку, потому что не знала - может быть, жениху всё это можно - то старый король с надеждой посоветовал магистру выпороть вредную сквернавку, розгой, а? Король Алан тоже процедил что-то согласное, но до розг дело не дошло, потому что магистр разглядел, наконец, что брошь фальшивая. Он даже схватил её за грудь - как радостно решила было развратница - но оказалось, всего лишь за брошку, и в ответ на его сиплые вопросы - Что? Как? Почему? - девчонка с гордостью сообщила про свой ловкий обмен с бродяжкой. Хотя тот никак не хотел меняться, но всё же - она уговорила его, ловко, да? Ведь эта брошка лучше блестит, и алмазик с царапиной похож на кошкин глаз.

Магистр, поражённый столь удачным обменом, так и сел на пол, тупо глядя на фальшивую Золотую звезду. Снова Господь вмешался в его подлые планы, и послал мерзавца на пол могучим ударом. Может, этот удар был и покрепче, чем тот, от которого магистр в беспамятстве две недели валялся, но и магистр покрепчал с тех пор, и потому магистр даже не упал, а только присел ненадолго. И тут же поднялся на ноги, полный своего упрямства на Господа, и даже пробормотал: - Ах, так? Ну - посмотрим ещё, кто кого... -

Если раньше в его душе были всё же сомнения в том, что Господь болеет за желтяков - как утверждал мерзавец Вейн, то теперь их не осталось. Утешало магистра, как всегда, убеждение, что Господь по-прежнему его любит, даже за упрямство.

Долго потом выясняли - кто виноват да что делать. Особенно обидно было королю Алану, который уже три дня зубрил текст мирного договора с Большим Желтяком, составленный магистром для предъявления в лагере желтяков, и приказы на желтяковском языке, что должен был отдать командирам легионов Кия.

После споров магистр сделал вывод, что виноват Господь, Он ошибается, но мы его поправим. Король Алан покачал головой, но ничего не сказал, только хмыкнул и попытался щёлкнуть сестрёнку по носу. И как всегда, промахнулся. Он один понял, что произошло, и потому промолчал. Как ни странно, магистр поверил принцессе, что ей противостоял какой-то бродяжка, а не тот грозный восточный маг, что вырвался из деревенской тюрьмы, оставив кучу трупов. Поверил потому, что в шпионских делах такие накладки и путаница весьма привычна. Но король Алан подумал, как и раньше бывало - если этот великий маг в глазах принцессы жалкий бродяжка - кто тогда принцесса Кристи? Но промолчал, в отличие от старого короля, потому что знал больше. А старый король целой речью разразился, что ловкость дуре не поможет, и пусть она быстрая и шустрая, и сейчас ей повезло, но всё равно дура своенравная. А в жизни ловкость порой только мешает, как помешала дурочке выскочить замуж за того беднягу, которого развалила надвое своим дурацким мечом.

Король Алан помнил отлично, когда впервые подумал о нечистой силе. Король Алан помнил то бессильное бешенство, что напало на него в учебном зале. Истыканный деревянной шпагой принцессы Кристи, он схватил боевой меч и вне себя от злости принялся рубить её и протыкать вполне на полном серьёзе. Какая там учёба! Он жаждал убить Кристи. Когда очнулся в стыде и ужасе от своего стремления, увёртливая сестрёнка, без единой царапинки, похвалила его, что сегодня, когда с боевым мечом, он гораздо быстрее двигался. Так и делай всегда. То, что она ничего не

поняла, совсем достало короля Алана, и он прикусил язык, чтобы не назвать её ведьмой. Он и позже язык прикусывал, услышав досаду в голосе магистра, что опять шпионы докладывают про Белую колдунью - уж очень желтяки её боятся, ищут и вообще чокнутый на этой ерунде народ. Не подставить ли им кого-нибудь, вроде Элианы - есть у него такая шпионка, тоже чокнутая на колдовстве - да и похватать всех, чтоб время не отнимали.

Троль совсем рехнулся - уверяет, что это принцесса Кристи, придурок. Конечно, магистр мог бы разобраться в принцессовых странностях, ему дело привычное на шпионить что угодно у кого угодно, однако магистру мешала вера в Господа. Веря в Него, он напрочь не верил в колдовство и, конечно, в колдунов. Магистр считал принцессу дурочкой и бедняжкой, а короля Алана - если бы вовремя не прикусывал язык - так и тянуло спросить в лоб этого тупицу : - Это какой здоровущей надо быть, чтобы...-

Много чего умела принцесса, многому эльфы научили - но король Алан молчал. Ещё не хватало последнего жениха спугнуть. Король Алан раньше в колдовство не верил, но поневоле пришлось поверить, когда Розовый меч - чёрт бы его побрал! - так издырявил, что свет белый не мил, не говоря о бабах. Потому трижды прав магистр в своём желании всю эту колдовскую сволочь сжечь или повесить, чтобы землю не марала, и прав, когда даже связываться с ней не хочет - кол осиновый, да петля - вот и весь разговор с этими колдунами.

Спустя короткое время магистр вернулся к работе, и вскоре наглый Герберт стоял перед кроткими глазами магистра в полутёмном каземате подвала, и требовал выполнения ультиматума. Герберт расхрабрился до того, что ножкой топнул на самого магистра, убедившись, насколько прав был мудрый Сен - и впрямь его шкуре ничего не грозит.

- Если к вечеру я не появлюсь в лагере желтяков с Золотой брошкой, берегитесь - вашу принцессу точно прикончат, понятно? - Герберт, разгорячась, и пальчиком погрозил, но тут в каземат вприпрыжку влетела принцесса Кристи, с Золотой брошкой, и Герберт увял, как розочка в заморозок, обвиснув между двух послушников.

- Что ж замолчал? - с удовольствием спросил магистр, вытягивая из кармана верёвку - Герберт уставился, словно кролик на змею. Тут бы и кончились его мучения на этой благословенной земле, но злая девчонка и тут нагадила, спасая Герберта для новых мучений. Конечно, она прибежала не для этого. После болезни магистр покашливал, и принцесса долечивала хворь - один раз в день прогревала его грудь горячими ладошками, а на ночь отдавала тёплую кошку, которой наверняка завидовала. Магистр привык к этому лечению - дышалось после гораздо легче - и потому относился спокойно. Обычно принцесса прикладывала свои ладошки к спине, но сегодня, затисканная купцом, скверная девица расхрабрилась. Поскольку магистр сидел за столом, она так его и облапила сзади, прижимаясь к спине брошкой и всем прочим. Поскольку такой способ лечения оказался неожиданным, да к тому же магистр боялся щекотки, он невольно заёрзал. Табурет и так шатался, и одна его ножка подломилась, так что магистр исчез из-за стола вместе с принцессой, брякнувшись вместе с табуреткой. Помутненному разуму Герберта вся сцена представилась развратной, тем более, что принцесса вроде что-то мурлыкала магистру на ухо перед самым падением, на глазах у всех тиская женишка за грудную клетку. Хотя и верёвка исчезла с глаз вместе со злодеями, несчастный Герберт едва не лишился сознания от нежданного облома судьбы. Один из послушников, стараясь не ухмыляться, принёс более крепкий табурет, на который и взгромоздился магистр, отпихиваясь всеми локтями от лечения, но это ему не удалось. Он забурчал, что занят же, Кристи, вот этим супостатом, и верёвка запропастилась, и вообще - щекотно же!

Принцесса удивилась, что трактирщик Герберт - супостат. Ведь всегда был своим. И как это магистр супостата разглядел? Она видит обычного человека.

Магистру эти слова показались знакомыми, и он вспомнил Вейна - у него тоже со зрением было плохо, точнее - с головой, потому что не мог отличить своих и чужих. И это спасло Герберта.

Когда магистр нашёл свою верёвку, она показалась слишком хорошей для Герберта.

- Может, ты и впрямь свой, а? - спросил он у Герберта. - Я ведь поверю, ты знаешь. -

- Я свой. - Тупо ответил тот с безнадёжностью во взоре.

- Так я и знал! - зло обрадовался магистр, - Чуть не ошибся, спасибо Кристи, что раскрыла глаза. Ведь каким вражиной прикинулся, а? Ну, раз свой, то получай положенную плату. -

И магистр действительно достал из ларца несколько золотых.

- И новое задание получай. Передашь там, в лагере желтяков, этому Вейну, такому же в доску своему, привет и задержанное жалование - сорок золотых. Скажи, что магистр ждёт его с докладом - что он на шпионил у желтяков, все ли пакости устроил, что хотел, и всему ли вранью поверили? -

- Нет! - от души завизжал Герберт, дёргаясь в крепких руках послушников.

- И ещё, - добавил магистр, - скажи Сену, что я ему набыю всю его восточную рожу. Глаза вообще закроются, только попадётся. -

И несчастного Герберта к вечеру доставили в лагерь желтяков, связанного, как шпильку ниток.

Герберта привёз толстый послушник Клей, снова увешанный серебряными брошками, половину которых он успел продать всем желающим, пока ожидал Сена возле шатра. И потребовал в награду за доставку роскошную кормёжку и свидание с Вейном. Скрипя зубами, Сен обкормил таки послушника, но и только.

- Ты дурак. - Убеждал послушник Клей, когда его на лошади выводили за ворота. - Сам ещё просить будешь, чтобы я с Вейном поговорил, а пока ведь бесплатно! Ты ещё плохо знаешь этого мерзавца, а уж я - то его изучил. Ты думаешь, он ваш? Да он вообще ничей, он опасней магистра. Тот тоже сволочь - между нами - но понятная и родная. А этот Вейн... -

Но договорить ему не дали, захлопнув ворота и хлестнув лошадь, так что послушник Клей чуть не свалился от её скачка.

Конечно, за Герберта Сен мог бы сказать спасибо, но не стал этого делать, подозревая подвох. Вначале с Гербертом разговаривали за столом, и тот огорчил. Принцесса Кристи жива, и с брошкой, и настолько здорова, что лапает своего женишка магистра, и не стесняясь посторонних, валит его под стол для разврата,. Что-то у Пу-И не сработало, а почему Герберта отпустили, самому непонятно. Но он счастлив попасть к своим, и хоть покушать, а то магистр кормил только иголками. Сен глядел в пугливые глазёнки Герберта, но пока молчал и только потчевал жареной бараниной. Он тоже не мог понять, почему магистр отпустил Герберта, если все планы сорвались.

Однако через два дня вернулся Пу-И, злобный и захудавший, с безумным блеском в глазах. Магистр не поспешил на засады - и в городе, и в поле - только многолетняя жестокая выучка восточного мага, а вовсе не чудо, помогала Пу-И в последний миг уловить то слабый звук в темноте, то не ясное

движение воздуха, то шёпот, или даже запах вина или пота - но он попал в засаду всего три раза. Только его невероятная ловкость помогла избежать смерти. Всего и получил, что глубокую царапину на груди от удара мечом, и вырванный клочок кожи на плече, от удара стрелы. Он молча сунул Сену Золотую брошь, и прорычал: - Отойди от меня, гад. Убью, сволочь шпионская! -

Сен поглубже засунул брошь в карман халата и быстренько отскочил - не в себе человек, устал, и впрямь может погорячиться. При беглом же первом взгляде Сен понял, что брошь и впрямь настоящая - скромный этот блеск, мягкий и властный, от прикосновений тысяч людей, и главное - алмаз без царапины.

Сен предложил издали и конопли покурить лучшей, отборной, и вина заморского, и даже женщину, не жалко, но Пу-И взял только бурдюк с дорогим заморским вином. И ушёл в шатёр к Вейну, где они принялись пьянствовать и болтать, а вот о чём - Сен узнать не мог, как ни старался. Вейнова охрана к шатру и близко никого не подпускала, а тролль, собака такая, даже за три! золотых отказался подслушивать, посоветовав Сену поискать дураков в другом месте. Он к Вейну в пасть добровольно ни за какие деньги не полезет.

Делать нечего, и Сен принялся за Герберта всерьёз, чтобы выяснить - что произошло. В дело пошли раскалённые головни, которыми Сен нежно поджаривал спину Герберта, изредка охлаждая её ударами плети. Герберт продал всё - и слова магистра Сену, про набитие рожи, и слова Вейну, что он шпион магистров, но ничего нового не сказал - Сен и так считал Вейна шпионом.

Герберт уже и в сознание приходил редко, и так бы и замучился, не надумай Сен обрадовать Повелителя.

Кий взял Золотую звезду в руки, переменявшись в лице. На столе стоял большой хрустальный кувшин - дорогая вещь, и Кий чиркнул по его поверхности алмазом - кувшин захрустел и его гранёный бок обезобразила рваная царапина.

- Настоящий. - Усмехнулся Сен. - Я тоже свой кувшин испортил. -

Кий задрожавшей рукой запихивал в карман поглубже эту ценность. Настоящий Тигровый Глаз - единственный алмаз в мире.

Черты лица повелителя окаменели, он прохрипел, чтобы все вышли вон, и охрана, все, кроме Сена! Шатёр мигом опустел. Кий горько сказал, что в глубине души не верил в такое вероломство Большого Желтяка - надо же, послал Золотую звезду.

Потом сказал, что не знает, как и наградить Сена. Тот вздохнул тяжело, и сказал что рано ещё наградами кидаться. Ведь Большой Желтяк не оставит попыток поставить над войском своего человека. Надо как можно быстрее брать город и контроль над торговым путём. А награду Сен получил от магистра - за успешную работу на благо Кия магистр, по словам пойманного шпиона, обещал лично лицо Сена набить, если попадётся в руки, да так, что глаза совсем закроются.

Сен не скрывал гордости, говоря об этом. Лучшая награда - проклятие врага.

Беседа продолжалась долго. Обсудили всё, что можно, кроме одного, что было и так ясно обоим - они бунтовали против власти империи, и оба это знали.

Кий велел Сену усилить шпионство в ту сторону, и сказал, что там теперь находятся не друзья. Сен ничего не ответил, но подумал, что и раньше там друзей не было. Друзей не существует, одно

название - чтобы подкрасться поближе и ударить покрепче. Все тащат в свою сторону, при этом болтая о дружбе и верности, а также чести и прочем тумане, чтобы в нём утащить побольше. А если дарят - то чужое, как вот Большой Желтяк отдал Кию эти земли.

Вернувшись к себе и убедясь окончательно, что Герберт ничего не знает, Сен лично отвёл его на "бойню", как называли в лагере место, где резвились восточные маги во главе с Пу-И.

И послал гонца для Пу-И, что его ждёт приговорённый, из которого можно выбить всё, что можно - кишки и жизнь. Сен надеялся при таком подарке смягчить странную к нему ненависть к Пу-И, и не ошибся - тот вскоре пришёл, немножко пьяный, хмурый и молчаливый. Сен, чтобы не сказать чего-то не так, показал на привязанного к столбу Герберта, и ушёл. Но Пу-И проводил его взглядом и тут же отвязал Герберта, дыша вином в нос полуживого смертника. Он рычал, что Сен сволочь шпионская, а ты, Герберт, беги на все четыре стороны, не видать мне царствия небесного, если я хоть плюну в тебя. Эта сволочь Сен меня, как курёнка, подставил под Белую Ведьму. И не предупредил, я чудом уцелел. Ты меня не выдал, пока я в засаде дурака изображал, все пытки стерпел. Сволочь Сен за волчару глупого меня держит, за животное, а я вообще почти христианин.-

Однако отвязанный Герберт не побежал сразу на все четыре стороны, а потащился за Пу-И, как законное наказание за доброе дело. Пу-И пошёл к Вейну, как и вчера, пьянствовать и болтать, а Герберт притащился за ним. И правильно сделал, потому что во всём лагере это было единственное место, где руки Сена, чёрные и шпионские, мигом обрубали бы, если бы у Сена хватило а безумия сунуть их внутрь "острова свободы", как называли в лагере шатёр Вейна. Там скрывались все, кто хоть чем-то преступил законы желтяков, воинские и прочие. Вейн и охрана на пинках выносила всех, кто приходил требовать беглеца. На все жалобы Кий отвечал одно - шатёр Вейна - это его шатёр, что ещё?

-

У Вейна вина и болтовни хватало на всех, а все преступники зачислялись в охрану, так что вокруг шатра на земле всегда сидело кольцо вооружённых и злобных бродяг и отщепенцев, сквозь которое и прошли Пу-И и Герберт.

.....